This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P 5/aU 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIV. МАРТЪ. 1895 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
	Распоряженіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.	
I.	Изъ разсказовъ: «Концы и начала» (Тяжелая встрѣча). **А. Михайлова** (*А. К. Шеллера*)	11
II.	Два стихотворенія. **А. К. Круглова**	22
III.	Православная колонія въ Новомъ свѣтѣ. (По поводу столѣтія нашей американской миссіи). **А. П. Липранди**	23
IV.	Недостатки нашего исполнительнаго процесса. **В. В. Птицына.**	37
V.	Озаренное окно. Стихотвореніе **К. М. Фофанова**	48
VI.	Въ паутинѣ. Землевладѣльческая эпопея. **В. А. Рышкова**	49
VII.	А. Г. Рубинштейнъ (1829—1894). **В. С. Баскина**	96
VIII.	«Не буди воспоминаній»... Стихотвореніе **К. Бальмонта**	123
IX.	Птенцы «дворянскихъ гнѣздъ». **К. П. Медвѣдскаго**	124
X.	Венеціанки. Романъ **миссъ Брэддонъ**	146
XI.	Свѣту больше! Историческій романъ **Д. Л. Мордовцева**	182
XII.	Два сонета. Изъ Петрарки. Стихотворенія **М. М. Гербановскаго**	216
XIII.	Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи. **А. Н. Котельникова.**	218
XIV.	Расплата. Романъ **В. Свѣтлова**	235
XV.	Амурскіе лихачи. (Изъ воспоминаній туриста). **С. Ф. Годлевскаго.**	271
XVI.	Раздумье. Стихотвореніе **П. Тулуба**	285
XVII.	Эпоха увлеченій. (Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца). **Н. А. Попова**	286
XVIII.	Наша журналистика. **К—скаго**	302
XIX.	Въ желѣзнодорожномъ мірѣ. (Очерки и картинки). **С. Васюкова.**	309
XX.	Отчаяніе. (Изъ Р. Пруца). Стихотвореніе **С. Б.**	320
XXI.	Господинъ министръ. Романъ **Кларети**	321

(См. на оборотѣ).

№ 3 «Наблюдателя» вышелъ 1-го марта 1895 года.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XXII. **Политическая хроника.** 1
Шаткое положеніе французскаго правительства.—Властолюбіе и непогрѣшимость министровъ.—Что сдѣлали они для народа въ четверть вѣка республики?—Побоища въ парламентѣ.—Возвращеніе Рошфора.—Плутни евреевъ.—Дѣло Левальяна.—Статистика браковъ и иностранцевъ во Франціи.—Процессъ газетныхъ шантажистовъ.—Германскій рейхстагъ и соціалисты.—Союзъ аграріевъ.—Мнѣнія нѣмцевъ о русскомъ хлѣбѣ.—Норвежско-шведская распря.—Кабинетъ Розбери.—Побѣды японцевъ и богдыханъ.

XXIII. Новыя книги. 1) **Сборникъ русскаго историческаго общества.** Томы: 88, 89, 90, 91, 92, 93.—1894 г.; 2) **Спорные вопросы западно-европейской исторической науки,** *Михаила Юрьева.* Москва 1894 г.; 3) **Стихотворенія** *А. М. Ѳедорова.* Москва. 1894 г.; 4) **Волны жизни** (очерки и разсказы) *А. А. Навроцкаго* (Н. А. Вроцкаго). С.-Пб. 1894 г.; 5) **Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе.** Сост. *Э. Э. Кернъ*, управляющій государственными имуществами тульской и калужской губерній, съ 35 рисунками въ текстѣ и двумя планами. Изданіе 2-ое, вновь обработанное и дополненное 12

XXIV. Наши внутреннія дѣла 21
Указъ 13-го января о выдачѣ пенсій изъ государственнаго казначейства ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.—Высокое значеніе этого указа.—Права и обязанности *русской* прессы.—Обращеніе министерства земледѣлія къ губернскимъ земствамъ по вопросамъ, касающимся назрѣвшихъ нуждъ отдѣльныхъ мѣстностей.—Открытіе первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта.—Рѣчь А. С. Ермолова въ совѣтѣ.—Недовольство нѣкоторыхъ лицъ рѣчью г. министра.—Докладъ департамента земледѣлія о сельско-хозяйственномъ образованіи.—Что нужнѣе въ Россіи: простая ли грамотность, или сельско-хозяйственное образованіе?—Прѣнія въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ по вопросамъ: о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній.—Реформа земскихъ учрежденій въ прибалтійскомъ краѣ. — Работа М. А. Зиновьева, заключающая въ себѣ проэктъ земскаго устройства лифляндской губерніи. — Достоинства этого проэкта.—Замѣтка г. Витвицкаго на книгу М. А. Зиновьева.—Всероссійскій съѣздъ мукомоловъ.

XXV. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) **«И смѣхъ, и горе».** (Литературныя и общественныя замѣтки). Шумный процессъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Палемъ и Довнаръ, какъ характеристическія особи конца вѣка.—Требованіе законнаго брака съ револьверомъ въ рукѣ.—Интимная жизнь современной любовной четы.—«Затравленный человѣкъ» на угонкахъ.—Милосердіе присяжныхъ.—Ликованіе еврейской прессы.—Кассаціонный протестъ прокурора.—Новая книга г. Ціона. **Ефима Простосердова** 38

2) Стихотворенія: **Хмураго Барда, Фланера и Графа Лимбургскаго.** 50

XXVI. Объявленія 1

Digitized by Google

Копія.

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

15 февраля 1895 г.

Принимая въ соображеніе, что журналъ «Наблюдатель» продолжаетъ упорствовать въ своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чего служитъ, напечатанная въ февральской книжкѣ этого изданія, статья «Новыя умственныя движенія въ Германіи», явно проникнутая сочувствіемъ къ соціалистическимъ теоріямъ,—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., Св. Зак. Т. XIV, изд. 1890 года, и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Наблюдатель» *первое* предостереженіе, въ лицѣ издателя редактора Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Александра Пятковскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

14

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 3. МАРТЪ.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 15 1974
74*2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1895.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

P Slav 475.65 (14 / no. 3 / 1895)

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу изданія редакціи:

I.

Князь В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго.* Изданіе второе, съ приложеніемъ портрета кн. Одоевскаго и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской.*

Первое изданіе внесено въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія». (Спб. 1889 г., № 1374).

HARVARD UNIVERSITY
FEB 15 1974
74*2

II.

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.* (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

III.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

88487
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ... ЕСКАЯ
Кирг. ССР
Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1895 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XIV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступивъ **въ 14-й годъ** изданія нашего журнала, мы будемъ вести его въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**», прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили оди-

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 до 1894 года) приложенъ къ декабрьской книгѣ прошлаго года.

Digitized by Google

наково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма преклоннаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго — антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства,—а также и способовъ ихъ практическаго примѣненія, мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ 1894 г., въ журналѣ были напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 2) **Желѣзомъ и кровью**, историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Свѣтлова*; 7) **Жизнь съизнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 8) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой*; 9) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова;* 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Памиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный раввинатъ**, *Н. Тембе*; 18) **За-**

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1 и 2; 1895 г. № 1.

Digitized by Google

дачи женскаго образованія, *Н. Цакни*; 19) **Къ вопросу о народной переписи**, *Статистика;* 20) **Падшіе ангелы** (изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ») *С. Ф. Годлевскаго*; 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго*; 22) **Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г.**, *Н. Щирскаго;* 23) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова*; 25) **Чехи на Волыни**, *А. П. Липранди*; 26) **Работа, какъ наказаніе**, *А. О. Дукмасова*; 27) **Наша драматическая труппа**, *В. Свѣтлова*; 28) **На трехъ выставкахъ**, *И—а*; 29) **Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ**, *гр. П. А. Кутузова*; 30) **Наша журналистика**, *К—скаго*; 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова*; 32) **Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе**, *Его же;* 33) **Двѣ системы средняго образованія**, *Одного изъ родителей*; 34) **Путь къ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.* 35) **Наша музыкальная жизнь**, *В. С. Баскина;* 36) **Юліанъ Отступникъ**, историч. романъ *Феликса Дана*; 37) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена*; 38) **Лурдъ**, романъ *Эмиля Золя*; 39) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Диминскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго*; 40) **И смѣхъ, и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Въ 1895 г., кромѣ вышепоименованныхъ беллетристовъ, въ журналѣ снова примутъ участіе: **А. К. Шеллеръ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. И. Стахѣевъ, В. Л. Марковъ, И. Д. Ахшарумовъ** и мн. др.

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** (**«Изъ моего прошлаго»**), обѣщанныя читателямъ въ прошломъ году, отложены, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Digitized by Google

Всѣ подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ (годовые, полугодовые и трехмѣсячные), желающіе получить ВТОРОЕ, дополненное, изданіе монографій А. П. Пятковскаго въ 2-хъ частяхъ: «ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Къ оставшимся, въ небольшомъ количествѣ, экземплярамъ приложенъ портретъ автора.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ,—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина;* 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова.* 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма,** *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальддса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII** в. (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-й части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе 3-е подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1** р. **25** к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя* и 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній—уже распроданы.

Digitized by Google

Изъ разсказовъ: „Концы и начала".

(ТЯЖЕЛАЯ ВСТРѢЧА).

I.

Правленіе «Золотоношенскаго поземельнаго банка» занимало огромное помѣщеніе—цѣлое министерство своего рода. Парадныя мраморныя лѣстницы съ легкими узорчатыми перилами и длинные широкіе коридоры съ бѣлыми лѣпными сводами составляли цѣлый лабиринтъ, гдѣ можно было легко заблудиться, не смотря на массу свѣта и на крупныя надписи золотыми буквами по черному фону: «Первое отдѣленіе», «Бухгалтерія», «Правленіе», «Отдѣлъ справокъ» и т. д. Еще труднѣе было, зная даже хорошо Золотоношенскій банкъ и служа въ немъ, сразу запомнить или узнать всѣ фамиліи, всѣ физіономіи служащихъ въ немъ Никитиныхъ, Ѳедоровыхъ, Ивановыхъ, уже просто потому, что однихъ Ивановыхъ было тутъ девять человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и унтеръ-офицеръ Иванъ Ѳедоровъ Ивановъ, швейцаръ Золотоношенскаго банка, и Тарасъ Петровичъ Ивановъ, одинъ изъ директоровъ этого учрежденія. Вслѣдствіе этого, нисколько не удивительно, что графъ Алексѣй Алексѣевичъ Мамоновъ, не особенно давно попавшій въ число директоровъ банка и никогда еще не поднимавшійся выше бельэтажа, гдѣ помѣщались правленіе и директорскій кабинетъ, зналъ далеко не всѣ лабиринты банка и встрѣчался далеко не со всѣми служащими въ этомъ обширномъ учрежденіи. Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе своей примѣрной благовоспитанности, а отчасти и вслѣдствіе незнакомства со всѣми служащими въ банкѣ, онъ крайне вѣжливо раскланивался рѣшительно со всѣми людьми, встрѣчавшимися ему и раскланивавшимся съ нимъ на пути отъ швейцарской и до его кабинета, хотя онъ и не зналъ точно, кто эти люди,—

Digitized by Google

какіе нибудь мелкіе банковскіе конторщики изъ мѣщанъ-недоучекъ, получающіе двадцатипятирублевые оклады, или закладчики имѣній въ сотни тысячъ, принадлежащіе къ числу проѣдающихся родовитыхъ дворянъ, или, наконецъ, владѣльцы десятковъ и сотенъ банковскихъ процентныхъ бумагъ, мечтающіе изъ биржевыхъ зайцевъ превратиться въ Ротшильдовъ и Вандербильтовъ.

Среди этихъ ежедневныхъ мимолетныхъ встрѣчъ графа Алексѣя Алексѣевича съ незнакомыми людьми, одна встрѣча произвела на него удручающее впечатлѣніе и навела на нѣкоторыя размышленія, которыя прежде никогда не приходили ему въ голову...

По обыкновенію, неспѣшно направляясь къ своему кабинету въ бельэтажѣ и вѣжливо отвѣчая легкимъ наклоненіемъ головы на болѣе или менѣе низкіе поклоны невѣдомыхъ ему встрѣчныхъ, графъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ пораженъ неожиданностью: въ широкомъ и свѣтломъ коридорѣ около дверей «Правленія» онъ услыхалъ громкій и звучный гортанный голосъ, сразу поразившій его слухъ какими-то особенными знакомыми ему нотами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ голосовъ, которые не легко забываются, особенно тѣми, кто когда-то слышалъ ихъ въ теченіе десятка лѣтъ. Графъ быстро обернулся и лицомъ къ лицу встрѣтился съ человѣкомъ, при видѣ котораго на него разомъ словно пахнуло свѣтлою весною жизни, далекою юностью, и изъ его груди невольно вырвалось радостное восклицаніе:

— Волковъ!.. Ты?

Онъ уже невольнымъ движеніемъ протянулъ обѣ руки, когда въ отвѣтъ ему послышалось тихо и сдержанно, но твердо произнесенная фраза:

— Я, ваше сіятельство!

Графъ Алексѣй Алексѣевичъ совсѣмъ растерялся и, не глядя на этого поблѣднѣвшаго, какъ полотно, и отшатнувшагося къ стѣнѣ человѣка, сконфуженно пробормоталъ:

— Но какъ же... здѣсь... зачѣмъ?..

Онъ не кончилъ фразы, совершенно не зная, какъ и о чемъ говорить съ встрѣтившейся ему личностью, какъ съ выходцемъ изъ могилы.

— Состою здѣсь на службѣ... въ экспедиціи,—послышался

Digitized by Google

отвѣтъ, произнесенный все тѣмъ же тихимъ, сдержаннымъ, но твердымъ голосомъ.

— Такъ... такъ... въ экспедиціи,—повторилъ въ смущеніи графъ.

И, совсѣмъ разстроенный, поторопился пройти въ свой кабинетъ.

II.

Графъ Алексѣй Алексѣевичъ долго не могъ справиться съ собой. Войдя въ кабинетъ, онъ, по обыкновенію, прошелъ въ глубину комнаты и поставилъ свой цилиндръ на обычное мѣсто—на маленькій круглый столикъ, стоящій въ углу его кабинета. Потомъ неспѣшно, палецъ за пальцемъ, стянулъ съ рукъ перчатки и бросилъ ихъ въ цилиндръ. Затѣмъ, слегка потирая руки, подошелъ къ своему письменному столу, посмотрѣлъ на разложенныя здѣсь бумаги и, задумчиво качая головой, отошелъ прочь. Все это онъ дѣлалъ безсознательно, машинально, по привычкѣ, какъ дѣлалъ и вчера, и третьяго дня. Только вчера и третьяго дня, прибывъ на службу, онъ тотчасъ же принимался за работу, а на этотъ разъ какъ будто вовсе забылъ о ней.

Заходивъ медленно изъ угла въ уголъ по своему кабинету, онъ самъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, что̀ его болѣе всего смущало,—то ли, что онъ сразу не замѣтилъ обтерханнаго и заношеннаго наряда Волкова; то ли, что онъ, состоя директоромъ банка, не зналъ вовсе о служеніи Волкова въ этомъ учрежденіи; то ли, что Волковъ, его старый закадычный и, можно смѣло сказать, единственный другъ, находится, повидимому, въ крайне стѣсненномъ, чуть не нищенскомъ положеніи; или просто его мучило, что онъ,—образецъ вѣжливости, мягкости и деликатности,—обратился къ человѣку по старой привычкѣ на «ты» именно тогда, когда этотъ человѣкъ могъ счесть такое обращеніе не за выраженіе дружескихъ чувствъ или пріятельскихъ отношеній, а за грубость, за оскорбленіе...

Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Мамоновъ былъ воплощеніемъ благовоспитанности: вѣжливый, благосклонный, уравновѣшенный, онъ безъ всякой аффектаціи или утрировки былъ со̀ всѣми предупредителенъ и ровенъ въ отношеніяхъ; не задиралъ головы передъ низшими, не гнулъ спины передъ высшими. Во

Digitized by Google

дни его молодости, люди говорили про него, что это человѣкъ безъ страстей и увлеченій, что онъ не способенъ на какія нибудь безшабашныя безобразія или легкомысленныя мечтанія, что онъ не горячъ, не холоденъ, а только тепловатъ... Это въ юности отталкивало отъ него многихъ или, вѣрнѣе, мѣшало многимъ сближаться съ нимъ. Но эта уравновѣшенность очень шла къ нему подъ старость, придавая какую-то особенную прелесть пятидесятилѣтнему, хорошо сохранившемуся и все еще свѣжему, хотя и сѣдому старику-богатырю, про котораго люди не могли сказать, что онъ—смѣшной мышиный жеребчикъ или несносный брюзга, что онъ—измызганная разгуломъ развалина или вѣчно боящійся загробныхъ наказаній ханжа. И чѣмъ ровнѣе, чѣмъ невозмутимѣе былъ по характеру этотъ человѣкъ, тѣмъ страннѣе было видѣть его теперь взволнованнымъ и возбужденнымъ встрѣчею съ какимъ-то человѣкомъ въ обтерханномъ и заношенномъ нарядѣ.

Этотъ человѣкъ былъ ему совершенно чужимъ по крови. Правда, когда-то было время, когда графъ Мамоновъ думалъ, что они сдѣлаются родными. Но этого не произошло, и они остались чужими, если только долголѣтнее сердечное пріятельство, тѣсная дружба, духовное общеніе не даютъ людямъ права, не вмѣняютъ имъ въ обязанность считаться родными. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ сыномъ богатаго помѣщика, а Сергѣй Ивановичъ Волковъ былъ сыномъ управляющаго графскими помѣстьями. Дѣтьми мальчики вмѣстѣ играли, юношами они вмѣстѣ учились; въ свѣтлые годы пробужденія первой любви, графъ мечталъ о женитьбѣ на сестрѣ своего Сережи и...

Въ кабинетъ графа развязно, какъ свой человѣкъ, вошелъ немного облысѣвшій, немного помятый годами толстякъ въ просторномъ пиджакѣ, широкихъ панталонахъ, съ увѣсистой цѣпочкой на животѣ. Это былъ секретарь правленія, любимецъ всѣхъ директоровъ, такъ какъ они могли спокойно спать, пока въ правленіи слышался его вѣчно безпечный смѣхъ и пока работали его вѣчно дѣловитыя, неутомимыя голова и руки, вершившія и рѣшавшія всѣ дѣла банка.

— А я къ вамъ за бумагами, графъ,—проговорилъ онъ, пожимая протянутую ему руку.—Прочли? Подписали?

Графъ немного сконфузился. Сегодня онъ не былъ такъ акуратенъ, какъ всегда.

Digitized by Google

— Дорогой Василій Павловичъ, виноватъ... Не только не подписалъ, но даже не заглянулъ въ нихъ,—проговорилъ онъ.

— Тутъ только двѣ спѣшныя,—небрежно сказалъ Василій Павловичъ, привыкшій за двадцать лѣтъ своей службы къ тому, что директора смотрятъ на дѣло съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ, что оно не волкъ и въ лѣсъ не убѣжитъ.

Графъ обошелъ письменный столъ и присѣлъ въ свое кресло. Василій Павловичъ Смуровъ помѣстился противъ него и, закуривъ вынутую имъ изъ серебрянаго портсигара папиросу, черезъ столъ сталъ объяснять патрону, какія дѣла болѣе спѣшны, какія нѣтъ.

— Вы вѣдь все просмотрѣли?—въ формѣ вопроса произнесъ графъ, готовясь подписать бумаги, не читая, и спросилъ:—Василій Павловичъ, вы знаете Волкова?.. Онъ служитъ у насъ, кажется, въ отдѣленіи...

— Въ отдѣлѣ экспедиціи,—подсказалъ Смуровъ и атестовалъ Волкова:—Прекрасный работникъ, ходячая акуратность...

— Развѣ онъ завѣдуетъ отдѣломъ экспедиціи?—спросилъ графъ.

— О, нѣтъ... Просто пакеты осматриваетъ... надписываетъ и запечатываетъ... человѣкъ съ тридцатипятирублевымъ жалованьемъ. Сидитъ у себя, какъ кротъ... его и встрѣчаешь-то рѣдко.

Смуровъ отвѣчалъ какъ-то особенно странно на вопросы графа: онъ и похвалилъ Волкова, точно торопливо заступаясь за него, а въ то же время, какъ бы желая въ чемъ-то успокоить графа, пояснилъ, что Волковъ получаетъ такую ничтожную плату, что о немъ въ сущности и говорить не стоитъ.—«Ну, служитъ, молъ, у насъ Волковъ, дѣлаетъ свое мелкое дѣло, получаетъ за это гроши — и Богъ съ нимъ, оставимъ его въ покоѣ»!

— Подписали, графъ?—спросилъ онъ, намѣреваясь поскорѣе взять бумаги и уйти.

— Не всѣ еще,—отвѣтилъ графъ и прибавилъ:—Такъ вы говорите, Василій Павловичъ, что онъ получаетъ тридцать пять рублей въ мѣсяцъ? Онъ же, вы говорите, способный человѣкъ и... кажется, получившій образованіе...

— Да, да,—согласился Смуровъ, видимо спѣша.—Но это ужъ такое мѣсто съ маленькимъ окладомъ... Онъ и не жалуется ни на что,—радъ и такому жалованью.

Digitized by Google

И прибавилъ съ непривычнымъ для него, шутника и балагура, раздраженіемъ:

— Хорошо, что еще до петли не дошелъ...

Графъ отъ удивленія широко открылъ глаза. Что могло быть съ Волковымъ? Правда, прошло столько лѣтъ...

— Вы говорите... что...—началъ онъ.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ: въ кабинетъ графа съ шумомъ вошелъ одинъ изъ его товарищей по правленію, и Василій Павловичъ, забравъ бумаги и на ходу поздоровавшись съ посѣтителемъ, поспѣшилъ удалиться.

III.

«И какъ я могъ узнать его черезъ столько лѣтъ»?—спрашивалъ себя графъ Алексѣй Алексѣевичъ поздно вечеромъ, ложась въ постель и открывая, по обыкновенію, первый попавшійся французскій романъ, чтобы, почитавъ нѣсколько минутъ, слаще уснуть.—«Не видались почти тридцать лѣтъ... Да, ровно тридцать... мнѣ тогда шелъ двадцать первый годъ, ему восемнадцать; ей едва минуло семнадцать. И узналъ, сейчасъ же узналъ... Не потому ли, что и онъ, и она, и ихъ отецъ были поразительно похожи между собою?.. Нѣтъ, главное—это его голосъ... Не заговори онъ—я и вниманія не обратилъ бы на него. Но голосъ... никогда я не могъ забыть этого голоса... Бывало, споримъ до утренней зари... ораторствовать онъ начнетъ — заслушаешься. Ребячество!.. Да, именно по голосу и узналъ его... И въ какой нуждѣ, бѣдняга»!..

Онъ вздохнулъ и приготовился читать, совершенно покойный, совершенно безмятежный, какъ всегда...

«Милый, если ты не вернешься, если ты забудешь меня, я не переживу этого; вѣдь въ одномъ тебѣ все мое счастье»,—вспомнились графу слова сестры Волкова, сказанныя ею въ послѣднія минуты передъ ихъ разлукой.

Тогда стояла теплая, душистая весна. Въ ихъ родовомъ саду все возрождалось къ новой жизни, все сулило свѣтлые дни. Въ воздухѣ пахло цвѣтущею сиренью, въ кустахъ уже пѣли соловьи. Его тогда увозили отецъ и мать за границу. Они не говорили ему, что спѣшатъ увезти съ собою именно потому, чтобы онъ не увлекся слишкомъ

Digitized by Google

серьезно Соней, этой дочерью управляющаго, этой бѣдной мѣщаночкой. Тогда было какъ разъ такое время, что совершались разныя подобныя эксцентричности. Они не обмолвились ни однимъ вопросомъ о томъ, какъ далеко зашла его привязанность къ ней, сколько ночныхъ часовъ провели молодые люди въ саду, сколько обѣтовъ дали другъ другу. Ихъ это не могло интересовать; вопросъ шелъ только о томъ, чтобы спасти его отъ безразсуднаго брака... Да, и онъ ждалъ когда-то свиданій, ловилъ слова любви, давалъ обѣты! И то сказать, какого же льда не растопитъ, хоть на мгновенье, весна жизни—молодость? А онъ былъ тогда молодъ!.. Правда, онъ былъ вполнѣ честенъ, онъ по рыцарски отнесся къ ней, не воспользовался довѣріемъ и неопытностью бѣдной дѣвочки: она осталась такою же чистою, какою была прежде... Послѣ своего отъѣзда за границу, онъ уже не видалъ ея никогда; никогда болѣе не слыхалъ о ней. Что-то сталось съ нею?..

Графъ даже и не замѣтилъ, что онъ не прочелъ ни строчки, опустивъ французскій романъ на одѣяло и пристально смотря въ пространство, точно тамъ передъ нимъ развертывались картины прошлаго.

«И какъ это Сергѣй дошелъ до такой бѣдности? Почему Смуровъ замѣтилъ: «слава богу, что еще не дошелъ до петли»! Эти слова проносились въ головѣ графа.—А сколько надеждъ подавалъ Сергѣй въ дѣтствѣ, въ юности, какъ рвался въ университетъ! Неужели ему такъ и не удалось кончить своего образованія? И какъ могъ онъ, графъ Алексѣй Алексѣевичъ, никогда не справиться ни о немъ, ни о его сестрѣ?

Что же тутъ удивительнаго, необыкновеннаго?—въ жизни всегда такъ бываетъ!

Ему вспомнились слова поэта:

Насъ съ ближними и сводитъ, и разводитъ
Случайно жизнь. Такъ на горахъ потокъ
Преграду скалъ, дробясь въ ручьи, обходитъ
И иногда на долгій-долгій срокъ
Бѣгутъ они различными путями,
Скользя среди уступовъ и холмовъ,
Чтобъ тамъ, внизу, утихшими струями
И встрѣтиться, и слиться вмѣстѣ вновь...

88487

ГОСУДАРСТВЕ... ...БЛИКАНСКАЯ
Б... ...
Кирг. ... ...ЕВСКОГО
Digitized by Google

Онъ вздохнулъ: ему не было суждено встрѣтиться съ нею, съ ея братомъ... Когда его увезли за границу—отецъ и мать безмолвно выразили ему свое непреклонное желаніе, чтобы онъ не упоминалъ фамиліи Волковыхъ. Это былъ вполнѣ и безповоротно оконченный романъ его юности, и онъ не могъ продолжаться дольше, чѣмъ продолжалась эта юность. Потомъ, черезъ четыре года, онъ долженъ былъ жениться по желанію родителей, ради связей и карьеры. Партія была для него вполнѣ подходящая:—и онъ, и невѣста принадлежали къ одному кругу общества, считались одинаково богатыми, получили тщательное образованіе и воспитаніе, были одинаково равнодушны другъ къ другу...

Часы пробили три, а графъ все еще не спалъ. Это начинало его волновать, такъ какъ онъ любилъ точность во всемъ и сильно заботился о своемъ здоровьѣ.

«Непремѣнно надо будетъ подробно все разузнать у Смурова»,—рѣшилъ онъ, отложивъ романъ и задувая свѣчу.

IV.

Когда на слѣдующій день графъ, не выспавшійся и чувствующій легкіе приступы головной боли, пріѣхавъ въ банкъ, увидѣлъ Смурова, входившаго въ его кабинетъ, онъ обрадовался.

— Васъ-то я и ждалъ, Василій Павловичъ,—сказалъ онъ, дружески протягивая ему руку.

— Въ бумагахъ нашли что нибудь требующее поясненій?—какъ-то особенно сухо спросилъ Смуровъ, повидимому, тоже вставшій съ лѣвой ноги.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо поговорить съ вами объ этомъ... о Волковѣ,—пояснилъ графъ, чувствуя себя какъ-то неловко.

Смуровъ сдѣлалъ совсѣмъ недовольную гримасу, и нѣсколько рѣзко, какъ онъ не говорилъ никогда, заявилъ:

— Волковъ сегодня отказался отъ мѣста.

Никакъ не ожидавшій этого извѣстія, графъ могъ только пробормотать:

— Отказался отъ мѣста... То есть какъ же это?

— Такъ, просто отказался, вотъ и все... Онъ же не связанъ съ банкомъ никакими обязательствами и контрактами.

Digitized by Google

И нѣсколько ядовито прибавилъ:

— Вчера онъ разбиралъ и запечатывалъ письма, сегодня же будетъ другой разбирать и запечатывать ихъ... Чернорабочіе вѣдь не болѣе какъ машины: сломается одна, замѣнятъ другой...

Графъ пристально взглянулъ на него.

— Вы чего-то не досказываете...

Смуровъ передернулъ плечами.

— Волковъ—неуживчивый и нервный человѣкъ... Вчера я потому и старался не распространяться о немъ съ вашимъ сіятельствомъ, боясь, что вы уже предубѣждены противъ него, какъ противъ не въ мѣру озлобленнаго и до сумашествія нервнаго человѣка... Я тогда еще не предвидѣлъ, что сегодня онъ самъ уйдетъ... то есть думалъ уломать его.

Графъ продолжалъ смотрѣть пристально на него.

— И вы не можете мнѣ сказать о причинахъ, которыя побудили его такъ внезапно отказаться отъ мѣста?

— Онъ, ваше сіятельство, двоюродный братъ моей жены,— отрѣзалъ Смуровъ.

Наступило неловкое молчаніе. Смуровъ торопливо сталъ докладывать бумаги. Графъ сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руки, и ничего не слышалъ изъ доклада.

— Такъ это онъ ради меня бросилъ мѣсто?—неожиданно спросилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.

— Ради своихъ припадковъ сумашествія,—коротко отвѣтилъ Смуровъ. — Теперь опять пойдутъ голодовки... можетъ быть, новое пребываніе въ домѣ умалишенныхъ.

— Развѣ онъ уже сидѣлъ въ домѣ сумашедшихъ?—спросилъ графъ.

— Онъ и въ домѣ предварительнаго заключенія сидѣлъ по политическимъ дѣламъ,—отвѣтилъ Смуровъ.

Графъ настойчиво сталъ вытягивать у Василія Павловича свѣдѣнія о прошломъ Волкова. Онъ узналъ, что, когда онъ уѣхалъ съ родителями за границу, старикъ Волковъ былъ немедленно удаленъ отъ должности управляющаго. Графъ-отецъ и графиня-мать хотѣли разъ навсегда порвать всякія сношенія съ этою семьею. Старикъ Волковъ, какъ человѣкъ честный, ничего не скопилъ на службѣ у графа Мамонова-отца. Семья

Digitized by Google

у него была большая, и Сергѣю Ивановичу пришлось, какъ старшему изъ его дѣтей, сдѣлаться поддержкой всей семьи—кормить живыхъ, хоронить умиравшихъ. Тутъ нечего было и думать о дальнѣйшемъ образованіи, объ университетѣ.

— Ну, а поврежденнымъ онъ былъ всегда: не умѣлъ нужнымъ людямъ кланяться, не умѣлъ и семью бросить на мостовой, когда нужно было спасать себя,—не безъ желчи закончилъ Смуровъ.—Вообще несуразный и неуживчивый былъ человѣкъ. Не понималъ даже и того, что языкъ данъ намъ для того, чтобы его держать за зубами, и все говорилъ да говорилъ. А извѣстно, что̀ можетъ хорошаго наговорить озлобленный человѣкъ? Ну, и платился за откровенность. Еще слава богу, что иногда на невмѣняемость можно было многое сваливать... Къ намъ въ банкъ, въ послѣдніе годы, и то только по моей протекціи, опредѣлился и чуть не сбѣжалъ въ тотъ же день, когда узналъ, что ваше сіятельство, въ общемъ собраніи, выбраны въ директора... Едва втолковалъ я ему тогда, что вы никогда и не спросите, какой это такой Волковъ состоитъ у насъ на службѣ?.. Есть, молъ, дѣло графу до какихъ-то Волковыхъ! Съ чего вспомнитъ, если никогда не вспоминалъ? Ну, а вотъ вчера случилась эта проклятая встрѣча...

Графъ смотрѣлъ задумчиво и мрачно, точно онъ былъ чѣмъ нибудь виноватъ въ томъ, что Волковъ безумствовалъ, и, какъ бы про себя, почти безсознательно прошепталъ:

— Онъ, должно быть, отъ всей души ненавидитъ меня?

Смуровъ отвѣтилъ уклончиво:

— Да онъ, вообще, всѣхъ людей безъ разбора называетъ людишками.

Онъ опять заторопился съ бумагами, съ явнымъ намѣреніемъ не продолжать больше разговора, но графъ не удержался и задалъ ему еще вопросъ:

— А она... его сестра... Софья Ивановна?

— Схоронилъ онъ ее года четыре тому назадъ... старой дѣвой. Онъ тогда и сталъ проситься изъ провинціи въ Петербургъ, говоря, что тамъ онъ одинъ, безъ нея, совсѣмъ съ ума сойдетъ. Она вѣдь съ нимъ и горе, и радость дѣлила... святой человѣкъ была. Ну, сталъ хлопотать я объ его возвращеніи... Вернули наконецъ. Пристроился онъ здѣсь на первое попавшееся мѣсто...

Digitized by Google

— Вы уговорите его...—началъ графъ.

— Онъ, ваше сіятельство, уже и изъ Петербурга успѣлъ уѣхать,—отвѣтилъ Смуровъ, оставляя кабинетъ графа.

И опять Волковъ исчезъ съ дороги графа, но такъ какъ графъ сталъ часто страдать безсонницей, то онъ очень часто, опустивъ на одѣяло новый французскій романъ, далеко за полночь раздумываетъ о томъ, какъ странно складывается человѣческая жизнь,—и почти всегда оканчиваетъ свои думы воспоминаніемъ о братѣ и сестрѣ Волковыхъ...

А. Михайловъ.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

Съ утра̀ сегодня за стѣною
Звучитъ безъ умолку рояль;
Подъ это шумное веселье
Еще сильнѣй моя печаль.

Какъ будто я—на днѣ могилы—
Въ гробу проснувшись, вдругъ вдали
Услышалъ радостныя пѣсни
И ликованія земли.

Тамъ жизнь и смѣхъ, восторгъ и ласки;
Выходятъ люди на борьбу...
А я лежу, забытый всѣми,
И задыхаюся въ гробу!

II.

Заброшенъ трудъ. Въ пыли лежатъ бумаги,
Не открываю я моихъ любимыхъ книгъ,
И холодно внимаю, какъ старикъ,
Веселью и рѣчамъ, исполненнымъ отваги.
По прежнему, къ столу порой я подхожу,
Но мнѣ мечты недавнія постылы,
И кончить трудъ въ себѣ не нахожу
Ни жажды трепетной, ни силы.

Проходитъ день за днемъ. Душа полна тоской,
Въ груди растетъ глухое раздраженье...
Вокругъ меня и шумъ, и пѣсни, и движенье,
Но я среди людей брожу, какъ трупъ живой:
Желанья умерли, погасло вдохновенье!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

ПРАВОСЛАВНАЯ КОЛОНІЯ ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ.

(По поводу столѣтія нашей американской миссіи).

I.

25-го минувшаго сентября, наша сѣверо-американская миссія, а вмѣстѣ съ нею и вся православная Россія, весь православный міръ торжественно отпраздновали столѣтіе утвержденія православія въ Новомъ свѣтѣ и учрежденія американской церкви. Знаменательный юбилей этотъ имѣетъ глубокій историческій смыслъ для Россіи и, какъ таковой, не можетъ, конечно, не возбуждать въ насъ интереса и не найти себѣ горячій откликъ во всемъ русскомъ, мало того—во всемъ славянскомъ мірѣ.

Начало дѣятельности православія въ Новомъ свѣтѣ относится къ 1794 году, когда изъ Россіи было отправлено для евангельской проповѣди среди американскихъ дикарей восемь монаховъ съ архимандритомъ Іоасафомъ Болотовымъ во главѣ [1]); они составили особую, учрежденную въ 1793 году, по высочайшему повелѣнію, св. синодомъ, духовную американскую (или, какъ ее называютъ, кадьякскую) миссію, которая 24 сентября 1794 года прибыла на островъ Кадьякъ [2])—и Новый свѣтъ впервые услышалъ христіанское служеніе на славянскомъ языкѣ.

Собственно, христіанство по восточному обряду проникло въ Новый свѣтъ нѣсколько ранѣе прибытія туда нашей духовной миссіи. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка, русскіе купцы и промышленники стали посѣщать, съ торговыми и промышленными цѣлями, сѣверо-западную часть Америки и постепенно завладѣли сначала островами, лежащими между Камчаткой и Аляской, затѣмъ и береговыми землями на материкѣ. Основавъ тамъ многіе промыслы (бобровый, котиковый и др.) и вывозя оттуда богатую добычу, русскіе промышленники, углубляясь все далѣе и далѣе, открыли новые,

[1]) При нихъ находилось еще два священнослужителя,—всего, слѣдовательно, десять человѣкъ.

[2]) Островъ Кадьякъ лежитъ къ востоку отъ полуострова Аляски и занимаетъ пространство въ 9,000 кв. верстъ; населенъ алеутами.

Digitized by Google

невѣдомые дотолѣ, острова (Андреяновскіе, Лисьи, Прибыловы и пр.), заводили на нихъ поселенія и начали собирать съ туземныхъ жителей дань (ясакъ) въ пользу русскаго правительства, подчинивъ ихъ такимъ образомъ русской государственной власти и упрочивъ за Россіей открытые ими острова и земли. Ими же были занесены туда и первыя сѣмена православія. Такъ, еще въ 1759 году, курскій мѣщанинъ Иванъ Глотовъ (открывшій Лисьи острова), проживая временно по торговымъ дѣламъ на островѣ Умнакѣ, такъ подружился съ туземными жителями (алеутами), что старѣйшина ихъ (тоёнъ) позволилъ ему окрестить своего малолѣтняго сына въ православіе. Затѣмъ, въ 1783 году, богатый промышленникъ Григорій Шелеховъ (изъ Рыльска) прибылъ на островъ Кадьякъ, открылъ здѣсь прекрасную гавань, присвоивъ ей названіе «Трехъ святителей», устроилъ русское поселеніе и, въ компаніи съ Голиковымъ и Барановымъ, основалъ здѣсь обширное торгово-промышленное предпріятіе («Россійско-американская компанія»). Ласковымъ обращеніемъ своимъ и подарками Шелеховъ съумѣлъ такъ привлечь къ себѣ кадьякцевъ, что они стали приводить къ нему своихъ дѣтей, прося учить ихъ говорить и читать по русски. Обрадованный такимъ отношеніемъ къ нему дикарей, Шелеховъ устроилъ для нихъ первую въ Новомъ свѣтѣ русскую школу, въ которую сейчасъ же поступило 25 мальчиковъ. Вліяніе школы оказалось столь благодѣтельнымъ, что многіе изъ ея питомцевъ начали креститься въ православіе, причемъ желающихъ оставить язычество оказалось столько, что Шелеховъ, желая поддержать стремленіе алеутовъ и имѣя въ виду болѣе прочное закрѣпленіе связи Кадьяка и сосѣднихъ острововъ съ Россіей, сталъ ходатайствовать въ Петербургѣ о посылкѣ туда духовной миссіи, которую обязывался содержать на свой счетъ. «Господь вложилъ въ сердца ихъ (алеутовъ)—говорится въ прошеніи Шелехова къ петербургскому митрополиту Гавріилу—не только къ намъ со всѣми находящимися здѣсь людьми искреннюю любовь, но, зря они въ воскресные, праздничные и другіе именитые дни богослуженіе наше, хотя оное и безъ священническаго дѣйствія происходило, наиусерднѣйше возжелали и они воспріять вѣру христіанскую. Удивляясь благорасположенію оныхъ и по довольномъ испытаніи ревностныхъ, желаніе многихъ обоего пола лицъ исполнено... Съ 1784 года по сіе время (1793 годъ) сдѣлалось таковыхъ христіанъ нѣсколько человѣкъ и съ такимъ, притомъ, прилежаніемъ и страхомъ божіимъ бытіе свое препровождающихъ, что токмо сіе единому промыслу о нихъ Всевышняго приписать... Изъ дѣтей оныхъ островскихъ жителей заведено на счетъ компаніи училище, въ которомъ, ко удовлетворенію на-

Digitized by Google

шему, такіе успѣхи учащимися показаны, что отъ національныхъ (изъ простаго народа) юношей и ожидать болѣе нельзя».—Въ заключеніе своего прошенія, Шелеховъ сожалѣетъ о томъ, что на островѣ недостаетъ исполненнаго «благонравіемъ, познаніемъ христіанской вѣры и примѣрными добродѣтелями священника».

Объ этомъ ходатайствѣ Шелехова отъ имени «Россійско-американской компаніи» было доложено императрицѣ Екатеринѣ II, которая, повелѣвъ (4 мая 1793 года) св. синоду удовлетворить его, возложила попеченіе объ этомъ дѣлѣ на петербургскаго митрополита Гавріила, съ тѣмъ чтобы о ходѣ его ей точно докладывалось. Указомъ св. синода, въ концѣ того же года, миссія была образована изъ десяти человѣкъ подъ начальствомъ архимандрита Іоасафа Болотова; въ составъ ея вошло: 3 іеромонаха, 2 іеродіакона, 2 монаха и 2 священника [1]), которымъ, по распоряженію государыни, было назначено изъ «палестинскихъ суммъ»—архимандриту Іоасафу 500 руб., а всѣмъ остальнымъ по 250 руб. Снабженная церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами и всѣмъ необходимымъ для столь далекаго путешествія, миссія въ концѣ декабря 1793 года отправилась чрезъ Сибирь въ Новый свѣтъ. Заѣхавъ по пути на островъ Уналашку и крестивъ тамъ болѣе ста человѣкъ, которые, по словамъ Іоасафа Болотова, «давно уже (были) готовы къ принятію крещенія, ибо всегда съ русскими промышленными живутъ»,—миссія, 24 сентября 1794 года, прибыла на частномъ русскомъ суднѣ «Три святителя» на островъ Кадьякъ и, ознакомившись съ мѣстомъ, тотчасъ же приступила къ евангельской проповѣди среди многочисленнаго (свыше десяти тысячъ человѣкъ) языческаго населенія. Къ концу года, на Кадьякѣ были уже устроены миссіею: монастырь, названный Новымъ Валаамомъ, и церковь во имя Трехъ святителей. Это былъ первый православный храмъ въ Новомъ свѣтѣ.

Сколь горячій откликъ на первыхъ же порахъ нашла евангельская проповѣдь на американской почвѣ, можно судить изъ того, что черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ прибытія на Кадьякъ нашей миссіи, къ веснѣ 1795 года, тамъ насчитывалось уже свыше семи тысячъ православныхъ. «Слава богу—писалъ начальникъ миссіи архимандритъ Іоасафъ весной 1795 года,—болѣе семи тысячъ американцевъ перекрестилъ, да болѣе 2,000 браковъ обвѣнчалъ; построили

[1]) Изъ числа восьми иноковъ, вошедшихъ въ составъ миссіи, шестеро,—а именно: упомянутый архимандритъ Іоасафъ Болотовъ, іеромонахи Ювеналій и Аѳанасій, іеродіаконъ Нектарій и монахи Іоасафъ и Германъ—были изъ Валаамскаго монастыря, остальные же двое—іеромонахъ Макарій и іеродіаконъ Стефанъ—иноки Коневскаго монастыря.

Digitized by Google

церковь, а время позволитъ—сдѣлаемъ другую, да походныхъ двѣ, а то и пятую нужно сдѣлать. Живемъ хорошо; они (т. е. алеуты) насъ любятъ, а мы ихъ; народъ добрый, но бѣдный. Такъ усердно пріемлютъ крещеніе, что всѣ свои шаманскіе наряды изломали и сожгли». То же свидѣтельствовалъ и другой участникъ миссіи, знаменитый валаамскій монахъ Германъ: «американцы къ крещенію идутъ весьма охотно—писалъ онъ около того же времени—крестились безъ мала тысячъ семь, а на Уналашкѣ, во время проѣзда сквозь Алеутскіе острова, неволею въ одну бухту противнымъ вѣтромъ насъ загнанныхъ алеуты своею ласковостью и желаніемъ крещенія весьма насъ удивили».

Дѣятельность миссіи не ограничивалась однимъ островомъ Кадьякомъ; въ то время какъ одни изъ членовъ ея крестили кадьякскихъ алеутовъ, другіе—іеромонахи Макарій и Ювеналій—разъѣзжали для просвѣщенія туземцевъ по Алеутскимъ, Андреяновскимъ и Лисьимъ островамъ, а также по «матерой» Америкѣ, отъ Аляски до Кенайской губы. Успѣхи православія и здѣсь оказались столь значительными, что св. синодъ почелъ нужнымъ учредить въ Америкѣ особаго архіерея, назначивъ на содержаніе его 4,030 рублей въ годъ. Высочайшимъ указомъ 19 іюля 1796 года, архіерею этому присвоенъ титулъ епископа кадьякскаго, причемъ въ санъ этотъ былъ посвященъ начальникъ миссіи—Іоасафъ Болотовъ. Это былъ первый православный епископъ въ Новомъ свѣтѣ.

Медленными, но вѣрными шагами шла дѣятельность миссіи въ далекой невѣдомой странѣ и успѣхамъ ея слѣдуетъ тѣмъ болѣе удивляться, что, отославъ горсть проповѣдниковъ, мы на томъ какъ бы и успокоились на долгое время, оставивъ безъ всякаго почти вниманія возникшее за океаномъ дѣло православія. Мы бросили туда горсть благодатныхъ сѣмянъ, не подозрѣвая даже, какую благодарную почву найдутъ они тамъ—и сѣмена эти не только принялись всѣ на американской почвѣ, но и стали давать обильную жатву: православіе распространялось какъ на островахъ, такъ и на материкѣ сѣверной Америки, среди дикихъ индѣйскихъ племенъ. Къ несчастью, миссія наша скоро стала постепенно распадаться, и это обстоятельство значительно задерживало успѣхи евангельской проповѣди въ краѣ. Въ 1796 году былъ убитъ туземцами на Аляскѣ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ миссіи—іеромонахъ Ювеналій; затѣмъ въ 1799 году, на возвратномъ пути изъ Россіи, утонули, при крушеніи корабля «Феникъ», начальникъ миссіи Іоасафъ Болотовъ, только что посвященный (въ Иркутскѣ) во епископа кадьякскаго, и іеромонахъ Макарій. Хотя на мѣсто ихъ вскорѣ и былъ присланъ (въ 1804 году) іеромонахъ Александро-Невской

Digitized by Google

лавры Гедеонъ, но,—какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей православія,—«дальнѣйшее распространеніе христіанства между американцами почти совершенно было остановлено съ равномученическою смертью о. Ювеналія».

Дѣло православія въ Америкѣ возобновилось съ прежнимъ успѣхомъ только по прибытіи туда изъ Россіи новыхъ миссіонеровъ-священниковъ, а именно: Алексѣя Соколова (1815 г.), Іоанна Веніаминова (1822 г.), Фрументія Мордовскаго (1823 г.) и Іакова Нецвѣтова (1825 г.). Изъ среды ихъ особенно выдѣлился о. Іоаннъ Веніаминовъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій Иннокентій. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ качествѣ священника-миссіонера (въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ) этотъ незабвенный просвѣтитель сѣверной Америки неутомимо распространялъ и утверждалъ свѣтъ восточнаго христіанства среди дикихъ племенъ тамошняго населенія; усердіе и ревность его, какъ и остальныхъ прибывшихъ съ нимъ священниковъ, быстро умножили православную американскую паству, которая въ 1840 году насчитывала уже свыше двѣнадцати тысячъ человѣкъ. И, когда св. синодъ призналъ своевременнымъ и полезнымъ для юной американской церкви учредить въ Америкѣ особую епископскую каѳедру, онъ не нашелъ лучшаго замѣстителя ея, какъ о. Іоаннъ Веніаминовъ, который, принявъ иноческое постриженіе съ именемъ Иннокентія, и занялъ ее въ 1840 году съ титуломъ епископа сѣверо-американскаго и камчатскаго, и съ мѣстопребываніемъ въ городѣ Ново-Архангельскѣ, на островѣ Ситхѣ. Съ этого времени американская православная церковь, вмѣстѣ съ численнымъ умноженіемъ своимъ, начала также принимать внутреннее устройство, пріобрѣтая все бо́льшую и бо́льшую устойчивость.

Съ какими трудностями было сопряжено это великое и святое дѣло, и сколько усилій и дѣятельности требовалось для утвержденія православія въ Америкѣ,—можно судить изъ того, что до второй половины истекающаго столѣтія тамъ совсѣмъ почти не было православныхъ храмовъ, и новообращаемые, какъ и прежніе православные, не только были лишены богослуженія, но и не знали совсѣмъ священниковъ, которыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ миссіонеровъ, также совершенно не было въ Америкѣ. Алеуты [1]), напримѣръ, со времени посѣщенія ихъ въ 1795 году іеромонахомъ Макаріемъ, не видѣли священника вплоть до 1823 года, т. е. въ теченіе 28 лѣтъ. Хотя съ 1840 года въ Новомъ свѣтѣ и была уже епископская каѳедра, но церкви православной тамъ, строго говоря, еще не было, и вопросъ о ней возникъ только въ шестидесятыхъ годахъ. Съ этого недавняго времени начала устрояться православ-

[1]) Т. е. жители собственно только Алеутскихъ острововъ.

Digitized by Google

ная церковь въ Америкѣ, и тамошнее православное населеніе увидѣло свое богослуженіе. А насколько велика была потребность въ этомъ, можно судить изъ донесеній преосвященнаго Иннокентія, который говоритъ: «изъ всѣхъ добрыхъ качествъ алеутовъ ничто столько не радовало и не услаждало моего сердца, какъ ихъ усердіе или, правильнѣе сказать, жажда къ слышанію слова божія, такъ что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе къ слышанію слова... Посѣщеніе мое и пріѣздъ мой въ селеніе бывалъ истиннымъ праздникомъ для алеутовъ, пасхою, потому что только въ это время они могли послушать слова и пріобщиться св. таинъ. Куда бы я ни пріѣхалъ и въ какое бы время дня и ночи, тотчасъ всѣ и каждый,—кто только можетъ ходить,—выходили ко мнѣ на встрѣчу, привѣтствовали меня съ истиннымъ радушіемъ и видимымъ удовольствіемъ; даже нерѣдко больныхъ приносили ко мнѣ, чтобы видѣться со мною и принять благословеніе. Обязанности свои въ отношеніи церкви алеуты исполняютъ примѣрно; говѣютъ всегда и всѣ, такъ что во все время пребыванія моего у нихъ (свыше двадцати лѣтъ) почти не было ни одного изъ нихъ такого, который бы не былъ у исповѣди и святаго причастія; и все это они дѣлаютъ совершенно безъ всякаго наряда и принужденія».

Въ 1867 году, наши владѣнія въ сѣверной Америкѣ—или, какъ ихъ называли, россійская Америка—были уступлены Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и съ этого времени успѣхи православной миссіи значительно ослабѣли; не только остановился ростъ американской православной церкви, но она стала даже нерѣдко терять своихъ чадъ изъ индѣйскихъ и алеутскихъ племенъ. Къ счастью, такое печальное состояніе американской церкви продолжалось не долго: съ половины семидесятыхъ годовъ, когда въ Америкѣ была учреждена особая епископская каѳедра, дѣятельность православія не только возобновилась, но и достигла небывалыхъ ранѣе успѣховъ.

II.

Въ настоящее время, американская православная церковь составляетъ самостоятельную — алеутскую и аляскинскую—епархію, епископъ которой, преосвященный Николай, имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ городѣ Санъ-Франциско, въ Калифорніи. Всего на нужды этой епархіи (содержаніе архіерейскаго дома, причтовъ, пѣвческаго хора, школъ и пр.) отпускается ежегодно изъ казны 74,770 рублей. Въ составъ американской церкви, въ настоящее

Digitized by Google

время, входитъ уже до сорока тысячъ человѣкъ, причемъ число это постоянно увеличивается, возрастая какъ вслѣдствіе крещенія туземцевъ [1]), такъ—главнымъ образомъ—благодаря массовому обращенію переселяющихся въ Америку славянъ-уніатовъ (главнымъ образомъ русскихъ галичанъ), которые, освобождаясь отъ австрійской вѣроисповѣдной неволи, въ большинствѣ случаевъ, по прибытіи въ свободную за-океанскую республику, возвращаются къ вѣрѣ своихъ предковъ, попираемой и искореняемой на ихъ злосчастной родинѣ. Это движеніе среди американскихъ славянъ-уніатовъ началось еще при предшественникѣ нынѣшняго американскаго святителя, преосвященномъ Владимірѣ; возникнувъ впервые, подъ руководительствомъ отца Товта (уніатскаго священника), въ г. Миннеаполисѣ, нынѣ оно охватило всѣ штаты (Иллинойсъ, Пенсильванія, Нью-Іоркъ, Вашингтонъ, Калифорнія, Орегона и др.), служащіе пріютомъ для европейскихъ эмигрантовъ-уніатовъ, среди которыхъ есть черногорцы, сербы, босняки, далматинцы и нѣкоторыя другія славянскія народности, но главное мѣсто по численности занимаютъ русскіе (изъ Галиціи и Буковины) [2]).

Какъ и весь вообще русскій народъ, галичане отличаются необыкновенною религіозною стойкостью, хотя въ Австріи имъ и приходится, въ силу своего подневольнаго положенія и шляхетско-ксендзовскаго гнета, считаться уніатами и наружно соблюдать обряды сочиненной въ Римѣ греко-уніатской церкви. Но это дѣлается только наружно, въ душѣ же галичане не только православные, но и ненавистники латинства, которое навязывается имъ почти силою. Освобождаясь, путемъ эмиграціи въ Америку, отъ австро-польской неволи, галичане съ радостью тотчасъ же порывали бы всякую связь съ католицизмомъ и уніей. Попадая въ мѣстности, гдѣ уже успѣло окрѣпнуть православіе, они, какъ и ихъ славянскіе братья, въ большинствѣ случаевъ вскорѣ же и вступаютъ подъ его сѣнь, но въ другихъ мѣстностяхъ,—какъ, напримѣръ, въ штатахъ Нью-Іоркъ, Пенсильванія, Вашингтонъ, Орегонъ и др.,—гдѣ православіе не успѣло еще пріютиться и гдѣ нѣтъ православныхъ храмовъ и священниковъ,—попадая въ такія мѣстности, трудно, конечно, думать о возвращеніи къ родному обряду. Къ тому же,

[1]) Напримѣръ, въ 1890 году, стараніями ситхинскаго миссіонера, было обращено 333 индѣйца колошинскаго племени и крещено 45 язычниковъ: 37 въ квитнахской миссіи и 8—въ нушачагской. Въ прошломъ году, іеромонахомъ Митрофаномъ крещено 97, а ситхинскимъ священникомъ, о. В. Донскимъ, 47 колошъ. Всего, со времени учрежденія алеутской и аляскинской епархіи, крещено свыше четырехъ тысячъ туземцевъ.

[2]) Всего славянъ-уніатовъ въ сѣверной Америкѣ насчитывается около 180 тыс. человѣкъ, изъ числа которыхъ—150 тыс. русскихъ.

Digitized by Google

тутъ и латинская пропаганда уже успѣла широко раскинуть свои сѣти; правда, здѣсь ей уже не приходится дѣйствовать такъ нагло, какъ въ Австріи, но тѣмъ не менѣе число навязчивыхъ проповѣдниковъ католицизма и здѣсь очень велико; красуются повсюду и костелы. Свободные отъ насилій, славяне-уніаты, однако, съ самаго своего поселенія въ Америкѣ стараются избѣгать какихъ бы то ни было сношеній съ ксендзами и костеломъ, и съ этою цѣлью въ 1889 году обратились къ львовскому греко-уніатскому митрополиту съ просьбою о присылкѣ имъ русскихъ священниковъ-уніатовъ. Просьба галичанъ была исполнена и, казалось, исчезли уже,—по крайней мѣрѣ, на долгое время,—всякія надежды на возвратъ этихъ десятковъ тысячъ уніатовъ къ вѣрѣ ихъ предковъ. Но... «сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ». Исполняя просьбу галичанъ о присылкѣ имъ священниковъ, львовскій митрополитъ не позаботился о выборѣ достойныхъ и добрыхъ пастырей, почему въ Америку были посланы самые захудалые священники, которые, по меткому выраженію одного мѣстнаго корреспондента, «стали смотрѣть на своихъ новыхъ прихожанъ въ Америкѣ, какъ на стадо барановъ, предназначенныхъ для стрижки»,—и ко всему этому вступили еще въ сдѣлку съ мѣстными католическими епископами, закабаливъ имъ свои (уніатскія) церкви и отдавъ въ жертву своихъ прихожанъ.

Галичане долго терпѣли эту трагикомедію, но, выведенные наконецъ изъ терпѣнія, рѣшили обратиться къ православному епископу въ Санъ-Франциско съ просьбою—прислать имъ «добрыхъ пастырей». Такимъ образомъ, возникло движеніе американскихъ уніатовъ подъ покровъ родной православной церкви. Первыя присоединенія произошли въ Миннеаполисѣ; затѣмъ присоединились уніаты Стритора и вскорѣ это приняло характеръ рѣшительнаго народнаго движенія; начали присоединяться уніаты цѣлыми приходами, быстро умножая собою американскую православную паству и сразу же поднявъ значеніе православной церкви въ Новомъ свѣтѣ. Въ 1892 году одновременно возсоединились съ православною церковью всѣ уніаты (русскіе, словаки и др., — всего свыше 600 человѣкъ) города Велькесбара, въ Пенсильваніи, а въ прошломъ году то же сдѣлали всѣ уніаты другаго пенсильванскаго города—Питсбурга, въ числѣ 311 человѣкъ. Движеніе это не ослабѣваетъ и можно надѣяться, что со временемъ всѣ американскіе уніаты, въ количествѣ около 180 тыс. человѣкъ, возвратятся въ лоно православной церкви.

Все это, конечно, весьма знаменательно и представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе, открывающее свѣтлую будущность

Digitized by Google

для православія въ Новомъ свѣтѣ. Но, однако, мы отнюдь не должны успокоиваться на этомъ, помня, что одно распространеніе, т. е. численное умноженіе православныхъ, — какъ бы успѣшно оно ни шло,—далеко еще не исчерпываетъ дѣла православія. Чтобы успѣхи его были прочны и надежны, необходимо, чтобы, рядомъ съ *внѣшнимъ* распространеніемъ православія, шло и *внутреннее* утвержденіе его, безъ чего посѣянныя сѣмена легко могутъ не дать ожидаемыхъ всходовъ или же, заросши плевелами, — заглохнуть.

III.

Къ сожалѣнію, въ этомъ именно отношеніи дѣло православія въ Новомъ свѣтѣ и заставляетъ желать еще весьма и весьма многаго. Достаточно указать, что новообращенные остаются безъ всякаго духовнаго воздѣйствія: они не только не знаютъ своей новой церкви, но некому даже ознакомить ихъ съ сущностью православнаго ученія и указать главнѣйшія отличія и преимущества его предъ другими. По свидѣтельству преосвященнаго Николая, нынѣшняго американскаго святителя, столь много и плодотворно трудящагося на пользу православія въ Новомъ свѣтѣ,—православное населеніе его живетъ «*внѣ вліянія церкви* и православнаго духовенства, и дошло въ своемъ духовномъ состояніи до совершеннаго младенчества; это православные христіане—буквально только по имени [1]). Нѣкоторые много лѣтъ не были въ церкви и не видали священниковъ. Вся ихъ вѣра заключается въ томъ, что они изображаютъ на себѣ крестное знаменіе, и то не всѣ правильно. Исповѣдь нѣкоторыхъ изъ нихъ показала, что у нихъ нѣтъ представленія о грѣхѣ, многіе не знаютъ даже и молитвы Господней. Семилѣтнія дѣти никакихъ представленій религіозныхъ не имѣютъ. «Это буквально дикари въ религіозномъ отношеніи».

Нечего и удивляться такому безотрадному состоянію православныхъ въ Америкѣ, когда имъ приходится жить совершенно безъ церкви и безъ всякаго духовнаго руководительства и наставленія: вѣдь огромное большинство православныхъ въ Америкѣ, особенно изъ туземцевъ, не только никогда не бывало въ православныхъ храмахъ, но никогда и не видѣло даже православной церкви, священника и богослуженія! Даже самыя насущныя религіозныя потребности,—какъ-то: крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе,—остаются безъ

[1]) Рѣчь здѣсь идетъ о православныхъ города Асторіи, при впаденіи рѣки Колумбіи въ Тихій океанъ, но въ точно такомъ же положеніи находятся православные и многихъ другихъ мѣстностей сѣверной Америки.

Digitized by Google

удовлетворенія у этихъ несчастныхъ православныхъ, или же, въ лучшихъ случаяхъ, совершаются иновѣрными священниками, главнымъ образомъ католическими, которые, конечно, и не упускаютъ случая, чтобы смутить ихъ вѣрованія, часто соглашаясь на требоисправленіе не иначе, какъ при условіи перехода въ католичество, насилуя такимъ образомъ религіозное чувство несчастныхъ. Православные священники, хотя и наѣзжаютъ въ различныя американскія захолустья, въ которыхъ ютятся сотни и тысячи православныхъ, но чрезвычайно рѣдко, иногда только разъ въ три-четыре года, а иныя мѣста и долгіе годы не испытываютъ утѣшенія видѣть у себя пастыря церкви.

Для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей американской православной паствы, состоящей изъ *сорока слишкомъ тысячъ человѣкъ* и раскинутой притомъ по всему почти огромному пространству и безчисленнымъ островамъ сѣверной Америки, имѣется всего одинъ соборный храмъ (въ Санъ-Франциско) и шестнадцать приходскихъ церквей [1]). Нужно ли говорить, что этого весьма недостаточно? Но при всемъ томъ,—какъ констатируетъ послѣдній «всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева» (за 1890 — 91 гг., стр. 321), и «самый составъ православнаго духовенства въ отдаленныхъ приходахъ аляскинской территоріи не удовлетворителенъ. Крайне затруднительно было привлечь сюда достойныхъ священнослужителей изъ Россіи, и мѣстный клиръ пополнялся большею частью изъ случайныхъ пришельцевъ, изъ коихъ многіе и по образованію своему, и по нравственнымъ качествамъ своимъ, не отвѣчали духовнымъ потребностямъ паствы, а иные, подъ вліяніемъ среды, преданной матеріальнымъ интересамъ, дошли до забвенія своего пастырскаго долга. Мѣстное инородческое населеніе, по преданію, держится православной церкви и хранитъ благочестіе. Между некрещеными еще индѣйцами и колошами проявляется стремленіе къ крещенію и къ со-

[1]) Санъ-францискскій православный соборъ во имя св. Василія Великаго отличается благолѣпіемъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны; въ послѣдніе годы имъ пріобрѣтена прекрасная ризница и выписано изъ Москвы девять колоколовъ. Внутри храмъ имѣетъ живописныя иконы; хоръ пѣвчихъ стройно исполняетъ церковныя пѣснопѣнія и совершаемыя по воскресеньямъ и въ праздничные дни архіерейскія богослуженія всегда привлекаютъ многочисленныхъ богомольцевъ. Изъ 16 приходскихъ церквей пять находятся на островахъ (Ситхѣ, Кадьякѣ, Уналашкѣ, св. Павла и св. Георгія) и одиннадцать на материкѣ (въ гг. Велькесборѣ, Питсбургѣ, Страдорѣ, Джуно, Джексонѣ, Осуеолѣ и Миннеаполисѣ, и въ сс. Кенаѣ, Иконѣхоте, Квихтакѣ и Нучегѣ). Кромѣ того, имѣется еще 67 часовенъ и молитвенныхъ домовъ, но причтовъ они не имѣютъ и богослуженіе въ нихъ не совершается.

Digitized by Google

единенію съ православною церковью. Но въ этомъ дикомъ краѣ дѣйствуютъ уже съ успѣхомъ враги православія, главнымъ образомъ пресвитеріане и евреи. Пресвитеріанами ведется здѣсь усиленная пропаганда посредствомъ школъ, пріютовъ и др. учрежденій, располагающихъ обильными средствами, тогда какъ средства нашей миссіи крайне скудны».

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія съ мѣста доходятъ до насъ очень рѣдко. Изъ тѣхъ отрывочныхъ сообщеній, какія попадаются время отъ времени въ періодической печати, приходится заключить, что положеніе православія въ иныхъ мѣстностяхъ свободной заокеанской республики, особенно на Аляскинскомъ полуостровѣ, напоминаетъ тяжелую эпоху гоненій древнихъ временъ христіанства. Такъ, по сообщенію одного изъ мѣстныхъ дѣятелей православія, пресвитеріане съ ихъ миссіями «чинятъ просто неслыханныя насилія надъ алеутами, нанимаютъ у матерей ихъ дѣтей и въ своихъ пріютахъ воспитываютъ ихъ въ духѣ фанатическаго протестантизма; отъ ихъ жестокости не гарантированы даже члены православнаго клира, которыхъ иногда буквально побиваютъ». Немало терпитъ также дѣло православія за океаномъ и отъ національно-партійныхъ распрей, служащихъ нерѣдко исходомъ и вѣнцомъ всякихъ начинаній.

Въ послѣднее время, ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ православной американской церкви прибавились еще усиленные происки и козни католицизма среди православныхъ и уніатовъ, которые нынѣ осаждаются положительно со всѣхъ сторонъ. Успѣхи православія въ Новомъ свѣтѣ, главнымъ образомъ среди славянъ-уніатовъ, не на шутку встревожили римскую курію, и она теперь напрягаетъ всѣ усилія, не задумываясь по обыкновенію въ выборѣ средствъ, чтобы остановить обращеніе американскихъ уніатовъ и вообще помѣшать дѣлу православія на американской почвѣ. Самымъ надежнымъ средствомъ для этого въ Римѣ не безъ основанія считаютъ закабаленіе русскихъ и всѣхъ вообще уніатовъ въ Америкѣ польскимъ епископамъ, отъ духовнаго гнета которыхъ они главнымъ образомъ и бѣжали за океанъ. Съ этою цѣлью, по иниціативѣ прославившагося своей ненавистью къ православію и Россіи, извѣстнаго главы «пропаганды вѣры» (propaganda fidei) кардинала Ледоховскаго, всѣ греко-уніатскіе священники въ Америкѣ уже подчинены власти мѣстныхъ польскихъ епископовъ, причемъ священники эти получаютъ приходы не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія римской куріи,—и понятно, какіе священники удостоиваются такого разрѣшенія. Этими ревностными служителями Рима, для болѣе успѣшной пропаганды католицизма, основана уже въ Америкѣ и «русская» газета — «Американско-русскій вѣстникъ»,

Digitized by Google

издающійся на исковерканномъ до безобразія русскомъ языкѣ и служащій органомъ римской пропаганды на американской почвѣ. Интересно, что на виньеткѣ, украшающей заголовокъ этого латинопольскаго «Вѣстника», изображенъ графъ Л. Н. Толстой...

При такихъ условіяхъ, нашей миссіи не приходится, конечно, дремать и глава ея, преосвященный Николай, съ необыкновенною энергіею неутомимо работаетъ на пользу православія въ Новомъ свѣтѣ, всѣми силами борясь съ его явными и тайными врагами; онъ лично руководитъ всѣмъ дѣломъ, объѣзжаетъ свою обширную епархію, посѣщаетъ всѣ закоулки, стараясь по возможности удовлетворять важнѣйшія нужды церкви и потребности православнаго населенія. Кипучая дѣятельность американскаго святителя и всей нашей заокеанской миссіи не остается безъ результатовъ и наглядно сказывается на каждомъ шагу. Не смотря на всѣ усилія и козни враговъ-фанатиковъ, покровительствуемыхъ многими вліятельными лицами штатовъ, до президента Кливеленда включительно, въ настоящее время миссіонерскіе станы раскинуты уже по всей почти странѣ и знамя православія поднято на подобающую ему высоту. Въ послѣднее время, значительно улучшена организація церковнаго управленія въ странѣ, вызваны изъ Россіи новые священнослужители, замѣнившіе прежнихъ, оказавшихся недостойными своего званія; во многихъ приходахъ открыты начальныя (приходскія) школы, а на островахъ Ситхѣ и Уналашкѣ—двухклассныя образцовыя церковно-приходскія школы; основано нѣсколько церковныхъ братствъ, какъ-то: Рождество-Богородицкое въ Нью-Іоркѣ, Александро-Невское въ Питсбургѣ, Николаевское на островѣ Ситхѣ; открыто (въ Вилькесборѣ, Стриторѣ, Питсбургѣ) и проэктировано (въ Чикаго, Нью-Іоркѣ, Джуно, Джаксонѣ, Сеатли) нѣсколько новыхъ храмовъ и пр., и пр. Въ послѣднее время, православіе проникло уже и въ южную Америку, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Аргентинской республикѣ, насчитываются уже сотни различныхъ православныхъ національностей; въ одномъ только Буэносъ-Айресѣ, столицѣ республики, проживаетъ свыше трехсотъ православныхъ и здѣсь съ 1889 года существуетъ уже, единственная въ южной Америкѣ, православная церковь.

Все это, безъ сомнѣнія, представляетъ отрадное явленіе и послужитъ дѣлу распространенія и утвержденія православія въ Новомъ свѣтѣ. Но нужды американской православной церкви столь велики и обширны, что одними мѣстными, въ общемъ весьма скудными и недостаточными усиліями и средствами нечего и думать удовлетворить ихъ даже только частію. Чтобы свѣтъ православія вполнѣ озарилъ сознаніе и жизнь мѣстнаго православнаго населенія и чтобы церковь наша прочно оперлась на американской почвѣ,

Digitized by Google

получивъ возможность отражать вражескіе натиски и крѣпнуть на тордость Россіи—для этого нужны не два-три новыхъ храма, а цѣлые десятки ихъ (о чемъ уже давно просятъ многія общины, какъ напримѣръ, Викторіи, Фреско, Санъ-Діего, Портланда и др.); нужны священнослужители и священнодѣятели, нужны школы, православная обитель; наконецъ, нуженъ печатный органъ въ православномъ духѣ, какого до сего времени нѣтъ въ Америкѣ. «Надобно непремѣнно издавать газету или журналъ—говоритъ преосвященный Николай—и просвѣщать погруженный въ невѣжество народъ; надобны книги, брошюры, толково написанныя и на природномъ нарѣчіи».

Для всего этого требуется немало трудовъ и средствъ, и мѣстная миссія,—нельзя не отдать ей должнаго,—не жалѣетъ трудовъ на святое дѣло, которому призвана служить. Но средства ея чрезвычайно ограничены и это роковое обстоятельство разбиваетъ всѣ ея порывы, удобряя тѣмъ лишь почву для пропаганды исконныхъ враговъ православія. Открыть болѣе широкій просторъ для дѣятельности нашей американской миссіи и обезпечить ея успѣхи можетъ помощь извнѣ и, конечно, ни откуда болѣе не можетъ она ждать ее,—какъ только изъ православной Россіи.

Русскій народъ всегда отзывчивъ на нужды православной церкви, какъ у себя дома, такъ и вездѣ, гдѣ удалось ей пріютиться; онъ близко принимаетъ къ сердцу ея интересы и дѣло ея считаетъ своимъ собственнымъ. Въ данномъ случаѣ, правда, нѣтъ той связи православія съ русской народностью, которую мы привыкли считать неразрывной и которая, главнымъ образомъ, дѣлаетъ интересы церкви нашими собственными интересами,—такъ какъ значительная часть православныхъ въ Америкѣ не русской національности, да и вообще задачи православія тамъ не имѣютъ въ виду національныхъ нашихъ интересовъ и задачъ. Но это обстоятельство нисколько не можетъ и не должно ослаблять въ насъ интереса къ американской православной церкви. Не говоря уже о религіозномъ чувствѣ, которое не можетъ не говорить въ насъ, а также и о томъ, что въ составъ американской церкви входятъ все таки—и въ немалой части—единоплеменные и даже единокровные намъ братья,—дѣло это весьма близко Россіи, какъ государству, стоящему во главѣ православія. Вѣковой юбилей православія въ Новомъ свѣтѣ не можетъ, поэтому, не обратить взоры русскихъ людей на эту отдаленную страну, гдѣ пріютилась и быстро пріумножается православная наша церковь.

Нынѣ, какъ нельзя болѣе кстати, св. синодомъ открытъ сборъ пожертвованій на нужды православной церкви въ Америкѣ; сборъ открытъ по ходатайству преосвященнаго Николая, епископа алеут-

Digitized by Google

скаго и аляскинскаго, который справедливо указываетъ, что «въ семъ случаѣ упованія наши должны быть возлагаемы не столько на правительство наше, сколько на частную благотворительность». И несомнѣнно, что Россія отзовется на этотъ призывъ и не уклонится отъ помощи и поддержки православной американской церкви съ ея сорока тысячами сыновъ, жаждущихъ, но не получающихъ удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей.

А. Липранди.

Digitized by Google

НЕДОСТАТКИ НАШЕГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО ПРОЦЕССА.

I.

Каждое общественное учрежденіе, съ точки зрѣнія его оцѣнки, состоитъ обыкновенно изъ достоинствъ и недостатковъ. Въ самомъ неудачномъ институтѣ можно отыскать какія нибудь хорошія стороны. Исключеніе составляетъ нашъ гражданскій исполнительный процессъ, состоящій сплошь только изъ однихъ недостатковъ и не заключающій въ себѣ никакихъ достоинствъ: ни быстроты,—главнаго качества исполненія,—ни простоты и удобства для взыскателя, ни дешевизны, ни достиженія цѣли. Разсмотримъ каждый изъ этихъ недостатковъ.

1) Въ то время какъ за границей, по крайней мѣрѣ, въ Швейцаріи и во Франціи, обыкновенно въ тотъ же день, когда постановленъ приговоръ и полученъ исполнительный листъ, послѣ полудня приходитъ къ отвѣтчику судебный приставъ и, въ случаѣ неуплаты, тутъ же накладываетъ арестъ,—у насъ даже по маленькимъ дѣламъ рѣдко проходитъ меньше недѣли между моментомъ полученія исполнительнаго листа и фактическимъ его исполненіемъ,—срокъ вполнѣ достаточный отвѣтчику для настоящаго или фиктивнаго освобожденія себя отъ имущества, подлежащаго аресту за долгъ. Создавши для мелкихъ дѣлъ особое упрощенное, скорое и удобное мировое судопроизводство, редакторы судебныхъ уставовъ, съ непостижимою непослѣдовательностью, забыли, что если для мелкихъ дѣлъ необходимо особое упрощенное и ускоренное судебное разбирательство, то еще болѣе необходимо по такимъ дѣламъ упрощенное и *ускоренное исполненіе*, а его-то именно и не дали по мелкимъ дѣламъ, а сшили только бѣлыми нитками мировое судебное разбирательство съ общимъ исполненіемъ.

2) О какихъ нибудь удобствахъ и простотѣ исполненія гражданскихъ рѣшеній по нашимъ законамъ и говорить нечего: ихъ совсѣмъ не существуетъ. Повидимому, редакторы уставовъ Александра II, и при нормировкѣ исполнительнаго производства, не

Digitized by Google

чужды были желанія руководиться «состязательнымъ принципомъ», совершенно неумѣстнымъ въ исполненіи, гдѣ спора быть не должно, гдѣ споръ рѣшенъ, гдѣ иска нѣтъ, а вмѣсто него—указъ отъ имени верховной власти. Вмѣсто того чтобы устроить такой способъ исполненія, при которомъ истецъ, выигравши дѣло и получивши исполнительный листъ, могъ бы успокоиться, считать себя обезпеченнымъ относительно осуществленія своего права, изложеннаго въ исполнительномъ листѣ столь категорически отъ имени императорскаго величества, и не нанимать уже болѣе адвоката для хлопотъ,—у насъ, напротивъ, самыя трудныя хлопоты и самые большіе расходы для взыскателя *только и начинаются съ момента полученія имъ исполнительнаго листа*. Сколько разъ приходится взыскателю съѣздить къ судебному приставу и съ нимъ на опись, на арестъ, на продажу; сколько хлопотъ предстоитъ со врученіемъ повѣстки, продажей, отсрочками, возраженіями отвѣтчика и третьихъ лицъ при описи, и пр., и пр. А сколько на все это нужно невозвратныхъ расходовъ, потери времени, и какъ отражается это на мелкихъ дѣлахъ, — понятно само собою. Если же взыскатель не найметъ для исполненія повѣреннаго, а самъ не будетъ шагъ за шагомъ сопровождать пристава на опись и на продажу, не попроситъ у него «совѣта», какъ лучше это устроить и пр., и оставитъ все на его усмотрѣніе,—такой неопытный взыскатель изъ десяти исполнительныхъ листовъ получитъ развѣ только по одному и тогда убѣдится, что грозныя повелѣнія, прописанныя въ исполнительномъ листѣ «всѣмъ мѣстамъ и лицамъ»... о немедленномъ осуществленіи его права, на практикѣ совсѣмъ не такъ грозны, или, какъ говорится въ пословицѣ: «сердиты, да не сильны»... Дороговизна нашего гражданскаго исполнительнаго процесса находится въ тѣсной связи съ личнымъ составомъ корпораціи судебныхъ приставовъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

3) Ни о какомъ достиженіи цѣли нашимъ гражданскимъ исполнительнымъ процессомъ не можетъ быть и рѣчи, когда его сплошные недостатки создали у насъ на практикѣ, рядомъ съ нимъ, неписаный, но весьма популярный, постоянно дѣйствующій и развивающійся грандіозный *процессъ уклоненія отъ взысканія*, всецѣло состоящій изъ систематическаго обхода V-го раздѣла II-й книги устава гражданскаго судопроизводства. Этотъ нелегальный процессъ уклоненія имѣетъ у насъ свои неписаныя нормы, принципы, обычаи, простые и сложные пріемы, судебную практику, классификацію по способамъ уклоненія и пр., и пр., и распадается на два главныхъ раздѣла: 1) затягиваніе исполненія, и 2) совершенное освобожденіе отвѣтчика отъ взысканія. Практикуемые у насъ пріемы и способы этого, если такъ можно выразиться, *уклонительнаго процесса* такъ

Digitized by Google

многочисленны, такъ разнообразны, порою такъ сложны, а иногда столь высоко остроумны, что можно бы, собравши ихъ, написать цѣлое обширное «Руководство къ наставленію отвѣтчиковъ и адвокатовъ въ веденіи дѣлъ по уклоненію отъ взысканія». Кому изъ адвокатовъ не приходилось наблюдать такія, напримѣръ, сцены. Взыскатель, по исполнительнымъ листамъ примѣрно на 10,000 р., описалъ движимое имущество отвѣтчика на 5,000 руб., находившееся въ его квартирѣ, за которую онъ, отвѣтчикъ, платитъ 1500 р. въ годъ; кромѣ того, у отвѣтчика есть двѣ лавки въ гостинномъ дворѣ на имя жены. Повѣренный жены отвѣтчика, присяжный повѣренный, проситъ судъ — все это имущество отъ описи освободить, какъ личную собственность своей довѣрительницы, что подтвердилъ приведенный повѣреннымъ цѣлый рядъ благородныхъ свидѣтелей, прикащиковъ отвѣтчика, причемъ повѣренный жены отвѣтчика совершенно серьезно, и даже съ участіемъ ко взыскателю, предлагаетъ ему обратить взысканіе и наложить арестъ на жалованье отвѣтчика, получаемое имъ *въ размѣрѣ 5 р. въ мѣсяцъ*. Взыскатель возмущается такимъ издѣвательствомъ, указываетъ на очевидную несоразмѣрность пятирублеваго жалованья съ дорогой квартирой и пышной обстановкой; но ничего изъ этого не вышло. Свидѣтели, прикащики, согласно показывали, какъ по писаному, что еще до брака описанное имущество принадлежало женѣ отвѣтчика,—и судъ освободилъ имущество отъ описи, а взыскателю предоставилъ по его исполнительнымъ листамъ болѣе чѣмъ на 10,000 руб. наложить арестъ на 5 рублевое жалованье отвѣтчика. Или, напримѣръ, истецъ описалъ движимое имущество отвѣтчика въ занимаемой квартирѣ. Тогда на сцену выступилъ повѣренный отца отвѣтчика, присяжный повѣренный, заявляя, что описанное имущество принадлежитъ несовершеннолѣтнему брату отвѣтчика, что братъ этотъ умеръ, а потому присяжный повѣренный проситъ пріостановить продажу описаннаго имущества, впредь до назначенія опеки для охраны собственности умершаго (жившаго всегда съ отцомъ въ его квартирѣ, не имѣвшаго даже своей комнаты, несовершеннолѣтняго, полгода назадъ умершаго, причемъ ни отецъ, ни братъ-отвѣтчикъ ни о какой опекѣ не просили). Не смотря на протесты истца противъ этой комедіи опеки, продажа была пріостановлена впредь до назначенія опеки, и такимъ образомъ исполненіе благополучно затянуто на нѣсколько мѣсяцевъ.

Я привелъ здѣсь примѣры довольно типичныхъ способовъ и пріемовъ «уклонительнаго процесса» перваго и втораго рода. Но часто приходится слышать и даже наблюдать болѣе сложные пріемы уклонительнаго производства, пріемы глубоко задуманные и превос-

Digitized by Google

ходно исполняемые, сопровождающіеся обыкновенно: или предъявленіемъ составленныхъ заднимъ числомъ фиктивныхъ, но строго формальныхъ документовъ,—купчихъ, рядныхъ и т. п.,—о принадлежности имущества отвѣтчика другому лицу; или наймомъ квартиры на чужое имя, проживательствомъ безъ прописки и пр. Отвѣтчикъ, ловко уклонившійся отъ взысканія,—напримѣръ, передавшій фиктивно свою движимость и фиктивно взявшій ее же, по документу, въ пользованіе, или нанимающій квартиру на имя своего знакомаго, причемъ самъ онъ играетъ только роль жильца,—нисколько не опасается визита къ нему пристава со взыскателемъ. Онъ встрѣчаетъ ихъ любезно, предлагая взыскателю или его повѣренному описать по исполнительному листу его грязное бѣлье, просить еще разъ пожаловать, чтобы сдѣлать взыскателю, уплачивающему приставу впередъ за исполненіе, побольше расходовъ. Самъ отвѣтчикъ не платитъ ничего и не рискуетъ ничѣмъ. Русская публика такъ освоилась съ практикой уклоненія отъ уплаты долга, что иногда порядочные и интеллигентные люди, не стѣсняясь, прямо обращаются къ адвокатамъ за юридической помощью для уклоненія отъ взысканія. Еще болѣе освоилась съ уклонительнымъ процессомъ русская адвокатура, въ средѣ которой этотъ процессъ выработалъ вдобавокъ къ четыремъ, искони существовавшимъ, типамъ русскихъ адвокатовъ (цивилисты, криминалисты, конкурсныхъ дѣлъ мастера и адвокаты по бракоразводнымъ дѣламъ) пятый типъ—спеціалистовъ по уклоненію отъ взысканій. Въ практическомъ отношеніи,—т. е. въ смыслѣ зашибанія копѣйки,—эта спеціальность самая выгодная, и нельзя сказать, чтобы рискованная, такъ какъ при этомъ подлоги и другія непохвальныя дѣйствія совершаются рукою довѣрителя, а самъ адвокатъ остается въ сторонѣ и дѣйствуетъ во всеоружіи формальной «корректности, закономѣрности и законосообразности».

4) Если разсмотрѣть исполнительныя обязанности судебнаго пристава по существу, какъ ближайшаго посредника между законами страны и народомъ, дѣйствующаго каждый разъ именемъ и по указу верховной власти,—что подчеркивается на всякомъ исполнительномъ листѣ прописаніемъ титула императорскаго величества,—посредника, возвышающаго своими дѣйствіями авторитетъ и достоинство законовъ или, наоборотъ, роняющаго ихъ въ глазахъ народа; наконецъ, какъ человѣка, которому, въ примѣненіи теоретическаго рѣшенія къ частной жизни, постоянно приходится проявлять особенный тактъ, терпѣніе, предусмотрительность; обуздывать жадность взыскателя, нерѣдко готоваго содрать съ должника послѣднюю рубашку или описать дѣйствительно чужое имущество; предупреждать увертки и изворотливость отвѣтчика, всегда старающа-

Digitized by Google

гося ускользнуть отъ взысканія,—то нельзя не признать, что обязанности судебнаго пристава нисколько не менѣе почтенны и нисколько не менѣе трудны, чѣмъ обязанности судьи и прокурора, и что для надлежащаго исполненія ихъ безусловно требуется юристъ, членъ судебнаго сословія.

Теперь посмотримъ, кому же если не судебные уставы, то практика вручила столь важныя исполнительныя обязанности и какъ она ихъ обставила? Первою ошибкой было возложеніе на судебныхъ приставовъ, наряду съ важными исполнительными функціями, чисто служительскихъ и курьерскихъ обязанностей во время судебныхъ засѣданій, чѣмъ сразу корпорація судебныхъ приставовъ была сведена съ пьедестала членовъ судебнаго сословія и поставлена ближе къ сторожамъ суда, чѣмъ къ судьямъ, въ видѣ какой-то, «въ нѣкоторомъ родѣ», кондукторской бригады на желѣзныхъ дорогахъ. Въ камерахъ мировыхъ судей, во время засѣданій, эти обязанности судебныхъ приставовъ исполняютъ, какъ извѣстно, простые сторожа, и ничуть не хуже судебныхъ приставовъ, а обращеніе съ ними мировыхъ судей, напримѣръ, столичныхъ, во много разъ лучше высокомѣрнаго и олимпійскаго обращенія предсѣдателей окружныхъ судовъ съ судебными приставами. Первая ошибка повела за собой вторую, уже непоправимую. Съ самаго начала судебной реформы и до сихъ поръ кадры судебныхъ приставовъ стали наполняться и до сихъ поръ наполняются не изъ среды русской интеллигенціи, которая нейдетъ въ эту корпорацію:—кому же охота исполнять служительскія обязанности въ судебныхъ засѣданіяхъ, хотя бы въ судейскомъ мундирѣ и съ цѣпью на шеѣ?—а изъ самыхъ послѣднихъ подонковъ разночинства, изъ той среды, откуда рекрутируются урядники, становые пристава и тому подобные низшіе органы администраціи:—изъ среды оставшихся за штатомъ чиновниковъ старыхъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ; недоучекъ, убоявшихся бездны премудрости; оскудѣвшихъ дворянъ съ домашнимъ образованіемъ; преждевременно оставившихъ службу офицеровъ стараго, отжившаго типа и т. под. сброда, не имѣющаго никакихъ принциповъ, никакого самолюбія и ничего вообще, кромѣ огромныхъ апетитовъ, пришедшаго въ новые суды не помогать правосудію, а исключительно «кормиться» по старинному, и сразу принесшаго на этой службѣ во всей Россіи, гдѣ были введены новые суды, обильные и зрѣлые, но горькіе плоды, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Плодомъ такого неудачнаго личнаго состава корпораціи судебныхъ приставовъ явилось, какъ и слѣдовало ожидать, общее (объ исключеніяхъ я не говорю) и теперь уже традиціонное своекоры-

Digitized by Google

стіе членовъ этой корпораціи, своекорыстіе хорошо извѣстное всему русскому обществу и каждому, кто имѣлъ дѣло съ приставами, а корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ даже лучше всѣхъ, такъ какъ присяжные повѣренные и вообще адвокаты принимаютъ въ немъ самое горячее, хотя и вынужденное участіе, въ качествѣ «лиходателей», по выраженію нашего уложенія о наказаніяхъ (382 ст.)...

Взыскателю или его повѣренному не «поблагодарить», какъ принято выражаться, судебнаго пристава за опись, за арестъ, за продажу, за всякое исполнительное дѣйствіе—положительно невозможно. На основаніи одной и той же 969 ст. уст. гражд. судопр., судебный приставъ въ одномъ случаѣ немедленно арестуетъ, по просьбѣ взыскателя, имущество у отвѣтчика, не вручая послѣднему лично повѣстки (обыкновенно отвѣтчика «дома нѣтъ»), а оставляя ее у дворника; въ другомъ же, совершенно одинаковомъ случаѣ—отказываетъ взыскателю въ немедленной описи, безъ врученія повѣстки лично отвѣтчику, и назначаетъ послѣднему 7-дневный срокъ (970 ст. уст. гр. суд.) на явку, по истеченіи котораго, разумѣется, никакого имущества у отвѣтчика не оказывается, описывать уже нечего, а взыскателю, впередъ уплатившему за исполненіе, за повѣстки, за путевые расходы, и потерявшему время, — ничего не остается, какъ взять обратно свой листъ у пристава и впередъ быть умнѣе и благодарнѣе къ нему. При исполненіи, дорогъ не только день, а каждый часъ, и здѣсь все зависитъ отъ пристава: разсчитываетъ онъ на благодарность отъ взыскателя, тогда наложитъ арестъ сейчасъ же на всякое имущество, въ случаѣ нужды даже вечеромъ; разсчитываетъ на благодарность со стороны отвѣтчика, тогда онъ ставитъ дѣло въ очередь, назначаетъ на явку отвѣтчику и для описи продолжительные законные сроки, вполнѣ достаточные для перевода или укрывательства любаго имущества; въ результатѣ взыскатель ничего не получаетъ. Сплошь и рядомъ, и та, и другая сторона, — и взыскатель, и отвѣтчикъ, — благодарятъ судебнаго пристава, и недаромъ. Напримѣръ, производитъ приставъ опись и наложеніе ареста по просьбѣ взыскателя, который и благодаритъ его, смотря по цѣнности описаннаго имущества. При этомъ отвѣтчикъ, послѣ того какъ его возраженія противъ описи оставляются приставомъ безъ уваженія, обыкновенно освѣдомляется, когда приставъ бываетъ дома и гдѣ живетъ; тотъ весьма обязательно и подробно даетъ свой адресъ и проситъ отвѣтчика пожаловать, когда угодно. Отвѣтчикъ является къ приставу и получаетъ отъ него полезный совѣтъ, иногда даже лучшій, чѣмъ могъ бы дать присяжный повѣренный.

Digitized by Google

А сколько другихъ услугъ взыскателю, не предусмотрѣнныхъ въ уставахъ, окажетъ судебный приставъ, увѣренный, что взыскатель или его присяжный повѣренный—человѣкъ «порядочный», какъ принято въ такихъ случаяхъ выражаться; тогда приставъ и дворника приструнитъ, если дворникъ, подкупленный отвѣтчикомъ, дастъ самые неопредѣленные отвѣты на вопросы: на чье имя нанята квартира, занимаемая отвѣтчикомъ, гдѣ у него лежатъ вещи, гдѣ онъ самъ и пр., или подождетъ взысканныя деньги отправлять въ судъ, или полицію во-время позоветъ, или на отвѣтчика повліяетъ убѣжденіемъ, суровостью, и пр. Довѣрители всегда охотно поощряютъ своихъ присяжныхъ повѣренныхъ ладить съ судебными приставами, понимая, что это неизбѣжно и въ ихъ же интересахъ. Въ дѣлахъ мелкихъ, когда сумма взысканія не превышаетъ 10—25 руб.,—такъ что благодарить очень убыточно для взыскателя,—нѣкоторые пристава вознаграждаютъ себя инымъ способомъ; напримѣръ, описавши и затѣмъ продавши имущество отвѣтчика рублей на 10, они, при разсчетѣ со взыскателемъ, вычитаютъ съ него за эти исполнительныя дѣйствія примѣрно 1 р. 40 к., тогда какъ по таксѣ слѣдуетъ всего 50 к. При этомъ приставъ обыкновенно обращается съ вопросомъ ко взыскателю: «Можетъ быть, вамъ нужно квитанцію?.. если вы требуете!»— и говоритъ такимъ тономъ, что всякій сколько нибудь понимающій отношенія взыскатель, а тѣмъ болѣе адвокатъ, спѣшитъ отвѣтить:— «Пожалуйста, не безпокойтесь»! Или иногда, получивши за исполненіе впередъ отъ взыскателя и взыскавши эти деньги съ отвѣтчика, приставъ нерѣдко «забываетъ» возвратить ихъ взыскателю, т. е. беретъ вдвое за исполненіе. А напомнить ему, со стороны адвоката, затруднительно. Вѣдь приставъ обидится и, какъ человѣкъ необразованный, выразитъ это въ грубой формѣ, а—главное— впередъ будетъ поступать съ вами, взыскателемъ, «по закону», т. е. назначая длинные сроки, очередь, всюду опаздывая и пр., къ явному ущербу вашихъ довѣрителей, которымъ нѣтъ дѣла ни до чего, а нужно поскорѣе получить деньги. По окончаніи каждаго отдѣльнаго исполнительнаго дѣйствія, напримѣръ, описавши, но не продавши еще имущества, приставъ, не дожидаясь ни одного дня, спѣшитъ передать листъ мировому судьѣ, на основаніи своеобразнаго толкованія 957 ст. уст. гр. судопр., и взыскателю приходится снова брать листъ отъ судьи и опять предъявлять его приставу, уплачивая впередъ *снова* и расходы по исполненію, чего ради приставъ такъ и спѣшитъ съ передачей листа мировому судьѣ.

Въ провинціи судебные пристава, выѣзжая изъ города въ уѣздъ на десятки верстъ, чтобы исполнить рѣшеніе, обыкновенно, вопреки закону, берутъ себѣ прогоны сполна по каждому дѣлу отъ города

Digitized by Google

до мѣстъ исполненія, хотя бы послѣднія находились въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, что̀ ложится, особенно по небольшимъ дѣламъ, огромной тяжестью или на взыскателя, или на отвѣтчика.

Такими и тому подобными разнообразнѣйшими и многочисленными путями и способами нѣкоторые судебные пристава, при своемъ небольшомъ жалованьѣ, зарабатываютъ очень хорошій гонораръ, иные до 4—6 т. р. въ годъ.

Нельзя отрицать практической пользы личнаго участія присяжныхъ повѣренныхъ въ исполненіи: при описи, арестѣ, продажѣ и пр., для контроля надъ приставомъ; но вообще трудно себѣ представить что нибудь тяжелѣе, отвратительнѣе и позорнѣе личнаго участія присяжнаго повѣреннаго въ способахъ исполненія. Какую не юридическую, странную, нерѣдко жалкую роль соглядатая приходится, напримѣръ, при описяхъ играть присяжному повѣренному, вполнѣ подчиненному приставу, дѣйствующему изъ-за его спины, не гарантированному отъ грубыхъ выходокъ и оскорбленій со стороны отвѣтчика и пр., и пр.

Наконецъ, считаю не лишнимъ, передъ выводами, сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ между корпораціями судебныхъ приставовъ и присяжныхъ повѣренныхъ. На взаимныхъ отношеніяхъ членовъ той и другой корпораціи,—людей, столь удаленныхъ другъ отъ друга по образованію и развитію,—оправдывается, между прочимъ, знаменитый афоризмъ Шопенгауэра, что «людей соединяютъ не убѣжденія, а интересы».

Въ противоположность товарищескимъ отношеніямъ, установившимся между магистратурой и адвокатурой во Франціи и Швейцаріи, у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Развѣ по очень рѣдкому исключенію у насъ сходятся на равной ногѣ присяжные повѣренные съ судьями или прокурорскимъ надзоромъ. Напротивъ, всякій день можно наблюдать, хотя бы въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ присяжный повѣренный, выслушивая или спрашивая какую нибудь справку, не только у члена, но даже у секретаря суда, стоитъ передъ нимъ въ такой выгнутой позѣ, съ выраженіемъ такого излишне усерднаго и никому не нужнаго послушанія, такого искательства въ лицѣ и въ глазахъ, приговаривая:—«слушаю-съ!.. слушаю-съ»! [1]), что становится обидно за русскую адвокатуру.

Совсѣмъ другія отношенія существуютъ у присяжныхъ повѣрен-

[1]) Особенно, если присяжный повѣренный—полякъ или еврей, съ которыми русскіе, по свойственной ихъ національности нѣкоторой мужиковатости, никогда не могутъ соперничать на поприщѣ «галантерейнаго обращенія», пріятныхъ манеръ и искательства...

Digitized by Google

ныхъ съ судебными приставами. Представители той и другой корпораціи живутъ между собою, что называется, душа въ душу, близко и согласно, любятъ бывать другъ у друга, обходятся часто на «ты» и, сходясь днемъ на описяхъ или въ судѣ, послѣ трудовъ, вмѣстѣ, какъ истинные коллеги и ягоды одного поля, отдыхаютъ въ трактирахъ, «заведеніяхъ», клубахъ экономистовъ, семейныхъ садахъ и тому подобныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. И если въ нравственномъ отношеніи присяжные повѣренные отъ такого сближенія съ судебными приставами много проигрываютъ, зато въ практическомъ отношеніи, пріобрѣвши себѣ дружбу и расположеніе приставовъ, выигрываютъ неизмѣримо больше, чѣмъ адвокатъ, снискавшій себѣ хотя бы самое высокое уваженіе и симпатіи судей и прокурорскаго надзора.

II.

Приступая къ резюмированію всего изложеннаго здѣсь объ исполнительномъ процессѣ и къ указанію,—въ видѣ тезисовъ,—желательныхъ измѣненій въ нашихъ законахъ, я долженъ предупредить, что дѣлаю свои выводы на основаніи преимущественно мелкой практики, маленькихъ дѣлъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ дѣла крупныя. Если же я рѣшаюсь здѣсь дѣлать общіе выводы на основаніи знакомства съ некрупными исполнительными дѣлами, то это по убѣжденію, что только тѣ законы и мѣры заслуживаютъ наибольшаго уваженія и наиболѣе благодѣтельны, которыя прежде всего и больше всего заботятся о нуждахъ и интересахъ маленькихъ людей съ ихъ маленькимъ горемъ и мелкими дѣлами, и стараются обезпечить имъ равенство справедливыхъ и простыхъ порядковъ.

Итакъ, вотъ измѣненія, представляющіяся мнѣ самыми необходимыми въ нашихъ законахъ о гражданскомъ исполнительномъ процессѣ:

1) Необходимо отмѣнить *взысканіе впередъ* со взыскателя установленныхъ таксой сборовъ судебному приставу за исполнительныя дѣйствія. Должно взыскивать эти сборы только съ одного отвѣтчика и не взыскивать ихъ совсѣмъ, если у отвѣтчика, дѣйствительно, никакого имущества не окажется.

2) Должно установить,—подобно тому, какъ установлено это во Франціи,—штрафъ съ отвѣтчика за самый приходъ къ нему пристава съ исполнительнымъ листомъ, и взыскивать этотъ штрафъ (во Франціи онъ равняется 7 фр. за каждый визитъ huissier къ отвѣтчику и идетъ въ пользу перваго) какъ государственный сборъ,

Digitized by Google

во что бы то ни стало, даже по окончаніи исполненія, дабы пріучить отвѣтчиковъ — предупреждать появленіе пристава добровольнымъ исполненіемъ, во избѣжаніе штрафа.

3) Должно совершенно отмѣнить извѣщеніе приставомъ отвѣтчика объ исполненіи и назначеніи срока для явки отвѣтчика къ исполненію и къ аресту его имущества (942, 968 и 970 ст. уст. гражд. суд.), такъ какъ это совершенно безполезно и только даетъ отвѣтчику возможность во-время укрыть свое имущество отъ описи и ареста.

4) Должно, по крайней мѣрѣ, вдвое сократить сроки, назначаемые судебнымъ приставомъ для продажи (1027 ст. уст. гражд. суд.) арестованнаго имущества, храненіе котораго должно прежде всего предоставить взыскателю, во избѣжаніе столь частыхъ теперь случаевъ увоза или порчи отвѣтчикомъ его арестованнаго имущества, обыкновенно передаваемаго на храненіе ему же; а преслѣдовать его за это судомъ, по небольшимъ дѣламъ, очень убыточно для взыскателя.

5) Должно категорически (а не такъ неопредѣленно, какъ изложено въ отрицательной формѣ 1091 статьею уст. гражд. судопр.) обязать судебнаго пристава описывать всякое имущество по указанію взыскателя, даже имущество, находящееся въ чужой квартирѣ, съ сохраненіемъ, разумѣется, 1092 ст. уст. гр. суд., что подсѣкло бы въ весьма значительной степени нелегальный процессъ уклоненія отъ исполненія.

6) Должно, для ускоренія исполненія, передавать исполнительный листъ судебному приставу непосредственно изъ суда, не безпокоя отвѣтчика необходимостью самому являться съ листомъ къ приставу, и должно передавать листъ приставу обязательно въ тотъ же день, когда листъ готовъ и подписанъ,—по возможности въ день рѣшенія,—и на самомъ листѣ вписывать изъ исковой взыскателя указаніе на имущество отвѣтчика, на которое взыскатель проситъ наложить арестъ, дабы приставъ и безъ явки взыскателя, при первой же возможности, могъ наложить арестъ на это имущество, по возможности въ тотъ же день (въ городѣ) или на слѣдующій по полученіи имъ листа.

Введеніе въ исполнительный процессъ указанныхъ въ этихъ 6-ти пунктахъ измѣненій несомнѣнно подорвало бы въ корнѣ существующій у насъ на практикѣ и растлѣвающій правосудіе процессъ уклоненія отъ исполненія; подняло бы мелкій кредитъ въ странѣ и значительно сократило бы расходы населенія на наемъ адвокатовъ.

7) Должно совершенно устранить личное участіе присяжныхъ повѣренныхъ въ описяхъ, арестахъ и продажахъ имущества от-

Digitized by Google

вѣтчика, такъ какъ обязанности соглядатая и комисіонера, неизбѣжныя для присяжныхъ повѣренныхъ при такомъ участіи, совершенно несовмѣстны съ самымъ скромнымъ человѣческимъ достоинствомъ и опошляютъ присяжную адвокатуру.

8) Должно совершенно освободить судебныхъ приставовъ отъ служительскихъ обязанностей въ засѣданіяхъ судовъ, съ возложеніемъ этихъ обязанностей по принадлежности: на курьеровъ, сторожей и разсыльныхъ.

9) Но всѣ вышеуказанныя реформы въ исполнительномъ процессѣ не приведутъ къ цѣли и будутъ искажены на практикѣ или останутся мертвою буквою, если не настоять, чтобы русскому населенію и правосудію была оказана величайшая милость упраздненіемъ нынѣшняго личнаго состава корпораціи судебныхъ приставовъ, совершенно непригодныхъ къ осуществленію задачъ правосудія, къ поддержанію въ населеніи авторитета высшей государственной власти, и замѣны ихъ новымъ составомъ судебныхъ приставовъ изъ настоящихъ членовъ судебнаго сословія, — молодыхъ юристовъ, кандидатовъ на судебныя должности, служебное положеніе которыхъ, не смотря на реформы, въ немъ произведенныя по иниціативѣ нынѣшняго министра юстиціи Н. В. Муравьева, до сихъ поръ остается невполнѣ опредѣленнымъ и удовлетворительнымъ. А между тѣмъ, еслибы русскіе молодые юристы начинали свою служебную карьеру съ должности судебнаго пристава, то вмѣсто механическої канцелярской переписки, которою они теперь безполезно занимаются цѣлые годы, какую бы полезную и поучительную житейскую школу, на первыхъ порахъ по вступленіи въ жизнь, имѣли они, гарантированные уже одной своей молодостью отъ паденія предъ соблазнами, а по своему образованію и молодой энергіи вполнѣ способные—не только совмѣстить интересы взыскателя и отвѣтчика, обуздывая жадность перваго и не допуская до полнаго разоренія втораго, но и поставить на первое мѣсто уваженіе къ закону и абсолютное ему повиновеніе.

В. Птицынъ.

Digitized by Google

Озаренное окно.

Проходилъ я больной и усталый,
Буря выла во мракѣ ночномъ,
Лишь свѣтился огонь запоздалый
Въ одинокомъ окошкѣ твоемъ.

Я взглянулъ—и звѣздой путеводной
Мнѣ блеснуло окошко твое.
Милый другъ, этой ночью холодной
Жарко билося сердце мое!

Въ этомъ мракѣ суровомъ—свѣтлѣе
Разгоралися думы мои
И тебѣ, обольстительной феѣ,
Пѣли въ сердцѣ моемъ соловьи...

К. Фофановъ.

Digitized by Google

ВЪ ПАУТИНѢ.

Землевладѣльческая эпопея.

I.

Аполлонъ Мечтаевъ.

Отъ природы онъ былъ «добрѣйшій человѣкъ»... Всѣхъ-то онъ любилъ, всѣхъ-то онъ жалѣлъ и всякому готовъ былъ отдать то, что имѣлъ. Ему было какъ-то неловко «имѣть», и знать, что другой «не имѣетъ»... Затѣмъ, по нынѣшнимъ временамъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ Мечтаева была незыблемая, непоколебимая вѣра въ людей. Онъ воображалъ, что окруженъ небожителями, предполагалъ, что если самъ онъ не пакоститъ людямъ, то и они не станутъ ему пакостить; думалъ, что тотъ человѣкъ, которому онъ сдѣлалъ добро или оказалъ услугу, скажетъ ему спасибо отъ души, а, быть можетъ, и самъ когда нибудь отслужитъ; думалъ, что тотъ, который говоритъ: «я твой другъ», и въ самомъ дѣлѣ—другъ, а не просто «добрый знакомый», временно въ немъ нуждающійся и только потому награждающій его поцѣлуями Іуды-предателя... Ему было 25 лѣтъ, когда, кончивъ курсъ въ университетѣ и женившись на молоденькой барышнѣ-институткѣ, въ которую влюбился, еще будучи гимназистомъ, онъ серьезно задумался о томъ: «что теперь дѣлать»?.. Благодаря «кандидатскому» диплому, онъ могъ бы, конечно, служить. Но онъ любилъ свободу и не охотникъ былъ до канцелярій и начальства; самъ онъ не хотѣлъ «властвовать» и начальствовать надъ нѣсколькими писцами, но не желалъ, чтобы и его, всю жизнь, какое нибудь начальство держало, какъ блоху, между столомъ и ногтемъ большаго пальца: «пожелаю—раздавлю, пожелаю—помилую»!.. Любить свободу и пользоваться ею, конечно, немалая роскошь для человѣка, но — сердцу не закажешь—Мечтаевъ все таки любилъ ее и, имѣя пятнадцать тысячъ наслѣдственныхъ денегъ, намѣревался, по возможности, пользоваться ею. Поэтому, въ концѣ концовъ, онъ надумалъ купить не-

Digitized by Google

большое имѣнье, поселиться въ немъ навсегда и—«не богато, но счастливо»—жить себѣ въ немъ на малые доходы, да работать... «А свобода—гдѣ жь ее найдешь еще, если не на своемъ клочкѣ земли, не на лонѣ природы»?—думалось ему... Деревню онъ любилъ, любилъ деревенскую жизнь и природу, и ему казалось, что онъ пристрастится къ сельскому хозяйству... «Великаго учителя»—Толстаго—онъ читалъ со вниманіемъ; но, хотя раньше того, еще съ бо́льшимъ вниманіемъ, нѣсколько разъ прочелъ онъ самое евангеліе, но все таки не набрался рѣшимости раздать неимущимъ всѣ свои 15 тысячъ, не собирался наняться къ кому нибудь въ батраки, за пять рублей въ мѣсяцъ, а свою институтку-жену не намѣревался «заставить» куда нибудь въ птичницы или въ коровницы, за три рубля. Своимъ умомъ онъ сообразилъ, что такимъ путемъ не принесетъ существенной пользы ни себѣ, ни ближнему, а, напротивъ, отобьетъ лишь заработокъ у одного мужчины и у одной женщины, которые, по способностямъ своимъ, могутъ занять только именно эти мѣста: батрака и коровницы, а самъ онъ, свершивъ надъ собою эту операцію имущественнаго скопчества, лишится возможности купить хотя бы книжекъ, которыя до сихъ поръ привыкъ покупать и читать, исповѣдуя, что въ нихъ знаніе, а въ знаніи — сила... Ему казалось, что, поселившись навсегда землевладѣльцемъ около сѣраго мужика, онъ больше пользы принесетъ ближнему, потому уже, что университетъ и все тѣ же книги дали ему полезныя знанія, которыми онъ собирался подѣлиться съ ближнимъ, что понималъ онъ кое-что и въ медицинѣ... Кромѣ того, имѣя хоть малыя средства, онъ могъ всегда удѣлить копѣйку на лѣкарство больному ребенку крестьянина, а изрѣдка могъ помочь и самому крестьянину даже рублемъ, чтобы избавить его хотя бы отъ допотопной, каторжной сохи и дать ему возможность купить плугъ, другими словами—избавить отъ необходимости носить воду рѣшетомъ и помочь дѣйствительно вспахивать, а не «всковыривать» свою полосу... «Наконецъ, имѣя землю, я предоставлю доступный трудъ десятку людей, нуждающихся въ немъ»,—думалъ Мечтаевъ. «Пораздумавъ» еще нѣкоторое время, онъ рѣшилъ уже окончательно и во что бы то ни стало купить имѣніе, и всѣмъ, кто говорилъ въ пользу этого рѣшенія, онъ вѣрилъ безусловно. Онъ вѣрилъ даже писаніямъ петербургскаго фельетониста, писавшаго въ той газетѣ, которую онъ всегда читалъ, пространные трактаты о томъ, что молодые интеллигентные люди должны всѣ, поголовно, стремиться на «крыльяхъ радости» туда, въ деревню, обратно въ растасканныя гнѣзда отцовъ. Но ужь зато и слушать не хотѣлъ онъ тѣхъ, кто говорилъ противъ его рѣшенія, кто доказывалъ, что

Digitized by Google

бросить онъ на вѣтеръ свои 15 тысячъ рублей и прогоритъ въ своемъ имѣніи, конечно, гораздо скорѣе, чѣмъ прогорали прежніе помѣщики...

II.

Онъ же и Разумникъ Устоевъ.

А кое-кто смущалъ его, и особенно каркалъ одинъ изъ «прежде почившихъ» помѣщиковъ—давнишній пріятель его покойнаго отца—Разумникъ Петровичъ Устоевъ.

— Будутъ, будутъ плакать ваши денежки!—говорилъ онъ:—Бросить легко—мигъ одинъ! а нажить—никогда не наживете еще пятнадцати тысячъ!..

— Я ихъ не брошу,—возражалъ Мечтаевъ,—я ихъ въ землю зарою; а земля—самое вѣрное дѣло! Въ землѣ—не тонетъ, не горитъ...

— *Въ ней* не горитъ, а *ее* съ аукціона продаютъ!—замѣтилъ Устоевъ.

— Мою не продадутъ: я куплю незаложенное имѣніе, а самъ, конечно, не стану его закладывать...

— Какъ пьяница, не пьетъ «до поднесенья», такъ и вы не заложите, пока не понадобятся деньги. Потомъ запустите платежъ процентовъ, по уважительной причинѣ: не изъ чего будетъ платить; а наконецъ сойдетъ и ваша землица подъ «вѣчны своды» дворянскаго погоста.

— Это вы дворянскій банкъ такъ величаете?—спросилъ, улыбаясь, Мечтаевъ.

— Его, его!..—подтвердилъ, желчно хихикая, старикъ.—Вѣдь и мое тамъ же похоронено. И ваше туда ухнетъ, и всѣ тамъ будемъ!.. Прежде косточки наши по разнымъ кладбищамъ развозились, а теперь выстроили одну монументальную усыпальницу... И люди все добрые: всячески заманиваютъ нашего брата... Что жь, предложите имъ и свои грошики... Они возьмутъ. Тамъ и не такіе лежатъ. Сотни тысячъ!.. А вашего брата—мелкоту—при общей панихидѣ хоронятъ!..

— Что это вы мнѣ еще при жизни панихиду поете?.. Злой вы человѣкъ!—горячился Мечтаевъ.

— Да вѣдь это не вы одинъ,—замѣтилъ невозмутимо Устоевъ.—А пою—потому что, авось, это у васъ модная летаргія и, заслышавъ панихиду да понюхавъ ладану, вы во-время очнетесь и опомнитесь... Слушайте,—продолжалъ Разумникъ Петровичъ:—Покойный родитель вашъ былъ человѣкъ умный, а—главное—видѣлъ впередъ,

Digitized by Google

былъ изъ дальнозоркихъ... Ну-съ, а что онъ сдѣлалъ со своимъ родовымъ? Какъ только объявили волю—о которой самъ онъ хлопоталъ, замѣтьте,—онъ продалъ его немедленно! «Продавайте всѣ, господа, если хотите что нибудь сохранить»,—говорилъ онъ и всѣмъ намъ: «Земля теперь дѣло не наше, и намъ на ней дѣлать нечего. Сто лѣтъ будетъ она теперь истощаться жидами, нѣмцами, купцами-кулаками и всякими другими дѣльцами, которые высосутъ изъ нея все, что нами и нашими рабами было въ нее вложено и на ней выращено; все обратятъ они въ деньги, деньги «въ знакахъ» увезутъ въ города, а выжатую, какъ лимонъ, землю бросятъ крестьянину, который работалъ на ней при насъ,—закрѣпощенный; будетъ работать при нихъ—задолженный и останется работать на ней и послѣ насъ, и послѣ нихъ—освобожденный и разоренный... Затѣмъ пройдетъ еще полвѣка, и только тогда наступитъ царство небесное, наступитъ справедливость:—жать будетъ тотъ, кто сѣялъ»... Ну-съ? И развѣ не къ тому идетъ?! Изъ насъ—кто не ушелъ, забравъ хоть кое-что, того выгнали ни съ чѣмъ; жиды, нѣмцы, кулаки сосутъ землю быстро и безпрепятственно. Лѣса истреблены. Неурожаи, недороды! Пахарь разоренъ, голъ и съ горя, съ отчаянія пьетъ «мертвую». Да, вашъ батюшка ошибся только въ срокахъ:—все свершится куда скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ 30 лѣтъ тому назадъ...

— Значитъ, мы должны вовсе отказаться отъ мысли владѣть землею, жить и работать на своемъ клочкѣ?—спросилъ недовѣрчиво Мечтаевъ.

— Не рискуя потерять то, что имѣемъ, мы можемъ покупать теперь только два сорта имѣній,—отвѣтилъ Разумникъ Петровичъ.— Или, «опростившись», купите 10—15 десятинъ земли и собственноручно пашите ихъ, супругу свою пошлите доить коровъ и мѣсить свиньямъ, а наслѣдника своего сдѣлайте пастушкомъ; такое имѣнье дастъ вамъ доходъ, какой даетъ и всякому земледѣльцу:— что вы сработаете, то и скушаете... Но тогда забудьте обо всемъ, что до сихъ поръ помнили, признайте ерундой все, что до сихъ поръ считали святымъ, во что вѣрили... Стишки свои тоже бросьте, конечно! И не пишите, и не читайте! Живите ужь тогда тѣмъ, чѣмъ живетъ «сѣрый», котораго мы такъ стремимся научить читать, забывая, что когда онъ выучится—ему не на что будетъ купить, да и негдѣ будетъ достать книжку... Или ужь покупайте такое имѣнье, которое стоило бы вамъ полмилліона, но при этомъ полмилліона оставьте и на хозяйство; такое имѣніе тоже дастъ вамъ доходъ. Всѣ прочія—среднія—имѣнія даютъ доходъ опять все тѣмъ же господамъ, которые сосутъ землю и обдираютъ народъ; даютъ

Digitized by Google

также доходъ и всякимъ колонистамъ, пріѣзжающимъ на землю обществами—не «хозяйничать», а работать... А намъ съ вами такое имѣнье дохода не дастъ:—«хозяйство съ балкона» кончилось!

— А я намѣреваюсь купить именно такое «среднее» имѣніе,—замѣтилъ Мечтаевъ.—Я этого хозяйства не понимаю: идти самому за плугомъ и въ первую голову съ косой, проторчать цѣлый день на одной десятинѣ и не знать—что̀ творится на прочихъ 299-ти. Это не хозяйство! Нѣтъ, я долженъ поспѣть всюду и все видѣть... И увѣряю васъ: я буду самъ за всѣмъ присматривать, не буду полагаться на прикащика, не буду «хозяйничать съ балкона»,—посиживать да покуривать,—и дѣло пойдетъ...

— Не пойдетъ!—спорилъ желчный старикъ.—Я уже докладывалъ вамъ: что̀ самъ сработалъ—то и съѣлъ, а что̀ сверхъ того, что̀ не своими руками сдѣлано, то—отъ лукаваго, въ явный ущербъ... Трудъ дорогъ, а хлѣбъ дешевъ!.. Сколько жь десятинъ вы рѣшили купить?—спросилъ онъ.

— Десятинъ 300.

— 300? Въ какой же это мѣстности? Въ какой губерніи?

— Конечно—не въ черноземной, не въ «пшеничной»; тамъ съ моими капиталами и 100—не купишь.

— Значитъ, хотите песочку купить, да побольше?—усмѣхнулся ядовито Устоевъ. — Что̀ жь, выгодно: дѣточки пойдутъ—они любятъ песочкомъ играть!..

— Вотъ, вы все смѣетесь!.. Не все же — пшеница. Я молочнымъ хозяйствомъ займусь, травосѣяніемъ... Теперь, знаете, всюду сыроварни...

— Знаю, знаю!.. И, стало быть, за 300 десятинъ вы намѣрены заплатить цѣликомъ всѣ 15 тысячъ?

— Нѣтъ,—возразилъ Мечтаевъ:—тысячи три я думаю оставить на первое время, на улучшеніе имѣнія, на хозяйство...

— На первое время?!—прервалъ его собесѣдникъ. — Нѣтъ-съ, чтобы не прогорѣть въ первое же время, вамъ надо отдать за имѣніе тысячъ восемь, а семь оставить на хозяйство. Тогда все таки вы прогорите, но хоть чему нибудь да выучитесь. Тогда лѣтъ пять продержитесь...

— Какъ, и тогда только лѣтъ пять?!

— Ну, можетъ, и четыре, и даже три; это будетъ уже зависѣть отъ того, сколь поспѣшно и рьяно вы убухаете все на «улучшеніе» и «хозяйство»,—сказалъ Разумникъ Петровичъ и, улыбнувшись мефистофелевской улыбкой, спросилъ:—Скажите мнѣ, какой доходъ вы разсчитываете получать ежегодно со своихъ 300 десятинъ песочку? При всякомъ благополучіи, — оговорилъ онъ:—при

Digitized by Google

молочномъ хозяйствѣ и успѣшномъ травосѣяніи, безъ гессенскихъ мухъ, жучковъ и градобитій, при полномъ благорастворе-ніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ... Какой?

— Да вѣдь я и не жду капиталовъ! Но все таки думаю, что, живя на всемъ готовомъ, рублей 600 заработаю,—пояснилъ Мечтаевъ.

— 600 рублей?! — закричалъ Устоевъ, — 5% на затраченный капиталъ?! Это съ песку-то? Четырехъ—не дастъ, трехъ—не дастъ. Знаю я васъ—вы и 200 рублей не получите! Только и будетъ, что свой домишка да свои индюшки. Да и то—домишка будетъ гнилой, потому что послѣ крѣпостныхъ рукъ мы новыхъ домишекъ по имѣньямъ не строили, а индюшекъ будетъ выгоднѣе на базарѣ купить, чѣмъ дома выкармливать!..

Устоевъ умолкъ. Мечтаевъ ему не вѣрилъ и тоже молчалъ, а молоденькая жена Аполлона Алексѣевича — Вѣра Петровна,—все время молча слушавшая эту бесѣду и тоже вѣрившая своему Аполлошѣ, а не этому «злому старикашкѣ», услыхавъ теперь его «нелѣпость» про индюшекъ, совсѣмъ возмегодовала, хотя все таки молча, про себя. «Что это онъ говоритъ»? — думала она. — «Мы тутъ, на базарѣ, платимъ за индюшку 3 рубля! Какъ же она можетъ стоить дороже въ деревнѣ, когда тамъ она родится отъ своей же птицы, и это ничего не стоитъ, клюетъ она цѣлый день что-то въ травѣ и только иногда, когда вспомнишь, бросишь ей съ балкона крошекъ»?!. Она не вступала въ эти разговоры мужа съ Устоевымъ изъ самолюбія. Однажды, на какое-то замѣчаніе ея, Разумникъ Петровичъ рѣзко отвѣтилъ: «Ну, вы-то ужь совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаете»! И она обидѣлась, а онъ продолжалъ, хихикая: «Вѣдь вы же доказывали какъ-то, что овесъ горошинками растетъ, а рожь такъ даже вовсе и не сѣютъ, потому что, какъ снѣгъ сойдетъ — она ужь сама, изъ-подъ земли, тутъ какъ тутъ!.. Я думаю, и здѣсь-то, въ городѣ, когда вамъ на котлеты ребра понадобятся, вы спрашиваете у мясника «талію телятины»!..

— Н-да-съ!—сказалъ онъ теперь, помолчавъ и раскуривъ сигару.—По моему и выдетъ! Черезъ пять-шесть лѣтъ вызовутъ насъ публикаціей въ дворянскій банкъ на панихиду и пропоютъ тамъ «вѣчную память» болярину Аполлону Мечтаеву... Вспомните вы тогда мои слова!.. А теперь я больше съ вами и говорить объ этомъ не стану. Только, какъ другъ вашего отца, скажу вамъ напослѣдокъ: не жалко вамъ денегъ—благо наслѣдственныя, не заработанныя, и вы имъ цѣны не знаете — бросьте ихъ въ печку, а жалко — сдайте ихъ въ банкъ, непремѣнно въ государственный;

Digitized by Google

получайте вѣрныхъ 4%, а сами идите служить, хотя бы въ смотрители дворянскаго погоста. Тамъ хорошо платятъ!..

— Нѣтъ-съ, я на свободу рвусь, а въ тину не полѣзу!—заявилъ Мечтаевъ.

— Ну, какъ крылышки-то опалите да денежки расшвыряете—полѣзете. Всѣ тамъ будемъ — въ департаментахъ! — заключилъ Устоевъ.

Аполлонъ Алексѣевичъ не послушался таки друга своего отца и еще зимою публиковалъ въ двухъ газеткахъ, особенно распространенныхъ въ провинціи, о томъ, что желаетъ купить «въ здоровой и красивой хвойной мѣстности не запущенное, возможно устроенное имѣнье, десятинъ въ 200—300».

— Ну, вотъ видите. Конечно же, вы прогорите!—воскликнулъ Разумникъ Петровичъ, когда Мечтаевъ показалъ ему это объявленіе.—Вѣдь «здоровая и красивая» мѣстность вамъ дохода не дастъ, а продавецъ поставитъ вамъ въ счетъ и ее. Ужь по рублю на десятину навѣрное накинетъ за это ваше дворянское требованіе.

— «Дворянское требованіе!»—повторилъ Мечтаевъ.—Вѣдь мнѣ же тамъ жить, и, вопреки вашему пророчеству, дастъ Богъ—не одинъ годъ. За что же я заберусь въ какое нибудь гнилое болото?!..

— «Жить»?! — подхватилъ Устоевъ.—Вотъ, я же и говорю—прогорите! Въ томъ-то все и дѣло, что вы собираетесь въ деревню *жить и, между прочимъ, работать*, а тамъ, говорятъ, надо теперь *работать и, между прочимъ, жить*!.. Мы всѣ тоже понимали это, какъ вы, и, вѣроятно, потому-то вотъ и вышли въ тиражъ. Выдете и вы!..

«Работать! Работать!»—думалъ съ досадой Аполлонъ Алексѣевичъ: «Я и не боюсь работы. Если дѣло дѣлать—всюду надо работать, не только въ деревнѣ. А 28 часовъ въ сутки, вѣроятно, и въ деревнѣ никто не работаетъ!»..

Въ отвѣтъ на свои публикаціи, онъ получилъ столько предложеній и отъ владѣльцевъ имѣній, и отъ комисіонеровъ, что едва успѣвалъ прочитывать письма и требовать дополнительныхъ свѣдѣній и справокъ. Со всѣхъ концовъ, изо всѣхъ губерній землевладѣльческая Россія будто кричала Мечтаеву: «купи меня!» Онъ требовалъ имѣніе въ 300 десятинъ и въ хвойной мѣстности, а ему предлагали имѣнія и въ 50 десятинъ, и въ 150, и въ 600, и въ 800, и даже въ 1300; предлагали въ хвойныхъ губерніяхъ, но навязывали и въ курской, и въ полтавской, гдѣ ель и сосна—такая же рѣдкость, какъ въ новгородской — каштанъ и пирамидальный тополь... Какое-то «бюро» прислало ему печатное извѣщеніе изъ

Digitized by Google

Харькова о томъ, что можетъ предложить 2,000 имѣній, и притомъ—въ какой ему понравится губерніи, а нѣкій комисіонеръ прислалъ изъ Смоленска письмо, въ которомъ объявлялъ, что въ одной лишь смоленской губерніи ему поручено владѣльцами продать до 150 имѣній—отъ 60 до 2000 десятинъ земли. Предложеній отъ комисіонеровъ было вообще множество, и почти всѣ они были подписаны еврейскими фамиліями. И владѣльцы, и комисіонеры такъ расхваливали продаваемыя имѣнія, что можно было подумать, будто продается только то, что̀ есть въ Россіи лучшаго, а всю дрянь владѣльцы этой дряни оставляютъ за собою и изъ скромности даже не предлагаютъ... Наконецъ, изъ Липецка, какой-то чудакъ уговаривалъ Мечтаева вовсе не покупать имѣнія, а предлагалъ—если, «на старости лѣтъ», ему самому, или его престарѣлой и болѣзненной супругѣ необходимо жить въ здоровой мѣстности — переѣхать просто въ Липецкъ, гдѣ жизнь дешева и климатъ прекрасенъ, нанять тамъ домикъ и жить себѣ, безъ хлопотъ по хозяйству, безъ заботъ—въ свое удовольствіе...

Въ Липецкъ Мечтаевъ, конечно, не поѣхалъ; но, разобравшись въ грудѣ писемъ, описей и плановъ, и сгорая нетерпѣніемъ купить поскорѣе «собственный клочокъ», поѣхалъ осматривать особенно понравившіяся ему по описямъ имѣнія въ калужскую, тульскую, орловскую и смоленскую губерніи. Попахивало уже весной, хотя снѣгъ лежалъ еще кое-гдѣ въ поляхъ, когда онъ отправился изъ Петербурга... Онъ рѣшился купить имѣніе «безъ посредства комисіонеровъ», и особенно—комисіонеровъ изъ евреевъ; однако, на всякій случай, захватилъ съ собою адреса тѣхъ, которые предложили ему свои услуги, потому что знающіе люди предупреждали его въ Петербургѣ, что безъ комисіонеровъ онъ не обойдется. «Русскіе люди и въ этомъ отношеніи замѣчательные люди!» говорилъ ему по этому поводу желчный Разумникъ Петровичъ: «Такъ сами и лѣзутъ къ кому нибудь въ кабалу. Лично владѣлецъ не продастъ вамъ имѣнія, а непремѣнно и самъ заплатитъ жиду сотни двѣ, и васъ заставитъ заплатить ему столько же... Тутъ и лѣнь, и неподвижность, и полное отсутствіе энергіи даже въ собственномъ дѣлѣ, — словомъ, тутъ всѣ наши милыя качества... Вотъ увидите!.. Да то ли вы еще увидите»?—добавлялъ онъ, впередъ злорадствуя...

III.

«Безъ посредства комисіонеровъ».

И, дѣйствительно, Аполлонъ Алексѣевичъ *увидѣлъ*!..

Проѣхавъ по николаевской, по ржевской и затѣмъ по сызрановяземской дорогамъ, онъ высадился на небольшой станціи около

Digitized by Google

Калуги. Тутъ продавалось имѣніе «Бредни», принадлежавшее какому-то господину Кусакову... На станціи онъ сталъ нанимать единственнаго извощика и былъ очень удивленъ, когда тотъ запросилъ съ него за два конца—туда и обратно—восемь рублей.

— Что это вы?! Тутъ всего 17½ верстъ. Мнѣ самъ владѣлецъ пишетъ...

— Съ половиной?!—усмѣхнулся возница.—Змѣрялъ онъ ихъ, что ли, версты-то? Не большакомъ ѣхать! Баба клюкой мѣрила. По евоному—сямнадцать, а по нашему—вѣрныхъ сорокъ буде...

— Да не можетъ этого быть! Это, вѣроятно, другое имѣніе...

— Какое—другое! То самое и есть: «Бредни», и Кусаковъ—баринъ... Въ прошломъ годѣ тоже господина туда возили...

Что было дѣлать?! Вѣдь на станціи одинъ возница — разъединственный! Мечтаевъ сѣлъ и поѣхалъ...

И, впрямь, ѣхали все время проселкомъ, и Мечтаевъ удостовѣрился въ томъ, что соврали и Кусаковъ, и возница: отъ станціи до имѣнья было, положимъ, не 40, но ужь, во всякомъ случаѣ, и не 17½, а приблизительно 30 верстъ. «Вѣдь это, однако, вдвое! Отъ этого имѣнье теряетъ!»—думалъ онъ. Наконецъ пріѣхали. На дворѣ встрѣтили какого-то бородатаго и сутуловатаго, хмураго господина въ короткомъ полушубкѣ и валенкахъ.

— Вы господинъ Кусаковъ?—обратился къ нему Мечтаевъ.

— Нѣтъ-съ, я—Жупаевъ.

— А... г. Кусаковъ?.. Вѣдь онъ продаетъ это имѣніе?

— Даже и продалъ...

— Кому?—воскликнулъ Мечтаевъ.

— Мнѣ.

— Когда же?

— А вотъ недѣли двѣ...

— Ахъ, какая досада!—вырвалось у Мечтаева.

— А, по моему, такъ напротивъ-съ,—замѣтилъ Жупаевъ.

— Извините, это я—относительно себя...

— А я—относительно себя,—сказалъ г. Жупаевъ, повернулся и ушелъ въ домъ...

«Однако, это только прежніе помѣщики отличались гостепріимствомъ. Чичикова всюду не такъ принимали»!—подумалъ Мечтаевъ и приказалъ извощику ѣхать обратно на станцію.

Но тотъ, конечно, отказался, замѣтивъ, что, «не кормя», онъ не можетъ проѣхать сразу 80 верстъ...

— Такъ что же намъ дѣлать? Ты же видѣлъ, какимъ мѣстомъ повернулся къ намъ этотъ господинъ! Я и самъ страшно хочу ѣсть...

Digitized by Google

— Ты!.. Такъ ты жь, извѣстно, человѣкъ. А конь—животная... Ты жь сидишь себѣ да покуриваешь, а ёнъ—бѣгитъ... Нешто жь ёнъ можетъ такъ-то цѣльны сутки не ѣмши!..

Доѣхали до первой деревни и остановились тамъ у мужичка. Лошадей покормили, возница тоже «подъѣлъ», и Мечтаевъ напитался молокомъ и хлѣбцемъ. Выѣзжая изъ Петербурга, онъ не взялъ съ собою не только «погребца», но даже—запаса чая, сахара и закусокъ; онъ не подумалъ о томъ, да въ сущности и не зналъ, что деревенскій человѣкъ бываетъ сытъ «единымъ хлѣбомъ», и чего либо инаго ни за какія деньги не достанешь въ русской деревнѣ...

«Да, первый блинъ—комомъ»!—сѣтовалъ онъ, возвращаясь на станцію. «Конечно, Разумникъ Петровичъ былъ правъ: еслибъ я покупалъ имѣніе при посредствѣ комисіонера—я не потратился бы зря, не потерялъ бы цѣлый день и даромъ не проѣхалъ бы 60 верстъ... Конечно, комисіонеръ зналъ бы уже о томъ, что имѣніе продано»...

Тѣмъ не менѣе,—благо это было по пути въ смоленскую губернію, гдѣ особенно хотѣлось ему пріискать имѣніе и гдѣ особенно много комисіонеровъ, и евреевъ, и русскихъ, предложили ему свои услуги,—Аполлонъ Алексѣевичъ рѣшилъ осмотрѣть самостоятельно еще три имѣнія. Одно изъ нихъ было въ чернскомъ уѣздѣ тульской губерніи, а два другихъ—въ брянскомъ уѣздѣ орловской губерніи, и, какъ можно было понять изъ писемъ владѣльцевъ, послѣднія сходились межа съ межей... Мечтаевъ поѣхалъ на Калугу, на Тулу, пересѣлъ въ вагонъ московско-курской дороги и тутъ, проѣхавъ Чернь, высадился опять на маленькой станціи. Здѣсь, прежде всего, его поразило то, что ни одинъ изъ извощиковъ—тутъ было ихъ два—и никто изъ станціонныхъ служащихъ не зналъ, гдѣ находится имѣнье госпожи Ветхиной—«Забытое». Кого ни разспрашивали и самъ Мечтаевъ, и извощики, жаждавшіе выручки, никто не могъ указать, какъ проѣхать въ это «Забытое» и гдѣ оно находится. Аполлону Алексѣевичу представилось уже, что по ошибкѣ онъ не туда заѣхалъ; онъ вытащилъ изъ чемодана папку съ письмами и бумагами, нашелъ письмо госпожи Ветхиной, прочелъ его и убѣдился, что, напротивъ, пріѣхалъ именно на ту самую станцію...

— Какъ же мнѣ быть?—съ полнымъ отчаяніемъ спросилъ онъ извощиковъ.

— А ужь это, какъ самъ знаешь, баринъ,—отвѣтилъ одинъ.

— Кабы знатьё куды везти—ну, повезъ бы. А какъ не знамо—куды жь повезешь?—резонно сказалъ и другой.

— То-то: и свернуть куды не знаешь: направо ль, налѣво ль,—добавилъ опять первый. «Что за исторія! Вотъ, и второй блинъ—

Digitized by Google

комомъ»! — досадовалъ Аполлонъ Алексѣевичъ, собираясь уже дальше—въ орловскую губернію. И, по вывѣшенному объявленію, онъ сталъ уже высчитывать—съ какимъ поѣздомъ ѣхать, когда одинъ изъ извощиковъ привелъ къ нему, съ торжествующимъ видомъ, какого-то очень стараго человѣка, съ оторванной рукой, въ рубищѣ и въ полинявшей фуражкѣ мелкаго служителя желѣзной дороги.

— Во, баринъ! Спыталъ дѣдушку. Дѣдушка сказалъ! Енъ всю округу знаетъ, сто лѣтъ тута живетъ,—говорилъ извощикъ.

— Ну, гдѣ же? Какъ намъ ѣхать?

— Да я, баринъ, допытался! А тебѣ не допытаться, коли самъ здѣшнихъ мѣстовъ не знаешь... Садись ужь, таперя доѣдемъ!..

— Сколько жь ты съ меня возьмешь?

— За «пятерку» взадъ и впередъ—свезу...

И опять повторилась та же исторія.

— Какъ—за «пятерку»?!. Она пишетъ—8 верстъ отъ станціи...

— А ёнъ сказываетъ—верстъ 25... Да такъ оно и ёсь. Таперя я и самъ мекаю. Потому до Навальни 20 верстъ считаемъ—туда-то не разъ важивали,—а тамо еще, дѣдушка сказываетъ, верстъ пять буде—проселкомъ...

— Такъ, дѣдушка?—спросилъ Мечтаевъ.

— Ага,—отвѣтилъ беззубый старикъ.—На чаекъ!—добавилъ онъ коротко. Мечтаевъ далъ ему серебра и поѣхалъ... Опять оказалось хоть и не 25 верстъ, но ужь никакъ и не 8: ѣхали парой, довольно шибко, и проѣхали ровно два часа; стало быть, верстъ 20 и было. «Къ чему это они надуваютъ?!. Впрочемъ, ясно: близость желѣзной дороги возвышаетъ цѣнность имѣнія»,—думалъ Аполлонъ Алексѣевичъ...

Въѣхали, наконецъ, во дворъ маленькой, старенькой усадьбочки, съ покривившимися въ разныя стороны или уже вовсе свалившимися строеніями и маленькимъ осѣвшимъ домикомъ, на крышѣ котораго торчали засохшіе стебли прошлогодней травы и даже тоненькіе прутики небольшихъ деревьевъ. «Всякая растительность пустила уже корни на крышѣ, а она пишетъ, что домъ у нея не старый»,—думалъ, поглядывая кругомъ, Мечтаевъ:—«Хороша молодость! Да и всѣ строенія-то? Именно: «печальной ветхости картина»!..

Долго стучалъ онъ у крыльца, пока какая-то грязная горбунья не отворила ему дверь; настоялся порядочно и въ маленькой, темной передней, пока эта горбунья ходила докладывать о немъ «барышнѣ», и наконецъ попалъ въ гостинную, съ провалившимся въ одномъ углу поломъ и ломаной старинной мебелью, обитой невѣроятно

Digitized by Google

загрязненнымъ тикомъ. Тутъ, на одномъ изъ креселъ, казалось, навсегда приклеенная къ нему, сидѣла очень старая, сморщенная, подслѣповатая, сгорбленная и, какъ ему сразу показалось, выжившая изъ ума старушка. Такія странныя были у нея движенія, такія смѣшныя гримасы она дѣлала, не переставая, и ртомъ, и носомъ; столько вертѣлось около нея собакъ и кошекъ, и такой ужасный запахъ стоялъ во всемъ этомъ домикѣ, что Мечтаевъ подумалъ со щемящей тоской: «Какое жь тутъ можно сдѣлать дѣло?!. Если даже она не форменная сумашедшая, то какъ же я поѣду съ нею хотя бы къ нотаріусу? Кажется, какъ только она встанетъ съ этого кресла—сейчасъ и развалится»!

— Я пріѣхалъ осмотрѣть ваше имѣнье,—началъ Мечтаевъ.

— Для чего жь ты это, батюшка, будешь его осматривать? — спросила она, удивленно взглянувъ на посѣтителя.

— Но вѣдь вы писали, что желаете его продать?..

— Да, да, да, вспомнила, батюшка. Желаю... Писала, писала! Вотъ, и еще одному господину пишу въ Москву... Тоже желаетъ купить, публикуетъ. А я какъ прочту, что желаютъ купить—такъ и пишу, что продаю... А ты, значитъ, батюшка, изъ Петербурха пріѣхалъ?

— Да, изъ Петербурга.

— Ну, вотъ, какъ же тутъ рѣшиться продать, когда всѣмъ такъ хочется купить, что даже изъ Петербурха и то пріѣзжаютъ! — замѣтила задумчиво старушка.

Мечтаевъ нѣсколько удивился.

— То есть, виноватъ, вы, стало быть, еще не рѣшили продать? Какъ же вы изволили писать, что...

— Рѣшила, рѣшила! Какъ не продать, батюшка? Человѣкъ я старый, больной, одинокій... хозяйничать не подъ силу. Конечно, сразу, такъ взять да и продать—этого я не могу. Самъ понимаешь, батюшка: куда жь я-то дѣнусь, какъ продамъ?..

— Виноватъ, значитъ, вы ждете какого нибудь срока? Или...

— Какого срока, батюшка! Ничего я не жду, никакого срока... А только, какъ же такъ сразу—взять да и продать! Вѣдь я живу въ этомъ домѣ 70 лѣтъ... Тутъ же и родилась, тутъ и родителей схоронила...

Аполлонъ Алексѣевичъ вспомнилъ опять о томъ, что старушка писала, будто ея домикъ еще не старый.

— Значитъ, и этому дому лѣтъ 70?..—спросилъ онъ невиннымъ тономъ.

— 80, батюшка. За десять лѣтъ до моего рожденія, покойные родители отстроились. Еще не старый домикъ!—повторила она.

Digitized by Google

— А земли у васъ, вы писали, двѣсти десятинъ?

— Кто говоритъ—150, а кто—200, а, можетъ, ихъ и 175... Да вѣдь всю продаю, безъ остатка, какъ пишется: «больше или меньше—сколько окажется»... Кто ихъ теперь сосчитаетъ! А планы-то запропали куда-то... Вотъ, ужь десять лѣтъ, какъ вздумала я продавать свое Забытое—ищемъ мы, ищемъ съ горбуньей моей, и по сундукамъ, и по чердакамъ, планы-то эсти, не можемъ найти! Должно, мыши съѣли, потому отъ пожара Богъ миловалъ, никогда не было...

«Ну, стоитъ ли дальше говорить»!—подумалъ Мечтаевъ и хотѣлъ уже встать, чтобы удалиться, когда старушка поразила его въ конецъ.

— Такъ ты, батюшка, сколько же мнѣ предлагаешь: 16 тысячъ?—спросила она ни съ того, ни съ сего.

— Какъ, 16 тысячъ?!. Вѣдь вы жь писали, что продаете его за 12?!.

— Нѣтъ, вотъ это я теперь раздумала!—заявила старушка.—Это я только въ тотъ день, какъ тебѣ писала, такъ надумала, потому день такой выдался. Разбѣсили меня тогда людишки проклятые! Тутъ Ивашка-скотникъ волку двухъ овецъ хорошихъ скормилъ; тутъ индюка зарѣзали не того, котораго я приказывала, а тутъ же и шлея наборная пропала... Ну, — закипѣло это во мнѣ—для острастки я и говорю имъ всѣмъ, мерзавцамъ-то эстимъ: «продамъ, говорю, имѣніе, за 12 тысячъ продамъ»! Да вотъ, чтобъ ихъ-то попугать, и написала тебѣ. А теперь, дешевле 16 тысячъ я и слышать не хочу. Копѣйки не уступлю!..

«Ну, будь на моемъ мѣстѣ желчный человѣкъ, хотя бы Разумникъ Петровичъ, онъ бы ее на мѣстѣ пристукнулъ, эту старушонку»,—думалъ Аполлонъ Алексѣевичъ: «Каково положеніе! Изъ-за того, что «въ ней закипѣло», я долженъ былъ зря проѣхаться изъ Петербурга въ тульскую губернію!.. О чемъ же съ нею еще разговаривать»?—опять спросилъ онъ себя, но, раздосадованный, все таки опять заговорилъ:

— Да вѣдь оно жь и не стоитъ 16-ти тысячъ! Помилуйте: — всего 150 десятинъ, постройка вся...

— Для тебя, можетъ, и не стоитъ, батюшка, а для меня и 20 стоитъ, и еще дороже стоитъ. Оно мнѣ, по воспоминаніямъ, можетъ быть, 100 тысячъ стоитъ, это имѣніе-то—ты вотъ что подумай!

— Извините, сударыня, что побезпокоилъ васъ. Для меня дорого!—сказалъ Мечтаевъ и всталъ.

— Ничего, батюшка, ничего!—отвѣтила спокойно старушка.—Конечно—дорого, такъ не купишь... Знакомыхъ присылай, если прослышишь, что имѣніе желаютъ купить...

Digitized by Google

— Долгомъ сочту!—воскликнулъ Мечтаевъ, заставляя себя сказать колкость выжившей изъ ума старушкѣ, вышелъ и уѣхалъ обратно на станцію.

«Ну, что жь это такое?!. Неужели вездѣ будетъ такъ или въ этомъ духѣ»?—думалъ онъ съ тоской.

IV.

Въ брянскихъ лѣсахъ.

Онъ доѣхалъ до Орла, тамъ пересѣлъ на орловско-витебскую дорогу и, проѣхавъ одинъ перегонъ отъ города Брянска, сошелъ на мальцевской платформѣ. Отсюда на 90 верстъ тянулась лѣсомъ мальцевская узкоколейная дорога, и на конечной станціи этой дороги Мечтаеву предстояло выйти, чтобы попасть въ намѣченныя имѣнія, которыя, по описаніямъ владѣльцевъ, отстояли отъ станціи: одно въ двухъ верстахъ, другое — въ трехъ. Одинъ владѣлецъ — нѣкій поручикъ Киргизъ-Кайсаковъ—сообщалъ, что его имѣніе находится рядомъ съ «отвратительнымъ» имѣніемъ нѣмца Шлиппе, а другой, приславшій описи и планы, былъ какъ разъ этотъ самый нѣмецъ Шлиппе. И Аполлонъ Алексѣевичъ рѣшилъ, конечно, осмотрѣть оба имѣнія. «Слава богу, хоть на лошадяхъ-то не по 100 верстъ ѣхать»!—думалъ онъ.—«Если соврали и эти, какъ тѣ—если и не 2, и не 3 версты окажется, все таки не больше 12 и 13»!..

Похожій на игрушечный, поѣздъ узкоколейной желѣзной дороги тащилъ его по 12 верстъ въ часъ и, мало что по часу и по два стоялъ у каждой платформы при заводахъ,—а ихъ было тутъ много,—но по получасу стоялъ и такъ себѣ, просто въ пути, у проѣзжихъ дорогъ и барьеровъ. Поѣздъ выжидалъ поспѣвающихъ на лошадяхъ пассажировъ; и случалось, что пассажиры поспѣвали, а бывало, поѣздъ стоялъ и такъ—даромъ. Но мало и этого: даже у проселочныхъ дорогъ и тропинокъ поѣздъ останавливался и ссаживалъ пассажировъ, которымъ до дома было «близехонько отъ этого мѣста»; впрочемъ, на такихъ пунктахъ онъ стоялъ *не долго*: минутъ 5—10, и пѣшеходовъ только ссаживалъ, но не поджидалъ. Въ общемъ же, эти 90 верстъ ѣхали столько времени, сколько курьерскій поѣздъ пробѣгаетъ отъ Москвы до Петербурга 609. Наконецъ, все таки пріѣхали и на послѣднюю станцію... На миньятюрной и тоже будто картонной платформѣ стояло пять человѣкъ и въ томъ числѣ—три еврейчика; послѣдніе оглядывали пытливо и внимательно пассажировъ, которыхъ видѣли впервые и которые не были мѣстными обывателями. Съ этимъ поѣздомъ пріѣхалъ, видимо, только

Digitized by Google

одинъ такой—Мечтаевъ, потому что всѣ три еврея устремились къ нему, едва онъ вышелъ изъ вагона.

— Ишто зелаетъ гашпадинъ?.. И какова дѣла гашпадинъ имѣютъ?.. И какая ушлуга гашпадинъ потребуютъ?—окруживъ Мечтаева, нерѣшительно залопотали они разомъ.

«О, всезнающіе и вездѣсущіе благодѣтели рода человѣческаго»!—подумалъ даже съ удовольствіемъ Мечтаевъ, вспомнивъ неудачи при осмотрѣ первыхъ двухъ имѣній.

— Тутъ, гдѣ-то вблизи, продаются два имѣнія: г. Шлиппе и г. Киргизъ-Кайсакова... Такъ мнѣ туда...

— Жнаю! Жнаю! Жнаю!—смѣло и громко загалдѣли уже всѣ три еврея, и каждый, ухвативъ Мечтаева, тащилъ его къ себѣ.

— Позвольте, господа! Вы мнѣ пуговицы оборвете!—не выдержалъ даже Аполлонъ Алексѣевичъ.—Вѣдь все равно съ тремя я не могу ѣхать... Киньте жребій, что ли...

Каждый изъ евреевъ сталъ ругать двухъ прочихъ. И ругались они такъ страшно и такъ выразительно, показывая другъ другу и языки, и символическіе знаки изъ сложенныхъ особымъ способомъ перстовъ, а—главное—ругались такъ продолжительно, что опять таки добрый и сдержанный Мечтаевъ не выдержалъ. Самъ онъ взялъ теперь за пуговицу одного изъ евреевъ и сказалъ рѣшительно:—Вы поѣдете со мной... Не могу же я взять всѣхъ троихъ! — повторилъ онъ двумъ другимъ, будто извиняясь передъ ними. Они обругали счастливаго конкуррента уже коротко, въ послѣдній разъ, а тотъ показалъ имъ еще разъ языкъ и, положительно вырвавъ изъ рукъ Мечтаева чемоданъ, взвалилъ его на свои узкія жидовскія плечи.

— Вотъ тутъ... тутъ... прошу вамъ. Тутъ безъ гряжи, — говорилъ онъ, уходя впередъ и показывая дорогу.

— А гдѣ же извощики?—спросилъ Мечтаевъ.

— Звозчиковъ тутъ нема...

— Такъ какъ же мы?..

— Пѣшóмъ!..

«Этого только недоставало»! — подумалъ Аполлонъ Алексѣевичъ.— Сколько жь тутъ верстъ? — наученный горькимъ опытомъ, освѣдомился онъ.

— До гашпадинъ Шлиппе—пьять, а до гашпадинъ Киргишъ-Кайсакъ—цетыре...

«Слава богу, не очень соврали»! — думалъ опять Мечтаевъ.— Куда жь мы раньше отправимся?—спросилъ онъ еврея:—къ Киргизъ-Кайсакову?

— Ай, нѣтъ! Прошу вамъ—къ гашпадину Шлиппе! У гашпа-

Digitized by Google

динъ Шлиппе такòво имѣнью, что ви, разъ увошли, не увойдете оттеле! то настоящаво рай!..

— А Киргизъ-Кайсакова—хуже?

— Шквернова имѣнью! Вовзе шквернаво. Одинъ пешокъ!—разсказывалъ еврей:—и луга на пешокъ, и пахота на пешокъ, и вовзе не имѣетъ вода. Даже шамаво маленькаво курочке не имѣетъ игдѣ попить! Завсимъ, завсимъ шквернаво имѣнью... И коли ви будете говорить гашпадину Киргишъ-Кайсакъ, што имѣнью вамъ не приглядывалась—они будутъ вамъ убивать!

— Какъ такъ—«будутъ убивать»! Что это значитъ?!—воскликнулъ Мечтаевъ.

— Такъ убивать,—шъ пистолемъ!—подтвердилъ еврей.—Тутъ былъ однавò покупатель, и ему тоже не приглядывалось имѣнью, и онъ только говòрилъ объ этаво гашпадинъ Киргишъ-Кайсакъ, и тогда гашпадинъ Киргишъ-Кайсакъ гналъ его зъ имѣнью зъ бичемъ и говорилъ своимъ шубакумъ: «куси»»! и шубаки бѣгали за покупатель, ловили его, какъ дикова утке, и покупатель шпигался до вобмарокъ и только спашался, утекая на древо!.. И гашпадинъ Киргишъ-Кайсакъ штаялъ сибѣ, долго и много хохоталъ сибѣ и штралялъ у верхъ, на древо, ижъ гарохумъ!.. И бѣднаво покупатель тольки тогда слазилъ съ древа, когда пришла урадникъ... Очень дикаво гашпадинъ, этаво Киргишъ-Кайсакъ! Они не жнаютъ никаково обращенью, и увшѣ кругомъ имѣютъ до нихъ штрахъ...

«Современный разбойникъ брянскихъ лѣсовъ»!—подумалъ Мечтаевъ:—Ну, а г. Шлиппе не сердитый человѣкъ?—спросилъ онъ еврея.

— Ай, нѣтъ! Гашпадинъ Шлиппе великатный, завсѣмъ великатный. Они имѣютъ дочке—завсѣмъ прикрасный бутонъ изъ рожа!—возразилъ еврейчикъ и, высунувъ изъ-подъ чемодана голову на длинной шеѣ, сдѣлалъ нѣжное лицо и поцѣловалъ даже свои грязные пальцы: — Совершеннаво бутонъ! — повторилъ онъ при этомъ.

— Ну, пойдемте раньше къ г. Шлиппе...

Однако и у г. Шлиппе Аполлона Алексѣевича ждала неудача. Онъ не засталъ дома владѣльца, а дочка его—дѣйствительно красавица—дѣвушка лѣтъ 19, темная шатенка съ синими глазами, стройная и граціозная—объявила Мечтаеву, что папà вернется домой только черезъ мѣсяцъ, что и самъ онъ поѣхалъ покупать имѣніе, въ могилевскую губернію, куда они намѣрены переселиться.—Потому мы и продаемъ это имѣніе, — объяснила она... И поля, и луга, мѣстами уже очищенные отъ снѣга, и усадьбу, и садъ, и скотъ, и инвентарь она показала покупателю, обвела его и по всѣмъ хлѣ-

Digitized by Google

вушкамъ и клѣтушкамъ, съ готовностью сообщила всѣ достоинства имѣнія и совсѣмъ добросовѣстно указала на кой-какіе незначительные недостатки, причемъ объявила, что ни продать имѣнія, ни взять задатка она не уполномочена отцомъ, что для этого Мечтаеву—если имѣніе ему нравится—придется пріѣхать вторично... Имѣніе, однако, не понравилось Аполлону Алексѣевичу, а особенно не приглянулся ему домъ — сырой, холодный и неуютный, выстроенный какъ-то нелѣпо, будто безъ всякаго фундамента. Тѣмъ не менѣе, онъ постѣснялся сказать милой нѣмочкѣ, что про себя рѣшилъ уже не покупать этого имѣнія, и, послѣ осмотра, изысканно поблагодаривъ ее за безпокойство, объявилъ, что, если въ теченіе этого мѣсяца не найдетъ ничего болѣе подходящаго—явится вторично, чтобы кончить съ ея отцомъ.

— Да, въ концѣ марта онъ вернется, — отвѣтила нѣмочка.— Пожалуйста. Мы встрѣтимся съ вами, какъ старые знакомые!— любезно добавила она и пригласила его въ столовую—закусить.

Тутъ любезно предлагала она ему и свѣжее масло, «сбитое ею самою», и кофе, «ею сваренный», и свѣжія яйца «отъ своихъ куръ», и ветчину отъ свиньи «ею откормленной», и свѣжій хлѣбъ, и всякія другія печенья, тоже «ею изготовленныя», и, при этомъ, такъ мило занимала все время дѣловаго гостя, что тотъ и поѣлъ очень плотно, и время провелъ пріятно, и былъ даже несовсѣмъ доволенъ тѣмъ, что сейчасъ ему предстоитъ опять идти пѣшкомъ до станціи, а тамъ—ѣхать по отвратительной узкоколейкѣ. Но въ этомъ пустякѣ судьба улыбнулась ему: тутъ же, и отъ еврея, и отъ нѣмочки онъ узналъ, что поѣздъ пойдетъ обратно на мальцевскую платформу только завтра утромъ, и тутъ же нѣмочка предложила ему переночевать подъ ихъ кровлей. Аполлонъ Алексѣевичъ разсыпался въ благодарностяхъ и, такъ какъ въ это время было еще только 6 часовъ вечера, обратился къ своему еврею съ вопросомъ о томъ, не воспользоваться ли этимъ временемъ — не осмотрѣть ли продающееся имѣніе сосѣда?

Еврей внезапно поблѣднѣлъ и, обратившись съ умильнымъ лицомъ къ нѣмочкѣ, сказалъ ей съ укоризной:—Мамжель, зачиво ви не говорите гашпадину покупатель, что то не жемля, а пешокъ, и что гашпадинъ Киргишъ-Кайсакъ настоящаво дикій человѣкъ?! Я имъ говорилъ это у въ дорога, но они мнѣ не довѣряютъ:—хочутъ идти!..

Когда и Мечтаевъ взглянулъ на нѣмочку вопросительно, правдивые и ясные глаза ея освѣтились улыбкой и она отвѣтила:—Я вамъ не сказала объ этомъ отчасти потому, что вы могли подумать, будто я умышленно браню имѣніе сосѣда, чтобы вы купили наше.

Digitized by Google

— О!—воскликнулъ Аполлонъ Алексѣевичъ.

— А отчасти и потому,—продолжала нѣмочка,—что мнѣ, какъ продавщицѣ, и невыгодно бранить этого господина, какъ вашего будущаго сосѣда. Но, дѣйствительно, онъ пріѣхалъ сюда, кажется, изъ Азіи. Онъ позволяетъ себѣ богъ знаетъ что и никого и ничего не боится: ни суда, ни полиціи...

— И земля у него негодная?—спросилъ Мечтаевъ.

— Голый песокъ, и воды нѣтъ совсѣмъ,—отвѣтила нѣмочка.

— Да, если вы это говорите, конечно, его незачѣмъ и осматривать!—замѣтилъ галантно Аполлонъ Алексѣевичъ.

— Мегсі,—поблагодарила нѣмочка.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте ужь провести съ вами и вечеръ?..

— Я очень рада...

— Можете судить, до чего я радъ, что судьба дала мнѣ возможность познакомиться съ вами!..

Молодой еврейчикъ слушалъ эти изліянія, самодовольно улыбаясь и покачивая головой, какъ бы одобряя разговаривающихъ, и вообще у него было такое счастливое лицо, будто ему самому и Мечтаевъ, и «прекраснаго бутонъ изъ рожа» наговорили цѣлую кучу комплиментовъ...

Вечеръ они провели втроемъ. Какъ только нѣмочка выходила изъ комнаты, еврейчикъ начиналъ отчаянно расхваливать имѣніе г. Шлиппе и увѣрять Мечтаева, что 10 тысячъ—это очень дешевая цѣна, что самъ г. Шлиппе купилъ его за 12. Аполлонъ Алексѣевичъ не хотѣлъ говорить и ему, что не купитъ этого имѣнія, а потому во всемъ соглашался съ нимъ. Еврейчикъ выговорилъ себѣ и комисіонныхъ—200 рублей, если Мечтаевъ купитъ это имѣніе. Мечтаевъ согласился и на это.

— А за этово день, что я потералъ, и что назначаетъ мнѣ гашпадинъ?—спросилъ затѣмъ еврейчикъ.

— Я не знаю... Назначьте сами,—проговорилъ Аполлонъ Алексѣевичъ.

Къ числу его недостатковъ надо было отнести и ту страшную щепетильность съ людьми въ денежныхъ разсчетахъ, ради которой всегда и всѣмъ онъ передавалъ лишнія деньги. Онъ сознавалъ, что его обираютъ, но у него не хватало рѣшимости сказать нахалу, что онъ нахалъ, и дать ему только половину того, что тотъ съ него требовалъ.

— Пьять рублей!—заявилъ жидокъ.

Мечтаевъ торопливо сунулъ ему деньги, но подумалъ въ это время: «ни одинъ мастеровой человѣкъ, гнущій спину съ утра до

Digitized by Google

ночи и знающій какое нибудь ремесло, нигдѣ не получаетъ за свой день пяти рублей! За что же получилъ этотъ»?! Ложась спать, онъ забылъ о евреѣ, но все время думалъ о нѣмочкѣ (онъ былъ безусловно вѣрный мужъ), писалъ стихи, воспѣвая въ нихъ и глаза, и голосъ поразившей его красавицы... А на утро всѣ они чуть не проспали, такъ что пришлось на-скоро пить приготовленный нѣмочкой кофе, торопливо прощаться съ нею самою и гнать лошадку, которую нѣмочка распорядилась запречь для дѣловаго гостя, чтобы онъ доѣхалъ до станціи.

Мирно бесѣдуя, онъ уже ѣхалъ со своимъ евреемъ мимо усадьбы Киргизъ-Кайсакова, какъ вдругъ, спустившись съ горы въ лощину,—увидѣлъ у калитки сада высокаго и худощаваго господина, лѣтъ сорока пяти, одѣтаго въ кожаную куртку, какія носятъ машинисты, въ военныя синія брюки, въ высокіе сапоги и въ черную мохнатую папаху невѣроятныхъ размѣровъ. Около него толпилась цѣлая стая рослыхъ и красивыхъ собакъ самыхъ разнообразныхъ породъ; тутъ были: и догъ, и бульдогъ, и сенъ-бернаръ, и водолазъ, и овчарка, и пудель, и нѣсколько борзыхъ. Очевидно, господинъ Киргизъ-Кайсаковъ поджидалъ именно ихъ у дороги, потому что, какъ только онъ узналъ сидѣвшаго въ повозкѣ еврея, его черные усы съ подусниками затряслись; безъ того злобные разбойничьи глаза засверкали гнѣвомъ, и длиннымъ арапникомъ, бывшимъ у него въ рукахъ, онъ замахалъ по воздуху съ замѣчательно искуснымъ посвистомъ и трескомъ. Вся стая собакъ всполошилась, повскакала съ мѣстъ, завизжала, залаяла, и запрыгала, точно почуяла дикаго звѣря...

— Распротобестія!—покрывая собачій гамъ, пронеслось раскатисто и зычно въ утреннемъ, слегка морозномъ воздухѣ и покатилось по полю и въ лѣсъ. И прежде чѣмъ изъ лѣсу эхо отвѣтило въ садъ, оттуда посыпались столь же громогласныя и раскатистыя поясненія и намѣренія:—Жидъ треклятый!—орало это страшное горло:—Христопродавецъ! Я все узналъ. Моего покупателя возилъ къ окаянному нѣмцу. А-а! Я васъ всѣхъ растворожу. Распротоканальи!.. Васька, коня! Не уѣдутъ. Нагоню, изувѣчу!..

Какъ только еврей увидѣлъ господина Киргизъ-Кайсакова, онъ скользнулъ на сѣно, въ ноги повозки, какъ что-то скользкое и очень легкое, и, будто скончавшись тамъ, лежалъ безъ шороха и звука; а возница—работникъ г. Шлиппе—сталъ неистово хлестать сытенькаго и шустраго коня, и безъ того бѣжавшаго рѣзво и быстро...

— Чего жь вы такъ испугались? Вѣдь не тронетъ же онъ насъ, въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ Мечтаевъ. «Впрочемъ, это хорошо, что онъ такъ поспѣшаетъ: на поѣздъ не опоздаемъ», подумалъ онъ.

Digitized by Google

Еврей молчалъ, но и парень отвѣтилъ не сразу; поминутно озираясь, будто удирая отъ страшнѣйшей грозы, и поглядывая, не нагоняютъ ли его нависшія тучи, все сильнѣе и сильнѣе онъ хлесталъ коня.

— Енъ не тронетъ?!.—воскликнулъ онъ наконецъ, проскакавъ съ версту, но все таки продолжая нахлестывать и гнать:—Вы его, баринъ, не знаете! Енъ и васъ, и меня, и жйда на смерть забьетъ, коли догонитъ. Зачнетъ съ сѣдла арапельникомъ полосовать, какъ волковъ на травлѣ, и—забьетъ! Ему же нипочемъ. Поврежденный!.. А нагонитъ, того гляди—нагонитъ!—трусливо повторялъ онъ, все оглядываясь и стегая лошадку, которая летѣла уже куда быстрѣе мальцевской узкоколейки... Такъ проскакали они еще около трехъ верстъ. Кучеръ все хлесталъ, еврей лежалъ въ повозкѣ и шопотомъ упрашивалъ парня, чтобы тотъ хлесталъ еще сильнѣе, а Мечтаеву казалось, что они преувеличенно трусятъ, что не можетъ же этого быть, чтобы въ европейской Россіи, хотя бы и въ брянскомъ уѣздѣ, человѣкъ могъ убивать и избивать кого ему вздумается... Наконецъ, въ полуверстѣ, показалась платформа... Аполлонъ Алексѣевичъ взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до отхода поѣзда осталось всего двѣ минуты. «Будетъ довольно глупо, если опоздаемъ»,—подумалъ онъ. «Цѣлыя сутки придется опять сидѣть съ нѣмочкой, да еще, того гляди, и въ самомъ дѣлѣ, нарвешься на скандалъ съ этимъ дикимъ господиномъ»... И, невольно обернувшись, онъ увидѣлъ мчавшагося во весь духъ всадника.

— А вѣдь—нагоняетъ!—объявилъ онъ спутникамъ.

Еврей завизжалъ въ ногахъ, какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ, а парень, не оборачиваясь, сталъ дубасить измученнаго коня—уже кнутовищемъ... У станціи блѣдный жидокъ выкатился изъ повозки первымъ.

— Я поѣду изъ вами до перваго оштановка... Онъ мине забьетъ!—лепеталъ онъ.

— Поѣдемте,—сказалъ Мечтаевъ, вылѣзая изъ саней.

Парень стегнулъ коня и удралъ въ чащу лѣса, по какой-то проселочной дорогѣ. Онъ разсчиталъ правильно, что разбойникъ бросится на станцію, а за нимъ не погонится, и удиралъ, чтобы только не попасться ему подъ арапникъ по дорогѣ. Разбойникъ скакалъ уже въ нѣсколькихъ саженяхъ... Въ это время раздался третій звонокъ, потомъ—свистокъ кондуктора,—гудѣнье и поѣздъ тронулся... Мечтаевъ бѣжалъ рядомъ съ поѣздомъ, догоняя вагонъ втораго класса; еврей, во всю прыть, бѣжалъ за нимъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи, за евреемъ, на длиннѣйшихъ тощихъ ногахъ, бѣжалъ съ арапникомъ въ рукахъ и господинъ Киргизъ-Кайсаковъ... Нако-

Digitized by Google

нецъ, Мечтаевъ вскочилъ на подножку вагона, а еврей ухватился было за его пальто; но тутъ же онъ и отпустилъ его, сдернутый сильной рукой за фалды своего лапсердака... Мечтаевъ вскочилъ на тормозную площадку и обернулся. Господинъ Киргизъ-Кайсаковъ держалъ за шиворотъ скорчившагося и кричавшаго жидка и, при всей публикѣ, «бичевалъ» его арапникомъ по спеціально-педагогической части тѣла. И, пока поѣздъ скрылся за поворотомъ, онъ продолжалъ бичевать его, и никто изъ бывшихъ на платформѣ людей не остановилъ этого дикаго жителя брянскихъ лѣсовъ!..

«Что же это такое? Гдѣ очутился я? Въ Европѣ или въ Азіи»? спрашивалъ себя ошарашенный Аполлонъ Алексѣевичъ. «Никто изъ мастеровыхъ людей за свой день не получаетъ пятирублевки, но вѣдь и трёпки такой никто изъ нихъ не ожидаетъ за свой трудъ»! думалъ онъ. «Да и самъ-то я чортъ знаетъ на что нарвался!.. Нѣтъ, довольно! Поѣду въ Смоленскъ и возьму комисіонера»...

V.

Русскіе комисіонеры.

Подъѣзжая къ Смоленску, Аполлонъ Алексѣевичъ досталъ изъ чемодана папку съ бумагами и сталъ пересматривать всѣ предложенія, сдѣланныя ему изъ смоленской губерніи; непосредственно владѣльческія предложенія онъ тутъ же спряталъ обратно въ папку и отложилъ лишь все, предложенное комисіонерами. Наученный горькимъ опытомъ, онъ рѣшилъ посмотрѣть теперь нѣсколько имѣній, при ихъ содѣйствіи. «Комисіонера можно будетъ хоть упрекнуть, если въ натурѣ окажется не то, что обѣщалось въ письмѣ... Да и, наконецъ, человѣкъ дѣйствуетъ ради своей личной выгоды,—стало быть, постарается, похлопочетъ предложить мнѣ что нибудь такое, что мнѣ понравится»,—разсуждалъ онъ.

Среди комисіонеровъ были и евреи, и русскіе; больше однако евреевъ, меньше—русскихъ. Но, не смотря даже на то, что одинъ изъ евреевъ-комисіонеровъ, какой-то Михель Сахаръ, предлагалъ ему имѣніе, которое, по описямъ и планамъ, особенно нравилось Мечтаеву, все таки онъ рѣшилъ отодвинуть евреевъ на второй планъ—и обратиться сначала къ русскимъ. Онъ помнилъ, что по этому поводу Разумникъ Петровичъ говорилъ ему: «ну, а ужь если попадете въ грязныя и крючковатыя лапы жидовъ—впередъ читайте себѣ отходную! Такую гадость сосватаютъ и такъ оплетутъ, что волкомъ взвоете»... Въ вагонѣ же онъ составилъ списокъ комисіонеровъ и выписалъ ихъ адреса, намѣреваясь, по пріѣздѣ въ городъ, тотчасъ объѣхать всѣхъ и назначить каждому изъ нихъ аудіенцію

Digitized by Google

у себя, въ нумерѣ гостинницы. Но, чтобы они не встрѣтились и не тянули его каждый къ себѣ, какъ тянули евреи на платформѣ узкоколейки, онъ придумалъ назначить эти свиданья: первому въ 12 часовъ дня, второму—въ часъ, третьему—въ два и такъ далѣе—до вечера... Наконецъ, списокъ былъ составленъ, и—въ такомъ порядкѣ:

1) Петръ Петровичъ Хвостовъ (какъ было напечатано въ лѣвомъ углу на всѣхъ его письмахъ: «частный повѣренный, посредникъ при покупкѣ и продажѣ недвижимыхъ имуществъ и агентъ N—скаго страховаго общества»)—отъ 12 часовъ дня.

2) Комисіонеръ Иванъ Жгутиковъ—отъ часу дня.

3) Комисіонеръ Петръ Сошкинъ—отъ 2 часовъ.

4) Комисіонеръ Михель Сахаръ—отъ 3 часовъ.

5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 (комисіонеры тоже съ безусловно еврейскими фамиліями)—отъ 4 до 10 часовъ вечера...

Въ Смоленскъ Мечтаевъ пріѣхалъ рано утромъ, занялъ нумеръ въ Европейской гостинницѣ, не медля взялъ опять извощика и отправился развозить комисіонерамъ свой адресъ и приглашенія. Было 9 часовъ, когда онъ выѣхалъ изъ гостинницы, но домой онъ поспѣлъ едва-едва къ двѣнадцати. Извощикъ попался не изъ бойкихъ, а, между тѣмъ, все время приходилось взбираться на крутизны и спускаться съ горъ, по которымъ, правда, весьма живописно, но совсѣмъ неудобно, раскинулся этотъ городъ; кромѣ того, разыскиваемыя имъ личности были, очевидно, все люди бѣдные и, за исключеніемъ господина Хвостова, жили въ отдаленнѣйшихъ кварталахъ города, и притомъ—въ такихъ помѣщеніяхъ, что не только пріѣзжій петербурженъ, привыкшій къ нумерамъ и даже нумернымъ фонарямъ, но и мѣстный квартальный, вѣроятно, не сразу находилъ ихъ. Тутъ о нумерахъ домовъ и квартиръ не имѣли, очевидно, и представленія: ихъ не было въ натурѣ, какъ не упоминалось о нихъ и въ адресахъ, присланныхъ комисіонерами.

Одинъ изъ нихъ, г. Сошкинъ, писалъ такъ: «ажыва наізкосъ Михалархангила вдоме бывшый прасвирны водворе игде сапожникъ». По этому адресу приходилось отвѣчать на его письма, и это было легче; теперь пришлось разыскивать—гдѣ живетъ въ Смоленскѣ именно тотъ сапожникъ, у котораго или около котораго живетъ г. Сошкинъ, и это было уже гораздо труднѣе... Извощикъ зналъ, гдѣ была церковь Михаила Архангела, и привезъ; но наискось отъ этой церкви стояло столько домовъ! И который же «бывшый прасвирны», и главное—кому принадлежитъ онъ теперь—являлось вопросомъ...

Однако, къ 12 часамъ онъ управился и, помня, что именно

Digitized by Google

этотъ часъ назначенъ частному повѣренному и посреднику Хвостову, торопливо вернулся въ гостинницу. Но немало былъ онъ удивленъ, когда, войдя въ швейцарскую, увидѣлъ уже тамъ трехъ-четырехъ евреевъ, изъ тѣхъ, которыхъ только что навѣстилъ самъ и которымъ назначилъ прійти въ 7, 8 и 9 часовъ вечера. Они униженно кланялись ему, но онъ, отвѣтивъ на поклоны, сдѣлалъ видъ, что не узналъ ихъ, и торопливо поднялся на верхъ. Въ коридорѣ, у дверей его нумера, прогуливался, очевидно выжидая его, еще одинъ комисіонеръ—и онъ узналъ его: то былъ Михель Сахаръ. Мечтаевъ отвернулся и отъ него, прошелъ въ свой нумеръ и заперся на ключъ.

Минутъ черезъ десять, въ дверь постучались. Аполлонъ Алексѣевичъ отперъ ее и увидѣлъ на порогѣ блондина среднихъ лѣтъ, одѣтаго со щеголеватостью провинціальнаго франта, съ портфелемъ въ рукахъ.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Петръ Петровичъ Хвостовъ... Только что вернулся изъ суда, засталъ вашу карточку и поспѣшилъ къ вашимъ услугамъ... Г. Мечтаевъ?

— Да. Прошу васъ. Не прикажете ли папироску?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Не курю-съ... Мнѣ некогда курить. Страшно занятъ. Если позволите—приступимъ...

— Пожалуйста...

Изъ числа 150 имѣній, которыя г. Хвостовъ предлагалъ Мечтаеву въ своемъ заявленіи, онъ принесъ теперь въ портфелѣ описи и планы трехъ и, развернувъ ихъ передъ покупателемъ, сталъ безъ запинки и скороговоркой объяснять ему достоинства каждаго изъ имѣній. Онъ говорилъ такъ увѣренно, будто прожилъ по 10 лѣтъ въ каждомъ изъ нихъ и зналъ всякое деревцо, каждый кустикъ и каждую лужайку; при этомъ онъ водилъ по плану пальцемъ, какъ учитель географіи, объясняющій урокъ ученику. Однако, Мечтаевъ замѣтилъ, что показываетъ Хвостовъ не совсѣмъ такъ, какъ учитель географіи: зачастую, «барабаня» о поляхъ, на планѣ онъ показывалъ на луга, и—наоборотъ... А такъ какъ одно изъ предлагаемыхъ имѣній заинтересовало его, то, чтобы получить отъ «посредника» болѣе точныя и, главное, не столь торопливыя свѣдѣнія и справки, онъ пошелъ на хитрость.

— Вы не желаете ли закусить? Водочки или вина какого нибудь... Я тоже еще не завтракалъ. И поговорили бы подробнѣе. Вотъ это имѣніе, въ вяземскомъ уѣздѣ, мнѣ нравится...

Но хитрость его не удалась.

— Нѣтъ, благодарю васъ!—затараторилъ Хвостовъ.—Я никогда

Digitized by Google

не завтракаю... Страшно занятъ... У меня время—деньги! Вы изволили сказать, что вамъ понравилось имѣніе въ вяземскомъ уѣздѣ? Это—господъ Лесли... Прекрасно.—Онъ соображалъ только двѣ-три секунды и взглянулъ на часы.—Черезъ часъ я долженъ выѣхать по неотложному дѣлу въ Дорогобужъ, а завтра съ утра, я—къ вашимъ услугамъ... Чтобы выгадать время, вы будете добры выѣхать тоже сегодня, съ почтовымъ, въ шесть часовъ вечера. Ночью вы будете въ Вязьмѣ, а я пріѣду туда рано утромъ... Тамъ же на станціи мы наймемъ лошадей, раненько выѣдемъ и въ полдень будемъ уже на мѣстѣ—осматривать имѣнье... Прекрасно! Теперь, относительно гонорара мои условія всѣмъ извѣстны:—3%... Если вы купите это имѣнье за 10 тысячъ—300 рублей, если за 11—330... И затѣмъ: моя дорога по вашему дѣлу на вашъ счетъ... Не пугайтесь: я не балую себя и не разоряю довѣрителей—ѣзжу не въ первомъ классѣ, а во второмъ... Ну-съ, и суточныхъ—по 5 рублей... Вы утверждаете?

— Да, конечно, что вы получаете съ другихъ—и я готовъ,—началъ Мечтаевъ.

— Прекрасно-съ!—перебилъ его Хвостовъ. — А затѣмъ—мое почтенье... Мы обо всемъ переговорили, условились, и я тороплюсь. И такъ-съ, до завтра, до утра—въ Вязьмѣ.—И, забравъ описи и планы въ портфель, г. Хвостовъ наскоро пожалъ руку Мечтаеву и испарился.

«Дѣлецъ, должно быть... Энергичный. Настоящій американецъ:—«время — деньги»! — думалъ Аполлонъ Алексѣевичъ, проводивъ «посредника». «Но выходитъ, однако, что ему выгодно, чтобы я купилъ имѣніе какъ можно дороже», соображалъ онъ затѣмъ. «Вѣдь чѣмъ больше заплачу я—тѣмъ высшій «гонораръ» получитъ и онъ, и, стало быть, ему прямо таки невыгодно хлопотать за меня?!. И 300 рублей я заплачу этому «американцу» только за то, что онъ укажетъ мнѣ продающееся имѣніе и познакомитъ съ владѣльцемъ!.. Такъ выходитъ. Гмъ! Какъ же это они такъ? Вся Россія продается, а до сихъ поръ не устроили такого бюро»...

Однако, размышленія его были прерваны:—въ нумеръ стучался, очевидно, комисіонеръ № 2—г. Жгутиковъ. Мечтаевъ устремился на встрѣчу, но на порогѣ увидѣлъ фигуру уже совсѣмъ инаго сорта. Ни костюма сноснаго, ни щеголеватости, хотя бы провинціальной, ни апломба... Предъ нимъ стоялъ маленькій старичокъ, въ скудномъ одѣяніи Любима Торцова, съ оплывшимъ отъ пьянства лицомъ и букетомъ «зелена вина», при дыханіи и разговорахъ.

— Г. Жгутиковъ?—желая удостовѣриться, спросилъ даже Мечтаевъ.

Digitized by Google

— Такъ точно-съ... Вы меня не застали. По другимъ дѣламъ отлучался...

«Подозрительный... И пьяный. А можетъ быть—семья... дѣти»,—думалъ Аполлонъ Алексѣевичъ и, мигомъ вспомнивъ и трагическую исторію Мармеладова, и стихи Некрасова:

«Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь заново
Къ общей пользѣ измѣнить,
А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить»,—

рѣшилъ, все таки, принять эту личность и торопливо проговорилъ:—Прошу васъ...

— Чувствительно радъ знакомству. Дай же намъ Богъ сдѣлать дѣльце.

— Садитесь, пожалуйста... Вы писали, что имѣете порученія продать нѣсколько имѣній.

— Такъ точно-съ... И дай намъ Богъ сдѣлать дѣльце... Рюмочку-съ...

— Что-съ?

— Если позволите—рюмочку-съ...

Аполлонъ Алексѣевичъ нѣсколько смутился и торопливо позвонилъ. «Со втораго слова—рюмочку!» подумалъ онъ, а громко сказалъ:—Съ удовольствіемъ. Я еще и самъ не завтракалъ...

— Тѣмъ пріятнѣе—въ компаніи-съ... Дай же намъ Богъ сдѣлать дѣльце...

— Въ какомъ же уѣздѣ у васъ намѣчены имѣнія?

— Въ разныхъ уѣздахъ-съ... Я ужь сорокъ лѣтъ этимъ дѣломъ занимаюсь...

— Скажите!

— Да-съ. А тутъ ѣдешь, знаете, съ покупателемъ, дорога бываетъ долгая, въ трактиръ заѣдешь, выпьешь... Съ холода да въ пути, знаете, такъ пріятно бываетъ выпить. А тамъ—и на мѣсто пріѣдешь. Покупатель радъ. И тѣмъ ублажаетъ, и другимъ, и третьимъ... Всякія наливки, водочки-настойки, что̀ есть въ запасѣ—все на столъ выставить...

Лакей принесъ закуску и водку, и на послѣднюю г. Жгутиковъ набросился съ такой страстной жадностью, что уже въ эту минуту Мечтаевъ рѣшилъ сегодня же покончить дѣла съ этимъ комисіонеромъ. Г. Жгутиковъ опрокидывалъ рюмку за рюмкой, не только не дожидаясь приглашенія хозяина, но явно боясь того, чтобы самъ хозяинъ не налилъ рюмку-другую себѣ, и тѣмъ не лишилъ его этой порціи. Казалось, «въ умѣ своемъ» онъ рѣшилъ выпить всю бутылку водки. Но, когда онъ выпилъ ее до половины,

Digitized by Google

и выпилъ, ничего еще не говоря о дѣлѣ и передъ каждой рюмкой повторяя лишь все ту же фразу: «дай же намъ Богъ сдѣлать дѣльце», Мечтаевъ не вытерпѣлъ и всталъ.

— Такъ я увѣдомлю васъ, когда мнѣ понадобятся ваши услуги. Этими днями я занятъ...

— Чувствительно радъ... И дай Богъ намъ сдѣлать дѣльце!— отвѣтилъ, вздохнувъ, г. Жгутиковъ и налилъ себѣ еще рюмку водки.

— А теперь—извините меня... Мнѣ некогда...

Г. Жгутиковъ неохотно поднялся.—Какъ прикажете. Только вы не извольте безпокоиться увѣдомлять:—я и самъ навѣдаюсь...

«Но только ужь я-то васъ больше не приму! Мнѣ комисіонеръ нуженъ, а не экспертъ по водочной части!»—думалъ съ досадой Мечтаевъ.

Онъ самъ отворилъ г. Жгутикову дверь, и тамъ они столкнулись съ комисіонеромъ № 3—г. Сошкинымъ... По внѣшнему виду, № 3 былъ подобенъ № 2-му; оказалось, что эти нумера были между собою знакомы и—что выяснилось тутъ же въ дверяхъ—враждовали, какъ всегда враждуютъ конкурренты.

— Что, поспѣлъ—нализался?—спросилъ со злостью, и не стѣсняясь при Мечтаевѣ, № 3.

— Да, тебѣ не оставилъ! Всю выпилъ, — отвѣтилъ ехидно № 2.

— Пьяница! — воскликнулъ съ презрѣніемъ № 3.—Для чего вы, господинъ, пущаете такого? Развѣ онъ комисіонеръ?

— А ты—комисіонеръ?!—спросилъ опять № 2.—Я пьяница да хоть не воръ! А ты—и пьяница, и вездѣ что нибудь да слизнулъ. Берегитесь, баринъ, если пустите его: тамъ у васъ часы лежатъ на столѣ—слямзитъ!

Такъ представились Аполлону Алексѣевичу *русскіе* комисіонеры...

VI.

Еврей и «русскій американецъ».

Остались евреи, изъ которыхъ первымъ—въ 3 часа—долженъ былъ явиться Михель Сахаръ... Мечтаевъ взглянулъ на часы: былъ еще второй часъ вначалѣ. «Но вѣдь еще въ полдень я видѣлъ его въ коридорѣ», вспомнилъ Аполлонъ Алексѣевичъ: «чего ради теперь онъ будетъ сидѣть тамъ, до трехъ часовъ, а я буду сидѣть безъ дѣла тутъ?.. Все равно, всѣхъ не удастся принять:—въ 6 часовъ надо выѣхать въ Вязьму. А этого принять необходимо: у

Digitized by Google

него въ рукахъ такое хорошее имѣніе»... И онъ пріотворилъ дверь.

Тамъ, у противоположной стѣны коридора, стоялъ, опираясь на большой зонтикъ, пожилой и худощавый еврей съ лукавыми глазами.

— Вѣдь вы—г. Сахаръ?—спросилъ Мечтаевъ.

— Сахеръ... Михель Сахеръ... Еще разъ имѣю честь кланяться, Аполлонъ Аликсѣичъ!

— Что же вы не постучались?

— Ви минѣ назначилъ свиданью у въ три часа. Я не смѣлъ ранѣе...

— Пожалуйста! Я теперь свободенъ.

Михель Сахаръ вошелъ робко, не то пригнувшись, не то безпрестанно кланяясь, снялъ верхнее платье, осторожно повѣсилъ его, поставилъ въ уголъ зонтикъ, высморкался и тѣмъ же цвѣтнымъ платкомъ вытеръ усы и длинную сѣдую бороду.

— Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли водочки?

— Благодару вамъ,—отвѣтилъ Михель и, все также робко, сѣлъ на буковый стулъ, не смотря на то, что рядомъ стояло удобное мягкое кресло... А лукавые глаза его слѣдили уже за новымъ лицомъ съ нервнымъ вниманіемъ; казалось, онъ старался какъ можно скорѣе узнать, «раскусить» человѣка, съ которымъ имѣетъ дѣло...

— Прикажете?—спросилъ Аполлонъ Алексѣевичъ, намѣреваясь налить рюмку.

— Нѣтъ, благодару вамъ... Прошу вамъ: будемъ ранѣе говорить о дѣло...

— Сдѣлайте одолженіе... Вы предлагали мнѣ имѣніе Шальное, въ духовскомъ уѣздѣ. Вы его такъ расхваливаете, и—признаюсь—мнѣ самому оно очень нравится...

— Этого имѣнью долженъ нравиться. Это чудесново имѣнью!

— Но у васъ есть на комисіи и другія?

— У меня есть многи! Но прошу вамъ—смотрите ранѣе это. Я довольно хорошо знаю, что вы будете его куплять! И для чиво ви будете тратить деньгувъ на поѣздки и осмотры, коли тоё вамъ понравится?!. Имѣетъ только два съ половиною часа ѣзды по желѣзнова дорога отъ Смоленски, и отъ станціи Андреевка — три версты на лошадкѣ!.. Нынѣ ми можемъ ѣхать съ почтовымъ въ 6 часовъ, тама мы будемъ переночевать, утромъ будемъ осматривать, день совѣтаться, а къ вечеру можемъ вже ѣхать къ владѣлецъ и кончать дѣло!..

— А кто онъ, владѣлецъ?

— Купецъ, альбо мѣщанинъ. Очень дѣльнаво человѣкъ—Митро-

Digitized by Google

фанъ Филипповичъ Короѣдовъ. Лѣсомъ тоже торгуетъ, имѣетъ свой кабакъ и лавка на станція Кожухи—всего двадцать верстъ отъ Андреевка...

— Да, нс сегодня я долженъ выѣхать съ почтовымъ поѣздомъ въ Вязьму. Вотъ, если тамъ не подойдетъ, когда я вернусь оттуда...

— Въ Вяжьму? Зачиво ви должны ѣхать въ Вяжьма? — спросилъ осторожно Сахаръ.

— Тамъ мнѣ предлагаетъ имѣнье г. Хвостовъ.

— Гашпадинъ Хвостовъ?.. Я довольно хорошо знаю, что гашпадинъ Хвастовъ не продалъ еще ни однаво имѣнью...

— Почему такъ?—спросилъ съ удивленіемъ Мечтаевъ.

— Онъ хотитъ гонять два зайцу!.. Говорите мнѣ, прошу вамъ, какова имѣнью онъ вамъ предлагаетъ?

— Господъ Лесли...

— Маръино?!—спросилъ Михель, прищуриваясь и съ протяжной еврейской интонаціей.

— Да, Марьино. Вы тоже знаете это имѣніе?

— Я знаю увся смоленска губернія!—сказалъ съ гордостью, но, очевидно, безъ хвастовства Михель.—Маръино?!—повторилъ онъ еще разъ и добавилъ уже радостно, будто гора свалилась съ его плечъ:—Ну, таперичка я довольно хорошо знаю, что ви не будете куплять этаво имѣнью!

— Почему же? Что въ немъ такого?

— Каждаго горсть земля—у въ шпорнаво владѣнью у въ сосѣди и у въ крестьяны...

Мечтаевъ старался быть осторожнымъ. «Быть можетъ, онъ вретъ умышленно, чтобы я измѣнилъ Хвостову и поѣхалъ съ нимъ», подумалъ онъ.

— Да, но все таки я далъ уже слово и долженъ ѣхать,—сказалъ онъ вслухъ.

— Не думайте, прошу вамъ, что я вамъ уговарываю не ѣхать! Минѣ только жалке ваши деньгув. Гашпадинъ Хвостовъ беретъ дорога на второй классъ, пьять рублей въ сутки и 3 пурценты! Я это довольно хорошо знаю...

— Кстати, скажите мнѣ ваши условія, потому что, если я не кончу тамъ—я обѣщаю ѣхать съ вами.

— Благдару вамъ!.. Я прошу тольки 2½ пурценты за комисія,—никакого сутошнаго, и буду сопровождать вамъ у въ каково вгодно классѣ.

— Отлично; стало быть, вернувшись въ Смоленскъ, я дамъ вамъ знать...

Digitized by Google

— Зачиво!—воскликнулъ Михель.—Я жь говору, что сожалѣю ваши деньгувъ! Зачиво вамъ потратиться и ѣхать изъ Вяжьма мимо Андреевка до Смоленски и потомъ знова ѣхать изъ Смоленски обратно до Андреевка?! То жь на полдорога съ Вяжьма до Смоленскъ... Выгоднѣе будетъ, что я самъ буду поджидать вамъ на Андреевка, и ви соскачивайте тамочки, и ми поѣдемъ на лошадка у въ Шальное...

— Да, но вѣдь я не знаю, въ какой день буду возвращаться,— замѣтилъ Мечтаевъ:—можетъ быть, послѣ завтра, а, быть можетъ, и черезъ два дня.

— Что съ таво? На то я есть комисіонеръ! Я буду поджидать вамъ и послѣ завтра, и черезъ два дня.

— Но вѣдь вы можете прождать даромъ, если я куплю Марьино...

— Я довольно хорошо знаю, что Маръино ви не будете куплять!—повторилъ Михель.—И что вамъ съ таво, коли я буду выжидать дарѣмъ?! Я не беру зъ васъ сутошни, мнѣ не надо ни копѣйка, пока ви не купите Шальное...

«Вотъ тебѣ и «жидъ», а какой не корыстный и порядочный»!— подумалъ Аполлонъ Алексѣевичъ и съ чувствомъ протянулъ Сахару руку.—Итакъ, рѣшено!—сказалъ онъ ему.

— Рѣшено!—воскликнулъ радостно и Михель.—Таперичке будемъ выпивать маленькая румошка!—добавилъ онъ, указывая на водку...

И, дѣйствительно, онъ выпилъ только одну маленькую рюмочку. Но теперь робость его и осторожность пропали. Онъ «постигъ» того, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ заговорилъ непринужденно и говорилъ въ теченіе трехъ часовъ, не умолкая. Онъ расписывалъ прелести Шальнаго, а затѣмъ, уже «занимая» Мечтаева, принялся разсказывать о смоленскихъ имѣніяхъ вообще и объ ихъ владѣльцахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ все и всѣхъ въ губерніи, въ которой жилъ съ малолѣтства. Онъ зналъ, кому и какое имѣніе принадлежитъ, и какъ давно, и за сколько у кого куплено; зналъ, сколько десятинъ въ какомъ имѣніи числится, и сколько оно даетъ дохода, зналъ и семейное положеніе всѣхъ землевладѣльцевъ, ихъ долги, ихъ состояніе, даже ихъ интимныя дѣла,—зналъ, словомъ, все...

Около четырехъ часовъ, ожидая прибытія слѣдующаго комисіонера изъ евреевъ, не видя больше надобности принимать ихъ всѣхъ и помня, что нѣкоторые еще съ полудня ждутъ его въ швейцарской, Аполлонъ Алексѣевичъ позвалъ «нумернаго» и приказалъ ему не принимать, если кто будетъ его спрашивать.

Digitized by Google

— И зачиво вамъ больше комисіонеры!—разсуждалъ уже Михель.—Коли ми не купимъ Шальное, ми зъ вами будемъ куплять другаго, третьяго имѣнью! Я довольно хорошо знаю всѣ имѣнью, довольно хорошо знаю и владѣльци... Прошу вамъ, довѣрайтесь таперичке мнѣ, и я буду вамъ вѣрнова слуга, и ви будете потомъ говорить: «Ахъ, Михель Сахеръ!»...

И онъ, что называется, «присосался» къ Аполлону Алексѣевичу. Онъ не ушелъ отъ него до шестаго часа, проводилъ его на вокзалъ, вертѣлся около него, не отходя ни на секунду, пока Мечтаевъ сѣлъ въ вагонъ втораго класса, и простоялъ на платформѣ, передъ окнами этого вагона, вплоть до втораго звонка... Затѣмъ, дружески и униженно кивая головой, онъ распрощался съ Мечтаевымъ и, отойдя нѣсколько шаговъ отъ вагона не торопливымъ шагомъ, бросился потомъ со всѣхъ ногъ въ кассу третьяго класса, взялъ себѣ билетъ до станціи Андреевка и сѣлъ самъ въ этотъ поѣздъ... Михель спѣшилъ оповѣстить владѣльца Короѣдова о томъ, что привезетъ покупателя,—кажется, очень выгоднаго и совсѣмъ ничего не понимающаго; спѣшилъ и обезпечить себя—взять съ Короѣдова расписку въ томъ, что, если Шальное будетъ продано при его содѣйствіи, Короѣдовъ долженъ заплатить ему 2% и со своей стороны. Да, Михель зналъ, что съ Короѣдова росписку взять необходимо... Онъ спѣшилъ разузнать и о томъ, на какихъ условіяхъ, въ настоящее время, арендуетъ Шальное Денисъ Семеновичъ Хвастуновъ, выгодно ли будетъ послѣднему нарушить теперь же арендный договоръ, и, если выгодно, спѣшилъ предупредить Хвастунова о томъ, чтобы и онъ приготовился къ предстоящему пріѣзду покупателя и приготовилъ бы къ осмотру самое имѣніе... Когда поѣздъ подошелъ къ Андреевкѣ, на дворѣ уже стемнѣло, и Михель выскочилъ на этой станціи, уже не боясь, что Мечтаевъ его увидитъ...

Аполлонъ Алексѣевичъ пріѣхалъ въ Вязьму въ полночь. За ужиномъ онъ узналъ отъ буфетнаго лакея, что поутру поѣздъ придетъ въ 6 часовъ, сообразилъ, что это и есть тотъ самый поѣздъ, съ которымъ г. Хвостовъ пріѣдетъ изъ Дорогобужа, попросилъ лакея позвать ямщика къ пяти часамъ утра и легъ спать... А на утро лакей разбудилъ его во-время: онъ успѣлъ умыться, напился чаю и нанялъ загодя ямщика, чтобы не задерживаться и, по пріѣздѣ Хвостова, немедленно выѣхать въ Марьино. И потому досада его была понятна, когда, встрѣчая на платформѣ поѣздъ и пропустивъ мимо себя всѣхъ пассажировъ, онъ не нашелъ среди нихъ Хвостова. «Да что жь это такое?!»—возмущался Мечтаевъ: «Вѣдь это ужь, наконецъ, и неблагородно и невѣжливо! Какое бы ни было у него дѣло—не смѣлъ онъ ставить меня въ такое дурацкое поло-

Digitized by Google

женіе,—этотъ американецъ!» Даже Аполлонъ Алексѣевичъ разсердился. Пришлось отпускать ямщика и—конечно—съ непріятностями. Ямщикъ упустилъ другихъ нанимателей и не соглашался получить только «на водку», а требовалъ всѣ деньги за несостоявшуюся поѣздку. Мечтаевъ сознавалъ и самъ, что онъ правъ, и отдалъ ему всю плату. Но—главное—приходилось сидѣть въ томительной тоскѣ на станціи, ждать прибытія слѣдующихъ поѣздовъ изъ Дорогобужа, и ждать притомъ, тоже не зная навѣрное—явится ли Хвостовъ хоть съ однимъ изъ нихъ... «Я положительно чувствую, что у меня портится характеръ!» ворчалъ Мечтаевъ, посылая Хвостова ко всѣмъ чертямъ. Онъ просидѣлъ на станціи до вечера и встрѣтилъ еще два поѣзда. Хвостова не было... Въ полномъ отчаяніи, онъ сидѣлъ за ужиномъ, положительно не зная, что предпринять, когда, съ телеграммой въ рукахъ, къ нему подошелъ лакей.

— Извините, баринъ... Ваша фамилія—Мечтаевъ?

— Да. А что?.. Телеграмма? Мнѣ?

— Такъ точно-съ: въ буфетъ, съ передачею вамъ.

Мечтаевъ схватилъ, надорвалъ и прочелъ: «Страшно занятъ. По неотложному дѣлу задержался въ Дорогобужѣ. Раньше четверга быть въ Вязьмѣ не могу. Извиняюсь. Хвостовъ».

«Не Хвостовъ ты, а Прохвостовъ!» чуть не крикнулъ взбѣшенный Аполлонъ Алексѣевичъ. «Въ четвергъ! А сегодня еще—вторникъ! Сутки я ужь просидѣлъ и долженъ сидѣть тутъ до четверга, какъ дуракъ, буду тратиться, платить за все втридорога, а онъ пришлетъ и въ четвергъ телеграмму, что «страшно занятъ», и пожалуетъ въ субботу... Чортъ знаетъ что! И Сахаръ съ завтрашняго дня будетъ ждать меня въ Андреевкѣ. Онъ тоже не станетъ дежурить тамъ цѣлую недѣлю. Кончится тѣмъ, что не купишь ни Шальнаго, ни Марьина, а недѣлю цѣлую проведешь даромъ»!..

Мечтаевъ, никогда не злившійся, въ стихахъ своихъ призывавшій людей къ всепрощенію и любви, самъ доселѣ все прощавшій людямъ, начиналъ злиться, ненавидѣть, клясть и даже—грозить...

— Дайте мнѣ бумагу, перо и конвертъ, — приказалъ онъ лакею, и, когда тотъ принесъ, написалъ Хвостову короткую, но язвительную записку: «Всякій считаетъ неотложнымъ свое дѣло. И я считаю таковымъ свое. Ваше время—деньги, но и мое—не битые черепки. Я прождалъ васъ сутки, а больше ждать не желаю». Онъ подписался и приказалъ лакею, если Хвостовъ пріѣдетъ въ четвергъ и спроситъ его, Мечтаева, передать эту записку...

Первый поѣздъ въ Смоленскъ отправлялся черезъ два часа и приходилъ въ Андреевку рано утромъ; Аполлонъ Алексѣевичъ разсчиталъ, что Сахаръ—если сдержитъ свое слово не такъ, какъ Хво-

Digitized by Google

стовъ — будетъ уже ждать его тамъ, и попросилъ лакея взять билетъ до Андреевки.

— Цѣльны сутки даромъ просидѣли! — небезкорыстно посочувствовалъ ему лакей, возвращаясь съ билетомъ и порядочной сдачей, на которую усиленно разсчитывалъ.

Мечтаевъ обрадовался сочувствію, тотчасъ наградилъ лакея всей сдачей цѣликомъ и, волнуясь, повѣдалъ ему свое горе.

— А какое имѣнье хотѣли купить, осмѣлюсь спросить? Мы тутошные, всѣ—знаемъ.

— Гг. Лесли—Марьино.

— Марьино?! — какъ и Михель, протянулъ многозначительно лакей.—И слава богу, что не посчастливилось! И не покупайте, баринъ!—добавилъ онъ.

— Почему такъ?

— Можно сказать, все цѣликомъ, тяжебное имѣніе,—отвѣтилъ лакей и объяснилъ:—которому владѣльцу переходитъ, всѣ судятся, а никто не можетъ толку добиться. Сказывали, землемѣры взятку взяли и такъ, при надѣлѣ, обошли крестьянъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ и вотъ понынѣ—все война идетъ у нихъ съ владѣльцами, все непріятности да суды...

Аполлонъ Алексѣевичъ вспомнилъ, что Михель предупреждалъ его и говорилъ о Марьинѣ то же, что этотъ лакей, и почувствовалъ уже къ еврею нѣкоторое довѣріе...

Между тѣмъ, эти непрерывныя неудачи, раздражая его, вызывали тѣмъ сильнѣе желаніе поскорѣе купить «свой клочокъ», и теперь у него явилось уже какое-то болѣзненное желаніе забрать на Андреевкѣ благодѣтеля Михеля, который казался ему самымъ дѣльнымъ комисіонеромъ, въ рукахъ котораго было симпатичное Шальное, къ тому же подходящее и по цѣнѣ. Владѣлецъ просилъ за него 12 тысячъ. «Понравится—куплю. Не стану больше ни ѣздить, ни искать, ни смотрѣть»!—думалъ Мечтаевъ.

Съ лихорадочной тревогой онъ заглядывалъ въ окно, подъѣзжая къ Андреевкѣ, и—о, счастье!—увидѣлъ, что, облокотившись на свой большой зонтикъ, Сахаръ стоитъ на платформѣ и, очевидно, тоже съ лихорадочной тревогой, заглядываетъ въ окна прибывающаго поѣзда.

— А вотъ и я!—крикнулъ ему Мечтаевъ.

— И какъ скоро,—отвѣтилъ радостно Михель.

Аполлонъ Алексѣевичъ разсказалъ ему—почему пріѣхалъ такъ скоро.

— Тсс!—сдѣлалъ Сахаръ, выслушавъ разсказъ. — Я довольно хорошо зналъ, что господинъ Хвостовъ будетъ такъ поступать! Я

Digitized by Google

вамъ говорилъ, что онъ не продавалъ ни однаво имѣнью. Каково-то комисіонеръ! То есть брехунецъ, который хотитъ ловить два зайцу и ничего не понимаетъ у въ земля...

— Ну, поѣдемте въ Шальное!

— Ну, и конечно, ми поѣдемъ у въ Шальное. Ждите туточки, прошу вамъ, а я буду отыскать Петифоръ.

— «Петифоръ»? Это кто? Французъ какой-то?!

— Нѣтъ! То есть тутошный вощикъ!—усмѣхнулся Михель.

Онъ отыскалъ этого «Петифора», какъ оказалось потомъ «Ельпидифора»; они усѣлись въ его санки и поѣхали въ Шальное...

VII.

Послѣдыши крѣпостничества.

Ѣхали хотя и въ санкахъ, но въ сущности—по грязи: зимняя дорога сильно испортилась, почернѣла, порыхлѣла и была сплошь покрыта широкими и длинными лужами. Отъ Андреевки до Шальнаго,—какъ, соблазняя Мечтаева, и писалъ Сахаръ, — оказалось, дѣйствительно, 4 версты. «Вотъ тебѣ и «жидъ», и комисіонеръ! Всѣ обманывали насчетъ разстоянія, а этотъ одинъ написалъ правду»,— соображалъ опять Аполлонъ Алексѣевичъ, проникаясь все бо́льшимъ довѣріемъ къ своему Михелю.

— А кому Шальное принадлежало раньше? У кого купилъ его Короѣдовъ?—спросилъ онъ еврея.

— Господину Ранкову. У него куплялъ...

— Не куплялъ, а въ карты выгралъ! Что пустое говорить?— замѣтилъ флегматично и не оборачиваясь «Петифоръ».

Еврея передернуло.—Что ты минѣ говоришь? Я довольно хорошо знаю!—воскликнулъ онъ. — Ты вощикъ—твое дѣло глядѣть, чтобы лошадка шибко бѣгала, и за тоё добрый панъ дастъ тебѣ хорошаго на водка. А разсказать—тоё есть мое дѣло; я—комисіонеръ...—И онъ торопливо разсказалъ Мечтаеву исторію Шальнаго. Во времена давно минувшія, это была частичка родоваго имѣнія богатаго барина—Громилы-Борисовича, который далъ этотъ клочокъ въ приданое за одною изъ своихъ 12 дочерей,—за тою, что́ вышла за помѣщика Крюкова; Крюковъ продалъ его поляку Бѣлявскому, полякъ Бѣлявскій — поляку Годздяцкому, Годздяцкій— помѣщику Ранкову, а Ранковъ — Митрофану Филиповичу Короѣдову.—И вотъ, прошу вамъ, глядите таперичке, каково это имѣнью!— воскликнулъ Михель, когда они выѣхали изъ рощи сосѣдняго помѣщика, и Шальное открылось предъ ними, какъ на ладони.—Глядите, глядите, прошу вамъ, каково удобнаво имѣнью! И гдѣ вы

Digitized by Google

можете еще находить таково устройство?!. Тамъ, на горочка, въ саду, стоитъ домъ; вокругъ — огородъ и всадьба, вокругъ всадебная земля—вся пахота; вокругъ пахота—луги, а за луги—рѣчка и лѣсъ... Ваша рѣчка и вашъ лѣсъ! Глядите, прошу вамъ: зъ окошка, изъ сваво кабинету, вы завсегда можете видѣть увсе, что дѣлается въ имѣнью!.. Ну, и прошу вамъ, думайте хорошенько, гдѣ вы можете отыскать еще такова имѣнью?..

И, дѣйствительно, было такъ: домъ, окруженный садомъ, огородомъ и надворными постройками, стоялъ на пригоркѣ, и всѣ двѣсти десятинъ, изъ которыхъ состояло Шальное, раскинулись вокругъ усадьбы. Правильнымъ полукругомъ окаймляя усадьбу, склономъ спускалось къ лугамъ пахотное поле; также окаймляли поле луга; затѣмъ, посреди̇нѣ, луга прерывались рѣчкой Волынкой и склономъ подымались снова отъ берега ея до полосы смѣшаннаго лѣса, не строеваго, положимъ, но, однако, уже достаточно рослаго. Еще по присланному Михелемъ плану, это расположеніе имѣнія очень понравилось Мечтаеву; теперь, видя все это въ натурѣ, онъ пришелъ въ полный восторгъ...

А жидъ-соблазнитель продолжалъ жужжать надъ самымъ его ухомъ:—Замѣчайте, прошу вамъ, и тоё: имѣетъ увсево 4 версты до желѣзнаго дорога, 10 верстъ до большаго фабричнаго посаду Дранцево, гдѣ вы можете имѣть всякаво сбытъ для продукты,—увсево 60 верстъ до Смоленски и 300 верстъ до столица, до Москва... Тольки 4 версты проѣхать на лошадка, и послѣ можно ѣхать съ Андреевка куда вгодно: чи направо, чи налѣво, чи увъ Берлинъ и увъ Парижъ, чи увъ Сибирь и Японія...

Спустившись въ лощину и переѣхавъ мостъ черезъ Волынку, они поднялись на пригорокъ и ѣхали уже по землѣ Шальнаго. Открылась и противоположная сторона владѣній. Извиваясь межъ луговъ, Волынка огибала усадьбу и, подъ садомъ, образовывала небольшое озерцо, надъ которымъ такъ уютно пріютилась, межъ деревьевъ, совсѣмъ новенькая, небольшая, но прехорошенькая банька. Впрочемъ, издали и домъ, и вообще всѣ постройки не показались Мечтаеву ветхими; напротивъ, было замѣтно, что всѣ онѣ ремонтируются и поддерживаются: на крышахъ даже теперь бѣлѣли кое-гдѣ новыя тесины. Садикъ, окруженный дубами, липами и кленами, въ перемежку спускался склономъ къ озерцу, а на площади его, правильными рядами, были разсажены молодыя яблони; и было ихъ тутъ—штукъ 200. На томъ берегу озерца, порядочная площадь, пригодная и для огорода, и подъ конопляникъ, подымалась склономъ до улицы деревни, состоявшей всего изъ трехъ дворовъ, и была отъ нея отгорожена высокимъ частоколомъ.

Digitized by Google

— А тоё есть деревня Шальное, — объяснялъ, указывая пальцемъ, Михель.—И съ этова сторона, тутъ коло деревня кончаются ваши владѣнію. Луги по эта сторона рѣчка—ваши, а по тая сторона — крестьянскіе... А вотъ тутъ, глядите, прошу вамъ: три пуньки на луги — тоже ваши. Тоё большой лѣсъ вашего зосѣда, гашпадина помѣщика Косолапова, а тоё все, что вы тамъ видите—вашъ лѣсъ...

— А сколько всего лѣсу?—спросилъ Аполлонъ Алексѣевичъ.

— Семьдесятъ десятинъ лѣса и семьдесятъ десятинъ луга, потомъ у въ три поля по пятнадцать десятинъ пахота—45 десятинъ и остальнова 15 десятинъ находится подъ всадьба, огороды, садъ—замѣчайте, прошу вамъ, фруктовый садъ!—дорога и рѣчка. Неудобнаво земли завсѣмъ нѣтъ! Все доходнаво, дорогова земля... И вотъ, мы пріѣдемъ и скажемъ Денисъ Семеновичъ Хвастуновъ, чтобы онъ запрягалъ своя лошадка и возилъ бы насъ у въ лѣсъ и на всѣ границы и все бы намъ разсказалъ и показалъ... Ми будемъ заглянуть и въ пуньки, будемъ посмотрѣть и убѣждаться, чи тамъ есть сѣно!—добавилъ онъ, хитро и лукаво улыбаясь.

— А кто же этотъ Хвастуновъ? Тамошній прикащикъ?

— Нѣтъ, тоё—арендаторъ.

— Какъ, имѣніе въ арендѣ? Что жь вы мнѣ раньше не сказали? Это мнѣ неудобно,—воскликнулъ Мечтаевъ.

— Не встревожьтесь, прошу вамъ, — замѣтилъ Михель. — Въ тотъ самій день, когда ви будете куплять Шальное—аренда будетъ знята! Короѣдовъ дѣлалъ съ Хвастуновымъ таково договоръ: «въ случаѣ продажа имѣнью—аренда прекращается».

— Онъ изъ крестьянъ, этотъ Хвастуновъ?

— Да, простово человѣкъ! Хорошаво, бѣднаво и цестнаво... И имѣетъ оцень пріятнаво супруга — пожилая, добрая женщина...— «Петифоръ» только вздохнулъ да презрительно улыбнулся, но ничего не замѣтилъ, а Михель добавилъ, какъ бы кстати:—И ви хорошо будете сдѣлать, коли будете оставлять ихъ на первое время у себя, какъ прикащики. Они довольно хорошо знаютъ имѣнію, и пожилые люди—могутъ вамъ же разсказать и посовѣтать...

— Но развѣ бывшій арендаторъ согласится остаться въ прикащикахъ?—спросилъ недовѣрчиво Аполлонъ Алексѣевичъ.

— Думаю, согласится,—отвѣтилъ Сахаръ.

— Еще бы!—не выдержалъ и проворчалъ «Петифоръ».

— Бѣднаво человѣкъ,—продолжалъ Михель.—Попытайте... Ласкаво поговорите... Думаю, согласится на время, пока будетъ подыскать себѣ другова аренда... Думаю—будетъ вамъ даже сказать спасибо...

Digitized by Google

— Да, конечно, на время... Я буду хозяйничать самъ, лично...

— Ну, звѣстно—на время. И тоё будетъ вамъ выгодно: — ёнъ вамъ усё покажетъ и усё научитъ; и вамъ будетъ тоже вдобно, пока ви будете ѣхать за барыня и вещи у въ Петербургъ и пока будете возвращаться — имѣть тутъ своно человѣкъ, который усё знаетъ и будетъ сохранять ваше добро...

«А вѣдь онъ правъ. Это вѣрно»!—соображалъ Аполлонъ Алексѣевичъ: «А то—кого я тутъ оставлю? Да и потомъ, первое время, пока я узнаю хоть границы, узнаю—что̀ мое, что̀ чужое... И вообще—вѣдь въ сущности я никогда не хозяйничалъ: мало ли что спросить придется, о чемъ—справиться»?..

Они въѣхали въ ворота усадьбы, но подъѣхали не къ дому,—запертому и заколоченному,—а къ флигельку, въ которомъ помѣщался Денисъ Семеновичъ Хвастуновъ.

— Вотъ ёнъ самъ! — шепнулъ Мечтаеву Михель и крикнулъ привѣтливо:—Моево почтенью, Денисъ Семеновичъ! Какъ ви себѣ поживаете?!

— Здравствуйте, батюшка, Михалъ Осипычъ! Все по старому. Вы какъ живете-можете?—отозвался, сходя съ крылечка, и Хвастуновъ.

— Тсс, и што намъ!—замѣтилъ Михель.

«Ишь ты, разздоровались какъ! А еще ввечеру на станціи вмѣстѣ были. Ну—жохи»! — думалъ «Петифоръ», останавливая лошадь.

— Глядите, Денисъ Семеновичъ, я привезъ вамъ покупатель. Вотъ баринъ—Аполлонъ Алексѣевичъ Мечтаевъ—очень добраво и обходительнаво баринъ,—отрекомендовалъ Сахаръ, торопливо выскакивая изъ возочка.

Хвастуновъ глубоко раскланялся и, не смотря на то, что Мечтаевъ сопротивлялся, все таки помогъ ему выбраться изъ саней.—Честь имѣю кланяться, батюшка-баринъ! Пожалуйте, батюшка, въ нашу хижинку. Раньше всего прочаго, Савельна подадутъ вашей милости самоварчикъ.

Денисъ Семеновичъ былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ 55, съ небольшой круглой бородкой, вьющимися темными волосами безъ просѣди, попорченнымъ правымъ глазомъ и лицомъ не умнымъ, но будто лукавымъ или вѣчно ухмыляющимся. Костюмъ на немъ былъ такой, какіе носятъ обыкновенно,—не при исполненіи служебныхъ обязанностей на кòзлахъ,—кучера, и не городскіе, а деревенскіе, изъ дорогихъ: на немъ была короткая поддёвка изъ синяго сукна, шаровары и высокіе сапоги, мастерски вылощенные ваксой. Чистая цвѣтная сорочка выглядывала и у шеи, и у кистей рукъ изъ-за под-

Digitized by Google

дёвки, волосы были гладко причесаны и смазаны, и вообще видъ у него былъ праздничный.—Пожалуйте, баринъ-батюшка! Милости прошу!—повторялъ онъ, стоя у входа во флигель и кланяясь.

Но Михель присталъ къ Мечтаеву, чтобы тотъ отпустилъ «Петифора».

— А назадъ-то?—спросилъ Мечтаевъ.

— О, Денисъ Семеновичъ дастъ намъ своя лошадка!

— Будьте безъ сумлѣнія, баринъ-батюшка. И притомъ — за счастье почту-съ!—подтвердилъ Хвастуновъ.

Мечтаевъ разсчитался съ «Петифоромъ» и вошелъ въ «хижинку».

Она была обставлена такъ, какъ обставляютъ свои жилища опять-таки кучера, столичные старшіе дворники да деревенскіе «управляющіе» изъ крестьянъ. Двѣ комнатки—душныя и малоопрятныя—составляли все помѣщеніе; въ задней—стояла огромная кровать, съ мягкой постелью и множествомъ подушекъ въ цвѣтныхъ наволочкахъ, и кованый сундукъ; будничное и праздничное платье было развѣшено по стѣнамъ, на гвоздяхъ, и прикрыто кое-какими тряпицами, а по пыльнымъ угламъ валялся самый разнообразный хламъ: Тутъ были: и опорки, и голенища, отрѣзанныя отъ нихъ, и утюгъ, и грязное бѣлье, скомканное и «сунутое» до предстоящей стирки, и топоръ, и собранная «въ восьмерку» веревка, и пустые ящички съ кое-какимъ мелкимъ хламомъ—съ гвоздями и старыми желѣзными и чугунными обломками. Въ передней комнатѣ было больше порядка и меньше хлама. Тутъ, на первомъ планѣ, стоялъ жосткій диванъ безъ пружинъ, обитый грязнымъ ситцемъ; передъ диваномъ—столъ, накрытый цвѣтной скатертью, а надъ диваномъ висѣло небольшое зеркало въ большой и тяжелой рамѣ, а по бокамъ зеркала—олеографіи и фотографіи прежнихъ хвастуновскихъ господъ, князей Старожгутовыхъ. На стѣнѣ висѣли и часы, въ продажѣ именующіеся «дачными», а въ «красномъ» углу, опять таки въ большой и неуклюжей рамѣ, висѣлъ некрасивый образъ; передъ нимъ была лампада, надъ нимъ — верба, а подъ нимъ—яйца: одно, сахарное—трактиръ для мухъ, другое—фарфоровое—мѣсто для ихъ отдохновенія послѣ трапезы...

Въ передней комнатѣ Хвастуновыхъ представилась Мечтаеву и Марѳа Савельевна—жена Дениса Семеновича. Она была рыхлая, полная и рослая женщина, тоже лѣтъ 52—53, и двигалась медленно, переваливаясь, потому что ноги ея издавна были поражены ревматизмомъ; брюнетка съ очень крупными чертами лица, во времена минувшія, она была, вѣроятно, красавицей, но теперь съ лица ея не сходило только одно, не то озлобленно-презрительное, не то

Digitized by Google

обиженно-угнетенное, выраженіе. Казалось, будто кто-то, когда-то жестоко обидѣлъ ее, и изъ всего, что̀ перенесла и переиспытала она за свою жизнь, только это одно, только эту не вымещенную обиду, запомнила она навсегда... Она тоже была чистенько и прилично одѣта, и чуть не въ поясъ поклонилась Мечтаеву. Знакомясь съ нею, онъ протянулъ руку и ей, какъ мужу, но Марѳа Савельевна живо, и будто со страхомъ, отдернула свою.

— Мы—холопы, баринъ-батюшка, бывшіе крѣпостные люди князей Старожгутовыхъ; намъ не подъ стать, здоровкаясь, господскія руки трясти!—проговорила она и еще разъ низенько поклонилась.

Смущенный Мечтаевъ искоса взглянулъ на нее: въ красивыхъ, черныхъ и глубокихъ глазахъ ея и на тонкихъ губахъ играла едва уловимая презрительная усмѣшка, а поза выражала въ то же время смиреніе.

— Савельна-матушка, распорядитесь самоварчикъ подать, да закусить, да водочки... Чѣмъ богаты—тѣмъ и рады,—говорилъ Денисъ Семеновичъ.—Прошу васъ, баринъ-батюшка, садитесь... Вотъ на диванчикъ—вамъ и покойнѣе будетъ, и удобнѣе...

— Нѣтъ, увольте, пожалуйста! Я моложе васъ всѣхъ... Что жь я за архіерей?—возразилъ Мечтаевъ, которому было досадно и непріятно, что Хвастуновы принимаютъ его не «запросто».—И не называйте вы меня, пожалуйста, «бариномъ», да еще и «батюшкой»... Прошу васъ! Меня зовутъ Аполлономъ Алексѣевичемъ...

Но, сколько ни упирался Мечтаевъ, и Хвастуновы, и Михель все таки усадили его на диванъ и угощали его и обращались съ нимъ именно, какъ съ архіереемъ или губернаторомъ. Въ своей же «хижинѣ» Хвастуновъ согласился присѣсть къ своему же столу, къ самовару и закускѣ только послѣ самыхъ убѣдительныхъ и умильныхъ просьбъ гостя, а Марѳа Савельевна не согласилась присѣсть даже и послѣ просьбъ,—такъ и осталась стоять, такъ и простояла все время у стола на своихъ больныхъ ревматизмомъ ногахъ. Они продолжали свое, всякій разъ объясняя, что они «холопы», бывшіе крѣпостные люди князей Старожгутовыхъ, у которыхъ и «послѣ воли» выслужили по 15 лѣтъ—до тѣхъ поръ, пока эти князья не разорились—и что у князей этихъ они, слава богу, научились тому, какъ надо обращаться съ настоящими господами...

«Господи, когда же, наконецъ, вывѣтрится этотъ духъ?.. когда, наконецъ, вымрутъ эти рабскія души»?!. думалъ Мечтаевъ.

Вообще, чуть ли не каждую фразу и каждый разсказъ изъ своего прошлаго и Хвастуновъ, и Хвастунова начинали словами: «когда мы жили еще у нашихъ господъ, у князей Старожгутовыхъ»,

Digitized by Google

или: «у насъ въ Холму, въ бывшемъ главномъ имѣніи князей Старожгутовыхъ»... Между прочимъ, изъ этихъ разсказовъ—а ихъ многое-множество сообщили за чаемъ и самъ Хвастуновъ, и Марѳа Савельевна—Мечтаевъ многое узналъ о нихъ отъ нихъ же. Онъ узналъ, что они «люди наичестнѣйшіе и преданные», «не пьющіе и вѣрные»; узналъ и о томъ, что Денисъ Семеновичъ былъ всю жизнь собственно кучеромъ,—и «великолѣпнѣйшимъ кучеромъ», какъ заявилъ онъ объ этомъ, опять таки, самъ — и, только лѣтъ 6 тому назадъ, «по случаю пораненія праваго глаза», долженъ былъ отказаться отъ этой должности и взяться за «арендательское, или прикащицкое дѣло»...

Но одинъ изъ разсказовъ Марѳы Савельевны былъ интересенъ во всѣхъ отношеніяхъ и положительно поразилъ Мечтаева.

— Какъ исполнилось мнѣ 17 лѣтъ, выбралъ и меня старый князь изъ дворни,—разсказывала Хвастунова.—Нарядилъ, прибралъ и приблизилъ-съ... И какъ сейчасъ вижу я себя въ ту пору:—молоденькая, да свѣженькая, да хорошенькая, брови-то черныя, словно нарисованныя, щоки-то кумачныя, платье бѣленькое, кисейное, какъ у барышни, и кушакъ—лента алая, шолковая; а на головѣ—широкая шляпа соломенная, и цвѣтовъ на ней цѣлый букетъ,—бѣлые цвѣты крупные, потому сама я была брунетка... Чисто—яблонька въ цвѣту! Ну-съ, приблизилъ меня старый князь, а княгиня-матушка ревнуютъ, злятся, только пикнуть не смѣютъ, потому знаютъ князеву суровость и распорядки... Бывало, какъ что не по ихнему сдѣлаютъ княгиня, князь-батюшка—выпивали они сильно—тотчасъ прикажутъ обрядить ихъ, какъ покойницу, уложатъ на столъ, не велятъ ни двигаться, ни шевелиться, да, созвавши всѣхъ дѣтокъ собственныхъ—князьковъ да княженъ,—сами поютъ надъ княгиней вѣчную память, а дѣткамъ приказываютъ молиться объ упокоеніи души живой-то княгинюшки-матери... Всегда этимъ манеромъ они супругу за сварливость наказывали...

— Да неужели жь это было, Марѳа Савельевна?—изумился Мечтаевъ.

— Охъ, батюшка-баринъ, то ли еще бывало!—замѣтила, кивнувъ своей крупной головой, Хвастунова. И, стоя все также, со сложенными на полной груди руками, продолжала:—И вотъ-съ, надо жь было князю-то батюшкѣ самому, и ужь въ сурьезъ, преставиться именно въ мое-то время—когда, значитъ, какъ разъ я была у нихъ на очереди... Ну-съ, и тогда-то вотъ *это* и произошло-съ... Еще князя покойнаго со двора не вынесли, еще панихиды по немъ пѣли, а княгинюшка сердца своего не сдержали и при себѣ приказали наказать меня на конюшнѣ розгами-съ... И

Digitized by Google

косу обрѣзали тутъ же, и наряды всѣ поотняли... и шляпу съ бѣлыми цвѣтами. А я ужь тогда тяжелая была... отъ князя-съ... и ужь на четвертомъ мѣсяцѣ.

Марѳа Савельевна всхлипывала, кончая разсказъ; потомъ все ея огромное тѣло какъ бы задрожало; плавнымъ движеніемъ она поднесла конецъ фартука къ своимъ красивымъ глазамъ и заплакала...

— Успокойтесь, Савельна, успокойтесь, матушка,—проговорилъ участливо Денисъ Семеновичъ.—Подите-ка въ спальню да успокойтесь тамъ.

Хвастунова ушла за перегородку.

— Да-съ, баринъ-батюшка, а потомъ, вотъ ихъ, Савельну-съ, за меня и выдали,—добавилъ, вздохнувъ, самъ Хвастуновъ.—Я тогда только-только изъ фалеторовъ былъ произведенъ въ третьи кучера...

— И все бы ничего-съ,—продолжалъ, между тѣмъ, Денисъ Семеновичъ:—рубцы отъ розогъ давно зажили-съ, и коса отросла у Савельны, да ужь и вылѣзти успѣла, и обида, скажемъ, забыта-съ... Не порадовалъ только сынокъ-съ, и спасибо намъ съ Савельной не сказалъ за уходъ;—пьяница вышелъ, весь въ отца, въ покойнаго князя-батюшку, царство имъ небесное! И дебоширъ такой же-съ... Вотъ что плохо. Этимъ обстоятельствомъ Савельна вотъ больше и убиваются. А я, конечно, что же-съ? Я непричемъ. Сынокъ не мой-съ. Я только по необходимости за мѣсто родителя былъ...

VIII.

Купилъ!..

Напившись чаю, Аполлонъ Алексѣевичъ заторопился; ему хотѣлось поскорѣе осмотрѣть имѣніе во всѣхъ подробностяхъ и рѣшить: покупать ли его, или нѣтъ. Торопилъ Мечтаева и Михель; этому ясно хотѣлось поскорѣе «кончить дѣло» и получить свой гешефтъ. Денисъ Семеновичъ запрегъ лошадку и втроемъ они поѣхали. Кое-гдѣ лежалъ еще снѣгъ, и потому гдѣ на лошади, а гдѣ и пѣшкомъ они осмотрѣли границы, взглянули на поля и луга, а также «заглянули» въ пуньки и убѣдились, что сѣно тамъ есть.

— Достанетъ ли его до новой травы?—спросилъ своихъ спутниковъ Мечтаевъ. Михель сдѣлалъ видъ, будто не слыхалъ вопроса, и промолчалъ, а Хвастуновъ проговорилъ:—Трудно предвидѣть, баринъ-батюшка, а, думается, должно хватить...

Домъ, садъ, инвентарь, скотъ, лошадей, свиней и даже птицу—все осмотрѣлъ Аполлонъ Алексѣевичъ въ Шальномъ и все ему очень понравилось; онъ обошелъ всѣ постройки и увидѣлъ, что

Digitized by Google

многое несовсѣмъ-то ново и не такъ нарядно, какъ это показалось ему издали съ дороги, но все таки и не ветхо. «Ну, да вѣдь гдѣ же найдешь усадьбу съ совершенно новыми постройками»!—думалъ онъ.

— Денисъ Семеновичъ, сколько вы платите аренды?—спросилъ онъ Хвастунова, осмотрѣвъ все.

— 500 рублей, баринъ-батюшка,—отвѣтилъ тотъ и—совралъ: онъ платилъ всего 300.

«Что жь, если онъ платитъ 500, то 800 имѣетъ навѣрное, а улучшить кое-что, позаняться—получишь и тысячу»,—разсчитывалъ Мечтаевъ... Онъ осмотрѣлъ коё-что вторично, долго любовался стадомъ—оно было одномастное, «красное», коровы были, очевидно, несовсѣмъ простой породы и нѣкоторыя даже очень красивы,—заглянулъ въ колодезь, попробовалъ воду и наконецъ, вздохнувъ облегченно, проговорилъ:—Ну, поѣдемте къ владѣльцу!

Михель, и все время прыгавшій около него, жужжавшій и шептавшій, теперь засуетился неимовѣрно; онъ заторопилъ Хвастунова, упрашивая его запрягать поскорѣе «парочка и съ пристяжка, въ самаво покойнаво екипажу».

— Вы меня совсѣмъ замотаете, батюшка Михалъ Осипычъ!—шутилъ Денисъ Семеновичъ:—суетитесь, будто невѣста васъ ждетъ, будто къ вѣнцу торопитесь.

Но Михель все таки приставалъ къ нему и, черезъ какихъ нибудь четверть часа, Мечтаевъ и Сахаръ катили уже въ саночкахъ по грязи изъ Шальнаго въ Кожухи, къ Короѣдову. Пріѣхали они вечеромъ. Короѣдовъ жилъ въ небольшомъ домикѣ; половину онъ занималъ самъ съ семействомъ, а въ другой половинѣ помѣщались его кабакъ и лавка... Хозяина застали дома. Это былъ довольно плотный человѣкъ средняго роста, лѣтъ 45, одѣтый на половину по русски, на половину по нѣмецки: на немъ были «штиблеты» и брюки на выпускъ, а красная кумачевая рубаха, вышитая по вороту, обшлагамъ и подолу синей бумагой, была подпоясана по русски, но, впрочемъ, не кушакомъ и не ремнемъ, а какимъ-то гарусным витымъ шнуромъ, съ двумя большими кистями. Рыжеватые волосы его были причесаны по купечески — рядъ по серединѣ,—бородка была отпущена клиномъ, а въ голубыхъ глазахъ свѣтился практическій умъ торговаго человѣка-дѣльца... Когда Мечтаевъ и Михель вошли въ его горницу, онъ сидѣлъ за столомъ и подсчитывалъ что-то на маленькихъ старенькихъ счетахъ, съ погнутыми проволоками и загрязненными костяшками, и, обернувшись, сдѣлалъ видъ, будто удивленъ и не ждалъ Михеля съ этимъ незнакомымъ человѣкомъ. Мечтаевъ представился и выяснилъ при-

Digitized by Google

чину своего посѣщенія, а одновременно и Михель представлялъ привезеннаго гостя и тоже объяснялъ причину его пріѣзда.

— Очень радъ знакомству! Садитесь пожалуйста,—сказалъ Короѣдовъ Мечтаеву.—Ахъ ты, жидъ, жидъ! Подвелъ ты меня!—воскликнулъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Сахару.

— И зачиво я вамъ подвелъ?—воскликнулъ тотъ.

— Кто тебя просилъ сватать Шальное?

— Кто? Ви просили!

— Да когда я просилъ, юркій ты человѣкъ? Три мѣсяца назадъ... еще зимою просилъ!

— Ну да, зимою,—подтвердилъ Михель.

— То-то. Ну, ловко жь это! Барина побезпокоили и попусту...

— Вы ужь продали или раздумали продавать? — освѣдомился Мечтаевъ и не съумѣлъ скрыть своего сожалѣнія по поводу неудачи.

Короѣдовъ замѣтилъ это, конечно. «Хочетъ купить — значитъ, ни-ни»!—сообразилъ онъ и отвѣтилъ:

— Не продалъ-съ и не раздумалъ; а есть у меня дочка на выданьѣ, такъ она пристаетъ: «дай въ приданое Шальное»—да и все тутъ! По вкусу, видите, пришлось, да и дѣвка видимо съ толкомъ: поняла, что Шальное, да въ дѣльныхъ рукахъ—золотое дно. Ахъ ты, Сахаръ Медовичъ! Что жь мнѣ теперича дѣлать?—заключилъ, будто нерѣшительно или съ отчаяніемъ, Короѣдовъ.

— Ну, и што тамъ! Для барышню можно куплять другова имѣнью. Не нынче выходятъ замужъ, ви будете еще поспѣвать!—затараторилъ Михель.—А прошу вамъ, продавайте Шальное моего покупатель! Имъ очень нравится имѣнью, даютъ тую цѣну, что ви назначалъ, и я довольно хорошо знаю, что ви будете сходиться у въ прочихъ условіяхъ.

— Ахъ, подвелъ ты меня, подвелъ! — повторилъ въ раздумьѣ Короѣдовъ.

— Зачиво я вамъ подвелъ?—повторилъ Михель:—Ви меня подвелъ. Зачиво ви не увѣдомили, что не наде продавать?

— А по правдѣ сказать, господа, оба вы подвели меня,—замѣтилъ и Мечтаевъ, и опять съ плохо скрытой досадой. «Даромъ проѣздилъ еще цѣлый день»,—думалъ онъ въ это время.

Короѣдовъ махнулъ рукою не то отчаянно, не то рѣшительно, и спросилъ внезапно Мечтаева:

— Онъ вамъ сказалъ: 12 тысячъ и купчая пополамъ!

— Да, такъ я согласенъ,—отвѣтилъ, оживая, Мечтаевъ.

— Благороднаво люди!.. А, то есть благороднаво люди!—воскликнулъ радостно Михель, потирая руки,—зразу рѣшили, зразу кончили дѣло.

Digitized by Google

— Не по вашему?—усмѣхнулся Короѣдовъ.—Вы за грошъ отъ шабаша до шабаша торгуетесь!

— Поздравляю вамъ съ покупкамъ! Поздравляю вамъ съ продажемъ!—перескакивалъ Сахаръ отъ Мечтаева къ Короѣдову.

— А васъ, Михель Сахарычъ, съ «получкемъ»!—раскланялся передъ нимъ Короѣдовъ.

— Благадару!.. Такова благароднаво люди! Рѣдко доводится видѣть такова купля,—не унимался Михель.

— Да не егози ты! Гешефтъ сдѣлалъ и радуйся про себя! А то чисто бѣсъ передъ заутреней,—остановилъ его хозяинъ.—Матреша!—крикнулъ онъ. Его жена, полная, бѣлая и видимо очень здоровая женщина, лѣтъ 35, появилась въ дверяхъ.

— Дочкино приданое продалъ—Шальное!—сказалъ ей Короѣдовъ.—Вотъ новый владѣлецъ.—Онъ назвалъ Мечтаева. — А по этому случаю сооруди-ка ты намъ закусочку, супруга, да самоваръ подай.

— И прошу вамъ, любезнаво Матрена Васильевна, не сердуйте на насъ, что ми оттягали у вашево хорошенькаво дочке приданаво!—заегозилъ Михель и около хозяйки.

— Его дѣло. Коли продалъ—такъ надо,—отвѣтила та коротко и удалилась.

Закуской «по этому случаю» Короѣдовъ хотѣлъ, очевидно, щегольнуть; въ числѣ прочаго была и бутылка шампанскаго, былъ и старый заграничный ромъ, изъ котораго хозяинъ мастерилъ все время «пунштикъ», какъ онъ выражался... Пили, знакомились и бесѣдовали до глубокой ночи; кое-что говорили и о дѣлѣ.

Когда выпито было изрядно, Короѣдовъ сказалъ Мечтаеву, будто внезапно вспомнивъ:

— Да, вотъ что, Аполлонъ Алексѣевичъ! Чтобы послѣ не вышло какихъ непріятностей, я долженъ предупредить васъ теперь же, что продаю имѣніе со всею движимостью и со скотомъ, словомъ, съ тѣмъ, что вы тамъ сегодня видѣли, а за хлѣбъ, сѣно, вообще за всѣ запасы—я не отвѣчаю. Вѣдь тамъ арендаторъ. Положимъ, онъ долженъ сдать вамъ все, что имѣетъ въ наличности—у насъ съ нимъ такое условіе на случай продажи—и сдастъ, конечно, особенно если останется прикащикомъ, но, ужь если тамъ чего у васъ не хватитъ до нови—на меня не пеняйте! Впередъ оговариваюсь...

— Да чего жь тамъ не хватитъ? Пустяковъ какихъ нибудь?—спросилъ Мечтаевъ.

— Конечно, пустяковъ, да уговоръ дороже денегъ,—отвѣтилъ Короѣдовъ.

— Вѣстимо!—подтвердилъ и Михель.

Digitized by Google

Купчую рѣшили совершить, не откладывая, завтра же въ Смоленскѣ, потому что Мечтаевъ торопился въ Петербургъ. Довольные другъ другомъ, всѣ улеглись спать, а на утро, съ первымъ поѣздомъ, поѣхали въ Смоленскъ.

У себя въ нумерѣ Мечтаевъ засталъ письмо Хвостова. «Въ чемъ дѣло? Чего хочетъ отъ меня этотъ русскій американецъ»? — спросилъ себя Аполлонъ Алексѣевичъ и пробѣжалъ письмо. «Милостивый государь»!—писалъ Хвостовъ:—«По вашему дѣлу, не состоявшемуся не по моей винѣ, я израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ 21 рубль:—10 рублей на билетъ 2 класса отъ Смоленска до Вязьмы и обратно, 10 рублей—суточныхъ за два дня и 1 рубль—на посланную вамъ телеграмму. Смѣю надѣяться, что означенную сумму вы мнѣ вернете»... «Господи, какой нахалъ»! — возмутился Мечтаевъ.—«Нѣтъ, я ему отвѣчу», — рѣшилъ онъ и написалъ: — «Милостивый государь! По моему дѣлу, не состоявшемуся по вашей винѣ, я израсходовалъ, изъ собственныхъ средствъ, 31 рубль, — 15 рублей—на проѣздъ изъ Смоленска въ Вязьму и обратно, въ 1-мъ классѣ; 10 рублей—суточныхъ за два дня и 6 рублей—за неудавшуюся поѣздку въ Марьино и обратно — ямщику. Смѣю надѣяться, что означенную сумму вы мнѣ вернете». Онъ подписался и послалъ письмо съ нумернымъ. «Вотъ нахалище! Такъ ихъ и надо учить»!—повторилъ онъ... «Да, такъ»,—размышлялъ онъ черезъ мгновеніе. «А еслибъ онъ былъ еще понахальнѣе и не письменно, а лично явился съ этимъ требованіемъ, ты бы смутился и отдалъ ему эти деньги. Духу не хватило бы «проучить»... Да ужь нечего! Это фактъ, другъ мой, Аполлонъ Алексѣевичъ—фактъ»...

Вскорѣ Михель вернулся изъ короткой отлучки; съ вокзала онъ забѣгалъ домой—разсказать своимъ объ удачно оконченномъ дѣлѣ, затѣмъ пришелъ и Короѣдовъ, и всѣ отправились къ нотаріусу Драниху.

Тамъ, передъ самымъ совершеніемъ купчей, Короѣдовъ хлопнулъ себя по лбу и отвелъ Мечтаева въ сторону.

— Что жь я это надѣлалъ!—воскликнулъ онъ.

— А что?—спросилъ тревожно Мечтаевъ.

— Да я и забылъ совсѣмъ, что раньше купчей я долженъ внести въ «кредитку» 3 тысячи рублей, и не взялъ денегъ!..

— За что? Шальное тамъ заложено?

— То-то! Мнѣ тутъ понадобилось какъ-то, наскоро, 3 тысячи, я и перехватилъ подъ него. Постойте-ка, сбѣгаю къ пріятелю: — выручитъ!..

— Такъ я же вамъ дамъ сейчасъ,—предложилъ Мечтаевъ:—не все ли равно—часомъ раньше, часомъ позже!..

Digitized by Google

— Ну, чудесно. Спасибо!—обрадовался Короѣдовъ.—А то, какъ нѣтъ его дома—что тогда дѣлать? Не три рубля, не у всякаго перехватишь!

Они вошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ не было ни души, и тамъ Мечтаевъ передалъ Митрофану Филипповичу 3 тысячи рублей.

— Сейчасъ я расписочку,—заторопился Короѣдовъ.

— Ну, къ чему это!—остановилъ его Мечтаевъ,—между порядочными людьми какія же расписки?..

Короѣдовъ невольно вытаращилъ на него глаза. «Что онъ—сумашедшій»?—подумалъ онъ.

— Идите жь, справляйтесь тамъ скорѣе!—сказалъ между тѣмъ Мечтаевъ, очень спокойно закуривая папиросу.

Короѣдовъ побѣжалъ съ лѣстницы, но въ подъѣздѣ на мгновеніе пріостановился. «Сцапать»?—спросилъ онъ себя.—«Далъ безъ свидѣтелей... Ничѣмъ не докажетъ!.. Не билеты: 30 сторублевокъ. Не записаны же у него нумера... Его тутъ никто не знаетъ, а меня—всѣ... Скандалъ затѣетъ—въ шантажисты произведемъ да и баста!.. Петербургскій жохъ, мать-провинцію пріѣхалъ нагрѣвать... Кто жь ему повѣритъ, что человѣку, съ которымъ онъ вчера познакомился, онъ далъ 3 тысячи рублей безъ расписки?!. Стяжать? Нѣтъ! Рискованно все таки... Да и продажу жалко упустить... Нѣтъ, богъ съ нимъ, съ дуракомъ»!.. Онъ побѣжалъ въ «кредитку», быстро вернулся; купчая была совершена и Мечтаевъ доплатилъ Короѣдову остальныя 9 тысячъ наличными же. Затѣмъ Аполлонъ Алексѣевичъ пригласилъ Короѣдова и Михеля обѣдать въ гостинницу.

— Да, а ваши-то деньги!—вспомнилъ онъ въ концѣ обѣда и отдалъ Михелю 240 рублей.

Будто электрическая искра пробѣжала по тѣлу Сахара; онъ весь встрепенулся, жадно схватилъ деньги и спряталъ ихъ въ карманъ. Тутъ же и Короѣдовъ передалъ ему гонораръ, но сколько онъ далъ—Мечтаевъ не видѣлъ; деньги были свернуты въ пачку и Михель пересчитывалъ ихъ подъ столомъ. Затѣмъ, не прошло и пяти минутъ, шампанское было не допито и ликеры стояли еще въ рюмкахъ,—а Михель собрался уже уходить.

— Что, свое слимонилъ и утекаешь?—спросилъ его и насмѣшливо, и враждебно Короѣдовъ.

— Звиняйте, прашу вамъ! Подъ ложечкемъ болитъ, — сказалъ Михель, дѣлая гримасу.

— Да не ври ты на свою «подложечку»! Просто, мы теперь для тебя: «выѣденныя яйца». Гельдочки въ карманѣ, гешефтъ — гемахтъ, ну и—фить!..

— И за кого ви миня считаете?

Digitized by Google

— За жида, братъ, за жида!—сказалъ Короѣдовъ; положительно онъ злился на Михеля, что тотъ уносилъ *его* деньги...

— Михаилъ Осипычъ, а завтра поѣдете со мною принимать имѣнье?—спросилъ его Мечтаевъ; ему хотѣлось, чтобы «знающій» Михель съѣздилъ съ нимъ.

— Звиняйте, прошу вамъ!—отговорился Сахаръ:—завтра моя дочка́ и зъ мужемъ ѣздить навсегда увъ Америка!

— Никуда онъ теперь съ вами не поѣдетъ! Шага для васъ не ступитъ. А заплатите—въ рюмку влѣзетъ!—говорилъ Короѣдовъ.

Михель махнулъ рукой, распрощался и испарился.

— За что вы его такъ?—упрекнулъ Короѣдова Мечтаевъ.

— Блохи!—усмѣхнулся тотъ:—тѣ тоже такъ: поживились и — прыгъ!..

Утромъ, на другой день, Мечтаевъ уѣхалъ изъ Смоленска, съ тѣмъ чтобы заѣхать на день въ Шальное, условиться обо всемъ съ Хвастуновымъ, одновременно принять отъ него и сдать ему все, вообще распорядиться и не медля ѣхать въ Петербургъ за женою, вещами и мебелью. Конечно, Хвастуновъ согласился остаться прикащикомъ, но, боясь «продешевить», отказался самъ назначить себѣ плату за трудъ. Мечтаевъ положительно не зналъ, сколько ему опредѣлить, а посовѣтоваться было не съ кѣмъ; однако же, когда, кромѣ отвѣснаго, Аполлонъ Алексѣевичъ предложилъ Хвастунову получать, вмѣстѣ съ Марѳой Савельевной, 20 рублей въ мѣсяцъ,—Денисъ Семеновичъ попросилъ 25. Мечтаевъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы только все было цѣло и благополучно...

— На этотъ счетъ не извольте безпокоиться, баринъ-батюшка! Мы съ Савельной люди наичестнѣйшіе и надежные! — отвѣтилъ Хвастуновъ.

Хотя Мечтаеву и было неловко, однако онъ составилъ опись вещамъ, мебели, инвентарю и скоту и, будто оправдываясь передъ прикащикомъ, все время повторялъ ему, что записываетъ для того, чтобы показать въ Петербургѣ женѣ все, что̀ купилъ; но перевѣсить и перемѣрить сѣно, зерно и всякіе запасы у него не хватило духу. «Ну, какъ же, вѣдь этимъ я прямо скажу человѣку, котораго совсѣмъ не знаю: а, можетъ быть, ты воръ, можетъ быть, ты у меня что нибудь украдешь»?—думалъ онъ.

— Денисъ Семеновичъ, какъ вы думаете, хватитъ у насъ до нови всякихъ запасовъ и сѣна?—спросилъ онъ только.

— Полагаю, хватитъ, баринъ-батюшка; развѣ самую чуточку придется докупить,—отвѣтилъ Хвастуновъ и добавилъ:—А что вчера изволили видѣть въ сараяхъ и закромахъ, то будьте безъ сумлѣнія, все останется свято и нерушимо. Мы теперча ваши слуги и будемъ все беречь пуще глаза!..

Digitized by Google

— Ну, вотъ, спасибо вамъ!—обрадовался Мечтаевъ.

Довольный покупкой, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Что вы надѣлали? Чортъ знаетъ кому прибросили имѣніе, безъ всякихъ описей и документовъ, и радуетесь, будто поручили его Николаю чудотворцу! — возмущался Разумникъ Петровичъ Устоевъ. И онъ сталъ торопить Аполлона Алексѣевича въ деревню.—Купили, влопались, такъ ужь и отправляйтесь поскорѣе, а то онъ васъ тамъ совсѣмъ обворуетъ, этотъ подлецъ...

— Что это, Разумникъ Петровичъ, всюду-то у васъ воры да воры!—возмущался Мечтаевъ.

— Воры и есть!—каркалъ Разумникъ Петровичъ, раскуривая дорогую сигару...—Эти сигары, по дешевой цѣнѣ, добывалъ какими-то путями и доставлялъ ему нѣкій жидъ...

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

А. Г. Рубинштейнъ.

(1829—1894).

I.

Два нашихъ величайшихъ композитора послѣдовали одинъ за другимъ въ вѣчность; едва минулъ годъ послѣ смерти П. И. Чайковскаго, какъ уже пришлось провожать прахъ Антона Григорьевича Рубинштейна до мѣста его послѣдняго упокоенія; однимъ лишь годомъ пережилъ Рубинштейнъ своего любимаго ученика... Печальная вѣсть о внезапной смерти этого феноменальнаго виртуоза и композитора произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ,— не только музыкантовъ; всѣ оплакивали эту невознаградимую потерю... Рубинштейнъ всѣмъ былъ дорогъ: Европа, цѣнившая его даже больше, чѣмъ мы, русскіе,—потеряла въ немъ перваго піаниста нашего времени, одного изъ выдающихся современныхъ композиторовъ и одного изъ преданнѣйшихъ искусству людей... Имя Рубинштейна не менѣе извѣстно въ Новомъ свѣтѣ, чѣмъ въ Старомъ; любая цивилизованная страна съ гордостью причислила бы такого дѣятеля къ своимъ сынамъ. Тѣмъ ужаснѣе эта потеря для насъ, тѣмъ чувствительнѣе ударъ, нанесенный намъ этой неожиданной смертью.

Дѣятельность А. Г. Рубинштейна такъ велика, такъ разносторонняя, что ее приходится дѣлить на группы, чтобы какъ нибудь оріентироваться во всей массѣ сдѣланнаго имъ. Но, прежде чѣмъ быть безподобнымъ виртуозомъ, великимъ художникомъ, знаменитымъ композиторомъ, онъ былъ человѣкъ, въ высшей степени отзывчивый на доброе дѣло, безгранично преданный интересамъ искусства, съ большимъ иниціаторскимъ талантомъ, способный на самопожертвованіе ради полезнаго дѣла и много сдѣлавшій для роднаго искусства. Думаемъ, поэтому, начать съ его curriculum vitae. Для подробной біографіи, какой заслуживаетъ этотъ выдающійся дѣятель, у насъ мѣста нѣтъ; ограничимся поэтому перечисленіемъ крупнѣйшихъ фактовъ изъ его жизни.

Антонъ Григорьевичъ родился 16 ноября 1829 г. (похороненъ въ день рожденія черезъ 65 лѣтъ) въ д. Вихватинецъ, на границѣ подольской и бессарабской губерній. Отецъ его, Григорій Романовичъ (еврей) арендовалъ здѣсь участокъ земли и на небольшой доходъ содержалъ многочисленную семью; женатъ онъ былъ на Калеріи Христофоровнѣ Левенштейнъ, рожденной въ Силезіи. Ка-

Digitized by Google

лерія Христофоровна, которую впослѣдствіи—въ Одессѣ—называли «матерью музыкальныхъ Гракховъ» (Антона и Николая), была чрезвычайно образованной, для своего времени, женщиной; она отлично играла на роялѣ, имѣла большія свѣдѣнія въ литературѣ, въ особенности нѣмецкой, и была очень заботливой матерью; она-то главнымъ образомъ и занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей и обратила серьезное вниманіе на музыкальныя способности двухъ сыновей, которыхъ она сама обучала музыкѣ до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что ея знаній уже недостаточно для нихъ; это случилось въ 1835 г., когда, вслѣдствіе домашнихъ дѣлъ, семья переѣхала въ Москву, гдѣ Григорій Романовичъ открылъ карандашную и булавочную фабрику.

Восьмилѣтній Рубинштейнъ сталъ заниматься систематически музыкой у извѣстнаго въ то время въ Москвѣ педагога Виллуана (Willoing) и, по словамъ Рубинштейна въ его «Автобіографіи»,—«онъ никогда не встрѣчалъ лучшаго руководителя при обученіи музыкѣ». Черезъ два года, маленькій Антонъ уже игралъ публично въ первый разъ въ Москвѣ и ему уже предсказывали (въ «Галатеѣ» 1839 г.) европейскую извѣстность. Мать, однако, не обрадовалась успѣхамъ «феноменальнаго ребенка» и стремилась дать ему серьезное музыкальное образованіе. Желая помѣстить своего сына въ парижскую консерваторію, она отпустила своего любимца съ Виллуаномъ, вызвавшимся доставить питомца въ консерваторію, въ Парижъ. Это было въ 1840 г. Здѣсь Рубинштейнъ пробылъ годъ, но въ консерваторію, однако, не попалъ: то его находили слишкомъ юнымъ, то слишкомъ опередившимъ своихъ сверстниковъ. Неоднократно выступалъ онъ здѣсь публично, приводя въ восторгъ Шопена, Вьетана, Листа и др.; послѣдній, между прочимъ, предсказалъ ему «блестящую будущность».

По совѣту Листа, находившаго, что только въ Германіи Рубинштейнъ получитъ серьезное музыкальное образованіе, Виллуанъ отправился съ юнымъ виртуозомъ въ Берлинъ, чрезъ Голландію, Англію, Швецію, Норвегію, и вездѣ А. Г. производилъ фуроръ концертами. Къ 1842 г. относится и первое музыкальное произведеніе Рубинштейна—«Ундина» (фортепіанная пьеска), о которомъ авторъ въ своей «Автобіографіи» отзывается, какъ о «переливаніи изъ пустаго въ порожнее», а Шуманъ въ своихъ «Gesammelte Schriften über Musik und Musiker» говоритъ: «Преобладаніе въ небольшой вещицѣ мелодическаго элемента подаетъ надежду, что авторъ уже началъ постигать самую сущность музыки и будетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ удачнѣе развиваться въ этомъ направленіи» (Leipzig, 1854 г. т. IV).

Пребываніе Рубинштейна до 1844 г. въ Петербургѣ, создавшее ему не меньшую извѣстность на родинѣ, чѣмъ за границей, мало радовало Калерію Христофоровну, не довольствовавшуюся внѣшними успѣхами своего любимца, и вотъ она сама рѣшается поѣхать въ Берлинъ съ сыновьями. Здѣсь, по совѣту Мейербера и Мендельсона, Рубинштейнъ сталъ заниматься у теоретика Дена, у котораго впослѣдствіи учился и Глинка; занятія продолжались два года. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Рубинштейнъ былъ уже предоставленъ себѣ

Digitized by Google

самому; въ 1846 г. умеръ его отецъ, и мать поспѣшила съ остальными дѣтьми обратно въ Россію, а Антонъ Григорьевичъ, разсчитывавшій почему-то на покровительство Листа, отправился въ Вѣну, гдѣ жилъ этотъ «царь піанистовъ».

Тутъ начинается рядъ разочарованій молодаго виртуоза, которому, дѣйствительно, пришлось многое пережить и перенспытать. Листъ принялъ его какъ-то сухо; онъ даже прямо высказалъ, «что человѣкъ способный долженъ достигать всего самъ». Рекомендательныя письма, данныя Рубинштейну нашимъ посланникомъ и его супругой въ Берлинѣ къ вліятельнымъ лицамъ въ Вѣнѣ, были такого свойства, что ихъ оставалось только бросить въ печь, что онъ и сдѣлалъ, убѣдившись по прочтеніи одного изъ нихъ, что они писаны были вслѣдствіе «скучной обязанности оказывать протекцію и рекомендовать разныхъ лицъ изъ соотечественниковъ» (Воспоминанія А. Г. Рубинштейна. «Русск. Стар.» 1889 г. № 11). Уроки мало оплачивались и ему приходилось жить впроголодь, частенько не обѣдать, не имѣть на извозчика и пр.

Такъ началась «самостоятельная» жизнь его въ Вѣнѣ, длившаяся, однако, полтора года. Правда, онъ въ это время много сочинялъ и писалъ оперы, ораторіи, симфоніи и пр.; но недостатокъ въ средствахъ къ существованію давалъ сильно себя чувствовать... Какъ-то разъ неожиданно пришелъ въ его мансарду Листъ, и его поразило бѣдственное положеніе нашего юнаго виртуоза, и съ этого времени началось ихъ сближеніе, не прерывавшееся до послѣднихъ дней жизни Листа. Рубинштейнъ снова сталъ концертировать для добыванія средствъ къ жизни, снова о немъ вездѣ заговорили, снова попалъ онъ въ Берлинъ, но время революціоннаго движенія было неособенно удобнымъ для музыканта, и онъ рѣшился снова вернуться на родину, надѣясь быть полезнымъ своею дѣятельностью въ своемъ отечествѣ, а здѣсь-то музыкальное дѣло представляло собою нѣкоторымъ образомъ tabula rasa.

Достаточно вспомнить хотя бы статьи Сѣрова въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ «Муз. и Театр. Вѣстникѣ», чтобы составить себѣ понятіе о нашей музыкѣ въ это время; но еще ярче выступаетъ картина положенія музыкальнаго дѣла въ Россіи въ запискахъ В. Н. Погожева, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ и охватывающихъ собою періодъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, т. е. именно то время, когда началась дѣятельность Рубинштейна. Авторъ названныхъ записокъ прекрасно рисуетъ ту удушливую атмосферу нашего музыкальнаго искусства, въ которой оно должно было задыхаться, гдѣ русскимъ художникамъ не было мѣста, ибо ихъ заняли диллетанты-иностранцы, пріѣзжавшіе наживаться у насъ. Извѣстно, впрочемъ, какъ жилось и Глинкѣ въ этой атмосферѣ, хотя онъ по своему положенію избавленъ былъ отъ многихъ непріятностей, встрѣченныхъ другими талантливыми дѣятелями на своемъ пути.

Рубинштейну пришлось на себѣ испытать положеніе русскаго артиста въ то время, отношенія къ нему публики и правительственныхъ учрежденій,—и вотъ онъ вздумалъ создать людямъ, занимающимся искусствомъ par excellence, извѣстное общественное

Digitized by Google

положеніе,—создать, по его собственнымъ словамъ, «цѣлый новый слой русскихъ гражданъ и гражданокъ, носящихъ званіе *свободныхъ художниковъ*». Но это дѣло нужно было двинуть медленно и исподволь. За время между 1848 и 1858 гг. нашему виртуозу и композитору удалось выдвинуться кое-какими произведеніями, поставленными на сценѣ и исполненными въ концертахъ, пріобрѣсти знакомства и расположеніе великой княгини Елены Павловны, приблизившей его къ своему двору; всѣми этими обстоятельствами А. Г. и воспользовался, когда задумалъ учредить постоянное музыкальное общество, гдѣ бы исполнялись выдающіяся музыкальныя произведенія, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ авторовъ.

Время это не было таково, чтобы легко можно было бы ожидать разрѣшенія новаго общества и утвержденія его устава; поэтому кружокъ, сгруппировавшійся около Рубинштейна, рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: при пѣвческой капеллѣ существовалъ съ сороковыхъ годовъ кружокъ любителей-симфонистовъ, прекратившій свою дѣятельность за отсутствіемъ средствъ; уставомъ этого кружка и воспользовались учредители новаго общества, просивъ разрѣшеніе продолжать прерванное на время дѣло. Такимъ образомъ возникло у насъ въ 1859 г. русское музыкальное общество, которое носитъ теперь названіе «Императорскаго» и имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ главныхъ провинціальныхъ центрахъ, и которое служитъ главнымъ разсадникомъ музыкальнаго образованія для публики въ практическомъ отношеніи, такъ какъ симфоническія и квартетныя собранія ихъ знакомятъ публику съ лучшими музыкальными произведеніями.

Концертная дѣятельность русскаго музыкальнаго общества, во главѣ котораго сталъ иниціаторъ этого дѣла, мало однако удовлетворяла его; одного практическаго знакомства публики съ музыкой онъ находилъ недостаточнымъ, и вотъ онъ задумалъ учредить консерваторіи при этомъ обществѣ. Въ своей горячей статьѣ въ журналѣ «Вѣкъ» за 1861 г., многія мысли которой и до сихъ поръ не потеряли своей цѣнности (статья озаглавлена: «О музыкѣ въ Россіи»), онъ проводитъ параллель между музыкантомъ по профессіи и диллетантомъ-любителемъ, убѣждаетъ, насколько важно для музыкантовъ систематическое образованіе, и требуетъ для нихъ извѣстнаго общественнаго положенія.

«Консерваторія—говоритъ онъ — никогда не помѣшаетъ генію образоваться внѣ ея, но зато она каждый годъ дастъ русскихъ учителей музыки, русскихъ музыкантовъ для оркестра, русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые будутъ трудиться такъ, какъ трудится человѣкъ, видящій въ своемъ искусствѣ средство къ существованію, право на общее уваженіе, средство прославиться, средство совершенно предаться своему божественному призванію, какъ долженъ трудиться всякій, уважающій себя и свое искусство». Эти послѣднія слова могли бы служить девизомъ всей его художественной дѣятельности. «Устройте, — заканчиваетъ патетически Рубинштейнъ свою статью,—консерваторію, дайте званіе человѣку, желающему исключительно предаться своему искусству, и вліяніе любителей ужъ не будетъ такъ гибельно, потому что рядомъ съ ними

Digitized by Google

станутъ люди, которые, по словамъ поэта (Гёте), «смачиваютъ слезами свой хлѣбъ, плачутъ цѣлыя ночи у изголовья своей постели и знаютъ васъ, о, силы небесныя»!

Наконецъ, желанная цѣль была достигнута: въ 1862 г. образована была въ Петербургѣ первая консерваторія, а чрезъ три года открылась вторая въ Москвѣ, по образцу первой, подъ дирекціей Николая Григорьевича Рубинштейна, дѣйствовавшаго по инструкціямъ старшаго брата въ Петербургѣ. Можно было бы насчитать десятки именъ выдающихся музыкальныхъ дѣятелей, отличившихся на разныхъ поприщахъ (композиторы, критики, преподаватели, виртуозы, артисты въ оркестрахъ и пр.), которыхъ выпустили наши консерваторіи и которые имъ обязаны своимъ образованіемъ. Вся сѣть музыкальныхъ школъ и училищъ, образовавшаяся при отдѣленіяхъ русскаго музыкальнаго общества, въ которыхъ преподаваніе происходитъ по программамъ консерваторій, все это — дѣло рукъ Антона Григорьевича; въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно является родѣтелемъ отечественной музыки и не имѣетъ себѣ равныхъ среди нашихъ музыкальныхъ дѣятелей. Учрежденія музыкальнаго общества и консерваторій въ Россіи остаются незабвенными услугами Рубинштейна, оказанными имъ отечественному искусству, которыя должны бы упрочить его имя въ исторіи нашей музыки, еслибы даже онъ ничѣмъ инымъ не отличался, т. е. если совершенно забыть о немъ, какъ о безподобномъ виртуозѣ и какъ объ одномъ изъ даровитѣйшихъ композиторовъ нашего времени. Но объ этомъ мы скажемъ ниже, а теперь возвратимся къ нашему бѣглому обзору крупнѣйшихъ фактовъ изъ его жизни.

Два года Рубинштейнъ состоялъ директоромъ консерваторіи и вышелъ въ 1867 г., чтобы вновь появиться на томъ же посту ровно чрезъ двадцать лѣтъ,—время, за которое онъ успѣлъ завоевать себѣ титулъ «короля піанистовъ» и выдающагося композитора. Онъ, между прочимъ, въ 1872 г. посѣтилъ Новый свѣтъ, гдѣ пріобрѣлъ не меньше поклонниковъ, чѣмъ въ Старомъ; но насколько онъ остался доволенъ своими лаврами, можно судить по слѣдующимъ строчкамъ его «Автобіографіи»,—строчкамъ, которыя не мѣшало бы запомнить многимъ современнымъ артистамъ, видящимъ въ искусствѣ прежде всего золотаго тельца: «Ну, ужь я не дай Богъ никому попасть въ такую кабалу! Здѣсь ужь нѣтъ мѣста искусству,— это чисто фабричная работа; обращаешься въ какой-то автоматическій инструментъ; артистъ теряетъ свое достоинство, онъ пропадаетъ... Въ теченіе восьми мѣсяцевъ пребыванія моего въ Америкѣ, я 215 разъ разъ выходилъ на эстраду... Случалось, да и нерѣдко, два-три раза въ день давали мы концерты и все въ разныхъ городахъ. Успѣхъ и сборы всегда были полны, но все это настолько было тяжело, что я просто сталъ презирать и себя, и искусство»...

По возвращеніи на родину, Рубинштейнъ посвящалъ почти все свое время творческой дѣятельности, хотя онъ иногда и концертировалъ въ разныхъ городахъ Россіи и Европы; въ большинствѣ случаевъ игралъ онъ съ благотворительною цѣлью; нерѣдко ѣздилъ за границу дирижировать свои произведенія, которыя гораздо чаще ставились на сценахъ тамъ, чѣмъ у насъ. Едва ли найдется ка-

Digitized by Google

кой нибудь центръ, котораго нашъ виртуозъ не посѣтилъ и въ которомъ онъ не оставилъ бы слѣдовъ своей широкой благотворительности. Въ сезонъ 1882 — 83 г. онъ принялъ на себя управленіе симфоническими собраніями въ Петербургѣ. Въ 1887 г., по выходѣ изъ консерваторіи покойнаго ея директора К. Ю. Давыдова, А. Г. взялъ на себя директорство и до 1889 г. служилъ образцомъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей для всѣхъ профессоровъ. Онъ работалъ тамъ ежедневно отъ 9 утра до 5 вечера и обязательно присутствовалъ на всѣхъ ученическихъ вечерахъ, не только старшихъ классовъ, но и младшихъ.

Намъ остается еще упомянуть о двухъ крупныхъ фактахъ,—объ «историческихъ его концертахъ» и о курсѣ фортепіанной литературы, читанномъ имъ въ консерваторіи,—но такъ какъ это болѣе относится къ его виртуозной дѣятельности, то мы о нихъ скажемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь упомянемъ объ его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ, который многочисленные его поклонники праздновали въ ноябрѣ 1889 г. и который былъ настоящимъ музыкальнымъ торжествомъ для этого замѣчательнаго художника. О поклоненіи публики и артистовъ предъ Рубинштейномъ едва ли нужно говорить; достаточно вспомнить хотя бы выставку подношеній и подарковъ (устроенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ залахъ депо Шредера, конечно, съ благотворительною цѣлью) подарковъ, полученныхъ имъ въ разныхъ городахъ и отъ разныхъ лицъ и обществъ, чтобы убѣдиться, насколько велико было обаяніе имени Рубинштейна. Достаточно было появленія афиши съ его именемъ, чтобы чрезъ два-три часа всѣ билеты были разобраны на расхватъ. Онъ достаточно пресытился тою славой, которую онъ самъ называлъ «дымомъ».

II.

Рубинштейнъ, какъ виртуозъ, надѣленъ былъ отъ природы всѣми дарами, физическими и духовными, необходимыми для исключительной, по истинѣ феноменальной, игры. Впрочемъ, кто же не знаетъ его, какъ піаниста, имя котораго давно стало нарицательнымъ и вошло въ поговорку? Невозможно говорить о полководцѣ, не касаясь походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ; нельзя говорить объ артистѣ-исполнителѣ, не упомянувъ объ его техникѣ; въ данномъ случаѣ Рубинштейнъ является исключеніемъ: менѣе всего приходила въ голову мысль о неимовѣрной легкости, съ какой онъ исполнялъ самыя замысловатыя техническія трудности, при слушаніи его игры. Со смертью Листа, Рубинштейнъ не имѣлъ соперниковъ въ этомъ отношеніи; онъ владычествовалъ надъ всѣми виртуозами настоящаго времени. Еслибы подробно разбирать отличительныя особенности исполненія этого феноменальнаго піаниста, то этотъ трудъ занялъ бы отдѣльную обширную статью. Но такъ какъ онъ самъ смотрѣлъ на технику лишь какъ на средство выполненія цѣлей искусства, то перейдемъ къ тому, что такъ цѣнно было въ его исполненіи и что отличаетъ его отъ десятковъ даже выдающихся виртуозовъ. Большинство артистовъ, даже и тѣхъ, которые уже успѣли составить себѣ извѣстную репутацію, сидя на эстрадѣ и

Digitized by Google

чувствуя себя маленькими царьками въ своей аудиторіи, думаютъ лишь о томъ, какъ бы поразить слушателей, какъ бы вызвать новый взрывъ аплодисментовъ, какъ бы больше понравиться публикѣ; такъ и читаешь на ихъ лицахъ довольство собой и желаніе нравиться. Ничего подобнаго никогда не бывало у Рубинштейна; съ полузакрытыми глазами сидѣлъ онъ за роялемъ и ничего не видѣлъ вокругъ себя; онъ весь уходилъ въ другой міръ, міръ музыкальныхъ образовъ, увлекая толпу за собой.

Въ его исполненіи всегда преобладалъ общій характеръ произведенія надъ деталями; общій духъ бралъ верхъ надъ узорами. Какъ художникъ-поэтъ, Рубинштейнъ не могъ не видѣть въ каждомъ произведеніи (особенно, когда дѣло касалось корифеевъ фортепіанной литературы, которую онъ всю зналъ наизустъ) той мысли или, вѣрнѣе, того чувства, которыя вызвали появленіе въ свѣтъ даннаго произведенія; онъ весь отдавался этой идеѣ и творилъ вмѣстѣ съ авторомъ; вотъ почему нѣкоторыя произведенія получали въ его исполненіи своеобразную окраску, и вотъ почему случалось, что онъ одно и то же произведеніе игралъ различно въ разное время. Онъ не былъ только воспроизводителемъ написаннаго; онъ всюду и всегда вносилъ свое «я», свой артистическій темпераментъ, свою творческую мощь и свое глубокое пониманіе, основанное на тщательномъ изученіи трактуемыхъ имъ авторовъ.

Въ противоположность многимъ артистамъ, не въ мѣру гоняющимся за славой и нерѣдко прибѣгающимъ для этой цѣли къ средствамъ, далеко недостойнымъ званія артиста, нашъ жрецъ искусства требовалъ отъ своихъ слушателей только вниманія, онъ даже не позволялъ имъ выражать свои восторги за доставленное эстетическое наслажденіе. Да онъ иначе и не понималъ значеніе артиста, какъ въ смыслѣ руководителя. Не потворствуя вкусамъ публики, онъ не давалъ ей того, что̀ ей нравится, а лишь то, что̀, по его мнѣнію, *должно* нравиться; вооруженный знаменемъ искусства и его воспитательными цѣлями, онъ мощной рукой велъ публику за собой, знакомя ее въ своемъ безподобномъ исполненіи со всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ считалъ истинно прекраснымъ, возвышающимъ чувство, переносящимъ отъ будничныхъ интересовъ въ міръ фантазіи, творчества, поэзіи. Рѣдкая программа его концертовъ не заключала въ себѣ произведеній классиковъ фортепіанной литературы.

Какъ на явленіе исключительное, укажемъ на его «историческіе концерты», которыми онъ хотѣлъ закончить свою виртуозную дѣятельность. Концерты эти онъ давалъ въ теченіе сезона 1885—86 г. въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Парижѣ, Лейпцигѣ, Лондонѣ, Дрезденѣ и Брюсселѣ; въ послѣднихъ двухъ городахъ по три концерта, а во всѣхъ остальныхъ по семи, причемъ каждый концертъ повторялся имъ въ каждомъ городѣ на второй день безплатно для музыкантовъ и спеціалистовъ. По неутомимости и энергіи, какія нужны были для выполненія этого грандіознаго предпріятія (постоянные разъѣзды по городамъ), концерты эти не уступаютъ американскимъ, о которыхъ мы выше упомянули; разница лишь въ томъ, что тамъ все дѣлалось исключительно для обогащенія импрессаріо и ради средствъ, а тутъ на первомъ планѣ были

Digitized by Google

цѣли музыкальнаго просвѣщенія. Въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ программы, въ которыя вошли всѣ главнѣйшіе авторы, начиная съ самыхъ древнихъ композиторовъ и кончая новѣйшими и русскими. Въ составъ перваго вечера вошли: Дж. Булль, Куперенъ, Рамо, Скарлатти, С. Бахъ, Гендель, Эм. Бахъ, Гайднъ и Моцартъ; второй вечеръ удѣленъ былъ исключительно Бетховену; третій—Шуберту, Веберу и Мендельсону; четвертый—Шуману; пятый—Клементи, Фильду, Гуммелю, Мошелесу, Гензельту, Тальбергу и Листу; шестой—одному Шопену, а послѣдній — славянской музыкѣ: Шопену, Глинкѣ, Балакиреву, Кюи, Римскому-Корсакову, Лядову, Чайковскому, А. и Н. Рубинштейнамъ. Себѣ онъ изъ скромности удѣлилъ наименьшее мѣсто, хотя, какъ ниже убѣдимся, онъ сдѣлалъ больше всѣхъ русскихъ композиторовъ, вмѣстѣ взятыхъ, для фортепіанной литературы. Въ свое время достаточно было писано объ этомъ небываломъ предпріятіи и о томъ, *какъ* онъ игралъ (укажемъ, между прочимъ, и на нашу статью въ журналѣ «Эпоха» въ Москвѣ, №№ 3, 4, 5 и 7 за 1886 г.).

Здѣсь мы обратимъ только вниманіе читателей на нѣкоторыя стороны, особенно цѣнныя въ Рубинштейнѣ для русскаго искусства. Во-первыхъ, отмѣтимъ пропагандированіе имъ русской музыки за предѣлами отечества. Ни одинъ изъ русскихъ композиторовъ не былъ въ состояніи оказывать въ этомъ отношеніи тѣхъ услугъ русскому музыкальному дѣлу, какъ нашъ безподобный виртуозъ, являлся ли онъ въ качествѣ піаниста (какъ въ историческихъ концертахъ), или же дирижера; онъ всегда и вездѣ игралъ произведенія русскихъ композиторовъ, являясь повсюду истымъ піонеромъ отечественной музыки. Во-вторыхъ, заслуживаетъ вниманія его безпартійность; онъ включалъ въ свои концерты произведенія даже тѣхъ композиторовъ, которые его лично въ качествѣ таковаго не признавали. Стоя выше мелочныхъ интересовъ и уязвленнаго самолюбія, играющаго однако такую важную роль въ артистическомъ мірѣ, Рубинштейнъ игралъ все талантливое, все выдающееся, не соображаясь съ тѣмъ, изъ какого лагеря оно выходитъ. А для этого нужна великая душа; на это не всякій способенъ...

По свойственной его натурѣ добротѣ и щедрости, Рубинштейнъ и историческіе концерты завершилъ добрымъ дѣломъ; «для очистки совѣсти», какъ онъ выразился (ему совѣстно было, что послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, усталости физической и траты массы времени на разъѣзды—у него очистился нѣкоторый капиталъ), онъ пожертвовалъ 25 тысячъ рублей, проценты съ которыхъ въ количествѣ 1000 франковъ въ теченіе каждыхъ четырехъ лѣтъ должны составлять двѣ преміи по 5000 франковъ каждая для выдачи лучшимъ піанистамъ и композиторамъ, которые окажутся таковыми на «международныхъ конкурсахъ», устраиваемыхъ впредь чрезъ каждые четыре года въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Условія конкурса выработаны были довольно подробно самимъ Рубинштейномъ и на первомъ, состоявшемся у насъ въ 1890 г., композиторскую премію получилъ извѣстный г. Бузони, а исполнительскую г. Дубасовъ.

Второе свое директорство въ консерваторіи А. Г. завершилъ не-

Digitized by Google

бывалымъ событіемъ въ музыкальной жизни какого бы то ни было училища. Взявъ на себя старшій классъ фортепіанной игры, Рубинштейнъ въ сезонъ 1888—89 г. предпринялъ чтеніе лекцій исторіи фортепіанной литературы для учениковъ консерваторіи высшихъ классовъ, для педагогическаго отдѣла, для теоретиковъ старшихъ курсовъ и для преподавателей. И этотъ фактъ можетъ служить подтвержденіемъ, что онъ смотрѣлъ на свою виртуозную дѣятельность, не какъ большинство артистовъ; онъ не могъ отдѣлить ее отъ педагогической и не признавалъ игры только для удовольствія. Со всякимъ шагомъ своимъ онъ соизмѣрялъ степень той пользы, которую онъ можетъ принесть этимъ шагомъ. Курсъ свой Рубинштейнъ велъ демонстративно: онъ исполнялъ въ хронологической послѣдовательности фортепіанныя произведенія, сопровождая ихъ краткими замѣчаніями и характеристиками авторовъ, съ самаго перваго ихъ появленія и до нашихъ дней. Онъ сыгралъ (сеансы его, длившіеся по два часа безъ перерыва, происходили въ залѣ консерваторіи по пятницамъ, начиная съ 16 сентября и кончая 28 февраля) 877 пьесъ, принадлежащихъ 57 композиторамъ; это такое невѣроятное количество, что трудно даже вѣрится, чтобы эта грандіозная задача была выполнена однимъ человѣкомъ. Закончилъ свой курсъ Рубинштейнъ Листомъ и слѣдующими словами, въ которыхъ можно видѣть его profession de foi: «Я старъ, я уже направляюсь туда, и предпочитаю стариковъ. Но это не значитъ, чтобы я васъ отвращалъ отъ молодыхъ; любите ихъ, изучайте, интересуйтесь ими, но не забывайте и старыхъ композиторовъ».

Меткія вѣрныя замѣчанія, сопровождавшія исполненіе нашего виртуоза, собраны были въ одну брошюру г. Кюи, подъ заглавіемъ: «Исторія литературы фортепіанной музыки» (курсъ А. Г. Рубинштейна); оцѣнка значенія этихъ лекцій названнымъ критикомъ настолько вѣрна и безпристрастна, что вмѣсто своего мнѣнія приведемъ его заключительныя слова: «Дѣйствительно, Рубинштейнъ совершилъ великое, безпримѣрное художественное дѣло. Въ одинъ сезонъ онъ представилъ слушателямъ полную картину развитія фортепіанной техники и фортепіанной музыки. Объ исполненіи Рубинштейна, мѣняющемъ свой характеръ вмѣстѣ съ характеромъ исполняемаго, объ исполненіи, технически сильномъ и вдохновенномъ по духу,— говорить не стану. Но обращу особенное вниманіе на его замѣчанія, меткія, правдивыя, безпристрастныя, смѣлыя, оригинальныя, основанныя на всестороннемъ изученіи дѣла, на глубокомъ пониманіи и образованномъ вкусѣ. Жаль, что Рубинштейнъ ограничился исполненіемъ только умершихъ; жаль, что онъ не включилъ въ свою программу современныхъ французскихъ, нѣмецкихъ, скандинавскихъ и русскихъ композиторовъ; жаль, что и о нихъ онъ не высказалъ своего мнѣнія. Правда, вѣрная и безпристрастная оцѣнка современныхъ дѣятелей трудна, но только не для Рубинштейна. Онъ всегда былъ чуждъ музыкальной политики, всегда говорилъ только то, что думалъ, всегда отдѣлялъ сочиненіе отъ личности сочинителя, всегда стоялъ выше жалкихъ и мелкихъ дрязгъ самолюбія и удачи или неудачи. А его сужденія о современныхъ спорныхъ вопросахъ и оцѣнка современныхъ сочинителей имѣла бы особенное значеніе.

Digitized by Google

Но мы не имѣемъ права никому навязывать свою программу; а такъ энергично исполненная Рубинштейномъ—безпримѣрно колоссальна, и ею онъ себя увѣковѣчилъ въ памяти восхищенныхъ и признательныхъ слушателей».

«Самоотверженіе,—заканчиваетъ г. Кюи свою брошюру,—явленіе рѣдкое: эгоизмъ и «принципъ рубашки» прирожденны человѣческой натурѣ и развиваются житейской мудростью. Въ артистическомъ мірѣ, такъ сильно развивающемъ и разжигающемъ самолюбіе, самоотверженіе—явленіе совершенно исключительное. Поэтому, нельзя достаточно благоговѣть предъ художниками, которые работали болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, а иногда и въ ущербъ себѣ. Къ такимъ именно принадлежитъ Рубинштейнъ, посвятившій столько силъ и времени ознакомленію слушателей съ длинной исторической вереницей фортепіанныхъ композиторовъ всѣхъ странъ и временъ. Такіе художники составляютъ славу современниковъ и гордость потомства».

Прибавимъ къ сказанному, что и тутъ великій художникъ не обошелся безъ свойственной ему благотворительности; нетрудно себѣ представить, сколько охотниковъ нашлось прослушать курсъ Рубинштейна; но такъ какъ зала консерваторіи не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, то пришлось удѣлить публикѣ небольшое количество мѣстъ съ платой по 100 руб.; собранные такимъ образомъ 8,000 рублей пожертвованы были Рубинштейномъ на доброе дѣло. Всякое доброе начинаніе находило въ немъ горячаго поборника. Послѣднее время, напр., онъ игралъ исключительно съ благотворительной цѣлью. Заболѣваетъ профессоръ консерваторіи, Рубинштейнъ даетъ концертъ «въ пользу товарища», и 5,000 руб. спасаютъ человѣка отъ бѣдственнаго положенія; недостаетъ суммы для памятника Глинкѣ, одинъ концертъ А. Г. пополняетъ ее на 5,000 руб. и воздвигнутъ памятникъ національному композитору, котораго Рубинштейнъ, по его собственнымъ словамъ, «обожалъ»; въ Смоленскѣ, въ 1885 г. подносятъ ему капиталъ въ 28 тысячъ руб., собранный по подпискѣ по случаю пятидесятилѣтней артистической дѣятельности; онъ весь этотъ капиталъ жертвуетъ на сооруженіе зданія новой консерваторіи въ Петербургѣ; авторскій гонораръ, причитавшійся ему за исполненіе его произведеній въ симфоническихъ и квартетныхъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества, онъ обыкновенно отдавалъ въ пользу бѣднѣйшихъ учащихся въ консерваторіи; почти въ рѣдкомъ городкѣ, гдѣ онъ только концертировалъ (а съ программами его и съ ихъ направленіемъ мы уже знакомы), онъ игралъ въ пользу школъ, богадѣленъ, пріютовъ [1]) и вообще мѣстныхъ нуждъ. Вездѣ онъ оставлялъ свѣтлый слѣдъ своего пребыванія, вездѣ произносятъ его имя, какъ артиста и отзывчиваго человѣка, съ благоговѣніемъ.

[1]) Такъ, между прочимъ, въ 1874 г. Рубинштейнъ, по приглашенію гр. В. А. Соллогуба и А. П. Пятковскаго, принялъ участіе въ художественно-музыкальномъ вечерѣ, въ пользу возникшаго, незадолго до того, въ Петербургѣ «Пріюта арестантскихъ дѣтей мужскаго пола». По свидѣтельству очевидцевъ, онъ пріѣхалъ на этотъ вечеръ, уже крайне утомленный, съ другаго, тоже благотворительнаго, концерта.

Digitized by Google

Рубинштейнъ, собственно говоря, никогда не выступалъ въ качествѣ литератора; намъ нередавали, что истекшимъ лѣтомъ онъ написалъ было, вѣроятно, по просьбѣ друзей, свои воспоминанія и впечатлѣнія, но самъ же сжегъ ихъ почему-то; тѣмъ не менѣе и у него есть нѣкоторые литературные труды, представляющіе большой интересъ для музыкантовъ; это, во-1-хъ, его «Автобіографія», составленная по просьбѣ редактора «Русской Старины» Семевскаго; во-вторыхъ, два письма: «О музыкѣ въ Россіи», о которомъ мы выше упомянули, и о духовной оперѣ, съ которымъ познакомимся ниже;— наконецъ, въ третьихъ, книга его: «Музыка и ея представители», написанная въ 1891 г. въ формѣ діалога между авторомъ и одной дамой. Книга эта произвела большую сенсацію въ свое время въ музыкальномъ мірѣ по высказываемымъ авторомъ взглядамъ и меткимъ опредѣленіямъ характеристикъ того или другаго музыкальнаго дѣятеля.

Заканчиваетъ онъ свою книгу нѣсколькими характерными строчками, дающими довольно ясное понятіе объ идеалахъ Рубинштейна въ музыкѣ. Не будучи поклонникомъ такъ называемой «музыки будущаго» и видя въ этомъ искусствѣ не только средство для доставленія извѣстнаго удовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль и способъ высказывать свои чувства и мысли посредствомъ звуковъ (больше чувства, чѣмъ мысли), воплотить извѣстные идеалы въ музыкальные образы, нашъ авторъ не могъ мириться съ новѣйшими стремленіями, съ новѣйшимъ направленіемъ въ музыкѣ, въ которой техникѣ и формѣ отдается иногда преимущество предъ содержаніемъ, вычурному костюму предъ мыслью, поэтическому слову или тексту— предъ музыкальными періодами, внѣшнимъ украшеніямъ предъ мелодіей. Этотъ основной взглядъ онъ проводитъ чрезъ всю книжку, поясняя свои мысли примѣрами и весьма цѣнными, ясными замѣчаніями по поводу того или другаго музыкальнаго авторитета. Озадачивъ свою слушательницу нѣкоторыми мнѣніями относительно композиторовъ болѣе близкаго къ намъ времени, нашъ авторъ говоритъ: «Я чувствую, что мнѣ не дожить до будущаго Баха или Бетховена, и это меня печалитъ. Единственное утѣшеніе мое, что я до сихъ поръ еще также, какъ и прежде, восторгаюсь органной прелюдіей и фугой *бывшаго* Баха, струннымъ квартетомъ или симфоніей *бывшаго* Бетховена, пѣсней, Moment musical или Impromptu *бывшаго* Шуберта, прелюдіей, балладой, мазуркой или полонезомъ *бывшаго* Шопена, національной оперой *бывшаго* Глинки». Когда же его собесѣдница замѣчаетъ на это, что она видитъ въ нынѣшнемъ творчествѣ прогрессъ музыкальнаго искусства, что этотъ «переходный періодъ» ее интересуетъ больше, чѣмъ прошлое, и что она еще надѣется дожить до новаго Баха или Бетховена и восторгаться его новымъ творчествомъ, авторъ книги говоритъ ей одно лишь слово:—«Счастливица»!

«Проводивъ г-жу *** къ ея каретѣ, я вернулся въ свою рабочую комнату и тамъ остановился въ раздумьѣ (такъ заканчиваетъ свою книгу Рубинштейнъ): не наступаютъ ли въ музыкальномъ искусствѣ «Сумерки боговъ» («Götterdämmerung»—послѣдняя часть тетралогіи Вагнера: «Кольцо Нибелунговъ»). Въ этихъ нѣсколькихъ

Digitized by Google

словахъ высказался весь Рубинштейнъ; онъ, дѣйствительно, жилъ въ своемъ искусствѣ идеалами прошлаго; воспитанный на классическихъ образцахъ музыкальной литературы, онъ мало сочувствовалъ тому новому движенію, которое охватило это искусство со временъ Берліоза и представителей веймарской школы.

Не мѣсто тутъ вдаваться въ разборъ того, правъ ли Рубинштейнъ, или нѣтъ; это дѣло будущихъ историковъ музыки. Намъ важно было знать его направленіе и его мысли; мы имѣемъ дѣло съ фактами; эти же мысли послужатъ намъ переходомъ къ его композиторской дѣятельности.

III.

Многіе вовсе не признаютъ заслугъ Рубинштейна, какъ композитора; иные же, наоборотъ, видятъ въ немъ одного изъ первоклассныхъ музыкальныхъ авторовъ нашего времени (такой взглядъ установился въ Германіи, гдѣ его произведенія раньше и чаще ставятся и ставились, чѣмъ у насъ; въ послѣднее время болѣе упрочилось это реноме и во Франціи и Италіи). Такія крайнія мнѣнія во всякомъ случаѣ говорятъ о выдающемся талантѣ: только посредственность проходитъ незамѣченной; все же выдающееся изъ общаго уровня вызываетъ различныя мнѣнія, толки, партіи и пр. Всякое крайнее мнѣніе имѣетъ несомнѣнно какія либо вѣскія основанія, иначе люди не высказывались бы въ такихъ рѣзкихъ формахъ; но прослѣдить исторію возникновенія у насъ такихъ крайнихъ взглядовъ на композиторскую дѣятельность Рубинштейна, добираться до разрѣшенія вопроса: кто правъ и кто виноватъ? не входитъ въ нашу скромную задачу—въ общихъ чертахъ ознакомить читателей съ этой выдающейся личностью.

Очень можетъ быть, что многіе изъ нежеланія казаться ретроградами и отсталыми — повторяли съ чужаго голоса ходячее мнѣніе о томъ или другомъ его произведеніи, а вѣдь извѣстно, по словамъ Донъ-Базиліо, какъ растетъ «клевета» и какъ вообще составляется такъ называемое «общественное мнѣніе». Также вѣроятно и то, что лица, пускавшія въ публику свои мнѣнія дѣлали это не всегда безкорыстно; быть можетъ, были и причины у нихъ говорить такъ или иначе о композиторскомъ дарованіи Рубинштейна. Во всякомъ случаѣ, обращаясь къ фактамъ, приходится имѣть въ виду слѣдующія три обстоятельства: во-первыхъ, далеко не всѣ произведенія Рубинштейна извѣстны; во-вторыхъ, публика всегда была за него, т. е. та публика, которая, наполняя театры и концерты, непосредственно высказываетъ артистамъ и авторамъ свое мнѣніе посредствомъ общепринятаго одобренія или неодобренія, и въ третьихъ—разногласіе въ мнѣніяхъ печати и публики. Обратимся къ каждому изъ этихъ обстоятельствъ.

Какъ изъ «Автобіографіи», такъ и изъ документальныхъ данныхъ, извѣстно, что не только крупныя произведенія Рубинштейна (оперы свѣтскія и духовныя, симфоніи и пр.), но даже и мелкія, напр., романсы, мало продуцировались у насъ на сценахъ и эстрадахъ. Возьмемъ хотя бы его оперы. Ихъ написано десять свѣтскихъ и

Digitized by Google

пять духовныхъ. О послѣднихъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, а теперь только о свѣтскихъ; вотъ ихъ названія: «Дѣти степей», «Фераморсъ», «Демонъ», «Маккавеи», «Неронъ», «Купецъ Калашниковъ», «Попугай», «Между разбойниками» (послѣднія двѣ—комическія) и «Горюша»; мы не считаемъ его первоначальныхъ оперныхъ произведеній, на которыя самъ Рубинштейнъ смотрѣлъ, какъ на пробы пера; сюда относятся, однако, три одноактныхъ оперы: «Хаджи-Абрекъ», на текстъ Лермонтова, «Сибирскіе охотники», «Ѳомка-дурачекъ» и «Дмитрій Донской», или «Куликовская битва»; эти произведенія самъ авторъ снялъ съ репертуара, а изъ послѣдней оперы осталась одна только увертюра.

Что мы знаемъ изъ этихъ оперъ или—вѣрнѣе—что удержалось на репертуарѣ? Одинъ лишь «Демонъ», и то въ такомъ видѣ, что для казенныхъ нашихъ сценъ даже какъ-то неприлично. И не потому не даются эти оперы, что онѣ плохи, а потому, что русскіе композиторы всѣ въ загонѣ, исключая развѣ Глинки. Ни одно изъ произведеній Даргомыжскаго и Сѣрова не дается («Юдиѳь» послѣдняго иногда еще возобновляется); а оперы Чайковскаго (за исключеніемъ «Евгенія Онѣгина»), Бородина, гг. Римскаго-Корсакова, Кюи и др. русскихъ композиторовъ? Рубинштейнъ имѣлъ полное право говорить: «меня въ дирекціи знать не хотятъ», или: «я-то даю; меня не берутъ». Слова: «Я-то даю, меня не берутъ» никоимъ образомъ не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ; Рубинштейнъ не былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя способны гнуть свою шею предъ кѣмъ бы то ни было, и въ особенности ради своихъ личныхъ выгодъ; «я даю», т. е. я пишу, работаю, заканчиваю, выпускаю въ свѣтъ, дѣлаю свои произведенія общественнымъ достояніемъ, ихъ могутъ ставить. Еслибы Рубинштейнъ былъ «практичнымъ» человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, онъ бы оставилъ послѣ себя милліоны, не имѣлъ бы никакихъ враговъ, имя его не сходило бы съ афишъ и его произведенія гремѣли бы у насъ. Въ томъ-то и дѣло, что онъ никогда шагу не дѣлалъ для себя, никогда никого ни о чемъ не просилъ, былъ врагомъ всякой рекламы и стоялъ выше всѣхъ тѣхъ пріемовъ, которые такъ часто, къ сожалѣнію, практикуются въ артистическомъ мірѣ. Объ отношеніяхъ его къ дирекціи мы находимъ слѣдующія строки въ «Автобіографіи»: «...Я къ дирекціи никогда не обращался, да и не обращаюсь съ просьбами или хоть напоминаніями о постановкѣ того или другаго изъ моихъ сочиненій. Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Почему, напр., снимали съ репертуара мою оперу: «Купецъ Калашниковъ»,—я рѣшительно не знаю; для меня весьма пріятно, что эта опера очень понравилась и была одобрена свыше и, по желанію высшей власти, вновь была поставлена на сцену; но почему, вопреки этого одобренія, послѣ двухъ-трехъ представленій, опять снята,—рѣшительно недоумѣваю; между тѣмъ какъ сборы эта опера давала полные, слѣдовательно публикѣ, очевидно, опера весьма нравилась... Не могу похвалиться, чтобы оперы мои встрѣчали со стороны дирекціи отечественнаго театра радушіе; бывало довольно часто, что дирекція вовсе игнорировала мои произведенія, между тѣмъ, за рубежемъ родной земли пріемъ былъ очень, очень радушенъ... Если оказывается самое доброе вниманіе къ моимъ

Digitized by Google

произведеніямъ въ офиціальномъ мірѣ, такъ это только свыше... Впрочемъ, я никогда не имѣлъ объясненій съ директорами театровъ, такъ какъ эти лица все же смѣняющіяся; но въ личныхъ сношеніяхъ (т. е. при встрѣчахъ, надо полагать) они весьма любезны»... Повторяемъ, мы не вдаемся въ объясненіе причинъ, а отмѣчаемъ факты, считаться съ которыми наша обязанность. Русская опера, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, еле терпима, чтобы не сказать болѣе, и нашъ авторъ не составляетъ исключенія.

«Дѣти степей», недавно имѣвшія большой успѣхъ на одной изъ заграничныхъ германскихъ сценъ, въ Россіи совершенно неизвѣстны; по «хроникѣ императорскихъ театровъ» Вольфа, опера эта вовсе у насъ не давалась съ 1855 г.; въ итогѣ о цѣломъ произведеніи никто понятія не имѣетъ. Опера «Фераморсъ» никогда у насъ на казенныхъ сценахъ поставлена не была, хотя она существуетъ давно уже и давно извѣстна за границей; такъ, она была дана еще въ 1868 г. въ Дрезденѣ, въ 1872 г. въ вѣнскомъ придворномъ театрѣ, а въ 1874 г. въ Миланѣ. Въ Петербургѣ кружокъ любителей исполнилъ ее въ 1884 г. Впрочемъ, прекрасные восточные танцы изъ этой оперы игрались разными оркестрами и, между прочимъ, въ симфоническихъ собраніяхъ. Замѣтимъ, что, рядомъ съ упорнымъ нежеланіемъ дирекціи поставить «Фераморса» нашего композитора, недавно еще дана была «Лалла-Рукъ» на тотъ же сюжетъ (Томаса Мура) второстепеннаго французскаго композитора Фелисіена Давида.

Такъ или иначе, вторая опера Рубинштейна неизвѣстна публикѣ. Прибавимъ къ нимъ еще и комическія одноактныя оперы: «Попугай» и «Между разбойниками», также совершенно у насъ незнакомыя, хотя теперь большая мода на одноактныя оперы, и такія слабыя произведенія, какъ «Сельская честь» Масканьи или «Паяцы» Леонкавалло, не сходятъ съ репертуара и даются, къ сожалѣнію, весьма часто, отнимая время у артистовъ и вечера у русскихъ композиторовъ. Итакъ, мы насчитали четыре оперы Рубинштейна, вовсе у насъ не дающіяся; слѣдовательно, неизвѣстно: что сказали бы о нихъ, понравились бы онѣ или нѣтъ? Досадно и то, что, не давая его *комическихъ* оперъ, насъ лишили возможности ознакомиться съ цѣлой отраслью дарованія Рубинштейна, а между тѣмъ желающіе дурно говорить о немъ могутъ смѣло сказать, что оперы его не даются (цѣлыхъ четыре), потому что онѣ недостойны вниманія. Но пойдемъ далѣе. «Нерона», имѣвшаго выдающійся успѣхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, равно какъ въ Гамбургѣ (еще въ 1879 г.) и, кажется, въ Дрезденѣ (недавно), мы услышали на *итальянскомъ* языкѣ, и то благодаря стараніямъ иностранца Вицентини; безъ него, мы, русскіе, навѣрное и до сихъ поръ не знали бы этого произведенія, давно уже обратившаго на себя вниманіе заграничной публики и печати («Неронъ» поставленъ въ Россіи только въ 1884 г.). А «Маккавеи»? Поставленные еще въ 1875 г. на сценахъ Берлина, Праги и Стокгольма, а въ слѣдующемъ году въ Мюнхенѣ, они только въ 1877 г. даны были въ Петербургѣ и опять таки съ громаднымъ успѣхомъ, равно какъ и въ Москвѣ въ 1884 г.—И что же? Опера, безъ всякой видимой

Digitized by Google

причины, снята съ репертуара и не дается болѣе. Сказать, что исполнителей нѣтъ, — трудно; есть же они для иностранныхъ оперъ...

Съ «Купцомъ Калашниковымъ» произошла какая-то непонятная исторія: два раза онъ былъ разрѣшенъ къ представленію, два раза даны были при полномъ театрѣ по два спектакля и опера больше не исполняется; Рубинштейнъ не безъ основанія говаривалъ: «надъ этой оперой тяготѣетъ какой-то рокъ». Нѣчто подобное случилось и съ послѣдней его оперой «Горюшей», поставленной въ 1889 г. по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его артистической дѣятельности. И эта опера, также прошедшая не безъ успѣха, съ того времени не возобновляется и тоже безъ видимой причины. Какую обильную пищу всѣ эти обстоятельства давали недоброжелателямъ для распространенія слуховъ о негодности или слабости оперъ Рубинштейна! Фактически же, въ результатѣ, *его оперъ не знаютъ*, хотя бы по той простой причинѣ, что ихъ не даютъ на казенныхъ сценахъ.

Итакъ, одинъ только «Демонъ», написанный въ теченіе всего какихъ нибудь трехъ мѣсяцевъ, держится еще на репертуарѣ; онъ уже давнымъ-давно отпраздновалъ свое сотое представленіе въ Петербургѣ и Москвѣ и давнымъ-давно пріобрѣлъ обширную популярность, завоевалъ всѣ наши провинціальныя сцены и нѣкоторыя заграничныя (данъ былъ въ Лондонѣ въ 1882 г., въ Лейпцигѣ въ 1883 г. и въ др. гор.). И вовсе не потому ставится «Демонъ», что онъ лучше всѣхъ остальныхъ оперъ нашего композитора, а потому что онъ извѣстенъ; другія произведенія, не дававшіяся на столичныхъ сценахъ (а онѣ служатъ камертономъ для провинціальныхъ), мало извѣстны; это совершенно понятно всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ положеніемъ нашего театральнаго дѣла. Таково знакомство публики со всѣми операми Рубинштейна, благодаря существующимъ порядкамъ и извѣстному антагонизму къ нему.

Не лучшая участь постигла и единственный балетъ Рубинштейна: «Виноградная лоза», съ которымъ давно уже ознакомилась европейская публика, тогда какъ для насъ онъ все еще продолжаетъ быть тою же terra incognita, какъ и большинство его оперъ. Правда, кое-какіе нумера этого балета были играны, и опять таки съ большимъ успѣхомъ, въ концертахъ, но въ цѣломъ—произведеніе это неизвѣстно. Это тѣмъ болѣе необъяснимо, что нынѣшняя дирекція тратитъ такія громадныя суммы на балетъ, ставитъ всякія слабыя произведенія этого рода, лишь бы они были иностраннаго производства, сама заказываетъ балеты своимъ капельмейстерамъ, но упорно не ставитъ балета Рубинштейна, даже послѣ того, что Европа такъ хорошо аттестовала «Виноградную лозу». А между тѣмъ казалось бы, что только казеннымъ сценамъ и поддерживать балеты русскихъ композиторовъ, какъ потому, что ихъ вообще немного, такъ и потому, что частныя сцены у насъ вовсе не ставятъ балетовъ.

И вотъ передъ нами еще одно произведеніе, неизвѣстное публикѣ въ цѣломъ, но части котораго нравились при исполненіи, какъ слушателямъ, такъ и печати, весьма тепло высказавшейся объ этихъ отрывкахъ, опять таки за исключеніемъ той части критики, которая

Digitized by Google

предвзято не признавала композиторскаго таланта Рубинштейна и твердила въ теченіе многихъ лѣтъ одно и то же мнѣніе, прилагая безъ исключенія ко всѣмъ его произведеніямъ, не только оперным но и инструментальнымъ въ широкомъ смыслѣ слова. Кстати о послѣднихъ. Количество написанныхъ имъ пьесъ по истинѣ изумительно и его хватило бы на трехъ композиторовъ. Шесть симфоній, три увертюры, три музыкально-характеристическія картины («Фаустъ», «Иванъ Грозный» и «Донъ-Кихотъ») кромѣ фантазій «Героіса» и «Россіи»—написано имъ для одного оркестра. Десять квартетовъ, три квинтета, пять тріо, секстетъ и октетъ—вотъ вкладъ, внесенный Рубинштейномъ въ камерную музыку; пять концертовъ написаны имъ для фортепіано съ оркестромъ, кромѣ фантазій и другихъ пьесъ этого рода; сюда же слѣдуетъ причислить и пьесы для скрипки съ фортепіано (три сонаты, концертъ съ оркестромъ и пр.), для віолончели съ оркестромъ и фортепіано; затѣмъ около ста романсовъ, дуэты, хоры, кантаты, фортепіанныя вещи для одного и двухъ роялей. Достаточно сказать, что всѣхъ сочиненій у Рубинштейна 110, отмѣченныхъ opus'ами, и около 40, въ томъ числѣ и оперы, не помѣченныя никакимъ opus'омъ. Одна эта внушительная цифра его трудовъ говоритъ уже за неимовѣрную плодовитость его, и если даже не согласиться съ афоризмомъ Шумана, что «плодовитость—признакъ генія», все же нужно сознаться, что большинство его произведеній весьма талантливо.

У Рубинштейна, какъ и у всякаго художника, есть, конечно, произведенія, по вдохновенію, творческой силѣ и полету фантазіи уступающія другимъ, но не по слабѣйшимъ же произведеніямъ судятъ художника. И къ Рубинштейну надо подходить не со своимъ готовымъ маштабомъ требованій, а присмотрѣться къ тому, что онъ намъ далъ, стать на его точку зрѣнія и мѣрить все его аршиномъ. Онъ не былъ новаторомъ въ смыслѣ прокладыванія новыхъ путей, онъ за это не брался и этого нисколько не скрывалъ; но онъ несомнѣнно обладалъ даромъ—«глаголомъ жечь сердца людей», иначе онъ не пользовался бы такимъ повсемѣстнымъ успѣхомъ у публики, у той публики, которая не философствуетъ, а поддается обаянію художника, благодаря врожденному чутью и собственнымъ чувствамъ.

Рубинштейнъ находилъ тотъ прямой путь къ сердцу слушателя, который завѣщанъ великими представителями музыкальнаго творчества; музыкальныя мысли его ясны и доступны массѣ; во всякомъ его произведеніи—на первомъ планѣ мелодіи, и въ этомъ отношеніи его родникъ неисчерпаемъ; по своему стилю, по артистическому темпераменту, по вдохновенію и по формѣ выраженія, онъ принадлежитъ къ той плеядѣ дѣятелей, которые видятъ въ музыкѣ *искусство*, а не науку. Можно даже отчасти согласиться съ мнѣніемъ его противниковъ, что онъ недостаточно критически относился къ созданному, не возвращался къ написанному; что у него попадаются иногда грубоватыя формы; что онъ мало заботился о внѣшней ихъ отдѣлкѣ, что у него попадаются иногда небрежности; но отрицать въ немъ композиторскій талантъ невозможно.

Въ нашу цѣль, повторяемъ, не входитъ детальная оцѣнка его

Digitized by Google

дѣятельности; попытка въ этомъ отношеніи сдѣлана была нами въ журналѣ «Русская Мысль» (1885 г.; статья эта вышла отдѣльной монографіей подъ № 1 въ серіи, предпринятой нами подъ общимъ заглавіемъ «Русскіе Композиторы»); здѣсь же прибавимъ только нѣсколько словъ объ общемъ направленіи его творчества. Вся обширная библіотека, оставленная Рубинштейномъ и составляющая «Полное собраніе» его сочиненій, по своему матеріалу можетъ быть подведена подъ три рубрики—восточной музыки, классической и національной русской. Конечно, такое дѣленіе будетъ только приблизительнымъ, ибо авторъ самъ нигдѣ не дѣлаетъ подобныхъ заглавій и дѣленій своихъ произведеній. Обратимся къ каждой группѣ въ отдѣльности.

Въ области *оріентальной* музыки Рубинштейнъ едва ли имѣетъ себѣ равныхъ въ средѣ современныхъ композиторовъ; онъ эту отрасль культивировалъ съ особенной любовью; достаточно вспомнить многіе №№ изъ «Демона», ставшіе популярными, танцы изъ «Фераморса», лучшія страницы изъ «Маккавеевъ», хоры и нѣкоторые оркестровые №№ изъ «Вавилонскаго столпотворенія», «Моисея», всѣ безъ исключенія «Персидскія пѣсни», романсы, имѣющіе своимъ сюжетомъ востокъ («Азра» и др.), чтобы согласиться, что такія произведенія могли вылиться только подъ вліяніемъ творческаго напора; одна лезгинка въ «Демонѣ» чего стоитъ; она можетъ поспорить развѣ только съ лезгинкой «Руслана»,—куда слабѣе ея вакханалія Сенъ-Санса въ «Самсонѣ и Далилѣ»! Если русская школа, идя по стопамъ Глинки, имѣетъ право ставить себѣ въ заслугу обработку восточныхъ мотивовъ, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Рубинштейну, послѣ творца «Руслана».

Классическихъ образцовъ держался нашъ композиторъ въ своей чисто-инструментальной музыкѣ, въ своихъ симфоніяхъ и камерныхъ произведеніяхъ. И это нисколько не удивительно: онъ былъ воспитанъ на классикахъ: едва ли кто либо такъ основательно изучилъ Баха, Генделя, Бетховена, Моцарта и Шумана, какъ Рубинштейнъ; что же касается Мендельсона, то онъ во многомъ былъ родственъ съ нимъ по таланту. Рубинштейнъ и здѣсь не является новаторомъ; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что музыка не имѣетъ дѣла съ ясно-опредѣленными понятіями, и никогда не стремился «рисовать» звуками извѣстныя положенія; поэтому онъ не брался за задачи, по его мнѣнію, недоступныя музыкальному изображенію. Быть можетъ, онъ именно этимъ не удовлетворялъ новаторовъ, но онъ такъ смотрѣлъ на свое искусство.

Хотя у него есть и произведенія, написанныя на опредѣленную программу,—напр., «Донъ-Кихотъ», «Леонора» и др., однако, онъ никогда не придавалъ значенія программѣ и въ особенности ея подстрочному переводу на музыкальный языкъ, что такъ высоко цѣнится многими современными композиторами; въ этомъ отношеніи онъ шелъ въ разладъ съ общимъ теченіемъ: онъ не видѣлъ въ программѣ крайней необходимости, какъ и не видалъ въ инструментовкѣ—всей задачи музыки. Онъ полагалъ, что суть музыки заключается въ ея мысляхъ, въ тѣхъ чувствахъ, которыя она способна выражать, и чѣмъ глубже мысль и чувство, тѣмъ болѣе они до-

Digitized by Google

стигаютъ своей цѣли; что же касается средствъ выраженія, наряда, такъ сказать, то онъ былъ глубоко убѣжденъ, что техника не исчерпываетъ искусства и что задачи послѣдняго гораздо шире, чѣмъ одно только воздѣйствіе внѣшними эффектами.

Въ такомъ духѣ написаны: его «Океанъ» (вторая симфонія), драматическая симфонія (четвертая), русская (пятая), большинство его квартетовъ, фортепіанные концерты съ оркестромъ и др. Подобно тому, какъ онъ въ своей виртуозной дѣятельности ставилъ на первый планъ не технику, а общій духъ произведенія, такъ и въ творческой своей дѣятельности онъ всегда отдавалъ предпочтеніе общимъ настроеніямъ, чувствамъ предъ филигранной, детальной обработкой каждой мысли. Рѣдко у кого изъ композиторовъ можно замѣтить такое отсутствіе повтореній своихъ же собственныхъ мыслей, какъ у Рубинштейна; мы не говоримъ о внѣшнихъ пріемахъ; у каждаго автора есть свой стиль, свой слогъ, — и въ этомъ отношеніи Рубинштейнъ, какъ мы уже сказали, мало придававшій значенія этой сторонѣ дѣла, погрѣшенъ; онъ любилъ повторяться, но не въ музыкальныхъ мысляхъ.

Затѣмъ, нельзя пройти молчаніемъ гибкости и разносторонности его таланта: онъ культивировалъ всѣ роды письма; начиная какой нибудь фортепіанной пьеской и кончая грандіозными симфоніями и операми, онъ вездѣ проявлялъ свою способность писать, и притомъ не обыденныя вещицы для пополненія каталога своихъ произведеній,—мы вездѣ находимъ у него выдающіяся произведенія. Его оригинальность заключалась въ томъ, что онъ не оригинальничалъ, не поддавался никакимъ вліяніямъ и теченіямъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ собственнымъ взглядамъ на дѣло. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Рубинштейнъ стоитъ особнякомъ въ средѣ современныхъ композиторовъ. Онъ не увлекался теоріями веймарской школы, не былъ чьимъ бы то ни было послѣдователемъ, если не считать классиковъ, а всегда былъ самимъ собою; это былъ истый творецъ по убѣжденію, которымъ онъ никогда не жертвовалъ въ угоду кому бы то ни было.

Тѣ же принципы проводилъ онъ и въ своей *русской* музыкѣ. Онъ не раздѣлялъ взглядовъ многихъ нашихъ композиторовъ на народные мотивы; онъ не хватался за готовыя народныя пѣсни съ цѣлью ошлифовать ихъ и придать имъ западно-европейскій костюмъ; онъ не бралъ сыраго матеріала съ цѣлью варьировать его на тысячу ладовъ, примѣняя къ нему всѣ богатства оркестровой техники и орнаментики; онъ видѣлъ въ этомъ механическую работу, никогда его не удовлетворявшую; такую разработку народныхъ пѣсенъ онъ считалъ фотографическимъ снимкомъ, поставленнымъ въ роскошно-отдѣланную раму, а не художественной картиной, способной увлечь слушателей. Онъ былъ того убѣжденія, что взять у народа напрокатъ мотивъ,—такъ сказать, прямо, заимствовать—(а къ этому прибѣгаютъ многіе изъ желанія ли оригинальничать, или же за бѣдностью мелодической изобрѣтательности) не значитъ передавать духъ народнаго творчества.

Еще большой вопросъ, былъ ли, въ данномъ случаѣ, въ заблужденіи Рубинштейнъ. Глинку, безъ сомнѣнія, всѣ считаютъ національ-

Digitized by Google

нымъ композиторомъ, какъ Пушкина національнымъ поэтомъ; однако, Глинка почти нигдѣ не пользовался сырымъ народнымъ матеріаломъ, какъ это дѣлаютъ его послѣдователи, ушедшіе далеко отъ начертанныхъ Глинкой границъ въ творчествѣ. Авторъ «Руслана» писалъ *въ духѣ народномъ*, а не бралъ прямо народные мотивы для своихъ произведеній; складъ русской народной пѣсни служилъ ему лишь канвой, на которой онъ рисовалъ свои *собственные* узоры; совсѣмъ не то дѣлаютъ позднѣйшіе наши композиторы, и будущему историку нашей музыки еще предстоитъ разобраться въ вопросѣ о томъ, кто былъ ближе къ идеаламъ Глинки: Рубинштейнъ или другіе композиторы. Такъ или иначе, народный русскій духъ чувствуется у нашего автора во всѣхъ произведеніяхъ, написанныхъ на русскіе сюжеты,—будь это оперы или романсы, для которыхъ онъ пользовался текстомъ, принадлежащимъ лучшимъ русскимъ поэтамъ. Достаточно вспомнить хотя бы отдѣльныя мѣста изъ «Купца Калашникова», «Горюши», музыкально-характеристическую картину для оркестра «Иванъ Грозный», «Capriсe russe», многіе романсы и пр., чтобы убѣдиться въ справедливости мнѣній Рубинштейна о русской музыкѣ. Еще на одну особенность укажемъ, коснувшись вопроса о его творческой дѣятельности, это именно на юморъ, такъ рельефно сказавшійся въ его «Баснях Крылова» (шесть), «Донъ-Кихотѣ» и др. произведеніяхъ. Фантастическій элементъ мало ему давался; такихъ картинъ, какія мы находимъ, напр., хоть у Чайковскаго («Франческа ди-Римини», «Буря», «Манфредъ») или у г. Римскаго-Корсакова (сцены въ «Младѣ», «Снѣгурочкѣ» и др.) — у Рубинштейна нѣтъ. Его муза жила на землѣ и здѣсь чернала свои сюжеты, зато она касалась всего человѣческаго, и это всечеловѣческое отражалось въ его произведеніяхъ, какую бы форму ни выбралъ для нихъ композиторъ; онъ сравнительно мало обращалъ вниманія на отдѣлку, но пѣснь его лилась рѣкой и въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Шуберта.

IV.

Въ отдѣльную группу мы выдѣлили *духовныя оперы* Рубинштейна и его фортепіанныя произведенія по той причинѣ, что въ отношеніи первыхъ онъ является основателемъ, быть можетъ, новой отрасли опернаго письма; что же касается вторыхъ, то нашего композитора слѣдуетъ считать родоначальникомъ фортепіанной литературы у насъ, если, впрочемъ, можетъ быть рѣчь о спеціально-русской фортепіанной литературѣ. Сдѣланное имъ въ той или другой области такъ многозначительно, что оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что самъ Рубинштейнъ придавалъ большую цѣнность своимъ духовнымъ операмъ и носился съ идеей о нихъ чуть ли не сорокъ лѣтъ, работая въ этомъ направленіи безъ всякихъ надеждъ когда либо увидѣть свои мечты осуществленными.

Свои взгляды на духовную оперу, ея задачи, на средства къ достиженію ея расцвѣта, онъ еще въ 1882 г. высказалъ въ письмѣ, появившемся въ сборникѣ «Vor den Culissen», изданномъ Левин-

Digitized by Google

скимъ въ Берлинѣ тогда же. Письмо это, хотя и появилось въ кое-какихъ изданіяхъ у насъ, однако, слишкомъ мало извѣстно, а такъ какъ оно несомнѣнно представляетъ извѣстный интересъ, то позволимъ себѣ привести его почти цѣликомъ:

«Меня часто и съ разныхъ сторонъ спрашивали, что я подразумѣваю подъ именемъ «духовной оперы», именемъ которой я назвалъ свои произведенія: «Потерянный рай» и «Вавилонское столпотвореніе». На этотъ вопросъ я много разъ отвѣчалъ устно и собирался нѣсколько разъ выяснить письменно, — но покуда я себѣ уяснялъ, въ какой формѣ изложить мой письменный отвѣтъ, въ формѣ ли брошюры, книги или газетной статьи,—я получилъ ваше любезное приглашеніе принять участіе въ вашемъ изданіи. Итакъ, я воспользуюсь предложеннымъ мнѣ случаемъ—хоть бѣгло, въ нѣсколькихъ чертахъ, отвѣтить письменно на этотъ вопросъ; тѣмъ болѣе, что заголовокъ вашей книги близокъ тому предмету, о которомъ я буду говорить. Ораторія была для меня издавна такой художественной формой, противъ которой я всегда чувствовалъ протестъ: извѣстныя мастерскія произведенія этого рода композиціи, разумѣется, не при ихъ изученіи, но при слушаніи, въ исполненіи, оставляли меня не только холоднымъ, но часто даже не хорошо расположеннымъ. Неподвижность формъ, какъ музыкальныхъ, такъ и въ особенности поэтическихъ, казалась мнѣ прежде всего въ полномъ противорѣчіи съ высокимъ драматизмомъ сюжета. Я никогда не могъ дойти до полнаго, чистаго наслажденія, когда слышалъ и видѣлъ господъ въ черныхъ фракахъ и желтыхъ перчаткахъ съ нотными тетрадями у лица, или дамъ въ модныхъ, часто изысканныхъ туалетахъ, изображающихъ величественные образы Ветхаго или Новаго Завѣта: мною невольно овладѣвала мысль, что все это было бы величавѣе, вѣрнѣе, теплѣе и дѣйствительнѣе на сценѣ, въ костюмахъ, съ декораціями и при полномъ сценическомъ дѣйствіи. Я не могу раздѣлять мнѣнія, что библейскіе сюжеты не принадлежатъ сценѣ по причинѣ ихъ святости. Такимъ мнѣніемъ навязывается театру «testimonium paupertatis», высказывается противъ него недовѣріе, тогда какъ театръ долженъ отвѣчать и служить высокимъ культурнымъ цѣлямъ. Въ картинныхъ галереяхъ, напр., только одна Сикстинская Мадонна занимаетъ въ Дрезденѣ отдѣльную комнату, тогда какъ другія картины священнаго содержанія великихъ мастеровъ висятъ часто подлѣ теньеровскихъ сценокъ, не отнимая другъ у друга собственнаго достоинства. Потребность видѣть священные сюжеты на сценѣ была всегда весьма распространена и поддерживалась въ народахъ; это положеніе доказываетъ, какъ исторія средневѣковыхъ мистерій, такъ и то глубокое впечатлѣніе, какое оставалось во всякомъ видѣвшемъ исторію страстей Христовыхъ, представленныхъ въ Обераммергау при музыкѣ весьма наивной. Какъ сильно должно бы быть впечатлѣніе произведеній Баха, Генделя, Мендельсона и др. при сценическомъ представленіи! Я припоминаю для примѣра то прекрасное, радостное настроеніе, какое овладѣваетъ публикой при представленіи транспарантныхъ картинъ въ берлинской академіи художествъ съ пѣніемъ à capella церковнаго хора. Но мнѣніе или, лучше ска-

Digitized by Google

зать, взглядъ, что перенесеніе на общую сцену библейскихъ сюжетовъ было бы ихъ оскверненіемъ, профанаціей, еще такъ распространенъ (съ нимъ надобно имѣть счеты), что я рѣшился на *созданіе особеннаго художественнаго образца*, который долженъ былъ бы найти мѣсто въ особенныхъ, *спеціально для него построенныхъ, театрахъ*. Такую художественную форму, въ противоположность свѣтской, можно бы назвать «*духовной оперой*»,—театръ—«духовнымъ театромъ» въ различіе отъ свѣтскаго, образовавъ, какъ артистическій, такъ и хоровой персоналъ, также и нѣкоторыя правила для публики съ цѣлями спеціальными. Такимъ образомъ могъ бы возникнуть новый «храмъ для искусства».

«Эта идея была бы невѣрно, ошибочно истолкована, еслибы захотѣли понять ее, какъ выбранное съ моей стороны средство для распространенія, поддержанія церковныхъ интересовъ, цѣлей и задачъ; для меня выше всего стоитъ одинъ и единственный художественный интересъ, который въ этомъ случаѣ кажется мнѣ высокимъ, прекраснымъ и достойнымъ осуществленія, далекимъ отъ интересовъ и вопросовъ какого бы то ни было рода. Я вижу, однако, трудности, сопряженныя съ разрѣшеніемъ этой проблеммы, хотя онѣ мнѣ и не кажутся совершенно недостижимыми. Я полагаю: 1) Денежныя средства, нужныя для дѣла, не могутъ составлять вопроса, принимая въ соображеніе, что абсолютная новизна предпріятія навѣрное увѣнчается громаднымъ успѣхомъ. 2) Вопросъ объ исполнителяхъ также не представляетъ большихъ трудностей. Немало солистовъ отдалось бы исключительно этому жанру исполненія; для бо̀льшаго числа настоящихъ пѣвцовъ и пѣвицъ «духовный театръ» былъ бы спасеніемъ. Многіе выработали бы изъ этого свою спеціальность. 3) Сценическія трудности, при тѣхъ гигантскихъ шагахъ, какими подвигаются машинная и декоративная части, также не могли бы препятствовать. Во всякомъ случаѣ, архитекторы машинисты и декораторы должны устроить этотъ театръ, сообразуясь съ его спеціальными цѣлями. Какъ это устроить, я, какъ профанъ въ этомъ дѣлѣ, не стану развивать, но мнѣ кажется необходимымъ перемѣнить какъ постройку театральной залы, такъ мѣста для оркестра и зрителей. При постройкѣ сцены, должно быть принято во вниманіе, что многіе сюжеты требуютъ раздѣленія сцены на три части (небо, адъ и земля). 4) Трудности исполненія наизустъ хоровъ (полифоническій стиль, фуга и пр.) сами по себѣ, конечно, не малы, но не слѣдуетъ забывать, что хоры побѣждаютъ въ нашихъ новѣйшихъ операхъ не менѣе значительныя музыкальныя трудности.

«Побѣдивъ эти четыре главные пункта, мнѣ кажется, что дѣло было бы технически готовымъ къ жизни. Такъ, въ моемъ воображеніи представляется театръ, на которомъ исполняются въ хронологическомъ порядкѣ выдающіеся моменты обоихъ Завѣтовъ, конечно, съ художественными требованіями большаго маштаба. Какъ событія, такъ и личности обоихъ Завѣтовъ настолько величественны, красивы и поэтичны, что изображеніе ихъ на сценѣ съ помощью всѣхъ искусствъ не преминуло бы заслужить благодарность публики (народа), заинтересовало бы скептиковъ и, можетъ быть, обезору-

Digitized by Google

жило бы и православныхъ, для великаго большинства которыхъ театръ представляется въ видѣ «lieu de perdition». Если иллюстраціи къ картинамъ священнаго писанія не считаются осквернені́емъ, то почему считать драматическую иллюстрацію за что либо пагубное?

«Еслибы пришлось когда либо этой идеѣ осуществиться, то уже одни мастерскія творенія нашихъ классиковъ (конечно, въ вышеупомянутой переработкѣ для сцены) дали бы на долю ея весьма богатый матеріалъ. Но мнѣ кажется вполнѣ достойнымъ, чтобы наши молодые композиторы также принялись за разработку этой художественной формы и тѣмъ обогатили бы матеріалъ. Но композиторы должны сознавать, что не одинъ только сюжетъ упрочитъ за ихъ произведеніемъ названіе «духовной оперы», но главнымъ и существеннымъ образомъ *музыкальный стиль*, подъ которымъ я понимаю болѣе широкія формы композиціи, обиліе полифоніи, бо́льшую возвышенность декламаціи, чѣмъ въ оперѣ свѣтской. Сюжетъ долженъ быть воспринимаемъ на другихъ основаніяхъ и законахъ, чѣмъ въ свѣтской оперѣ; нѣтъ никакой надобности въ особомъ богатствѣ дѣйствія, но вся сила должна быть положена на выраженіе извѣстнаго настроенія; центръ тяжести цѣлаго акта можетъ заключаться въ одной избранной картинѣ, въ одномъ высокомъ драматическомъ моментѣ. Какъ условіе противоположности къ параллельнымъ формамъ свѣтской оперы, должно быть поставлено большое растяженіе молитвъ, пѣснопѣній, благодареній, жалобъ, торжественности; единство мѣста, времени и дѣйствія не должно быть здѣсь закономъ. Пробудить, поднять настроеніе желалъ бы я этимъ духовнымъ образомъ,—въ этомъ моя цѣль и задача!

«Изъ существующихъ оперъ съ библейскимъ сюжетомъ, можетъ быть, одинъ «Іосифъ въ Египтѣ» Мегюля подходитъ для духовной оперы; въ другихъ операхъ, хотя и библейскаго содержанія, образъ музыкальнаго изложенія слишкомъ свѣтскій и обработка сюжета не отвѣчаетъ законамъ духовной оперы вслѣдствіе введенія любовныхъ сценъ, какихъ въ священномъ писаніи не означено. Я не хочу этимъ сказать, что любовныя сцены должны быть совершенно изгоняемы, но онѣ не должны быть присочинены; такъ, напримѣръ, могутъ быть допущены «Юдиѳь и Олофернъ», «Самсонъ и Далила», «Пѣснь пѣсней» и многія другія. Даже балетъ, насколько онъ идетъ къ сюжету, желателенъ, но, конечно, безъ балетныхъ обыкновенныхъ ритмовъ (вальсъ, полька); танцы должны носить мѣстный и, безъ сомнѣнія, восточный характеръ.

«Репертуаръ духовныхъ театровъ по сюжетамъ будетъ, конечно, ограниченъ, но по музыкальной композиціи ему открывается безграничное поле, такъ какъ здѣсь однажды сочиненная и поставленная опера не исключаетъ возможности композиціи на ту же тему. Здѣсь будетъ интересовать не новизна сюжета, но приданное ему музыкальное выраженіе. Итакъ, мнѣ представляется возможнымъ существованіе духовнаго театра, рядомъ со свѣтскимъ, во всемъ образованномъ свѣтѣ, во всякомъ большомъ городѣ. Надобно, слѣдовательно, пересадить ораторію съ концертной эстрады на сцену; не надобно болѣе разсказывать и пѣть, надобно представлять. (Замѣтимъ

Digitized by Google

кстати, что Рубинштейнъ въ данномъ случаѣ требовалъ отступленія отъ коренной, характерной основы ораторій, заключающейся въ *отсутствіи наглядного дѣйствія*; художественно-историческое назначеніе ораторіи именно и было: оберегать библейскую святыню отъ безчинствъ свѣтскихъ представленій въ среднихъ вѣкахъ; измѣнить эту форму не рѣшались ни Бахъ, ни Гендель, ни даже изъ новѣйшихъ композиторовъ—Мендельсонъ).

«Съ этой идеей я ношусь уже двадцать пять лѣтъ (не забудемъ, что письмо это появилось еще въ 1882 г.); кое-что я пробовалъ привести въ исполненіе и бесѣдовалъ объ этомъ съ вліятельными и выдающимися личностями». Далѣе слѣдуютъ въ письмѣ тѣ неудачи, которыя онъ претерпѣвалъ при проведеніи въ жизнь своей идеи, отвѣты, которые получалъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій; затѣмъ онъ такъ заканчиваетъ письмо: «Тогда я выпустилъ въ свѣтъ «Потерянный рай» сначала въ видѣ ораторіи, а потомъ, увлеченный снова моей идеей, *я*, измѣнивъ сочиненіе, придалъ ему драматическую форму и назвалъ «духовной оперой»; также было и съ «Вавилонскимъ столпотвореніемъ». Такъ какъ и понынѣ я не теряю надежды, что мои планы рано или поздно будутъ приняты, то я пишу будущія оперы: «Каинъ и Авель», «Моисей», «Христосъ», «Пѣснь пѣсней» и др. въ формѣ духовной оперы. Придетъ или нѣтъ день ихъ сценическихъ представленій—для меня все равно».

Таковы были планы Рубинштейна относительно духовной оперы, нашедшіе лишь въ этомъ году надежду на осуществленіе: въ Бременѣ образовалось общество, предпринявшее постановку рубинштейновскихъ духовныхъ оперъ; общество пожертвовало большія средства на это дѣло, сдѣлало, кажется, всѣ необходимыя приготовленія, пригласило артистовъ, составило громадный хоръ (изъ 250 человѣкъ), собрало большой симфоническій оркестръ, которымъ долженъ былъ дирижировать самъ авторъ, вступило въ переговоры съ разными американскими импрессаріо; словомъ, все уже совсѣмъ наладилось, но Рубинштейну не суждено было увидѣть осуществленными свои мечты, которыя онъ лелѣялъ такъ долго. Не знаемъ, распадется ли теперь общество въ виду кончины создателя духовной оперы, или же оно будетъ продолжать начатое дѣло, такъ платонически одушевлявшее автора «Демона». Послѣднее время жизни онъ работалъ надъ своей шестой духовной оперой—«Каиномъ», хотя онъ ее и не окончилъ: либретто ему не нравилось.

Пять произведеній этого рода онъ намъ, однако, оставилъ, а именно: «Потерянный рай», «Вавилонское столпотвореніе», «Суламиѳь» (у насъ, разумѣется, совершенно неизвѣстное произведеніе, какъ и большинство, впрочемъ, его оперъ; «Суламиѳь» дана была съ большимъ успѣхомъ 22 апрѣля 1888 г. въ берлинскомъ симфоническомъ собраніи; въ Россіи же едва ли многіе даже изъ музыкантовъ-спеціалистовъ знаютъ ее), «Моисея» и «Христа». Именно послѣднія два произведенія бременское общество и хотѣло поставить. Что касается «Христа», то и онъ столько же извѣстенъ у насъ, сколько и «Суламиѳь»; отрывки же изъ «Моисея», исполненные у насъ въ концертахъ, вызвали истинный восторгъ публики и

Digitized by Google

печати. «Моисей» состоитъ изъ восьми картинъ. Относительно этой духовной оперы, Рубинштейнъ написалъ письмо еще въ 1886 г. въ «Berliner Zeitung», отрывокъ изъ котораго позволимъ себѣ привести:

«Мой «Моисей»—дѣло самое непрактическое, какое только можетъ предпринять композиторъ; однако же я принялся за него весьма усердно и не буду знать покоя, пока не окончу его. Это произведеніе, исполненіе котораго оркестромъ займетъ четыре часа времени, слишкомъ театрально для концерта и не годится для театра, такъ какъ имѣетъ форму ораторіи; это будетъ настоящимъ типомъ «духовной оперы», о которой я мечтаю много лѣтъ. Какова будетъ судьба этой оперы—не знаю; не думаю, чтобы она могла быть исполнена въ полномъ своемъ составѣ. Такъ какъ «Моисей» состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ частей, то можно время отъ времени исполнять по одной или по двѣ части, въ концертѣ или на сценѣ. Я дошелъ до половины этой работы, которую надѣюсь окончить въ половинѣ сентября; я говорю объ эскизѣ, ибо для полной отдѣлки мнѣ нужно еще цѣлое лѣто, такъ что «Моисей» выдетъ въ свѣтъ не раньше сентября 1886 г.». Опера, однако, была окончена года два назадъ.

Конечно, такая задача, какъ постановка хотя бы нѣкоторыхъ его произведеній этого рода, была бы достойна осуществленія прежде всего у насъ и, живи Рубинштейнъ за границей, дѣло это давнымъ давно уже было бы приведено въ исполненіе, но... мы вѣдь этимъ и отличаемся, что не признаемъ своихъ выдающихся дѣятелей, не интересуемся ихъ стремленіями и готовы смѣяться надо всѣмъ... Смѣяться и вышучивать гораздо легче, чѣмъ что нибудь создавать. Недаромъ авторъ «Демона» такъ часто произносилъ извѣстную фразу: «Нѣтъ пророка въ своей странѣ»; вотъ почему повторимъ, что вѣрное, безпристрастное и правильное сужденіе о Рубинштейнѣ, какъ о композиторѣ, у насъ теперь невозможно, ибо мы *не знаемъ большинства его произведеній;* намъ нужно еще прежде ихъ изучить, чтобы составить себѣ понятіе о нихъ, а тогда уже критиковать и опредѣлить его мѣсто по табели о композиторскихъ рангахъ.

Велики также заслуги Рубинштейна—и всѣми признаны—въ области *фортепіанной литературы.* За исключеніемъ Чайковскаго, написавшаго довольно значительное количество выдающихся произведеній для рояля, наша фортепіанная литература крайне бѣдна; хотя наши композиторы пишутъ «русскія» скерцо, «русскія» фантазіи и пр., но, въ сущности говоря, это—или подражанія иностраннымъ корифеямъ,—т. е. пишутъ à la Шопенъ, à la Шуманъ,—или же слабыя вещи, не соотвѣтствующія во всякомъ случаѣ заглавію «русское». Если нельзя требовать отъ молодой русской фортепіанной литературы, находящейся еще, строго говоря, въ эмбріональномъ состояніи, ничего самостоятельнаго, національнаго, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ высоко цѣнить труды тѣхъ, которые стали ее разработывать, а къ такимъ несомнѣнно относится нашъ великій виртуозъ, обогатившій эту небогатую литературу многими выдающимися произведеніями, положившими начало развитія ея.

Ни Глинка, ни Сѣровъ, ни Даргомыжскій, ни вся плеяда писателей, считающихъ себя послѣдователями Глинки, почти ничего

Digitized by Google

не сдѣлали для этого инструмента, и родоначальникомъ этой литературы долженъ считаться Рубинштейнъ, писавшій во всѣхъ родахъ фортепіаннаго письма: ноктюрны, этюды, фантазіи, сонаты, баркаролы, вальсы, мазурки, impromptu, прелюдіи и пр. Особенное вниманіе обращаютъ на себя изъ крупныхъ фортепіанныхъ его произведеній: «Костюмированный балъ» (ор. 103), состоящій изъ двадцати №№ (нѣкоторые изъ нихъ переложены для оркестра и пріобрѣли обширную популярность, напр. «Торреадоръ и Андалузка» и др.) и «Miscellanées» (ор. 93); первое написано для фортепіано въ 4 руки, а второе—въ двѣ руки.

Намъ остается еще для полноты хотя бы и бѣглаго обзора дѣятельности Рубинштейна сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ нему печати. Мы видѣли, что публика благоговѣла предъ его необыкновеннымъ талантомъ; она, дѣйствительно, усѣивала его путь цвѣтами и лаврами, но розы были не безъ шиповъ; послѣдніе исходили главнымъ образомъ отъ тѣхъ, отъ кого зависѣло сдѣлать что-либо для Рубинштейна, или въ смыслѣ продуцированія его произведеній у насъ, или же въ отношеніи растолкованія и объясненія этихъ произведеній; другими словами, шипы, или вѣрнѣе шипѣнія, раздавались со стороны власть имущихъ при театрахъ съ одной стороны, а съ другой—въ лагерѣ недоброжелателей его въ печати, объяснявшихъ всякое его дѣйствіе съ своей узкой точки зрѣнія и всячески старавшихся умалять его достоинства.

Нападали на Рубинштейна, не только какъ на композитора, не удовлетворявшаго ихъ собственнымъ требованіямъ, но и какъ на основателя консерваторіи, выпускающей технически-подготовленныхъ музыкальныхъ дѣятелей; иные находили, что этого вовсе не нужно; нужны, молъ, одни самородные таланты, оригинальные, самобытные и пр. Мы уже видѣли, какъ нашъ художникъ относился къ этому вопросу и повторяться не станемъ, но его крайне огорчали (въ этомъ мы убѣдились изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ) иныя мнѣнія въ печати, кстати прибавимъ, выраженныя въ довольно оскорбительной для его имени формѣ; но тутъ-то извѣстнымъ образомъ и сказалась наша некультурность, наше неумѣнье отдѣлять личность отъ идеи. Эти идеи очень волновали Рубинштейна, никогда не понимавшаго, по его собственнымъ словамъ, «откуда идетъ эта вражда»?

Такъ или иначе, необходимо констатировать фактъ, что только благодаря ему у насъ существуетъ цѣлый классъ признанныхъ правительствомъ дѣятелей въ средѣ музыкантовъ; званіемъ «свободнаго художника» наши музыкальные дѣятели (педагоги, виртуозы, критики, композиторы, теоретики и пр.) обязаны Рубинштейну; онъ достаточно испыталъ на себѣ положеніе музыканта, непризнаннаго обществомъ и правительствомъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, и избавилъ всѣхъ музыкантовъ у насъ отъ этого унизительнаго положенія, сдѣлавъ ихъ гражданами своей родины. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своей «Автобіографіи»:

«Музыкальное искусство было у насъ въ печальномъ состояніи: русскихъ артистовъ-музыкантовъ, такъ сказать, артистовъ цеховыхъ, вовсе не было; были любители, были меценаты музыки, была масса

Digitized by Google

любителей итальянской оперы, были помѣщики и чиновники-меломаны, но музыкантовъ-артистовъ, повторяю, не было. И мы,—первые зачинщики и заводчики, Кологривовъ и вашъ покорнѣйшій слуга,—остановились на мысли непремѣнно создать такое на Руси учрежденіе, изъ котораго выходили бы музыканты съ дипломомъ «свободнаго художника», музыканта, какъ академія художествъ выпускаетъ изъ своихъ нѣдръ—«свободныхъ художниковъ», живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и пр... Консерваторіи создали изъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ—цѣлый новый слой русскихъ гражданъ и гражданокъ, носящихъ званіе «свободныхъ художниковъ» (въ области музыки). То, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ сдѣлано было для художниковъ-живописцевъ и др., а еще ранѣе, по мысли и почину Сумарокова, для русскихъ актеровъ и актрисъ, явилось въ шестидесятыхъ годахъ для русскихъ артистовъ-музыкантовъ обоего пола».

Мы еще ничего не сказали о его дирижерскомъ талантѣ, одинаково признанномъ всѣми, даже и тѣми, которые въ немъ по той или другой причинѣ отрицали другія стороны его неутомимой и безусловно полезной дѣятельности. Въ качествѣ дирижера,—исполнялъ ли онъ чужія произведенія или собственныя,—Рубинштейнъ также покорялъ своимъ талантомъ свою армію, какъ и слушателей. И здѣсь на первомъ планѣ былъ у него общій характеръ произведенія, главная нить его, а не детальная филигранная работа. Онъ самъ увлекался и электризовалъ послушныхъ ему исполнителей. Про него нельзя было сказать, что онъ игралъ оркестромъ, какъ на инструментѣ; напротивъ, отдавшись во власть творчества, онъ и сюда вносилъ свое «я», свой артистическій вкусъ, свой сангвиническій темпераментъ, свое глубокое пониманіе воспроизводимыхъ имъ авторовъ; каждое его исполненіе носило своеобразный характеръ; онъ каждый разъ могъ вносить что нибудь новое, свѣжее, неожиданное. Не менѣе великъ былъ онъ и въ маленькой роли акомпаніатора: онъ удивительно угадывалъ намѣренія исполнителей и замѣчательно облегчалъ имъ ихъ трудъ, а иногда прямо таки спасалъ ихъ изъ безвыходнаго положенія.

Мы бы никогда не кончили, еслибы стали перебирать детально всѣ качества Рубинштейна и все имъ сдѣланное, а между тѣмъ пора кончить. За что бы ни брался этотъ великій дѣятель, онъ всюду вносилъ свою натуру, а натура эта была необыкновенная, избранная, отмѣченная печатью генія. На какомъ бы поприщѣ дѣятельности ни явилась личность съ такой натурой, съ такимъ мощнымъ духомъ, съ такими львиными силами, она всегда и вездѣ будетъ стоять головою выше всѣхъ окружающихъ, всегда покоритъ, всегда возбудитъ толки, всегда будетъ замѣчена. Возьметъ ли такая личность перо въ руку, кисть или явится на каѳедрѣ, она всегда выдвинется и повлечетъ за собой толпу; Рубинштейнъ появился на музыкальномъ поприщѣ, и мы видѣли въ краткихъ чертахъ, что имъ сдѣлано, за время его артистической дѣятельности, и въ качествѣ виртуоза, и въ качествѣ педагога, и въ качествѣ композитора.

Если онъ невполнѣ оцѣненъ у насъ по достоинствамъ, то время еще не ушло. Къ тому же мы увѣрены, что чѣмъ дальше будемъ

Digitized by Google

отходить отъ роковаго дня неожиданной смерти этого великаго дѣятеля, тѣмъ болѣе будемъ чувствовать значеніе его для роднаго музыкальнаго дѣла въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но Рубинштейнъ заслуживаетъ еще доброй памяти и какъ человѣкъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, крайне отзывчивый на все хорошее и прекрасное, который всегда готовъ былъ прійти на помощь своимъ трудомъ и талантомъ. Такіе дѣятели, какъ Рубинштейнъ, такъ богато одаренные отъ природы, являясь примѣрными сынами своей родины, составляютъ гордость потомства и служатъ образцами для грядущихъ поколѣній...

В. Баскинъ.

Digitized by Google

„Не буди воспоминаній"...

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный, страшенъ свѣточъ дня!

Былъ и я когда-то счастливъ, вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ, не помню—все теперь забылъ.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто; умъ безсильный нѣмъ.

Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно.
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ,—далеко, давно.

Для чего жь ты вновь со мною, позабытый другъ?
Точно тѣнь встаешь и манишь. Но темно вокругъ.

Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ;
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.

Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ; нѣтъ въ глазахъ огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня!

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

ПТЕНЦЫ „ДВОРЯНСКИХЪ ГНѢЗДЪ".

Задаваться претензіею сказать о Тургеневѣ «новое слово» было бы, пожалуй, смѣшно. Тургеневъ—одинъ изъ самыхъ популярныхъ нашихъ писателей. Его литературная дѣятельность, во всѣхъ подробностяхъ, прошла передъ глазами цѣлаго ряда поколѣній внимательныхъ читателей. Тургеневъ не говорилъ загадками и многое изъ того, что онъ хотѣлъ уяснить, было понято, на первыхъ же порахъ, вполнѣ правильно. Относительно отдѣльныхъ его произведеній возникали споры, несомнѣнно помогавшіе добиться истины. О каждомъ тургеневскомъ разсказѣ существуетъ спеціальная критическая литература.

Не смотря на все это, и до сихъ поръ,—какъ доказывается позднѣйшими критическими этюдами о Тургеневѣ,—общій взглядъ на характеръ творчества нашего знаменитаго романиста все еще не установился окончательно. Отдаютъ должное его громадному таланту, его тонкому пониманію извѣстныхъ особенностей русской жизни; но слышится какое-то разочарованіе и въ рѣчахъ хвалителей. Еще во многомъ они не смѣютъ усомниться, но кое-что уже заподозрѣно. Критикъ, который теперь захотѣлъ бы еще разъ взяться за изученіе Тургенева и подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ, долженъ, разумѣется, прежде всего, имѣть въ виду труды своихъ предшественниковъ. Производить самостоятельный критическій разборъ всѣхъ произведеній Тургенева—задача, можетъ быть, и интересная, но довольно безплодная. Нужно считаться именно съ тѣмъ, что было сказано раньше, что уже установлено. Нужно произвести пересмотръ тургеневскаго творчества, для того чтобы провѣрить отзывы о немъ критиковъ. Болѣе или менѣе полной сводки различныхъ критическихъ сужденій о Тургеневѣ, кажется, не было еще сдѣлано. Мы также не думаемъ исчерпать этой задачи—она слишкомъ кропотлива—но мы искренно интересовались этими критическими сужденіями, старались безпристрастно разобраться въ противорѣчіяхъ, выдѣляли каждую самостоятельную мысль,—и потому смѣемъ надѣяться, что не упустили существеннаго. Тамъ, гдѣ намъ казалось, что критики слишкомъ произвольно

Digitized by Google

толкуютъ писателя, мы основывались на первоисточникѣ и разбирали данныя произведеній Тургенева самостоятельно. Тамъ, гдѣ, по нашему разумѣнію, нужно было внести лишь поправку, дополнить и развить мысль, мы ограничивались этой работою. Нами двигала любовь къ великому писателю, искреннее убѣжденіе, что онъ также необходимъ сегодня, какъ необходимъ былъ вчера, и что, въ качествѣ людей новаго поколѣнія, мы этотъ вчерашній день можемъ понять глубже и безпристрастнѣе, нежели наши предшественники.

I.

Сколько бы разъ вы ни перечитывали Тургенева, какія бы новыя мысли онъ на васъ ни навѣвалъ, общее впечатлѣніе всегда остается то же: даже грустныя, меланхолическія страницы дышатъ у него какою-то весеннею свѣжестью, прелестью чего-то влекущаго, обѣщающаго впереди гораздо больше, чѣмъ было въ прошломъ. Пріурочивая Тургенева къ писателямъ опредѣленнаго направленія, невольно останавливаешься на полдорогѣ этой работы. Что Тургеневъ сочувствовалъ свободѣ, добру, правдѣ, что онъ искалъ истины и любилъ красоту—кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Но «человѣкомъ партіи» онъ никогда не былъ, какъ не былъ имъ Пушкинъ, его, ближайшій по духу, предшественникъ. Пушкинская поэзія, подобно солнцу, озаряетъ мятущуюся душу человѣка. Къ какой партіи принадлежитъ солнце? Также и тургеневская поэзія. Она служитъ не временному, а вѣчному. Наши отдаленные потомки найдутъ въ Тургеневѣ, быть можетъ, еще больше добрыхъ поученій, чѣмъ находимъ ихъ мы.

Перечитываете страницу за страницей — и эта мысль становится все яснѣе. Вотъ «Записки охотника». Критики придавали имъ значеніе едва ли не политическаго документа, во всякомъ случаѣ, сознательнаго яркаго протеста противъ крѣпостнаго права. Такое мнѣніе повторялось часто и, въ концѣ концовъ, загипнотизировало самого автора. Въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», онъ разсказываетъ, что «не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что онъ возненавидѣлъ, а возненавидѣлъ онъ крѣпостное право и далъ себѣ аннибалову клятву бороться съ нимъ до конца». Нельзя не вѣрить искренности Тургенева и нѣтъ сомнѣнія, что онъ глубоко ненавидѣлъ крѣпостное право. Но, все таки, «Записки охотника»—прежде всего, художественный памятникъ, а не политическій документъ. Если въ разсказахъ: «Бурмистръ», «Ермолай и мельничиха», «Льговъ», «Два помѣщика» и еще въ двухъ-трехъ, можно найти, очевидно, слѣды протеста,

Digitized by Google

то остальные—просто поэтическія, глубоковѣрныя жизни, осмысленныя картины извѣстной эпохи. Въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буренинымъ, который полагаетъ, что не внѣшнія условія того времени ослабили боевое значеніе «Записокъ охотника», но, главнымъ образомъ, «мягкая, женственная, артистическая натура автора». «Стоитъ только пересмотрѣть тѣ разсказы «Записокъ охотника»,—говоритъ критикъ,—въ которыхъ заключается протестъ противъ крѣпостнаго права, чтобы убѣдиться, насколько невинны мотивы этого протеста. Въ «Льговѣ» нарисованъ крѣпостной старикъ, который, по капризу своихъ господъ, переходитъ всевозможныя должности,—кучера, повара, доѣзжачаго, даже актера; наконецъ, его производятъ въ рыболовы... «Бурмистръ»—одинъ изъ наиболѣе яркихъ и выразительныхъ разсказовъ; въ изображеніи Аркадія Павловича Пѣночкина и его бурмистра Софрона чувствуется глубокая ненависть къ растлѣвающему порядку и благочинію, которые устроены такъ хорошо во владѣніяхъ молодаго помѣщика съ благородными и даже европейскими манерами... Въ «Двухъ помѣщикахъ» вся «борьба» противъ крѣпостничества сосредоточивается въ знаменитомъ: Чуки-чуки-чукъ, который напѣваетъ добродушный Мордарій Аполлоновичъ, наслаждаясь чаемъ и внимая, какъ, по его приказу, «шалунишку наказываютъ» на конюшнѣ. Въ «Коротаевѣ» Тургеневъ варьируетъ снова тему «Ермолай и мельничиха»: изъ-за произвола глупой, капризной старухи-помѣщицы, разбиваются двѣ жизни—Коротаева и полюбившей его крѣпостной. Въ «Свиданіи» ярко поставлены два типа; одинъ—выработанный сельскою жизнью, и другой—выработанный растлѣвающимъ холопствомъ столичной передней.

Критики, желавшіе смотрѣть на «Записки охотника» непремѣнно съ предвзятой точки зрѣнія, доходили до большой наивности. Напримѣръ, разбирая чудно-поэтическій разсказъ «Бѣжинъ лугъ», они говорили: въ разсказѣ авторъ-де желалъ показать, что эти милые ребята, такъ беззаботно наслаждающіеся теперь природою и сказочными страхами, выросши, сдѣлаются крѣпостными, испытаютъ на себѣ всѣ ужасы безчеловѣчнаго права, пройдутъ сквозь горнило самыхъ тяжелыхъ испытаній. Подобнымъ образомъ можно было бы коментировать любую сельскую идиллію. Еслибы Тургеневъ, дѣйствительно, хотѣлъ «бороться», онъ выполнилъ бы такое намѣреніе не слабѣе г. Григоровича съ его «Антономъ Горемыкою». Цѣлый рядъ такихъ этюдовъ, какъ «Хорь и Калинычъ», «Пѣвцы», «Касьянъ съ Красивой Мечи», «Татьяна Борисовна», «Чертопхановъ и Недопюскинъ», «Уѣздный лѣкарь», «Лѣсъ и степь» и т. д. ужь никоимъ образомъ нельзя пристегнуть къ «про-

Digitized by Google

тесту». Въ «Запискахъ охотника» совершенно явственно пробивается та струя, которая потомъ широкою волною разлилась по всѣмъ произведеніямъ Тургенева. Нашъ поэтъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ крѣпостному мужику. Положеніе дворовaго, который выносилъ отъ барина гораздо больше, нежели мужикъ-работникъ, внушало ему также искреннее состраданіе. Но Тургеневъ, на первыхъ же порахъ, различилъ тѣ скорби, которыми, въ эпоху крѣпостнаго права, болѣлъ свободный русскій человѣкъ, болѣлъ «угнетатель», выросшій на «жирной почвѣ» подневольнаго рабскаго труда. Тургеневъ понялъ, что ненормальный складъ жизни одинаково отражался какъ на рабахъ, такъ и на рабовладѣльцахъ. Онъ понялъ, что эта палка—о двухъ концахъ.

«Порвалась цѣпь великая, порвалась, раскачалася, однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику»,—пѣлъ Некрасовъ въ своей поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо». Эта разорвавшаяся цѣпь хлестала по барину и по мужику послѣ освобожденія крестьянъ. Но и во времена крѣпостнаго права удары ея нерѣдко ложились столь же тяжело на барскую спину, какъ и на мужичью. Однихъ (немногихъ, правда) крѣпостничество доводило до ужаса, до отчаянія. Другіе мирились съ нимъ, но только внѣшнимъ образомъ. Въ душѣ ихъ оставалась горечь, всегда дававшая себя чувствовать.

Тургеневъ прозрѣлъ именно эту особенность крѣпостнаго права. Онъ подмѣтилъ его тяжелое вліяніе на людей болѣе или менѣе тонкой нравственной организаціи и прослѣдилъ весь процессъ этого вліянія, въ началѣ слабаго, едва сознаваемаго, а затѣмъ уже охватывающаго всего человѣка. «Записки охотника» явились подготовительною работою къ той дѣятельности, которая утвердила за именемъ Тургенева, если не безсмертіе, то память на долгіе, долгіе годы. Мы согласны съ М. Лонгиновымъ, что успѣхъ «Записокъ охотника» основанъ на «высокомъ ихъ художественномъ достоинствѣ, въ которомъ слилось и великое дарованіе поэта, и глубина наблюдателя и мыслителя, не могущаго доказать то или другое положеніе, но создающаго, дружно съ поэтическими представленіями, живыя плѣнительныя картины дѣйствительности, говорящія сами собою и за себя». Еслибы «Записки охотника» имѣли только значеніе протеста, онѣ тысячу разъ успѣли бы устарѣть, какъ несомнѣнно устарѣетъ «Пошехонская старина», — именно, не столько художественный, сколько историческій памятникъ. Насъ же, «Записки охотника» не столько учатъ ненавидѣть прошлое, омраченное крѣпостничествомъ, сколько любить и понимать русскую природу, русскаго человѣка и его патріархальный бытъ. Вспомните разсказъ «Пѣвцы». Вспомните пѣсни, которыя пѣли Яшка Турокъ

Digitized by Google

и Рядчикъ изъ Жиздры. Эти пѣсни не могъ сложить народъ, духъ котораго порабощенъ, и пѣвцы эти—тоже не порабощенные люди. Тоска, которая звучала въ пѣснѣ Яшки, беззаботная удаль, которая разливалась въ пѣснѣ Рядчика—тѣ два коренныхъ элемента, которые мы легко различимъ въ нравственномъ складѣ временно несвободнаго народа. Этому разсказу мы придаемъ символическое значеніе. Онъ многое объясняетъ въ послѣдующемъ творчествѣ Тургенева и, прежде всего, кореннымъ образомъ рушитъ обвиненіе нашего геніальнаго поэта въ какомъ-то исключительномъ поклоненіи западу и недостаточномъ сочувствіи ко всему русскому. Разсказъ «Пѣвцы» замѣчателенъ еще тѣмъ подъемомъ поэтическаго чувства, котораго даже Тургеневъ достигаетъ впослѣдствіи лишь въ одномъ разсказѣ, въ «Трехъ встрѣчахъ». Здѣсь поэзія, что называется, бьетъ черезъ край. Мастерство художника достигаетъ того, что мы начинаемъ слышать звукъ этой очаровательной музыки, поразившей героя разсказа, и только послѣдняя встрѣча, нѣсколько вялая и прозаическая, ослабляетъ впечатлѣніе двухъ первыхъ. Та же струя чистой, но какой-то безсознательной поэзіи, прорывается въ повѣсти «Первая любовь». Эта гордая княжна,—которую покорилъ себѣ еще болѣе гордый человѣкъ,—странный призракъ, какъ-то не вяжущійся съ другими тургеневскими героинями, въ которыхъ не такъ много чувственности и нѣтъ такой бѣшеной не русской страсти. Я выдѣлилъ бы также изъ остальныхъ тургеневскихъ произведеній «Асю». Г-нъ Венгеровъ убѣжденъ, что этою повѣстью Тургеневъ «далъ защитникамъ самобытности русской женской натуры» какое-то «вѣское» доказательство. Герой «Аси»—обычный слабохарактерный «птенецъ дворянскаго гнѣзда», развѣ только съ тѣмъ отличіемъ отъ своихъ сверстниковъ, что въ немъ болѣе, нежели въ нихъ, сказывается черта сластолюбія. Что касается «Аси», то это «милое, свѣжее, свободное дитя природы», по опредѣленію Писарева, опять таки обнаруживаетъ несовсѣмъ русскую подвижность, и если ее можно до извѣстной степени зачислить въ разрядъ обычныхъ тургеневскихъ героинь, то только потому, что у нея «душа открыта для добра» и что для счастья ей непремѣнно нужно найти достойнаго избранника.

И въ Асѣ, и въ княгинѣ много привлекательнаго, но типъ, къ которому онѣ принадлежатъ, не является кореннымъ тургеневскимъ типомъ. Очертанія Аси и княжны слишкомъ рѣзки для этого типа. Княжна и Ася легко поддаются опредѣленію. Скрытая въ нихъ нравственная сила выбивается наружу очевидно для каждаго сколько нибудь внимательнаго наблюдателя, и врядъ ли можно думать, что тамъ, въ глубинѣ ихъ душъ, сокрытъ еще глубокій, неизся-

Digitized by Google

каемый родникъ этой нравственной силы. Для идеализаціи, онѣ, быть можетъ, имѣютъ достаточно внѣшнихъ данныхъ, но недостаточно внутреннихъ; между тѣмъ идеализація русской женщины,—т. е. изображеніе ея согласно дѣйствительности, но съ точки зрѣнія извѣстнаго идеала,—составляетъ одну изъ коренныхъ чертъ творчества Тургенева.

II.

Именно въ изображеніи русской женщины идеализмъ Тургенева сказался, по мнѣнію г. Михайловскаго, особенно замѣтно. «Всѣ мы очень хорошо знаемъ,—говоритъ критикъ,—что есть женщины, способныя своею пустотою, мелочностью, злобностью создать настоящій адъ для своихъ близкихъ, что есть женщины и въ разныхъ другихъ смыслахъ вполнѣ дрянныя; но ихъ нѣтъ въ галереѣ женскихъ типовъ Тургенева. Онъ этихъ сторонъ реальной правды жизни не трогалъ. Дѣвушка полюбила—вотъ любимѣйшая и постоянная тема Тургенева. Споконъ вѣка эксплуатируется эта тема безчисленнымъ множествомъ поэтовъ, романистовъ, драматурговъ. Но Тургеневъ, со своею разработкою ея, стоитъ совершенно особо. Любовь не только не кладетъ на его героиню какой нибудь узкой эгоистической печати,—какъ это часто случается въ жизни и романѣ,—но какъ бы расширяетъ ея душу, открываетъ ей новыя, далекія и свѣтлыя перспективы. Любимый человѣкъ для нея не просто будущій мужъ или любовникъ, съ кѣмъ она ждетъ упоенія личнаго счастья,—нѣтъ, за нимъ стоитъ что-то большое и свѣтлое (она хорошенько не знаетъ: что?) призывающее къ дѣятельности, къ жертвѣ, хотя бы пожертвовать пришлось даже жизнью. Такъ хотѣлось бы на весь міръ прозвенѣть какими-то новыми, до сихъ поръ нетронутыми, невыразимо звучными струнами души; прозвенѣть, а тамъ, пожалуй, пусть струны и оборвутся отъ полноты напряженія. И оттого-то такъ безвыходно-горько разочарованіе, напримѣръ, Маши въ «Затишьѣ» или Натальи въ «Рудинѣ». Въ разработку этихъ переливовъ приподнятаго строя женской души, расширенной и очеловѣченной любовью, Тургеневъ клалъ все свое рѣдкое мастерство. Онъ самъ былъ, можно сказать, влюбленъ въ эти свои чудныя созданія. Замѣчательно, однако, что необходимымъ условіемъ этой влюбленности была именно неопредѣленная свѣтозарность или свѣтозарная неопредѣленность идеаловъ женщины. Женщина особенно близка и дорога Тургеневу, когда, преображенная чудомъ любви, она находится въ состояніи страстнаго тяготѣнія къ чему-то великому и свѣтлому, но неопредѣленному и туманному. Какъ только

Digitized by Google

этотъ туманъ разсѣивается, какъ только женщина выбираетъ опредѣленный путь,—такъ она или перестаетъ совсѣмъ интересовать нашего художника, или даже становится для него непріятной».

Г. Михайловскій, съ чуткостью, свойственною русскому талантливому человѣку, понялъ коренное отношеніе Тургенева къ женщинѣ. Но уяснить его далѣе, глубже, нашему критику видимо помѣшало сочувствіе теоріямъ, по которымъ женщина должна стоять именно на опредѣленномъ пути, обладать «опредѣленными стремленіями и идеалами». Между тѣмъ, дѣло объясняется очень просто. Тургеневъ видѣлъ въ женщинѣ, прежде всего, мать, жену, сестру. Онъ не признавалъ за нею права на самостоятельную роль внѣ этого круга. Драматизмъ положенія русской женщины «тургеневскаго типа» всегда заключался и будетъ заключаться *въ невозможности играть самостоятельную роль*, т. е. быть въ зависимости отъ мужчины. Еслибы Маша нашла въ Веретьевѣ человѣка опредѣленнаго нравственнаго склада, она не только не погибла бы, но прожила бы жизнь съ великой пользой и для себя, и для другихъ. Она вдохнула бы въ любимаго человѣка огромную, непреоборимую, но смутную въ очертаніяхъ, духовную силу, все озаряющую и согрѣвающую. Подобно поэзіи Пушкина, тургеневская героиня призвана «пробуждать добрыя чувства», притомъ добрыя чувства не извѣстной категоріи, а вообще. Они могутъ быть направлены на что угодно. Они представляютъ сырой матеріалъ, богатый и разнообразный, дающій самый широкій выборъ. Замѣчательно, что самые «передовые» критики, видящіе призваніе женщины совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ видитъ Тургеневъ, не въ состояніи противиться чарамъ этихъ полувоздушныхъ образовъ, и невольно преклоняются даже передъ такими «отсталыми» дѣвушками, какъ Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Не доказываетъ ли это, что въ основу тургеневскаго типа легла вѣковѣчная общечеловѣческая черта, что Лиза («Дворянское гнѣздо»), Наташа (Рудинъ), Маша (Затишье), Елена («Фаустъ») и т. д.—не только представительницы извѣстной эпохи, но образы чисто-идеальные. Ни тѣни пошлости не наложилъ Тургеневъ на своихъ героинь. Ни одно движеніе ихъ не кажется порочнымъ. Самымъ яркимъ образчикомъ этого типа является, конечно, Лиза. Ставя Лизу, какъ и мы, во главѣ женскихъ тургеневскихъ типовъ, г. Ю. Николаевъ видитъ разгадку образа, созданнаго Тургеневымъ, въ томъ, что «Лиза получила то же воспитаніе духовное, какое получаетъ и народъ нашъ: Христа она познала не непосредственно изъ евангелія, а черезъ святыхъ его и мучениковъ его; что раньше, чѣмъ она познала Христа, уже «образъ вездѣсущаго, всевѣдущаго Бога втѣснился въ ея душу, наполнилъ ее чисто

Digitized by Google

благоговѣйнымъ страхомъ», и что поэтому слово евангельское было воспринято ею во всей его полнотѣ и истинѣ, какъ слово святое и строгое, которое страшно даже произносить человѣческими устами. Отъ Агаѳьи Лиза восприняла въ душу свою то, что народъ нашъ воспринимаетъ въ свою душу, странствуя по монастырямъ или выслушивая разсказы странниковъ, молясь на гробахъ подвижниковъ и заступниковъ земли русской, съ умиленіемъ читая или слушая житія святыхъ и мучениковъ... Но все это для Лизы, какъ и для народа нашего, было лишь подготовкою къ воспитанію духовному—самое воспитаніе и она, какъ народъ нашъ, получила въ церкви, въ храмѣ».

Подобная «разгадка» чрезвычайно съуживаетъ значеніе Лизы. Правда, ея міросозерцаніе было близко народному міросозерцанію, а вѣра была проникнута тою искренностью и простотою, которыя отличаютъ вѣру народа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже самая строгость и опредѣленность вѣры рѣзко разграничиваетъ міросозерцаніе Лизы отъ народнаго міросозерцанія. Критикъ ошибается, думая, что религіозность героини «Дворянскаго гнѣзда», подобно другимъ характернымъ ея особенностямъ,—качество благопріобрѣтенное. Агаѳья тутъ непричемъ; храмъ, святые и мученики играютъ тоже второстепенную роль. Міросозерцаніе, такъ ярко, съ такою непобѣдимою силою выразившееся въ Лизѣ, слагалось и назрѣвало въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Намъ нѣтъ надобности справляться, насколько мать Лизы—достойная мать такой дочери. Законы наслѣдственности, насколько можно судить, вовсе не требуютъ рѣзкой послѣдовательности. Тѣ или другія качества могутъ передаваться не прямо отъ отца къ сыну или отъ матери къ дочери, но отъ дѣда къ внуку, отъ тетки къ племянницѣ. И, дѣйствительно, рядомъ съ образомъ Лизы, вырисовывается величавый образъ Маѳы Тимофеевны, сестры ея отца. Здѣсь та же громадная нравственная сила, та же необыкновенная ясность и простота міросозерцанія, та же невозможность допустить какую бы то ни было сдѣлку съ совѣстью. Рядомъ съ Лизой должна была появиться Маѳа Тимофеевна. Не теорія, а инстинктъ великаго художника подсказалъ Тургеневу, что образъ Лизы будетъ непонятенъ, если не показать прототипа. Г-нъ Николаевъ не впалъ бы въ грубую ошибку, въ которую впалъ теперь, еслибы вспомнилъ о Маѳѣ Тимофеевнѣ и не счелъ ея за второстепенное лицо въ романѣ.

Типъ Лизы былъ знакомъ русской литературѣ гораздо раньше, чѣмъ появилось «Дворянское гнѣздо». Многіе существенные признаки этого типа находимъ въ пушкинской Татьянѣ. Въ Лизѣ они достигаютъ наибольшей выразительности, наибольшей интенсивно-

Digitized by Google

сти, потому что Лиза находится въ концѣ ряда, во главѣ котораго—стоитъ Татьяна.

Не будемъ, однако, забѣгать впередъ. Для того чтобы вполнѣ уяснить типъ Лизы и всѣ близко-родственные ей тургеневскіе женскіе типы, необходимо разсмотрѣть типъ «активный». Тургеневъ попытался изобразить такой типъ въ повѣсти «Наканунѣ». Для этого онъ, прежде всего, видоизмѣнилъ обычную обстановку, съ первыхъ дней окружавшую его героиню, и поставилъ Елену въ положеніе критика своихъ семейныхъ и близкихъ. Юный критикъ скоро оказался одинокимъ и отчужденнымъ. Чувство жалости нашло въ ребенкѣ, и потомъ въ молодой дѣвушкѣ, обильную пищу. Ей было жаль мать, ей было жаль отца—она такъ хорошо понимала ихъ ничтожество. Себя Елена также не могла считать счастливой: одиночество располагало дѣвушку къ размышленіямъ на самыя грустныя темы, а такъ какъ, въ основѣ, ограниченная душа Елены все же добрая и отзывчивая душа, то не удивительно, что ей стали особенно близки нищіе, голодные и больные. Односторонне-направленная мысль захватывала все болѣе и болѣе широкій кругъ грустныхъ житейскихъ явленій. За нищими, голодными и больными потянулся длинный рядъ существъ, хотя и низшаго порядка, но также способныхъ вызвать состраданіе. Въ Еленѣ находили покровительство и защиту «всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады. Критическій складъ ума молодой дѣвушки помогалъ ей ориентироваться во всѣхъ сложныхъ и тяжелыхъ ощущеніяхъ. Мысль работала и не давала чувству застояться. Она гнала его къ выходу, а выходъ, разумѣется, не такъ-то легко было придумать. Отсюда—тихій и неровный голосъ, измѣнчивый взоръ, напряженная улыбка, а во всемъ существѣ что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое». Если согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что характеръ Елены—дѣйствительно активный характеръ, то, все же, нѣтъ спора, что дѣятельность ея должна была начаться любовью. Болѣе осмысленно, болѣе сознательно, чѣмъ Маша, Наталья или Лиза, героиня «Наканунѣ» ищетъ сильнаго, способнаго къ борьбѣ и живой дѣятельности человѣка. Тутъ ей снова приходитъ на помощь дарованіе критика и потому, отвергая Шубина и Курнатовскаго, она избираетъ Инсарова. Способности дѣйствовать самостоятельно,—скажу даже опредѣленнѣе: вообще способности дѣйствовать,—и сама Елена въ себѣ не предполагаетъ. Она чувствуетъ, что необходимо дѣйствовать, что одного состраданія къ людямъ и животнымъ недостаточно, но какъ начать дѣло, какъ превратить от-

Digitized by Google

влеченную любовь въ любовь активную,—этого она не знаетъ, это долженъ знать человѣкъ, котораго Елена полюбитъ, которому она нередастъ весь богатый сырой матеріалъ своихъ добрыхъ чувствъ и который долженъ уже самъ все оформить, все привести въ систему и приспособить къ непосредственному проведенію въ жизнь. Добролюбовъ находитъ очень понятнымъ, что Елена остановила выборъ на Инсаровѣ — болгаринѣ, а не русскомъ человѣкѣ. «Все обаяніе Инсарова—говоритъ онъ—заключается въ величіи и святости той идеи, которою проникнуто все его существо. Елена, жаждущая дѣятельнаго добра, но не знающая, какъ его дѣлать, мгновенно и глубоко поражается, еще не видѣвши Инсарова, разсказомъ о его замыслахъ. «Освободить свою родину—говоритъ она:—эти слова и выговорить страшно—такъ они велики»! И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя и поставить себѣ, что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ». Добролюбовъ не задалъ себѣ вопроса: *куда* пойдетъ Елена? На чужбину? Къ чужимъ людямъ? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы удовлетворительно, нужно признать одно изъ двухъ: или Елена была, по складу характера и убѣжденій, космополиткою, или же въ основѣ ея характера вовсе не лежало стремленіе къ живой дѣятельности, а пробудилось оно совершенно случайно, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ. Я думаю, не можетъ быть и разговоровъ о томъ: космополитка или нѣтъ Елена? Поэтому, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, перехожу ко второму. Въ любви къ Инсарову Елена нашла *личный* исходъ, а вовсе не исходъ тѣмъ чувствамъ и думамъ, которыя свидѣтельствуютъ будто бы объ активности ея характера. Здѣсь героиня «Наканунѣ» вступаетъ въ очевидное противорѣчіе сама съ собою. Въ этомъ же противорѣчіи оказывается и Добролюбовъ. Онъ видитъ «великое превосходство болгарина Инсарова передъ всѣми русскими героями» въ томъ, что у Инсарова есть «общее» дѣло, а у русскихъ героевъ «общего дѣла-то и въ поминѣ нѣтъ». Человѣкъ, находящійся у «общаго» дѣла, черпающій изъ него силы «для перенесенія отдѣльныхъ обидъ» и всяческихъ непріятностей, нуждается менѣе чѣмъ кто либо другой въ самоотверженной, плодотворной женской любви. Эта любовь скорѣе необходима человѣку безъ «общаго» дѣла, т. е. какому нибудь «русскому герою», а не болгарину Инсарову. Для болгарина Инсарова она является очень выгоднымъ, очень лестнымъ и пріятнымъ добавленіемъ, но не существенной потребностью, какъ это было бы для русскаго героя. И безъ любви Елены Инсаровъ поѣхалъ бы драться съ турками, освобождать любезное отечество.

Digitized by Google

Русскій же герой, прежде чѣмъ предпринять что либо, долженъ убѣдиться, что онъ не одинъ, что за нимъ стоитъ сочувствующее ему существо, что у него есть источникъ, изъ котораго онъ можетъ почерпать новыя и новыя нравственныя силы. Еслибы дѣятельная любовь Елены направлялась отъ менѣе важнаго къ болѣе важному, отъ менѣе достойнаго къ болѣе достойному, то, послѣ нищихъ, голодныхъ и больныхъ, она перенесла бы свое доброе чувство на менѣе обездоленныхъ *внѣшними* условіями жизни и, наконецъ, охватила бы своимъ добрымъ чувствомъ всю родину. У Елены процессъ развитія и расширенія добраго чувства шелъ обратнымъ порядкомъ. Отъ людей онъ направлялся къ собакамъ, отъ собакъ—къ еще менѣе полезнымъ и благороднымъ животнымъ—къ кошкамъ; наконецъ къ маленькимъ пернатымъ хищникамъ—воробьямъ—и далѣе—къ насѣкомымъ и гадамъ. Въ добромъ чувствѣ Елены нѣтъ широкаго размаха, а міросозерцаніе ея узко и эгоистично. Это не жажда дѣятельнаго добра, а особый видъ услажденія чувствительности. Только критическій складъ ума и спасъ Елену отъ окончательнаго измельчанія. Найдя «дѣятельнаго», по ея мнѣнію, человѣка и полюбивъ его, она стала обыкновенной русской дѣвушкою, которая любитъ беззавѣтно и самоотверженно, внѣ всякаго отношенія къ великимъ или малымъ идеямъ, къ красивымъ или ничтожнымъ словамъ. Идеи и слова—здѣсь только аксесуары. Г-нъ Ю. Николаевъ, сказавшій о героинѣ «Наканунѣ» послѣднее по времени слово, находитъ ее «не злой и не доброй». Елена кажется ему «эгоисткой съ черствымъ сердцемъ». Это, конечно, несовсѣмъ вѣрно, но эгоизма въ Еленѣ больше, нежели любви къ дѣятельному добру, а самая идея дѣятельнаго добра, какъ мы видѣли, представлялась ей въ довольно странныхъ очертаніяхъ. Я не считаю, однако, важнымъ споръ о томъ, была ли Елена очень добра, или добра, да не очень. Самымъ важнымъ мнѣ кажется вопросъ: могла ли русская дѣвушка съ характеромъ дѣятельнымъ видѣть естественный, надлежащій выходъ волновавшимъ ее стремленіямъ въ соединеніи своей судьбы съ судьбою болгарскаго агитатора? Иными словами: могла ли русская дѣвушка *тургеневскаго типа*, искренно мечтая о «дѣятельномъ добрѣ», удовлетвориться какимъ-то болгарскимъ «общимъ дѣломъ» и забыть для него все: родину, близкихъ, нищихъ и больныхъ, ободранныхъ собакъ и осужденныхъ на смерть кошекъ? Лиза, въ которой сгруппировались всѣ лучшія особенности русской дѣвушки, заставляетъ отвѣтить на это отрицательно. Сила Лизы—въ ея тѣсной связи съ родиной. Только на родной почвѣ, только вѣрная роднымъ преданіямъ и завѣтамъ, она сильна и могуча. Подобно тому, какъ геніальный человѣкъ ясно сознаётъ свое призва-

Digitized by Google

ніе и знаетъ, что онъ господинъ лишь въ данной сферѣ, Лиза инстинктивно опредѣляетъ свое мѣсто въ жизни, сойдя съ котораго она перестаетъ быть самой собою. Елена стоитъ въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже Лизы, но и въ ней бьется русское сердце. Доказательствомъ этого служитъ то, *какъ* она полюбила Инсарова. Затѣмъ, дальнѣйшихъ свойствъ прототипа Елена уже не обнаруживаетъ. Найдя личное счастье и расцвѣтивъ его пресловутымъ «общимъ дѣломъ», Елена совершаетъ актъ эгоизма, тѣмъ менѣе внушающій сочувствія, что здѣсь нужно признать или завѣдомую неискренность, или большое недомысліе, не говоря уже о бѣдности натуры. Въ неискренности я не рѣшусь упрекать Елену. Она дѣйствовала сообразно душевному влеченію, нашла то, чего искала, но искала *для себя*, а вовсе не для этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, несчастныхъ и обездоленныхъ, которыхъ будто бы такъ пламенно любила, которые будто бы наполнили мыслями о себѣ все ея существованіе. Поэтому намъ не жаль, что болгаринъ увезъ на чужбину русскую дѣвушку. Мы скорбѣли бы, еслибъ Лаврецкій, убѣдивъ Лизу перешагнуть черезъ «предразсудки», увезъ ее за границу, заставилъ ждать развода съ женою и т. д. Мы скорбѣли бы потому, что отъ Лизы не осталось бы и слѣда. На мѣстѣ ея оказалась бы искалѣченная, изломанная, можетъ быть, даже ненормальная женщина, неспособная дать счастье ни себѣ, ни другимъ. Но Елена... Еленамъ суждено одинаково безплодно для окружающихъ доживать свою жизнь въ Россіи, какъ и въ Болгаріи. Тамъ ей, по крайней мѣрѣ, открывалась возможность перевязывать больнымъ раны и собирать деньги на возстаніе. Здѣсь она была бы лишена и этой практической дѣятельности.

Отдѣльныя черты того типа, рѣзкимъ воплощеніемъ котораго является Лиза, присущи многимъ тургеневскимъ героинямъ (напримѣръ, Вѣрочкѣ въ разсказѣ: «Два пріятеля»). Но, для выясненія основныхъ чертъ типа, пожалуй, всего болѣе подходитъ разсказъ: «Фаустъ». Нѣсколько мистическое настроеніе, проникающее его, не должно насъ смущать. Тургеневъ, — какъ это всегда бываетъ съ великими художниками,—заключилъ въ своемъ произведеніи богатѣйшій матеріалъ, изъ котораго чрезвычайно легко сдѣлать опредѣленный выводъ. Я думаю только, что не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія многимъ подробностямъ разсказа,—тому, напримѣръ, что бабка Вѣры была итальянка и кончила жизнь подъ ножемъ убійцы-транстеверинца; что мужъ этой итальянки занимался кабалистикой, мечталъ продлить жизнь человѣческую и воображалъ, что можетъ вступать въ сношеніе съ духами. Трагическая смерть отца Вѣры, нечаянно застрѣленнаго на охотѣ товарищемъ, — тоже

Digitized by Google

не существенная подробность. Все это понадобилось художнику для того, чтобы сталъ понятнѣе образъ матери Вѣры, воспитавшей дочь въ трезвыхъ и сухихъ понятіяхъ, менѣе всего дающихъ пищу воображенію и поэтическимъ склонностямъ. Старуху Ельцову не могла не страшить судьба всѣхъ ея ближайшихъ предковъ. Она надѣялась спасти дочь отъ такой же участи и потому выбрала для нея въ мужья человѣка добраго и честнаго, но совершенно ничтожнаго, чтобы онъ не могъ разбудить въ Вѣрѣ тѣхъ страстей и порывовъ, которые вывели бы ее изъ состоянія искусственнаго равновѣсія и подвергли испытанію стихійной силы жизни. Но судьба все таки позаботилась исполнить свое предопредѣленіе. Явился человѣкъ, раскрывшій передъ Вѣрою дотолѣ невѣдомый ей міръ поэзіи, міръ новыхъ ощущеній, думъ и страстей. Этого было совершенно достаточно, чтобы пробудить дремавшія въ женщинѣ прирожденныя особенности. Трагическій конецъ Вѣры чувствуется заранѣе, чувствуется еще въ самомъ началѣ завязки. Призракъ, появившійся передъ Вѣрою съ раскрытыми руками и преградившій ей дорогу—поэтическое олицетвореніе долга. Эта *идея долга* красною нитью проходитъ черезъ весь разсказъ. «Чего хочетъ онъ на освященномъ мѣстѣ»?—произноситъ Вѣра въ предсмертномъ бреду, чувствуя на себѣ взоръ любимаго человѣка. «Мнѣ слѣдовало бѣжать,—говоритъ герой повѣсти,—какъ только я почувствовалъ, что люблю ее, люблю замужнюю женщину; но я остался и въ дребезги разбилъ прекрасное созданіе, и съ нѣмымъ отчаяніемъ гляжу я на дѣло рукъ своихъ». «Жизнь—не шутка и не забава,—говоритъ онъ далѣе,—жизнь даже не наслажденіе... Жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка. Не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были, а *исполненіе долга*, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку».

Если мы отбросимъ біографическія свѣдѣнія о предкахъ Вѣры, получится драма, концепція которой напоминаетъ концепцію «Дворянскаго гнѣзда». Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, «любимыя возвышенныя мечтанія» разбиваются, какъ морскія волны, о непоколебимыя скалы, о сознаніе долга. Эта вѣрность долгу и въ «Фаустѣ», какъ и въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», и въ разныхъ другихъ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ,—является высшимъ пунктомъ подъема человѣческаго духа. Какъ бы ни скорбѣли мы о грустной судьбѣ *героевъ долга*, она не только поражаетъ насъ чистою идеальною красотою, но и даетъ глубокое нравственное удовлетвореніе. Сознаніе долга—вотъ все, что требуется отъ человѣка. Если онъ способенъ сознавать долгъ и оставаться вѣрнымъ ему,—на любомъ поприщѣ, въ любой роли, онъ окажется на высотѣ, и результатомъ прожитой имъ жизни всегда будетъ—одно благо.

Digitized by Google

Кажется, всѣ критики Тургенева согласны въ томъ, что въ произведеніяхъ великаго художника женщина всегда стоитъ на большей высотѣ, чѣмъ мужчина. Здѣсь и нужно искать разгадку значенія всей поэзіи Тургенева. Изъ множества его героинь, только одна Елена (въ «Наканунѣ») даетъ нѣкоторый поводъ говорить о русской дѣвушкѣ съ «активнымъ характеромъ». Но мы уже видѣли, что этотъ поводъ чисто призрачный и что, въ существѣ дѣла, Елена принадлежитъ къ той же категоріи русскихъ женщинъ, какъ и Вѣра, Лиза, Маша, но не обладаетъ многими высокими свойствами, отличающими эти поэтическія созданія. О Маріаннѣ («Новь») намъ придется говорить ниже. Такимъ образомъ, ни одну изъ своихъ любимѣйшихъ героинь Тургеневъ не надѣлилъ ни самостоятельностью, ни дѣятельнымъ характеромъ. Всѣ онѣ, въ различной степени, обладаютъ «сокровищами духовной красоты», которыя любимый человѣкъ можетъ или безумно расточить, или сберечь для великой пользы себя самого, всѣхъ своихъ окружающихъ и потомковъ. Еслибы Тургеневъ показалъ намъ послѣдній случай, т. е. когда его достойная героиня находитъ достойнаго избранника,—у насъ не оставалось бы уже никакихъ сомнѣній. Но сдѣлать этого романистъ не могъ: всѣ избранники—ниже тургеневскихъ героинь. Въ этомъ заключается глубокая жизненная правда. Мужчины той эпохи находились уже въ разладѣ съ самими собою, въ періодѣ потери однихъ идеаловъ и смутнаго исканія другихъ. Къ Лизамъ и Наташамъ ихъ влекло безсознательно, потому что они все таки были русскіе люди и сберегли многія душевныя особенности нетронутыми. Но разница міросозерцанія создавала между ними и женщинами подобными Лизѣ непроходимую пропасть. Для того чтобы всѣмъ этимъ чудными дѣвушкамъ, представляющимъ собою натуры цѣльныя, непочатыя, идти вслѣдъ за Рудиными, даже Лаврецкими, нужно было многое изломать въ себѣ, передѣлать. Нужно было отказаться отъ части тѣхъ понятій, вѣрованій, привычекъ даже,—на почвѣ которыхъ созрѣла и окрѣпла ихъ громадная нравственная сила. Но во имя чего произвели бы онѣ надъ собою ломку? Чѣмъ новымъ замѣнили бы онѣ отвергнутое старое? Любящая женщина не осуждаетъ даже пороковъ любимаго человѣка; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что пороки кажутся ей добродѣтелями. Она чувствуетъ и слабости, и недостатки избраннаго человѣка, но слишкомъ много полагается на силу своей любви и на ту нравственную силу, которая озаряетъ каждую подробность ея существованія. Слѣдовательно, довѣрить нравственную ломку человѣку болѣе слабому, нежели она сама, она не въ состояніи. Это происходитъ совершенно помимо ея воли. Это—невозможность чисто органиче-

Digitized by Google

ская. Лаврецкій—самый достойный и умный изъ избранниковъ и наиболѣе искренне полюбившій человѣкъ. Онъ, пожалуй, и самый русскій изъ русскихъ героевъ Тургенева. Оттого онъ и не довелъ печальной развязки своего романа съ Лизой до ужасовъ и потрясающихъ несчастій. Какіе старые завѣты нужно отвергнуть Лизѣ, чтобы принять его любовь—Лаврецкій зналъ. Онъ зналъ также, какіе пробѣлы оставятъ отвергнутые завѣты, но чѣмъ ихъ пополнить?—это для него было непостижимой тайною.

Для пониманія своихъ героинь, Тургеневъ даетъ не только факты, но и коментаріи къ нимъ. Особенно цѣнна, въ этомъ отношеніи, «Переписка» (1854 г.). Отъ лица молодой дѣвушки, онъ старается пояснить, «что такое русская женщина, какая ея судьба, ея положеніе въ свѣтѣ,—словомъ, что такое ея жизнь». Она многаго требуетъ отъ жизни:—«она читаетъ, мечтаетъ... о любви.—Все объ одной любви, скажете вы... Положимъ; но для нея это слово много значитъ. Я опять таки скажу, что говорю не о такой дѣвушкѣ, которой тягостно и скучно мыслить... Она оглядывается, ждетъ, когда же придетъ тотъ, о комъ ея душа тоскуетъ... Наконецъ, онъ является: она увлечена; она, въ рукахъ его, какъ мягкій воскъ. Все—и счастье, и любовь, и мысль—все вмѣстѣ съ нимъ нахлынуло разомъ; всѣ ея тревоги успокоены, всѣ сомнѣнія разрѣшены имъ; устами его, кажется, говоритъ сама истина; она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любить. Велика его власть въ это время надъ нею... Еслибы онъ былъ героемъ, онъ бы воспламенилъ ее, онъ бы научилъ ее жертвовать собою, и легки были бы ей всѣ жертвы. Но героевъ, въ наше время, нѣтъ... Все же онъ направляетъ ее, куда ему угодно; она предается тому, что его занимаетъ; каждое слово его западаетъ ей въ душу; она еще не знаетъ тогда, какъ ничтожно и пусто, и ложно можетъ быть слово, какъ мало стоитъ оно тому, кто его произноситъ и какъ мало заслуживаетъ вѣры»! Дальше, въ этомъ письмѣ, находимъ всю психологическую основу драмы разбитаго женскаго сердца, которая у Тургенева разнообразится многочисленными подробностями, эпизодами, но, въ существѣ, всегда остается неизмѣнною. Мужчина рѣдко сознаётся (порою рѣдко и сознаётъ), что онъ разлюбилъ. Поэтому разлука пріобрѣтаетъ особую горечь и особенно страшна для дѣвушки. Она инстинктивно предугадываетъ грустную развязку. Но пока въ ея душѣ «цѣла и неприкосновенна вѣра въ того, кого она любитъ»—душа побѣждаетъ тоску разлуки. Больше того: «только тогда, оставшись одною, узнаетъ она сладость уединенія, не безплоднаго, но исполненнаго воспоминаній и думъ; только тогда она себя узнаетъ, придетъ въ себя,

Digitized by Google

окрѣпнетъ... Въ письмахъ далекаго друга найдетъ она себѣ опору. Въ своихъ (письмахъ) она, можетъ быть, въ первый разъ, выскажется вполнѣ... Но, какъ два человѣка, отправившіеся отъ источника рѣки по разнымъ ея берегамъ, сперва могутъ подать другъ другу руки, потомъ только сообщаются голосомъ, наконецъ, уже теряютъ другъ друга изъ виду, такъ и два существа разъединяются, наконецъ, разлукою... Но тутъ-то и является различіе между мужчиной и женщиной. Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее; женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить свое прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И вотъ наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище. Постепенно теряя надежду и вѣру въ себя,—она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отворачиваясь отъ всего, что окружающая жизнь ей представляетъ... А онъ?.. Ищите его! Гдѣ онъ? И стоитъ ли ему останавливаться? Когда ему оглядываться? Вѣдь это все для него дѣло прошлое». Нужны нечеловѣческія силы для того, чтобы перенести все это. Но борьба не исчерпывается борьбою съ чувствомъ. Нужно бороться еще съ внѣшними обстоятельствами. «Большей частью, дѣвушка,—у которой, на ея бѣду, мысль зашевелилась въ головѣ,—начавъ любить, подпавъ подъ вліяніе мужчины, невольно отдѣляется отъ своей семьи, отъ знакомыхъ. Она и прежде не удовлетворялась ихъ жизнью. Однако жъ шла рядомъ съ ними, сохраняя въ душѣ всѣ свои завѣтныя тайны... Но разрывъ скоро дѣлается видимымъ... Они перестаютъ ее понимать, готовы подозрѣвать каждое ея движеніе... Сперва ей до этого дѣла нѣтъ. Но потомъ, потомъ, когда она остается одна, когда то, къ чему она стремилась и для чего пожертвовала всѣмъ, когда ей небо не далось, а все близкое, все возможное удалилось—что ее поддержитъ? Насмѣшки, намеки, пошлое торжество грубаго здраваго разсудка она еще какъ нибудь перенесетъ... Но что ей дѣлать, къ чему прибѣгнуть, когда внутренній голосъ начнетъ шептать ей самой, что тѣ всѣ были правы, а она ошибалась; что жизнь, какая бы она ни была, лучше мечтаній, какъ здоровье лучше болѣзни... Когда любимыя занятія, любимыя книги ей опротивятъ,—книги, изъ которыхъ не вычитаешь себѣ счастья,—что, скажите, что ее поддержитъ? Какъ не изнемочь въ такой борьбѣ! Какъ жить и продолжать жить въ такой пустынѣ? Сознавать себя побѣжденной и нищенски протягивать руки къ людямъ равнодушнымъ: не подарятъ ли хоть они тѣмъ участіемъ, безъ котораго гордое сердце когда-то воображало, что можетъ обойтись—это все еще ничего; но чувствовать себя смѣшной въ то самое мгновенье, когда проливаешь горькія, горькія слезы... ахъ, не дай Богъ испытать это».

Digitized by Google

Здѣсь трудно не сдѣлать сближенія. «Переписка» относится къ тому же году, какъ и повѣсть «Затишье». Изъ всѣхъ тургеневскихъ героинь, героиня этой повѣсти представляется, такъ сказать, въ наиболѣе общемъ видѣ. Художникъ нарисовалъ ее эскизно. Въ статной, дышащей здоровьемъ, степной красавицѣ чувствуется, вмѣстѣ съ физической силою, и духовная сила, но все это неопредѣленно, именно въ общемъ видѣ. Также точно неопредѣленны ея мечтанія, пробужденныя любовью къ Веретьеву; неопредѣленны и мотивы ея самоубійства. «Переписка» какъ бы поясняетъ—что именно произошло въ душѣ Маши, почему разлука съ Веретьевымъ имѣла такой трагическій исходъ. Любовь озарила ея существо новымъ свѣтомъ, раскрыла передъ нею новые горизонты, пробудила лучшія чувства и силы, дремавшія въ ней; показала бѣдность и ничтожность окружающей ее обстановки; незнала въ какую-то лучезарную даль и—сразу погасла, погрузивъ выбитую изъ колеи дѣвушку въ безпросвѣтный мракъ. Раньше она жила въ сумеркахъ и приглядѣлась къ нимъ, но переходъ отъ сумерекъ къ ослѣпительному яркому дню и потомъ сразу къ беззвѣздной ночи—Маша не могла перенести. Въ развязкѣ ея романа есть и внутренняя, и внѣшняя трагедія. Многія переживаютъ кризисъ, не тонятся и не вѣшаются, но дальнѣйшая ихъ судьба не дѣлается отъ того свѣтлѣе. «Переписка» и повѣсть «Затишье»—едва ли не самые важные среди художественныхъ документовъ, по которымъ мы можемъ судить о типѣ, нравственномъ складѣ и положеніи, о всей жизни русской дѣвушки. Намъ не нужно другаго ключа, кромѣ того, который далъ самъ Тургеневъ къ пониманію своихъ типовъ. Считая первую настоящую любовь дѣвушки высшимъ благомъ, какое только можетъ быть на землѣ, онъ указываетъ и назначеніе этого блага: оно должно лечь въ основу семьи. «Семейная жизнь—все для женщины; для нея другой жизни нѣтъ». Но въ семью, въ этотъ храмъ, нельзя войти «съ ногами, оскверненными грязью дороги». Поэтому для дѣвушки не исходъ, если она, разочаровавшись въ первой настоящей любви, будетъ искать утѣшенія въ бракѣ съ милымъ, добрымъ, честнымъ, но совершенно ничтожнымъ человѣкомъ, который полюбитъ ее, но котораго она любить не можетъ. Взглядъ Тургенева на семью такъ высокъ, что не нужно уже прибѣгать ни къ какимъ сложнымъ построеніямъ, доказывая нелюбовь геніальнаго романиста ко всякаго рода эмансипированнымъ женщинамъ, начиная вдовою Заднѣпровской (въ «Двухъ пріятеляхъ»), продолжая Одинцовой (въ «Отцахъ и дѣтяхъ») и кончая Кукшиной въ томъ же романѣ. Тургеневу не могъ быть симпатиченъ и «женскій трудъ», разъ онъ выходитъ за предѣлы семьи. Конечно, всякій трудъ самъ по себѣ почтенъ,

Digitized by Google

и что же дѣлать, когда необходимо женщинѣ трудиться внѣ семьи, но эти, трудящіяся внѣ семьи, женщины—не героини тургеневскихъ романовъ и не соль земли, а нѣчто мелькающее, преходящее, не оставляющее по себѣ прочнаго и опредѣленнаго слѣда, не вносящее въ общую экономію подлиннаго блага.

Въ то же время, въ длинномъ рядѣ своихъ произведеній, Тургеневъ невольно указываетъ трудность сформированія надлежащей семьи. Отбросивъ въ сторону художественное значеніе этихъ произведеній, получимъ множество разнообразнѣйшихъ, поучительнѣйшихъ уроковъ, изъ которыхъ поймемъ, что такое семья, каково ея назначеніе, и какое жестокое разочарованіе ждетъ того, кто вступитъ въ этотъ храмъ, не отряхнувъ съ себя грязи житейской дороги.

Трагизмъ положенія русской дѣвушки,—какъ мы уже отмѣчали,—заключался именно въ томъ, что она не находила достойнаго «избранника». Въ той же «Перепискѣ» много чертъ этихъ «избранниковъ», которыя потомъ цѣликомъ вошли и въ «Дворянское гнѣздо», и въ «Рудина», даже въ «Отцы и дѣти» и «Новь». Чтобы понять разницу между духовною цѣлостью русской дѣвушки и надломленностью, неестественностью «избранника», достаточно сравнить исповѣдь Алексѣя Петровича съ исповѣдью Марьи Александровны («Переписка»). «Каждый дѣлаетъ свою судьбу,—пишетъ Алексѣй Петровичъ,—но нашъ братъ слишкомъ много ее дѣлаетъ—вотъ въ чемъ наша бѣда! Слишкомъ рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано начинаемъ мы наблюдать за самими собою... У насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять таки разработка нашей личности,—и вотъ мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получая извнѣ никакого опредѣленнаго направленія; ничего, дѣйствительно, не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя, что хотимъ... Нельзя же требовать отъ каждаго, чтобы онъ тотчасъ понялъ безплодность ума, «кипящаго въ дѣйствіи пустомъ»... И вотъ опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше,—больше однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ; смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ... однимъ изъ тѣхъ существъ съ обезсиленной, безпокойной мыслью которымъ незнакомо ввѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей выкупающей стороны... Мы глупы, какъ дѣти, но мы не искренни, какъ они; мы холодны, какъ старики, но стар-

Digitized by Google

ческаго благоразумія нѣтъ въ насъ... Зато мы психологи. О да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію; наша психологія—это хитростное изученіе законовъ больнаго состоянія и больнаго развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла... А, главное, мы не молоды,—въ самой молодости не молоды!»

Но самой удивительной, самой важной черты своего типа Алексѣй Петровичъ не назвалъ. Эта черта: при «жалкомъ лукавствѣ», при «отсутствіи искренняго страданія», при «неспособности достигнуть искренняго торжества убѣжденій», при «совмѣщеніи недостатковъ всѣхъ возрастовъ» и т. д.—все таки считать за собою право учить другихъ, указывать ихъ слабости, винить въ тѣхъ или иныхъ ошибкахъ и вообще вѣщать непреложныя истины; непремѣнно непреложныя, потому что люди этой категоріи иныхъ истинъ вѣщать не умѣли. Алексѣй Петровичъ не назвалъ этой черты, но тотчасъ же поспѣшилъ ее обнаружить. «Помните,—восклицаетъ онъ,—какъ мы однажды, стоя на дорогѣ, увидѣли вдали облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ противъ заходящаго солнца. «Облакомъ волнистымъ»,—начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали...
Конный или пѣшій,
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

Вы замолкли... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ будто мгновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ и каждаго изъ насъ,—я въ томъ увѣренъ,—неотразимо потянуло вдаль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блаженства встаетъ и манитъ среди тумана. И, между тѣмъ, замѣтьте странность: зачѣмъ, казалось, намъ было стремиться вдаль? Развѣ мы не были влюблены другъ въ друга? Развѣ счастье не было «такъ близко, такъ возможно»? А я еще сейчасъ васъ разспрашивалъ: отчего мы не коснулись желаннаго берега? Оттого что ложь ходила рука объ руку съ нами, оттого что все въ насъ было искусственно и натянуто, что мы вовсе не любили другъ друга, а только силились любить, воображали, что любимъ»...

Это объясненіе, почему ихъ тогда тянуло вдаль, вызвало негодованіе въ молодой дѣвушкѣ. Алексѣй Петровичъ объяснялъ

Digitized by Google

авторитетно и, въ то же время, чрезвычайно легкомысленно, больше увлекаясь внѣшней красотою фразы и образа, нежели мыслью. Онъ — человѣкъ способный чувствовать, человѣкъ способный быть искреннимъ, но какъ онъ недальновиденъ, какъ поверхностно наблюдаетъ явленія! Когда Марья Александровна разъяснила ему, въ свою очередь, что̀ значитъ для русской дѣвушки первая настоящая любовь, какъ она отзывается на всей ея дальнѣйшей жизни, Алексѣй Петровичъ прозрѣлъ. Онъ разсыпался въ похвалахъ Марьѣ Александровнѣ, похвалахъ, конечно, искреннихъ, а заодно похвалилъ уже и всѣхъ женщинъ. «Еслибы женщины знали, насколько онѣ добрѣе, великодушнѣе и умнѣе мужчинъ,—именно, умнѣе,—онѣ бы возгордились и испортились бы; но онѣ, къ счастью, этого не знаютъ, не знаютъ, потому что ихъ мысль не привыкла безпрестанно возвращаться къ самой себѣ, какъ у нашего брата. Онѣ о себѣ мало думаютъ—это слабость ихъ и сила; въ этомъ заключается вся тайна—не скажу: вашего превосходства, а вашего могущества. Онѣ расточаютъ свою душу, какъ щедрый наслѣдникъ—отцовское золото, а мы съ каждаго вздора беремъ проценты... Гдѣ же вамъ тягаться съ нами? Это все не комплиментъ, а простая, опытомъ доказанная, истина».

Все таки, и въ этихъ словахъ еще нѣтъ полнаго пониманія женщины, да и не могло его быть, такъ какъ иначе Алексѣй Петровичъ представлялъ бы типъ совершенно необычный, не соотвѣтствующій вообще типу той эпохи. Но самое главное, въ его письмахъ и въ письмахъ Марьи Александровны, выступаетъ съ достаточною опредѣленностью. Какими бы духовными сокровищами ни обладала дѣвушка, они не принесутъ пользы ни ей, ни другимъ, если она не встрѣтитъ на пути достойнаго избранника, который «воспламенилъ бы ее, научилъ бы жертвовать собою». Въ этомъ пунктѣ между Алексѣемъ Петровичемъ и Марьей Александровной нѣтъ противорѣчія.

Общій смыслъ «Переписки» не менѣе поучителенъ и интересенъ. Алексѣй Петровичъ началъ ее не безъ затаенной мысли дать Марьѣ Александровнѣ «нѣсколько смѣлыхъ уроковъ» и не безъ надежды на успѣхъ этихъ уроковъ. Онъ старается быть простымъ и все таки позируетъ, умничаетъ, кокетничаетъ. Еслибы Марья Александровна не отвѣтила съ полной искренностью на первое же его письмо, онъ, вѣроятно, забрался бы богъ знаетъ въ какія дебри поученій и наставленій. Все время онъ сохранялъ бы увѣренность, что говоритъ искренно, не прикидывается Байрономъ, хотя, «во-первыхъ, обстоятельства; во-вторыхъ, способность фантазировать и любовь къ фантазіи, довольно холодная кровь,

Digitized by Google

гордость, лѣнь—словомъ, множество разныхъ причинъ отдалили его отъ общества». Марья Александровна сразу же заставила его поискать болѣе вѣрнаго тона. Побѣда осталась на ея сторонѣ. Она не увлеклась его примѣромъ, не начала анализировать себя, разсказывать о болѣе или менѣе эффектныхъ свойствахъ своей природы и т. п. Въ ея письмѣ говорится не о ней самой, а вообще о русской дѣвушкѣ. Вопросъ поставленъ ребромъ. Ничего недосказаннаго, ничего неяснаго нѣтъ. И затѣмъ—въ каждомъ словѣ столько искренности, столько глубокаго чувства, успѣвшаго перевоплотиться въ яркую, непоколебимо твердую мысль,—что чуткій человѣкъ долженъ былъ сразу понять безплодность своихъ разглагольствованій, желанія что-то объяснить, чему-то научить. *Ему* приходилось учиться и слушать объясненія.

Въ легкомысленномъ настроеніи и тонѣ первыхъ писемъ Алексѣя Петровича слышится Веретьевъ. Веретьевъ не могъ понять Маши, онъ былъ для этого слишкомъ большимъ эгоистомъ, слишкомъ поверхностно чувствующимъ человѣкомъ. У него добрая душа и онъ, вѣроятно, былъ очень несчастливъ, когда впервые узналъ о самоубійствѣ любившей его дѣвушки. Но это событіе являлось для него совершенно неожиданнымъ и опять таки непонятнымъ, потому что онъ не умѣлъ любить, «а только силился любить, воображалъ, что любитъ». Поэтому трагедіи разбитаго сердца для него не существовало. Онъ не въ состояніи дать себѣ отчета, что̀ это за трагедія; въ чемъ ея ужасъ и скорбь. Можетъ быть,—будь Маша другимъ человѣкомъ,—она кое-что съумѣла бы выяснить Веретьеву, какъ это сдѣлала Марья Александровна по отношенію къ Алексѣю Петровичу, который хоть ненадолго понялъ трагедію разбитаго сердца и съ искреннимъ восторгомъ преклонился передъ чистой всеозаряющей дѣвичьей любовью.

Для сближенія типа Алексѣя Петровича съ типомъ «Лишняго человѣка», «Рудина», наконецъ, Санина въ «Вешнихъ водахъ»,—нѣтъ надобности приводить новыхъ доказательствъ, оттѣнять уже указанныя черты. Къ тому же наша критика всегда интересовалась въ этой повѣсти именно Алексѣемъ Петровичемъ, единогласно считая его человѣкомъ слабымъ, безвольнымъ, хотя, по выраженію Дружинина, «правильно развитымъ по уму и сердцу». Г-нъ Буренинъ находитъ, что содержаніе этой повѣсти, съ внѣшней стороны, почти то же, что̀ и «Рудина», хотя далѣе видитъ большое сходство между фабулой этой повѣсти и фабулой «Вешнихъ водъ». Мы въ данномъ случаѣ не интересуемся фабулой. Она, пожалуй, также безразлична, какъ и фабула «Затишья». Но мы хотѣли бы сказать нѣсколько подробнѣе о Веретьевѣ, съ типомъ котораго только что

Digitized by Google

сблизили типъ Алексѣя Петровича. Дружинину Владиміръ Сергѣевичъ Астаховъ, «величавый дэнди Петербурга», казался жалкимъ «передъ острымъ, развязнымъ, даровитымъ Веретьевымъ». По мнѣнію Авдѣева, «Веретьевъ—это измельчавшій и опустившійся на болѣе практическую почву типъ тѣхъ «художниковъ», которыми такъ охотно занималась литература кукольниковскихъ временъ,—художниковъ, для которыхъ въ жизни только и есть, что неистовыя страсти, красоты и безцѣльныя искусства... У него меткій природный умъ; его взглядъ на самую красоту не глубокъ, но не лишенъ поэтичности и прелести». В. П. Буренинъ разсматриваетъ Веретьева, какъ одну «изъ такъ называемыхъ талантливыхъ натуръ, которыми русская земля богата до сихъ поръ и талантливость которыхъ не идетъ дальше ухарства, фразерства, эгоизма, пѣнія цыганскихъ романсовъ, бренчанія на гитарѣ, актерства, передразниванія, представленія разныхъ смѣшныхъ штукъ въ родѣ жужжанія мухи, и обыкновенно заканчивается непреоборимой склонностью къ безпутному прожиганію жизни и загулу». Въ сущности, «это люди, по выраженію поэта, съ тряпичной душою». Анненковъ, сближая типы Астахова и Веретьева, заключаетъ, «что они—родня и братское сходство ихъ состоитъ въ томъ, что оба они не имѣютъ истиннаго нравственнаго основанія въ характерѣ. Они лишены содержанія. Сила и блескъ Веретьева суть явленія чисто физическія, обусловливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови. За нимъ нѣтъ ничего болѣе важнаго, никакой настоящей поэтической или моральной подкладки». Дружининъ также находитъ, что «нельзя сказать, чтобы люди, въ родѣ Веретьева, были чѣмъ нибудь лучше Астаховыхъ».

Во всѣхъ этихъ характеристикахъ, сходныхъ между собою, слышится явное нерасположеніе къ Веретьеву. Очевидно, никто не хотѣлъ простить ему смерти Маши. Но если мы будемъ нѣсколько снисходительнѣе, то въ существѣ этого типа получимъ именно безволіе и безпринципность, разукрашенныя различными добрыми свойствами: сердечностью, способностью хотя поверхностно, но *чисто* понимать женщину, порывами въ «какую-то отуманенную даль», наконецъ, талантливостью и извѣстнымъ размахомъ.

Но мы долго не кончили бы, еслибъ начали сближать такимъ образомъ героевъ различныхъ тургеневскихъ повѣстей. Поэтому я сдѣлаю рѣзкій переходъ, и отъ «Затишья», «Переписки», «Двухъ пріятелей», сразу обращусь къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Тургенева,—къ роману «Отцы и дѣти».

К. Медвѣдскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ВЕНЕЦІАНКИ.

Романъ миссъ Брэддонъ.

VII.

Онъ не будетъ спѣшить.

Завтракъ въ Редвольдъ-Товерсѣ вышелъ очень удачнымъ. Леди Гертлей всегда была граціозной хозяйкой, и теперь оказывала дочерямъ полковника Мерчента, пожалуй, еще болѣе вниманія, чѣмъ самымъ знатнымъ изъ своихъ гостей.

Столъ, казалось, ломился подъ тяжестью яствъ, и былъ сервированъ съ тою роскошью, которая очаровываетъ васъ и напоминаетъ сказочный островъ Лотосъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни заботы, и нѣтъ пустыхъ горчичницъ, черстваго хлѣба, выдохшагося пива и неполныхъ банокъ съ пикулями.

Гетти и Пегги ѣли досыта, и м-ръ Тиветтъ, сидѣвшій между ними, усердно угощалъ ихъ. Но у Евы совсѣмъ не было апетита; она чувствовала только присутствіе безмолвнаго обожанія—и это сознаніе наполняло ее счастьемъ. Ванситартъ удивлялся, что она ѣстъ такъ мало послѣ цѣлаго утра, проведеннаго на свѣжемъ воздухѣ, но она видѣла, что онъ и самъ ничего не ѣстъ, и что все его время и мысли отданы ей.

Кофе, поданный послѣ завтрака, былъ необыкновенно душистъ.

— Еслибы я умѣла приготовлять такой кофе, отецъ никогда не ворчалъ бы за завтракомъ,—сказала Ева.

— У насъ жарятъ кофе каждый разъ, когда онъ требуется къ столу,—отвѣчала леди Гертлей.—Вѣроятно, въ этомъ и заключается секретъ приготовленія.

Миссъ Мерчентъ была настолько тактична, что ушла сейчасъ же послѣ завтрака. Она только помедлила немного, чтобы посмотрѣть цвѣты, которые показывала ей м-съ Ванситартъ.

Digitized by Google

Во время этого осмотра, пожилая леди разговаривала съ ней очень ласково.

— Я слышала, что вы замѣняете своимъ сестрамъ мать,— сказала м-съ Ванситартъ.—Не правда ли, это довольно тяжелая обязанность для такой молоденькой дѣвушки?

— Въ ноябрѣ мнѣ исполнился двадцать одинъ годъ, и я начинаю себя чувствовать старухой,—отвѣчала Ева,—да, кромѣ того, управлять такой семьей, какъ наша, вовсе не трудно. Мои сестры очень добры и легко примѣняются къ условіямъ жизни. Мы живемъ очень просто. У насъ нѣтъ никакихъ затрудненій съ прислугой, на которыя жалуются богатые люди.

— У васъ и у вашихъ сестеръ удивительно веселый и счастливый видъ,—замѣтила м-съ Ванситартъ, противъ воли заинтересованная.

— Да, я думаю, что мы счастливы, насколько можно быть счастливымъ въ этомъ мірѣ, гдѣ каждый имѣетъ свою долю заботъ и огорченій,—отвѣчала Ева съ легкимъ вздохомъ.—Мы очень любимъ другъ друга и всегда веселы. Насъ могутъ разсмѣшить всякіе пустяки. Пегги и Гетти—такія забавныя дѣти. Какъ онѣ ѣли сегодня! Не скоро они забудутъ банкетъ леди Гертлей.

— Дѣтямъ полезно гулять почаще. Они должны опять прійти сюда. Я знаю, что моей дочери будетъ пріятно ихъ видѣть; но, къ сожалѣнію, мой сынъ и я вскорѣ уѣзжаемъ домой.

— Домой?—повторила Ева, пораженная.—Вы, конечно, живете недалеко, м-съ Ванситартъ?

— Недалеко. Всего одинъ часъ ѣзды. Мы живемъ въ странѣ сосенъ и вереска, но намъ нечѣмъ хвастаться: наша мѣстность нисколько не живописнѣе вашей.

— Моя родина не здѣсь,—отвѣчала Ева.—Я до сихъ поръ чувствую себя иностранкой, хотя мы живемъ здѣсь уже много лѣтъ. Я родилась въ Іоркширѣ.

— Я думаю, Суссексъ вамъ болѣе по вкусу. Іоркширъ такъ далекъ ото всего.

Двѣ младшія сестры подошли къ Евѣ. Онѣ уже надѣли перчатки и мѣховые боа, совсѣмъ готовыя уходить. М-съ Ванситартъ замѣтила ихъ грубыя саржевыя платья, толстые шерстяные чулки, связанные дома, и простые башмаки деревен-

Digitized by Google

ской работы. Онѣ были опрятно одѣты, и это была единственная похвала, которую заслуживалъ ихъ костюмъ.

— Здѣсь двѣ ваши младшія сестры, и есть еще двѣ постарше—всѣхъ пять дочерей,—проговорила м-съ Ванситартъ.—Полковникъ Мерчентъ долженъ очень гордиться такимъ семействомъ. И у васъ нѣтъ братьевъ?

— Въ Англіи нѣтъ,—отвѣчала Ева съ оттѣнкомъ грусти и тотчасъ же стала прощаться.

— Я собираюсь проводить васъ домой, если позволите,—сказалъ Ванситартъ, когда онѣ были въ передней.—Я слышалъ, какъ вы говорили, что полковникъ Мерчентъ дома, и хочу воспользоваться случаемъ, чтобы познакомиться съ нимъ.

По счастливому личику Евы прошла легкая тѣнь, и она не сразу отвѣтила:

— Я увѣрена, что отецъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

— А я увѣрена, что отецъ вамъ не понравится, когда вы увидите его,—вскричала необузданная Пегги.

— Не смѣйте говорить этого, Пегги!—остановила ее Ева.

— Но онъ, дѣйствительно, не нравится никому,—настаивала безцеремонная молодая особа.—Онъ невѣжливъ съ гостями, а потомъ насъ же будутъ упрекать за это, потому что всѣ воображаютъ, что мы такія же, какъ отецъ. Онъ бережетъ хорошее настроеніе и любезность для Лондона.

— Пегги, Пегги!

— Ну что: Пегги, Пегги! Я говорю правду,—защищалась ужасная, непокорная дѣвочка, и затѣмъ обратилась къ Ванситарту съ вызывающимъ видомъ:

— Вы любите насъ, м-ръ Ванситартъ, я знаю это, но какъ только вы увидите отца, вы перестанете быть съ нами такимъ ласковымъ.

Этотъ порывъ дѣтской откровенности не могъ прибавить Ванситарту смѣлости; сердце его упало и онъ невольно сталъ спрашивать себя: что же за человѣкъ этотъ полковникъ Мерчентъ, котораго онъ собирается назвать своимъ тестемъ? Когда посторонніе дурно отзывались объ этомъ человѣкѣ, онъ не придавалъ значенія ихъ словамъ, но обвиненіе, сорвавшееся съ губъ одиннадцатилѣтней дочери полковника, становилось уже болѣе серьезнымъ.

— Быть можетъ, мы сойдемся съ полковникомъ гораздо

Digitized by Google

лучше, чѣмъ вы ожидаете, миссъ Пегги,—возразилъ онъ, съ насильственнымъ смѣхомъ,—кстати, позвольте напомнить вамъ заповѣдь, которая говоритъ: «чти отца твоего и матерь твою».

— Каковы бы они ни были?—спросила Пегги, но Ванситарту не пришлось отвѣчать, потому что въ этотъ моментъ Гетти закричала, что видитъ бѣлку на большомъ букѣ, и обѣ дѣвочки бросились впередъ, чтобы разсмотрѣть ближе красиваго звѣрка.

Путь былъ длинный, но Ванситартъ, все время разговаривая съ Евой, не переставалъ думать о томъ, что̀ за человѣкъ ея отецъ, съ которымъ онъ шелъ теперь знакомиться. Эти мысли тяготили его.

— Вы не должны обращать вниманія на болтовню Пегги,—сказала Ева, какъ бы въ поясненіе.—Отецъ бываетъ иногда раздражителенъ. Онъ не выноситъ шума, а Гетти и Пегги ужасно шумливы и нашъ домъ такъ малъ—съ точки зрѣнія отца, хочу я сказать. Разсердившись, онъ ворчитъ на нихъ, а бѣдныя дѣти считаютъ его поэтому неласковымъ.

— Мы всѣ таковы въ дѣтствѣ,—мягко замѣтилъ Ванситартъ:—по внѣшнему виду составляемъ заключеніе о сущности. Еслибы наши родители и воспитатели дали себѣ трудъ заглянуть въ дѣтскую душу, они увидали бы, что ихъ нравоученія и воркотня производятъ только вредъ.

— Отецъ достоинъ глубокой жалости,—продолжала Ева, понизивъ голосъ.—Въ его жизни было много разочарованій.

— Ахъ, это ужасно грустно,—отвѣчалъ Ванситартъ нѣжно и сострадательно.

Его сердце затрепетало при мысли, что она съ нимъ довѣрчива и считаетъ его своимъ другомъ.

— Онъ разорился и долженъ былъ продать за безцѣнокъ свое іоркширское помѣстье. Онъ разорился также и на скачкахъ. Вы можете понять, что жизнь, которую мы вели въ Фернгурстѣ, была не особенно весела для такого человѣка, какъ мой отецъ—спортсмэна, проведшаго свою молодость въ лучшемъ обществѣ. Ему досталась тяжелая доля воспитывать пятерыхъ дочерей. Наши вкусы, наши наклонности—все это ему непонятно, какъ мужчинѣ.

— Не *все*. Часто и во многомъ онъ можетъ сочувствовать вамъ и быть счастливымъ отцомъ.

Digitized by Google

— Ахъ, боюсь, что никогда. Насъ такъ много; и мы должны казаться такими глупыми и невоспитанными свѣтскому человѣку.

— Свѣтскому человѣку! Да, вы правы,—сказалъ Ванситартъ съ легкой насмѣшкой.—Такіе люди могутъ быть искренно несчастны безъ свѣта.

Они заговорили о другомъ и сразу почувствовали себя легко и непринужденно. Имъ нечего было искать темы для разговора и съ каждымъ словомъ они сближались все болѣе и болѣе.

Они прибыли въ Гомстидъ опять во время чая. Въ фамильной гостинной была зажжена лампа, накрытъ круглый столъ и весело кипѣлъ чайникъ. Софи и Дженни сидѣли по одну сторону камина, а по другую сторону, въ томъ самомъ креслѣ, которое занималъ Ванситартъ въ свой первый визитъ, сидѣлъ теперь человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ правильными чертами, съ сѣдой головой, сѣдыми усами и съ ворчливымъ выраженіемъ лица.

— Скажите мнѣ, бога ради, Ева, почему вы такъ поздно?—пробурчалъ онъ, когда вошли дочери.—Благодаря вашему легкомыслію, обѣ эти дѣвочки навѣрно схватили инфлуэнцу.

Только тутъ онъ замѣтилъ въ дверяхъ фигуру Ванситарта. Онъ поспѣшно всталъ навстрѣчу гостю.

— М-ръ Ванситартъ, папа,—сказала Ева.

Мужчины пожали руки другъ другу.

— Дѣвушки всегда такъ беззаботны,—заговорилъ полковникъ, какъ бы извиняясь.—Съ вашей стороны было очень любезно проводить моихъ дочерей; но Ева напрасно оставалась такъ долго.

— Мы ушли вскорѣ послѣ завтрака, отецъ, но дни теперь такъ коротки.

— Нисколько не короче, чѣмъ на прошлой недѣлѣ. Вы могли уже привыкнуть къ этимъ короткимъ днямъ и распредѣлять свое время сообразно съ ними.

— Я увѣрена, отецъ, что вы безъ насъ не скучали,—вмѣшалась дерзкая Пегги,—такъ и незачѣмъ подымать исторію.

Полковникъ Мерчентъ бросилъ на свою младшую дочь грозный взглядъ, но не удостоилъ ея замѣчанія никакимъ отвѣтомъ.

Digitized by Google

— Прошу покорно сѣсть, м-ръ Ванситартъ, и выпить чашку чаю, прежде чѣмъ отправитесь въ обратный путь. Вы должны быть заправскимъ ходокомъ, если не устали на этой адской дорогѣ.

— Я родился и выросъ въ деревнѣ, полковникъ Мерчентъ, и для меня не рѣдкость совершать длинныя прогулки и пѣшкомъ, и на лошади.

— Ахъ, да, Ева говорила мнѣ, что вы живете близъ Лиса. Хорошая охота въ вашихъ мѣстахъ?

Ванситартъ сдѣлалъ ему краткій очеркъ своихъ владѣній и сосѣдней мѣстности.

— Ахъ,—со вздохомъ сказалъ полковникъ,—вы, молодежь, не боитесь мучительно-безпокойныхъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ. Вы готовы рыскать по графству весь ноябрь и декабрь, не такъ ли?

— Право, полковникъ, я не такой отчаянный спортсменъ, какъ вы думаете. Съ меня довольно поохотиться раза два въ недѣлю.

— Не два раза въ недѣлю, а шесть—вотъ это я понимаю. Такова должна быть жизнь англичанина, владѣющаго средствами. Сэръ Губертъ говорилъ мнѣ, что вы много путешествовали?

— Я проѣхалъ континентъ по избитымъ колеямъ. Не могу назвать себя путешественникомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Я никогда не стрѣлялъ въ Африкѣ львовъ, не жилъ въ палаткѣ среди горныхъ племенъ верхней Индіи, не отправлялся пилигримомъ въ Мекку.

— Ну, такія путешествія дѣлаютъ только дураки,—проворчалъ полковникъ.—Они должны благодарить небо, если имъ удается, послѣ этихъ похожденій, возвратиться домой цѣлыми и невредимыми. Я не симпатизирую послѣдователямъ Колумба. Послѣ открытія Америки, табаку и картофеля, все остальное не стоитъ выѣденнаго яйца.

— Но, пожалуй, австралійскія и калифорнійскія золотыя розсыпи представляютъ нѣкоторую цѣнность,—замѣтилъ Ванситартъ.

— Сдѣлались ли вы, или я, богаче хоть на одинъ шиллингъ, благодаря тому золоту, которое найдено тамъ, м-ръ Ванситартъ? Эти золотыя розсыпи только понизили цѣнность со-

Digitized by Google

верена болѣе чѣмъ на треть, и послужили источникомъ разоренія для множества людей. Когда я былъ молодъ, небогатый семьянинъ могъ переѣхать съ женой и дѣтьми во Францію или Бельгію и жить тамъ припѣваючи на свой скромный доходъ, при которомъ въ Лондонѣ онъ умиралъ съ голоду. А теперь жизнь всюду вздорожала, даже въ такой трущобѣ, какъ здѣсь,—свирѣпо закончилъ полковникъ.

Во время разговора, Ванситартъ внимательно изучалъ его, и это было тѣмъ удобнѣе, что полковникъ не имѣлъ обыкновенія смотрѣть въ глаза собесѣднику. Разговаривая, онъ предпочиталъ смотрѣть на огонь или на концы своихъ сапогъ. Его лицо не было пріятно. Оно было истощено безпорядочной жизнью, изрыто рѣзкими, глубокими линіями—результатъ вѣчнаго недовольства, тревожныхъ и сердитыхъ размышленій. Ванситартъ принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Губерта Гертлея, что полковникъ — несимпатичный человѣкъ. Люди искренніе, великодушные не могли съ нимъ сойтись.

Но онъ былъ отцомъ Евы. Ванситартъ жалѣлъ ее вчера, потому что бѣдность лишала ее удовольствій и привилегій юности и красоты. Сегодня онъ жалѣлъ ее гораздо болѣе, послѣ того какъ увидѣлъ ея отца. Онъ выпилъ предложенный чай у семейнаго очага, который сегодня уже не имѣлъ прежней безъискусственной прелести. Дѣвушки сидѣли за столомъ, выпрямившись, и молчали, между тѣмъ какъ полковникъ изливался въ эгоистическихъ и ворчливыхъ жалобахъ на Бога и людей, одинаково несправедливыхъ къ нему.

— Сэръ Губертъ Гертлей за безцѣнокъ пріобрѣлъ прекрасное имѣніе въ Редвольдѣ,—сказалъ полковникъ.—Ему везетъ счастье.

— Онъ чрезвычайно хорошій товарищъ,—отвѣтилъ Ванситартъ,—и настоящее сокровище для сосѣдей.

— Что жь, сосѣди относятся къ нему дружески,—возразилъ полковникъ.—Онъ богатъ, угощаетъ ихъ вкусными обѣдами и хорошимъ виномъ. Деревенскимъ сосѣдямъ большаго и не нужно! Они не станутъ интересоваться родословной человѣка, у котораго такое хорошее вино и такой отличный поваръ.

— Моему деверю нечего стыдиться своей родословной, полковникъ Мерчентъ.

— О, конечно, мой милѣйшій. Честный трудъ, талантъ,

Digitized by Google

терпѣніе, практичность—все это издавна составляетъ преимущество англійскаго народа. Но вы, конечно, не станете утверждать, что Гертлеи ведутъ свое происхожденіе отъ Вильгельма Завоевателя. Въ мое время,—если память мнѣ не измѣняетъ,—дворянство придерживалось кое-какихъ сословныхъ традицій, и не поклонялось золотому тельцу такъ охотно, какъ дѣлаетъ это теперь.

Ванситартъ долженъ былъ сознаться, что рѣзкія сужденія Пегги о своемъ отцѣ были справедливы; онъ взглянулъ украдкой на дѣвочку, сидѣвшую противъ него, но она съ такимъ усердіемъ ѣла хлѣбъ, намазанный вареньемъ, что ничего не видѣла и не слышала. Ева имѣла болѣзненный видъ. Онъ глубоко сожалѣлъ ее, видя, какъ она трепетными пальцами разглаживала на столѣ свои перчатки—въ этомъ движеніи сказывалась нервная тревога. Онъ допилъ чай и всталъ, но медлилъ уходить, желая, если возможно, разрѣшить, теперь же, свои ревнивыя сомнѣнія.

— Я вижу, что вы сторонникъ голубой крови, полковникъ Мерчентъ, — сказалъ онъ. — Позволяю себѣ заключить, что именно по этой причинѣ вы любите м-ра Сефтона, далеко не пользующагося, какъ я слышалъ, симпатіями общества.

— Случалось ли вамъ видѣть, чтобы порядочный человѣкъ пользовался симпатіями общества?—проворчалъ полковникъ.— Да, я люблю Сефтона. Сефтонъ—джентльменъ до мозга костей, сынъ, внукъ и правнукъ джентльмена. Его предки были джентльменами еще раньше «великой хартіи». Если вы хотите знать, въ чемъ заключается настоящая кровь—Сефтонъ можетъ служить вамъ прекраснымъ примѣромъ. Онъ единственный человѣкъ въ здѣшнемъ округѣ, съ которымъ я могу сойтись; и я не стыжусь признаться, что люблю его.

Ванситартъ слѣдилъ за Евой, пока ея отецъ восхвалялъ своего друга. Ея лицо было строго, почти печально, но въ немъ не было ни тревоги, ни смущенія. Она стояла молчаливая, серьезная, ожидая, пока отецъ кончитъ свою рѣчь и простится съ гостемъ. Молча пожала она руку Ванситарту, который затѣмъ, поочередно, простился со всѣми ея сестрами и вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи полковника Мерчента.

Вечеръ былъ свѣтлый и прекрасный. Ванситартъ быстро шелъ домой среди изгородей, засыпанныхъ снѣгомъ. Кругомъ

Digitized by Google

развертывался монотонный зимній пейзажъ, темнѣли лѣса, подымались холмы неясными линіями, а въ синемъ небѣ горѣли миріады яркихъ звѣздъ. Нѣтъ; онъ не вѣритъ, чтобы Ева любила Сефтона! Въ этомъ прелестномъ лицѣ, которое онъ такъ изучилъ, не было смущенія, а только одна грустная, затаенная тревога, какъ будто предметъ разговора дѣйствовалъ на нее. Нѣтъ, ему нечего бояться Сефтона; и однако же... между ними есть что-то, какая-то непонятная тайна. Чѣмъ были вызваны тогда эти слезы? Что означали эти конфиденціальные разговоры, эти многозначительныя фразы? «Ужасно жалѣю, что долженъ васъ разочаровать». «Мы попали на ложный слѣдъ». Эти слова непремѣнно должны имѣть особый смыслъ, неуловимый для постороннихъ.

Онъ мрачно сталъ думать о полковникѣ, своемъ будущемъ тестѣ. Довольно непріятно считать своимъ родственникомъ ѣдкаго, желчнаго человѣка, готоваго ненавидѣть своихъ ближнихъ только за то, что имъ болѣе посчастливилось въ жизни. Онъ подымаетъ на смѣхъ даже Губерта Гертлея, этого добряка, уважаемаго и любимаго всѣми, и съ самаго дѣтства извѣстнаго всѣмъ и каждому подъ именемъ «Берти»,—Берти, всегда готоваго на благородный, великодушный поступокъ, и никому не отказывавшаго въ помощи! Нѣтъ, это возмутительно, что какой-то замѣшанный въ темныхъ дѣлахъ полковникъ осмѣливается насмѣхаться надъ Губертомъ Гертлеемъ только потому, что дѣдъ Губерта былъ фабрикантомъ.

Второй визитъ къ Мерчентамъ далъ плохіе результаты, и Ванситартъ снова повторилъ себѣ, что надо подождать. Онъ еще не сказалъ Евѣ ни слова о своей любви. Онъ можетъ хранить ея образъ въ сердцѣ, и въ то же время обдумать, не спѣша, настолько ли сильно онъ любитъ эту дѣвушку, чтобы пожертвовать ей своимъ будущимъ и нанести жестокій ударъ материнскому сердцу своимъ выборомъ.

Нѣтъ, онъ не пойдетъ далѣе. Онъ не будетъ рабомъ своей страсти, не поддастся очарованію этого прелестнаго личика. Онъ будетъ по прежнему пріѣзжать гостить въ Редвольдъ-Товерсъ. Онъ можетъ видѣть Еву Мерчентъ, когда ему вздумается. Но онъ подождетъ.

А что, если въ то время, какъ онъ будетъ размышлять и колебаться, явится другой, болѣе смѣлый претендентъ и возь-

Digitized by Google

метъ призъ—что тогда? Да, онъ рискуетъ, но, конечно, такой претендентъ не можетъ явиться.

VIII.

Знакомое лицо въ толпѣ.

Ванситартъ провелъ пять недѣль въ Мервудѣ, много охотился, обѣдалъ у сосѣдей разъ въ недѣлю, совершалъ длинныя прогулки верхомъ или по желѣзной дорогѣ, а по вечерамъ дремалъ у камина въ гостинной, убаюкиваемый монотоннымъ стукомъ вязальныхъ спицъ своей матери, или шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ книги, которую она читала.

Эти вечера, проведенные съ сыномъ у камелька, послѣ январьской и февральской охоты, были счастьемъ для м-съ Ванситартъ. Она радовалась, что спасла своего сына отъ сѣтей коварной сирены, не подозрѣвая, какъ сильно были заняты его мысли этой сиреной. По сосѣдству было нѣсколько приличныхъ невѣстъ, между прочимъ, двѣ богатыя наслѣдницы. М-съ Ванситартъ была готова назвать которую нибудь изъ нихъ своей невѣсткой и безъ ропота, даже безъ сожалѣнія, уступить ей свое мѣсто въ домѣ. Но она содрогалась при мысли о дѣвушкѣ, воспитанной въ семьѣ пролетарія, посреди всѣхъ неблагопріятныхъ условій, присущихъ бѣдности. Такая невѣстка была бы ей ужасно антипатична.

Она наслаждалась обществомъ своего сына, и даже перестала бояться опасностей, которыя могли ему грозить на охотѣ, довольная тѣмъ, что охота отвлекаетъ его отъ Евы Мерчентъ. Если онъ бывалъ черезчуръ молчаливъ и задумчивъ по вечерамъ, она приписывала это физической усталости. Онъ здѣсь, рядомъ съ нею, здравый и невредимый—этого было довольно. Съ великимъ трудомъ она собрала вокругъ себя дѣвицъ, которыя нравились ей, и старалась, чтобы онѣ почаще попадались на глаза ея сыну, что было не легко, потому что Ванситартъ охотился по цѣлымъ днямъ. Она постоянно приглашала къ обѣду какую нибудь изъ своихъ любимицъ, являвшуюся подъ охраной младшаго брата, чѣмъ безконечно раздражала своего сына, который долженъ былъ играть на бильярдѣ съ какимъ-то молокососомъ, или стараться занять его сестрицу, вмѣсто того чтобы дремать или грезить у камина.

Digitized by Google

Онъ страстно любилъ оперную музыку, начиная съ Глюка и Мейербера и кончая Верди, но не чувствовалъ никакой симпатіи къ Григу или Рубинштейну, особенно когда ихъ съ педантической точностью и бездушіемъ исполняли protégées его матери. Его невѣжественному слуху казалось даже, что всѣ эти дѣвицы играютъ однѣ и тѣ же пьесы съ одинаковой бездарностью.

Если ему случалось оставаться дома послѣ завтрака, онъ неизмѣнно заставалъ которую нибудь изъ этихъ избранныхъ дѣвственницъ въ гостинной, куда приходилъ къ передобѣденному чаю—трапеза, во время которой м-съ Ванситартъ особенно любила видѣть своего сына. Однако, прелесть этой получасовой интимной болтовни съ матерью нарушалась присутствіемъ посторонней, хотя бы и восхитительной дѣвицы. Всѣ эти дѣвицы были миловидны и, какъ простыя знакомыя, нравились Ванситарту; но ни одна изъ нихъ, даже самая красивая, не тронула его сердца. Онъ уже пережилъ тѣ годы, когда сердце легко воспламеняется, и не могъ, какъ въ юности, влюбляться каждыя шесть недѣль. Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ еще могъ предполагать, что останется на всю жизнь холостякомъ и будетъ жить роскошно на тѣ средства, которыя для одинокаго могутъ считаться богатствомъ, но при женѣ и дѣтяхъ будутъ только скромнымъ достаткомъ.

Наконецъ, ему такъ надоѣли эти чаепитія и вечера съ гостями, что, не дождавшись конца охотничьяго сезона, онъ собрался ѣхать въ Лондонъ. Онъ зналъ, что домъ его матери въ Чарльзъ-Стритѣ былъ всегда готовъ для него. Экономка, управлявшая домомъ, была нянькой Ванситарта и неусыпно заботилась о своемъ бывшемъ питомцѣ во время его пріѣздовъ. Она была превосходной кухаркой, и при помощи горничной содержала домъ въ удивительномъ порядкѣ. Двѣ эти женщины, съ прибавкой камердинера-итальянца, ловкаго и расторопнаго малаго, составляли весь лондонскій штатъ Ванситарта. Такимъ образомъ, въ мартѣ, Ванситартъ переѣхалъ въ Лондонъ. Онъ хотѣлъ побѣдить себя и удалиться отъ соблазна. Живя въ Мервудѣ, трудно было воздержаться отъ посѣщеній Редвольдъ-Товерса, гдѣ угрожала опасность встрѣчи съ Евой Мерчентъ, особенно послѣ того какъ добродушная и увлекающаяся леди Гертлей написала ему, въ одномъ изъ своихъ писемъ, что она

Digitized by Google

полюбила миссъ Мерчентъ, и часто приглашаетъ ее къ себѣ вмѣстѣ съ одной изъ сестеръ.

«Какъ ваша жена, она невозможна,—писала Модъ Гертлей.—Прошу не забывать этаго, Джекъ. Мама и я гордимся вашей будущностью. Мы желаемъ, чтобы вы смотрѣли выше, заботились о своей карьерѣ, не довольствовались скромной долей помѣщика и старались о томъ, чтобы принести пользу своему отечеству. Но хотя миссъ Мерчентъ совершенно немыслима, какъ ваша жена,—какъ человѣкъ, она очаровательна, и я стараюсь изо всѣхъ силъ сдѣлать ея жизнь хоть немного веселѣе. Полковникъ совершенно равнодушенъ къ своимъ дѣтямъ, и бо́льшую часть своего времени проводитъ въ Лондонѣ; но, быть можетъ, это даже лучше для его дочерей, потому что, когда онъ бываетъ дома, Ева служитъ ему, какъ рабыня, заботится объ его обѣдахъ, ухаживаетъ за нимъ, переноситъ его ворчанье и старается развеселить этого угрюмаго человѣка—заинтересовать того, кто ничѣмъ не интересуется, какъ говорила мадамъ Ментенонъ. Ева ни однимъ словомъ не обмолвилась про это, но я знаю все отъ ея младшихъ сестеръ, которыя ужасно болтливы».

Ванситартъ рѣшилъ провести свѣтлый праздникъ въ Редвольдѣ и далъ себѣ клятву не пытаться, ранѣе этого времени, видѣть Еву Мерчентъ. За этотъ промежутокъ онъ взвѣситъ свои чувства, обдумаетъ рѣшительный шагъ, который намѣревается сдѣлать, и, можетъ быть, узнаетъ какія нибудь подробности о полковникѣ Мерчентѣ и его прошломъ.

Хотя настало время великаго поста и лондонскія церкви были переполнены молящимися, но городъ имѣлъ веселый, оживленный видъ и публика съ большой охотой посѣщала всѣ увеселительныя зрѣлища—театры, картинныя галереи, концерты; не было также недостатка въ званыхъ обѣдахъ, на которые всегда охотно приглашаютъ людей съ положеніемъ Ванситарта. Онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ, былъ популяренъ среди мужчинъ, какъ хорошій товарищъ, а среди женщинъ—какъ блестящій кавалеръ. Даже тѣ женщины, которыя не имѣли на него матримоніальныхъ видовъ по отношенію къ своимъ дочерямъ, сестрамъ или подругамъ, все же любили общество Ванситарта. Съ нимъ было интересно разговаривать; онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и простъ въ обращеніи.

Digitized by Google

Однажды ему случилось обѣдать у своего школьнаго товарища, недавно женившагося. Это былъ адвокатъ, подававшій блестящія надежды. Его молодая жена была изящная, образованная женщина и въ то же время превосходная хозяйка, умѣвшая на скромный доходъ содержать хорошенькій домикъ въ Мейферѣ и угощать мужа вкусными, безукоризненно сервированными обѣдами. Во время этого веселаго маленькаго обѣда, гдѣ, между прочимъ, были съѣдены котлеты въ папильоткахъ, цыплята, томаты по итальянски и суфле-пармезанъ, слуга подалъ хозяйкѣ письмо съ графской короной на конвертѣ, въ которомъ оказался билетъ на ложу въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, гдѣ только начинался сезонъ итальянской оперы.

— На сегодняшній вечеръ,—сказала м-съ Пемброкъ и затѣмъ вслухъ прочитала письмо: «Въ послѣднюю минуту оказалось, что я не могу ѣхать въ театръ. Если вы свободны—поѣзжайте. Идетъ «Фаустъ» съ новой Маргаритой». Очень жаль!—вздохнула леди, складывая письмо.

— Почему жаль?—спросилъ Ванситартъ. — Развѣ вы не можете ѣхать въ театръ? Надѣюсь, ложа настолько велика, что найдется мѣсто и для меня, и вамъ незачѣмъ приносить себя въ жертву гостепріимству.

— О, конечно, мѣсто найдется. Это ложа леди Дэвенантъ, въ первомъ ярусѣ. Но вѣдь Томъ пригласилъ васъ къ себѣ обѣдать и провести скромный вечерокъ за дружеской бесѣдой и сигарой. Вы, пожалуй, будете страшно недовольны, если вмѣстѣ того васъ повезутъ въ оперу.

— Пожалуйста, не думайте обо мнѣ такъ дурно. Будь это Вагнеръ, я не могъ бы за себя поручиться. Правда, въ его операхъ есть мѣста, которыя мнѣ нравятся—блестящіе оазисы мелодій посреди безграничнаго океана скучныхъ классическихъ гармоній, но я не понимаю этой школы. А «Фауста» Гуно я обожаю. Мы какъ разъ поспѣемъ къ сценѣ у церкви съ новой Гретхенъ. Пожалуйста, ѣдемъ скорѣе.

Послали за кэбомъ, и вскорѣ друзья были уже на пути къ театру, вмѣстѣ съ м-съ Пемброкъ, сіявшей отъ удовольствія.

Въ театрѣ было мало публики, и этотъ оперный сезонъ, повидимому, начался слишкомъ рано. Ложа леди Дэвенантъ на-

Digitized by Google

ходилась почти у самой сцены и была настолько просторна, что могла вмѣстить не только трехъ, но даже шестерыхъ человѣкъ. Ванситартъ сѣлъ посрединѣ, между м-ромъ и м-съ Пемброкъ. Томъ Пемброкъ, не особенный поклонникъ музыки, задремалъ въ тѣни занавѣса, сладко убаюкиваемый давно знакомыми пріятными мелодіями. Ансабль не отличался блескомъ, но Маргарита была очень молода, довольно красива и пѣла недурно. Ванситартъ и м-съ Пемброкъ слушали внимательно.

Почти въ самомъ концѣ сцены у церкви, м-съ Пемброкъ вдругъ спросила Ванситарта:

— Смотрите вы когда нибудь на хоръ? Какъ жалки и стары нѣкоторые изъ нихъ! Мнѣ всегда приходитъ на мысль, какъ имъ, должно быть, прискучило пѣть одно и то же каждый сезонъ, приходить и уходить въ тѣхъ же самыхъ сценахъ, участвовать въ пиршествахъ, на которыхъ нечего ѣсть и потомъ голодными возвращаться домой, чтобы тамъ поужинать кускомъ хлѣба съ сыромъ.

— Да, эта жизнь тяжела,—согласился Ванситартъ.—Они несутъ на себѣ только одни труды и не пользуются славой.

Потомъ онъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ веселую толпу крестьянъ, солдатъ и горожанъ, пировавшихъ и веселившихся по старинной нѣмецкой модѣ, подъ открытымъ небомъ. Да, м-съ Пемброкъ была права: среди хористокъ было много пожилыхъ, почти старыхъ; лица увядшія, пожелтѣвшія, которыхъ не могли прикрасить даже бѣлила. Итальянскіе глаза, темные и пламенные, горѣли на истомленныхъ лицахъ, давно потерявшихъ былую красоту. Вдругъ, среди этой толпы, онъ увидѣлъ молодое, прекрасное лицо, какъ будто знакомое; въ сердце ему ударило что-то, какъ острый кинжалъ, оставивъ послѣ себя давящую тяжесть. Это было лицо Фіорделизы. Онъ не могъ ошибиться. Да, онъ убѣждался въ этомъ, продолжая смотрѣть на нее и видя, что дѣвушка тоже узнала его. Она смотрѣла въ его сторону, она говорила что-то о немъ своей сосѣдкѣ, сопровождая свои слова выразительными жестами, свойственными пылкой итальянской натурѣ. Не говоритъ ли она своей товаркѣ, что вонъ тамъ, въ ложѣ, сидитъ убійца, зарѣзавшій человѣка въ венеціанской тавернѣ? Конечно, она такъ и поступитъ—она, возлюбленнаго которой онъ убилъ.

Но если она говорила именно это, ея сосѣдка приняла со-

Digitized by Google

общеніе чрезвычайно спокойно. Она только кивала головой, пожимала плечами, и опять кивала, между тѣмъ какъ Фіорделиза, не переставая, что-то быстро и живо говорила. Потомъ Фіорделиза опять стала глядѣть на него, расцвѣтая улыбками, и ея темные глаза искрились при свѣтѣ газа. Но тутъ настала ея очередь присоединиться къ хору, затѣмъ упалъ занавѣсъ и онъ не видѣлъ ея болѣе.

Въ антрактѣ, Томъ Пемброкъ предложилъ ему пойти въ фойе и чего нибудь выпить. «Я предпочитаю остаться съ м-съ Пемброкъ», отвѣтилъ Ванситартъ, полный самыхъ мрачныхъ предчувствій, ожидавшій каждую минуту услышать таинственный стукъ въ дверь ложи и увидѣть полисмена, пришедшаго затѣмъ, чтобы арестовать его. Онъ ожидалъ теперь всего самаго ужаснаго и трагическаго. Всего можно ожидать, когда возбуждены страсти кровожадной южной натуры. Что можетъ удержать такую страстную дѣвушку, какъ Фіорделиза, отъ мести за своего убитаго любовника и единственнаго покровителя?

Съ этими мыслями въ головѣ, ежемнутно боясь услышать роковой стукъ въ дверь, онъ продолжалъ весело и непринужденно болтать съ м-съ Пемброкъ. Онъ смѣялся ея шуткамъ и дѣлалъ попытки не отставать отъ нея въ этомъ отношеніи. Послышался стукъ въ дверь и Ванситартъ вздрогнулъ.

— Это не Томъ,—сказала м-съ Пемброкъ.—Онъ всегда прѝходитъ, когда уже поднятъ занавѣсъ, а иногда почти къ самому концу акта.

Ванситартъ открылъ дверь ложи и послышался женскій голосъ:

— Мороженое, сэръ!

Онъ пропустилъ въ ложу молодую женщину съ подносомъ разнообразнаго мороженаго и уговорилъ м-съ Пемброкъ взять себѣ чего нибудь. Онъ опять сѣлъ, стыдясь своей нервности, и сталъ смотрѣть на огромный занавѣсъ, пытаясь угадать, въ какомъ мѣстѣ находятся два отверстія, сквозь которыя слѣдятъ за нимъ пылкіе глаза Фіорделизы. Занавѣсъ поднялся, началось дѣйствіе, но Ванситартъ не слушалъ музыки, которую такъ любилъ. Все его вниманіе было поглощено хористами. Онъ слѣдилъ за ихъ входомъ и выходомъ, искалъ знакомую фигуру Фіорделизы въ толпѣ, окружавшей умирающаго Валенти-

Digitized by Google

на и отчаивающуюся Маргариту. Онъ различалъ, по временамъ, ея фигуру, когда толпа двигалась по сценѣ, то справа, то слѣва, то впереди, то позади. Онъ смотрѣлъ на сцену, пока не упалъ занавѣсъ на торжественный апоѳеозъ прощенаго грѣшника, и затѣмъ, какъ бы пробудившись ото сна, сталъ спрашивать себя, что ему теперь дѣлать. Онъ долженъ что нибудь предпринять тотчасъ же, говорилъ онъ себѣ, помогая м-съ Пемброкъ одѣваться и выслушивая ея болтовню насчетъ исполненія, которое она находила довольно посредственнымъ. Что нибудь надо же предпринять! Прежде всего—узнать намѣренія Фіорделизы—хочетъ ли она донести на него въ полицію? Затѣмъ, сколько возможно, вознаградить ее матеріально за потерю возлюбленнаго. На этотъ разъ онъ не могъ бѣжать, какъ тогда, въ Венеціи. Его видѣли и узнали. За нимъ, конечно, будутъ слѣдить, какъ только онъ покинетъ театръ. Эта дѣвушка поставитъ себѣ цѣлью узнать его имя и адресъ. Ему невозможно скрыться теперь, даже еслибы онъ и хотѣлъ этого. Опять послышался стукъ въ дверь. Онъ надѣвалъ пальто и м-съ Пемброкъ еще не успѣла выйти изъ ложи.

Это былъ капельдинеръ съ письмомъ. Онъ посмотрѣлъ на обоихъ мужчинъ и подалъ письмо Ванситарту со словами:

— Это къ вамъ, сэръ.

— Письмо безъ адреса,—прощебетала м-съ Пемброкъ.— Тутъ пахнетъ тайной.

Ванситартъ молча спряталъ письмо въ карманъ. Въ этотъ моментъ, самымъ горячимъ его желаніемъ было — избавиться поскорѣе отъ Пемброковъ.

— Не позвать ли кэбъ?—спросилъ онъ въ сѣняхъ.

— Я сама сдѣлаю это, а вы побудьте возлѣ жены,—отвѣчалъ Пемброкъ.

Къ счастію, въ этотъ вечеръ было много кэбовъ. Пемброкъ вскорѣ пришелъ за женой.

— Я нашелъ кэбъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь вы заѣдете къ намъ покурить и выпить чего нибудь, Ванъ?

— Нѣтъ, сегодня не могу; теперь уже поздно... и... и... мнѣ надо написать нѣсколько писемъ.

— Доброй ночи, если такъ. Боюсь, что вы сегодня скучали.

— Напротивъ, я былъ сегодня заинтересованъ, какъ ни разу въ жизни.

Digitized by Google

IX.

У Фіорделизы.

Ванситартъ разорвалъ конвертъ тутъ же, въ театральныхъ сѣняхъ, возлѣ лампы, между тѣмъ какъ толпа постепенно расходилась и все рѣже слышались крики: «Кэбъ, или карету»? Письмо было отъ Лизы.

Оно было написано по англійски съ примѣсью итальянскихъ словъ, очень безграмотно и плохимъ почеркомъ, но довольно ясно, чтобы Ванситартъ могъ разобрать.

«Я узнала васъ тотчасъ же,—писала она,—и ваше лицо напомнило мнѣ прошлое—ту ужасную ночь, и все, что я вытерпѣла послѣ *его* смерти. Приходите ко мнѣ, прошу васъ. Намъ необходимо поговорить. Приходите скорѣй, какъ можно скорѣй. Я живу съ Ціей, въ Стонъ-Куртѣ, Боу-Стритъ № 24, почти возлѣ самой оперы. Приходите сегодня же, если можно. Всегда преданная Фіорделиза».

Онъ стоялъ съ письмомъ въ рукѣ и размышлялъ. Долженъ ли онъ исполнить просьбу, заключавшуюся въ письмѣ? Да, несомнѣнно, хотя, поступивъ такимъ образомъ, онъ отдастъ себя во власть Фіорделизы. Быть можетъ, онъ и теперь уже въ ея власти. Она могла слѣдить за нимъ въ эту самую минуту. Очень можетъ быть, что она все устроила, какъ только узнала его имя и адресъ, и теперь, по выходѣ изъ театра, за нимъ будетъ слѣдить полиція. Во всякомъ случаѣ, какъ ни былъ великъ рискъ идти въ квартиру Фіорделизы, онъ рѣшился на это безо всякаго колебанія. Въ этомъ роковомъ убійствѣ самымъ горькимъ было для него воспоминаніе о разбитой жизни Фіорделизы, объ ея свѣтлыхъ надеждахъ на счастіе, померкнувшихъ такъ быстро и не оставившихъ для нея ничего, кромѣ горя и нищеты. И онъ снова повторялъ себѣ, что на душѣ у него будетъ гораздо легче, если онъ съумѣетъ помочь Фіорделизѣ, доставить ей комфортъ и защитить отъ невзгодъ и лишеній бѣдности.

Онъ встрѣтился съ ней — и одно это уже много значило; онъ не надѣялся видѣть ее когда нибудь опять; кромѣ того, онъ зналъ теперь, что она зарабатываетъ хлѣбъ честнымъ трудомъ и живетъ вмѣстѣ съ теткой, хотя, — насколько Ванси-

Digitized by Google

тартъ помнилъ эту почтенную леди и ея безпечное равнодушіе къ положенію племянницы,—она далеко не казалась ему надежной защитницей Фіорделизы.

Онъ прошелъ Боу-Стритъ и скоро нашелъ Стонъ-Куртъ и № 24.

Въ отвѣтъ на его стукъ, дверь отворила почтенная Ція и привѣтствовала такъ радостно, что у него захватило духъ.

— Здравствуйте, синьоръ! Она увѣряла, что вы придете, но я сомнѣвалась, чтобы вы стали безпокоиться ради нея или меня,—затараторила она по итальянски и сейчасъ же перешла на англійскій языкъ съ самымъ невозможнымъ произношеніемъ:—Сдѣлайте одолженіе, подымитесь по лѣстницѣ; немного высоко—il secondo piano. Она узнала васъ сейчасъ же. У нея такіе глаза!

Они поднялись по узкой лѣстницѣ, освѣщенной только свѣчей, которую держала Ція. Дверь первой комнаты во второмъ этажѣ была открыта и Фіорделиза стояла на порогѣ, ярко освѣщенная керосиновой лампой, одѣтая въ старое черное платье; ея блестящіе роскошные волосы были свернуты на затылкѣ пышнымъ узломъ.

Она протянула къ Ванситарту обѣ руки и привѣтствовала его, какъ самаго дорогаго друга. Если онъ былъ удивленъ встрѣчей тетки, то племянница привела его въ остолбенѣніе.

— Я знала, что вы придете!—вскричала она.—Я знала, что вы не отвернетесь отъ бѣдной дѣвушки, осиротѣвшей черезъ васъ.

И она принялась истерически рыдать, бросилась на маленькую софу и такъ страшно стонала, какъ будто сердце ея готово было разорваться. Въ свою очередь, Ція тоже упала въ кресло и стала всхлипывать, составляя какъ бы акомпанементъ племянницѣ. Что могъ сдѣлать Ванситартъ между этими потоками слезъ? Онъ могъ только ожидать, пока этотъ страстный взрывъ печали утихнетъ и ему можно будетъ заговорить, съ надеждой, что его услышатъ.

— Я глубоко сожалѣю,—заговорилъ онъ, наконецъ, когда рыданія утихли,—что причинилъ вамъ горе. Я никогда не переставалъ упрекать себя за то, что лишилъ васъ обѣихъ друга и покровителя. Я не смѣлъ показаться въ Венецію, боясь, что... правосудіе жестоко покараетъ меня. Писать вамъ я не имѣлъ

Digitized by Google

возможности—если припомните, я не зналъ ни вашей фамиліи, ни вашего адреса. Я не имѣлъ возможности помочь вамъ, не могъ ничѣмъ облегчить бремя, лежавшее на моей совѣсти—ничѣмъ. Вы, конечно, считали меня подлымъ трусомъ за то, что я бѣжалъ, оставивъ васъ терпѣть послѣдствія моего грѣха?

— Ну, еслибы вы не бѣжали, вамъ пришлось бы сидѣть въ тюрьмѣ—много лѣтъ, быть можетъ,—замѣтила Ція съ философскимъ видомъ.

Фіорделиза осушила слезы и ласково смотрѣла на него, готовая улыбнуться своими нѣжными итальянскими глазами.

— И ваше заключеніе въ тюрьмѣ не воскресило бы его,—сказала она. — Я рада, что вы бѣжали. Бѣдный малый! Онъ такъ любилъ меня—и такъ ревновалъ! Ахъ, какой онъ былъ ревнивый... Это было глупо. Я не сдѣлала ничего дурнаго. Маленькое развлеченіе во время карнавала, когда его не было въ городѣ. Какая жалость, что онъ вздумалъ вернуться именно въ этотъ вечеръ и засталъ меня съ вами у Флоріани. Намъ не слѣдовало заходить въ этотъ кафе. Онъ всегда бывалъ тамъ—ему легче всего было встрѣтить насъ въ этомъ мѣстѣ. Но вѣдь я не ожидала, что онъ такъ скоро возвратится въ Венецію.

Безпечность ея тона, по отношенію къ такому трагическому случаю, удивила его,—такъ мало гармонировали ея теперешнія слова съ недавними страстными рыданіями. Еще страннѣе было то, что, вмѣсто ненависти и мстительныхъ угрозъ, она встрѣчала его ласково, какъ лучшаго друга. Ему слѣдовало помнить, что эта безпечность составляла характеристическую черту итальянской натуры, и что въ Римѣ благородная синьора уходитъ съ дочерью обѣдать въ ресторанъ, потому что дома слишкомъ мрачно и грустно, такъ какъ супругъ и отецъ лежитъ въ гробу. Или другая благородная синьора, послѣ безвременной кончины сына, ѣдетъ съ дочерьми въ оперу, чтобы разсѣяться.

Для него было, конечно, великимъ облегченіемъ узнать, что тамъ, гдѣ онъ предполагалъ непримиримую вражду и ненасытную жажду его крови, на дѣлѣ оказывалась философская покорность судьбѣ. Великое облегченіе—сидѣть такимъ образомъ между теткой и племянницей, въ то время какъ онѣ уничтожаютъ свой скромный ужинъ—сардинки и пучокъ редисокъ съ

Digitized by Google

большой краюхой хлѣба—и разсказываютъ ему о своемъ житьѣ-бытьѣ.

— Его схоронили на слѣдующій день, — повѣствовала Ція,—очень хорошія были похороны. Стоялъ чудный день и гондолу всю наполнили цвѣтами, хотя цвѣты дороги въ Венеціи. Лиза, я и Padrona изъ того дома, гдѣ мы жили, отправились на кладбище, которое казалось такимъ тихимъ и счастливымъ при солнечномъ блескѣ. Лиза хотѣла кинуться за нимъ въ могилу, но мы удержали ее. Бѣдное дитя! Она была такъ несчастна и мы все думали о томъ, какъ вчера возвращались съ Лидо въ вашей гондолѣ...

— И какъ очаровательны были тогда лагуны въ розовомъ сіяніи заката! — вмѣшалась Лиза. — Вспоминали мы нашъ обѣдъ въ ресторанѣ, и шампанское, и десертъ; затѣмъ, оперу и ожерелье, которое вы мнѣ купили. У меня еще цѣло это ожерелье. Оно было на мнѣ сегодня, въ театрѣ. Вы замѣтили его?

— Конечно, нѣтъ, Poverina. Я былъ слишкомъ занятъ вами, чтобы замѣтить ожерелье.

— А вы были поражены, увидѣвъ меня послѣ столькихъ лѣтъ, не правда ли? А я развѣ не была поражена? Я смотрѣла на всѣ эти лица, на роскошныя платья и бриліанты, какъ на волшебный сонъ, потому что я вижу ихъ только вечеромъ, именно какъ сонъ: всегда они рисуются мнѣ вдали, никогда не приближаются и не становятся дѣйствительностью. И вдругъ, посреди этого сна, мелькнуло ваше лицо и воскресло прошлое,—тотъ счастливый день и та ужасная ночь. Вы жалѣете, что опять встрѣтили насъ?—простодушно спросила она въ заключеніе.

— Жалѣю, Лиза? Нѣтъ. Я радъ, очень радъ; потому что теперь надѣюсь вознаградить васъ и вашу тетушку.

— Вознаградить? Какимъ образомъ? Вы не можете воскресить его. Пока мы сидимъ здѣсь, онъ лежитъ на кладбищѣ Санъ-Михель, гдѣ единственными гостями бываютъ только гондолы съ черными флагами, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ печали и смерти. Вы не можете воскресить его.

— Увы, это правда, Фіорделиза! но я могу сдѣлать многое, чтобы облегчить вамъ жизнь. Я могу навсегда избавить васъ и вашу тетушку отъ бѣдности и лишеній.

— Ахъ!—вздохнула Ція,—натерпѣлись мы горя съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ, какъ бѣднаго синьора Смита отвезли на кладбище Санъ-Михель. Не думайте, что онъ былъ очень богатъ, но пока онъ былъ живъ, у насъ были деньги на все—и на кофе, и на макароны, и на стуфато по воскресеньямъ, и на фляжку Чіанти, которой хватало на цѣлую недѣлю. Мы не тратили его денегъ понапрасну, и онъ всегда хвалилъ свою маленькую Лизу, какъ самую бережливую хозяйку и самую лучшую жену, какую можетъ пожелать себѣ человѣкъ. И можете быть увѣрены, что она сдѣлалась бы его женой, останься онъ живъ. Онъ обѣщалъ ей это много разъ и навѣрно сдержалъ бы свое слово. Въ концѣ концовъ, она была бы женой англійскаго джентльмена.

— Въ концѣ концовъ,—повторила Лиза,—и мой сынъ не остался бы безъ отца.

— Вашъ сынъ!—вскричалъ Ванситартъ.

— Ахъ, да, вѣдь вы не знаете этого, — отвѣтила Ція. — Ея мальчикъ родился черезъ полгода послѣ смерти отца. Была уже глубокая осень, когда появился на свѣтъ bambino. Съ виноградниковъ осыпались желтые листья, уѣзжали туристы, Венеція пустѣла, на лодкахъ стали подвозить топливо для зимы, съ Адріатики подулъ холодный вѣтеръ. Мы были очень бѣдны. Когда онъ умеръ, въ его кошелькѣ оставалось очень мало денегъ—едва столько, чтобы заплатить за похороны,—и когда затѣмъ была издержана послѣдняя лира, намъ обѣимъ оставалось только одно—идти опять на кружевную фабрику и работать по прежнему, чтобы имѣть блюдо поленты и ночлегъ на чердакѣ. Но мы не хотѣли возвращаться на островъ Бурано и слушать, какъ прежнія товарки будутъ перешептываться и смѣяться, что мы опять сдѣлались работницами, послѣ того какъ жили барынями и ходили въ бархатныхъ платьяхъ. Мы поступили на венеціанскую фабрику и жили въ крохотной комнаткѣ въ Ріальто, подъ самой крышей стараго-престараго дома, гдѣ ничего не видѣли, кромѣ неба; тамъ и родился ребенокъ Лизы, прекрасный мальчикъ. Ахъ, какъ гордился бы синьоръ Смитъ, еслибы ему довелось увидѣть это прелестное дитя!

— Мальчикъ живъ?—спросилъ Ванситартъ мягко.

— Живъ! Онъ въ сосѣдней комнатѣ; это наша радость и счастье нашей жизни,—отвѣчала Ція.

Тутъ Лиза вскочила изъ-за стола и, приложивъ палецъ къ

Digitized by Google

губамъ, направилась черезъ комнату, сдѣлавъ Ванситарту знакъ слѣдовать за собой. Она тихонько отворила дверь и ввела его въ спальню, гдѣ, при свѣтѣ ночника, онъ увидѣлъ ребенка, спавшаго въ дѣтской кроваткѣ, рядомъ съ монументальной старинной кроватью. Этотъ ребенокъ былъ воплощеніемъ херувимовъ Гвидо Рени,—со своими круглыми, полными щечками, оливково-смуглаго цвѣта, разгорѣвшимися жаркимъ румянцемъ, съ божественнымъ пухленькимъ ротикомъ, съ длинными черными рѣсницами, обрамлявшими вѣки, испещренныя голубыми жилками, и съ черно-каштановатыми локонами вокругъ широкаго лба. Въ самомъ дѣлѣ, что за прелестный ребенокъ! Ванситартъ не могъ удержать своего восторга при видѣ этого спящаго купидона.

— Вы очень любите его, — мягко замѣтилъ Ванситартъ, когда Лиза наклонилась, чтобы прикрыть ребенка одѣяломъ, и страстно поцѣловала пухленькую дѣтскую ручку съ ямочкой на локтѣ.

— О, я его обожаю. Онъ для меня дороже всего въ мірѣ, мнѣ больше некого любить.

— Да, и я виноватъ въ этомъ: по моей винѣ онъ лишенъ отца,—сурово произнесъ Ванситартъ, когда они возвратились въ гостинную.

Маленькіе американскіе часы на каминѣ показывали часъ ночи, но, не смотря на позднее время, всѣ опять усѣлись вокругъ стола, и ни гость, ни хозяева не выказывали намѣренія проститься. Ванситартъ рѣшилъ даже не уходить до тѣхъ поръ, пока не сговорится съ ними насчетъ будущаго, и не обезпечитъ ихъ такъ, чтобы не терзаться угрызеніями совѣсти.

— Какимъ образомъ попали вы съ венеціанской кружевной фабрики на Ковентъ-Гарденскую сцену?—спросилъ онъ.—Лондонъ слишкомъ далекъ отъ Венеціи, чтобы попасть туда безъ помощи друга.

— У насъ былъ другъ,—отвѣчала Лиза.—Мой добрый старый учитель музыки. Мы потеряли его изъ виду, когда на насъ обрушилось горе; но я встрѣтила его однажды по выходѣ изъ фабрики—моему ребенку было тогда три мѣсяца—и онъ остановился, чтобы поговорить со мною. Онъ былъ пораженъ, видя, какъ я худа и блѣдна, а когда услышалъ, какъ мы бѣдствуемъ— я и Ція—онъ спросилъ, почему я не эксплу-

Digitized by Google

атирую своего голоса. Онъ всегда хвалилъ мой голосъ, когда синьоръ Смитъ спрашивалъ его, бывало, какъ идутъ мои уроки. Такой голосъ, какъ мой, стоилъ денегъ, говорилъ онъ. И онъ былъ тогда очень добръ къ намъ, не смотря на нашу бѣдность. Онъ сталъ мнѣ давать уроки даромъ и сказалъ, что я заплачу тогда, когда буду много зарабатывать пѣніемъ. Онъ научилъ меня пѣть въ хорѣ, въ операхъ Верди, далъ письмо къ импрессаріо въ Миланъ и денегъ на дорогу, и, какъ только мы добрались до Милана, все пошло отлично. Меня приняли въ хоръ, я пѣла тамъ два сезона и мы съ Ціей прекрасно жили на мое жалованье; даже откладывали кое-что. Такъ шло до того времени, когда сезонъ въ Ла-Скала закрылся и въ Миланъ пріѣхалъ англійскій импрессаріо набирать труппу для лондонской оперы. А такъ какъ я всегда стремилась въ Лондонъ, то и пришла къ этому импрессаріо съ просьбой нанять меня въ хоръ, на что онъ въ ту же минуту согласился. Уже полтора года, какъ мы — я и Ція — въ Англіи и почти все время въ Лондонѣ.

— И вы сдѣлали, синьора, удивительные успѣхи въ англійскомъ языкѣ.

— Не называйте меня синьорой,—нѣжно возразила она.— Лучше зовите Фіорделизой, какъ тогда въ Венеціи.

— Разскажите мнѣ, какъ вамъ понравилась наша Англія.

Ція, съ восторженнымъ изумленіемъ, подняла брови и плечи и всплеснула руками.

— Удивительная, удивительнѣйшая страна!—воскликнула она.—Улицы, длинныя, широкія улицы и блестящіе, блестящіе магазины! Кареты, роскошно одѣтые люди, дымъ, грохотъ колесъ, неумолкаемый шумъ. Когда я вспоминаю островъ Бурано, прошлое кажется мнѣ тихимъ сномъ; это было сонное царство посреди воды; жизнь протекала однообразно, полусонно! А здѣсь все бодрствуетъ, все полно энергіи.

— Но вашъ Лондонъ некрасивъ,—проговорила Фіорделиза.—Онъ не похожъ на Венецію. Небо здѣсь тусклое и сѣрое,—не такое синее, какъ у насъ! Еслибы я могла хоть изъ окна видѣть рѣку—даже вашу скучную, мутную рѣку,—я была бы счастливѣе. Но никогда мнѣ не видѣть и не слышать моря—это было тяжело и въ Миланѣ, который все же Италія.

— Въ Лондонѣ есть много мѣстъ, откуда вы можете ви-

Digitized by Google

дѣть рѣку и слышать ея шумъ, — отвѣчалъ Ванситартъ.—Конечно, мы не можемъ вамъ предложить ничего подобнаго вашимъ лачугамъ, но у насъ есть рѣка, и тѣ, кому она нравится, могутъ жить возлѣ нея.

— Не тѣ, кому она нравится, а тѣ, которые богаты,— поправила Лиза.—Мы спрашивали, можно ли найти квартиру близь рѣки, и намъ сказали въ театрѣ, что такія квартиры очень дороги—онѣ намъ не по средствамъ.

— Мы попробуемъ поискать,—сказалъ Ванситартъ и продолжалъ болѣе серьезнымъ тономъ: — Я хочу устроить соглашеніе съ вами и вашей тетушкой, опредѣлить наши взаимныя отношенія въ будущемъ. Мы будемъ друзьями, Лиза?

— Да, да, друзьями, настоящими друзьями!—пылко отозвалась она.

— И вы прощаете меня за то... что было сдѣлано въ ту ночь?

— Да, я прощаю васъ. Не вы одни виноваты. Онъ оскорбилъ васъ, ударилъ, и вы обезумѣли, а тутъ еще подъ руку попался ножъ. Это было что-то роковое. Не станемъ болѣе думать объ этомъ. Мы не можемъ воскресить его. Лучше всего позабыть это.

— Вы, конечно, понимаете, Лиза, что можете погубить меня, предать въ руки закона, опозорить на всю жизнь. Хотите вы сдѣлать это?

— Нѣтъ!—отвѣчала она рѣшительно.

— А вы, синьора,—обратился онъ къ теткѣ,—вы согласны съ вашей племянницей?

— Согласна во всемъ. Лиза гораздо умнѣе своей бѣдной, старой тетки. Я сдѣлаю, какъ она скажетъ.

— Но можетъ случиться, Фіорделиза, что вы измѣните свои намѣренія,—продолжалъ Ванситартъ.—Женщины капризны. У васъ можетъ явиться желаніе предать меня, разсказать людямъ про эту венеціанскую трагедію, въ которой я былъ первымъ актеромъ.

— Ни за что въ свѣтѣ не скажу я противъ васъ ничего, что можетъ вредить вамъ!

— Правда ли это, Лиза?

— Клянусь вамъ тысячу разъ.

— Тогда поклянитесь мнѣ,—заговорилъ онъ, взявъ ее за

Digitized by Google

руку—поклянитесь именемъ Божьей Матери и всѣхъ святыхъ, что никогда и никому не скажите, какъ я убилъ безоружнаго человѣка въ кафе Флоріани. Поклянитесь, что будете всегда честно и правдиво относиться ко мнѣ, также какъ и я отношусь къ вамъ, и что никогда, ни словами, ни поступками, не сдѣлаете мнѣ зла.

— Клянусь именемъ Божьей Матери и всѣхъ святыхъ до конца моихъ дней оставаться вамъ вѣрной и преданной!

— А вы, синьора?—спросилъ Ванситартъ Цію.

— Что она обѣщаетъ, то и я обѣщаю.

— Намъ остается поблагодарить Бога за то, что случай свелъ насъ вмѣстѣ,—съ жаромъ сказалъ Ванситартъ.—Я могу теперь, съ легкимъ сердцемъ, вознаградить васъ обѣихъ. Я ничего не пожалѣю, Лиза, чтобы доказать, какъ непритворно и глубоко мое раскаяніе. Вамъ хотѣлось жить у рѣки, дитя? Хорошо, это будетъ мое дѣло—найти для васъ домъ, изъ оконъ котораго можно любоваться рѣкой и слышать шумъ прибоя. Ваше будущее—въ голосѣ. Я возьму на себя обязанность найти вамъ учителя, который приготовитъ васъ для чего нибудь лучшаго, чѣмъ служба хористки. Какъ вы справедливы ко мнѣ, Лиза, такъ и я, клянусь небесами, буду справедливъ къ вамъ. Все, что можетъ братъ сдѣлать для сестры, я сдѣлаю для васъ, и буду считать это только простымъ исполненіемъ долга.

— Ахъ, какой благородный джентльменъ,—закричала Ція, утирая слезы, — и какъ милосердна пресвятая Марія, что послала намъ такого великодушнаго друга! Мнѣ и во снѣ не снилось такого счастья.

— А теперь, леди, я долженъ пожелать вамъ доброй ночи,—сказалъ Ванситартъ.—Надѣюсь быть у васъ завтра днемъ и сообщить вамъ кое-что о вашей новой квартирѣ. Вы, конечно, согласитесь поселиться за нѣсколько миль отъ вашего театра? Сообщеніе удобное:—трамваи, омнибусы и желѣзная дорога всегда къ вашимъ услугамъ,—прибавилъ онъ.

— Мы согласимся даже ходить пѣшкомъ туда и обратно,—отвѣчала Лиза.—Мы отличные ходоки. Намъ пришлось жить очень далеко отъ La Scala. Совсѣмъ на другомъ концѣ Милана.

— Такъ до завтра. A rivederci!

Пробило два часа, когда онъ вышелъ на Чарльзъ-Стритъ,

Digitized by Google

чувствуя въ душѣ необычайную легкость. Старое бремя не тяготило его теперь, когда онъ зналъ судьбу этихъ двухъ женщинъ. Онѣ не погибли, какъ онъ часто воображалъ. И онъ можетъ устроить ихъ и вознаградить. Онъ сдѣлаетъ для Лизы больше, чѣмъ сдѣлалъ бы тотъ убитый человѣкъ. Онъ поможетъ ей сдѣлать честную карьеру. Есть у нея талантъ или нѣтъ—онъ обязанъ культивировать ея голосъ.

X.

Искупленіе.

На слѣдующій день, Ванситартъ принялся искать квартиру, и еще не было двухъ часовъ пополудни, какъ онъ уже успѣлъ взойти и спуститься по лѣстницамъ столько разъ, что потерялъ имъ счетъ. Онъ обошелъ Стрэндъ, Милльбанкъ и Челси; и наконецъ, проѣздивши нѣсколько времени въ кабріолетѣ по всѣмъ концамъ города и повидавшись съ нѣсколькими комисіонерами, онъ нашелъ третій этажъ въ недавно отстроенномъ домѣ близъ Чейнъ-Уэлка, показавшійся ему идеальнымъ помѣщеніемъ для Фіорделизы и ея тетки. Домъ стоялъ на углу, и окна третьяго этажа, также какъ и балконъ, имѣли живописный видъ на рѣку и паркъ Бетерси, между тѣмъ какъ на востокѣ виднѣлось аббатство и зданіе парламента, а на югѣ подымались Кентскіе холмы и Хрустальный дворецъ. Квартира состояла изъ трехъ просторныхъ комнатъ и уютной кухни позади. Балконъ былъ прочный и красивый. Квартира была чрезвычайно свѣтлая и комисіонеръ изо всѣхъ силъ расхваливалъ ее, увѣряя, что домъ солидной постройки. Плата за квартиру—восемьдесятъ пять фунтовъ въ годъ—не показалась Ванситарту слишкомъ высокой. Ему ужасно хотѣлось устроить Фіорделизу съ теткой какъ можно удобнѣе. Онъ не былъ богатъ, но рѣшилъ про себя, что можетъ удѣлить двѣсти фунтовъ въ годъ для успокоенія своей совѣсти. Онъ готовъ платить этотъ налогъ всю жизнь—даже въ то отдаленное время, когда у него будутъ сыновья въ университетѣ, и придется выдавать замужъ дочерей.

Онъ засталъ дома и тетку, и племянницу, ожидавшихъ его. Кабріолетъ перемѣнили на бругэмъ, чтобы можно было помѣститься втроемъ.

Digitized by Google

— Я хочу, Лиза, чтобы вы поѣхали со мной осмотрѣть квартиру, которую я нашелъ для васъ,—сказалъ онъ, — если вы дѣйствительно желаете поселиться въ Лондонѣ.

— Да, да, очень желаю,—съ жаромъ отвѣчала она.—Лондонъ—большой городъ. А вы живете тоже въ Лондонѣ?

— Не всегда. Я пріѣзжаю сюда изрѣдка, на мѣсяцъ или два. Я не люблю городской жизни.

Она казалась разочарованной при этомъ отвѣтѣ.

— Вы будете приходить къ намъ, когда пріѣдете въ Лондонъ?—спросила она.

— Конечно. Я буду навѣщать васъ, чтобы видѣть, какъ вы и Ція привыкаете къ новой обстановкѣ. А теперь отправимся взглянуть на апартаменты, которые я выбралъ для васъ. Быть можетъ, вамъ не понравится мой выборъ.

Ція объявила, что это немыслимо: его выборъ долженъ быть совершенствомъ. Благородный джентльменъ не можетъ имѣть дурнаго вкуса. Фіорделиза была уже одѣта для прогулки. Ея нарядъ былъ бѣденъ, но опрятенъ: старое черное платье и черная соломенная шляпка, украшенная блѣдными розами. Ція тоже принарядилась и глядѣла такой солидной и почтенной матроной, что Ванситартъ удивился и вспомнилъ, какъ она была смѣшна въ Венеціи въ своемъ красномъ плюшевомъ платьѣ и мѣдной цѣпочкѣ. Ребенка поручили заботамъ квартирной хозяйки, обожавшей его, какъ объяснила Ванситарту Лиза.

Они проѣхали черезъ Сенъ-Джемскій паркъ, мимо Букингэмскаго дворца и Итонъ-сквэра, причемъ венеціанки были въ восторгѣ отъ этой прогулки. Онѣ выражали свои чувства восклицаніями при каждомъ новомъ поворотѣ дороги. Домá, солдаты, деревья, озеро, дворецъ, и даже величественный, длинный и некрасивый сквэръ — все поражало ихъ. Великолѣпіе города, его громадность приводили ихъ въ изумленіе. Имъ уже показался великъ Миланъ, но этотъ Лондонъ могъ вмѣстить двадцать Милановъ. Наконецъ, бругэмъ, послѣ многихъ поворотовъ, выѣхалъ на набережную и онѣ увидѣли Темзу, во всей ея красотѣ. Рѣка сіяла на солнцѣ, деревья казались пурпурными отъ налившихся почекъ, старыя домá Чейнъ-Уэлкъ глядѣли такими яркими и веселыми при солнечномъ свѣтѣ.

Digitized by Google

— О, какъ хорошо!—вскричала Лиза; ея тетка пришла въ такой же энтузіазмъ.

— Я долженъ предложить вамъ одинъ вопросъ,—началъ Ванситартъ, — прежде чѣмъ мы вступимъ въ переговоры съ комисіонеромъ. Дѣло въ томъ, что я еще не знаю вашей фамиліи.

— Меня зовутъ Виванти,—отвѣчала Ція, — Лизу—тоже. Она дочь моего брата.

— Такъ Лиза будетъ мадамъ Виванти, а вы—m-lle?

— Какъ вамъ угодно. Я никогда не была замужемъ. Мой женихъ былъ рыбакомъ и въ одну бурную ночь утонулъ. Я никого болѣе не любила, поселилась съ братомъ и его женой, и работала вмѣстѣ съ ними. У брата была цѣлая куча дѣтей; Лиза—старшая изъ нихъ.

— Такъ у васъ есть братья и сестры, Лиза? Какъ же вы рѣшились поселиться въ Англіи и разстаться съ ними?

Она пожала плечами.

— Насъ такъ много,—сказала она,—а теперь все же однимъ ртомъ меньше. Мать умерла шесть лѣтъ назадъ, истощенная работой и бѣдностью. Отецъ колотилъ насъ за каждое слово, за каждый взглядъ. Нѣ весело было намъ жить въ Бурано. Я не хочу туда возвращаться—никогда. А ваше имя, синьоръ? Вы намъ его не сказали.

— Меня зовутъ Смитъ.

— Какъ странно!—вскричала Лиза.—Также, какъ *его*.

— Это самая обыкновенная англійская фамилія.

Экипажъ остановился на углу улицы и Ванситартъ повелъ своихъ дамъ вверхъ по новой чистенькой лѣстницѣ, въ третій этажъ. Лиза и ея тетка были въ восторгѣ. Все было такъ хорошо—и обои, и потолки, и окна, и балконы, и камины, со своими рѣзными деревянными полками, и блестящія глиняныя вазы для цвѣтовъ, и артистическія маленькія печи, требующія очень мало угля и дающія много тепла. Тамъ была просторная гостинная въ пять оконъ, считая въ томъ числѣ прелестное круглое окно, обращенное на западъ. Къ этой гостинной примыкали двѣ маленькія спальни, а по другую сторону лѣстницы находилась кукольная хорошенькая кухня, украшенная полками для посуды и всѣми приспособленіями, крошечная и уютная, словно каюта джерсейскаго парохода.

Digitized by Google

— А теперь, синьора Виванти, — заговорилъ Ванситартъ церемоннымъ тономъ, когда осмотръ былъ оконченъ, — если вамъ и вашей тетушкѣ нравится эта квартира, и если вы надолго хотите поселиться въ Лондонѣ, чтобы развить сколько возможно свое музыкальное дарованіе,—я почту за счастіе меблировать эти комнаты и платить за нихъ всегда, или во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока вы не выдете замужъ и—добавилъ онъ болѣе строгимъ тономъ—будете вести честную, добродѣтельную жизнь, не заводя легкомысленныхъ знакомствъ и ограничиваясь тѣснымъ домашнимъ кружкомъ, пока не ознакомитесь настолько съ чуждымъ для васъ народомъ, чтобы умѣть съ толкомъ выбирать друзей. Согласны вы на эти условія?

— И вы еще можете спрашивать! Ахъ, вы слишкомъ благородны и добры ко мнѣ. Я буду считать себя королевой, живя въ такихъ комнатахъ, съ этимъ чуднымъ видомъ на рѣку. Это похоже на дворецъ. Но, пожалуйста, не называйте меня синьорой Виванти, а то мнѣ все кажется, что вы сердитесь на меня!

— Наивное дитя, вы не должны этого думать, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Я отношусь самымъ дружескимъ образомъ къ вамъ и вашей теткѣ. Но я не долженъ называть васъ просто Лизой. Такая фамильярность принята въ Англіи только между родственниками и влюбленными. Съ этого времени вы для меня синьора Виванти.

Лиза надулась и опечалилась, но ничего не сказала. Ція выразила самую сердечную благодарность, за племянницу въ особенности. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на Цію кухня. Тамъ была плита, на которой такъ удобно готовить ризотто, стуфатто, макароны и другія любимыя блюда итальянцевъ.

— Вы будете вести хозяйство племянницы, — обратился Ванситартъ къ теткѣ,—и воспитывать ея мальчика,—тутъ онъ остановился въ нерѣшимости, но Лиза ничего не возразила и онъ продолжалъ, — до тѣхъ поръ пока онъ не поступитъ въ школу. Лиза... синьора Виванти станетъ упорно разработывать свой музыкальный талантъ, если не хочетъ вѣчно оставаться хористкой. Я постараюсь найти хорошаго учителя пѣнія, не слишкомъ знаменитаго и дорогаго, и уплачу ему за курсъ уче-

Digitized by Google

нія—положимъ, хоть за шесть мѣсяцевъ. За это время мы увидимъ, насколько разовьется голосъ madame Виванти.

— Зовите меня, по крайней мѣрѣ, сьорой, если не хотите звать Лизой,—сердито сказала молодая женщина.—Я не могу слышать этого офиціальнаго французскаго madame.

— Хорошо, пусть вы будете сьора, если это вамъ нравится. А теперь, сьора и Ція, скажите мнѣ, что вы довольны мной, и что маленькая помощь, которую я съ такой радостью оказываю вамъ, служитъ нѣкоторымъ искупленіемъ за то... что я совершилъ въ *ту* ночь.

— Вы слишкомъ благородны, вы сдѣлали слишкомъ много,—вскричала Лиза, рыдая.—Онъ никогда не сдѣлалъ бы такъ много, даже еслибы имѣлъ средства. Онъ думалъ, что мы всѣмъ должны быть довольны... когда... когда... мы надоѣли ему. Вы въ тысячу разъ лучше его...

— Лиза, Лиза,—протестовала тетка, — нехорошо такъ говорить.

— О, я помню; я любила его когда-то... страстно, страстно. Каждую ночь и каждое утро я молилась пресвятой Богородицѣ, чтобы онъ сдержалъ свое слово и женился на мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ бархатное платье. Да, я любила его страстно. Онъ платилъ за мои уроки на мандолинѣ и обѣщалъ воспитать меня, какъ леди. Да, я любила его. Я никогда не забуду того дня, когда онъ въ первый разъ пришелъ на фабрику въ Бурано, смотрѣлъ на всѣхъ насъ, когда мы сидѣли за работой, и заговорилъ со мной по итальянски. Англичане рѣдко умѣютъ говорить по итальянски. Голосъ у него былъ такой нѣжный и ласковый; онъ сталъ разспрашивать про мою работу. Но потомъ, когда мы жили въ Венеціи, онъ не всегда былъ ласковъ; онъ никогда не былъ такъ ласковъ и деликатенъ, какъ вы.

Высказавъ эти простодушныя слова, она еще поплакала немного, но скоро осушила свои слезы и они всѣ трое спустились съ лѣстницы, чтобы ѣхать въ контору комисіонера и окончательно условиться насчетъ квартиры. По прибытіи туда, онъ представилъ сначала синьору Виванти, артистку королевской Ковентъ-Гарденской итальянской оперы, а затѣмъ и себя самого подъ именемъ Джона Смита, который ручается за полную респектабельность обѣихъ леди и предлагаетъ теперь же, въ задатокъ

Digitized by Google

за квартиру, нѣсколько банковыхъ билетовъ. Этотъ солидный задатокъ, а также тотъ фактъ, что новыя жилицы соглашались нанять квартиру безъ всякой мебели, подѣйствовали на комиссіонера чрезвычайно благопріятно и возбудили его довѣріе къ незнакомцу, назвавшемуся Джономъ Смитомъ изъ Лондона.

Покончивъ эти формальности и получивъ ключъ отъ квартиры, Ванситартъ усадилъ своихъ дамъ въ экипажъ и простился съ ними.

— Вы успѣете возвратиться домой какъ разъ во-время, чтобы не опоздать въ театръ, — сказалъ Ванситартъ на прощанье.—Завтра я займусь убранствомъ вашей квартиры, и черезъ недѣлю все будетъ готово. Вамъ лучше предупредить свою квартирную хозяйку теперь же.

— Ей будетъ жаль разстаться съ Паоло,—замѣтила Ція.— Она любитъ его, какъ бабушка.

— Вы придете къ намъ черезъ недѣлю?—спросила Лиза умоляющимъ тономъ, когда онъ закрывалъ дверцу кареты.

— Черезъ недѣлю будетъ готова ваша новая квартира,— отвѣчалъ онъ,—я приду или напишу вамъ. Прощайте.

Онъ махнулъ рукой извощику, заранѣе получившему приказаніе отвезти дамъ обратно. Карета покатилась и Лиза все время смотрѣла на него изъ окна пылкимъ и немного разочарованнымъ взглядомъ.

«Бѣдное дитя! Не ожидала ли она, что я опять накормлю ихъ обѣдомъ въ ресторанѣ, какъ тогда въ Венеціи»? — спрашивалъ онъ себя, направляясь къ Пикадилли.—«Какая у нея странная, импульсивная дѣтская натура, сотканная изъ смѣха и слезъ, легко принимающая самыя ужасныя вещи и, однако, такая отзывчивая для страсти и печали. Но какъ это хорошо, что я могу исправить разбитую жизнь и осчастливить тѣхъ, кому принесъ несчастье».

Бо́льшую часть слѣдующаго дня онъ посвятилъ отдѣлкѣ квартиры. Это былъ его первый опытъ въ этой области. Его вкусу и воображенію представлялся большой просторъ. Ему казалось, что онъ убираетъ игрушечный домикъ для какой нибудь говорящей куколки,—до такой степени Лиза казалось ему простодушнымъ младенцемъ.

Комнаты были готовы менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, потому что убранство было простое и всѣ матеріалы оказались подъ

Digitized by Google

рукой у вестъ-эндскаго обойщика. Ему оставалось только выбрать то, что было наиболѣе изящнымъ, артистическимъ и недорогимъ. Въ концѣ недѣли онъ отправилъ тотъ же самый бругэмъ — перевезти тетку, племянницу и ребенка на новую квартиру. Лизѣ онъ послалъ съ кучеромъ маленькую записку:

«Вашъ домъ готовъ. Завтра, въ четыре часа пополудни, я приду выпить чашку чаю въ вашей новой гостинной и узнать, довольны ли вы убранствомъ квартиры».

На другой день, съ утренней почтой, онъ получилъ отъ Лизы письмо, написанное безграмотными каракулями: «Комнаты восхитительны, все прекрасно, какъ картина или какъ сонъ; но почему вы не пришли сегодня, чтобы дать намъ возможность поблагодарить васъ? Завтрашній день еще далеко». Эта записочка побудила его быть пунктуальнымъ—и ровно въ четыре часа онъ былъ у дверей Лизы. Полуденное солнце ярко свѣтило въ южныя окна и позлащало рѣку на западѣ. На маленькомъ столикѣ, въ хрустальной вазѣ, стояли нарциссы; и бамбуковый столъ, украшенный полками, сверкалъ чайной посудой, которую выбиралъ Ванситартъ. Тетка и племянница были опрятно одѣты въ черныя мериносовыя платья, а мальчикъ, довольный и счастливый, игралъ въ уголкѣ камешками. И тетка, и племянница, поспѣшили излить свою благодарность въ цѣломъ потокѣ итальянскихъ и англійскихъ фразъ, перемѣшанныхъ самымъ курьезнымъ образомъ. Никогда еще не было квартиры лучше этой, и никто еще не имѣлъ покровителя благороднѣе Ванситарта. Онъ самъ сдѣлался счастливъ, при видѣ ихъ счастія, и почти забылъ въ эту минуту ужасную сцену въ венеціанскомъ кафе. Ванситартъ просидѣлъ у нихъ около часу, съ усиліемъ проглотивъ полчашки жиденькаго чаю, который Лиза наивно считала приготовленнымъ вполнѣ по англійскому вкусу, и затѣмъ простился съ ними, пообѣщавъ зайти опять, когда найдетъ учителя пѣнія.

— Я буду очень разборчивъ, синьора, — весело сказалъ онъ.—Маэстро долженъ быть, прежде всего, старъ и безобразенъ, чтобы вы не влюбились въ него; во-вторыхъ, онъ долженъ быть геніемъ, чтобы научить васъ въ одинъ годъ тому, чему другіе учатъ въ теченіе трехъ лѣтъ; и, въ третьихъ, онъ долженъ быть непризнаннымъ геніемъ, чтобы мы могли заплатить ему подешевле.

Digitized by Google

— Жаль, что здѣсь нѣтъ того маленькаго, добраго человѣка, который училъ меня играть на мандолинѣ, — сказала Лиза.

Ванситартъ не могъ сочувствовать Лизѣ по этому поводу, такъ какъ маленькій, добрый человѣкъ отлично зналъ венеціанскую трагедію, и его присутствіе въ Лондонѣ могло бы оказаться очень опаснымъ.

— Мы найдемъ вамъ учителя гораздо лучше, чѣмъ этотъ венеціанскій профессоръ мандолины,—отвѣчалъ онъ.—Кстати, это напомнило мнѣ, что я еще не слышалъ вашей игры на мандолинѣ...

— Хотите послушать?—спросила Лиза, озаряясь счастливой улыбкой, почти такой же радостной, какъ и тогда въ Венеціи, за обѣдомъ въ ресторанѣ «Черная шляпа».

Мандолина висѣла на стѣнѣ, украшенная лентами, красными, бѣлыми и зелеными. Лиза сняла ее, помѣстилась у окна на солнцѣ и стала наигрывать «Batti, batti», между тѣмъ какъ мальчикъ, оставивъ свои кирпичики въ углу, подошелъ къ матери, съ открытымъ ртомъ и глазами, и слушалъ внимательно.

— Спой, Лиза, спой,—сказала Ція.

Лиза засмѣялась, покраснѣла, бросила застѣнчивый взглядъ на Ванситарта, какъ будто боясь его строгаго суда, и потомъ запѣла нѣжнѣйшую мелодію свѣжимъ, юнымъ голосомъ, каждая нота котораго, полная и звучная, выказывала силу. Въ ея пѣніи было много выразительности; нѣжные пассажи legato были переданы съ такимъ трогательнымъ чувствомъ, что вызывали у слушателя слезы.

— Браво, синьора! — вскричалъ Ванситартъ, когда пѣсня была окончена.—Вашъ голосъ слишкомъ великолѣпенъ, чтобы затеряться среди хора. Вы поете «Batti, batti» такъ, какъ только можетъ спѣть самая знаменитая Церлина. Еще два года,—а, можетъ быть, и менѣе,—и у насъ новая итальянская примадонна, синьора Виванти, будетъ имѣть громадный успѣхъ. Однако, надо поспѣшить и найти поскорѣе нашего маэстро, которому предстоитъ воспитать васъ для оперы.

Онъ покинулъ ее восхищенный, что она поетъ такъ хорошо, и что ей предстоитъ блестящее будущее. Онъ былъ доволенъ тою деликатностью, съ которой она принимала его услуги. Но болѣе всего радовался тому, что можетъ хоть не-

Digitized by Google

много вознаградить своимъ покровительствомъ этихъ двухъ одинокихъ женщинъ.

Ему удалось очень скоро найти идеальнаго учителя пѣнія. Случай столкнулъ его съ музыкантомъ, миланцемъ по происхожденію, игравшимъ въ театрѣ. Это и былъ учитель, котораго искалъ Ванситартъ: некрасивый настолько, чтобы удовлетворить самый ревнивый вкусъ; пожилой, но не такой старый, что можетъ заснуть во время урока; обладавшій прекраснымъ знаніемъ, терпѣніемъ и несомнѣннымъ талантомъ, но не сдѣлавшій себѣ карьеры, а потому довольствовавшійся скромной платой за уроки.

Мнѣніе этого джентльмена о голосѣ синьоры Виванти было самымъ лестнымъ, и въ его словахъ слышалось столько искренности и технической опытности, что Ванситартъ повѣрилъ ему, не колеблясь.

— Синьора абсолютно не знаетъ музыки, — сказалъ профессоръ,—но, при усердіи и добромъ желаніи, она сдѣлаетъ себѣ карьеру своимъ голосомъ.

Лиза отнеслась очень ласково къ профессору и стала прилежно заниматься. Она оказалась послушной ученицей и терпѣливо сидѣла за роялемъ, упражненія на которомъ были очень трудны для ея непривычныхъ пальцевъ — гораздо труднѣе, чѣмъ сольфеджіи для ея соловьинаго горла. Теперь всѣ часы, свободные отъ пѣнія въ театрѣ, она посвящала занятіямъ, тѣмъ болѣе что Ція взяла на себя всѣ домашнія заботы — ходила на рынокъ, стряпала и присматривала за мальчикомъ. Однажды, передъ самымъ свѣтлымъ праздникомъ, Ванситартъ, придя къ нимъ, былъ впущенъ Лизой вмѣсто тетки, всегда отворявшей дверь. Ція отправилась въ Лондонъ за какими-то припасами, и Лиза оставалась дома одна со своимъ мальчикомъ. Это былъ случай, котораго давно ожидалъ Ванситартъ, чтобы наединѣ разспросить Лизу про убитаго, призракъ котораго все еще преслѣдовалъ Ванситарта.

— Лиза,—мягко заговорилъ онъ, забывая, что самъ запретилъ себѣ такое фамильярное обращеніе,—мнѣ надо кое о чемъ спросить васъ, если только это... не слишкомъ васъ опечалитъ. Мнѣ хочется узнать... поболѣе... о томъ человѣкѣ, котораго вы любили... и котораго я убилъ. Я знаю, какое горе принесла вамъ его смерть; но скажите мнѣ—кромѣ васъ, никто

Digitized by Google

о немъ не жалѣлъ? У него не было родныхъ въ Англіи? отца, матери, братьевъ, сестеръ?

— Я думаю, что нѣтъ,—отвѣчала она. — Онъ никогда не говорилъ ни о комъ изъ своихъ родственниковъ—по крайней мѣрѣ, о близкихъ. Его мать умерла. Только это я и знаю. Объ остальномъ онъ не говорилъ ни слова, кромѣ того только, что уже давно уѣхалъ изъ Англіи и не любитъ ни Англіи, ни англичанъ.

— Его звали Джономъ Смитомъ. Какъ вы думаете, было это его настоящее имя?

— Не знаю. Я никогда не слыхала другаго.

— И все время, какъ вы его знали, онъ не писалъ писемъ англійскимъ друзьямъ и не получалъ писемъ изъ Англіи?

— Я никогда не видала писемъ къ нему.

— И послѣ его ужасной смерти, никто его не разыскивалъ? Никто не пріѣзжалъ въ Венецію искать пропавшаго друга или родственника?

— Никто. Кромѣ Ціи и меня, никто о немъ не заботился, никто не горевалъ о его смерти. Я думаю, что, кромѣ насъ, онъ не имѣлъ близкихъ людей на свѣтѣ.

— Но когда онъ былъ въ первый разъ въ Бурано, онъ пришелъ съ товарищами,—вы говорили мнѣ.

— Съ нимъ были американцы, которые остановились въ Hôtel de Rome. Они были ему незнакомы. Потомъ они уѣхали и во второй разъ онъ пришелъ одинъ.

— Вы не знали, гдѣ онъ жилъ раньше, чѣмъ пріѣхалъ въ Венецію?

— Нигдѣ не жилъ — скитался по всей вселенной, «какъ сатана», говорилъ онъ мнѣ. Онъ больше ничего не сообщалъ о себѣ. Онъ былъ въ Африкѣ, въ Америкѣ; сообщалъ, что только ради меня остается уже шесть мѣсяцевъ на одномъ мѣстѣ.

— Были у него друзья въ Венеціи?

— Никого, кромѣ тѣхъ людей, съ которыми онъ по вечерамъ игралъ въ карты въ кофейняхъ. Иногда онъ приводилъ къ намъ двухъ или трехъ незнакомцевъ и они играли всю ночь, между тѣмъ какъ мы съ Ціей засыпали въ углу, а когда просыпались, то уже сквозь ставни виднѣлся свѣтъ. Иногда онъ выигрывалъ кучу золота въ одну ночь, и тогда становился

Digitized by Google

такой добрый и ласковый, дѣлалъ намъ съ Ціей подарки, покупалъ шампанскаго къ обѣду. Но случалось, хотя и рѣдко, что ему не везло, и тогда онъ бывалъ очень сердитъ.

— Онъ никогда не говорилъ вамъ, гдѣ родился и вырось, и какую жизнь онъ велъ раньше, чѣмъ сталъ скитаться по всей землѣ?

— Никогда. Онъ не любилъ говорить про Англію и про свою прежнюю жизнь.

Никогда! Разспрашивать далѣе было безполезно. Ванситартъ почувствовалъ великое облегченіе, узнавъ, что жизнь убитаго имъ человѣка была жизнью одинокой, скитальческой, никому не нужной. Онъ не разбилъ материнскаго сердца, не оставилъ пустаго мѣста въ семейномъ кругу, вокругъ осиротѣвшаго очага. Убитый былъ недостойнымъ номадомъ, и его смерть никого не опечалила, кромѣ этой венеціанской крестьянки и ея тетки.

Ихъ раны теперь залѣчились; онѣ стали счастливыми и довольными; таковы были послѣдствія его преступленія. Провидѣніе оказалось къ нему очень милостивымъ.

Приближалась пасха, которую онъ долженъ провести въ Редвольдъ-Товерсѣ, близь коттэджа Евы Мерчентъ. Эта пасха, быть можетъ, рѣшитъ его судьбу.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

СВѢТУ БОЛЬШЕ!

Историческій романъ.

XVII.

Осенью того же 1701 года, въ прихожую нижегородскаго воеводы Измайлова, отца бывшей полонянки Оленушки, явился утромъ какой-то «незнамый человѣкъ» въ монашеской одеждѣ и просилъ доложить, что онъ желаетъ говорить съ воеводою «по тайности»—объявить государево «слово и дѣло».

Эти два страшныя въ то время слова были тотчасъ же доложены воеводѣ. Когда произносились эти два слова передъ кѣмъ бы то ни было и въ какой бы то ни было часъ дня и ночи, на улицѣ ли, на дому, или въ церкви, то всѣ дѣла, какъ бы ни были важны, какъ бы ни были спѣшны,—должны были откладываться, а немедленно, тотчасъ же должно быть выслушано то, что̀ послѣдуетъ за этими двумя ужасными словами. Конечно, эти слова были—доносъ.

Измайловъ тотчасъ же велѣлъ ввести доносителя. Но, давно состоя на службѣ и опытомъ убѣдившись, какъ часто эти страшныя слова произносятся по совершенно вздорному случаю — изъ личной ли мести, изъ корысти, или же просто по глупости — онъ рѣшилъ сначала поговорить съ доносчикомъ съ глазу на глазъ, чтобъ не заводить попусту вздорнаго дѣла и понапрасну не докучать этими вздорами государю, вѣчно занятому болѣе важными государственными соображеніями... Что̀ могъ сообщить ему важнаго какой-то, какъ доложили ему: «не то бродяжка, не то монашишка»?

Передъ нимъ стоялъ именно «монашишка», съ плутовато-бѣгающими маленькими глазками, которые, словно мышата, то и дѣло прятались въ свои норки подъ рыжими бровями.

— Ты кто такой?—спросилъ Измайловъ.

Digitized by Google

— Я божій трудникъ, питаюсь молитвой и доброхотными даяніями... Имя мое—Павелъ, прозвище Черныхъ... Доношу тебѣ *слово и дѣло* государево на злодѣевъ его, государевыхъ, на керженскихъ скитниковъ, на Микиту Непомнящаго,—а кто онъ доподлинно, того не вѣдаю,—на Кирила Андреева—полагаю, не простаго роду—и на стариковъ-скитниковъ... Вотъ улика въ сей тетрадкѣ.

И онъ подалъ, вынувъ изъ-за пазухи, засаленную тетрадку. Измайловъ не разъ видалъ эти вздорныя, безграмотныя раскольничьи бредни, свидѣтельствующія якобы о пришествіи антихриста,—и брезгливо бросилъ тетрадь на окно.

— Я таковыя тетрадки съ безлѣпичными бреднями давно знаю. А въ чемъ твое «слово и дѣло»?—строго спросилъ онъ.

— Доношу,—забормоталъ и заметался бродяга: — былъ я, богомолецъ, нонѣшнею весной у преподобнаго Макарья желтоводскаго для поклоненія, и повстрѣчался тамъ съ двумя старцами-скитниками. И зашла у насъ рѣчь о православной вѣрѣ. И старцы меня спрашиваютъ:—«А какое-де у тебя крестное сложеніе»? Я сложилъ три перста, какъ подобаетъ по церковному. А они и говорятъ:—«Ты-де крестишься армянскимъ крестомъ, табачною пучкою; а мы-де таковыхъ проклинаемъ и пить-ѣсть съ собою не сажаемъ. А ты-де иди къ намъ, въ керженскіе скиты, есть-де тамъ у насъ великіе учители, они-де и «Маргаретъ», и «Златый Бисеръ» произошли, а единъ святой мужъ и бѣсовъ посрамляетъ,—на единомъ-де бѣсѣ и въ Ерусалимъ ѣздилъ». И я, услышавъ то и разумѣя ихъ прелесть, какъ бы имъ меня прельстить въ свое еретическое согласіе, послѣдовалъ за ними въ ихъ скиты, дабы очевидностью своею увѣдать все творимое ими. И пришедъ мы въ скиты, явились къ учителямъ ихъ, къ Кирилѣ Андрееву и къ Микитѣ Непомнящему. И оные Кирилъ и Микита, прочетши мнѣ тетрадку съ хулою на великаго государя, на святую соборную церковь и на весь освященный соборъ, наглостно кощунствовали:—«Мы-де шлемся на сію тетрадку; нынѣ-де въ мірѣ царствуетъ антихристъ и уловляетъ христіанъ въ свои сѣти; токмо-де насъ и молящихся съ нами ему не уловить; у него-де, у антихриста, пушки, а у насъ-де четки да крестъ, и насъ-де его пушки не возьмутъ». А я имъ на сіе:—неистово говорите вы, отцы, про великаго государя, про его пушки и воинство,

Digitized by Google

потому-де, что за великаго государя и его воинство святая церковь умоляетъ, а пушки-де святою водою окропляются. Говорите-де вы, что нынѣ царствуетъ антихристъ; а писаніе-де говоритъ, что антихристъ родится отъ колѣна Гданова, отъ сущія дѣвицы-жидовки.—А они на сіе:—«Гданъ-де родился отъ Іакова, а нашъ антихристъ родился-де отъ Гданова колѣна».—Нѣтъ,—говорю я имъ,—въ книгѣ Ефрема Сирина о послѣднемъ времени написано: въ послѣднее же время будутъ многіе антихристы и лжепророцы, а того, кто именно истинный антихристъ будетъ, не написано. Я же-де знаю подлинно, что великій государь родился отъ благочестива корене—отъ царя Алексѣя Михайловича и отъ царицы, матери его, Натальи Кириловны Нарышкиной, и персоною-де онъ въ ихъ нарышкинскую породу: великовозрастенъ и крѣпокъ, и походитъ на дядю своего, на Ѳедора Кириловича. Да онъ-де—говорю — и въ церковь нашу ходитъ и святую литургію слушаетъ, и по великимъ-де постамъ постъ держитъ, и святыхъ-де таинъ причащается; а въ прошлыхъ-де годахъ, какъ мать его царица Наталья Кириловна немоществовала и изъ Новодѣвичьяго-де монастыря во дворецъ принесенъ былъ образъ пресвятыя Богородицы, и онъ-де, государь, тому образу молился и плакалъ.

Доносчикъ остановился. Въ памяти его, вѣроятно, прервалась нить обвиненій. Измайловъ упорно молчалъ; ему такъ давно были знакомы всѣ эти бредни мракобѣсовъ и пустосвятовъ отживавшей старины. Но онъ долженъ былъ выслушать все: вѣдь это—«слово и дѣло»...

Въ комнату заглянуло миловидное женское личико, съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ.

— А, это ты, Оленушка.

— Батюшка, подь сюда; Скляевъ и Верещагинъ пришли по государеву важному дѣлу.

— Мнѣ недосугъ, дочка... Пущай подождутъ...

Оленушка скрылась за дверью.

— Ну, все?—спросилъ Измайловъ.

— Нѣтъ, ваша милость, господинъ воевода,—отвѣчалъ доносчикъ, поймавъ, вѣроятно, нить своей ябеды.—Когда я говорилъ про великаго государя,—продолжалъ онъ,—и на сіи мои слова, онъ, Микита Непомнящій, съ насмѣшкою ска-

Digitized by Google

залъ:—Куда-де какую безлѣпицу сказываешь ты про рекомаго, онъ же антихристъ! Въ писаніи сказано, что онъ-де, антихристъ, лукавъ будетъ и къ церкви-де облыжно прилеженъ, и ко всѣмъ лицемѣрственно, якобы-де, милостивъ. А что-де онъ въ церковь ходитъ, то не диво: въ церквяхъ нонѣ святости нѣтъ. А прочти-де мою тетрадку, тамъ-де на него, антихриста, лихо выведено!

Измайловъ искоса взглянулъ на тетрадку, валявшуюся на окнѣ.

«Такъ вонъ гдѣ измышлена эта мразь словесная—въ Керженцахъ,—подумалъ онъ.—Дослушаю»...—Ну?

— И по тѣхъ его, Микиты Непомнящаго, злыхъ словесахъ,—продолжалъ доносчикъ,—тѣ старцы, что̀ заманили меня въ скиты, сказали:—Нынче-де былъ у насъ съ Макарья странникъ, такъ сказывалъ про антихриста неисповѣдимое: собралъ-де онъ, антихристъ, бѣглыхъ солдатъ человѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Экое-де времячко, экое наругательство! Это ли еще не наругательство? Онъ-де, антихристъ, сказываютъ, у образа Господа Саваоѳа отъ вѣнца отнялъ два рога да и подложилъ коню подъ чрево.—Какъ-де отнялъ и положилъ подъ чрево? — пытаю я. А они мнѣ:—Мы-де старцы неграмотные... Вонъ-де спроси у Микиты... Мы-де что̀ слышали, то и говоримъ—за что купили, за то и продаемъ...

Измайловъ мужественно выслушалъ этотъ чудовищный бредъ повальнаго невѣжества и изувѣрства. Онъ не смѣлъ не выслушать его, потому что бредъ этотъ соединенъ былъ съ страшными словами: «слово и дѣло»... Не выслушай, не донеси—и самому воеводѣ пришлось бы попасть въ застѣнокъ да на дыбу.

— А дальше?—спросилъ онъ, проклиная въ душѣ это невѣжество и изувѣрство.

— Дальше, ваша милость, я не вынесъ таковыхъ ихъ страшныхъ рѣчей,—продолжалъ Черныхъ,—и обозвалъ ихъ ворами и татями овецъ стада Христова и государевыхъ. И за тѣ мои слова посаженъ я былъ тѣми ворами на цѣпь, и было моего сидѣнья на цѣпи ровно мѣсяцъ, и хотѣли меня тѣ учители убить, и я божіимъ изволеніемъ спасся, и нонѣ доношу на нихъ, великихъ воровъ и татей.

Digitized by Google

— Все?—спросилъ Измайловъ.

— Все, ваша милость.

— А много тамъ укрывается скитниковъ?

— Много: мужеска пола и женска, и дѣвицъ, и старицъ съ двѣ тысячи душъ.

— А изъ какихъ мѣстожительствъ?

— Съ Москвы и изъ другихъ городовъ, изъ слободъ, изъ селъ и деревень.

— А главныхъ изъ нихъ сколько и кто?

— Главные, ваша милость, будутъ: Микита Непомнящій, да Кирилъ Андреевъ, да два, либо три старца.

Измайловъ всталъ и кликнулъ кого-то въ дверь. Вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина съ круглыми очками на багровомъ носу. То былъ товарищъ воеводы—Кутузовъ.

— Сего доносителя государева «слова и дѣла» вели ты, Тимоѳей Кириловичъ, сейчасъ же при себѣ заковать въ ручныя и ножныя кандалы, и отвести въ приказную избу подъ строжайшій караулъ,—сказалъ Измайловъ, указывая на доносчика.—А вотъ улика,—подалъ онъ тетрадку.—Допроси самъ и запиши, а я разспросныя его рѣчи сличу съ тѣмъ, что онъ показалъ мнѣ здѣсь.

Затѣмъ онъ вышелъ къ дожидавшимся его Скляеву и Верещагину. Онъ нашелъ молодыхъ «навигаторовъ» въ веселой болтовнѣ съ хорошенькою хозяйкой.

— Ну, что у васъ тутъ? — спросилъ Измайловъ, здороваясь.

— Да вотъ, Андрей Петровичъ, все я ссорюсь съ твоею дочкой,—отвѣчалъ Скляевъ,—проходу мнѣ не даетъ.

— Какъ такъ, дочка?—обратился Измайловъ къ дочери.

— Вовсе не я, батюшка, задираю его, а онъ меня — все дразнитъ «полонянкой»,—отвѣчала молодая жена Лыкова.

— А кто меня «сѣченымъ» да «дранымъ» безчеститъ, государушка?—гримасничалъ Скляевъ.—Проговорился ей мужечекъ, что меня за дурость мою князь-кесарь посѣкъ малость, ну, и урекаетъ меня моимъ же безчестьемъ дочка твоя. Мнѣ и царь проходу не даетъ съ той поры:—«сѣченый» да «драный»... А «сѣченаго» этого онъ же, царь, во всякое дѣло суетъ: и то ему, сѣченый, смастери, и другое, драный, сотвори... А я ему:—да кто у тебя, государь, въ твоемъ царствѣ, не сѣче-

Digitized by Google

ный живетъ? Сколько-де—говорю—мачтоваго лѣсу извелъ на однѣ свои дубинки! Такъ смѣется:—Еще и не такъ-де надодрать лѣнтяевъ да пустосвятовъ... А тутъ вотъ и твоя дочка допекаетъ... А забыла, знать, какъ въ Венице́ѣ мнѣ на шею кидалась? А? Вотъ и скажу муженьку, какъ пріѣдетъ сюда съ чадушкой-то нашимъ...

— Да Гриша знаетъ, какъ я въ Венице́ѣ на радостяхъ и тебя обнимала, и вотъ Лукьяна Егорыча,—засмѣялась молодая женщина, взглянувъ на Верещагина.—Только онъ глаза мнѣ не колетъ, какъ ты.

— Такъ это у тебя важное государево дѣло, что тебя драли?—обратился воевода съ улыбкой къ Скляеву.—За этимъ мнѣ докучали, когда я выслушивалъ настоящее государево «слово и дѣло»?

— Опять!—испугалась молодая Лыкова.

— Да, все эти пустосвяты!—брезгливо процѣдилъ Измайловъ.—Ну, а въ чемъ же дѣло-то?—обратился онъ къ Скляеву.

— Да вотъ тебѣ, чаю, вѣдомо, что посылалъ насъ съ Лукьяномъ чадушка-то нашъ внизъ по Волгѣ... Задумалъ чадушка ни мало, ни много—перелить воду изъ ведра въ ковшъ, чтобы Волга текла въ Донъ... Ну, мы съ Лукьяномъ и подыскали мѣстечко, гдѣ бы намъ опрокинуть ведро въ ковшъ — черезъ рѣчку Камышенку да Илавлу выходитъ... Написали чадушкѣ—взыгралъ душою:—запружу—пишетъ—всю Волгу кораблями. Подавай ему кораблей! хоть тресни, а подавай... А тутъ еще нелегкая дернула два свейскихъ корабля, подъ Архангельскомъ, на мели голыми руками взять... Очумѣлъ... Пишетъ мнѣ: «зѣло чудесно! поздравляю-де тебя съ нечаемымъ счастіемъ—отразили злобнѣйшихъ шведовъ»... А чтобъ имъ пусто было, этимъ кораблямъ!

— Экъ его расходился, «драный»!—засмѣялся Измайловъ.

— Погоди, воевода, самъ скоро будешь дранъ, какъ чадушка сюда нагрянетъ!..

— Ой-ли... Ему не до меня...

— Не говори, Андрей Петровичъ, — улыбнулся Верещагинъ.—Ты съ нимъ вмѣстѣ сюда пріѣдешь.

— Какъ это такъ? Я здѣсь, а онъ тамъ.

— Да онъ пишетъ намъ, чтобъ неукоснительно ты скакалъ къ нему въ Москву—переговорить о ветлужскихъ да керженъ-

Digitized by Google

скихъ лѣсахъ... Задумалъ въ Нижнемъ, либо у Макарья, корабли строить.

— Вотъ тебѣ на!—Измайловъ такъ и опустился на стулъ.

А въ это время Черныхъ, уже скованнаго по рукамъ и по ногамъ, вели подъ конвоемъ отъ воеводскаго двора къ приказной избѣ, а за нимъ шелъ извѣстный всему городу «дурачокъ» Капитошка и совершенно дѣтскимъ голоскомъ приговаривалъ:

Бяшка баранъ,
Не ходи по горамъ,
Убьютъ тебя—
Не пеняй на меня. .

А мальчишки, указывая пальцами на доносчика, издали кричали:

— «Пёсъ, пёсъ!—поноску принесъ»!

— Вотъ я васъ ужо!—пригрозился на нихъ одинъ изъ конвойныхъ.

XVIII.

На другой день послѣ происходившаго въ Нижнемъ, Фимочка и Луша возвращались къ скитамъ съ плетушками, полными грибовъ. Время было послѣполуденное. Дѣвушки весело болтали. Луша послѣ болѣзни казалась еще блѣдною. Вдругъ онѣ услыхали за собой стукъ колесъ отъ одной или двухъ телѣгъ. Дѣвушки остановились.

— Кому бы это быть?—проговорила Фимочка.

— Скупщики, должно, отъ Макарья, за товаромъ,—сказала Луша.

Телѣги показались. На первой изъ нихъ сидѣли солдаты, а за второй телѣгой слѣдовало нѣсколько конныхъ. Дѣвушки къ ужасу своему узнали на первой телѣгѣ, между солдатами, скованнаго Павлушку Черныхъ.

— Злодѣя везутъ,—прошептала Фимочка.

Луша со страху даже корзинку-плетушку уронила.

— Вотъ раскольницы! ловите, держите ихъ! — крикнулъ доносчикъ.

Конные бросились было впередъ.

— Осади назадъ!—остановилъ ихъ бывшій съ солдатами

Digitized by Google

капралъ.—Воевода на строго наказывалъ—ни бабъ, ни дѣтей не трогать... Идите, дѣвушки, къ своимъ скитамъ, только не впереди насъ, а за подводами.

Онѣмѣвшія отъ испуга дѣвушки стояли, какъ вкопанныя. Между тѣмъ, въ лѣсу, между деревьями, замелькали какія-то тѣни, быстро перебѣгая съ мѣста на мѣсто и прячась за толстыми стволами сосенъ и елей. То были скитники, почуявшіе бѣду и спѣшившіе предупредить о ней свою многочисленную братію.

Дѣйствительно, когда телѣги приблизились къ полянѣ, на которой находился главный скитъ съ моленной, вся поляна была уже запружена народомъ. Другіе скитники вновь прибывали изъ лѣсу.

Когда телѣги въѣхали на поляну и солдаты съ капраломъ слѣзли съ нихъ, изъ толпы выступилъ одинъ старикъ иконописной наружности, съ длинною сѣдою бородой, и степенно подошелъ къ капралу.

— По какому дѣлу, господа ратные, вы пожаловали къ намъ?—почтительно спросилъ онъ, кланяясь.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества присланы мы взять изъ васъ раскольниковъ: Никиту Непомнящаго, да Кирила Андреева, да старцевъ Исая Панфилова, да Кузьму Ильина,—сказалъ громко капралъ, показывая бумагу.

— Я Кузьма,—спокойно отвѣчалъ иконописный старикъ.

По толпѣ прошелъ глухой ропотъ. Послышались вызывающіе, негодующіе голоса:

— Мы не дадимъ ихъ! Этотъ песъ набрехалъ на насъ за то, что мы его, за злодѣйство, цѣпью смиряли.

— Мы не воры, не душегубы. Мы живемъ молитвою и кормимся отъ трудовъ праведныхъ. За что насъ брать?

— Злодѣй набрехалъ. Злодѣя и пытайте! На плаху злодѣя!

— Помолчите, отцы и братія!—силился остановить ропотъ иконописный старецъ.

Шумъ усиливался. Толпа напирала грозно. Надъ головами мелькало дубьё, поднимались вилы и косы. Кой-гдѣ блеснули ножи. Минута была критическая... Въ это мгновеніе заскрипѣла тяжелая дверь, ведущая въ главный скитъ, и изъ нея показались бояринъ-скитникъ и Непомнящій.

— Остановитесь, братцы, Богомъ молю! — крикнулъ пер-

Digitized by Google

вый.—Помяните слова Христовы, я часто говаривалъ ихъ вамъ: «вси бо пріимшіи мечъ—мечемъ погибнутъ».

Толпа мгновенно стихла. Бояринъ-скитникъ подошелъ къ капралу. Осанка его была величественна. Капралъ понялъ, что это не простой скитникъ.

— Зачѣмъ прибыли, добрые люди? спросилъ спокойно бояринъ.

Капралъ повторилъ то, что уже сказалъ разъ:—«По указу» и т. д.

— Я Кирилъ Андреевъ,—сказалъ бояринъ-скитникъ. — А отъ кого именно вы присланы?—спросилъ онъ.

— Отъ нижегородскаго воеводы Андрея Петровича Измайлова—былъ отвѣтъ.

— Отъ дорогаго сватушки,—улыбнулся Непомнящій.

Никто не понялъ значенія его словъ: иные подумали, что это иносказаніе: «пріѣхали-де сваты по жениховъ»...

— Мы силѣ повинуемся,—спокойно сказалъ бояринъ-скитникъ.

— Какъ вонъ мнѣ намедни онъ повиновался, что песъ въ желѣзномъ ошейникѣ,—презрительно указалъ Непомнящій на доносчика, который, какъ связанный волкъ, стоялъ среди солдатъ и смотрѣлъ на толпу съ безсильнымъ злорадствомъ.

— Приступите,—обратился бояринъ къ старцамъ, Кузьмѣ Ильину и Исаю Панфилову.

Тѣ подошли, гордо поднявъ головы.

— Я радъ удостоиться ангельскаго вѣнца,—сказалъ Кузьма.

— И я съ вами,—сказалъ Исай.

Послышался лязгъ желѣза. Это солдаты, по знаку капрала, стали вынимать изъ телѣги кандалы и наручни. Вдругъ въ воздухѣ просвистѣла огромная еловая шишка и ударила прямо въ лобъ доносчика, который отъ этого удара едва устоялъ на ногахъ.

— Братцы, — глянулъ на толпу бояринъ-скитникъ, — не надо насилія!

— Да это не ножъ, а еловая шишка, — отозвались изъ толпы.

Солдаты стали заковывать арестованныхъ.

— Отъ дорогаго сватушки дорогое ожерельеце,—пошутилъ Непомнящій.

Digitized by Google

Вдругъ сквозь толпу стремительно протискалась Фимочка и съ воплемъ бросилась отцу на шею.

— Батюшка, батюшка!

Солдатъ, заковывавшій ея отца, хотѣлъ отстранить дѣвушку.

— Не трошь!—крикнулъ на него капралъ.—Пущай наплачется дѣвка и простится съ отцомъ.

— И съ полюбовникомъ, — со злобой прошипѣлъ доносчикъ.

Но въ это мгновеніе, откуда ни возьмись, мать Серафима, «дебелая», да какъ кинется разъяренной тигрицей на оскорбителя, да какъ закатитъ ему пощечину.

— Нна! вотъ тебѣ за полюбовника, аспидъ.

Доносчикъ такъ и повалился кулемъ на землю.

— Ай да тетка!—засмѣялись солдаты. — Ну, и тетенька! тебѣ бы въ царскую службу, въ гарнадеры.

Фимочка продолжала биться въ объятіяхъ отца.

— Не плачь, не убивайся, мое солнышко!—уговаривалъ ее отецъ.—Я обѣлюсь въ извѣтѣ... А ты сама ко мнѣ пріѣдешь въ Нижній.

— Со мной, со мной, ясочка! Я сама съ тобой поѣду, дитятко,—утѣшала ее мать Серафима. — Я и судьямъ-то глаза выцарапаю, коли не по правдѣ судить будутъ.

— Ну, и тетенька!—дивились солдаты.

Въ сторонкѣ стояла Луша и горько плакала.

Фимочка, наконецъ, безъ чувствъ упала у ногъ отца.

— Сомлѣла, сомлѣла, бѣдная!—прошелъ по толпѣ ропотъ сожалѣнія.

Женщины-скитницы рыдали въ голосъ.

Мать Серафима, подойдя къ безчувственной Фимочкѣ, надъ которою плакалъ отецъ, крестя дорогую головку, бережно приподняла ее, словно малаго ребенка, и, прижавъ къ своей богатырской груди, понесла сквозь толпу, кинувъ полный ненависти взглядъ на доносчика.

— Погоди, аспидъ,—прошипѣла она:—ужо будетъ тебѣ!

Роскошная коса Фимочки, спадая золотисто-каштановымъ жгутомъ почти до земли, въ послѣдній разъ блеснула среди почтительно разступившейся толпы.

— Ну, и косынька... вотъ такъ коса!—дивились солдаты.

Digitized by Google

— Да и у родителя бородка—нну!

Когда арестованные были закованы, капралъ, взявъ съ собою нѣсколькихъ солдатъ, а изъ толпы вызвавъ трехъ стариковъ въ качествѣ понятыхъ, прошелъ въ ворота главнаго скита, чтобъ забрать имѣвшіяся въ моленной книги и тетрадки, показанныя въ разспросныхъ рѣчахъ доносчика. Скоро солдаты, съ охапками книгъ, вышли изъ воротъ и свалили въ телѣгу запретную литературу лѣсныхъ обывателей.

— Прочти-ка всю эту ѵйму... помутится въ головѣ,—развелъ руками одинъ солдатикъ.

— У тебя и безъ того въ башкѣ-то одна муть,—улыбнулся другой.

— Ну, ты-то мудёръ—свиньѣ хвостъ натёръ!—огрызнулся первый.

Толпа угрюмо, сосредоточенно наблюдала за всѣмъ происходившимъ. То тамъ, то здѣсь проявлялись рѣзкія угрожающія движенія; но одно слово «учителя»—«братцы»! брошенное въ толпу—и она стихала. Между тѣмъ, бабы-скитницы со всѣхъ сторонъ тащили хлѣбы, пироги, печеныя яйца, огурцы, яблоки, и все это валили въ телѣги, засовывали въ принесенныя сумки и котомки, совали конвойнымъ солдатамъ въ карманы и за пазухи.

— Поберегите, родимые, старичковъ-то нашихъ,—умоляли онѣ.

— Не дайте въ обиду Іудѣ предателю... заслоните собой!

Та суетъ капралу въ руки деньги.

— Что ты, тетка? что ты?—А самъ прячетъ деньги.

— Это отъ насъ, родимый, отъ бабъ, за то, что насъ, бабъ, не велѣлъ трогать... Свѣчечку поставишь Миколѣ милостивому.

Успѣли бабы натащить для арестованныхъ и теплой одежды. Пока все это происходило, подводчики подкормили и напоили лошадей, и телѣги скоро опять были запряжены. Стали усаживаться. Закованныхъ, словно тріумфаторовъ, скитники бережно поднимали на руки, цѣловались съ ними, цѣловали ихъ руки и прикладывались къ кандаламъ, точно къ образамъ, считая арестованныхъ мучениками за правую вѣру. А идея мученичества за правду такъ возбуждаетъ массы! Онѣ превращаются въ такой горючій матеріалъ, что достаточно одной ничтожной

Digitized by Google

искры, чтобъ онъ вспыхнулъ,—и тогда массовому пожару нѣтъ удержу...

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, начала креститься. Бабы взвыли, и вся масса двинулась провожать увозимыхъ.

— Вотъ тебѣ и «Европія»!—съ горечью улыбнулся бояринъ-скитникъ.

— Князь-кесарская «Европія», — улыбнулся и Непомнящій.—Тамъ—tutte le strade conducono a Roma, а у насъ — tutte le strade conducono a «principe-cesare».

Толпа съ плачемъ валила за ними, а иные опережали поѣздъ, чтобъ насмотрѣться, можетъ быть, въ послѣдній разъ на «учителя» и на «старичковъ-радѣльщиковъ».

— А что вашъ воевода—семейный человѣкъ? — спросилъ бояринъ-скитникъ капрала.

— Дочка у ево одна—замужняя, съ сыночкомъ...

— Съ внучкомъ,—многозначительно глянулъ Непомнящій въ глаза своему сосѣду по кандалamъ.

— А мужъ ейный у великаго государя при дѣлахъ,—продолжалъ капралъ.

Вдругъ изъ толпы выбѣжала съ распущенной косой, путаясь въ этихъ волнахъ волосъ, Фимочка и бросилась съ воплемъ къ передовой телѣгѣ, хватаясь то за колеса, то за облучокъ.

— Стой, стой!—закричалъ капралъ подводчику.—Подъ колеса бы бѣдная не угодила.

Фимочка снова прильнула къ отцу.

— Владычица, ахъ! не угнаться мнѣ за дѣвкой!—вся запыхавшись и тяжело дыша, настигала телѣгу мать Серафима.—Ушла таки, Владычица... вотъ горе горькое!.. да простоволоса, матыньки, срамота-то какая!—дѣвка съ расплетенной косой... Охъ, стыдобушка моя!

И, не смотря на отчаянное сопротивленіе, она схватила рыдающую дѣвушку въ охапку и, какъ медвѣдь ягненка, потащила назадъ. Отецъ только успѣлъ издали перекрестить дочь. А оттуда, изъ-за толпы, слышался ласковый голосъ матушки Серафимы:

— Дитятко ты мое, яблочко наливное! сичасъ же укладываемся и сегодня же въ ночь ѣдемъ въ Нижній!.. Не убивайся, яхонтовая... Ужо я имъ всѣмъ!..

Digitized by Google

XIX.

Было хмурое, туманное утро, когда керженскихъ колодниковъ везли по узкимъ, грязнымъ улицамъ верхняго города — города Козьмы Минина. Далекое, ровное зарѣчье съ его безконечными лѣсами заволакивалось пасмурною дымкою. Сѣрая Волга казалась такою холодною, непривѣтливою. Весь городъ смотрѣлъ какъ-то угрюмо. Отъ воеводскаго двора колодниковъ, въ сопровожденіи подъячаго Малькова, провезли прямо въ острогъ, гдѣ и размѣстили по разнымъ казематамъ. Нѣкоторыя ихъ окна съ желѣзными рѣшетками выходили на площадь и открывали далекую перспективу Волги и туманнаго зарѣчья.

— И то добро,—улыбнулся Непомнящій, оставшись одинъ въ маленькомъ полутемномъ казематѣ,—замѣсто Canale Grande вонъ матушка Волга, замѣсто Ponte dei Sospiri и Piombi—сія келейка... Что жь, не впервой.

Его первымъ потребовали къ допросу въ приказную избу.

Такъ какъ воевода Измайловъ былъ вызванъ царемъ въ Москву, то за приказнымъ столомъ сидѣли товарищъ воеводы Кутузовъ, съ его совиными глазами, за круглыми стеклами очковъ, и сухопарый, съ выцвѣтшимъ лицомъ, подъячій Мальковъ. Кутузовъ особенно пристально посмотрѣлъ на введеннаго въ присутствіе колодника. Ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо, а особливо глаза... «Гдѣ я видѣлъ эти буркалы»?—мелькнуло у него въ умѣ. Но онъ тотчасъ же приступилъ къ допросу, а подъячій, держа въ рукѣ гусиное перо, нацѣлился записывать «разспросныя рѣчи».

— Имя твое и отчество?—спросилъ Кутузовъ, пристально смотря чрезъ свои стеклянныя колеса.

— Никита безъ отчества,—отвѣчалъ колодникъ.

— Какъ безъ отчества?

— Не было отца у меня, потому и безъ отчества, — пожалъ плечами допрашиваемый:—сказывали, что я завелся съ плѣсени въ помойномъ ведрѣ,—добавилъ онъ презрительно.

— Не говори гнилыхъ рѣчей, — строго замѣтилъ Кутутовъ.—Явка на тебя въ изблеваніи хулы на его царское пресвѣтлое величество... Винишься въ томъ грѣхѣ?

Digitized by Google

— Не винюсь... Таковой дурости за мной не важивалось,— былъ отвѣтъ.

— А коли улика на лицо?

— Нѣтъ таковой улики, и быть не можетъ.

Кутузовъ вынулъ изъ подъ сукна знаменитую засаленную «тетрадку».

— Вотъ улика... Винись до застѣнка.

— Не винюсь... Знаю я сіе вяканье... читывалъ... Токмо къ таковой блевотинѣ, каковая въ сей тетрадкѣ наблевана, я не причастникъ,—твердо отвѣчалъ Непомнящій.

Кутузовъ сталъ перечитывать доносъ, записанный со словъ Черныхъ.

— Явка на тебя, якобы ты наглостно именовалъ его царское пресвѣтлое величество антихристомъ, якобы, по свидѣтельству «Апокалипсиса», оный антихристъ царствуетъ надъ нами,—настайвалъ Кутузовъ, пожирая глазами допрашиваемаго.

Непомнящій презрительно пожалъ плечами.

— Я «Апокалипсисъ» читывалъ и знаю подлинно,—отвѣчалъ онъ съ презрительною улыбкой,—токмо въ «Апокалипсисѣ» не сказано, что антихристъ будетъ креститься «пучкою» и нюхать табакъ... А тѣ, за кого ты меня принимаешь, токмо на семъ конѣ и ѣздятъ... Вѣдомо, что того, кого они, невѣгласы, антихристомъ называютъ, и въ глаза не видали.

— А ты, я чай, видѣлъ?—подозрительно смѣрилъ его глазами Кутузовъ, удивляясь рѣчистости и смѣлости колодника.

— Видывалъ, случалось, и хлѣбъ-соль вмѣстѣ ѣдалъ.

Арестантъ становился все подозрительнѣе.

— Ну, съ такими, какъ ты, керженскими филинами, великому государю дѣлить хлѣбъ-соль не прилика,—недовѣрчиво проговорилъ Кутузовъ, котораго все больше подмывало узнать, кто это стоитъ передъ нимъ.

Но теперь онъ готовъ былъ уже положительно утверждать, что гдѣ-то видѣлъ этого страннаго человѣка и слышалъ эти дерзкія и презрительныя рѣчи.

— А давно ты въ скитахъ?—спросилъ онъ, не зная, за что ухватиться.

— При мнѣ только разъ грачи птенцовъ тамъ вывели,— былъ отвѣтъ.

— Мекаю, съ весны,—улыбнулся слѣдователь такому не-

Digitized by Google

обычному опредѣленію времени.—А допрежь того гдѣ хоронился?

— Бывалъ и нà морѣ, и зà моремъ.

— И зà моремъ... Гмъ! поди, самъ великій государь посылалъ зà море учиться?—все болѣе и болѣе дивился Кутузовъ.

— И самъ ѣздилъ, и съ великимъ государемъ,—отвѣчалъ арестантъ.

Подъячій, что̀ записывалъ отвѣтныя рѣчи, и перо положилъ.

— Почто жь ты въ скиты схоронился? провинка была какая?—все болѣе и болѣе сбивался съ толку Кутузовъ.

Арестантъ разсмѣялся.

— Чудёнъ ты, полубояринъ, — сказалъ онъ небрежно: — кто жь тебѣ вины свои скажетъ? Ты не попъ, да и тому не все говорятъ.

Такой дерзкій языкъ возмутилъ, наконецъ, Кутузова. Онъ видѣлъ, что арестантъ глумится надъ нимъ.

— Дерзъ ты на языкъ, бро̀дникъ, — угрожающе сказалъ онъ.—У меня въ застѣнкѣ есть попъ, которому ты все скажешь... И не такимъ, какъ ты, языки развязывалъ.

Но тутъ осѣнила его мысль. Онъ вспомнилъ, гдѣ видѣлъ этого дерзкаго арестанта. Да, это былъ онъ... Только тогда онъ былъ въ духовномъ облаченіи. Кутузовъ служилъ прежде въ Москвѣ, въ патріаршемъ приказѣ, и въ Нижній переведенъ недавно... Онъ вспомнилъ, что тамъ, въ патріаршемъ приказѣ, онъ допрашивалъ, вмѣстѣ съ дьякомъ того приказа, вотъ этого самаго дерзкаго арестанта. Ключъ найденъ и замо̀къ долженъ сейчасъ отомкнуться: онъ поставитъ его втупикъ нѣкоторыми напоминаніями.

— Высоко ты началъ летать—гдѣ-то сядешь?—заговорилъ онъ съ торжествующей улыбкой.—Ты похвалялся въ Москвѣ, что перескочишь черезъ освященный соборъ, потому-де, что онъ не «соборъ», а «заборъ»; курица-де черезъ тотъ «заборъ» не перелетитъ, а орелъ-де и не черезъ такой перелетывалъ.

— Я такими безлѣпичными рѣчами не похвалялся,—спокойно отвѣчалъ арестантъ.

— Добро!.. Я тебя заставлю скакать на дыбѣ черезъ сыромятный заборъ. Увидишь!—выходя изъ себя, говорилъ Ку-

Digitized by Google

тузовъ.—А кто святѣйшихъ патріарховъ называлъ «потеряхами»?

— Не я,—былъ отвѣтъ.

— Добро-ста... Я доберусь до тебя... Дай-ка мнѣ только навести справки въ патріаршемъ приказѣ, и я тебя представлю князю Ромодановскому въ Преображенскій приказъ готовенькимъ, словно облупленное яичко... А онъ, князь Ѳедоръ Юрьичъ, и до желтка доберется, — торопливо бросалъ слова Кутузовъ, въ которомъ заговорила кровь сыщика: онъ гордился тѣмъ, что вотъ-вотъ распутаетъ, завязанную мертвымъ узломъ, государственную тайну... Не промахнуться бы только, не напортить бы торопливостью... Тутъ пахнетъ чѣмъ-то большимъ... Отъ большаго дѣла и шагнуть можно будетъ далеко — прямо на воеводство... Да слышно, что и великій государь намѣренъ быть въ Нижнемъ... Вотъ тутъ-то и поднести его царскому величеству красненькое яичко, а онъ и пошлетъ его князь-кесарю...

Кутузовъ рѣшилъ отписать въ патріаршій приказъ и просить выслать ему «вымѣтку», да самую наиобстоятельнѣйшую, изъ того дѣла, по которому въ томъ приказѣ судился какой-то «лихудецъ»—что̀ у Лихудовъ учился, а потомъ за̀ моремъ,—какъ онъ набрался тамъ «западной прелести» и «латынской скверны» и обзывалъ освященный соборъ—«заборомъ», а святѣйшихъ патріарховъ — «потеряхами». Притомъ же Кутузовъ не рѣшался подвергать колодниковъ пыткѣ безъ Измайлова, который не охочъ былъ до кровавой расправы...

«А тѣмъ временемъ и вымѣтка изъ дѣла подоспѣетъ»,—порѣшилъ онъ въ своемъ умѣ. Больше онъ не сталъ допрашивать дерзкаго колодника и тотчасъ же велѣлъ снова отвести его въ казематъ.

— Посидишь—прыть спустишь,—кинулъ онъ ему вслѣдъ.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, къ тюремному сторожу, что̀ сидѣлъ въ шалашѣ у острожныхъ воротъ и ковырялъ кочедыкомъ лапти, подошли двѣ женщины, одѣтыя черничками. Одна—высокая, плотная, уже пожилая; другая—молоденькая. Обѣ закутаны почти до глазъ черными платками. Подходя къ сторожу, онѣ улышали, что онъ мурлычитъ себѣ подъ носъ:

Сплету лапотки,
Продамъ тамотка,
А ялтынъ получу
И поставлю свѣчу...

Digitized by Google

Эта нехитрая импровизація и привлекла, повидимому, вниманіе странницъ.

— Богъ въ помощь, человѣче,—сказала старшая.—Лапотки ковыряшь?

— Лапотѣчки, матушка,—добродушно отвѣчалъ старикъ.

— Богородицѣ на свѣчечку?

— На свѣчечку, матушка.

— Такъ прими и отъ насъ грѣшныхъ на свѣчечки за здравіе рабовъ божіихъ Кирилы, Никиты, Кузьмы и Исая,—продолжала старшая, и вложила въ недоплетенный лапоть нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Ошеломленный такою щедрою подачкой, старикъ быстро поднялся съ своего обрубка, на которомъ сидѣлъ, и сдѣлалъ поясной поклонъ, касаясь земли двумя пальцами. Онъ думалъ, что передъ нимъ стоитъ переряженная царица, которую онъ воображалъ огромнаго роста. Передъ нимъ и стояла именно такая—ни рукой достать, ни въ обхватъ обнять.

— Издалеча, государыня, пожаловали?—съ опаскою спросилъ старикъ, чувствуя свое ничтожество.

— Отъ Макарья, дѣдушка, къ святымъ угодничкамъ, да хотѣли бы поклониться образкомъ преподобнаго Макарья Желтоводскаго матушкѣ-воеводихѣ.

— Ахъ, государыня, воеводихи-то у насъ нѣту-ти... вдовый онъ... съ дочкою... А воеводитъ у насъ сама Кутузиха,—шопотомъ прибавилъ старикъ.—Страхъ любитъ поклоны, особливо коли ежели съ барашкомъ въ бумажкѣ, а то и въ тряпочкѣ.

— Это какъ же, дѣдушка?—недоумѣвала странница.

Старикъ скорчилъ хитрую гримасу и правой рукой сунулъ въ полуразжатый кулакъ лѣвой. Нѣмая пантомима была понята,—и въ рукѣ тюремнаго сторожа очутился барашекъ безъ бумажки. Вечеромъ того же дня, мать Серафима и Фимочка сидѣли уже у Кутузихи, которая самымъ любезнымъ образомъ угощала ихъ коломенской «двухсоюзной» пастилой и жамками... Должно быть, хорошаго «барашка» получила...

— Мой-то сказывалъ мнѣ нонѣ объ нихъ по тайности,—говорила полушопотомъ Кутузиха, повидимому, продолжая начатый разговоръ.—Одного, слышь, этто вызывалъ въ приказную избу...

Digitized by Google

— Котораго, матушка? — также полушопотомъ спросила мать Серафима, тревожно взглянувъ на Фимочку.

— Самаго-то главнаго... Мудрёнъ, говоритъ, у! мудренъ.

— Который же это, матушка?

— Да тотъ, что̀ «непомнящимъ» укрывается... Не простая, говоритъ, птица онъ:—съ царскаго, поди, насѣсту. Высокаго—думаетъ мой-то—высокаго лёту птица!

И мать Серафима, и Фимочка испуганно перекрестились.

— Да вы не бойтесь, милыя, — успокоивала ихъ Кутузиха:—ужь коли ежели что̀, да я и тово...

Мать Серафима полѣзла за пазуху, покопалась тамъ и тихонько положила на столъ передъ Кутузихой порядочную стопку ефимковъ. Кутузиха любовно прикрыла ихъ широкою ладонью.

— Ужь коли ежели да что, такъ у меня...

Она не договорила, а мать Серафима снова полѣзла за пазуху...

— У меня, милыя, есть такое...

На столѣ снова появилась стопка ефимковъ. И ее Кутузиха любовно прикрыла ладонью, а потомъ продолжала шопотомъ:

— Есть у меня «разрывъ-трава»... всѣ замки отмыкаетъ...

— Тебѣ лучше знать, матушка,—прошептала въ свою очередь мать Серафима.

— Я ужь знаю... А то и «красненькаго пѣтушка» подпущу къ бумагамъ въ приказной избѣ... Были бумажки — и нѣтъ ихъ...

— Матушка ты наша! по гробъ жизни... А мы и еще... не постоимъ...

— Ужь я знаю, милыя... Своего-то я припугну, чтобы ни-ни!—и пальцемъ не тронулъ бы ихъ...

XX.

Царь Петръ Алексѣевичъ—въ Нижнемъ. Теплый, ясный зимній день. Царь стоитъ надъ крутымъ откосомъ, спускающимся къ Волгѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ памятникъ Минину.

Петръ радостно возбужденъ. Лицо его пылаетъ вдохнове-

Digitized by Google

ніемъ... И не удивительно!—Сегодня только гонецъ отъ Шереметева изъ Ливоніи привезъ ему небывалое извѣстіе — шведы разбиты на̀ голову!.. Первая, первая побѣда русскихъ надъ «злобнѣйшими свеями»!.. Развѣ это не радость, не ликованіе?.. Три тысячи свеевъ полегло на мѣстѣ при мызѣ Эрестферъ, триста пятьдесятъ взято въ полонъ со всѣми знаменами... И это—послѣ Нарвы! На минуту краска стыда и негодованія заливаетъ мужественное лицо богатыря... Нарва, постыдная Нарва!.. Но она отмщена при Эрестферѣ. Эрестферъ—какое дивное слово!..

— Это моя Арбелла!—невольно шептали его губы. — Но будетъ и Гаугамелла... будетъ... Я самъ поведу на дерзкаго Дарія мои легіоны!

Вдохновенный взоръ его останавливается на безконечной равнинѣ зарѣчья съ цѣлымъ океаномъ темнѣющихъ лѣсовъ.

«Это мои боры, мои сокровища!—говоритъ кто-то въ его возбужденномъ мозгу.—Сіи сокровища дадутъ мнѣ тысячи кораблей... Волга—не Воронежъ... Мои флоты покроютъ собою и Каспій, и Маге Internum... Не то, не то!—не «ex Oriente lux», а «ex Occidente»... Мое солнце съ запада идетъ... Съ постылой Москвой, съ сею умственной плѣсенью, раздѣлаться бы только... Я поставлю мой тронъ на берегу моря, на виду у всѣхъ, а не на Сивцовомъ Вражкѣ... нѣтъ, на берегу моря—пускай всѣ видятъ шапку Мономаха»!

Нѣсколько въ сторонѣ, въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ Измайловъ, Скляевъ, Верещагинъ, молодой Лыковъ и Кутузовъ, со своими колесами на багровомъ носу.

— Сими вѣстями отъ Шереметева шибко заряженъ нонѣ нашъ чадушка,—съ улыбкой шепчетъ Скляевъ Измайлову.—Теперь у него что хошь проси... Да и пойдетъ же онъ теперь дуги гнуть по медвѣжьи!.. Я вижу, глядитъ туда, на лѣса... Дастъ онъ намъ работку:—велитъ не сотни, а тысячи кораблей строить...

Царь круто повернулся къ стоявшимъ и замѣтилъ улыбку Скляева.

— И тебѣ, вижу, радостно, драный?—весело сказалъ онъ, подходя ближе.

— Все драный, да драный, государь! — какъ будто обидчиво проговорилъ хитрый навигаторъ, правая рука царя по

Digitized by Google

корабельному строенію.—Не я ли тебѣ говаривалъ:—кто-де у тебя, въ твоемъ царствѣ, не дранъ живетъ! сколько дубинокъ на своихъ подданныхъ изломалъ, сколько корабельнаго мачтоваго лѣсу извелъ на сіи дубинки... Оставь хоть малость лѣсу для твоихъ преемниковъ...

— И моимъ преемникамъ лѣсу хватитъ, драный!—ласково проговорилъ царь.—Вонъ смотри, радуйся!

И онъ указалъ на зарѣчье.

Затѣмъ онъ обратился къ Измайлову и сталъ говорить съ нимъ о лѣсахъ, о мѣстѣ для постройки кораблей, о спускѣ въ Волгу лѣсу для судовъ по Унжѣ, по Керженцу, по Ветлугѣ. Гдѣ устроить верфи? — Одну можно въ Нижнемъ, другую у Макарья. Разговаривая такимъ образомъ, они вышли на базарную площадь. Въ это время, черезъ площадь проходила партія колодниковъ съ «колодничимъ старостою» во главѣ и съ конвойными:—это арестанты «ходили по̀ міру» за пропитаніемъ. Въ то время, какъ и вообще въ старой Руси, на содержаніе арестантовъ ничего не полагалось отъ казны: они должны были кормиться «отъ міра»—подаяніемъ. Для этого ежедневно изъ острога выводили подъ присмотромъ «колодничаго старосты» партію колодниковъ, обвѣшанныхъ мѣшками—для хлѣба, крупы, муки, соли и другихъ даяній—и съ кружками въ рукахъ—для копѣечекъ, полушекъ, алтыновъ и прочей монетной мелочи. И бродили эти партіи подъ окнами, по дворамъ, по базарамъ. Кто давалъ каравай хлѣба, кто горсть соли, ковшъ муки, гарнецъ крупы, кто алтынъ, а сердобольныя бабы—и болѣе, особенно изъ зажиточныхъ посадскихъ женъ. Такая партія ходила и теперь. Случайно, на этотъ разъ, попалъ въ очередь, въ число сборщиковъ милостыни, и нашъ бояринъ-скитникъ. Проницательный взоръ царя остановился издали на кучкѣ арестантовъ. Выразительное лицо его нервно передернулось.

«Сіе безобразіе слѣдуетъ искоренить въ моемъ царствѣ»,—мгновенно рѣшилъ царь въ умѣ.

Онъ пошелъ навстрѣчу арестантамъ.

— Много у тебя колодниковъ? — спросилъ онъ Измайлова.

— Ста два будетъ, государь,—отвѣчалъ послѣдній.

— А есть и важные преступники?

Digitized by Google

— Нѣтъ, государь:—больше все тати да твои государевы недоимщики, да еще четверо раскольниковъ, по явкѣ на нихъ доносителя.

Вдругъ царь невольно остановился. На лицѣ его выразилось крайнее изумленіе...

— Что сіе есть? — сорвалось съ его устъ. — Привидѣніе? воскресшій?..

Онъ глянулъ на шедшаго сзади молодаго Лыкова. Тотъ былъ страшно блѣденъ. Казалось, онъ шатался...

Въ глазахъ царя блеснулъ недобрый огонекъ.

— Издѣвка?.. Обманъ?..

Но лицо его тотчасъ же снова прояснилось...

«Эрестферъ... Моя Арбелла... первый день радости»,— шевельнулось у него въ душѣ.

Колодники и солдаты пріостановились. Царь пошелъ прямо на нихъ.

— Бояринъ Лыковъ... Кирило Андреевичъ... ты ли это?— спросилъ онъ глухо.

— Я, государь,—смѣло отвѣчалъ бояринъ-скитникъ.

— Такъ ты не утонулъ? обманулъ меня?

— Да, государь, для тебя и для міра я утонулъ... Я въ тѣ поры не перенесъ безчестья... Лыковы, вѣрные слуги земли русской, никогда «собаками» не бывывали—ни тогда, когда бились съ поляками за престолъ своихъ государей, ни тогда, когда подносили твоему дѣду Мономахову шапку.

Эта смѣлая рѣчь арестанта поразила царя и понравилась ему. Онъ любилъ прямоту и душевное мужество.

— И ты не восхотѣлъ служить внуку того, кому твой дѣдъ подносилъ Мономахову шапку?—съ ироніей, но не гнѣвной, спросилъ онъ.

— Собаки служатъ своимъ господамъ только на псарнѣ, въ полѣ да въ лѣсу,—былъ отвѣтъ.

— Хвалю за сей отвѣтъ,—улыбнулся царь.—А какъ ты попалъ сюда?

— По извѣту, государь, по поклепу.

Царь глянулъ на Измайлова.

— Я, государь, только было началъ чинить надъ нимъ розыскъ, какъ ты указалъ мнѣ быть неукоснительно въ Москвѣ,— отвѣчалъ воевода.

Digitized by Google

Царь глянулъ на Кутузова.

— По сыску, великій государь, полагать надо, что извѣтъ на него взведенъ по насёрдкамъ,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Кутузовъ.

— Какъ? по-насёрдкамъ?

— Точно такъ, ваше царское величество, по насёрдкамъ... осерчалъ на нихъ извѣтчикъ по своему воровству... и наклепалъ.

Царь приблизился къ боярину-скитнику.

— Я узналъ тебя по бородѣ... Борода твоя погубила было тебя, борода же и спасаетъ... Въ сей день, его же сотвори Господь мнѣ днемъ радости, я забываю вины твои, бояринъ Кирило Андреевичъ, и самъ винюсь передъ тобою. Я тогда погорячился... зѣло распалили мою ярость стрѣльцы и бородачи... А нынче, на радостяхъ, дарую тебѣ и жизнь, и боярство, и почести, и—паче всего—дарую тебѣ твою бороду!

Звеня желѣзомъ кандаловъ, Лыковъ упалъ на колѣни и сослезами цѣловалъ помиловавшую его руку. Другую руку царя покрывалъ поцѣлуями молодой Лыковъ. Все, что было на базарной площади, казалось, застыло съ того момента, какъ царь остановился передъ арестантами. Изъ базарной толпы выдѣлялись, стоявшія въ сторонѣ, двѣ женскія фигуры во всемъ черномъ. То были мать Серафима и Фимочка. Онѣ слышали все, что говорилъ царь и бояринъ-скитникъ.

Вдругъ царь почувствовалъ, что его руку схватили теперь чьи-то нѣжныя ручки и къ ней прильнули горячія губки. Онъ глянулъ со своей исполинской высоты... Что это?.. Видѣніе?..

Вмѣсто Лыковыхъ отъ его мозолистой руки отклонилась женская головка и на него глянуло прелестное, почти дѣтское, заплаканное личико.

— Ты кто?—съ ласковымъ удивленіемъ спросилъ царь.

— Я Лыкова, государь... Евфимія.

Государь ласково улыбнулся, взялъ Фимочку за подбородокъ и поцѣловалъ въ лобъ.

— И такую-то красоту родной отецъ не задумался погубить ради злобы своей на меня,—покачалъ онъ головой, любуясь смущеніемъ дѣвушки.

А потомъ, обратившись къ молодому Лыкову, который весь сіялъ отъ неожиданнаго счастья, прибавилъ:

Digitized by Google

— Что жь ты не здороваешься съ сестрой?

— Я, государь...

Но онъ не могъ продолжать. Фимочка уже висѣла у него на шеѣ.

— Гриша, родной мой.. Гришута!

— Фима, дѣвынька! Да какая ты большая!

Только гордая раскольница величаво, какъ истуканъ, стояла въ сторонѣ и не двигалась, хотя могучая грудь ея порывисто вздымалась двумя волнами подъ черничеекой одеждой, а по щекамъ текли слезы. Мать Серафима еще не простила царя, потому что ея «старички» продолжали сидѣть въ острогѣ, отягченные оковами, и она, подобно Настасьѣ Микуличнѣ, готова была, кажется, выкрикнуть, какъ та выкрикнула богатырю Дунаю Ивановичу:

Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ,
Что не царь ли Пётра Алексѣевичъ!
Не пустымъ ли ты, Пётра, расхвастался
Супротивъ меня, матушки Серафимушки!..

— Расковать сейчасъ же боярина Лыкова,—сказалъ царь, ни на кого не глядя.

Въ ту же минуту, къ боярину-скитнику торопливо подошелъ колодничій староста и висѣвшими у пояса его ключами разомкнулъ на Лыковѣ кандалы и наручни.

— А теперь я къ тебѣ, Андрей Петровичъ, — обратился царь къ Измайлову. — Твоя молодайка, я чаю, уже сварила щи для нежданаго гостя.

Измайловъ низко поклонился.

— Моя дочка, государь, за превеликое счастье сочтетъ угостить щами и чѣмъ Богъ послалъ ваше царское пресвѣтлое величество, своего милостиваго отца посаженаго,—церемонно отвѣчалъ Измайловъ.

— И новоявленнаго боярина съ боярышней?—улыбнулся царь.

— И ихъ, государь,—своего свёкрушку дорогаго и золовушку милую,—поклонился Измайловъ въ сторону стараго Лыкова и Фимочки.—Да дозволь, государь, пригласить и твоихъ слугъ вѣрныхъ...

— Это дранаго-то да Лукьяна?

— Ихъ, государь.

Digitized by Google

— Зови, зови,—они ребята стоющіе... только одинъ-то все же, вѣдь, битый...

— За битаго, государь, двухъ небитыхъ даютъ,—замѣтилъ Измайловъ.

— Да, у меня немало такихъ двойней,—засмѣялся царь, и пошелъ къ воеводскому двору.

Всѣ двинулись за нимъ. Базарная площадь огласилась криками:

— Слава нашему государю, слава! слава!

Только гордая раскольница продолжала неподвижно стоять въ сторонкѣ, тяжело вздыхая, и, казалось, готова была съ Ильею Муромцемъ воскликнуть:

Ой ты, мать сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во-едино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ стало тошнёхонько—
Горе лютое со мною приключилося...

Ей казалось, что она совсѣмъ осиротѣла, и изъ ея глазъ ручьемъ лились слезы, которыхъ она и не замѣчала. Но въ это время отъ группы, сопровождавшей царя, незамѣтно отдѣлилась Фимочка и подбѣжала къ старухѣ.

— Матушка, родная моя!—порывисто обняла ее дѣвушка:— не плачь, родная... Я упрошу за нихъ царя, упрошу.

— Золото мое!—только и могла сказать богатырь-матушка.

XXI.

Фимочка сдержала слово. За обѣдомъ царь былъ заразительно веселъ. Острилъ, по обыкновенію, надъ Скляевымъ, увѣряя, будто князь-кесарь сожалѣетъ теперь, что мало далъ «правую руку царя», и тутъ же хвалилъ своего талантливаго навигатора, говоря, что скоро произведетъ «дранаго» въ адмиралы, если только Ивашка Хмельницкій раньше не произведетъ его въ «Бахусова намѣстника» (Скляевъ любилъ «зѣло» выпить); дразнилъ молодаго Лыкова, увѣряя, что «шпанскій король идетъ на Россію ратью», чтобы отнять у Гришки Лыкова его женку Оленушку, которая, находясь въ полону, заручена была «шпанскому дукѣ Альварецову». Гришка Лыковъ, конечно, изображалъ при этомъ изъ себя печенаго рака, а Оленушка стыдливо улыбалась Фимочкѣ, которую сразу полюбила

Digitized by Google

всю—«отъ пяточекъ до тёмушка». Не давалъ спуску царь и боярину-скитнику, спрашивая, продолжаетъ ли онъ, по раскольничьи, креститься «сорочьимъ хвостомъ». Неразговорчиваго Верещагина называлъ «молчальникомъ» и обѣщалъ надѣть на него схиму. Досталось и Фимочкѣ, которая была почему-то очень печальна.

— А сію царевну Несмѣяну, большекосую скитницу, отдамъ я замужъ за «дранаго»:—съ нимъ она возсмѣется!—говорилъ царь, любуясь нѣжной красотой Фимочки.

Но, замѣтивъ, что дѣвочка при его словахъ страшно поблѣднѣла, онъ догадался, что это не спроста, что у дѣвочки есть уже зазноба. Но кто? Неужели въ скитахъ, на Керженцѣ?.. Надо дознаться...

— Нѣтъ, драный не стоитъ тебя, царевна Несмѣяна,—сказалъ онъ ей въ концѣ обѣда.—Ты лучше сама выбери себѣ жениха, да умнаго, ученаго... А понеже сей день, его же сотвори Господь мнѣ на велію радость, то я теперь же обѣщаю тебѣ исполнить все, о чемъ бы ты меня ни попросила, черничка моя.

И царь подошелъ къ Фимочкѣ и погладилъ ее по русой головкѣ. Дѣвочка вспыхнула и потупилась.

— Государь,—несмѣло прошептала она:—дозволь теперь же попросить тебя...—Слова не шли съ ея языка.

— О чемъ же, Евфимія?—серьезно спросилъ царь.

— Помиловать... нашихъ... — И опять слова застряли въ горлѣ.

— За кого же? Говори смѣло... Я обѣщалъ... Слово царя свято.

— За старичковъ нашихъ... да... да за... Микиту...

Царь мгновенно что-то сообразилъ своею геніальною прозорливостью. Она проситъ за «старичковъ»... прежде за «старичковъ»... Она—женщина... А женщина самое важное ставитъ въ концѣ, послѣ неважнаго. Женское лукавство... Не она соблазнила Адама, а змѣй ее соблазнилъ. Какой-то «Микита» въ концѣ просьбы... Кто онъ?

— Кто они, за кого она проситъ? — глянулъ онъ на Измайлова.

— Два скитскихъ старца, государь, да какой-то Никита—«непомнящій».

Digitized by Google

— Онъ, государь, мнится мнѣ, не Никита, а Петръ,—осмѣлился вставить слово Кутузовъ, все время почтительно молчавшій.—При сыскѣ, государь, я, кажись, вѣрно опозналъ его.

— Каковымъ образомъ? не догадкою?

— Я, ваше царское величество, находясь допрежь сего въ патріаршемъ приказѣ, въ подъячихъ, чинилъ розыскъ надъ нѣкіимъ Петромъ Артемьевымъ, что былъ съ Іоанникіемъ Лихудою за моремъ и облатынился... Зѣло ученъ человѣкъ и разнымъ языкамъ навыченъ. Разстригли его въ тѣ поры... А нонѣ я, опознавши его здѣсь, просилъ патріаршій приказъ выслать мнѣ вымѣтки изъ того розыску. И нонѣ, государь, я и паче утвердился въ томъ сумленіи—не Петръ ли Артемьевъ онъ?.. А какъ онъ попалъ въ керженскіе скиты, того, государь, онъ не говоритъ.

Государь глянулъ украдкою на Фимочку. Она теперь была еще блѣднѣе прежняго, готовая лишиться чувствъ.

«Онъ, — порѣшилъ царь въ умѣ.—Но какъ? что?... Я самъ долженъ распутать сей клубокъ».

— Спасибо тебѣ, Тимоѳей, за усердіе,—сказалъ онъ Кутузову.—Я самъ докончу твой розыскъ. Ученыхъ людей у меня мало и я таковыми зѣло дорожу... А что я обѣщалъ тебѣ, я исполню свято, — обратился онъ съ улыбкою къ убитой Фимочкѣ:—твоихъ «старичковъ» и твоего «Микиту» всенепремѣнно помилую.—На словѣ «твоего» онъ сдѣлалъ удареніе, такъ что Фимочка опять вспыхнула.

Дѣйствительно, послѣ обѣда, государь тотчасъ же отправился въ приказную избу. За нимъ послѣдовали Измайловъ и Кутузовъ—послѣдній весь расцвѣлъ отъ царской похвалы. Помѣстившись за присутственнымъ столомъ, государь приказалъ подать ему дѣло («розыскъ») о раскольникахъ керженскихъ лѣсовъ. Читая прежде всего «разспросныя рѣчи»,—собственно доносъ Черныхъ,—государь нервно хмурилъ брови, а когда дошелъ до знаменитой «тетрадки» объ антихристѣ, то сейчасъ же брезгливо отбросилъ ее въ сторону.

— Знаю сію плѣсень. Оною у князь-кесаря нонѣ печи топятъ,—презрительно проговорилъ онъ.

Чтеніе продолжалось. Измайловъ и Кутузовъ, напряженно слѣдя за выраженіемъ лица государя, невольно чувствовали страхъ:—лицо это, еще недавно столь оживленное, радостное,

Digitized by Google

теперь становилось все мрачнѣй и мрачнѣй. Точно грозовая туча надвигалась на него... Вотъ-вотъ разразится гроза...

— Боже всесильный!—съ тоскою въ голосѣ, а не съ гнѣвомъ, воскликнулъ государь.—Боже великій! почто осудилъ ты меня царствовать надъ подданными, ниже звѣрей лѣсныхъ обрѣтающимися? Доколѣ, Господи, мракъ невѣжества будетъ осѣнять страну мою?

Государь всталъ и нервно зашагалъ по приказной избѣ, хотя въ этой избѣ тѣсно было великану.

— Не для нихъ ли я ночей не досыпаю, куска не доѣдаю, трясуся изъ конца въ конецъ моего царства въ простой телѣжонкѣ, какъ захудалый ямщикъ, по прежестокимъ дорогамъ безъ мостовъ? О, бѣдная, бѣдная страна! Бьюсь, какъ рыба объ ледъ, чтобъ сдѣлать ихъ людьми, просвѣтить ихъ темный разумъ, имъ же добра желаючи,—а они—нà поди!—въ антихристы меня записали.

Онъ опять присѣлъ къ столу, нервно шурша бумагами.

— А сіе что?—какіе рога?—Якобы, я отнялъ у вѣнчика на образѣ Спаса два рога и положилъ коню подъ чрево... Какой конь?—для чего я подъ чрево ему буду класть рожки отъ вѣнца на образѣ?—И это мои подданные!.. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Истинно такъ—все попы, все сіи Аввакумы, Пустосвяты!—А я-то, царь, я что такое?.. Скажутъ—по Сенькѣ и шапка... Не хочу я Сенькину шапку носить, не хочу и не буду!.. Хочу, чтобъ славна была и свѣтомъ блистала моя Русь... Хочу—и будетъ свѣтъ!

Государь задумался. Нервное возбужденіе, казалось, стало утихать. Онъ тяжело вздохнулъ.

— Одну мнѣ великую радость сегодня послалъ Господь, и ту мнѣ отравили мои подданные, мои дѣти. Мнѣ не вѣрятъ, а вѣрятъ какимъ-то звѣрямъ, въ лѣсахъ живущимъ:—тысячи, милліоны вѣрятъ...

Онъ отодвинулъ отъ себя «розыскъ» и взялъ справки, присланныя изъ патріаршаго приказа. Чтеніе продолжалось. Странно!—и Измайловъ, и Кутузовъ замѣтили, что, по мѣрѣ чтенія, лицо государя прояснялось, иногда по губамъ скользила улыбка.

— Такъ, такъ... истинно. И я скажу—«потеряхи»... Истинно «потеряхи»:—образъ божій и сами потеряли, и пасомыхъ овецъ въ звѣрей обратили... Въ Италіи, вижу, обучался... свѣту въ

Digitized by Google

Римѣ искалъ... «Потеряхи», «заборъ»—вотъ измыслилъ!.. Не будетъ и у меня «потеряхъ»—я поставлю надъ вѣрою святѣйшій синодъ—ему вручу душу моего народа.

Государь продолжалъ читать.

— Зѣло дивно, зѣло назидательно!.. Это онъ пишетъ къ отцу своему, священнику... Какая, по истинѣ, глубокая вѣра, какое огненное рвеніе къ истинѣ!.. Прислушайте,—обратился государь къ Измайлову и Кутузову.

Тѣ приблизились и почтительно остановились, полные вниманія.

— «Батюшка, батюшка!—читалъ государь:—лазилъ я, лазилъ въ мысленную Христа бездны язву на небо, а нынѣ лѣзу, лѣзу и въ круцификсъ Его, писанный тобою: лѣзу въ ребреную Его язву сердцемъ, гвоздю къ рукамъ Его мои руки, и, отнявъ у Него уста Его, дѣлаю въ нихъ своя уста и говорю съ Нимъ такъ по Бернарду:—не хощу, Господи мой, безъ язвъ жити, когда вижу тебя всего въ язвахъ; остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ, да распнусь съ Тобою! Слыхалъ у Тебе, что того ради меня нареклъ еси Петромъ, да Петровы теплоты причастникъ буду, и се не погрѣшилъ еси воистину» [1])...

Государь отодвинулъ отъ себя бумаги. Энергическое лицо его опять приняло радостное, одухотворенное выраженіе.

— Каковъ пламень вѣры... какова сила и глубина сумнѣнія!—говорилъ онъ со сверкающимъ взоромъ.—И за сію вѣру его осудили!.. Нѣтъ, не оскудѣ русская земля, дондеже на ней, среди плевелъ, произрастаетъ такое зерно... И сей свѣточъ хотѣли загасить пустосвяты... И свѣточъ укрылся въ керженскихъ лѣсахъ... не диви—на Москвѣ такой свѣтъ задуютъ. Тамъ нужно, чтобъ токмо чадило отъ каганца... чаду больше, а не свѣту. Позвать его сюда,—сказалъ онъ вдругъ.

Кутузовъ бросился исполнять приказаніе царя. Черезъ нѣсколько минутъ ввели Непомнящаго.

— Сейчасъ же снять съ него кандалы!—распорядился государь.—Душу живу не заковываютъ.

Желѣза тотчасъ же были сняты съ рукъ и ногъ удивленнаго колодника, по лицу котораго прошла неразгаданная тѣнь, подмѣченная, однако, зоркимъ глазомъ царя.

[1]) Письмо это—историческій документъ.

Digitized by Google

— Не бойся, Петръ Артемьевъ, — ласково проговорилъ онъ:—я уже за глаза помиловалъ тебя и вины за тобою ни единыя не нахожу,—въ томъ тебѣ порукою мое слово—слово царя. Говори мнѣ смѣло правду:—я впередъ разрѣшаю всѣ вины твои... Подлинно ты Петръ Артемьевъ?

— Подлинно, государь,—смѣло отвѣчалъ этотъ послѣдній.

— Гдѣ началъ ты ученіе свое?

— У отца, въ Суздали, государь, а продолжалъ оное у Лихудовъ.

— Въ которомъ году уѣхалъ ты съ Іоанникіемъ въ Италію?

— Въ 88-мъ, государь.

— Что изучалъ тамъ?

— Богословіе, риторское искусство, философію и все, до чего возможно досягать уму человѣческому. Тамъ, государь, я увидѣлъ свѣтъ; возвратившись въ отечество свое—нашелъ мракъ...

— Правда, зѣло горькая правда,—тихо проговорилъ царь.—А потомъ?

— Я, государь, осмѣлился нарушить сей мракъ хотя единою искрою, и мракъ осудилъ мою дерзость... Меня разстригли... Меня послали въ заточеніе,—и я пошелъ съ моею челобитною къ тому, коего заушали за то, что Онъ пришелъ въ міръ свидѣтельствовать истину... Я мыслилъ, государь, что тамъ, гдѣ Его кровь оросила землю, земля сія отвѣтитъ мнѣ на вопль мой: «что есть истина?», если Пилатъ, вопросившій Его объ истинѣ, не восхотѣлъ выслушать Его отвѣта.

Слова эти поразили государя.

— Какъ такъ—не хотѣлъ выслушать?—спросилъ онъ.

— А какъ же, государь:—у евангелиста Іоанна, Іисусъ, говоря Пилату, что онъ царь есть, поясняетъ сими словесы:—Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего.—И вотъ, государь, Пилатъ и сказалъ Ему—не спросилъ, а просто—глагола Ему Пилатъ: что есть истина,—и сіе рекъ, паки изыде ко іудеомъ... Такъ-таки, государь, ничего не выслушавъ, и вышелъ изъ преторіи... Да на что Пилату была истина, когда онъ зналъ, что самъ же пошлетъ ее на крестъ!

Государь болѣе и болѣе поражался словами этого страннаго арестанта.

Digitized by Google

— Ты правъ,—сказалъ онъ въ раздумьѣ:—Пилату, я чаю, зѣло не по душѣ было бы выслушать истину... И ты видѣлъ ту землю, которая обагрена была кровію Истины?

— Сподобился, государь.

— Какимъ же образомъ? Туда, я чаю, не легко попасть.

— Я, государь, былъ толмачемъ у твоего посла Украинцева...

— Толмачемъ! при моемъ посольствѣ въ Царьградъ?

— Такъ точно, государь... Съ тобою я доѣхалъ до Таганрога, а тамъ уже мы продолжали путь до Цареграда на кораблѣ «Крѣпость», а изъ Цареграда я и проѣхалъ до Святой земли на италійскомъ кораблѣ съ римскими паломниками.

Глубоко былъ взволнованъ государь тѣмъ, что онъ теперь слышалъ... Какъ?—въ его царствѣ сынъ какого-то суздальскаго попа—онъ и знатокъ языковъ, и философъ, и съ глубокими свѣдѣніями въ богословіѣ; онъ же и путешественникъ, видѣвшій то, чего самъ царь, при страстномъ желаніи, не могъ видѣть!

— И ты былъ въ Святой землѣ?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Былъ, государь... Вступая, въ Іоппіи, на святой берегъ, я припалъ къ землѣ и со слезами лобызалъ оную... Уста мои сами повторяли стихъ изъ канты италійскаго піиты Санназара:

Un pezzo di cielo, caduto in terra...

— Что сіе значитъ?—спросилъ царь, видимо возбужденный.—Я человѣкъ въ языкахъ несвѣдущій.

— Сей стихъ, государь, гласитъ, якобы градъ Неаполь есть «осколокъ небесъ, ниспавшій на землю»... Сія часть небесъ, ниспавшая со Христомъ на землю, и есть Святая земля. Я лобызалъ то мѣсто берега въ Іоппіи, съ котораго апостолы сходили къ морю на корабли, дабы плыть на благовѣствованіе всему міру Истины... Ни въ самомъ Іерусалимѣ, у подножія Голгоѳы, ни въ Геѳсиманскомъ вертоградѣ, ни на Елеонской горѣ я не обрѣлъ и слѣда Истины... Всюду, государь, торжище, купля; доселѣ тридцать сребрениковъ — сія цѣна неоцѣненнаго—переходятъ изъ однѣхъ нечистыхъ рукъ въ другія, сугубо и трегубо нечистыя... И небеса тамъ осквернены... Не осквернены токмо дебри и пустыня, куда Онъ возведенъ бысть духомъ и гдѣ постился сорокъ дней... Тамъ я видѣлъ то, что видѣли и Его очи—и съ меня сего было довольно.

Digitized by Google

Непомнящій остановился... Говорить ли все?

— Говори все,—какъ бы угадалъ его мысль царь.

— Я и говорю, государь, все... Я видѣлъ всюду, что Его доселѣ заушаютъ, какъ заушали тогда. И заплеваша лицо Его, и по ланитома біяху Его. И мыслилъ я, государь:—можетъ быть, тѣ, что укрываются у насъ въ лѣсахъ, по скитамъ, въ простотѣ сердца своего не заушаютъ Его,—и я пошелъ къ нимъ... И вотъ я здѣсь предъ тобою, государь.

— А того, котораго въ скитахъ называли «учителемъ», ты зналъ: кто онъ подлинно?—спросилъ царь.

— Зналъ, государь.

— И?..—Царь видѣлъ, что тотъ чего-то не договариваетъ.— Я простилъ боярина Лыкова... Ну, договаривай.

— Изъ состраданія, государь, къ нему, а паче къ его дочери... Въ тѣхъ скитахъ свѣтъ былъ завязанъ для отроковицы, а она всею душею жаждала свѣту и истины... Я и положилъ себѣ увести ихъ изъ скитовъ...

— А куда?—въ Москву?

— Нѣтъ, государь,—въ Европу... и тамъ поселиться...

Лицо государя освѣтила многознаменательная улыбка.

Въ быстромъ, кипучемъ умѣ его мгновенно созрѣла счастливая мысль. До сихъ поръ, въ дѣлѣ просвѣщенія Москва пользовалась услугами болѣе образованной Малороссіи и отчасти Греціи въ лицѣ братьевъ Лихудовъ:—Гилятовскій, Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій—все это «хохлы», все это изъ «черкасскаго сала свѣчи», озаряющія московскую тьму кромѣшную. Отчего не затеплить свѣчу изъ «суздальскаго сала»? Этотъ странный бродяга, который приводитъ царя въ «конфузію» своими «италійскими виршами», который какъ бы предвосхитилъ у него мысль о непригодности «потеряхъ» и «заборовъ», обращенныхъ геніальнымъ царемъ во «всешутѣйшіе» и «всепьянѣйшіе»,—бродяга этотъ—суздалецъ... Отчего не попробовать черезъ него внести въ Москву побольше свѣту? Свѣту больше, свѣту!.. Послалъ же онъ молодыхъ стольниковъ да спальниковъ въ Европу изучать морское и корабельное дѣло... Вышли же оттуда хоть бы вотъ такіе молодцы какъ «драный» Скляевъ, Верещагинъ, Лыковъ... Отчего не послать этого бродягу просто «за свѣтомъ»—не за корабельнымъ только, а за всякимъ?.. И

Digitized by Google

онъ пошлетъ его не одного, а съ этой большекосой русалкой, которая, кажется, ущемила свое сердечко вотъ у этого дѣтины... И она, эта русалка, воротится въ Москву со «свѣтомъ» и будетъ освѣщать имъ его «ассамблеи», которыхъ такъ боятся московскія «тетёхи»...

Рѣшено!—И государь подошелъ къ своему новому «птенцу».

— Быть по сему!—весело сказалъ онъ.—Ты, Петръ, не отъ себя пойдешь въ Европу, а я пошлю тебя туда... Да не одного, а съ женой...

Видя изумленіе и какъ бы испугъ на лицѣ новаго «птенца», царь ласково продолжалъ:

— Дочь боярина Лыкова тебя любитъ—я это знаю... Вотъ тебѣ жена.

Новый «птенецъ» упалъ на колѣни и цѣловалъ руку царя.

— Теперь онъ мой,—сказалъ государь Измайлову.

Тотъ почтительно поклонился.

— А что, государь, укажешь учинить съ керженскими старцами?—спросилъ онъ.

— Отпустить этихъ волковъ въ ихъ логово, въ лѣсъ... А дабы и они, и вся ихъ стая были не безполезны россійскому государству, яко мои паршивые подданные, то—по пословицѣ: «съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ, либо вилы въ бокъ», казнить я ихъ не стану, какъ казнилъ стрѣльцовъ... тѣ смутой шли на меня. А сихъ я всѣхъ повелю переписать поименно и записать въ раскольничій окладъ. Кто хочетъ носить бороду—плати мыто:—сіи раскольничьи деньги я съ пользою употреблю для государства—на пушки, на порохъ и на прочіе воинскіе снаряды... Я укажу на моемъ монетномъ дворѣ выбить особую монету, на коей вычеканенъ будетъ полуликъ человѣческій съ бородою, а подъ нимъ сіи слова:—«за бороду деньги взяты» [1])... Кто внесетъ въ казну раскольничью пошлину, тотъ и получитъ сію монету; тому вольно и бороду носить... Я и работать заставлю сихъ лѣшихъ керженскихъ лѣсовъ:—они будутъ рубить лѣсъ и подвозить къ Волгѣ для

[1]) Эти монеты, какъ рѣдкость, попадаются до сихъ поръ. Одна такая монета была и у меня; но въ 1863 г., во время посѣщенія покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ Саратова, она поднесена была его высочеству кн. В. А. Шербатовымъ, въ домѣ котораго Цесаревичъ останавливался. *Авторъ.*

Digitized by Google

стройки кораблей... А теперь веди насъ къ себѣ, Андрей Петровичъ,—закончилъ царь, обращаясь къ Измайлову.

Подходя къ воеводскому двору, государь издали замѣтилъ знакомую фигуру. Узналъ ее и новый «птенецъ», Петръ Артемьевъ, бывшій «Микита Непомнящій»,—и улыбнулся. То былъ Ермилушка. Увидавъ государя, онъ, какъ заяцъ, юркнулъ въ переулокъ, испуганно оглядываясь. И было чего испугаться:—царь издали грозилъ ему дубинкой.

— У—пустосвятъ!—во дворъ ко мнѣ вздумалъ шляться и моему сыну голову набивать «Златымъ Бисеромъ», что и передъ свиньями метать зазорно.

— Какъ можно, государь!—улыбнулся новый «птенецъ»:—онъ теперь мужъ ученый... Въ скитахъ разсказывалъ, что онъ бывалъ «во Европіи», гдѣ живутъ все ееіопы и «западники», погрязшіе въ «западной ереси», а около-де каждаго «западника» стоятъ черти съ крючьями...

— О, Москва, Москва!—покачалъ головою царь:—когда-то въ тебя проникнетъ хоть лучъ свѣта!

Войдя въ домъ воеводы, государь обратился къ Фимочкѣ.

— Видишь, я исполнилъ твою просьбу,—сказалъ онъ, указывая на новаго «птенца»:—я помиловалъ и старичковъ, и твоего «Микиту», и теперь посылаю его на мой государевъ коштъ «во Европію» (при этомъ словѣ государь улыбнулся)—посылаю его за свѣтомъ для Москвы... Теперь же и ты исполни мою просьбу!—выходи за него замужъ.

Фимочка сначала поблѣднѣла, потомъ густо-густо покраснѣла, и бросилась на плечо молодой Лыковой.

— Не хочешь замужъ?—съ лукавою улыбкой спросилъ царь.

Фимочка еще плотнѣе уткнула носъ въ плечо Оленушки.

— Еще разъ спрашиваю:—не хочешь?

Всѣ съ трудомъ сдерживались, чтобъ не разсмѣяться.

— Молчитъ—значитъ, не хочетъ,—проговорилъ государь.—Что дѣлать? не вывезла, братъ, твоя!—съ улыбкой глянулъ онъ на новаго «птенца».—Ну, поѣзжай одинъ «во Европію»—тамъ утѣшишься:—найдешь себѣ кралю почище сей скитницы.

Вдругъ послышались всхлипыванья Фимочки, а затѣмъ и рыданія.

— Я такъ и зналъ,—разсмѣялся государь:—ни одна изъ

Digitized by Google

нихъ прямо не сознается... О, лукавое женское сѣмя,—лукавое да слабое:—не выдержала дѣвка—разревѣлась и выдала себя... Также я засваталъ и сію вотъ дурочку,—указалъ онъ на Оленушку.

Затѣмъ государь обратился къ боярину Лыкову.

— Ты согласенъ, Кирило Андреевичъ?

— Воля твоя, государь... Велики твои милости,—отвѣчалъ бывшій скитникъ.

— Ну, такъ послѣ свадьбы—за свѣтомъ «во Европію»,—заключилъ государь.

Д. Мордовцевъ.

Digitized by Google

Два сонета.

Изъ Петрарки.

Sonetto XXIII.

Когда бъ царица-смерть отъ этихъ думъ влюбленныхъ
Освободила духъ—мучительны онѣ!—
Сложить бы гнетъ любви осталось только мнѣ
И сладкій отдыхъ дать для плечъ изнеможенныхъ.

Что, если смерть—лишь путь страданьемъ утомленныхъ
Отъ горькихъ слезъ къ слезамъ и отъ войны къ войнѣ?..
Я опочить боюсь навѣки въ смертномъ снѣ
И, бѣдный, жизнь влачу, какъ жертва мукъ безсонныхъ.

Удобный часъ—спустить послѣднюю стрѣлу
Съ жестокой тетивы, въ крови другихъ омытой,
Разсѣять для меня тревоги вѣчной мглу...

Амура я молю и Смерть, тоской убитый,
Но тщетно! Смерть глуха... Хоть блѣдность по челу
И разлила она—не въ силахъ быть защитой!

Sonetto CXL.

Амуръ, остановись и погляди вослѣдъ:
Касаяся земли чуть-чуть стопой небрежной,
Она идетъ легко съ улыбкой безмятежной,
И лугъ, и темный лѣсъ ей шлютъ нѣмой привѣтъ.

Въ узорчатую ткань изящный станъ одѣтъ...
Движеній красоту мой взоръ слѣдитъ прилежный...
Въ очахъ ея любви мерцаетъ отблескъ нѣжный—
То небо разлило въ земномъ небесный свѣтъ!

Digitized by Google

И, кажется, одной исполнены мольбою
Цвѣты въ лѣсной тѣни и свѣжихъ травъ коверъ,
Чтобъ прикоснулась къ нимъ она своей стопою...

Отраденъ небесамъ ея прекрасный взоръ...
Она глядитъ вокругъ—и ярче синевою
Горитъ живыхъ небесъ сверкающій просторъ.

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ЕВРЕЙСКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ.

III.

Предводитель дворянства александровскаго и маріупольскаго уѣздовъ екатеринославской губ., графъ И. В. Канкринъ, задался счастливой мыслью произвести подворную перепись, для выясненія сельско-хозяйственнаго положенія колоній александровскаго уѣзда. Результаты этой переписи, вмѣстѣ съ личными замѣтками графа Канкрина, собраны въ одну книжку и представляютъ цѣнный матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, къ чему привелъ опытъ созданія еврейскихъ колоній въ екатеринославской губерніи.

Всѣхъ колоній въ александровскомъ уѣздѣ 10: Пріютная, Роскошная, Богодаровка, Горькая, Новозлатополь, Красноселка, Веселая, Межирѣчь, Трудолюбовка и Нечаевка. Каждой изъ этихъ 10 колоній гр. Канкринъ посвящаетъ въ началѣ своего труда общее описаніе, касающееся естественныхъ условій мѣстности, внѣшняго вида колоній, жилищъ, хозяйственнаго инвентаря, пищи, топлива, рабочаго скота, занятій населенія и пр. Затѣмъ, къ такому общему описанію приложены статистическія данныя, собранныя подворной переписью и относящіяся къ личному составу хозяйствъ (съ раздѣленіемъ по полу и по рабочей способности) и къ хозяйственному инвентарю. Наконецъ, въ таблицѣ имѣется вопросъ о томъ, не занимаются ли колонисты какимъ нибудь подспорнымъ дѣломъ, ремесломъ или торговлей.

Чтобы дать полное представленіе о жизни и занятіяхъ евреевъ-колонистовъ, мы извлечемъ все существенное изъ данныхъ, приводимыхъ гр. Канкринымъ, и въ своемъ изложеніи будемъ держаться той же послѣдовательности, какая установлена въ почтенномъ трудѣ: «Еврейскія земледѣльческія колоніи александровскаго уѣзда».

Колонія Пріютная основана въ 1848 году и населена выходцами изъ витебской губ. Въ настоящее время, населеніе ея состоитъ изъ 33 семействъ собственно евреевъ-колонистовъ, 4-хъ нѣмцевъ, образцовыхъ хозяевъ (мустервиртовъ) и 8-ми постороннихъ лицъ разныхъ сословій. Каждая усадьба колонистовъ занимаетъ площадь въ 1 десятину, при 80 саж. длины и 30 ширины. Жилыя зданія и сельскохозяйственныя постройки, землянки, замѣняющія амбары и клуни,— большею частью однотипичны, причемъ первыя выходятъ причелками на улицу. За исключеніемъ клунь, всѣ зданія построены изъ лимпача (глинобитныя постройки). Изъ того же матеріала сложены

Digitized by Google

полуразвалившіяся дымовыя трубы. Зданія всѣ крыты соломой, причемъ почти всѣ крыши находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Не смотря на то, что объѣзды колоній производились поздней осенью и въ декабрѣ, и что въ этомъ году (1892) колонія особенно была богата соломой, большинство крышъ представляло изъ себя видъ рѣшета. То же самое должно сказать и относительно оконъ, въ которыхъ выбитыя стекла замѣняются тряпками.

Усадьбы поражаютъ отсутствіемъ какой бы то ни было растительности. Преобладающій типъ жилыхъ помѣщеній представляется въ слѣдующемъ видѣ. Дома раздѣлены на двѣ части: первая предназначается для жилья, вторая—конюшня. Двери, какъ наружныя, такъ и внутреннія, большею частью сбиты изъ шелевки и очень рѣдко сдѣланы изъ дюймовыхъ досокъ. Всѣ онѣ плохо пригнаны и плохо притворяются, да, кромѣ того, имѣютъ щели во всю длину двери. Въ концѣ октября, въ значительной части домовъ, жилыя комнаты, одна или двѣ, были завалены зерномъ, большею частью пшеницей или ячменемъ. Внутреннюю обстановку первой комнаты (залы), если она свободна отъ хлѣба, составляютъ: столъ, кое-гдѣ комодъ, угольникъ, диванъ и нѣсколько простыхъ стульевъ. Въ числѣ утвари тутъ же выставленъ самоваръ, въ иныхъ домахъ тусклый, въ другихъ вычищенный до блеска, и такіе же подсвѣчники. Во второй комнатѣ (спальнѣ) стоитъ кровать съ перинами и подушками. Стѣны увѣшаны портретами различныхъ еврейскихъ знаменитостей и «цадиковъ». Самое видное между ними мѣсто занимаетъ портретъ Монтефіоре, и рѣдкій еврей не имѣетъ его. Во многихъ домахъ встрѣчаются также портреты еврейскихъ раввиновъ и ученыхъ. Не послѣднее мѣсто занимаетъ также и портретъ современной еврейской знаменитости — барона Гирша. Затѣмъ, въ каждомъ домѣ, обязательно на восточной стѣнѣ комнаты, виситъ картина, вышитая шерстью или бисеромъ, или нарисованная — «Мизрахъ», т. е. востокъ. Прохожій еврей, зайдя въ комнату, не станетъ спрашивать расположенія странъ свѣта, а, глядя на картину, съ молитвой обращается къ востоку. Полы въ домахъ земляные, выметаются и присыпаются пескомъ только въ ожиданіи пріѣзда начальства. Въ такихъ случаяхъ, объявляемыхъ за 2 — 3 мѣсяца впередъ, во всѣхъ колоніяхъ чистятся и подметаютъ дворы, бѣлятся хаты, навозъ вывозится или прикрывается соломой и только за десятки лѣтъ скопившіяся горы золы остаются нетронутыми. Стѣны бѣлятся рѣдко, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ цвѣтъ, копоть и паутина. Кухня мрачная, закопченая и слѣды побѣлки едва замѣтны. Печи, видимо, рѣдко исправляются: бо́льшая часть ихъ давнія, съ большими трещинами и съ вывалившимися кирпичами. *Грязь и смрадъ вездѣ поразительны.* Отапливаются еврейскіе дома соломой и кизякомъ.

Колонисты одѣваются по городски: мужчины носятъ безобразнаго покроя пиджаки и пальто дешевой ткани, часто съ разноцвѣтными заплатами. Въ субботу же или въ праздничные дни молодежь одѣвается щеголевато, а дѣвушки и молодыя еврейки наряжаются въ атласъ, шолкъ, бархатъ и щеголяютъ блескомъ золотыхъ серегъ и брошекъ. Пища колонистовъ, какъ вообще у евреевъ, незатѣйливая. Мяс-

Digitized by Google

ной пищей колонисты пользуются только по субботамъ (для мясной и молочной пищи употребляется отдѣльная посуда). Лошади очень мелки и, по типу, стоятъ ниже обыкновенной крестьянской рабочей лошади. Евреи, смотря на лошадь, только какъ на средство и способъ передвиженія, ничуть не заботятся не только объ улучшеніи породы, но даже и о выращиваніи мало-мальски порядочныхъ особей. Двухлѣтнихъ жеребцовъ пускаютъ въ произвольную случку. То же самое должно сказать и о рогатомъ скотѣ. Коровы—нѣмецкія, красныя; быки, большею частью, доморощенные. Благодаря хорошему подножному корму, скотъ не худой, но рабочія лошади, въ особенности у плохихъ хозяевъ, т. е. у большинства, находятся въ самомъ безобразномъ видѣ. Какъ на особенность еврейской лошади, можно указать на ея нездоровистость: запряженная въ бричку пара рѣдко трогаетъ сразу. Дѣло прежде всего начинается съ кнута и подергиванія возжами. Лошади бьютъ задомъ, становятся на дыбы, рвутъ сбрую и, наконецъ, послѣ продолжительной возни и при громкихъ крикахъ собравшихся евреевъ, выѣзжаютъ со двора. Сбруя обыкновенно не пригнана къ лошади: то тѣсна, то велика.

У громаднаго большинства хозяевъ не только бороны и катки, но даже плуги, косилки и вѣялки брошены съ полнымъ пренебреженіемъ на дворѣ и подвергаются разрушающему вліянію солнца и непогоды. Бердянскій фабрикантъ Гріевзъ, въ назиданіе земледѣльцамъ, выпустилъ косилку (жатвенную машину) «Новая ласточка» со слѣдующимъ четверостишіемъ:

Чисто меня прошу держать,
Тогда я долго буду жать,
Въ грязи зимою пролежу,—
На нивѣ лѣтомъ отомщу.

Однако, евреи преподаннымъ правиламъ не послѣдовали, и «Новая ласточка» вездѣ лежитъ въ грязи по дворамъ. Земледѣльческія орудія очень рѣдко пріобрѣтаются евреями-колонистами непосредственно изъ заводовъ и новыми, чаще же всего евреи покупаютъ ихъ у мѣстныхъ крестьянъ, когда послѣдніе, проработавъ ими нѣсколько лѣтъ, признаютъ ихъ негодными къ дальнѣйшей работѣ. Такимъ образомъ, еврей-колонистъ получаетъ за ничтожную цѣну болѣе или менѣе негодную машину, которую все таки при надобности можно отнести къ разряду земледѣльческихъ орудій. Этимъ и объясняется, напримѣръ, то обстоятельство, что у многихъ евреевъ имѣются плуги, не смотря на то, что они ни одной десятины плугомъ не пашутъ. Примѣромъ покупки у крестьянъ стараго хлама могутъ служить почти всѣ жатвенныя машины въ колоніяхъ. Такъ напримѣръ, косилки обходятся новыми на заводѣ отъ 145—165 р., а въ урожайные годы и до 200 р., евреи же покупаютъ ихъ у крестьянъ за 30 р. Не важно для колониста, что косилка эта окажется негодной въ работѣ и что болѣе одной десятины хлѣба она не сниметъ, а важно то, что при объѣздѣ начальства такой-то Ицко выставитъ жатвенную машину, а, стало быть, онъ—исправный земледѣлецъ.

Огородничества, если не считать посадки картофеля, рѣшительно нѣтъ никакого. Но и картофелемъ засаживаютъ только незначитель-

Digitized by Google

ную часть огорода; остальное же мѣсто засѣвается иногда ячменемъ, а большею частью пустуетъ, заростая бурьяномъ. О цвѣтникахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ даже и молодыя еврейки, при разговорѣ о цвѣтахъ или цвѣтникахъ, всегда отвѣчаютъ съ пренебреженіемъ: *«съ цвѣтовъ нѣтъ пользы»*.

Колонія имѣетъ, по назначенію общества, сотскаго отъ нѣмцевъ, и отъ евреевъ десятскаго, причемъ вся тяжесть полицейскихъ обязанностей всегда возлагается на нѣмца. Въ случаѣ какихъ либо посылокъ въ болѣе отдаленный пунктъ или отправки почты, евреи стараются оттягивать дѣло до субботы, такъ какъ въ этотъ день нѣмцы обязательно отбываютъ подводную повинность.

Земельные надѣлы колоніи Пріютной составляютъ: для мустервиртовъ—40 десятинъ, для колонистовъ-евреевъ—по 30 десятинъ, при чемъ изъ каждаго надѣла отрѣзываются въ толоку: у мустервиртовъ по 15 десятинъ, у евреевъ же по 9 десятинъ. Исключая одной десятины усадебной земли (плановаго мѣста), въ распоряженіе мустервиртовъ, такимъ образомъ, поступаетъ по 24 дес. пахотной земли; такой же земли у евреевъ — по 20 дес. на полный надѣлъ. По достаткамъ и способу веденія хозяйства, колонисты Пріютной могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) Хозяевъ зажиточныхъ или, какъ ихъ называютъ евреи, «лучшихъ», 2) хозяевъ посредственныхъ и 3) плохихъ. Зажиточныхъ хозяевъ *всего лишь 3*, хозяевъ среднихъ также 3 и, наконецъ, *плохихъ—27*. Евреи заявляли, что въ 1892 году они засѣяли 555 дес. общественной земли, да, кромѣ того, еще 429 дес. земель бывшихъ мустервиртовъ и арендныхъ изъ запаснаго участка,—*всего 984 дес., и это при рабочей силѣ въ 77 лошадей, 35 буккеровъ и 27 боронъ!*

Школы въ колоніи нѣтъ, но еврейскую грамоту преподаютъ заходящіе изъ витебской и ковенской губерніи меламеды. Для школьныхъ занятій отводится комната въ одномъ изъ жилыхъ домовъ и преподаватель получаетъ отъ 10—15 руб. въ полугодіе за каждаго мальчика, да, кромѣ того, родители дѣтей, по очереди, обязываются кормить меламеда. Синагога выстроена лѣтъ 25 тому назадъ изъ жженаго кирпича и крыта желѣзомъ. Крыша нѣсколько осѣла и вогнулась. Ограды вокругъ синагоги нѣтъ. Зданіе, какъ снаружи, такъ и внутри, содержится грязно и неряшливо. Днемъ синагога не запирается, такъ какъ бо́льшую часть времени евреи проводятъ здѣсь, не столько въ молитвѣ, сколько въ бесѣдахъ объ общественныхъ и семейныхъ нуждахъ.

Общественная баня,—по еврейски «будъ»,—построена изъ жженаго кирпича и крыта соломой. Крыша очень плохая. Одно окно передней стѣны съ выбитымъ стекломъ заткнуто старымъ еврейскимъ пальто, другое—съ противоположной стороны — тряпками. Входъ въ баню—черезъ грязныя сѣни. Сама баня, хотя снабжена досчатыми полами, но *поражаетъ своею грязью*. Въ ящикѣ (миква), опущенномъ въ колодезь, еврейскія женщины совершаютъ омовеніе.

Въ 33-хъ еврейскихъ семействахъ Пріютной, изъ числа 79 работниковъ мужскаго пола — 32 человѣка занимаются ремесломъ и породу занятій ремесленники подраздѣляются на переплетчиковъ,

Digitized by Google

стекольщиковъ, сапожниковъ, мѣдниковъ, и пр. Всего больше переплетчиковъ, стекольщиковъ и сапожниковъ, всего меньше кузнецовъ (1).

Колонія Роскошная основана въ 1855 году и населена евреями, выведенными изъ витебской губерніи. Здѣсь вначалѣ было водворено 40 семействъ, къ которымъ приставлено 4 нѣмца — образцовыхъ хозяевъ, полагая по 1-му мустервирту на каждые 10 дворовъ. Полный земельный надѣлъ еврея-колониста—30 десятинъ, изъ которыхъ 10 отрѣзываются въ толоку. Полнымъ надѣломъ владѣютъ 19 хозяйствъ, неполнымъ—13, не имѣютъ вовсе надѣла—4.

Всѣ колоніи, по внѣшнему виду, образу жизни и средней степени хозяйственности колонистовъ, крайне сходны между собою. Хлѣбный магазинъ находится въ Пріютной и составляетъ собственность обѣихъ колоній. Школы также нѣтъ. Меламеды изъ Ковна учатъ на такихъ же условіяхъ, какъ и въ Пріютной.

Въ домахъ иногда попадаются горшковые цвѣты. Между ними самое распространенное и самое видное мѣсто занимаетъ луковичное растеніе, называемое евреями «цебель». Часто встрѣчается гераній съ душистыми листьями.

Хотя Пріютная считается одною изъ самыхъ плохихъ колоній, но Роскошная, пожалуй, еще ободранѣе и бѣднѣе. *Грязь въ домахъ и дворахъ доведена здѣсь до чудовищныхъ размѣровъ.* Автору попадались хаты, въ которыхъ не было возможности оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Не смотря на поразительную нечистоту и безобразную обстановку въ обычное время, авторъ былъ удивленъ, найдя во время объѣзда колоній столы накрытыми бѣлыми скатертями и полы—посыпанными свѣжимъ пескомъ. Въ этомъ нельзя не видѣть лучшаго доказательства того, что *евреи уже извѣщены были о предположенномъ подворномъ описаніи ихъ.* Въ семействѣ изъ 36 колонистовъ насчитывается 19 ремесленниковъ и лицъ, занимающихся торговлей.

Колонія имѣетъ синагогу изъ жженаго кирпича, крытую черепицею. Затѣмъ, въ колоніи имѣется баня, крытая также черепицею,—она меньше пріютнинской, внутренняя же ея обстановка та же.

Колонія Богодаровка основана въ 1855 г. и заселена выходцами изъ витебской губерніи. Населеніе колоніи состоитъ изъ 3 мустервиртовъ, 58 семействъ евреевъ-колонистовъ и 20 семействъ лицъ разныхъ другихъ сословій. Какъ и вездѣ, полный надѣлъ еврея-колониста составляютъ 30 дес., изъ которыхъ 10 отходятъ въ толоку и подъ усадьбу. Евреевъ, имѣющихъ полный надѣлъ,—16, имѣющихъ части надѣловъ—36, не имѣющихъ вовсе надѣловъ—5. Лучшихъ хозяевъ въ колоніи *3*, среднихъ—17, *плохихъ*—38. Живой и мертвый инвентарь 58-ми еврейскихъ хозяйствъ слѣдующій: рабочихъ лошадей 154, коровъ 113, молодыхъ лошадей 24, гулеваго скота 89, плуговъ 15, буккеровъ 47, боронъ 55, жатвенныхъ машинъ 16, вѣялокъ 17 и катковъ 57. Ремесленниковъ и лицъ разныхъ профессій 48, изъ нихъ: мѣдниковъ 1, переплетчиковъ 1, сапожниковъ 14, портныхъ 7, мясниковъ 1, ростовщиковъ 1, стекольщиковъ 2, шапочниковъ 7, торговцевъ 7, кузнецовъ 2, барыш-

Digitized by Google

никовъ 2, каменотесовъ 1 и столяровъ 1. Изъ общественныхъ зданій имѣются: синагога изъ жженаго кирпича, крытая желѣзомъ; снаружи зданіе довольно видное, внутри же—чрезвычайно грязное. Общественный запасный магазинъ для двухъ колоній—Богодаровки и Горькой. Баня представляетъ собою зданіе лимпачевое, крытое соломой. *Школы нѣтъ.* Кромѣ большой лавки и кабака Жилина, имѣются еще 2 лавки. Въ колоніи живетъ и служитъ табунщикомъ *знаменитый конокрадъ* Артемъ Ивановъ Соловей съ женою Марьей, не менѣе извѣстной наѣздницей. Кромѣ пастуховъ, также воровъ, живетъ въ одной съ нимъ землянкѣ какой-то столяръ,—воръ и пьяница. *Много ходитъ слуховъ объ этихъ темныхъ людяхъ.*

Колонія Новозлатополь основана послѣ 1844 года и въ продолженіе 6 или 7 лѣтъ заселялась выходцами изъ могилевской, витебской и ковенской губерній. Крестьяне сосѣдняго села Ѳедоровки разсказываютъ, что, при заселеніи колоніи Новозлатополь, евреевъ на зиму водворили въ нарочно для того отведенныя крестьянскія хаты. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 45 лѣтъ, а старыя бабы все еще не могутъ забыть этой зимы! Къ веснѣ хаты оказались до того загрязнены, что безъ ужаса и отвращенія нельзя было подойти къ нимъ. *Говорятъ даже, что одинъ изъ крестьянъ сжегъ свою хату, чтобы избавиться отъ «паршей и нечисти».* Новозлатополь—одна изъ самыхъ большихъ колоній уѣзда: она имѣетъ болѣе 100 дворовъ, при населеніи до 800 душъ обоего пола. Г. Бинштокъ въ краткомъ описаніи к. Новозлатополь, видѣнной имъ въ 1890 г., говоритъ: «по всей длинѣ улицы тянется *липовая аллея*, насажденная еще первымъ попечителемъ колоній, барономъ Штемпелемъ». Между тѣмъ, въ колоніи насчитывается не болѣе 5—7 и то почти совершенно высохшихъ тополей, а другихъ деревьевъ никакихъ нѣтъ. По этому случаю, гр. Канкринъ замѣчаетъ: «Евреи-колонисты всякое дерево, будь это вишня, слива, груша или яблоня, называютъ «вербою». Если простой еврей называетъ вишню вербою, то не удивительно, что просвѣщенный еврей назвалъ осокорь—липой»! Населеніе колоніи состоитъ изъ 131 семейства, а именно: нѣмцевъ-мустервиртовъ 7 семействъ, евреевъ-колонистовъ 101 семейство, постороннихъ лицъ 23 семейства. Изъ числа постороннихъ лицъ два русскихъ семейства состоятъ изъ табунщика и арендатора. Хата послѣдняго обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что *у этого православнаго мужика, живущаго два года между евреями, не оказалось иконы и два мальчика школьнаго возраста не знали ни одной молитвы.* Ремесленниковъ, мастеровыхъ и лицъ разныхъ профессій насчитывается 49. Общественный хлѣбный магазинъ, кирпичный, крытый желѣзомъ,—довольно порядочное зданіе. Магазинъ этотъ составляетъ собственность двухъ колоній: Новозлатополя и Веселой. Синагога—кирпичная, крыта желѣзомъ. Зданіе это имѣетъ видъ большаго жилаго дома, но оно мрачно и чрезвычайно грязно. Баня—это уцѣлѣвшая половина развалины безъ крыши, прикрытой сверху землей, причемъ на ней растетъ такой густой и высокій бурьянъ, что совершенно закрываетъ трубу. Рамы оконъ—обыкновенно безъ многихъ стеколъ и пустыя мѣста задѣланы свѣжимъ коровьимъ пометомъ. Наружному виду этой развалины вполнѣ соотвѣтствуетъ и

Digitized by Google

внутренняя обстановка: *грязь и смрадъ—поразительные!* Мужчины рѣдко пользуются баней.

Колонія Трудолюбовка основана въ 1847 — 1848 г. и заселена выходцами изъ ковенской губерніи. Первое, что бросается въ глаза при въѣздѣ въ колонію, это жалкіе остатки когда-то существовавшей живой изгороди изъ дикой маслины. Старики-евреи говорятъ, что вся улица колоніи была обсажена маслиной и что особенное стараніе къ поддержанію и охранѣ ея прилагалъ бывшій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ попечитель Демочани. Но теперь ни изгороди, ни другой какой либо растительности нѣтъ. Въ 1890 г. попечительство, по словамъ колонистовъ, ассигновало 12 руб. на покупку деревьевъ для колоніи, но, попробовавъ тогда же посадить нѣсколько десятковъ прутиковъ, евреи рѣшили, что оно «плохо принимаются и что земля плохая». Населеніе колоніи состоитъ изъ 5 семействъ мустервиртовъ, 69 семействъ евреевъ-колонистовъ и 22 семействъ постороннихъ лицъ. Надѣлъ для мустервиртовъ: 25 дес. пахотной и 15 дес. въ толокѣ; для евреевъ 24 дес. пахатной и 6 дес. въ толокѣ. Изъ числа 69 еврейскихъ хозяйствъ, имѣютъ полные надѣлы 16, имѣютъ части надѣла 48, не имѣютъ надѣла 5. Живой и мертвый инвентарь: рабочихъ лошадей—114 (въ томъ числѣ 10 совершенно негодныхъ), плуговъ 8, буккеровъ 23, боронъ 29, катковъ 51, жатвенныхъ машинъ 8, вѣялокъ 14, молодыхъ лошадей 14, коровъ 104, гулеваго скота 91. Чтобы дать понятіе о состояніи еврейской лошади, укажемъ, что она въ ненастное время не въ силахъ дотащить бочонка воды изъ колодцевъ с. Гайчула за 5 верстъ, такъ что въ это время гайчульскіе крестьяне появляются съ бочками и менѣе 2-хъ коп. за ведро не берутъ. Ремесленниковъ и лицъ, занимающихся торговлей, насчитано 48, а именно: кузнецовъ 5, столяровъ 3, торговцевъ 10, портныхъ 6, стекольщиковъ 6, сапожниковъ 9, слесарей 1, часовыхъ дѣлъ мастеровъ 1, барышниковъ 1, шерстобоевъ 1, мѣдниковъ 1, печниковъ 1, мясниковъ 1, музыкантовъ 2. Ни въ одной колоніи евреи такъ безсовѣстно не лгали и не обманывали, какъ въ *Трудолюбовкѣ*, какъ бы издѣваясь надъ самымъ ея названіемъ. *Вся колонія сговорилась скрыть во что бы то ни стало наемъ земли изъ собственныхъ надѣловъ и потребовались неимовѣрныя усилія, чтобы разобраться въ этомъ омутѣ лжи.* Нѣкоторые евреи изъ страсти къ обману доходили до наивности; напр., Левензонъ на вопросъ, сколько у него коровъ, отвѣчаетъ: «двѣ». Выводитъ одну.—«А гдѣ же другая»? «Недавно сдохла». Ицковичъ говоритъ: «Лошади есть»? «какъ же, двѣ». Выводитъ одну.—«А другая»? «Другую куплю». Шустеръ, на вопросъ, самъ ли онъ обрабатываетъ землю, отвѣчаетъ: «Самъ, спрягаюсь»—съ кѣмъ? «Онъ не здѣшній, фамиліи не знаю, уѣхалъ» и т. д. Такимъ образомъ, евреи скрыли 80 дес., нанятыхъ у нихъ крестьянами с. Гайчула.

Колонія Нечаевка основана въ 1847—1848 гг. и заселена выходцами изъ ковенской губерніи. Изъ всѣхъ 10 еврейскихъ колоній, Нечаевка — единственная, отличающаяся нѣкоторой порядочностью, зажиточностью колонистовъ и благоустройствомъ. Здѣсь, изъ числа 41 двора, насчитывается до 14 усадьбъ, огороженныхъ съ

Digitized by Google

улицы небольшими заборами; въ 13—имѣются садики и въ 24 дворахъ замѣчаются порядочныя постройки и кое-гдѣ попадаются даже палисадники. Въ Нечаевкѣ мустервиртовъ нѣтъ ни одного, и, такимъ образомъ, населеніе колоніи состоитъ: изъ 41 семейства евреевъ-колонистовъ и 13 семействъ посторонникъ лицъ. Изъ числа 41 еврейскихъ хозяйствъ имѣютъ полные надѣлы 12, имѣютъ части надѣла 27 и не имѣютъ надѣла 2. Живой и мертвый инвентарь колоніи состоитъ: изъ рабочихъ лошадей 115, плуговъ 9, буккеровъ 26, боронъ 29, катковъ 39, жатвенныхъ машинъ 11, вѣялокъ 15, молодыхъ лошадей 34, коровъ 93, гулеваго скота 76. Ремесленниковъ и торговцевъ 22, а именно: торговцевъ 7, кузнецовъ 1, кровельщиковъ 1, стекольщиковъ 1, сапожниковъ 6, мясниковъ 2, портныхъ 3, столяровъ 1. Имѣется школа (хедеръ). Въ ней обучаются 11 дѣтей. Русское чтеніе—бѣглое, но суетливое, безъ знаковъ препинанія и съ перевираніемъ словъ. Кромѣ этой школы, есть и меламедъ, обучающій еврейскихъ дѣтей по своему.

Работа гр. Канкрина оканчивается общимъ обзоромъ еврейскихъ колоній, которыя, по его словамъ, производятъ удручающее впечатлѣніе уныло-мертвеннымъ видомъ своихъ полуразвалившихся лачугъ и землянокъ! Всюду—ободранныя, почти черныя хаты или жалкія землянки; неогороженные и заросшіе бурьяномъ дворы; почти полное отсутствіе хозяйственныхъ построекъ; въ безпорядкѣ валяющіяся по дворамъ земледѣльческія орудія, отсутствіе растительности и грязь въ домахъ, во дворѣ, на улицѣ... Не говоря уже о полнѣйшей негодности большинства имѣющихся въ колоніяхъ боронъ, количество ихъ всегда меньше наличнаго числа хозяевъ. Между тѣмъ, трудно себѣ представить хозяйство, какъ бы ничтожно и бѣдно оно ни было, безъ бороны! Что касается плодоводства, т. е. системы хозяйства и обработки земли, то нужно сказать, что хлѣбъ сѣется евреями-колонистами гдѣ и какъ попало—и хлѣбъ на хлѣбъ. Обработка поля крайне плохая. Да иначе и быть не можетъ. Принимая во вниманіе негодность большинства земледѣльческихъ орудій, истощенныхъ лошадей, плохую запряжку, полнѣйшее неумѣніе еврея обращаться съ лошадью и незнаніе, какъ взяться за буккеръ,—нельзя и ожидать отъ него умѣлой и добропорядочной работы. По этому поводу гр. Канкринъ замѣчаетъ: «Евреи въ полѣ и за буккеромъ—это нѣчто смѣхоподобное, и не мудрено, что среди мѣстнаго населенія сложилась такая масса разсказовъ о «*жидѣ-хлѣборобѣ*». Сѣютъ преимущественно яровую пшеницу и ячмень; овесъ въ рѣдкихъ хозяйствахъ и мало. Рожь, смотря по осени, т. е. большему или меньшему количеству выпадающихъ дождей, сѣютъ не болѣе 2-хъ—3-хъ десятинъ на хозяйство. При сухой осени, какъ напр., въ 1892 году, ржи совсѣмъ почти не сѣютъ. Пропашныхъ растеній, въ родѣ кукурузы, вовсе не сѣютъ. Только у очень небольшаго числа лучшихъ хозяевъ встрѣчаются самые незначительные посѣвы кукурузы, предназначаемой, вѣроятно, на нужды домашняго хозяйства». Дурная и мелкая обработка земли способствуетъ чрезвычайно быстрому истощенію культурнаго слоя, который у евреевъ не превышаетъ $1^1/_2$—2-хъ вершковъ. Первымъ признакомъ такого истощенія почвы является произрастаніе въ большомъ количествѣ на

Digitized by Google

засѣянныхъ поляхъ дикаго овса и осота. *Молотьба хлѣба происходитъ смѣшно и очень небрежно.* При внимательномъ осмотрѣ стоговъ и небольшихъ скирдовъ соломы, убѣждаешься, что хлѣбъ вымолоченъ далеко не чисто, и это обстоятельство приходится приписывать исключительно небрежной работѣ евреевъ. Никакая машина не выбьетъ такъ хорошо зерна изъ соломы и не дастъ такого чистаго обмолота, какой получается при добросовѣстной работѣ катками. Насколько небрежны евреи въ этомъ отношеніи, можно судить по состоянію ихъ токовъ. Въ концѣ октября, когда всѣ уже обмолотились, и въ колоніяхъ царствуетъ мертвая тишина, тока эти вездѣ, во всѣхъ хозяйствахъ были устланы толстымъ слоемъ половы, на половину смѣшанной съ зерномъ. Цѣлыя стаи индюковъ и куръ отъ зари до зари не сходятъ съ токовъ и питаются остатками этого небрежнаго хозяйства. Не говори уже о цѣнности зерна, но и полова въ каждомъ хозяйствѣ является такимъ важнымъ кормовымъ средствомъ, что пренебрегать ею не рѣшится ни одинъ хозяинъ. При бѣдности колоній, *только отвращеніемъ еврея къ земледѣльческому труду можно объяснить такое небрежное отношеніе къ выгодамъ собственнаго хозяйства*».

Переходя затѣмъ къ разъясненію самаго главнаго вопроса:—обрабатываютъ ли евреи сами все количество имѣющейся въ ихъ рукахъ земли?—придется прежде всего обратиться къ таблицамъ и цифровымъ даннымъ, и установить, въ какомъ соотвѣтствіи находится полевая земля къ количеству рабочей силы и земледѣльческихъ орудій по каждой колоніи отдѣльно. Принимая во вниманіе истощенность и слабость еврейскихъ лошадей, ихъ совершенно особенную нѣровистость, негодность сбруи, полную непригодность земледѣльческихъ орудій и неумѣніе еврея работать въ полѣ, придется установить для одного буккера, при томъ же количествѣ 4-хъ лошадей, норму работы не болѣе $^3/_4$ десят. въ день. Евреи и ихъ защитники утверждаютъ, что вся пахотная земля обрабатывается исключительно колонистами. Простой хозяйственный разсчетъ или, точнѣе говоря, нарядъ на работы, лучше всего докажетъ неосновательность такого заявленія. Возьмемъ для примѣра первую колонію—Пріютную. Въ ней 33 семейства евреевъ-колонистовъ, пользующихся 984 дес. пахотной земли. Допустимъ, что осенью 1892 года подъ рожь засѣяно 100 десятинъ (для круглаго счета, вмѣсто 99 дес.), считая по 3 дес. на дворъ; такимъ образомъ, на весну для яровыхъ посѣвовъ останется количество въ 884 дес. Допустимъ далѣе, что колонисты Пріютной работаютъ на артельныхъ началахъ, что всѣ они «спрягаются» и что въ этой общей работѣ они участвуютъ всѣми силами своихъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, для засѣва 884 дес. мы будемъ имѣть 77 лошадей и 35 буккеровъ. Полагая 4 лошади на буккеръ, мы получимъ 19 буккеровъ, которые безостановочно будутъ работать. Остальные буккеры (16), вслѣдствіе недостатка лошадей, останутся безъ употребленія. Полагая работу одного буккера въ $^3/_4$ дес. въ день, 19 имѣющихся буккеровъ сдѣлаютъ 15 дес. въ день (собственно $14^1/_4$, но для круглаго счета беремъ 15), а, слѣдовательно, чтобы засѣять 884 десятины, колонистамъ пришлось бы употреблять *почти 59 рабочихъ дней*, что съ нерабочими днями—субботами—составитъ *около*

Digitized by Google

2½ мѣсяцевъ. Если произвести такой же разсчетъ для колоніи Роскошной, мы получимъ: всей земли на 36 семействъ—717 дес.; отбрасывая 108 дес. озимаго посѣва, останется къ веснѣ 609 дес. Рабочихъ лошадей—годныхъ—88. Считая 4 лошади на одинъ буккеръ, получимъ 22 работающихъ буккера, которые сдѣлаютъ въ день 17 десятинъ, а, слѣдовательно, для засѣва 609 дес. потребуется безъ малаго *36 рабочихъ дней, что̀ составитъ около 1½ мѣсяцевъ.* Возьмемъ, наконецъ, большую колонію Новозлатополь и произведемъ тотъ же разсчетъ. На 101 семейство всей земли 1864 дес. Исключая изъ этого количества 303 дес. озимаго, останется подъ яровое—1561 дес. Годныхъ рабочихъ лошадей въ колоніи 192, что̀, при разсчетѣ 4 лошадей на 1 буккеръ, дастъ 48 работающихъ буккеровъ, которые въ день сдѣлаютъ 36 десятинъ, а, слѣдовательно, для 1561 дес. потребуется безъ малаго 44 рабочихъ дня, или *около двухъ мѣсяцевъ.* Производя такіе же разсчеты и для другихъ колоній, мы вездѣ получимъ одни и тѣ же выводы и неоспоримое доказательство того, что *ни одна колонія не въ состояніи обрабатывать имѣющейся у нея пахотной земли.* Если же обратиться къ таблицамъ и разсматривать отдѣльныя хозяйства, то выводы получатся еще болѣе поразительные. Въ виду этого, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что евреи-колонисты обрабатываютъ сами только меньшее количество имѣющейся у нихъ земли, бо̀льшую же часть сдаютъ въ аренду. *Земля въ ихъ рукахъ—все тотъ же предметъ торга.* Одно и то же поле, часто по нѣсколько разъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ дойдетъ до того хозяина, который въ силу необходимости или по тѣмъ или другимъ причинамъ рѣшится его обработать.—Постоянно встрѣчаются евреи, которые сдаютъ собственные надѣлы другимъ, сами же дешево нанимаютъ казенные, запасные и т. под. участки, и снова сдаютъ ихъ, конечно, за болѣе высокую плату. Даже и тѣ нѣсколько человѣкъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, которые попадаются въ колоніяхъ, и тѣ обрабатываютъ сами только небольшое количество земли, бо̀льшую же часть сдаютъ или за деньги, или изъ части урожая. Еще недавно, пока евреямъ не воспрещено было сдавать своей земли въ аренду, сосѣдніе съ колоніями мужики и нѣмцы-колонисты держали на виду у всѣхъ почти всѣ еврейскія земли. Теперь происходитъ въ сущности то же самое, но, конечно, не столь явно. Странно, послѣ этого, слышать сѣтованія евреевъ, что земли не хватаетъ. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что въ каждой колоніи живетъ масса постороннихъ лицъ, которыя всѣ, безъ исключенія, такъ или иначе пользуются все тою же еврейской землей. *Въ 10 колоніяхъ уѣзда живетъ 138 семействъ лицъ разныхъ сословій.* Всѣ эти постороннія лица или состоятъ арендаторами евреевъ, или сдаютъ другимъ все ту же еврейскую землю. «Трудно себѣ представить—говоритъ авторъ—на какіе обманы и уловки способны евреи. Еще недавно, при проѣздѣ чрезъ колонію Новозлатополь лица, которое необходимо было убѣдить въ благосостояніи еврейскихъ хозяйствъ, колонисты выставили нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота, принадлежавшаго крестьянамъ села Туркеновки, выдавъ его за собственный. Бывали примѣры, что для та-

Digitized by Google

кихъ же «показовъ» евреи брали на время земледѣльческія орудія изъ ближайшихъ нѣмецкихъ колоній. Для такихъ случаевъ, говорятъ, существуетъ особая такса, т. е. за право показа чужаго скота и орудій евреи платятъ мужикамъ или нѣмцамъ по столькуто копѣекъ отъ штуки скота и земледѣльческаго орудія. Невозможно перечислить всѣ способы обмановъ и безпрестанную ложь, къ которымъ прибѣгаютъ евреи, для того чтобы скрыть дѣйствительное положеніе своихъ хозяйствъ и земельныхъ оборотовъ. Но нѣтъ худа безъ добра! Отвращеніемъ евреевъ къ земледѣльческому труду воспользовались отчасти сосѣдніе крестьяне и, благодаря ему, значительно увеличилось благосостояніе такихъ громадныхъ селъ, какъ Ѳедоровка, Туркеновка, Санжаровка и Успеновка».

Исходя изъ того, что мѣриломъ благосостоянія сельскаго хозяйства служитъ, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственный инвентарь (живой и мертвый), посмотримъ. насколько великъ онъ у еврея-колониста. Нужно сказать, что всѣ безъ исключенія хозяева страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ — содержаніемъ скота въ большемъ количествѣ противъ той нормы, которая опредѣляется пастбищными средствами каждаго хозяйства. Такъ, если обратиться къ любому помѣщику, въ любую деревню или нѣмецкую колонію,— вездѣ количество имѣющагося скота будетъ выше нормы. У евреевъ же наблюдается совершенно обратное явленіе. Не смотря на то, что они овецъ не держатъ и что, благодаря этому, главная причина истощенія и порчи нашихъ толокъ у нихъ устранена, количество скота у еврея-колониста значительно ниже нормы, т. е. того количества, которое они свободно могли бы держать и которое могло бы быть доведено до 2-хъ головъ на десятину. Больше всего евреи держатъ коровъ, и это объясняется не хозяйственными цѣлями, а тѣмъ только, что молочные скопы составляютъ главную ихъ пищу.— Молодыхъ лошадей, т. е. рабочаго хозяйственнаго ремонта, чрезвычайно мало; въ большинствѣ случаевъ число ихъ не превышаетъ 20 на всю колонію. Остальной скотъ (телята, телки и бычки) всегда находится въ поразительномъ несоотвѣтствіи съ количествомъ имѣющихся въ колоніи коровъ. Заканчивая обзоръ благосостоянія еврейскихъ колоній, авторъ указываетъ на чрезвычайную ихъ задолженность и приводитъ количество недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ на 1 января 1893 года. Кромѣ того, на 10 колоніяхъ, къ 1 января 1893 г., уѣзднаго и губернскаго земскихъ сборовъ числилось въ недоимкѣ: кол. Пріютная—1182 руб. 45 коп., Роскошная—1310 р. 14 к., Богодаровка—1189 руб. 29 к., Горькая—779 руб. 83 к., Новозлатополь—1582 р. 60 к. и пр.

Что касается ремесленниковъ и лицъ, занятія которыхъ ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣютъ, то таковыхъ въ 10 колоніяхъ александровскаго уѣзда оказалось 317. Число это, несомнѣнно, ниже дѣйствительности. Всего больше въ колоніяхъ находится сапожниковъ, за ними слѣдуютъ торговцы, портные, кузнецы, стекольщики, столяры, мясники, часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастера. При всемъ желаніи видѣть въ этихъ сапожникахъ, лудильщикахъ, мѣдникахъ и проч.—земледѣльцевъ, нельзя однако не считаться съ дѣйствительностью и не прійти къ заключенію, что *громадное большинство*

Digitized by Google

ихъ не только не занимается земледѣліемъ, но даже не живетъ въ колоніяхъ. Встрѣчаются и въ русскихъ деревняхъ ремесленники, но всегда въ очень ограниченномъ числѣ, то есть, по стольку, по скольку трудъ этотъ находитъ себѣ примѣненіе въ небольшомъ сравнительно районѣ. Такими ремесленниками являются всегда малоземельные или безземельные крестьяне, которые, за невозможностью прокормиться землей, волей-неволей пріискиваютъ себѣ заработокъ. Въ такихъ случаяхъ, ремесленный трудъ является или подспорьемъ въ хозяйствѣ, или единственнымъ источникомъ существованія. Въ каждомъ селѣ найдется всегда одинъ или два кузнеца; въ большихъ селахъ, въ которыхъ проживаетъ много разночинцевъ, найдется сапожникъ (обыкновенно еврей) иногда портной (всегда еврей)—и только. Не находя примѣненія своему труду въ деревнѣ, ремесленники естественно стремятся въ городъ или крупныя торговыя мѣстечки. Приводя эти цифры ремесленниковъ, авторъ восклицаетъ: «Я готовъ допустить, что 23 кузнеца и 14 столяровъ проживаютъ въ колоніяхъ, но совершенно не понимаю, что̀ могутъ заработать, живя тамъ, 84 сапожника? Что̀ могутъ дѣлать лудильщики, мѣдники, обойщики, красильщики, шапочники и проч., когда ни въ еврейскихъ колоніяхъ, ни въ сосѣднихъ съ ними селахъ, нѣчего ни лудить, ни обивать, ни красить, и трудъ этотъ не примѣнимъ? Несомнѣнно, что всѣ эти ремесленники отправляются на заработки или въ большія села, или, большею частью, въ ближайшіе города—Маріуполь, Екатеринославъ, Бердянскъ, Орѣховъ, Александровскъ, Мелитополь, а въ колоніи пріѣзжаютъ только на время—на отдыхъ. Это заключеніе подтверждается и особенностями внѣшняго вида еврея-колониста, сравнительно съ наружностью русскаго крестьянина. «Взгляните—говоритъ графъ Канкринъ—на любаго мужика: лицо и шея его черны отъ загара, руки мозолистыя, потрескавшіяся, съ короткими, часто сломанными, ногтями. Между тысячами вы отличите земледѣльца! Между тѣмъ, евреи являются болѣзненными, изнуренными людьми, не только безъ признаковъ какого-либо загара, но блѣдными, и того именно цвѣта кожи, который столь характеренъ у городскихъ евреевъ. Руки ихъ всегда бѣлы, и длинные худые пальцы съ отпущенными ногтями невольно вызываютъ улыбку, когда при внесеніи новобранцевъ въ пріемную роспись, не смотря на весь страхъ, внушаемый имъ мыслью о службѣ въ строевыхъ войскахъ, они отвѣчаютъ, что «ремесла не знаютъ» и «занимаются хлѣбопашествомъ».

Таково современное положеніе еврейскихъ колоній. Если читатель припомнитъ и сравнитъ колоссальныя жертвы правительства съ этими ничтожными результатами еврейской колонизаціи, то онъ пойметъ, насколько были правы тѣ, которые еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ предсказывали неуспѣхъ обращенія евреевъ въ земледѣльцевъ. Стоя передъ безспорнымъ фактомъ всей призрачности еврейскаго земледѣлія и отвращенія евреевъ къ этому промыслу, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели и теперь все таки можно назвать «голословнымъ»,—какъ это дѣлаетъ г. Никитинъ на X-ой стр. предисловія,—утвержденіе, что, во-1-хъ, еврейская колонизація совершенно не осуществилась, и что, во-2-хъ, она не удалась исклю-

Digitized by Google

чительно вслѣдствіе рѣшительнаго нерасположенія евреевъ къ земледѣлію?!.

Чтобы характеризовать еврея-земледѣльца, мы приведемъ еще слова г. Варзера изъ статьи его, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Мы нарочно приводимъ цитату изъ статьи, помѣщенной въ такомъ журналѣ, который нельзя, кажется, заподозрить въ недостаткѣ либерализма и въ узко-религіозной нетерпимости. Въ статьѣ г. Варзера: «Евреи-арендаторы въ черниговской губерніи» мы читаемъ слѣдующее: «Въ нашей мѣстности—я говорю о черниговской губерніи—среди градовъ и засухъ, «пьянства» и пр.—есть еще одна спеціальная, сильнѣе засухъ дѣйствующая, причина упадка помѣщичьихъ хозяйствъ: это *еврейскія аренды*. Поѣзжайте вдоль и поперекъ по нашей черниговщинѣ (такъ называютъ у насъ свой край) и если вы гдѣ нибудь встрѣтите то зрѣлище хозяйственной неряшливости и запустѣнія, отъ котораго невольно болитъ душа каждаго хозяина, не спрашивайте—вамъ навѣрное скажутъ: «это—еврейская аренда». Если вы встрѣтите, напримѣръ, печальную картину поруба, чахлаго кустарника или уже распаханнаго и запаханнаго лѣса, по которому кружатся песчаные вихри, засыпая окружныя поля, не спрашивайте, кто сразу вычерпалъ это лѣсное богатство, накопленное природой, быть можетъ, столѣтіями: это навѣрно арендаторъ—еврей. Если вы встрѣтите помѣщичью усадьбу, еще, повидимому, жилую, но уже носящую всѣ признаки смерти; иногда даже новый домъ, но безъ нѣсколькихъ ставень и съ разбитыми стеклами; иногда еще новый, но уже полурастасканный сарай, обломанный заборъ, раздерганный плетень, сгорѣвшую «клуню» (ригу) и садъ съ тополями вокругъ, въ которомъ нѣкоторыя прекрасныя, стоившія такого ухода, деревья поломаны, другія подрублены—не спрашивайте, кто растаскалъ на топливо сарай и заборъ, кто подрубилъ фруктовыя деревья, по чьей винѣ «подпалена» (подожжена) клуня: все это—«еврейская аренда». Если вы встрѣтите ниву съ неровной стрижкой сжатаго хлѣба, или увидите запаханное поле съ неправильно, рѣдко проведенными сохой бороздами—не спрашивайте, почему это такъ дурно сжато, а это плохо запахано: все это сдѣлано за отработки, лишь бы сдѣлать какъ нибудь; это—еврейская аренда».

Останавливаясь на причинахъ такого хищническаго отношенія евреевъ къ землѣ, г. Варзеръ указываетъ на то, что еврей смотритъ на землю съ точки зрѣнія *торговой спекуляціи*, а не хозяйственнаго предпріятія. «Какое еврею дѣло—спрашиваетъ авторъ—до хозяйства, до унавоживанія, поддержки плодородія, порядка сохраненія лѣсовъ и пр.? Онъ не земледѣлецъ, а торговецъ. Она для него не «мать-кормилица», предъ которой благоговѣетъ крестьянинъ, съ которой онъ чувствуетъ себя связаннымъ въ настоящемъ и будущемъ:—она для него не болѣе какъ *доходная статья*, купленная на рынкѣ на извѣстное число лѣтъ. *Онъ будетъ расхищать въ ней все*, что можетъ, лишь бы за это хорошо заплатили и лишь бы это не грозило штрафомъ по заключенному съ владѣльцемъ арендному контракту. Онъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать всегда старательно это *расхищеніе богатствъ почвы*; онъ нисколько не заинтересованъ въ

Digitized by Google

ея сохраненіи, потому что онъ не мѣстный житель. Что ему въ томъ, что сберегутся лѣса, что не выпашутся поля, что не истощатся луга? сегодня онъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Еще не такъ давно, по общему мнѣнію, евреевъ было меньше у насъ; теперь число ихъ въ селахъ быстро растетъ. Подобно тучѣ, надвигается съ запада, черезъ обѣднѣвшую Бѣлоруссію, изъ-за Днѣпра, опустошая поля, рубя лѣса, выжигая хутора и усадьбы,—двигается эта *стая новѣйшихъ вандаловъ*. Чѣмъ она связана съ нашей почвой и народомъ?—ровно ничѣмъ. Опустошивши и разоривши насъ, она двинется дальше, куда нибудь въ Ташкентъ или на Кавказъ, *гдѣ еще есть что расхищать, гдѣ низкій уровень народнаго развитія, его придавленность и невѣжество еще дозволятъ евреямъ заниматься ихъ выгоднымъ занятіемъ*».

Еще рѣшительнѣе въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ высказанъ взглядъ по еврейскому вопросу г. С. Южаковымъ въ статьѣ: «Еврейскій вопросъ въ Россіи» (май 1882 года). Останавливаясь на причинахъ особенной успѣшности еврейской эксплуатаціи, г. Южаковъ находитъ, что это обстоятельство *не можетъ быть объяснено ни особеннымъ искусствомъ, ни умственнымъ превосходствомъ евреевъ надъ русскими*. «Залогъ этого успѣха—говоритъ онъ—лежитъ въ ихъ общественной солидарности, въ *ихъ еврейскомъ союзѣ*». Далѣе онъ признаётъ за кагалами значеніе высшей и абсолютной власти, говоря, что «они бдятъ надъ общественными интересами, караютъ виновныхъ въ отступничествѣ или несолидарности, управляютъ дѣйствіями, предпріятіями въ общихъ интересахъ». «Мнѣ указывали—продолжаетъ г. Южаковъ—въ Одессѣ на домъ одного лица, которое возбудило чѣмъ-то неудовольствіе евреевъ и на которое будто бы кагаломъ наложено запрещеніе. Дѣйствительно, въ этомъ домѣ, стоявшемъ на бойкомъ торговомъ мѣстѣ, не было ни одного еврейскаго магазина. *Тамъ же мнѣ указывали газету, которая подверглась будто бы такому же запрещенію кагала* и которая не имѣла евреевъ-подписчиковъ». Устанавливая такимъ образомъ несомнѣнные факты, свидѣтельствующіе о безспорной власти кагала и объ его протестахъ противъ антиеврейской дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, г. Южаковъ заключаетъ: «Какъ бы то ни было, однако: существуетъ ли организація еврейскаго союза или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что *еврейскій союзъ*, организованный или неорганизованный, *несомнѣнно существуетъ и не есть миѳъ, созданный фантазіей еврейскихъ недоброжелателей*. Этотъ союзъ несомнѣнно выражается въ общей поддержкѣ, которую всегда и всюду оказываетъ еврей еврею, въ ихъ союзѣ противъ нееврейскихъ конкуррентовъ, въ стачкахъ промышленниковъ и торговцевъ одного рода, *въ умѣніи складываться для подкупа* и пр. Эти факты междуеврейской солидарности общеизвѣстны и никто отрицать ихъ не станетъ» (стр. 30).

Сами евреи и русскіе юдофилы считаютъ семитовъ—угнетенной націей, они взываютъ къ человѣколюбію, требуютъ справедливости, равноправности, считая всякія ограниченія правъ евреевъ, стѣсненія сферы ихъ дѣятельности и района жительства страшнымъ произволомъ; но пусть они объяснятъ намъ, на чемъ основана та

Digitized by Google

всеобщая ненависть человѣчества къ еврею, которая не отрицается и самими евреями? «Всѣ объясненія господъ юдофиловъ,—говоритъ г. Южаковъ,—а именно: средневѣковые предразсудки противъ евреевъ, невѣжество народной массы, національная и религіозная нетерпимость—все это, ни порознь, ни вмѣстѣ взятое, не объясняетъ ничего или очень мало въ антиеврейскихъ движеніяхъ... *Еврейство заслужило всеобщую ненависть народа*, которая едва сдерживается физическою силою, и порою, не смотря на всѣ препятствія и преграды, прорывается наружу бурными, безобразными по формѣ, печальными, по послѣдствіямъ, взрывами. Причины этой ненависти должны лежать глубоко въ душѣ народа и питаться постоянными и могущественными явленіями, а господа юдофилы, закрывая глаза на эти явленія, знай себѣ, ведутъ канитель лишь объ угнетеніи евреевъ! Какъ будто бы то обстоятельство, что евреи угнетены, можетъ вызвать противъ нихъ гнѣвъ народа, скоплять его въ такихъ размѣрахъ, питать его такъ постоянно и безпрерывно. Конечно, юдофилы должны чувствовать, что, сколько ни закрывай они глаза сами, этимъ не закроютъ глазъ обществу, которое не можетъ не видѣть народной ненависти. Завязать рану мишурными тряпками поддѣльнаго либерализма (sic!) еще не значитъ вылѣчить». («Еврейскій вопросъ», стр. 13 и 16).

Кромѣ статей гг. Варзера и Южакова въ «Отечественныхъ Запискахъ», мы находимъ цѣлый рядъ другихъ статей и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что послѣдовательный журналъ, стоявшій на стражѣ народныхъ интересовъ, и въ еврейскомъ вопросѣ оставался вѣренъ своему основному направленію. Между тѣмъ, современные якобы либеральные журналы, въ родѣ «Вѣстника Европы» и «Русской Мысли», или совершенно замалчиваютъ «еврейскій вопросъ», или же смотрятъ на него глазами самихъ евреевъ. Въ наше время, когда либеральныя русскія газеты ежедневно останавливаются на крупныхъ и мелкихъ причинахъ народнаго разоренія, — гдѣ тотъ голосъ честнаго *русскаго* изданія, болящаго душой при видѣ народной бѣдности и разоренія, смѣло высказывающагося противъ гибельнаго вліянія евреевъ на народную жизнь и не боящагося *кагальнаго запрещенія*? Пусть всѣ честныя русскія изданія, которымъ дороги народные интересы, отвѣтятъ намъ: считаютъ ли они дѣятельность евреевъ среди христіанскаго населенія доказаннымъ зломъ и много ли сдѣлано русскими изданіями для борьбы съ этой язвой народной жизни?

Отвергнувъ фальшиво-гуманныя симпатіи къ «угнетенной націи» и не поддаваясь вліянію еврейскаго кагала, «Наблюдатель» въ теченіе 13 лѣтъ занимался разъясненіемъ подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха, и въ рядѣ статей старался выяснить анти-соціальный смыслъ еврейскаго ученія, гибельную для народнаго хозяйства дѣятельность евреевъ, ихъ пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ и деморализирующее ихъ вліяніе на русскій народъ. Въ такомъ настойчивомъ стремленіи журнала разогнать напущенный евреями туманъ и поставить «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву, нельзя не видѣть крупной заслуги его редактора передъ русскимъ обществомъ. Въ наше время,

Digitized by Google

когда вся русская печать считаетъ «неудобнымъ» для себя высказываться противъ еврея-эксплуататора, немало нужно гражданскаго мужества, чтобы вести борьбу съ этимъ *страшнымъ зломъ*, которое всюду даетъ себя чувствовать. И, въ самомъ дѣлѣ, евреи, загрязнивъ, насколько возможно, всѣ отрасли торговой промышленности, внеся хищническія начала даже въ мирный земледѣльческій промыселъ, вотъ уже 10—15 лѣтъ какъ ворвались въ русскую литературу, заразивъ и ее чисто-комерческими принципами, такъ какъ иныхъ принциповъ и не имѣется у этой «гонимой націи».

Мы не можемъ закончить настоящую статью, не остановившись на причинахъ, создавшихъ изъ евреевъ націю, живущую на счетъ другихъ народовъ.

Евреи отличаются, прежде всего, физическою слабостью, которая и является первой причиной всѣмъ извѣстныхъ, отвратительныхъ чертъ ихъ характера. И, въ самомъ дѣлѣ, физическая слабость и неспособность къ тяжелому, постоянному труду вызываетъ въ евреяхъ стремленіе *заставить другихъ работать на себя* и въ свою пользу, для чего необходимы, конечно, хитрость, ловкость, умѣнье обмануть и пр., т. е. все то, что́ противно здоровому, сильному и трудолюбивому русскому народу, развившему въ себѣ и сохранившему, не смотря на суровыя условія жизни, прямодушіе, простоту, доброжелательность и искренность. Оно и понятно: силѣ незачѣмъ прибѣгать къ хитрости, изворотливости, которыми, по необходимости, пользуется слабый. Не находя достаточной гарантіи для праздназо существованія въ развитіи указанныхъ особенностей, слабые евреи изстари вступили между собой въ тѣсный союзъ, не безъ основанія видя въ національной сплоченности могущественное преимущество. И, въ самомъ дѣлѣ, «многовѣковая практика выработала у нихъ привычки и обычаи, почти инстинкты, приспособленные для общей союзной борьбы съ остальнымъ міромъ; религія въ книгѣ талмуда освятила эту борьбу; поколѣнія за поколѣніями рождались и умирали, нося лозунгъ солидарности со своими и безпощадной борьбы съ чужими». («Отечеств. Зап.», май 1882 г.). Не мудрено, что, при этихъ условіяхъ, сплоченная для борьбы, солидарная группа, получивъ громадное преимущество, пріобрѣла всѣ шансы побѣды, и строго организованный союзъ слабыхъ и праздныхъ, оказавшись неизмѣримо могущественнѣе разрозненной массы сильныхъ и трудящихся,—привелъ къ окончательному порабощенію послѣднихъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ: міръ искони вѣковъ былъ раздѣленъ на двѣ враждебныя другъ другу части—на громадное большинство, изнемогающее подъ тяжестью чрезмѣрнаго труда, и на меньшинство, наслаждающееся праздною жизнью. Въ основаніи такого раздѣленія человѣчества было много началъ естественнаго, религіознаго и политическаго характера, но всѣ эти начала имѣли то общее между собой, что ими устанавливалась притѣснительная власть одного человѣка надъ трудомъ другаго. Въ настоящее время, повсюду пало рабство и крѣпостное право, и отдѣльные классы народа лишены юридическаго права распоряжаться трудовой дѣятельностью другихъ классовъ:—за всѣми подданными государства признана свобода труда. Но — странное дѣло!—хотя всему населенію

Digitized by Google

Европы дано полное право работать на себя и пользоваться результатами своего труда, современный намъ человѣкъ очутился опять въ кабалѣ,—и эти цѣпи приготовлены ему евреями. Дѣло въ томъ, что къ тѣмъ многообразнымъ способамъ установленія власти одного человѣка надъ трудомъ другаго, которые были созданы исторіей человѣчества и которые уже исчезли, евреи, какъ слабые и неспособные къ физическому труду, прибавили новый способъ эксплуатаціи людей, не только пережившій остальные, но и получившій полное господство въ наше время—мы говоримъ о власти кагальнаго капитала. Евреи очень давно и очень хорошо поняли, что стоитъ только капиталу отдѣлиться отъ труда, какъ послѣдній неизбѣжно окажется въ полномъ рабствѣ у перваго, и евреи, владѣтели капиталовъ, заставятъ работать на себя все трудящееся человѣчество. Такимъ образомъ, вслѣдствіе присущей имъ физической слабости, евреи первые, для собственнаго спасенія, пришли къ необходимости монополизировать въ свою пользу капиталъ и, создавъ царство капитализма, прочно основать въ немъ свое могущество и власть надъ всѣмъ человѣчествомъ. Что евреи повсюду являлись первыми піонерами капитализма—эту мысль можно доказать не только на всемірной исторіи, на исторіи отдѣльныхъ государствъ, но и на исторіи отдѣльныхъ частей одного и того же государства и даже отдѣльныхъ русскихъ городовъ:—всюду еврей являлся и является предвѣстникомъ бездушнаго космополитическаго капитализма, враждующаго, въ еврейскихъ рукахъ, со всѣми основными началами христіанской цивилизаціи. «Идетъ еврей»—для насъ, какъ и для всѣхъ народовъ, это означаетъ: «идетъ капиталъ—и бѣда работникамъ!». Вотъ эту-то «бѣду» и берутъ подъ свое покровительство современные русскіе либералы, издающіе у насъ журналы и газеты на еврейскія деньги. Зачѣмъ только эти лже-либералы говорятъ о «народѣ» и кричатъ объ его интересахъ?! Вѣдь, кажется, ясно, что торжество еврейства есть торжество капитализма, въ которомъ выиграетъ только еврей, такъ какъ онъ въ концѣ концовъ,—если не встрѣтитъ сильныхъ препятствій со стороны государства и настоящихъ друзей народа,—сосредоточитъ въ своихъ загребистыхъ лапахъ капиталы не только всей Россіи, но и всего міра. Именно въ силу своей *союзности*,—которую необходимо разрушить во что бы то ни стало,—евреи и разсчитываютъ взять верхъ надъ всѣми остальными народностями. Кромѣ того, какъ наиболѣе алчные субъекты, искусные въ эксплуатаціи и ненавидящіе все не-еврейское, они вызываютъ по всюду обѣдненіе, нищету, всяческій обманъ и страданія. Вотъ каковы нравственныя и экономическія свойства «гонимаго племени», за которое наши якобы-либералы проливаютъ крокодиловы слезы.

А. Котельниковъ.

Digitized by Google

РАСПЛАТА.

Романъ.

XIX.

Волошиновъ пришелъ рано. Онъ засталъ всю семью за завтракомъ.

Съ обычной своей проницательностью, онъ тотчасъ замѣтилъ, что въ семьѣ творится что-то неладное. Ирина Павловна имѣла утомленный, болѣзненный видъ; бабушка была грустна, задумчива и, противъ обыкновенія, ни на кого и ни на что не ворчала; самъ Левъ Ивановичъ казался веселымъ, но именно только казался. Веселость его была дѣланная, неестественная, натянутая.

Онъ шутилъ, много говорилъ, и постороннему, свѣжему человѣку было ясно, что онъ громкими рѣчами и веселымъ смѣхомъ старается замаскировать то дѣйствительное и реальное горе, что было у него на душѣ. Это замѣчалось еще потому, что смѣхъ его иногда вдругъ прерывался какъ-то самъ собой, глаза останавливались на одной точкѣ и онъ отвѣчалъ совершенно невпопадъ. Но это длилось недолго. Скоро онъ приходилъ въ себя и прежняя веселость овладѣвала имъ.

— Тебя также трудно увидѣть, какъ осеннее солнце!— сказалъ, здороваясь, Петръ Петровичъ.—Ты вѣчно въ бѣгахъ.

— Барометръ поднялся, и ты будешь видѣть солнце ежедневно, если только захочешь и если не откажешься отъ черезчуръ лестнаго сравненія меня съ солнцемъ, — отвѣтилъ весело Боярскій, и Волошиновъ пристально взглянулъ на него.

— Что же повліяло на повышеніе твоего барометра?— спросилъ онъ.

Digitized by Google

— О, маменькинъ разносъ. Она меня приняла вчера въ штыки... И проняла! Я—восчувствовалъ.

Ирина вопросительно взглянула на него, потомъ на бабушку. Матрена Савишна не дала ей заговорить.

— Пойдемъ, Иринушка... оставимъ молодыхъ людей на свободѣ. Пущай поболтаютъ. Чать, и есть о чемъ. Сколько лѣтъ не видались. Извѣстно, дѣло мужское. А мы пойдемъ. Не поѣдешь ли со старухой прокатиться? Засидѣлась я; да и ты тоже давно на воздухѣ не была. Хочешь?

— Съ удовольствіемъ, мама.

Они вышли, а друзья остались вдвоемъ. Тотчасъ по ихъ уходѣ, Боярскій почувствовалъ неловкость. Онъ очень любилъ Волошинова, а, главное, уважалъ его; Петръ Петровичъ игралъ роль его совѣсти, и если Боярскій кого боялся, сдѣлавъ дурной поступокъ или какую нибудь жизненную ошибку, такъ это именно его. Онъ боялся этого проницательнаго, остраго взгляда, въ которомъ всегда читался нѣмой вопросъ; онъ зналъ, что Волошинова не проведешь ни словомъ, ни дѣломъ, что ничего отъ него не скроешь; вотъ почему въ послѣднее время, чувствуя, что на душѣ у него несовсѣмъ чисто, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ избѣгать своего друга и скрываться отъ него. Теперь онъ чувствовалъ, что настала минута объясненія.

Нѣкоторое время длилось молчаніе. Первымъ прервалъ его Петръ Петровичъ.

— Ты писалъ мнѣ, Лева,—я и поспѣшилъ явиться. Мы съ тобой давно не видались; я радъ съ тобой поболтать. Эти дни мнѣ казалось, что ты меня избѣгаешь. Не заважничалъ же ты въ самомъ дѣлѣ такъ, что не хочешь видѣться со старымъ другомъ?

— Я именно и позвалъ тебя, какъ стараго друга. Мнѣ нужно съ тобой посовѣтоваться.

— Въ чемъ дѣло, говори.

Боярскій молчалъ, придумывая наиболѣе подходящую форму для тяжелаго признанія.

— Впрочемъ, не говори, — началъ Волошиновъ.—Я самъ тебѣ скажу... весьма странную и неожиданную вещь...

— Какую?

— Ты влюбленъ.

Digitized by Google

— Да что ты?..—смущенно отвѣтилъ Боярскій.

— Ну, да. И знаешь въ кого?.. Вотъ въ эту самую Лелю Антипову.

Боярскій хотѣлъ возразить, но тотъ не далъ ему времени на это.

— Скажи, что нѣтъ? Хватитъ ли у тебя духу отрицать это?..

— Хватитъ... просто потому, что этого нѣтъ.

— А!—удивился Петръ Петровичъ.

— Да, повторяю тебѣ—этого нѣтъ. Но ты все таки правъ. Этого *нѣтъ*—но это *было*. И было не такъ давно; постой, дай мнѣ тебѣ сказать... Можетъ быть, это было даже въ тотъ день, когда ты пріѣхалъ и видѣлъ ее у меня; но послѣ того я не знаю, какъ это случилось, что сдѣлалось... — но я уже не чувствую къ ней того, что чувствовалъ прежде...

— Какіе вы здѣсь пылкіе испанцы! какъ все это у васъ разомъ дѣлается... Ну, что жь! Мнѣ остается только тебя поздравить. Слава богу! Знаешь, между нами, промѣнять такую прелестную жену, какъ твоя, на такую дѣвицу, какъ эта Леля... я всегда думалъ, что у тебя слишкомъ много изящнаго вкуса... Я видѣлъ ее разъ у тебя. И она мнѣ не понравилась... какъ только можно не понравиться... А ты вѣдь знаешь: я не изъ нетерпимыхъ. Но ея наглое лицо, манера держаться, пошлый тонъ самой неизысканной дешевой кокотки, ея вызывающій туалетъ, при видѣ котораго хочется спросить, зная ея скудныя средства: кто ее такъ одѣваетъ? Ну, и ты, конечно, понимаешь, что разъ является вопросъ, кто ее одѣваетъ, то ясно и кто ее содержитъ... Нѣтъ, нѣтъ, она не можетъ, не должна быть для тебя тѣмъ, чѣмъ ты хотѣлъ ее сдѣлать: она вовсе не годится въ идеалы!.. И я очень радъ...

— Погоди радоваться. Ты не далъ мнѣ договорить. Можетъ быть, она дѣйствительно такова, какъ ты ее сейчасъ описалъ; даже навѣрное такова. Но не въ томъ теперь дѣло... Какова она ни есть, я былъ увлеченъ ею.

— Неужели это было, дѣйствительно, серьезное увлеченіе?..

— Настолько серьезное...

Боярскій вдругъ умолкъ. Онъ все еще соображалъ: говорить или не говорить? Но было уже поздно. Волошиновъ пристально на него взглянулъ.

Digitized by Google

— Насколько?—спросилъ онъ.

— Ахъ, Петруша... не заставляй меня говорить все... мнѣ тяжело. Ты видишь, какъ мнѣ невыносимо тяжело. Ты вѣришь мнѣ? У насъ съ ней зашло такъ далеко, такъ далеко... что ужь и возврата нѣтъ...

— Лева! неужели же?..

— Да... уже три мѣсяца, какъ она...

— Что ты надѣлалъ!—вскрикнулъ Волошиновъ въ полномъ отчаяньѣ.

— Да, да, я знаю это. Я знаю, что это грязно, безчестно по отношенію къ Иринѣ, подло по отношенію къ Лелѣ... Ну да, я это знаю также хорошо, какъ ты, или даже лучше, потому что ты этого не испыталъ, а я испытываю въ настоящее время. А про что же я и говорю? Это тиски, и такіе тиски, что я не знаю, какъ изъ нихъ вырваться?

— Ирина Павловна знаетъ объ этомъ?..

— Конечно, нѣтъ... т. е. она, вѣроятно, догадывается, что у меня съ Лелей какія-то отношенія, но до чего они дошли... нѣтъ, нѣтъ... она этого не знаетъ.

— А бабушка?

— Маменькѣ я сказалъ объ этомъ сегодня ночью. Она мнѣ посовѣтовала поговорить съ тобой... Но что же ты можешь?

— Да, я здѣсь ничего не могу сдѣлать.

— И, однако, мое положеніе невыносимо. Я не вижу выхода. Былъ бы одинъ выходъ... но...

— Какой?

— Оставить все по прежнему. Есть сотни людей, которые живутъ такъ. Но это не для меня. Я не могу такъ жить... Жить въ своей семьѣ и ѣздить на ворованныя свиданья по театрамъ и ресторанамъ... Терзаться, сознавать свои обязанности къ семьѣ и пользоваться недозволенными радостями и краденымъ счастьемъ на сторонѣ... Зачѣмъ мнѣ эта совершенно лишняя женщина, которую я не могу открыто назвать своею и долженъ прятать ее въ ресторанахъ и темныхъ ложахъ? Но пусть такъ... Пусть бы я въ силахъ былъ нести это непосильное бремя... Она этого не хочетъ...

— Она?

— Да, Леля...

— Чего же она хочетъ?

Digitized by Google

— Она хочетъ открытаго признанія: развода моего съ женой. И, конечно, она права...

— Ты находишь?

— Конечно. Она права... по своему!

— Не нахожу. Кто ее толкалъ на это? Она знала, что ты женатъ, что у тебя есть семья, обязанности, домъ... Что же могла она найти такого привлекательнаго, такого неотразимаго въ человѣкѣ, который, не имѣя права, ухаживаетъ за ней съ явнымъ умысломъ обмануть?

— Петя!

— Да... прости меня, но это вѣдь правда. Ты добивался своего... ты добился, обманулъ ее. За это тебя нельзя хвалить, само собой... Но вѣдь она—она же знала, что не можетъ связать свою будущность съ твоею? Еслибы еще тутъ была неопытность, ошибка, коварство съ твоей стороны... Нѣтъ! Все было ясно, какъ день. Чего же она искала въ тебѣ? Почему не могла выбрать себѣ свободнаго человѣка и обвѣнчаться съ нимъ? Или эта театральная и ресторанная любовь украдкой, это ворованное счастье, это ужасное, ложное положеніе любовницы въ чужой семьѣ такъ ужь привлекательно для нашихъ искалѣченныхъ молодыхъ барышень? Или она разсчитывала, съ подлымъ коварствомъ опытной куртизанки, дѣйствительно заставить тебя развестись, разбить свое счастье, счастье Ирины Павловны, счастье бабушки?.. Отогрѣтая твоей женой, змѣя захотѣла вползти въ ваше гнѣздо, пережалить всѣхъ и внести туда скорбь, разрушеніе и смерть? Она хотѣла водвориться на развалинахъ чужой семьи. Неужели же она не знала, что изъ осколковъ разбитаго чужаго счастья никогда и никому еще не удавалась склеить для себя новаго?.. На что же собственно она шла, я тебя спрашиваю?..

— Не знаю, Петя. Но, мнѣ кажется, ты черезчуръ суровъ къ ней... о! не безпокойся, я ея не люблю уже больше, я тебѣ сказалъ. Но ты все валишь на ея долю, на мою не оставляешь ничего...

— На твою долю! Ты?.. Да я не говорю о тебѣ только потому, что нужно было бы сказать слишкомъ много... Неужели ты могъ подумать, что я не обвиняю тебя? Твой романъ, романъ женатаго сорокалѣтняго человѣка, недостоинъ никакого уваженія. Что васъ толкаетъ на эти глупые и безпутные ро-

Digitized by Google

маны, съ которыми вы, сорокалѣтніе младенцы, носитесь, какъ дурни съ писаными торбами, воображая себя героями, а не пошлыми, смѣшными дураками? А потомъ не знаете, куда дѣваться съ этимъ романомъ, какъ бы его скачать съ плечъ и вновь почувствовать себя свободнымъ человѣкомъ, саврасомъ безъ узды. Что васъ влечетъ къ этимъ женщинамъ? Что, я тебя спрашиваю? Вы потеряли вкусъ къ жизни и вами завладѣла скука... Всѣ понятія у васъ извратились. Любовь — это когда-то священное слово—до того опошлилось, что совѣстно его произнесть. Свобода—по вашему разнузданность. Любовь къ наслажденіямъ, отрицающая всякія обязанности—вотъ у васъ что называется свободой! Пресытившись всѣмъ, пресытившись быстро скачущей жизнью, вы почувствовали скуку. Какъ дѣти, избалованныя психопатками-матерями, воображающими, что онѣ любятъ своихъ чадъ, потому что заваливаютъ ихъ ежедневно дорогими игрушками, къ которымъ они наконецъ теряютъ всякій вкусъ и берутъ ихъ въ руки только для того, чтобы сломать и бросить, — такъ и вы... смотрите на женщинъ, какъ на игрушки. Вы слишкомъ часто ихъ мѣняете; у васъ къ нимъ притупился вкусъ, вы одну замѣняете другой, чтобы эту другую промѣнять на третью... Вамъ скучно съ одной женщиной, и вы ломаете ея жизнь и мчитесь къ другой изъ пустаго любопытства. Ребенокъ тоже ломаетъ дорогую игрушку, чтобы удовлетворить своему любопытству: что у нея находится внутри?.. Скука и любопытство—вотъ два стимула, управляющіе вами въ вашихъ романическихъ похожденіяхъ. Великіе стимулы, нечего сказать?!. Вотъ вамъ стало скучно съ женой; нужно посмотрѣть, что это за кукла сидитъ рядомъ съ нею и бываетъ у нея такъ часто? Что за пружина сидитъ въ этой красивой разряженной куклѣ?.. Отчего не полюбопытствовать? И вотъ вы начинаете любопытствовать... завязывается самая пошлая интрига, которая, однако, кажется вамъ чѣмъ-то возвышеннымъ, поэтичнымъ, не земнымъ. А пружина-то оказывается до того несложной и простой, что вы разочаровываетесь, охлаждаетесь и бросаете досадливо свою куклу. И, въ самомъ дѣлѣ, что въ ней интереснаго, въ этой пружинѣ, которая управляетъ механической куклой? Весь смыслъ ея—въ двухъ словахъ: готовность отдаться всякому встрѣчному и поперечному, безъ думъ, безъ размышленій, безъ

Digitized by Google

угрызеній совѣсти, безъ стыда... Переберите десять, двадцать этихъ модныхъ куколъ, и у всѣхъ у нихъ одна пружина. Конечно, скучно! Вамъ скучно, а вы думаете: ей весело, когда, отъ скуки и изъ любопытства, ломаютъ ея ничтожную жизнь и выбрасываютъ ее саму за бортъ? Хоть она и кукла... а все таки... Ну, да ладно... по обыкновенію зарапортовался... Но мнѣ всегда обидно и больно, когда порядочные люди, каковымъ я и тебя считалъ, превращаются вдругъ въ какихъ-то ночныхъ громилъ, врываются въ чужіе дома и тащутъ непринадлежащихъ имъ женщинъ въ тѣ притоны, гдѣ укрываютъ краденое—въ театральную ложу или въ отдѣльный кабинетъ моднаго ресторана. И это длится до тѣхъ поръ, пока не появится наконецъ полиція, въ видѣ проснувшейся совѣсти, и не уличитъ похитителя съ поличнымъ въ рукахъ; тогда порядочные люди начинаютъ метаться, кричать, вздыхать и стонать: какъ быть? что дѣлать? куда бы выбросить краденое и совершенно ненужное, которое и укралъ-то только отъ скуки и изъ любопытства?.. Эхъ, Лева, Лева, не ждалъ я отъ тебя этого...

XX.

Левъ Ивановичъ сидѣлъ съ низко поникшей головой и молча слушалъ рѣчь своего друга.

Наконецъ, когда тотъ остановился, Боярскій поднялъ голову.

— Все это такъ, Петя; много вѣрнаго въ томъ, что ты говоришь. Я и самъ знаю, что поступилъ безчестно, не какъ порядочный человѣкъ; я самъ знаю, что безсовѣстнымъ образомъ измѣнилъ женѣ, чудной, святой женщинѣ, и погубилъ другую женщину, на которую не имѣлъ рѣшительно никакихъ правъ. Я пресытился любовью Ирины, любовью слишкомъ благоразумной, немного разсудочной, такъ сказать, гигіеничной; мнѣ захотѣлось чего нибудь болѣе яркаго, болѣе цвѣтнаго, если можно такъ выразиться, болѣе утонченнаго и артистическаго... Это была минутная слабость распущеннаго воображенія. И какъ я раскаиваюсь, какъ я мучусь, какъ страдаю, еслибы ты зналъ! Ирина выросла вдругъ въ моихъ глазахъ, я понялъ все величіе ея молчаливаго и гордаго страданія—потому что знаю, что она догадывается о моемъ несча-

Digitized by Google

стномъ увлеченіи. Леля сразу упала въ моихъ глазахъ; я увидѣлъ всю ея мелкую, эгоистичную натуру, въ которой преобладаетъ тщеславіе, любовь къ самой себѣ и тайная мысль устроить свое положеніе... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ и себя. И мой грѣхъ, моя ошибка была полезна, потому что освѣтила мнѣ то темное въ моей жизни, что̀ я смутно предполагалъ въ себѣ, но не могъ уяснить... Но ошибку эту невозможно забыть, да ея и не должно забывать, хотя бы она и была полезной ошибкой... Впрочемъ, я самъ не знаю, что̀ говорю... Но я отлично сознаю̀ всю справедливость того, что̀ говорилъ здѣсь ты. И однако—это не выходъ... Это только критическій разборъ. А ты пойми: мнѣ нуженъ выходъ, выходъ во что бы то ни стало. Что мнѣ теперь дѣлать? Вотъ на что я жду твоего дружескаго отвѣта, хотя ты уже и не считаешь меня болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Но, не смотря на то, что я человѣкъ непорядочный въ твоихъ глазахъ, я тѣмъ не менѣе ужасно страдаю...

— Полно, Лева, — сказалъ Петръ Петровичъ, беря его нѣжно за руку:—не убивайся. Не мое дѣло судить тебя. И моя любовь, моя преданность къ тебѣ ничуть не уменьшились отъ того, что ты допустилъ себя до такого паденія. Конечно, я не оправдываю тебя, нѣтъ! Но я уже говорилъ тебѣ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ обвиняю больше женщинъ. Что за вѣчно безпомощныя жертвы? Какъ имъ не надоѣстъ разыгрывать изъ себя невинныхъ жертвъ, вѣчно вопіять объ опекѣ и вѣчно сваливать всю вину на мужчинъ! Вѣдь, повторяю, она знала, что ты женатъ, что ты не свободенъ, зачѣмъ же она допустила это? Она вѣдь не какая нибудь неопытная молоденькая дѣвочка, чтобы могла сослаться на свою неопытность и неразуміе. Да и страсть ея къ тебѣ, полагаю, вовсе уже не была столь трагической, чтобы она не могла во̀-время охладить себя? Ну, да, впрочемъ, ты правъ, оставимъ это: это все слова... И мы слишкомъ много наговорили словъ, еще не приступивъ къ дѣлу. Но я, право, не знаю, что̀ же именно надо дѣлать?

— И я не знаю. Бабушка посовѣтовала обратиться къ тебѣ... да я и самъ объ этомъ не разъ думалъ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось оправдать довѣріе бабушки, но... ты, братъ, попалъ въ такой переплетъ... Скажи, на чемъ же у васъ остановилось дѣло съ Лелей?

Digitized by Google

— Да на чемъ? Она отказалась меня принимать въ теченіе трехъ дней, поставивъ условіемъ, чтобы на третій день я рѣшилъ окончательно: согласенъ ли на разводъ съ женой?

— А если нѣтъ?

— А если нѣтъ, то я долженъ съ ней разстаться навѣки...

— Рѣшительная особа!

— Но я не могу пойти на разводъ съ Ириной, потому что люблю ее больше прежняго, какъ никогда еще не любилъ. Мнѣ жаль и Лелю. За что я ее погубилъ?.. Наконецъ, ребенокъ... она вѣдь дѣлается матерью. Имѣю ли я нравственное право бросать ее съ моимъ ребенкомъ? Ты видишь—мнѣ собственно остается одно — самоубійство. Это единственный честный выходъ...

— Труса,—окончилъ Волошиновъ,—потому что это самый позорный выходъ. Чего ты достигнешь этимъ? развода съ женой, котораго требуетъ отъ тебя Леля и который ты считаешь нечестнымъ. Ирину ты сдѣлаешь глубоко несчастной; Леля останется съ ребенкомъ также точно, какъ осталась бы съ нимъ, еслибы ты ее бросилъ, не прибѣгая къ самоубійству; къ этимъ двумъ жертвамъ ты прибавишь третью—твою мать, уже ни въ чемъ неповинную. Я не говорю о тебѣ самомъ. Кого же ты осчастливишь своимъ самоубійствомъ? Развѣ это выходъ—помилуй!..

— Но что же дѣлать? Что дѣлать?

Волошиновъ не отвѣчалъ. На одно мгновеніе его посѣтила преступная мысль: склонить Боярскаго на разводъ съ Ириной. Она сдѣлается свободной, а онъ, который такъ много лѣтъ любитъ ее самоотверженно и безнадежно, въ концѣ концовъ, навѣрно получитъ возможность жениться на ней. Быстрѣе молніи мелькнула эта мысль въ сознаніи Волошинова, но силою своей воли онъ рѣшился подавить ее также быстро, какъ она возникла—и успѣлъ въ этомъ.

— Изо всего этого,—быстро заговорилъ онъ, чтобы заглушить волновавшія его чувства,—нѣтъ, по моему крайнему разумѣнію, абсолютнаго выхода, но есть относительный. Какая женщина... не скажу: дороже тебѣ, но, по вполнѣ безпристрастному обсужденію, болѣе достойна счастья?..

— Конечно,—Ирина...

Digitized by Google

— И я такъ думаю. Кромѣ того, Ирина Павловна ни въ чемъ не виновата и, слѣдовательно, ни за что не должна нести отвѣта. Леля же сама виновата и должна взять часть отвѣтственности на себя. Это неизбѣжно. Слѣдовательно, нужно думать о томъ, чтобы спасти хоть одну изъ двухъ женщинъ, и, притомъ, наиболѣе достойную. Завтра, или когда тамъ у тебя срокъ ультиматума истекаетъ — ты поѣдешь къ Лелѣ и скажешь, что развестись не можешь. Конечно, ты обезпечишь ее и ребенка и дашь ей возможность уѣхать отсюда... хотя бы за границу.

Боярскій задумался.

— Ну, что же?—спросилъ его Волошиновъ.

— Такъ-то оно такъ...—задумчиво произнесъ онъ.—Но изъ этого слѣдуетъ, что одна изъ двухъ—въ данномъ случаѣ Леля—пострадаетъ, а я буду по прежнему пользоваться радостями жизни, какъ ни въ чемъ не бывало?..

— Объ этомъ не безпокойся. Такіе поступки не остаются безнаказанными, и я въ это глубоко, искренно вѣрю. Возмездіе придетъ въ свое время. И ты долженъ приготовиться къ страданію.

Боярскій вздохнулъ. Въ искреннемъ, проникновенномъ голосѣ своего друга и въ его простыхъ словахъ ему почудилось зловѣщее пророчество.

— Да,—продолжалъ Петръ Петровичъ,—ты будешь страдать, хотя бы только угрызеніями совѣсти... Но, по моему, это самый тяжкій видъ человѣческихъ страданій... Я трусъ, я боюсь страданій, въ особенности этого рода. Вотъ почему, можетъ быть, я за всю мою жизнь такъ опасался ложныхъ шаговъ и опасныхъ увлеченій, за которыя меня замучила бы совѣсть. Но ты долженъ рѣшиться на это, потому что для тебя другаго выхода—нѣтъ.

Левъ Ивановичъ опять низко склонилъ голову.

— Да, другаго выхода нѣтъ!—покорно сказалъ онъ.—Я и самъ такъ думалъ. Но у меня къ тебѣ еще одна просьба, мой милый...

— Что такое?

— Не возьмешь ли ты на себя переговорить съ Лелей?

— Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ лучше сдѣлать тебѣ.

— Я не могу,—рѣшительно сказалъ онъ.

Digitized by Google

— Эхъ, Лева! Слабый человѣкъ ты—какъ я вижу. Я считалъ тебя гораздо сильнѣе. Ну, что дѣлать! Что̀ нужно, то нужно... Согласенъ.

Они обнялись и поцѣловались.

XXI.

— Ну, что, говорилъ ли ты съ моимъ-то... съ Левой?—спрашивала Матрена Савишна въ тотъ же день у Петра Петровича.

— Говорилъ, бабушка...

— Все ли онъ тебѣ сказалъ-то, иродъ?

— Позвольте, бабушка! Это кто же иродъ? онъ или я?..

— И что ты все балаганишь? Конечно, онъ. Ишь вѣдь какую штуку-фигуру отмочилъ?..

— Да, ужь доподлинно,—серьезно отвѣчалъ Петръ Петровичъ.—Заварилъ кашу.

— А вѣдь поди, сурьезный человѣкъ съ виду-то! Дѣлами чужими управляетъ. Солидный человѣкъ, а какъ свои дѣла-то запуталъ? Все оттого, что отъ своего купеческаго званія отошелъ, да въ аристократію полѣзъ. Не бываетъ тому счастья, кто своимъ званіемъ гнушается. Свои дѣла есть, такъ нѣтъ—мало: городскихъ ему понадобилось...

— Да вѣдь это, бабушка, не имѣетъ никакого отношенія къ его исторіи.

— Толкуй тоже! Кабы сидѣлъ на заводѣ значитъ, ну, и некогда было бы голову набивать глупостями. А то какъ пошли это обѣды, да встрѣчи, да проводы, да вечера, да балы, да театры... Ну, извѣстно, соблазну много, избаловался человѣкъ и полѣзла ему дурь въ голову. Онъ, вишь ты, теперя не купецъ, а города представитель... Какъ же! Въ нѣкоторомъ родѣ, скажемъ, чиновникъ, превосходительствомъ титулуютъ, аристократъ. Ну, а извѣстное дѣло, что̀ за аристократъ, коли у него нѣтъ любовницы! Ну, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Да только плохо онъ разсчиталъ. Аристократъ-то знаетъ, какъ и чѣмъ свою совѣсть усыпить. Обѣдами сладкими, да винами пьяными. Послѣ такого-то яствія, онъ и не разберетъ, чай, куда ѣдетъ—къ женѣ или къ любовницѣ... Ну, и живетъ себѣ, какъ султанъ персидскій, промежду двухъ женъ. А совѣсть-то простаго русскаго человѣка не такъ легко

Digitized by Google

усыпить да одурманить. Вотъ Лева-то и мечется, какъ угорѣлый.

— Эхъ, бабушка, съ кѣмъ грѣха не бываетъ! И совсѣмъ это не изъ подражанія онъ сдѣлалъ; это вы напрасно...

— А изъ чего же? Съ великаго ума что ли?

— По слабости. Умный онъ, хорошій, сердечный человѣкъ, а только слабъ...

— Охъ вѣрно, Петруша... Слабъ онъ сердцемъ то-ись.

— Ну, ужь сердцемъ или волей, а слабъ. И еще потому бѣда стряслась, что не было около него вѣрнаго друга. Меня не было.

— И это вѣрно, Петруша. Ты бы его остановилъ.

— Вотъ то-то. А то начали вы, бабушка, тутъ философію про аристократовъ. И смѣлая же у васъ философія!.. Чѣмъ худо, что Лева служитъ обществу? Онъ ему пользу приноситъ. А сколько онъ добра-то дѣлаетъ своими капиталами? Сколько школъ да музеевъ, да всего прочаго онъ поддерживаетъ своими деньгами? Нѣтъ, быть ему безпремѣнно, бабушка, головой. И вы не отговаривайте его отъ этого. Ну, что дѣлать, коли его не удовлетворяетъ фабрика; если ему хочется имѣть дѣло не съ металлами, а съ людьми? Всякому свое. И дурнаго ничего тутъ нѣтъ. Это лучше, чѣмъ вотъ какъ я: ношусь по бѣлу свѣту, безъ пристанища. Ни у меня позади, ни у меня впереди... И отъ денегъ моихъ никому пользы нѣтъ... Ни родному городу, ни своимъ людямъ. Одни заграничные рестораторы да трактирщики отъ меня наживаются, да еще желѣзнодорожныя общества. Нѣтъ, бабушка, счастливъ тотъ человѣкъ, который можетъ сознавать, что приноситъ хоть какую нибудь пользу обществу, и напрасно вы его отговариваете отъ этого. Пущай работаетъ. Онъ не мальчикъ, чтобы на него такъ ужь дѣйствовали дурные примѣры: свой царь въ головѣ! Ну, а если повихнулся... такъ вѣдь что же дѣлать? Единъ Богъ— безъ грѣха. А онъ, Лева-то, все жь таки живетъ. Не то что я: перекати-поле! Сегодня здѣсь, завтра тамъ... а послѣ завтра и самъ не вѣдаю гдѣ...

— И вправду, Петруша, отчего ты такой безпутный?— наивно спросила бабушка.

Волошиновъ захохоталъ.

— Ну, ужь и безпутный! Ужь вы скажете!

Digitized by Google

— А что жь такое? И, конечно, безпутный. Чего тебя носить? И голова на плечахъ есть, и сердце доброе, и капиталу вдоволь. Обзавелся бы семьей, домкомъ, и жилъ бы себѣ, какъ всѣ добрые христіане живутъ... Дѣтей бы воспитывалъ, такими же хорошими людьми сдѣлалъ бы, какъ и самъ.

— Ну, вотъ, изъ безпутныхъ въ хорошіе люди попалъ!

— А я что говорю? Человѣкъ ты хорошій, а жизнь твоя — безпутная. Остепенись. Женись, говорю тебѣ. Будетъ шататься-то!

— Да все это я знаю, бабушка. Мнѣ и самому надоѣло шататься Да вѣдь что же подѣлаешь?

— Да говорю же тебѣ—женись.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пущаютъ.

— Каки таки твои грѣхи?

— Да больно ужь разборчивъ я, бабушка. Невѣсты не могу по сердцу найти.

— Вотъ-на! Была печаль! Да за тебя, Петруша, пойдетъ всякая.

— Я-то самъ не возьму всякую,—вотъ что!

— Я тебѣ найду невѣсту, хочешь?..

— Нѣтъ, не хочу, бабушка. Такихъ вещей не поручаютъ искать другимъ, да и сами не ищутъ... Такія вещи сами по себѣ находятся.

— Неужто же ни одной не нашлось?

— Нѣтъ. Одна-то нашлась, да я ей не по сердцу былъ.

— Что за дура такая!—искренно удивилась Матрена Савишна.

— Дура? Зачѣмъ же дура? Очень умная, напротивъ. Она вышла за другаго, котораго любила, вотъ и все. А вы вдругъ—дура! Нельзя такъ, бабушка, о людяхъ судить.

— Ладно, не учи старуху-то! Чать, не меньше твово-то пожила. Только не вѣрю я въ эвту вашу любовь да нелюбовь. Все пустяки. Вотъ вѣдь Лева кричалъ тоже: маменька, жить не могу безъ Ириши! Ну, анъ вышло что? И ее оскорбилъ, и себя запуталъ, да и дѣвку погубилъ. Это что ли, по вашему, любовь-то? Вотъ я по любви вышла за покойника-то моего... Такъ до самой его смерти вѣрна ему была...

— А послѣ смерти?—шутливо спросилъ Волошиновъ.

— Чего это?—не поняла бабушка.

Digitized by Google

— А послѣ смерти покойника-то, какъ вы выражаетесь, вы ему тоже вѣрны оставались?

— Петръ!—вдругъ строго отвѣтила Матрена Савишна. — Я съ имъ, какъ съ путнымъ, говорю, а онъ... вправду испортили тебя басурманскія земли.

— Ну, простите, бабушка, я вѣдь пошутилъ.

— Нешто можно со старухой такія шутки шутить? Эхъ, молодежь, молодежь!..

— Благодарю покорно. Молодежь! Скоро за сорокъ, а у васъ все молодежь.

— Да хоть пятьдесятъ, коли вѣтеръ въ головѣ ходитъ?.. Ну, что жь, коли началъ говорить, договаривай: что же, любато твоя до сихъ поръ что ли свово избраннаго любитъ?

— До сихъ поръ.

— А ты—ее?

— А я ее.

— Бѣдный ты, бѣдный!.. коли не врешь... Да ты, чать, все врешь?—вдругъ усомнилась она и недовѣрчиво посмотрѣла на него.—Изолгался вовсе, поди, въ своихъ заграницахъ.

— Не вру, бабушка, ей-ей не вру. На сей разъ истинная правда! И пріѣхалъ-то я, чтобы только на нее посмотрѣть, да повидать хоть однимъ глазкомъ: какъ-то она живетъ сердечная, да хорошо ли ей, да не нужно ли моей помощи? Очень ужь я стосковался по ней.

— Золотое у тебя сердце, Петруша! Да кто же она такая будетъ? Изъ какихъ? Чья такая? Я что-то и не знаю, на кого подумать?..

— И не думайте, бабушка. Напрасно. Додуматься—не додумаетесь, а время попусту потеряете. Я все равно не скажу. А вотъ насмотрюсь на нее да и айда обратно... къ басурманамъ, какъ вы говорите...

— Какъ? Ты уже скоро собираешься ѣхать?

— Ну, скоро не скоро, а вотъ устрою кое-какія дѣла, да посмотрю, какъ левино дѣло уладится.

— Да, ужь ты помоги, Петрушенька. На тебя вся надежда!

— Что же я могу, бабушка? Вотъ поговорю съ дѣвицейто. Не знаю и самъ, что выдетъ. А ужь только и жаль мнѣ Ирину-то Павловну! Такъ жаль, такъ жаль...

Digitized by Google

Голосъ его сорвался и въ немъ зазвучали слезы.

Бабушка долгимъ, пристальнымъ взглядомъ оглядѣла его и, глубоко вздыхая, проговорила:

— Я же говорю, что у тебя золотое сердце. Правду ты сказалъ: жаль Иришу, вотъ какъ жаль. Не врагъ я своему сыну, а завсегда скажу. Не ему бы быть мужемъ Ириши...

— А кому же?

— Тебѣ. Вотъ такой составилъ бы ея счастье и не нарушилъ его.

— Экъ вѣдь вы что скажете!—весело сказалъ Волошиновъ и, простившись съ бабушкой, ушелъ.

XXII.

У Лели Антиповой, Петра Петровича заставили долго ждать. Ему пришлось сидѣть въ гостинной; никто не выходилъ къ нему. Онъ уже начиналъ скучать, раздражаться и пришелъ въ совершенное озлобленіе.

Отъ нечего дѣлать, онъ сталъ разсматривать неказистую обстановку квартиры. Плохія олеографіи по стѣнамъ, потасканная мебель, обитая дешевымъ и уже довольно изношеннымъ трипомъ, вытертые ковры, черезчуръ простыя лампы—все это производило невеселое впечатлѣніе. «Захотѣлось дѣвицѣ въ богатствѣ пожить, да устроить свое благополучіе на чужой счетъ»,—подумалъ онъ и собрался было уже уходить, какъ раздались чьи-то шаги по коридору.

Онъ приготовился увидѣть Лелю и, не смотря на всю подготовленность, сразу почувствовалъ неловкость и какую-то даже робость.

Но онъ увидѣлъ передъ собой Марью Петровну.

— Извините,—начала она, какъ-то жеманно присѣдая:—мы думали—Левъ Ивановичъ, а между тѣмъ—это вы... Посторонній мужчина... Заставили васъ ждать... извините...

— Ничего, что жь такое? пожалуйста...

— Ужь вы извините,—не унималась та.

— Ничего, я подожду, не безпокойтесь.

«Чего же онъ будетъ ждать, когда я уже вышла»,—подумала Марья Петровна.

Водворилось молчаніе. Волошиновъ сидѣлъ, не зная, что

Digitized by Google

предпринять: ему нужно было видѣть Лелю и онъ, входя, спросилъ именно, дома ли она, а теперь передъ нимъ сидитъ старая дѣва, съ которой ему не о чемъ говорить. Марья Петровна съ любопытствомъ разсматривала его и ждала, когда онъ начнетъ говорить. Отчаявшись въ этомъ, она принялась разсматривать альбомы. Такъ какъ молчаніе длилось очень ужь долго, то Марья Петровна подумала: «Какой неучтивый мужчина»!.. Наконецъ, она, первая, прервала молчаніе.

— Вы давно знакомы съ Лелей?—спросила она, не будучи въ состояніи дольше молчать.

— И да, и нѣтъ. Я ее часто встрѣчалъ прежде у Боярскихъ. Но меня долго не было здѣсь и вотъ, вернувшись, я возобновилъ съ ней знакомство у тѣхъ же Боярскихъ.

— Ну, какъ вы ее нашли? Перемѣнилась? Постарѣла?

— А, право, я не могу сказать: слишкомъ много времени прошло. Въ такомъ молодомъ возрастѣ перемѣны происходятъ быстро.

— Не правда ли, она стала красавицей? — вдругъ спросила Марья Петровна.

— Гмъ! да, конечно... но вѣдь красота это не есть что нибудь незыблемое... неоспоримое... это дѣло вкуса!

«Какой невѣжа!», — подумала опять старая дѣва. Петру Петровичу надоѣло это переливаніе изъ пустаго въ порожнее и онъ рѣшилъ приступить къ дѣлу.

— Скажите, пожалуйста: Елена Владиміровна выдетъ? Я просилъ передать ей, что имѣю порученіе отъ Льва Ивановича лично къ ней... Мнѣ бы нужно съ ней переговорить. Она знаетъ, по поводу чего...

— И я знаю. Я—ея тетка, но какъ бы мать. Я замѣнила ей мать со смерти моей сестры, воспитывала ее...

«И очень дурно воспитывала»,—подумалъ Волошиновъ.

— Да? очень пріятно,—въ смущеніи, громко произнесъ онъ.—Но мнѣ, все таки, хотѣлось бы...

— О, вы можете смѣло говорить со мной. Я *все* знаю,—повторяю вамъ. Не стѣсняйтесь. Вчера Леля призналась мнѣ во-время; впрочемъ, я и сама кое о чемъ догадывалась. Конечно, еслибы я *обо всемъ* могла догадаться, я бы, извините, не допустила. Но—теперь ужь поздно... Само собой, что я, какъ честная дѣвушка—я не замужемъ: у меня былъ женихъ...

Digitized by Google

одинъ князь... но я не довѣряю мужчинамъ и потому отказала ему: я предпочла остаться дѣвушкой... Да, такъ я говорю, что я ее не одобрила; я даже очень сильно порицала ее. Но—повторяю—уже поздно; дѣло сдѣлано и нужно его поправлять. Я полагаю, съ этой цѣлью г. Боярскій и просилъ васъ переговорить съ нами? И такъ какъ дѣло это поправимо только путемъ законнаго брака съ обольстителемъ—извините—какъ же я могу иначе назвать этого человѣка? то я и полагаю, что въ этомъ заключаются ваши предложенія? Конечно, Леля могла бы составить и лучшую партію, но... въ ея теперешнемъ положеніи ей нечего выбирать. Вы можете осчастливить г. Боярскаго ея согласіемъ... Одно меня удивляетъ, почему онъ самъ не явился сюда съ этимъ предложеніемъ. Я, извините, ничего не имѣла противъ васъ лично, тѣмъ болѣе, что совершенно не знаю васъ, многоуважаемый... извините, ваше имя-отчество?

— Петръ Петровичъ.

— Такъ вотъ, Петръ Петровичъ... вы можете передать вашему другу мои слова. Мы согласны... онъ можетъ къ намъ самъ явиться и выслушать изъ устъ Лели свое счастье...

Волошиновъ былъ совершенно ошарашенъ. «Ого, какъ она шагаетъ»!—подумалъ онъ.

— Позвольте, позвольте, Марья Петровна... я несовсѣмъ понимаю. О какомъ это вы бракѣ изволите говорить?.. Развѣ вамъ неизвѣстно, что Боярскій женатъ?

Она вдругъ игриво хлопнула его по рукѣ, скосила глаза и пріятно улыбнулась.

— Хитрецъ! конечно, я знаю, что онъ женатъ. И, какъ честная дѣвушка, я не могу одобрить его похожденій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разводъ и бракъ по страсти на молодой дѣвушкѣ... преступленіе... ребенокъ... любовь... все это поэтично, какъ въ современныхъ романахъ.

— Не будемъ говорить о литературѣ и вообще не время—я нахожу—спорить обо всемъ этомъ. Я долженъ объясниться прямо. Такъ какъ вы говорите, что вы «какъ бы» мать Елены Владиміровны, и такъ какъ сама Елена Владиміровна, очевидно, не желаетъ говорить со мной, то я volens-nolens долженъ передать вамъ все то, что хотѣлъ сказать вашей племянницѣ.

— Что же вы еще можете сказать, кромѣ того, что я уже знаю и на что изъявила согласіе?

Digitized by Google

— А вотъ это вы сейчасъ услышите. Прошу васъ выслушать меня внимательно и серьезно. Видите ли, кто правъ, кто виноватъ во всей этой исторіи—поэтической и романической по вашему, довольно безчестной и пошлой по моему—не будемъ объ этомъ разговаривать... не намъ судить! Впрочемъ, если вы хотите знать мое личное мнѣніе, котораго я никому не навязываю, то... я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ въ подобномъ случаѣ необходимымъ заклеймить мужчину словомъ «подлецъ», а дѣвушку — считать жертвой. По моему, нынѣшнія дѣвушки настолько самостоятельны, настолько независимы и такъ привыкли смѣло и весело смотрѣть на всякія житейскія отношенія, ни у кого не спрашиваясь и никому не отдавая отчета въ своихъ поступкахъ, что отвѣтственность за свои ложные шаги пора бы имъ раздѣлить наравнѣ съ мужчинами. А то помилуйте: равноправность проповѣдуютъ во всемъ; хотятъ стать на одну ногу съ мужчиной, хотятъ пользоваться его свободой, а чуть только случился грѣхъ, именно основанный на этой самой равноправности и свободѣ, — или распущенности, по моему,—такъ сейчасъ же онъ — подлецъ, она—жертва! То толкуютъ о правѣ свободно любить, о томъ, что любовь не подчиняется никакимъ стѣснительнымъ оковамъ гражданскихъ и церковныхъ предразсудковъ; что женщина, какъ и мужчина, одарена свободной волей и свободнымъ чувствомъ, то вдругъ онъ—обольститель, а она—несчастная, обманутая! На насъ—вся отвѣтственность, на ней—никакой. Почему, позвольте? Пора, наконецъ, перестать смотрѣть на женщину, какъ на несмысленнаго ребеночка, который ничего-то не вѣдаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не соображаетъ, летитъ, какъ бабочка, на огонь, обжигаетъ крылья, а потомъ кричитъ: я — жертва! Еще вопросъ: кто кого обольщаетъ? По моему, обольстителемъ всегда является женщина, съ своимъ безпутнымъ кокетствомъ, съ своими соблазнительно-наивными хитростями и коварными ласками. Она заставляетъ мужчину забывать свой домъ, свои обязанности, свою честь. Такъ пусть же она возьметъ на себя и часть отвѣтственности за дурныя послѣдствія, а не взваливаетъ все на плечи обольщеннаго ея кокетствомъ мужчины... Вѣдь Леля (это я для краткости такъ называю ее) знала, что Боярскій женатъ, что у него есть обязанности передъ судомъ людскимъ и божьимъ? Зачѣмъ же она летала во-

Digitized by Google

кругъ этого огня и такъ долго, такъ настойчиво, что обожгла себѣ крылья? Зачѣмъ же она заставила его совершить то, чего не должно было быть? Вѣдь вы согласны, что ни одинъ мужчина не позволилъ бы себѣ сдѣлать то, что сдѣлалъ Боярскій, еслибы женщина не поощрила его на это? Я не оправдываю и Боярскаго, конечно. Боже меня сохрани! Но я не могу этого слышать равнодушно: онъ—подлецъ, она—жертва! Зачѣмъ, отчего, почему? Онъ—слабый человѣкъ, съ недостаточно сильной волей, ополоумѣвшій отъ женскаго изощреннаго кокетства, въ минуту потемненія разсудка, совершившій преступленіе; она—сознательная кокетка, долгое время, всевозможными хитростями и цѣлымъ арсеналомъ женскаго обольщенія, доводившая его до этой потери сознанія... Еслибы она подумала о послѣдствіяхъ, она бы во-время остановилась и, конечно, не совершила бы этого... А теперь, вдругъ, онъ виноватъ во всемъ, она—ни въ чемъ... Я именно хотѣлъ поговорить съ ней объ этомъ... но такъ какъ ея здѣсь нѣтъ, то прошу васъ передать ей мои слова...

XXIII.

— Это совершенно лишнее, такъ какъ я все слышала! — сказала вдругъ, входя въ гостинную, сама Леля.—Вы говорите слишкомъ громко, а у меня дверь въ комнату открыта. Я могла бы и не слушать васъ, г. Волошиновъ, а просто попросить удалиться отсюда, потому что не признаю права ни за кѣмъ вмѣшиваться въ мои личныя дѣла, да еще въ дѣла такого сорта. Я удивляюсь безтактности и г. Боярскаго, поручившаго вамъ это, и... вашей, г. Волошиновъ, такъ какъ вы приняли это порученіе. Развѣ у обольщеннаго рыцаря не хватило смѣлости объясниться лично? Нужно было посвятить въ наши отношенія третье лицо? Хорошо, что же дѣлать? я покоряюсь. Будемъ объясняться.

— Леля, милая, не волнуйся; со стороны г. Боярскаго явился его другъ, а съ твоей стороны могла бы говорить я...— замѣтила тетка, совсѣмъ сбитая съ толку рѣчью Петра Петровича.

— Не говорите глупостей, тетя! — вскипѣла Леля. — Кто вамъ сказалъ, что я волнуюсь? Я хочу объясниться сама съ г. Волошиновымъ. Вы можете идти...

Digitized by Google

— Но, Леля...

— Идите, говорю вамъ... Я послѣ все вамъ разскажу. Идите, идите же...

Тетка покорилась и вышла.

— Ну-съ,—начала Леля:—теперь поговоримъ. Итакъ, вы утверждаете, что виновата во всемъ я, а г. Боярскій ни въ чемъ; вы утверждаете, что онъ—жертва, а я — обольстительница; вы находите вполнѣ естественнымъ и справедливымъ, чтобы г. Боярскій, натѣшившись вдоволь мной, какъ игрушкой, бросилъ меня, какъ негодную тряпку, и преспокойно сталъ бы пользоваться благами семейнаго очага, который вы всѣ такъ превозносите и передъ которымъ благоговѣете,—вы, лицемѣры и лжецы... Справедливо!.. Совсѣмъ во вкусѣ конца вѣка. Благородно, честно, великодушно...

— Позвольте, однако, Елена Владиміровна, не будемъ говорить ни о справедливости, ни о благородствѣ, ни о великодушіи... Мнѣ очень непріятно, что я взялъ на себя эту тяжелую роль посредника. Но... le vin est tiré, il faut le boir... Мнѣ не слѣдовало бы браться за эту роль, сознаю; но я въ этихъ случаяхъ рѣдко думаю о себѣ и о своихъ удобствахъ. Я хотѣлъ избавить васъ и Боярскаго отъ лишнихъ объясненій, которыя не привели бы все равно ни къ чему существенному. Вы наговорили бы другъ другу очень много тяжелыхъ и непріятныхъ вещей, и разошлись бы врагами.

— А теперь, вы думаете, мы разойдемся друзьями?

— Я этого не думаю. Но, по крайней мѣрѣ, вы избавитесь отъ всѣхъ этихъ объясненій. Повторяю вамъ, Елена Владиміровна, я ничуть не одобряю и не оправдываю Боярскаго, не смотря на то, что меня съ нимъ связываетъ многолѣтняя дружба. Но... разъ дѣло сдѣлано... поищемъ же выхода? Хотите?

— Вы это называете выходомъ? Онъ преспокойно броситъ меня и вернется къ своей супругѣ? Справедливый выходъ! У васъ у всѣхъ такая мораль?

— Я ужь просилъ васъ не говорить о справедливости и тому подобныхъ вещахъ,—уклончиво отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Почему?—вызывающимъ тономъ спросила она.

Онъ поглядѣлъ на нее очень внимательно. Онъ думалъ

Digitized by Google

сначала поговорить съ ней ласково, спокойно, нѣжно. Онъ былъ увѣренъ, что извѣстіе, которое онъ сообщитъ ей, если не повергнетъ ее въ отчаянье, то, во всякомъ случаѣ, огорчитъ, обезкуражитъ ее; онъ ждалъ хотя малѣйшихъ признаковъ горя, можетъ быть, слезъ. И вотъ, онъ съ ней говоритъ уже полчаса, а не видитъ не только слезъ, но даже ни малѣйшаго проявленія жалости къ разбитому счастью. Напротивъ, красивое, но деревянное лицо ея дышетъ какимъ-то наглымъ торжествомъ, злобной радостью, что теперь у нея руки развязаны и она можетъ всякими оскорбленіями унизить въ глазахъ друга ненавистнаго ей человѣка. Есть два вида женщинъ: женщины-овцы, и женщины-тигры. Однѣ безропотно покоряются всякимъ невзгодамъ и умѣютъ только плакать, любить и прощать; другія борются до послѣдней минуты и умѣютъ злобно смѣяться, ненавидѣть и мстить. Леля принадлежала къ послѣднему типу и Волошиновъ ясно увидѣлъ это. Онъ увидѣлъ теперь то, о чемъ всегда думалъ, когда ему приходилось вспоминать о Лелѣ. Она не любитъ, никогда не любила и никогда не полюбила бы Боярскаго; она искала положенія и созидала свое призрачное счастье на несчастьѣ другаго. Она просто хотѣла «устроиться»—вотъ все объясненіе ея романа съ Боярскимъ.

И послѣдніе слѣды жалости исчезли въ немъ. Въ добромъ сердцѣ его закипала злоба противъ этой хитрой и бездушной кокетки. Ея вызывающій видъ угнеталъ его; онъ хотѣлъ бы высказать ей все, что̀ накипѣло у него на душѣ, главнымъ образомъ—за ея коварные подкопы противъ своей подруги, за ея недобросовѣстное отношеніе къ Иринѣ Павловнѣ.

— Почему я не могу говорить о справедливости?—еще разъ нагло спросила она.

— Почему?.. Потому что объ этомъ можетъ говорить тотъ, кто самъ справедливъ. Развѣ вы поступили справедливо по отношенію къ Иринѣ Павловнѣ?—рѣзко сказалъ онъ.

— Г. Волошиновъ, я привыкла выслушивать порицанія только отъ тѣхъ, кому даю на это право... Я вамъ не давала этого права.

— Хорошо, не будемъ говорить объ этомъ. Простите!

— Итакъ, что̀ же я должна дѣлать?

Digitized by Google

— Какъ это ни грустно, Елена Владиміровна, — нужно покориться своей участи... Послушайте вы меня,—снова горячо началъ онъ,—поступокъ Боярскаго безчеловѣченъ, я никогда не устану повторять это. Будьте же вы—лучше его. Сойдите съ его дороги... Такимъ образомъ, вы одна будете несчастны... Не дѣлайте несчастными всѣхъ остальныхъ: Боярскаго, котораго вы любили же хоть немного, его жену, его мать, которыя ни въ чемъ не виноваты... Станьте выше его... простите ему и забудьте его. Если вы его дѣйствительно любите—вамъ будетъ это не трудно... Великое утѣшеніе находитъ человѣкъ въ сознаніи своей правоты.

— Но вы забываете, что у меня будетъ ребенокъ... Знаете ли вы это?

— Знаю, Елена Владиміровна, знаю. И это обстоятельство настолько серьезно и такъ усложняетъ дѣло...

— Что не будь его, отъ меня гораздо легче было бы избавиться, не такъ ли? Тогда со мной и вовсе не стоило бы разговаривать? А прямо выгнать, какъ безпутную... какъ падшую... Э-эхъ!

Она вдругъ склонила свою хорошенькую головку, схватилась за нее руками и зарыдала.

Волошинову опять стало ее жалко. Онъ не могъ видѣть равнодушно женскихъ слезъ, а въ данномъ случаѣ сознавалъ ея дѣйствительно тяжелое положеніе.

— Голубушка! — началъ онъ растроганнымъ голосомъ.— Выслушайте меня. Постараемся обдумать серьезно всѣ эти грустныя обстоятельства? Вы уѣдете за границу. Вы отдохнете тамъ и тѣломъ, и душой. Вы успокоитесь и привыкнете мало по малу не вспоминать о прошломъ, въ которомъ, право же, слишкомъ мало было для васъ отраднаго и привлекательнаго. Вы такъ молоды и красивы, что не вамъ задумываться о своей судьбѣ... Вы встрѣтите человѣка, который полюбитъ васъ, котораго и вы полюбите, конечно, больше чѣмъ Боярскаго!.. Вы испытаете счастье,—не то призрачное, поддѣльное счастье преступной и незаконной любви, которое, можетъ быть, кажется ярче и интереснѣе, и которое всегда кончается слезами и печалью, а счастье настоящее, спокойное, тихое счастье... У васъ вся жизнь впереди. И, потомъ, когда вы успокоитесь, забудете всѣ эти обиды, вы почувствуете, что поступили справедливо

Digitized by Google

и великодушно... Еслибы вы знали, какъ отрадно чувствовать и сознавать это!.. Теперь, что касается вашего будущаго ребенка... За это время можно будетъ подготовить Ирину Павловну исподоволь, осторожно, потихоньку... Она чудная женщина, съ высокими принципами... она не только согласится, но настоитъ, чтобы Боярскій усыновилъ его. При его деньгахъ, положеніи и связяхъ, это легко будетъ сдѣлать. Ребенокъ вашъ получитъ имя и будетъ обезпеченъ.

— У меня, въ довершеніе всего, отнимутъ ребенка?—спросила она вдругъ, и Волошиновъ почувствовалъ въ этихъ словахъ прежнее злобное настроеніе.

— Кто вамъ говоритъ, что его отымутъ? Если вы будете любить его... онъ останется при васъ... но бываетъ, что матери если и не ненавидятъ своихъ дѣтей, то относятся къ нимъ равнодушно... Ну, въ такомъ случаѣ, Боярскіе возьмутъ его къ себѣ, если вы захотите отдать его. По крайней мѣрѣ, ребенокъ будетъ носить то имя, которое долженъ носить...

— А если Левъ Ивановичъ не будетъ имѣть смѣлости сознаться женѣ... и я въ этомъ увѣрена, потому что теперь вижу, какой онъ мелкій трусъ... Если все это—ваши фантазіи, съ цѣлью склонить меня на согласіе?.. Тогда ребенокъ останется непричемъ?

— Напрасно вы меня подозрѣваете въ коварствѣ... Конечно, вы меня мало знаете, но смѣю васъ увѣрить: я не изъ такихъ людей... Я отвѣчаю за то, что говорю. Наконецъ, предположимъ невозможное. Положимъ, Боярскій отказался бы усыновить своего ребенка... Это невозможно, но пусть будетъ такъ. И тогда...

— Что тогда?..

— И тогда ребенокъ ничего не потеряетъ... Тогда усыновлю его я.

— Вы?!.—удивилась она.

— Да, я! Вотъ вамъ моя рука. Я человѣкъ холостой, одинокій, и никогда не женюсь... (онъ глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ). И у меня есть средства... Ну, онъ потеряетъ отца... но не жаль потерять отца, который отказывается самъ отъ своего ребенка.

— Какой вы преданный другъ!—сказала она, и онъ не понялъ: искренность или насмѣшка звучатъ въ этихъ словахъ.

Digitized by Google

Но я не того хотѣла...—продолжала она.—Я не могу помириться съ этимъ унизительнымъ предложеніемъ...

Но Волошиновъ ясно видѣлъ, что она готова помириться. При его словахъ о путешествіи за границу, въ ея глазахъ пробѣжалъ огонекъ. Когда онъ заговорилъ о ея красотѣ, глаза ея заблистали, даже сквозь слезы. Въ этомъ огонькѣ и въ этомъ блескѣ онъ прочиталъ ея мысли: ей уже рисовалась веселая, свободная жизнь въ Парижѣ, въ модныхъ курортахъ, на морскихъ купаньяхъ; молодая, красивая и обезпеченная, она будетъ царить и блистать тамъ. Ею будутъ увлекаться и она будетъ кокетничать и увлекать. По всему выраженію лица ея, и въ особенности глазъ, онъ видѣлъ, что эта перспектива ей пришлась по душѣ. «Чудесная изъ нея кокотка выдетъ»,—подумалъ онъ еще разъ, какъ тогда, когда говорилъ о ней съ Ириной Павловной и такъ метко опредѣлилъ ее съ перваго взгляда.

— Чего же вы хотите, наконецъ?—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спросилъ онъ въ отвѣтъ на ея слова.

— Быть законной женой Боярскаго.

— И погубить свою подругу?

— Ахъ, это мнѣ рѣшительно все равно,—опять съ прежнимъ злымъ упрямствомъ заговорила она.

— Это, по крайней мѣрѣ, откровенно!—разсердился онъ, но вновь сдержался и попробовалъ дѣйствовать на нее благоразуміемъ.—Ну, хорошо!—сказалъ онъ.—Оставимъ Ирину Павловну и всѣ остальные вопросы справедливости и благородства. Разъ это вамъ рѣшительно все равно, какъ вы говорите, не будемъ и толковать объ этомъ. Но вѣдь это просто фактически невозможно.

— Почему?

— Да потому, что вы, надѣюсь, хоть въ этомъ-то не сомнѣваетесь, что Боярскій никогда не осмѣлится предложить женѣ взять вину на себя? Да и осмѣлится, такъ она не согласится на это. А еслибы и согласилась, я бы употребилъ всѣ мѣры, всю силу убѣжденія, чтобы удержать ее отъ этого.

— Вотъ какъ!

— Ну, да. Надо же знать предѣлъ великодушію и самоотверженію. За что же она-то будетъ губить себя? Но не въ томъ дѣло. Итакъ, она никогда не возьметъ вину на себя... А,

Digitized by Google

слѣдовательно, при разводѣ онъ будетъ обвиненъ—и никогда не женится на васъ.

— Почему?..

— Потому что законъ этого не дозволяетъ,—сухо прибавилъ онъ.

— Законъ!—засмѣялась она:—законъ этого не позволяетъ! Вы думаете, я ребенокъ, котораго можно запугать страшными словами и которому можно разсказывать бабушкины сказки? Да я сама знаю нѣсколькихъ такихъ, которые женились, не смотря на вашъ законъ!..

— Да, это бываетъ. И это сходитъ съ рукъ, если никто на такихъ обвѣнчавшихся не донесетъ.

— Кто же донесетъ на Боярскаго, если онъ вздумаетъ жениться на мнѣ?

— Я,—просто отвѣтилъ онъ.

— Вы?!.—опять удивилась она, какъ немного раньше удивлялась его великодушію.—Вы? Но что же васъ заставитъ такъ дѣйствовать?

— Интересы и счастье Ирины Павловны. Я еще задолго до развода сказалъ бы Боярскому, что буду всячески мѣшать ему. И, повѣрьте, онъ знаетъ, что я попусту не трачу словъ... Онъ откажется отъ развода.

— Какое же право имѣете вы вмѣшиваться такимъ образомъ въ дѣла... даже вашихъ друзей?.. Я не хотѣла бы быть вашимъ другомъ!..

— Жалѣю, но не навязываюсь. Я уже говорилъ вамъ, что интересы Ирины Павловны...

— Ахъ, Боже мой! Опять Ирина Павловна... Опять ея интересы... Вы бредите ею!

Она вдругъ расхохоталась.

— Чему это?—спросилъ тревожно Петръ Петровичъ.

— Да вы просто влюблены въ нее, въ вашу Ирину Павловну!—зло смѣясь, проговорила она:—и я-то хороша! Не могла догадаться. Господи, какъ все это громко, возвышенно... и безкорыстная дружба, и чужое счастье, и прочее... и какъ все это au fond—просто!..

Она вдругъ замолкла и задумалась.

— Но... позвольте,—заговорила она вновь:—я васъ опять совсѣмъ не понимаю... Тогда вашъ прямой интересъ былъ бы

Digitized by Google

развести своего друга и женить его на мнѣ, а самому сочетаться бракомъ съ Ириной Павловной... Зачѣмъ же вы дѣйствуете наоборотъ? Это ужь совсѣмъ не умно.

— Изъ этого вы видите, что это совсѣмъ не такъ ужь просто, даже еслибы ваша высокая проницательность оказалась проницательностью, а не заблужденіемъ. И еслибы я дѣйствительно былъ влюбленъ, какъ вы говорите, въ Ирину Павловну, то я поступилъ бы не иначе. И ужь, конечно, чести и спокойствія любимой женщины не принесъ бы я въ жертву своему счастью...

— Что и говорить—рыцарь безъ страха и упрека...—презрительно кинула она ему.

— Рыцарь не рыцарь... а ужь еслибы я кого полюбилъ, то съумѣлъ бы принести любимому человѣку всякія жертвы и не ставить на первый планъ своего блага. Я бы съумѣлъ любить горячо; а не такъ эгоистично, какъ вы...

— Ну да, ну да!—раздражительно прервала она его:—я и говорю—рыцарь!.. Вамъ бы въ гербѣ помѣстить пылающее сердце на лазуревомъ полѣ и двѣ соединенныхъ рукопожатіемъ дружескихъ руки... А вмѣсто того у васъ крылья Меркурія... бога комерсантовъ...—съ подавляющимъ пренебреженіемъ докончила она.

— А вамъ слово комерсантъ кажется очень унизительнымъ?—совершенно спокойно и искренно-весело спросилъ онъ.

— Нисколько, еслибы нынѣшніе комерсанты оставались за прилавками съ своими аршинами въ рукахъ, а не переряжались въ рыцарскіе доспѣхи, не изображали бы изъ себя меценатовъ и покровителей искусствъ, свѣтскихъ людей, затѣвающихъ интриги съ барышнями общества, а также не разыгрывали бы изъ себя великодушныхъ Гарунъ-аль-Рашидовъ...

— Оставимъ этотъ вопросъ, милая «барышня общества»,— угрюмо и желчно произнесъ онъ, вдругъ утративъ веселое настроеніе.—Объ этомъ можно многое наговорить... но мнѣ некогда. Прошу васъ отвѣтить: согласны вы на переданныя вамъ предложенія?

— Что же мнѣ остается дѣлать?—рѣзко и грубо спросила она.

— Благодарю васъ. О подробностяхъ, финансовыхъ вопросахъ и тому подобныхъ практическихъ вещахъ разрѣшите мнѣ переговорить съ вашей тетей?..

Digitized by Google

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я не привыкла надѣвать маску и изображать не то, что я есть. Разъ я согласилась на торговую сдѣлку, отчего мнѣ не говорить о практическихъ дѣлахъ? Напротивъ, они меня теперь очень интересуютъ. Я не хочу быть рыцаремъ, когда стала купцомъ. Мой товаръ—ваши деньги. Вы—наши покупатели, мы—продавцы. Какъ нашъ товаръ теперь на биржѣ?.. Много ли даете?

Она цинично и вмѣстѣ съ тѣмъ нервно расхохоталась и, сухо кивнувъ головой, ушла.

Волошиновъ поспѣшилъ уѣхать, чтобы избѣжать столкновенія съ Марьей Петровной.

XXIV.

Пріѣхавъ домой, Петръ Петровичъ чувствовалъ себя отвратительно. Зачѣмъ онъ впутался въ эту исторію? Зачѣмъ выступилъ въ роли посредника? Отчего онъ не настоялъ, чтобы Левъ Ивановичъ самъ ѣхалъ объясняться съ Лелей Антиповой? Ему было не по себѣ. Онъ отлично сознавалъ, что Боярскій не правъ и что ему не можетъ быть оправданій. Не правъ онъ передъ женой, которой такъ легкомысленно измѣнилъ, и не правъ передъ Лелей, которую такъ легко бросилъ. То, что предложилъ ему Волошиновъ, въ видѣ выхода изъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, и съ чѣмъ поѣхалъ къ Лелѣ, въ сущности не было выходомъ. Но надо же было что нибудь предпринять, что нибудь дѣлать... Петръ Петровичъ отговаривалъ Боярскаго отъ самоубійства и очень легко отговорилъ его отъ этого искупительнаго шага. И онъ очень радъ былъ, что это удалось ему: по крайней мѣрѣ, Иринѣ не пришлось перенести еще одного жестокаго удара. Но въ глубинѣ души Волошиновъ смутно чувствовалъ, что, случись *съ нимъ* что либо подобное, ему ничего другаго не осталось бы какъ искупить свою вину смертью: другаго выхода онъ не нашелъ бы. Его открытая душа и честная, прямая натура не могла переносить фальши жизни и лживыхъ отношеній. Теперь, когда семейная жизнь Ирины оказывалась надломленной, ему легко было бы воспользоваться обстоятельствами и, уговоривъ Боярскаго развестись, самому, черезъ приличный промежутокъ времени, занять его мѣсто. Но такое коварство претило ему; когда онъ гово-

Digitized by Google

рилъ, что умѣетъ приносить свое личное счастье въ жертву чужому благополучію, онъ говорилъ правду; на одно мгновеніе, въ разговорѣ съ Лелей, у него мелькнула мысль воспользоваться обстоятельствами, но онъ тотчасъ подавилъ въ себѣ эту мысль и счелъ ее преступленіемъ.

А ужь онъ ли не любилъ Ирину?.. Сколько лѣтъ онъ молча и гордо страдалъ, ни съ кѣмъ не подѣлившись своей душевной тоской, своей глухой безнадежностью. Онъ любилъ ее свято, какъ недосягаемый идеалъ, онъ бережно хранилъ это святое чувство въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ своей души, оберегалъ его отъ посторонняго вторженія и никому не позволилъ бы заглянуть въ сокровенный уголокъ своей истерзанной души. Три года тому назадъ, онъ покорно и сокрушенно узналъ о свадьбѣ Ирины, имѣлъ мужество весело поздравить ее и Боярскаго, искренно пожелать имъ счастья и даже присутствовать на ихъ свадьбѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ; уѣхалъ далеко, надолго... какъ ему казалось—навсегда. Ему было тяжело жить за границей, вдали отъ родины, въ сторонѣ отъ жизни, внѣ своего роднаго, любимаго города. Тамъ шла своя жизнь, которой онъ очень интересовался; онъ связанъ былъ съ интересами своего города, какъ его уроженецъ, какъ богатый человѣкъ, какъ домовладѣлецъ и гласный думы; онъ готовился принять въ ней активное участіе, быть полезнымъ обществу своими трудами и деньгами; живо интересовался онъ всѣми городскими дѣлами, наслаждаясь сознаніемъ, что такъ называемое интеллигентное купечество быстро идетъ впередъ и начинаетъ завоевывать принадлежащее ему положеніе. Но со всѣмъ этимъ ему пришлось проститься и уйти въ добровольное изгнаніе, въ которомъ онъ, по наивности души своей, думалъ обрѣсти душевное спокойствіе, вернуть себѣ прежнее бодрое, жизнерадостное настроеніе. Увы, это ему не удалось. Три тяжелыхъ года провелъ онъ за границей. Безропотно подчинился онъ своей печальной участи. Затуманенный разстояніемъ и временемъ, образъ любимой женщины, навсегда потерянной для него, не переставалъ терзать и мучить его ни на минуту. И это была пытка, а не жизнь. Вдвоемъ съ своей тоской носился онъ изъ страны въ страну, пока не изнемогъ душевно. Это изнеможеніе, эту душевную усталость, онъ принялъ, въ концѣ концовъ, за исцѣленіе и увѣровалъ въ него.

Digitized by Google

Тогда, подчиняясь неудержимому желанію опять увидѣть Ирину, онъ вернулся. Онъ думалъ, что время сдѣлаетъ же свое дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ разсчитывалъ застать ее въ апогеѣ счастья. И что же онъ нашелъ по возвращеніи? Разбитую жизнь, разрушенное счастье и бѣдную женщину, которая гордо скрывала постигшую ее неудачу и молча страдала! Въ этой гордости, въ этомъ молчаніи онъ почувствовалъ что-то родственное, ту же сильную, мужественную натуру, которою обладалъ самъ. Уже въ концѣ первой недѣли своего пребыванія на родинѣ, онъ сознался свое безсиліе. Онъ вовсе не исцѣлился отъ своей страсти; напротивъ: она стала спокойнѣе, но глубже и еще больнѣе терзала его. Очевидно, ему нужно опять уѣхать, и уѣхать какъ можно скорѣе. Когда же все это кончится, когда онъ совсѣмъ, совсѣмъ успокоится? Онъ и рѣшилъ ѣхать, какъ вдругъ Боярскій потребовалъ отъ него дружеской услуги. И онъ согласился на это щекотливое дѣло, не столько изъ дружбы къ нему, сколько изъ горячаго желанія оградить страстно любимую женщину отъ грозившаго ей несчастья.

Ужасную пытку перенесъ онъ во время свиданія съ Лелей. Вообще компромиссовъ онъ не признавалъ и ненавидѣлъ всякія сдѣлки съ совѣстью. Здѣсь же ему пришлось* и лгать, и лицемѣрить, и говорить противъ своей совѣсти.

Но дѣло сдѣлано. Измученный и истерзанный, пріѣхалъ онъ домой и вздохнулъ полной грудью. Онъ не могъ ѣхать сейчасъ же къ Боярскимъ; это было выше его силъ: ему надо было успокоиться. Съ наслажденіемъ легъ онъ въ кровать. Итакъ, все устроено! Счастье, насколько оно возможно теперь для Ирины, обезпечено.

— Милая, дорогая, родная, голубка!—шепталъ онъ, уже засыпая. — Будь счастлива... чего бы я не далъ для твоего счастья?..

На другой день, рано утромъ, онъ поѣхалъ къ Льву Ивановичу.

— Ну, что?—спросилъ его Боярскій встревоженнымъ голосомъ:—ты такъ долго не ѣхалъ?

— Все улажено.

Они заперлись въ кабинетѣ и долго бесѣдовали, устанавливая подробности состоявшагося соглашенія. Волошиновъ уѣхалъ домой, не пожелавъ видѣть Ирины Павловны.

Digitized by Google

— Слава богу, все кончилось, кажется, благополучно и мнѣ скоро можно будетъ опять укатить,—говорилъ онъ себѣ, подъѣзжая къ дому.

XXV.

Боярскій торопился устроить свои дѣла съ Лелей; онъ на другой же день, послѣ разговора съ Волошиновымъ, внесъ въ банкъ очень крупную сумму денегъ на имя Елены Владиміровны Антиповой, исполнилъ всѣ формальности, получилъ бумаги и передалъ своему другу, который отвезъ ихъ къ Лелѣ.

Какъ большинство людей со слабымъ характеромъ, Боярскій также быстро успокоивался, какъ и возбуждался. Теперь, исполнивъ свой «долгъ» по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, онъ чрезвычайно скоро сталъ приходить въ норму. Прежняя любовь къ Иринѣ возгорѣлась въ немъ. Съ нѣжнымъ и благодарнымъ чувствомъ думалъ онъ теперь о ней и самъ себѣ удивлялся: что могъ онъ найти въ такой бездушной куклѣ, какъ Леля, кромѣ одной красоты женскаго лица и тѣла? Ни ума, ни сердца у нея не было, какъ не было дѣвственности и женственности, составляющихъ всю прелесть, всѣ преимущества прекраснаго пола передъ непрекрасною половиною рода человѣческаго. Это была чистокровная кокотка, хищный звѣрь въ красивой оболочкѣ, а увлеченіе женщиной, которая обладаетъ *только* внѣшней красотой, близко граничитъ съ увлеченіемъ спортсмена.

Но онъ никогда не отличался любовью къ спорту, хотя бы предметомъ этого спорта и была женщина. Поэтому онъ искренне недоумѣвалъ: какъ могло приключиться съ нимъ подобное обстоятельство? Сколько ни искалъ онъ объясненій своему увлеченію, но все таки не находилъ ихъ. Такъ вотъ, — нашло, и больше ничего! Пожалуй, старуха Матрена Савишна права была, когда говорила, что онъ напрасно пренебрегъ своимъ родовымъ званіемъ, отошелъ далеко отъ купечества, отъ своего прямаго дѣла... онъ и самъ начиналъ думать, что, отойдя отъ своего сословія и съ молодыхъ лѣтъ вращаясь въ непривычныхъ ему сферахъ, онъ скоро освоился со свычаями и обычаями такъ называемаго «большаго свѣта», который вѣчными кутежами,

Digitized by Google

обѣдами, званными вечерами, легкимъ отношеніемъ ко всевозможнымъ вопросамъ жизни и въ особенности къ женщинѣ, деморализировалъ его здоровую русскую натуру, привилъ ей чуждые инстинкты, несвойственныя ему привычки и взгляды. Ему пришло на умъ изреченіе матери, которое она еще такъ недавно, въ видѣ нравоученія къ сказкѣ, преподала ему: ежи должны жить съ ежами, а зайцы съ зайцами; никогда ежу не перегнать зайца, а зайцу никогда не быть сметливымъ ежомъ. Каждому свое. Покойный отецъ сильно попенялъ бы ему за измѣну своему «роду-племени». Чего искалъ онъ въ неподобающихъ ему сферахъ: титуловъ, чиновъ, отличій, почестей, славы? На что ему все это? Но онъ уже втянулся въ эту кипучую жизнь, онъ любилъ эти думскіе дебаты, эти рѣчи, которыя ему приходилось говорить, этотъ внѣшній почетъ, которымъ ему приходилось пользоваться; онъ былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ города, во многихъ домахъ, гдѣ ему никогда бы не бывать въ качествѣ фабриканта и комерсанта, не смотря на весь его внѣшній лоскъ и приличное образованіе. Смолоду онъ насмотрѣлся въ этихъ салонахъ на курсъ жизни «порядочнаго» человѣка, человѣка свѣта и общества, на отношенія этихъ людей другъ къ другу, къ низшимъ и высшимъ сферамъ, къ семьѣ, къ женщинѣ. Сначала, съ патріальхальной закваской представителя стараго купеческаго рода, онъ внутренно изумлялся этой легкости взглядовъ и отношеній, этой повадливости и искательству, этой небрежности и вѣчной шуткѣ, этому наружному благоприличію и внутренней распущенности; но онъ очень скоро эмансипировался. Суровость патріархальнаго режима, представительницей котораго была его мать, начинала угнетать его и онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ материнской опеки и имѣть возможность расправить крылья. Онъ и успѣлъ въ этомъ, усвоивъ себѣ не только внѣшній лоскъ, но и весь внутренній складъ чуждой ему жизни. Въ увлеченіи Ириной, кромѣ любви, незамѣтно для него самого, почти безсознательно дѣйствовало и обаяніе ея аристократическаго имени. И пока эта любовь была еще достаточно сильной, она его удерживала дома и все шло какъ слѣдуетъ. Но онъ уже впиталъ въ себя ядъ шумной общественной жизни; ему стали казаться скучными вечера, проводимые дома между женой и матерью. Тогда онъ сталъ выискивать предлоги,

Digitized by Google

сначала легальные, какъ ему казалось, а потомъ и всякіе другіе, лишь бы не сидѣть дома. Онъ видѣлъ, что другіе не сидятъ дома и проводятъ почти всю свою жизнь внѣ семьи; чужіе примѣры, при слабости воли, всегда заразительны. И безсознательно онъ заразился ими самъ, тѣмъ болѣе, что укрѣпившееся къ нему чувство жены дало увѣренность въ несокрушимости его семейнаго счастья; а эта увѣренность породила извѣстнаго рода легкость отношеній. Прежде всѣ его силы, все чувство уходило на завоеваніе симпатій и любви этой женщины, которая, вопреки желанію матери и людей ея круга, смѣло пошла за нимъ и въ этомъ не раскаивалась; теперь—эти силы, при увѣренности въ прочномъ положеніи домашняго счастья, остались безъ примѣненія, не у дѣлъ. Ирина любила такъ преданно, спокойно, гигіенично, пожалуй, скучновато... Ему захотѣлось чего нибудь болѣе пикантнаго, остраго. Къ тому же, всѣ вокругъ него поступали также и никогда ни отъ кого онъ не слыхалъ порицанія. У всѣхъ были свои семьи и у всѣхъ—любовницы. Это былъ, по нынѣшнему времени, нормальный строй жизни. Конечно, онъ не мальчикъ, чтобы изъ одного подражанія поступить также, да и не изъ подражанія онъ сдѣлалъ это. Но «деморализація» незамѣтно и постепенно измѣняла тѣ традиціи, которыя еще жили въ немъ, какъ признаки атавизма добраго, стараго патріархальнаго времени. Картины запретной любви волновали его воображеніе. Любопытство его было возбуждено, ему захотѣлось узнать силу и власть этой запретной любви. Достаточно было подвернуться маломальски смазливенькой барынькѣ и дѣло было бы сдѣлано.—А тутъ, на его пути, въ самомъ его домѣ, появилась Леля, молодая красавица, кокетка, испорченная и избалованная женская натура...

Началась игра въ любовь, тотъ новомодный флиртъ, который въ наше время замѣнилъ давно уже выцвѣтшее истинное чувство. За давностью времени, это чувство переродилось въ забаву, въ общественное развлеченіе. Ослабѣвшему и подведенному подъ общій шаблонъ современному человѣку, истинное чувство стало не подъ силу и онъ замѣнилъ его призракомъ, забавой, легковѣсной перифразой. Глубокая, захватывающая страсть,—то, что въ доброе старое время называлось «титаническимъ чувствомъ»,—не подъ силу современному че-

Digitized by Google

ловѣку. Глубокая страсть требуетъ всего человѣка и все его время. Современному «среднему человѣку» любить такимъ образомъ просто некогда. Онъ занятъ съ утра до вечера и время ему нужно для многаго другаго. Маленькій флиртъ гораздо удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ ни къ чему не обязываетъ, не налагаетъ цѣпей, во-вторыхъ, открываетъ широкое поле разнообразію; въ-третьихъ, не требуетъ искренняго порыва, что всего труднѣе дается современному мужчинѣ; въ четвертыхъ,—обѣ стороны сохраняютъ личную свободу, или, вѣрнѣе, флиртъ не ставитъ серьезныхъ преградъ усвоенной нынѣшнимъ поколѣніемъ распущенности. Флиртъ всегда и удобенъ, и пріятенъ, и легокъ. Нужно умѣть только вести эту игру весело и бодро, и стараться не испортить ея; нужно опасаться принять ее хоть на одну минуту au sérieux.

Но Боярскій и Леля, начавъ съ флирта, не съумѣли довести его до конца. Въ первомъ было еще много атавизма, много непосредственности патріархальнаго человѣка; онъ не разсчиталъ ставки—и зарвался. Зайдя слишкомъ далеко, онъ растерялся. Вторая только воспользовалась его растерянностью. И вотъ игра привела къ драмѣ. Но теперь все кончилось довольно благопристойно.

Это былъ тяжелый урокъ, опасный урокъ, и Боярскій, смутно перебирая въ своемъ умѣ всѣ перипетіи, импульсы и ходы этой игры, отдыхалъ и блаженствовалъ. Съ нимъ совершилась реакція. Теперь ему уже никогда больше не придетъ на умъ измѣнить славной, доброй, милой женѣ, ради какой нибудь красивой женщины. Только бы все обошлось благополучно.

«Счастливый Петруша! — подумалъ онъ.—Не смотря на его вѣчное шатанье за границей, на систематическое бездѣльничанье, если не считать за дѣло его художественныхъ попытокъ,—онъ все таки остался тѣмъ же неиспорченнымъ малымъ, какимъ былъ и въ дѣтствѣ... такимъ онъ останется и всегда. Никакая среда, никакой строй жизни его не испортитъ, не поколеблетъ. Онъ всегда съумѣетъ остаться самимъ собой и не пошатнется ни въ ту, ни въ другую сторону. Эдакая здоровая, русская прямолинейная натура»!..

Digitized by Google

XXVI.

Леля быстро вошла въ норму. Ея авантюристская натура взяла верхъ и надъ оскорбленнымъ самолюбіемъ, и надъ тѣми скверными чувствами, которыя волновали ее. Она сообразила, что въ сущности ея положеніе вовсе не такъ плохо.

Ея давнишняя мечта—поблистать за границей—близка къ осуществленію. Тамъ, вдали отъ родины, вдали отъ этихъ скучноватыхъ, пошловатыхъ въ своихъ увлеченіяхъ и тяжелыхъ въ своихъ раскаяніяхъ отечественныхъ мужчинъ, найдется примѣненіе ея красотѣ и страстному, неудержимому желанію жить въ роскоши, наряжаться, пользоваться культурными наслажденіями на полной свободѣ, никому ни въ чемъ не отдавая отчета. Здѣсь, въ той средѣ, гдѣ она выросла и прожила столько лѣтъ, все таки было стѣснительно. Многіе ее знали и она знала многихъ. Ея исторія съ Боярскимъ не могла быть скрыта и скоро стала достояніемъ жаднаго до подобныхъ сплетень общества. Женщины, быть можетъ, въ душѣ даже завидовавшія ей, относились къ ней свысока и много дверей передъ нею закрылось. Здѣсь она должна была все таки подчиняться строю жизни и установившимся традиціямъ. Тамъ—некому будетъ слѣдить за ней, и ей не съ кѣмъ будетъ считаться. Еслибы она вышла замужъ за Боярскаго, она пріобрѣла бы положеніе въ свѣтѣ, но потеряла бы свободу; къ тому же неизбѣжный скандалъ развода нѣсколько пугалъ ее; и—кто знаетъ?—можетъ быть, общество стало бы на сторону обиженной стороны, на сторону Ирины, а она осталась бы законной, но вѣчно непризнанной женой.

Брать ли съ собою тетку? думала она, рѣшая подробности своего путешествія. Она не изъ удобныхъ, эта тетенька! Глупа, непрактична и вѣчно витаетъ гдѣ-то, только не на землѣ. Но, во всякомъ случаѣ, она можетъ быть ей полезной въ дорогѣ и въ новомъ городѣ, пока Леля не войдетъ въ курсъ жизни и не освоится со всѣми обстоятельствами и порядками самостоятельной жизни. Теперь она богата, независима; ни съ кѣмъ и ничѣмъ не связана; въ случаѣ, если тетка окажется слишкомъ неудобной, ее вѣдь можно и отослать, снабдивъ приличной суммой «отступнаго».

Digitized by Google

— Тетя, тетя!—позвала она Марью Петровну, когда планъ ея былъ окончательно рѣшенъ.

— Что тебѣ, Леля?

— Собирайтесь...

— Куда?

— За границу. На будущей недѣлѣ тронемся въ путь...

— Ахъ, какая прелесть! За границу! Правда? Ты хочешь, чтобы и я ѣхала? Но сообразила ли ты, что вѣдь это очень дорого будетъ стоить, ѣхать вдвоемъ, а у меня, ты знаешь, лишнихъ средствъ на это нѣтъ... Что и было, ушло на ваше же воспитаніе...

— Не нойте. И безъ васъ все знаю. И, пожалуйста, безъ этихъ намековъ. Все, что вы истратили на меня—вы получите, и даже съ процентами. Жить же будете на мой счетъ.

Тетка пришла въ умиленіе и стала цѣловать Лелю; одинъ разъ, какъ бы нечаянно, даже поцѣловала ея руку:

— Успокойтесь, ну, что это за порывы, точно въ семнадцать лѣтъ?—недовольнымъ тономъ сказала Леля, но внутренно обрадовалась, сообразивъ, что теперь роли перемѣнились и она дѣлается главой, а тетка—подчиненной. Какъ деньги мѣняютъ людей и взаимныя отношенія! Она, впрочемъ, давно догадывалась объ этомъ, и эта-то догадка заставляла ее такъ цѣпко держаться за Боярскаго. Тетка все больше и больше умилялась.

— Ты знаешь, Леля, это съ юныхъ лѣтъ было моей завѣтной мечтой... Ахъ, эта Италія, о которой такъ много пишутъ поэты! Франція, Испанія!.. Ахъ, одни эти имена чего стоятъ: Бруно, Эльза... Демоническіе мужчины и бѣлокурыя, какъ видѣнія неба, женщины... Да, ужь это, во всякомъ случаѣ не наши: не Волошиновы, не Боярскіе, не Ирины... съ виду люди общества, а на дѣлѣ—Китъ Китычи...

— Тетя! Разъ навсегда: никогда при мнѣ не говорите о Боярскомъ. Слышите?—властно осадила ее Леля.—И вообще я вамъ хочу сказать: чтобы между нами не было больше разговора о томъ, что произошло—я не люблю этого. Что было, то сплыло; теперь начинается новое. Мы съ вами возобновимъ разговоръ о Боярскомъ, когда родится у меня ребенокъ. Тогда я васъ, можетъ быть, даже пошлю въ Россію для переговоровъ. А до тѣхъ поръ, чтобы вы и самое имя его забыли...

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо, будь покойна. И въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ говорить!.. Да это меня и не интересуетъ... Ты, вѣдь, знаешь, какъ я была далека отъ всего этого. Еслибы я только могла предвидѣть или имѣла бы малѣйшее подозрѣніе... я бы съумѣла оберечь тебя. Но я дѣвушка честная... мнѣ и въ голову не могло прійти, что онъ тебя обольститъ...

«Какъ она глупа!»—подумала Леля и въ бѣшеномъ порывѣ схватила ее за руку.

— Я васъ только что просила не говорить объ этомъ, а вы все продолжаете. Я съумѣю настоять на своемъ; но не хочу насиловать васъ. Если вы не можете молчать, я зато легко могу обойтись и безъ вашей помощи за границей. Я могу ѣхать одна.

— Не буду, ужь не буду! Какая ты странная, не могу же я такъ вдругъ, сразу онѣмѣть...

— А не можете, такъ и не надо...

— Ну, хорошо, хорошо... онѣмѣю...

— И потомъ еще, тетя! Слушайте меня внимательно: чтобы я никогда,—понимаете ли ни-ког-да! не слыхала больше отъ васъ этой глупой фразы: «я дѣвушка честная»...

— Почему же?!—искренно удивилась та.

— Вы не понимаете, почему?

— Н... нѣтъ...—растерянно отвѣтила тетка, въ ужасѣ думая, что Леля не вѣритъ въ ея невинность.

— Да потому что этой фразой вы напоминаете мнѣ, что *я... я* нечестная... глупая вы голова! Довольно вы этой фразой рѣзали мнѣ уши здѣсь... И больше я не хочу ее слышать... Поняли?—крикнула она и, задыхаясь отъ гнѣва, убѣжала къ себѣ.

В. Свѣтловъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

АМУРСКІЕ ЛИХАЧИ.

X.

Я не успѣлъ уѣхать изъ Загорска съ первымъ отходящимъ пароходомъ; по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ пришлось остаться еще дня на три. Отчасти я былъ даже радъ этому: очень ужь меня интересовала развязка курьезныхъ отношеній золотопромышленника къ его прикащику. Можно было ожидать, что дѣло выяснится скоро. Послѣ отъѣзда Лялина, Моховъ быстро «дошелъ до предѣла», такъ что Сусаловъ даже боялся заговаривать съ нимъ объ отъѣздѣ и только встревоженно посматривалъ на своего свирѣпаго товарища, который лишь изрѣдка появлялся въ гостинницѣ, на цѣлые дни исчезая въ разныхъ притонахъ.

— Скучаю, всѣмъ своимъ нутромъ скучаю по Васѣ! — оралъ Моховъ.

— Бѣда! Теперь онъ готовъ на себя руки наложить, или такую штуку выкинетъ, что его арестуютъ. Тогда все пропало,— пріисковъ не успѣетъ указать, — озабоченно шепталъ мнѣ Сусаловъ:—что тогда дѣлать?

— Не знаю, я бы на вашемъ мѣстѣ давно оставилъ бы все это дѣло.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ вы полагаете, что онъ затѣваетъ?—приставалъ ко мнѣ Сусаловъ.

— Ну, этого, я думаю, онъ даже самъ не знаетъ, — успокоивалъ я его.

И дѣйствительно, на другой же день, Моховъ устроилъ дебошъ, встревоживший всю гостинницу своей дикостью и неожиданностью. Поздно ночью, когда я уже собирался спать, онъ вошелъ вдругъ въ мою комнату, съ лицомъ блѣднымъ, осунувшимся, съ блуждающими, осоловѣвшими глазами.

— Что вамъ надо?—спросилъ я его, нѣсколько удивленный и встревоженный.

Въ отвѣтъ онъ забормоталъ что-то, размахивая руками.

Digitized by Google

— Что вы за чертовщину говорите, почтеннѣйшій? — удивился я.

— По американски!—пресерьезно заявилъ онъ, продолжая размахивать руками и наступая на меня.

— Ну, это ужь слишкомъ. Сейчасъ же вонъ отсюда!—не выдержалъ я наконецъ,

Но я плохо разсчиталъ, съ кѣмъ имѣю дѣло: при первой же моей попыткѣ защищаться, онъ пришелъ въ страшную ярость. Только теперь я увидѣлъ, что онъ вооруженъ ножемъ и револьверомъ, картинно воткнутыми за шолковый пунцовый поясъ, стягивавшій его станъ поверхъ жилета.

Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться отъ этого непріятнаго открытія, онъ выхватилъ револьверъ и сталъ шагахъ въ трехъ отъ меня. Раздался выстрѣлъ... Я въ ужасѣ прислонился къ стѣнѣ и протянулъ впередъ руки. Положеніе мое было самое глупое: вдругъ онъ застрѣлитъ меня, даже не сознавая этого, какъ давятъ букашку, случайно попавшую подъ ноги. Какой вздоръ! И хуже всего, что у меня не было ни малѣйшей возможности защищаться: мой дорожный револьверъ былъ спрятанъ далеко, въ чемоданѣ; бѣжать у меня не хватало рѣшимости,—я боялся сдѣлать хоть одинъ шагъ ему на встрѣчу или повернуться къ нему спиной. Меня окончательно подавила мысль, что у него есть еще четыре пули въ револьверѣ.

Раздался опять выстрѣлъ, зазвенѣло разбитое стекло. А затѣмъ наступила тяжелая, непріятная тишина. Я слышалъ удары своего сердца. Между двумя выстрѣлами промежутокъ былъ, конечно, не великъ, но мнѣ показалось, что прошло, по крайней мѣрѣ, нѣсколько минутъ. Въ это время масса самыхъ ничтожныхъ и ненужныхъ мыслей пришла мнѣ въ голову, и, странно, я до такой степени былъ занятъ ими, что почти не видѣлъ стрѣлявшаго въ меня Мохова. Вдругъ я вздрогнулъ, опомнился отъ щелканья курка по капсюлькѣ. Я понялъ, что всѣ заряды вышли, что я внѣ опасности, и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Выстрѣлы подняли на ноги всѣхъ въ гостинницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, коридоръ наполнился перепуганными людьми: сбѣжалась прислуга, явился хозяинъ въ одномъ бѣльѣ и въ какой-то ермолкѣ. Въ этомъ костюмѣ онъ поражалъ своимъ сходствомъ съ традиціоннымъ евреемъ, забавляющимъ публику по балаганамъ на Марсовомъ полѣ въ праздники и во время масляницы. Къ нему приставалъ съ разспросами авантюристъ-французъ, который долго не могъ уразумѣть, въ чемъ дѣло, и когда наконецъ понялъ, то выразилъ величайшее удивленіе и заявилъ, что непремѣнно напи-

Digitized by Google

шетъ объ этомъ интересномъ случаѣ въ парижскія газеты. Суса-ловъ, блѣдный, какъ полотно, растерянно повторялъ: «что теперь дѣлать, что дѣлать? Вѣдь, послѣ этого, варнака арестуютъ, непремѣнно арестуютъ». Съ перепугу всѣ говорили чуть не шопотомъ, и долго никто не рѣшался первымъ войти въ роковую комнату: отъ меня узнали, что у Мохова, кромѣ револьвера, былъ еще кинжалъ. Наконецъ, я открылъ дверь и поспѣшно вошелъ туда съ зажженной свѣчей. Какъ я ни былъ взволнованъ и разсерженъ предыдущей сценой, но картина, представившаяся глазамъ моимъ, заставила меня по неволѣ расхохотаться: револьверъ валялся на полу, рядомъ съ опрокинутымъ подсвѣчникомъ и потухшей свѣчей, а Моховъ спалъ мертвецкимъ сномъ, беззаботно развалясь на моей кровати. Заслышавъ мой смѣхъ, въ комнату юркнулъ хозяинъ и, ловко, какъ кошка, подкравшись, поспѣшно вытащилъ у Мохова изъ-за пояса кинжалъ. Затѣмъ герой происшествія былъ вынесенъ прислугой на рукахъ, съ должнымъ почтеніемъ, которое онъ успѣлъ имъ внушить своими «молодецкими» подвигами.

XI.

На другой же день, утромъ, я, съ разрѣшенія капитана, перебрался на отправляющійся пароходъ. Я разстался съ моими героями не безъ удовольствія, не выжидая даже развязки ихъ отношеній. Послѣдній скандалъ переполнилъ, наконецъ, чашу терпѣнія: надоѣли они мнѣ страшно своими безобразіями. Я счелъ безполезнымъ жаловаться полиціи на причиненное мнѣ безпокойство:—зачѣмъ доставлять людямъ лишній случай сорвать взятку и замять дѣло, и что̀ значитъ одинъ подобный случай въ жизни города Загорска?

Уѣзжая, я испыталъ живѣйшее чувство радости, словно выпущенный изъ тюрьмы. Погода была свѣтлая, тихая. Пароходъ быстро скользилъ внизъ по широкой многоводной рѣкѣ. Прекрасны въ эту пору берега Амура; много воды, много зелени, много свѣта, простора; гористая мѣстность представляетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ, величественныхъ ландшафтовъ. Я вышелъ на рубку парохода и долго любовался на городъ, исчезавшій въ прозрачной розоватой дымкѣ тихаго весенняго вечера; на горы, то поднимающіяся крутымъ обрывомъ надъ зеркальной поверхностью воды, то убѣгающія вдаль громадной блѣдно-голубой цѣпью; на цвѣтущія роскошныя долины.

— Здравствуйте!—раздался вдругъ надъ моимъ ухомъ знакомый голосъ.

Digitized by Google

Я съ удивленіемъ оглянулся — Моховъ! Какъ онъ попалъ на пароходъ? Въ минуту отъѣзда его не было видно. Я предполагалъ, что онъ непремѣнно томится теперь въ бѣлой горячкѣ, но онъ видимо оправился послѣ недавнихъ излишествъ; былъ совершенно трезвъ, одѣтъ хорошо, имѣлъ вполнѣ приличный видъ, и только нѣкоторая блѣдность указывала на недавнія похожденія.

— Кажется, я васъ вчера пугнулъ немного? Такая ужь у меня скверная привычка,—какъ выпью, сейчасъ кинжалъ и револьверъ за поясъ, да и пошелъ... А отъ этого большія непріятности происходятъ.

— Да, очень скверная привычка!—согласился я.

Меня возмутило его спокойствіе. Человѣкъ чуть не застрѣлилъ меня, какъ зайца, да еще говоритъ объ этомъ самымъ спокойнымъ тономъ, даже не считаетъ нужнымъ извиниться, какъ будто онъ—воплощенная невмѣняемость, и все ему дозволено.

— Правда ли, что вы человѣка однажды застрѣлили? — спросилъ я его, желая хоть немного смутить.

— Что, это вамъ про меня Сусаловъ наговорилъ? Онъ радъ меня очернить,—отвѣчалъ Моховъ, и тутъ не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія.

— Такъ, значитъ, это не правда?

— Нѣтъ, правда... и все отъ моей беззаботности... Была у меня, лѣтъ 8 тому назадъ, еще на пріискахъ, славная одна бабенка. Вотъ пріѣзжаю я однажды къ ней вечеромъ. Мужъ ея ужь такъ былъ пріученъ:—какъ только я на порогъ, онъ сейчасъ, безъ лишнихъ разговоровъ, въ кабакъ отправляется... Ну, а тутъ почему-то заартачился; пьянъ былъ, да еще съ товарищами сидѣлъ, такъ при нихъ не хотѣлъ, видно, срамиться.—«Пошелъ вонъ»,—говорю ему.—А онъ мнѣ въ отвѣтъ даже выругался: «я дома, а ты чего ко мнѣ лѣзешь»?—Вотъ тутъ вынулъ я револьверъ, пригрозить ему хотѣлъ только. — «Вонъ, говорю, а то на мѣстѣ уложу». — «Не смѣешь»!—«Молчать... убью»! А онъ все свое твердитъ: «не смѣешь, живо тебя за это скрутятъ». Озлился я и хватилъ его. Не шелохнулся даже,—какъ подкошенный, упалъ. Тысячъ пять стоило замять это дѣло.

Во время этого разсказа, я съ любопытствомъ созерцалъ Мохова и—долженъ сознаться—не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшей тѣни раскаянія въ томъ, что онъ совершилъ убійство. Скорѣе онъ хвастался: вотъ, дескать, что́ я продѣлывалъ и какъ ловко изъ бѣды выпутывался. Что-то даже въ родѣ презрительной улыбки появилось на его губахъ при воспоминаніи объ уплаченныхъ за безнаказанность пяти тысячахъ. Онъ нисколько не стѣснялся разсказывать

Digitized by Google

про это грязное дѣло, зная, что откровенность въ этомъ случаѣ не можетъ уже повредить ему.

— Надо просто удивляться,—продолжалъ я язвить его,—какъ это вамъ все удается. Долженъ вамъ сказать откровенно, что не понимаю, какъ это вамъ теперь удалось такъ легко выѣхать изъ Загорска, особенно послѣ вчерашняго происшествія.

— Ну, на этотъ счетъ я человѣкъ опытный, заранѣе сто рублей полицейскимъ пожертвовалъ, чтобы сквозь пальцы смотрѣли, если что такое случится. Да и Сусаловъ тоже постарался: послѣ выстрѣловъ, сейчасъ побѣжалъ въ полицію хлопотать, чтобы меня не безпокоили. Очень ужь испугался, что меня арестуютъ, а того не сообразилъ, что для него хуже, если я безъ него уѣду!—самодовольно захохоталъ Моховъ.

Какъ видно, мои намеки дѣйствовали на него также, какъ булавочные уколы на слона.

— Такъ, значитъ, вы совсѣмъ съ нимъ разстались?—полюбопытствовалъ я.

— Да надоѣлъ онъ мнѣ: скряга! деньги просто вышибать изъ него приходилось. Все только и думаетъ, какъ бы поживиться на счетъ другихъ; хорошаго расположенія къ людямъ не имѣетъ. Ругалъ ужь я его, ругалъ, да и надоѣло: все готовъ перенести, хитрецъ, а потомъ изподтишка нагадитъ въ отместку. Нельзя съ нимъ дѣла имѣть. Вотъ я его и бросилъ.

— Ну, вамъ-то, кажется, на него нельзя пожаловаться.

— А вы знаете наше дѣло?—спросилъ онъ.

— Знаю, Сусаловъ мнѣ все сказалъ. Вы съ нимъ хорошее условіе заключили.

— А что, развѣ дурно написано? Ничего онъ мнѣ по этому условію не сдѣлаетъ.

— Да, вы все хорошо обставили,—долженъ былъ я согласиться,—но между нами: скажите откровенно, дѣйствительно ли вы открыли пріискъ?

— А, это секретъ... Послѣ узнаете. Покойной ночи,—прервалъ онъ непріятный разговоръ.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Только привычный глазъ рулеваго могъ различать неясныя очертанія далекихъ береговъ.

XII.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ благополучнаго плаванія, рано утромъ, пароходъ присталъ у китайскаго или, вѣрнѣе, манджурскаго города «Айгунъ» для нагрузки зернового хлѣба. Я удивился, когда

Digitized by Google

узналъ про это: въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что мы покупаемъ у китайцевъ не только чай и шолковыя ткани, но даже хлѣбъ и мясо.—«Безъ этихъ азіатовъ мы бы здѣсь съ голоду померли», отвѣчалъ на мой вопросъ капитанъ парохода.—«Ну, а въ случаѣ войны съ ними—что мы будемъ дѣлать»? «Да какъ нибудь обойдемся: русскій человѣкъ все преодолѣваетъ. То ли еще бывало. Вотъ, напр., во время севастопольской кампаніи, когда наши войска пробирались по этой странѣ въ стужу, тайгой, на защиту восточныхъ береговъ,—голодъ въ отрядѣ дошелъ до того, что мясомъ покойниковъ питались. Ничего, какъ есть, не было припасено».

— Ну, ужь этому позвольте не повѣрить!—воскликнулъ я.

— Какъ хотите, — возразилъ онъ мнѣ,—но только здѣсь это дѣло хорошо извѣстно. Еще очевидцы живы, да я самъ одного такого отставнаго солдата видѣлъ, который съ ужасомъ вспоминалъ бывальщину.

«Вотъ такъ снбирская Аркадія!—подумалъ я: — эдакая, вѣдь, беззаботность и непредусмотрительность во всемъ! Вѣдь что такое китаецъ въ сравненіи даже съ амурскимъ казакомъ? Совсѣмъ отсталый человѣкъ, варваръ, азіатъ, а между тѣмъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ образцомъ культурности является, онъ—кормилецъ! Просто обидно».

Я вышелъ на рубку парохода и созерцалъ въ бинокль городъ Айгунъ, съ перваго же взгляда поразившій меня своимъ сходствомъ съ муравейникомъ. Дома небольшіе, деревянные, потемнѣвшіе отъ времени и точно по мѣркѣ построенные. Даже храмы немного лишь возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Въ большомъ городѣ, съ двумя-тремя десятками тысячъ жителей, нѣтъ ни одного выдающагося каменнаго строенія, ни одной башни. Даже крѣпость—деревянная, словно игрушечная. Улицы чрезвычайно узкія, правильныя, а по нимъ, точно муравьи, суетятся люди. Жизнь хлопотливая, трудолюбивая, такъ и кипитъ. Совсѣмъ муравейникъ! Очень мнѣ хотѣлось поближе взглянуть на него, но я не рѣшался идти одинъ.

— Пойдемъ азіатовъ смотрѣть,—весьма кстати предложилъ Моховъ, вышедшій въ это время на палубу.

Хотя въ своихъ скитаніяхъ по свѣту я вдоволь насмотрѣлся на всякихъ людишекъ и научился снисходительно относиться къ ихъ слабостямъ, однако я не сразу принялъ предложеніе Мохова. Не внушалъ онъ мнѣ большаго довѣрія, но изъ любопытства я рѣшился послѣдовать за нимъ.

— Я этотъ народецъ знаю,—болталъ онъ, пока мы сходили на

Digitized by Google

берегъ:—я жилъ въ Ханькоу [1]), немножко даже говорю по ихнему.

— Долго вы прожили тамъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, всего два мѣсяца. Ѣздилъ больше ради потѣхи, съ однимъ знакомымъ чайнымъ торговцемъ. Ну, и насмѣялись же мы тогда вдоволь, глядя на этихъ лупоглазыхъ, — болталъ мой спутникъ.

Мы шли по гостинным рядамъ, и Моховъ, точно ребенокъ, то и дѣло выкидывалъ какую нибудь проказу: дѣлалъ странные жесты, говорилъ какія-то смѣшныя слова, отъ которыхъ чинные китайцы приходили въ самое веселое расположеніе духа. Даже степенные купцы не безъ удовольствія скалили свои бѣлые зубы, причемъ ихъ типическія лица удивительно напоминали облики древнихъ фараоновъ, какъ они изображаются на картинкахъ.

Къ моему удивленію, китайцы нисколько насъ не дичились, смотрѣли даже довольно дружелюбно. Надо полагать, привыкли они къ посѣщеніямъ русскихъ. Одна сильно раскрашенная манджурская красавица, съ подведенными бровями, даже закричала намъ: «Анда (другъ), поди сюда» и нисколько не сконфузилась, когда Моховъ сталъ ее разсматривать въ упоръ. Оба захохотали. Насилу я увелъ моего спутника. Вскорѣ мы достигли ограды крѣпости; она представляла цѣлый лабиринтъ гнилыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, мѣстами даже покривившихся, подобно заборамъ въ нашихъ заброшенныхъ уѣздныхъ городкахъ. На одномъ изъ обширныхъ дворовъ помѣщалась тюрьма—жалкая постройка съ досчатыми стѣнами, немного больше любой крестьянской избы. Три арестанта, въ тонкихъ, чуть не проволочныхъ кандалахъ, гуляли безъ всякаго присмотра по двору.

— Ну, не дураки ли? Чего они здѣсь сидятъ? Послушай, братъ, хочешь, я тебя на волю выпущу?—обратился Моховъ къ одному изъ нихъ и рванулъ цѣпь сильною рукою.

Арестантъ перепугался, даже закричалъ.

— Не хочешь? ну, какъ хочешь, братъ!—замѣтилъ Моховъ преспокойно.—Сиди здѣсь, если ты такой дуракъ; сиди, пока тебя не выдерутъ. У нихъ обыкновенно заключенныхъ чуть не еженедѣльно дерутъ,—пояснилъ онъ мнѣ.

И, дѣйствительно, всякія «воздѣйствія» тамъ въ большомъ ходу. Не долго мы пробыли въ городѣ Айгунѣ и, однако, натолкнулись на отвратительную сцену. Въ одномъ изъ крѣпостныхъ четырехъугольниковъ, посреди обширной пустой площади, наказывали какого-то вора. При экзекуціи присутствовало всего лишь нѣ-

[1]) Гонконгъ.

Digitized by Google

сколько человѣкъ. Упругій бамбукъ, разгибаясь, свистѣлъ въ воздухѣ. Исполнявшій роль палача—тощій монголецъ — отмѣривалъ удары, точно аптекарь лѣкарство, не торопясь, внимательно, всласть. Къ моему удивленію, далеко не мягкосердый Моховъ вознегодовалъ, заругался и даже схватилъ за рукавъ одного китайца, убѣждая его прервать безпощадное избіеніе.

— Нѣй-ть, нѣй-ть, — отвѣчалъ тотъ степенно и невозмутимо, ломанымъ русскимъ языкомъ:—надо все давай».

Свистъ бамбуковой трости продолжался. Мы поспѣшили уйти. Моховъ долго не могъ успокоиться:

— Дураки! Гдѣ это видано, чтобы такъ человѣка бить?. Нравъ у нихъ дурацкій: преступниковъ рѣжутъ, какъ барановъ, тупымъ небольшимъ ножемъ; отогнетъ палачъ голову и пилитъ-пилитъ, пока горло не перерветъ. А за отцеубійство такъ на сто частей живьемъ человѣка разрѣзываютъ по жребію: на листочкахъ написано—носъ, глаза, уши... вытащитъ палачъ листикъ съ надписью: носъ,—рѣжетъ носъ и тутъ же по порядку раскладываетъ, пока всего человѣка не искрошитъ на мелкіе куски, а народъ стоитъ кругомъ и злобно гогочетъ... Самъ видѣлъ. Дураки, дураки!

Незамѣтно мы прошли наудачу нѣсколько пустыхъ дворовъ, огороженныхъ частоколомъ, и очутились, наконецъ, на какой-то улицѣ. Изъ ближайшаго дома до насъ доносился стукъ молотковъ и шумъ кузнечныхъ мѣховъ. Мы заглянули въ открытую настежь дверь. Нѣсколько довольно рослыхъ китайцевъ, съ грубыми, покрытыми сажей, лицами, въ жалкихъ рубищахъ и въ оригинальныхъ соломенныхъ шляпахъ, небольшими молотами ковали раскаленное желѣзо. Они такъ были поглощены своею работою, что лишь мелькомъ взглянули на насъ. Напрасно Моховъ пытался вступить съ ними въ объясненія. Такъ и видно было, что люди хлопочутъ, какъ муравьи, что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ этого общаго муравьинаго дѣла,—ни любопытства, ни желанія покалякать между дѣломъ, подобно нашимъ рабочимъ. Мы поглядѣли-поглядѣли на нихъ и пошли дальше. Среди деревьевъ, разбросанныхъ группами, возвышались небольшіе домики и пагоды. Изъ одного домика, словно изъ улья, доносилось мѣрное жужжанье. Подойдя ближе, мы разслышали звонкіе дѣтскіе голоса.

— Зайдемъ. Вѣрно, школа,—сказалъ Моховъ.

Старый китаецъ, учитель, читавшій что-то пѣвучимъ голосомъ по большой, потемнѣвшей отъ времени, книгѣ, при нашемъ входѣ всталъ, закрылъ книгу и, не говоря ни слова, слегка лишь кивнувъ намъ головою, удалился. Дѣти, повторявшія на распѣвъ его слова, примолкли и съ любопытствомъ уставились на насъ. Я не

Digitized by Google

замѣтилъ въ нихъ ни малѣйшаго страха, какой, напр., обнаруживаютъ при видѣ незнакомаго человѣка крестьянскіе ребятишки; напротивъ, ихъ живые, темные глазёнки такъ и бѣгали, такъ и искрились беззаботнымъ лукавствомъ; одѣты они, какъ взрослые, и даже шапочки ихъ были украшены, точно у мандариновъ, шариками, обозначавшими, вѣроятно, званіе ихъ родителей или ихъ собственные успѣхи въ школѣ. Мы не разговаривали, а только смѣялись, и, однако, отлично понимали другъ друга; я угостилъ ихъ найденными въ карманѣ конфектами, и черезъ двѣ-три минуты мы уже были друзьями. Они обступили насъ; нѣкоторые, посмѣлѣе, засовывали даже руки въ мои карманы, съ любопытствомъ разсматривали мои часы и платье. Они отлично поняли, что мы пріѣзжіе,—интересуемся все видѣть, высмотрѣть, и одинъ, особенно бойкій, прехорошенькій мальчуганъ протянулъ намъ ладонь, знаками давая понять, что онъ готовъ быть нашимъ проводникомъ за приличное вознагражденіе. Получивъ еще горсть конфектъ и нѣсколько серебряныхъ монетъ, дѣти окружили насъ шумной ватагой и повели въ кумирню, возвышавшуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ школы.

Вѣроятно, это былъ буддійскій храмъ, потому что на лицахъ боговъ блуждала безсмысленная, не то восторженная, не то отчаянная улыбка, вызванная мечтою о Нирванѣ. Въ преддверіи стояло шесть идоловъ, по три съ каждой стороны. Дальше мы увидѣли цѣлый сонмъ вылѣпленныхъ изъ глины, изваянныхъ изъ камня и отлитыхъ изъ серебра и бронзы боговъ, надъ единственнымъ жертвенникомъ у стѣны, напротивъ дверей. Внутри храма царили таинственный полумракъ и тишина. Дѣти перестали смѣяться и щебетать, лица ихъ приняли важный видъ. Храмъ стоялъ особнякомъ; простыя досчатыя двери были не заперты и настолько ветхи, что разломать ихъ не стоило большаго труда. Однако же, никто и не думалъ стеречь святыню отъ дерзкой руки. Я осмотрѣлся. Убранство самое простое, стѣны даже не выкрашены. Подойдя къ жертвеннику и опустивъ руку въ стоящую на немъ урну, я вытащилъ оттуда тоненькую продолговатую дощечку, испещренную китайскими буквами, но сейчасъ же бросилъ обратно, потому что дѣти испустили при этомъ единодушный крикъ ужаса и замахали руками. Моховъ, смѣясь, объяснилъ мнѣ, что на дощечкахъ начертана воля боговъ, и что лишь рука ламы дерзаетъ опускаться въ таинственную урну. Я замѣтилъ, что при этомъ онъ смѣялся какъ-то принужденно, повертѣлся еще около жертвенника и вдругъ началъ меня торопить поскорѣе на пароходъ.

— Насмотрѣлись, будетъ съ насъ. Пойдемъ, пора, а то неравно еще опоздаемъ; не стоитъ съ этими азіатами здѣсь проклажаться.

Digitized by Google

Мы дружески простились съ бойкими ребятами и направились къ амурскому берегу. Не успѣли мы пройти и пятисотъ шаговъ, какъ Моховъ вдругъ опять расхохотался. Я полюбопытствовалъ узнать, что съ нимъ дѣлается. Вмѣсто отвѣта, онъ вытащилъ изъ-подъ полы пальто небольшое каменное изваяніе и опять быстро его спряталъ. Я сначала не понялъ даже, въ чемъ дѣло. Онъ продолжалъ смѣяться самымъ беззаботнымъ образомъ.

— Что вы? откуда... взяли?!—воскликнулъ я наконецъ, прозрѣвъ и не на шутку испугавшись:—что вы надѣлали?! Сейчасъ отнесите назадъ!

— Вотъ еще! Съ ума я сошелъ, что ли, туда-то нести: тамъ меня прибьютъ, какъ замѣтятъ. Нѣтъ, лучше я этого болванчика въ музей подарю; пусть люди смотрятъ, удивляются на него, и будутъ мнѣ благодарны. А что, ловко?—самодовольно захохоталъ онъ.

Дѣйствительно, ловко! Теперь только я понялъ, почему онъ такъ принужденно смѣялся въ храмѣ и старался больше держаться позади меня. Я былъ очень встревоженъ и разсерженъ. Надо было поскорѣе уходить на пароходъ. Я дрожалъ при мысли, что насъ застигнутъ съ похищеннымъ богомъ.

— Пустяки,—успокоивалъ меня Моховъ:—въ китайскихъ портахъ сколько угодно такихъ же боговъ можно купить.

Но мнѣ было все таки не по себѣ. А мой веселый спутникъ хоть бы что—шелъ медленно, беззаботно, оглядывался по сторонамъ, по прежнему подшучивая надъ встрѣчными китайцами. Подошли мы къ одному дому, огороженному частоколомъ и окруженному довольно глубокимъ рвомъ. На небольшомъ мостикѣ у воротъ стояло что-то въ родѣ стражи, на видъ тѣ же штатскіе китайцы, но вооружены пиками и какимъ-то страннымъ, смѣшнымъ оружіемъ, состоящимъ изъ длиннаго шеста съ небольшой доской на концѣ, покрытой острыми гвоздями. У одного китайца, одѣтаго также просто, какъ и другіе, на шапочкѣ красовались шарики. Это былъ начальникъ караула. Онъ говорилъ немного по русски; и отъ него мы узнали, что здѣсь живетъ самъ амбани.

— А мы въ гости пришли къ нему, хотимъ женъ его посмотрѣть, — заявилъ неугомонный Моховъ и направился было во дворъ.

— Амбани сердита,—загородилъ ему дорогу начальникъ караула.

— Я то же, братъ, сердита,—толкнулъ его Моховъ.

Начался споръ. Напрасно я старался образумить и увести своего спутника. Онъ не привыкъ встрѣчать препятствій своему

Digitized by Google

праву, закричалъ, заругался, порываясь впередъ, и чуть не сшибъ съ ногъ караульнаго. «Быть бѣдѣ,—подумалъ я съ замираніемъ сердца.—Надо подальше!» Не успѣлъ я отойти и 20 шаговъ, какъ за мной раздался крикъ. Я невольно оглянулся. Моховъ съ остервененіемъ крошилъ наступавшихъ на него азіатовъ, стараясь вырвать у нихъ выпавшаго на землю, во время свалки, украденнаго бога, а издали я увидѣлъ бѣжавшую съ криками толпу ребятишекъ и школьнаго учителя во главѣ ея.

Сознаюсь, при этомъ зрѣлищѣ, сердце у меня дрогнуло, и, не думая нисколько о томъ, какъ постыдно бросать своего спутника на произволъ судьбы въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, я чуть не кубаремъ скатился съ довольно крутаго обрыва на песчаный берегъ Амура и что̀ есть мочи побѣжалъ по направленію къ дымившемуся издали пароходу, съ усиліемъ выдергивая ноги изъ глубокаго сыпучаго песку.

Я успѣлъ какъ разъ во̀-время. Пароходъ отчаливалъ. Раздался послѣдній свистокъ.—Я вбѣжалъ на рубку къ капитану и просилъ его остановить пароходъ въ ожиданіи моего спутника. Но я опоздалъ; приказаніе было уже отдано.—Вода зашумѣла подъ колесами. Засуетились матросы.

— А развѣ вы не вмѣстѣ вернулись?—удивился капитанъ.

Я рѣшился разсказать ему про постигшее насъ несчастіе и просить, нельзя ли какъ нибудь вернуться и выручить Мохова.

— Поздно сказали. Да и не охота въ дѣло ввязываться: намъ то что? Пусть онъ и расхлебываетъ кашу, которую самъ заварилъ. Да-съ, невкусная каша вышла! Но ничего—урокъ... Убить его китайцы не посмѣютъ,—граница близко,—а бока намнутъ, это точно. Вещи его надо сдать на ближайшей пристани на сохраненіе, до востребованія. Однако, шутникъ же вашъ товарищъ: эдакую штуку удралъ!..

Больше я не встрѣчался съ Моховымъ.

XIII.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже въ сентябрѣ, я сѣлъ на одинъ купеческій пароходъ, отправлявшійся вверхъ по Амуру. Въ теченіе одного лѣта, проведеннаго въ сибирской Аркадіи, мнѣ пришлось испытать столько новыхъ и странныхъ впечатлѣній, что я совершенно забылъ про нашихъ знакомцевъ. Поэтому я очень удивился, когда одинъ изъ пассажировъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку. Это былъ Сусаловъ. Я насилу узналъ его, до того онъ перемѣнился: исхудалъ, посѣдѣлъ, осунулся. Глаза его были воспа-

Digitized by Google

лены, взоръ блуждалъ, какъ у маньяка. Онъ даже говорилъ словно не своимъ голосомъ.

— Ну, что, какъ дѣла?—спросилъ я его.

— Эхъ, не говорите—много я за это время всякихъ трудовъ и непріятностей перенесъ. Ѣздилъ, знаете, на то мѣсто, указанное этимъ...

Онъ поперхнулся даже, лицо его исказилось страшной злобой, дыханіе сперлось.

— Знаю, знаю,—поспѣшилъ я его успокоить и облегчить неловкое объясненіе.—Ну, и что же, нашли?

— Мѣсто-то я какъ будто и нашелъ, да золота—будь онъ проклятъ—не могъ отыскать. Сколько шурфовъ выбилъ—напрасно! А что золото тамъ есть, это вѣрно. По мѣсту видно. Только на жилу настоящую не могъ попасть. Такое ужь мое счастье! И до сихъ поръ не пойму я, почему это онъ мѣста настоящаго не захотѣлъ указать. Я бы ему все простилъ, я бы его облагодѣтельствовалъ. А то—и меня какъ есть разорилъ, да и себя погубилъ, варнакъ!

— Какъ же онъ себя-то погубилъ?—спросилъ я, надѣясь услышать развязку извѣстнаго скандала въ городѣ Айгунѣ.

— А вотъ, какъ ушелъ онъ отъ меня,—совсѣмъ послѣ этого замотался. Другаго предпринимателя не успѣлъ сейчасъ найти, пріиски на себя заявить—средствъ не хватило. Спустилъ онъ послѣднія денежки,—ѣздилъ по Амуру и съ пассажирами на пароходахъ въ карты игралъ да пьянствовалъ. Многимъ онъ карманы обчистилъ. Однако, вышла у него драка съ пассажирами... Силу и нравъ его, чай, знаете... До того дошло, что его тутъ же съ чемоданчикомъ на берегъ высадили...

— Да вы это почемъ знаете, гдѣ именно его высадили?—удивился я, что Моховъ такъ ловко выпутался изъ своего критическаго положенія въ китайскомъ городѣ и еще успѣлъ послѣ этого опять напроказить.

Сусаловъ, повидимому, ничего не зналъ про похожденія своего врага въ Айгунѣ, и я промолчалъ о нихъ, не желая подвергаться непріятнымъ разспросамъ.

— Случилось это съ нимъ у Зеленаго острова,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—знаете Хинганъ? Тамъ и высадили разбойника. Это вѣрно. Мнѣ разсказывалъ знакомый, видѣвшій все дѣло.

— Да вѣдь это почти все равно, что убить человѣка!—воскликнулъ я въ негодованіи.

Я зналъ Хинганъ; случалось мнѣ тамъ охотиться. Это самое глухое мѣсто на Амурѣ: горы да лѣсъ первобытный, изрѣдка лишь пересѣченный тропинками, но и тѣ вьются по такимъ крутизнамъ

Digitized by Google

и дебрямъ, что пробраться по нимъ не легко, да и проложены онѣ больше дикими звѣрями, расхаживающими тамъ цѣлыми стаями. Тамъ даже дикіе кабаны и медвѣди дрожатъ за свое существованіе, потому что за ними охотится грозный тигръ.

— Ну, что жь, что гибель?—отвѣчалъ мнѣ Сусаловъ:—такъ ему и надо, собакѣ. Собакѣ собачья и смерть.

— Ну, онъ все таки не былъ настолько дурнымъ человѣкомъ, чтобы отдавать его на съѣденіе дикимъ звѣрямъ,—вступился я за Мохова.

— Ничего, цѣлъ останется! не безпокойтесь,—вмѣшался въ нашъ разговоръ одинъ изъ пассажировъ.—У насъ это не впервые: чуть что—сейчасъ на берегъ выбрасываютъ. Тутъ былъ одинъ артистъ, капитанъ компанейскаго парохода, такъ тотъ разъ высадилъ двоихъ пассажировъ за то, что неудовольствіе на буфетъ заявили. Не нравится, дескать, такъ ступайте себѣ съ Богомъ по бережку. А то еще купецъ Пасынковъ—чудакъ! Согласился онъ взять на свой пароходъ одного пассажира, вотъ, примѣрно, какъ насъ теперь взяли за деньги, а тоже какъ будто изъ милости:—не обязаны, дескать, мы возить пассажировъ, потому пароходъ купеческій, а беремъ потому—что на то наша добрая воля. Ну-съ, вотъ, какъ на зло, пароходъ-то Пасынкова на мель и сѣлъ. Хозяинъ кричитъ, ругается, и вдругъ слышитъ—кто-то на флейтѣ играетъ, да весело таково. «Кто это, говоритъ, смѣетъ здѣсь играть? надо мной смѣяться»?—«Это пассажиръ»,—отвѣчаютъ.—«Высадить его»,—оретъ,—«сейчасъ высадить». Пассажиръ къ нему: «помилуйте, что же я на пустынномъ берегу буду дѣлать,—пропаду! Помилуйте»! «Знать ничего не хочу—говоритъ:—мой пароходъ сѣлъ на мель. Я огорченъ, а вы тутъ веселитесь, играете себѣ, и горя моего раздѣлять не хотите. Ну, такъ и я васъ знать не хочу. Эй, ребята, высадить его!»—Ну, и высадили, какъ тотъ ни молилъ. Такъ-то.

— Ну, а куда же вы теперь?—спросилъ я у Сусалова:—вѣрно, домой? Давно вѣдь семьи не видѣли. Жена, должно быть, ждетъ васъ, не дождется?

— Нѣтъ, теперь еще не могу: тутъ у меня дѣло одно предвидится,—отвелъ онъ меня въ сторону и зашепталъ таинственно:—я вамъ могу сказать откровенно: вы золота не ищете и мнѣ не помѣшаете. Такъ вотъ я провѣдалъ, что близъ Албазина орочень одинъ золото большими кусками за безцѣнокъ продаетъ,—говоритъ, что въ рѣкѣ одной его много. Извѣстно, дикарь скитается по тайгѣ и знаетъ всѣ настоящія мѣста; за ведро водки богатѣйшіе пріиски откроетъ. Вотъ ѣду этого самаго орочена разыскивать. Такъ и чувствую, что тутъ мое счастье! На дняхъ даже сонъ удивительный

Digitized by Google

видѣлъ: приснилось мнѣ, будто выхожу я на лугъ, а на лугу стадо барановъ пасется, большихъ, лохматыхъ такихъ. Сталъ я ихъ ловить и рѣзать, цѣлую груду ихъ уложилъ, а кровь такъ и льется, и весь я въ крови, и по зеленой травѣ течетъ кровь. А? Какъ вы про этотъ сонъ полагаете?

— Да что жь тутъ полагать?—отвѣчалъ я въ недоумѣніи.

— Какъ что?! А кровь-то! Ужь это къ добру сонъ, я знаю,— проговорилъ онъ убѣжденно.

Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на его осунувшееся лицо: откуда и суевѣріе взялось! Сибиряки вообще отличаются здравомысліемъ и сообразительностью, но, видно, Сусаловъ совсѣмъ рехнулся отъ неугомонной, болѣзненной мысли о золотѣ и легкой наживѣ...

С. Годлевскій.

Digitized by Google

Раздумье.

Изнемогъ я отъ золъ и тревогъ суеты,
Я усталъ отъ житейскаго шума,
И не грѣютъ мнѣ грудь, какъ бывало, мечты,—
Давитъ сердце тяжелая дума.

Ты исчезнулъ, мой май! Вслѣдъ за блескомъ весны,
Протекло и сіяніе лѣта,
И померкли въ душѣ лучезарные сны—
Вдохновенныя грёзы поэта.

Безъ надежды борюсь, безъ надежды живу;
Надломились душевныя силы;
И не въ грёзахъ, какъ встарь,—вижу я наяву,
Вижу призракъ идущей могилы.

Тяжело на душѣ... Чѣмъ мнѣ жизнь помянуть?
Протекла ты ничѣмъ несогрѣтой.
Только пѣсни мнѣ жаль, озарявшей мой путь,
Жаль мнѣ пѣсни моей недопѣтой.

Этой пѣсней дышалъ, этой пѣсней я жилъ;
Средь тревогъ, средь борьбы, средь разгула,
Въ нѣдрахъ сердца ее, какъ святыню, хранилъ,—
Но и пѣсня меня обманула.

Что же медлитъ судьба? Догорайте, огни!
Сниметъ смерть непосильное бремя.
Тяжелы эти дни, безотрадные дни...
О, лети, быстрокрылое время!

П. Тулубъ.

Digitized by Google

ЭПОХА УВЛЕЧЕНІЙ.

(Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца).

XII.

Имя Гарибальди было давно популярно въ Одессѣ. Знаменитый итальянскій патріотъ, еще въ сороковыхъ годахъ, приходилъ простымъ шкиперомъ на парусномъ суднѣ въ Таганрогъ и Одессу. Послѣ взятія Палермо и Неаполя, слава его распространилась повсюду. Въ Одессѣ не только иностранцы, но и русскіе возвели его на пьедесталъ героя. Передъ римской экспедиціей, въ Одессѣ публика сильно волновалась. Не только итальянскіе банкиры, но и англійскіе, греческіе и нѣмецкіе весьма сочувственно отнеслись къ предполагаемой экспедиціи. Сами давали деньги и въ своихъ конторахъ открыли подписки на дѣло великаго итальянскаго патріота; о маленькомъ людѣ и говорить нечего: писаря, комисіонеры, повара, лакеи прямо записывались въ гарибальдійскій легіонъ. Мнѣ совсѣмъ не трудно было выполнить здѣсь возложенную на меня миссію; желающихъ поступить въ гарибальдійскій легіонъ оказалось множество. Кромѣ итальянцевъ, были греки, русскіе и славяне, всѣхъ набралось около ста человѣкъ. Одесскіе добровольцы предполагались въ команду къ Менотти Гарибальди. До Галаца я плылъ съ ними вмѣстѣ, а изъ Галаца, чтобы не подать подозрѣнія, партія разбилась на части и уже заняла мѣста на различныхъ парусныхъ судахъ и пароходахъ. Изъ Галаца я поѣхалъ черезъ Базьяжъ въ Вѣну, Венецію и сѣверную Италію. Желая заняться вербовкой итальянцевъ и славянъ, я остановился на нѣкоторое время въ Вѣнѣ; но здѣсь уже были приняты мѣры противъ меня со стороны австрійской полиціи, и я не могъ сдѣлать шага изъ гостинницы безъ провожавшихъ меня переодѣтыхъ шпіоновъ. На третій день по пріѣздѣ моемъ въ столицу Австріи, я получилъ по городской почтѣ письмо отъ неизвѣстныхъ, которые заклинали меня именемъ великаго Гарибальди оставить Австрію, такъ какъ правительство рѣшило меня арестовать. Я послушался благоразумнаго совѣта и, на другой же день по полученіи письма, выѣхалъ изъ Вѣны въ Венецію. Пробывъ нѣсколько дней въ Венеціи,—тогда уже начинавшей оживать послѣ австрійскаго ига,—для формированія легіона, я отправился далѣе, въ Миланъ и Флоренцію, съ той же цѣлью. Людей оказалось достаточное количество, но оружія было мало: Далеко не всѣ легіонеры имѣли нарѣзныя ружья новой системы; большинство ихъ было

Digitized by Google.

вооружено гладкоствольными ружьями стараго калибра, револьверами и ножами. Во Флоренціи я узналъ пріятную новость:—главному революціонерному комитету удалось переслать въ Римъ большую партію ружей новой системы для раздачи ихъ гражданамъ. Рѣшено было произвести возстаніе одновременно въ двухъ мѣстахъ: въ самомъ Римѣ и со стороны Понте-Глори; къ сожалѣнію, этотъ проэктъ не удался и весь складъ оружія достался въ руки папской полиціи, что и было одною изъ самыхъ главныхъ причинъ неудачи римской экспедиціи. Но объ этомъ ниже. Въ сѣверной Италіи я узналъ, что Гарибальди, по распоряженію правительства, арестованъ. Повторилась та же исторія, которая произошла шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ Аспромонте. Народъ возсталъ открыто. Вездѣ стали устраиваться экстраординарные митинги. Флоренція, Миланъ, Туринъ, Генуя, Болонья, Неаполь, Палермо, Ливорно и пр. страшно волновались; народъ открыто на площадяхъ укорялъ правительство за его черную неблагодарность къ первому итальянскому герою и патріоту. Вся лѣвая сторона парламента, безъ исключенія, заявила формальный протестъ правительству. Депутаты: Кайроли, Криспи, Никотера (впослѣдствіи министры), Фабрицци, настоятельно требовали отъ правительства—немедленно освободить Гарибальди. На этотъ разъ арестъ знаменитаго патріота произвелъ прямо революцію и ускорилъ римскую экспедицію, приготовленія къ которой дѣлались до сихъ поръ болѣе или менѣе втайнѣ. Но, благодаря безтактности министра Ратацци, эти приготовленія стали явными и, конечно, значительно увеличили партію гарибальдійцевъ. Народъ охладѣлъ къ своему кумиру, Виктору-Эммануилу. Ореолъ съ него былъ снятъ и симпатія народная уже не возобновлялась къ нему до самой его смерти. Только буржуазія осталась ему вѣрна, да партія, извѣстная въ Италіи подъ названіемъ i moderati. Папскіе и французскіе шпіоны слѣдили за движеніемъ и, конечно, принимали свои мѣры. Первые сообщали всѣ новости кардиналу Антонелли, а вторые—императрицѣ Евгеніи. Говорили, что супруга императора французовъ уполномочила своихъ агентовъ писать ей прямо, на ея имя, въ тюльерійскій дворецъ, о всѣхъ затѣяхъ *разбойника* Гарибальди. Отсюда, какъ говорится, сыръ-боръ и загорѣлся. Джузеппе Гарибальди былъ арестованъ. Повторяю—только чудомъ и благодаря честному Гарибальди, не разразилась революція въ цѣломъ королевствѣ; правительство впослѣдствіи увидѣло всю безтактность своихъ распоряженій и поспѣшило уступить волѣ всего народа, но было уже поздно; арестъ Гарибальди вся нація приняла за кровную обиду и самые горячіе почитатели короля Виктора-Эммануила осуждали его. Правительственное сообщеніе объ освобожденіи Гарибальди гласило, что *онъ самъ* изъявилъ желаніе возвратиться на Капреру. Между тѣмъ, во время ареста, Гарибальди былъ лишенъ возможности совѣщаться со своими друзьями. При немъ неотлучно находился, въ качествѣ стража, генералъ Петити, что, конечно, нисколько не препятствовало дѣйствіямъ сторонниковъ Гарибальди. Пропаганда шла своимъ чередомъ и легіонеры отовсюду прибывали массами. Изъ Алессандріи Гарибальди отправили въ Геную и тамъ посадили на пароходъ, отходившій въ Неаполь. Въ день отъѣзда

Digitized by Google

Гарибальди въ Геную, 25-го сентября 1867 года, при появленіи героя на улицѣ въ сопровожденіи генерала Петити, оба полка, бывшіе въ городѣ, въ полномъ составѣ, съ командиромъ и офицерами, окружили его, привѣтствуя криками: «да здравствуетъ Гарибальди, да здравствуетъ Римъ»! Стоило Гарибальди сказать слово, и вся эта масса народа и войска пошла бы за нимъ, а генерала Петити, котораго народъ называлъ одною изъ двухъ собакъ министра Ратацци (unodei due cani di guardia), конечно, растерзалъ бы на мелкія части.

XIII.

Послѣднее гарибальдійское движеніе къ Риму, извѣстное подъ общимъ названіемъ «битвы подъ Ментаной», не удалось по многимъ причинамъ; одна изъ нихъ не попала на страницу исторіи, но именно благодаря ей римское дѣло не удалось. Какъ ни грустно, а слѣдуетъ отмѣтить этотъ эпизодъ въ высшей степени драматическій, отчасти же и романическій. Знаменитый парижскій слѣдователь сказалъ, что, при всякомъ преступленіи, прежде всего надо искать женщину. Здѣсь также играла роль женщина, жена гарибальдійца, Юлія Помпео. Выше было говорено, что легіоны гарибальдійскіе формировались по всѣмъ городамъ Италіи. Шпіоны видѣли, съ какимъ восторгомъ народъ пристаетъ къ Гарибальди, знали о предполагаемой римской экспедиціи, но планъ этой экспедиціи былъ извѣстенъ немногимъ; его знали лишь вожди, начальники движенія. Папское правительство не могло рѣшить самаго главнаго вопроса: откуда, съ какой стороны начнется приступъ. Въ Монте-Ротонде, у извѣстнаго гарибальдійскаго патріота Карло Помпео, также собирались легіонеры и разсуждали о предстоящей экспедиціи. Заговорщики запирались въ отдѣльную комнату, обсуждали планъ безъ свидѣтелей; въ ихъ общество не допускалась даже и хозяйка дома, жена Карло Помпео, Юлія. Эта таинственность, само собой разумѣется, разжигала до высшей степени любопытство молодой женщины (а Юлія была молода и очень красива); къ сожалѣнію, Карло Помпео, какъ пламенно влюбленный итальянецъ, былъ черезчуръ податливъ на всѣ требованія своей супруги. Юлія непремѣнно хотѣла знать, о чемъ мужъ съ такой таинственностью разсуждаетъ со своими пріятелями. Карло Помпео долго крѣпился, отдѣлываясь общими фразами, но это только раздражало любопытство его супруги: она непремѣнно добивалась знать все дѣло, какъ оно есть. При помощи чаръ кокетства и самыхъ горячихъ поцѣлуевъ, красавицѣ Юліи, наконецъ, удалось довести мужа до полной невмѣняемости, и онъ разсказалъ ей: что его товарищи собирались для обсужденія плана экспедиціи къ Риму, куда была уже отправлена на баркѣ по Тибру большая партія ружей новой системы и патроновъ, замаскированныхъ кулями углей; что предположено раздать оружіе римскимъ гражданамъ, сочувствующимъ гарибальдійскому движенію, что сначала, ночью, заговорщики должны прибыть на баркѣ изъ Рима въ Понтемоле, гдѣ ихъ будетъ ожидать Генрихъ Кайроли съ маленькимъ отрядомъ; что при-

Digitized by Google

бывшіе должны будутъ сообщить, готово ли все къ возстанію въ Римѣ. Вотъ что узнала Юлія Помпео отъ своего мужа, выказавшаго слабость къ ея чарамъ. Несчастный одного не принялъ въ соображеніе—Юлія была фанатичка: католицизмъ, со св. отцомъ-папой, составлялъ для нея все, къ чему долженъ стремиться человѣкъ. Юлія жила съ мужемъ въ Монте-Ротонде, гдѣ священникъ,—какъ это были по всѣмъ городамъ и окрестностямъ Рима,—зорко слѣдилъ за гарибальдійцами. Ему было хорошо извѣстно, что патріоты затѣваютъ нападеніе на Римъ, но какъ, съ какой стороны—священникъ не зналъ. Исповѣдь Юліи Помпео разрѣшила ему всѣ эти вопросы. Подѣйствовавъ на воображеніе фанатички, напугавъ ее вѣчными муками ада, небесной карой въ этой жизни и огненной геенной въ будущей; увѣривъ ее, что всѣ, возстающіе на намѣстника Христа Спасителя, суть враги Господа Бога и его святой церкви—онъ узналъ все, что̀ ему было нужно. Нервная женщина, доведенная имъ до изступленія, передала ему самыя мельчайшія подробности заговора. Эта знаменитая исповѣдь была послѣ ave Maria, т. е. вечеромъ въ концѣ октября 1867 года. Священникъ въ ту же ночь отправился въ Римъ. Папская полиція и военныя власти, получая ежедневныя свѣдѣнія изъ Флоренціи, знали, что итальянское правительство, постоянно понуждаемое грозными нотами Наполеона III, рѣшилось подавить возстаніе и принялось за дѣло крайне энергично, даже арестовало и отправило на Капреру главнаго зачинщика затѣваемой экспедиціи — Гарибальди. Въ виду такихъ благопріятныхъ свѣдѣній, въ Римѣ всѣ начали успокоиваться. Жизнь потекла обычнымъ чередомъ, и о новыхъ *затѣяхъ морскаго разбойника* и его «банды» говорили уже не иначе, какъ съ улыбкой. Свѣдѣнія, привезенныя священникомъ изъ Монте-Ротонде, поразили всѣхъ благодушествующихъ патеровъ, какъ громомъ. Вѣсть, что гарибальдійцы доставили въ Римъ большой складъ оружія и что въ ту же ночь банды окружатъ со всѣхъ сторонъ Римъ, въ которомъ произойдетъ возстаніе, могла казаться невѣроятною, еслибы благочестивые отцы на опытѣ не имѣли случая убѣдиться, что при посредствѣ исповѣди, и въ особенности исповѣди женщины, нерѣдко удавалось открывать политическія тайны чрезвычайной важности. Всѣ власть имѣющіе страшно всполошились и разсыпались въ разныя стороны. Губернаторъ поскакалъ дѣлать распоряженіе, чтобы тотчасъ же около дома, гдѣ былъ устроенъ складъ оружія, спрятались жандармы и арестовали хозяина дома и всякаго, кто хоть близко подойдетъ къ этому мѣсту. Графъ Даргу, командиръ знаменитаго папскаго легіона, отдалъ приказъ выступить въ ночь навстрѣчу гарибальдійцамъ и сдѣлать засаду около Понте-Моле. Въ такомъ положеніи были дѣла въ Римѣ, когда братья Кайроли, Иванъ и Генрихъ, съ 70-тью охотниками отправились для рекогносцировки къ Понте-Моле, имѣя въ виду соединиться съ римскимъ отрядомъ. Была темная осенняя ночь; на небѣ, покрытомъ черными тучами, не было видно ни одной звѣздочки. Порывистый вѣтеръ бороздилъ мутныя волны Тибра, большія деревья со скрипомъ гнулись къ землѣ. Тихо крались смѣльчаки, прислушиваясь къ сигналу со стороны Рима, но ничего не было слышно,

Digitized by Google

кромѣ унылаго завыванія осенняго вѣтра. Тщетно всѣ легіонеры напрягали зрѣніе, силясь разглядѣть вдали ожидаемыхъ союзниковъ. Такъ пришли къ Понте-Моле, гдѣ было условлено сойтись съ римлянами, получить свѣдѣнія о возстаніи въ Римѣ, дать знать остальнымъ отрядамъ гарибальдійцевъ и вмѣстѣ идти на вѣчный городъ. Но увы! Кругомъ все было пусто; лишь вѣтеръ свисталъ и пѣнистыя волны разбивались о крутые берега Тибра.

— Мы пропали, нашъ планъ открытъ!—прошепталъ съ ужасомъ Кайроли.

Еще прошелъ цѣлый часъ ожиданія; онъ показался легіонерамъ очень длиннымъ. Вдругъ вдали послышался свистъ:—«это наши»!—радостно вскричали гарибальдійцы. Но вмѣсто римскаго отряда показался только одинъ лодочникъ, который пришелъ предупредить ихъ, что въ Римѣ все открыто: полиція секвестровала складъ оружія, произвела массу арестовъ и папскій легіонъ устроилъ засаду гдѣ-то здѣсь, по близости Понте-Моле,—говорилъ лодочникъ. Очевидно, патріотамъ кто-то измѣнилъ, но кто именно? Кому могло прійти въ голову, что причиною всего несчастія была исповѣдь Юліи Помпео въ Монте-Ротонде? Становилось яснымъ, что около моста была устроена засада папскими зуавами, и этой горсти храбрецовъ отрѣзано отступленіе. Оставалось одно: недаромъ продать жизнь врагамъ, умереть съ честью; и почти всѣ они пали героями: благодарное потомство сохранило въ своей памяти имена этихъ великихъ патріотовъ-мучениковъ.

— Приготовьтесь, друзья-товарищи!—сказалъ Кайроли.

И, дѣйствительно, вслѣдъ за этими словами раздался залпъ и показались папскіе зуавы, до сихъ поръ скрывавшіеся въ засадѣ.

— Впередъ, друзья! На насъ смотритъ вся Италія!—вскричалъ храбрый Кайроли, бросаясь на враговъ.

Французскій капитанъ подбѣжалъ съ обнаженной шпагой къ безстрашному предводителю гарибальдійцевъ и вмигъ свалился мертвый съ прострѣленнымъ черепомъ. Горниста, который хотѣлъ отмстить за своего капитана—постигла та же участь: Кайроли выстрѣломъ изъ револьвера положилъ его на мѣстѣ. Разстрѣлявъ всѣ патроны, гарибальдійцы бросились въ штыки; страшна, свирѣпа была эта рѣзня! Каждый изъ легіонеровъ зналъ, что ему спасенья быть не можетъ: семьдесятъ человѣкъ билось съ шестьюстами! Забота всѣхъ заключалась лишь въ томъ, чтобы убить какъ можно больше враговъ и, дѣйствительно, удары патріотовъ, штыками или прикладами, были всѣ безусловно смертельны. Кайроли, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кровь, струившуюся изъ его многочисленныхъ ранъ, какъ левъ, бросался во всѣ стороны, ободряя товарищей своей изумительной храбростью. За неимѣніемъ патроновъ, онъ также дѣйствовалъ холоднымъ оружіемъ. Своимъ большимъ револьверомъ американской системы Генрихъ Кайроли, какъ обухомъ топора, раскроилъ голову французскому сержанту, одного зуава убилъ собственнымъ его ружьемъ, отразивъ направленный на него штыкъ и вырвавъ изъ рукъ ружье. Овладѣвъ этимъ ружьемъ, герой заставилъ отступить цѣлыя шеренги. Онъ

Digitized by Google

наводилъ паническій страхъ на франко-папскихъ зуавовъ. Они съ ужасомъ видѣли, какъ ихъ товарищи падали направо и налѣво подъ страшными ударами этого «демона-разрушителя», какъ они впослѣдствіи назвали начальника крохотнаго гарибальдійскаго отряда; но вотъ раздались два выстрѣла одинъ за другимъ, и Генрихъ Кайроли, смертельно раненый въ грудь и лобъ, упалъ. Братъ раненаго, Иванъ Кайроли, поспѣшилъ поднять умирающаго; зуавы его окружили; онъ изъ револьвера положилъ на мѣстѣ двухъ зуавовъ и, раненый, упалъ на трупъ брата. Послѣ долгой, упорной борьбы, шестистамъ зуавамъ удалось, наконецъ, восторжествовать надъ семьюдесятью патріотами. Гарибальдійцы были побѣждены. Раненые, потерявшіе чувства, взяты въ плѣнъ: Кайроли Иванъ (Генрихъ умеръ тутъ же), Монтини, Кастаньини, Музетти, Феррари, Коллардо и многіе другіе. Ихъ положили на простыя воловьи телѣги, даже не застланныя соломой или сѣномъ, и отправили въ Римъ. По дорогѣ отъ Вилиглори, которую обезсмертили гарибальдійцы, образовалась красная лента отъ крови патріотовъ,—умирающіе герои проклинали деспотовъ.

— Погодите, патеры и французы,—говорили они,—настанетъ день, когда эта благородная кровь падетъ на ваши головы!

Взятіе гарибальдійцами Монте-Ротонде, эпизодъ со шпіономъ-попомъ и правдивое описаніе битвы подъ Ментаной до сихъ поръ не появлялось въ свѣтъ, по разнымъ причинамъ. Послѣ удачнаго опыта французскихъ ружей Шаспо надъ патріотами, вооруженными какъ попало, парижскія клерикальныя газеты исказили факты до невѣроятной степени; нѣмецкіе и англійскіе журналы того же направленія дѣйствовали ощупью или цѣликомъ перепечатывали хвастовство французскихъ органовъ Ватикана. Затѣмъ, черезъ три года послѣ битвы подъ Ментаной, произошло столкновеніе Франціи съ Пруссіей, давно подготовленное Бисмаркомъ; вниманіе Европы было отвлечено въ другую сторону и римскую экспедицію забыли, тѣмъ болѣе, что Италія получила, наконецъ, Римъ. Не смотря на проклятія Пія IX-го, итальянскія войска заняли вѣчный городъ, королевская резиденція была переведена изъ Флоренціи въ Римъ и злополучный *узникъ* Ватикана заперся въ своей *тюрьмѣ*, съ двѣнадцатью тысячами раззолоченныхъ комнатъ... Всѣ эти событія отодвинули на второй планъ геройскіе подвиги гарибальдійцевъ подъ Ментаной. Правда, въ 1879 году, вспомнили, наконецъ, о патріотахъ-мученикахъ, павшихъ за святое дѣло объединенія Италіи, и воздвигли имъ памятникъ въ Миланѣ. Но торжество открытія памятника было самое жалкое. Правительство короля Гумберта точно совѣстилось присутствовать при торжествѣ; войска также не было. Все дѣло ограничилось присутствіемъ нѣсколькихъ депутатовъ отъ рабочихъ ассоціацій. Итальянскія и нѣкоторыя французскія газеты, повѣствуя объ открытіи памятника павшимъ гарибальдійцамъ, наставили очень много знаковъ восклицанія въ своихъ статьяхъ,—тѣмъ дѣло и кончилось. Попробуемъ, однако, въ короткихъ словахъ передать исторію римской экспедиціи такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ участниковъ послѣдняго гарибальдійскаго движенія.

Digitized by Google

XIV.

Желая получить дальнѣйшія инструкціи, я пріѣхалъ во Флоренцію, гдѣ находился Гарибальди, возвратившійся съ конгресса изъ Генуи. Болѣе чѣмъ когда нибудь, знаменитый итальянскій патріотъ находилъ необходимымъ начать римскую экспедицію безотлагательно. Получивъ инструкціи, посовѣтовавшись съ Гарибальди, его сыномъ Менотти и съ нѣкоторыми изъ друзей, я уѣхалъ въ Ротаньо; одновременно съ этимъ Гарибальди отправился въ Синалюнгу и Алессандрію, гдѣ былъ, какъ извѣстно, арестованъ и отправленъ на Капреру. Это послѣднее обстоятельство побудило меня вернуться во Флоренцію и заняться устройствомъ комитета для римскаго дѣла. Изъ Флоренціи я уѣхалъ въ Умбрію; тамъ среди населенія господствовалъ необыкновенный патріотическій энтузіазмъ; вся молодежь готова была стать подъ знамена великаго Гарибальди. Во Флоренціи я узналъ, къ моему великому сожалѣнію, что дѣла съ комитетами не ладятся. Между тѣмъ, друзья мнѣ сообщили, что послѣдовало распоряженіе объ арестованіи меня. И, дѣйствительно, какъ я ни лавировалъ, мнѣ не удалось избѣгнуть полицейскихъ когтей:—на станціи Фолиньо меня арестовали и отправили подъ конвоемъ въ Перуджіо. Здѣсь префектъ, продержавъ меня короткое время, отослалъ обратно въ Фолиньо. Мое дѣло начинало принимать дурной оборотъ; делегатъ объявилъ, что имѣетъ приказаніе отправить меня до границы съ жандармами. Я не шутя разсердился и сказалъ, что подобное насиліе незаконно, что я буду отстаивать мою свободу съ револьверомъ въ рукахъ и покорюсь только силѣ. Делегатъ, не желая принимать хлопотъ на свою шею, телеграфировалъ префекту:—что со мной дѣлать? Тотъ отвѣчалъ, чтобы мнѣ было предложено отправиться въ Перуджіо, но я не согласился. Опять полетѣла телеграмма къ префекту. Наконецъ, полученъ былъ отвѣтъ съ предложеніемъ мнѣ маршрута, который я принялъ, потому что мнѣ позволили ѣхать безъ провожатаго жандарма. Въ тотъ же день, я отправился, конечно, не по желѣзной дорогѣ, въ Чезено; въ Терни я получилъ отъ Менотти Гарибальди записку слѣдующаго содержанія: «Скажите Вальнаціаніа, Фригези, Место и Монарро, что жду ихъ съ людьми, оружіемъ и продовольствіемъ». Все было уже заготовлено, благодаря патріотическому населенію Умбріи, стараніемъ моего друга Кальдези,—работавшаго энергично въ комитетѣ Терни,—президента Сестини, аптекаря Людовика Топини и въ особенности графа Массаруги. Около меня и Кальдези собралось болѣе 300 легіонеровъ; къ нашимъ услугамъ было 800 ружей и нѣкоторый запасъ продовольствія. Вскорѣ стали прибывать еще охотники и у насъ составился отрядъ болѣе тысячи человѣкъ, вооруженный ружьями и снабженный патронами. Половина отряда поступила ко мнѣ, а половина къ Кальдези. Между тѣмъ, комитетъ Терни препроводилъ 2,000 лиръ, которыхъ намъ на нѣкоторое время было совершенно достаточно. 17-го сентября, въ 5 часовъ пополудни, мы выступили двумя колоннами изъ Терни въ Кальви, гдѣ разсчитывали значительно усилить наши отряды. Въ Кальви, какъ мы ожидали, наши отряды значительно увеличились охотниками, прибывшими изъ Романьи, въ числѣ которыхъ было много офицеровъ, старыхъ

Digitized by Google

сержантовъ и солдатъ итальянской арміи. Мы сошлись съ Кальдези въ Бакиньяно. Кальдези не могъ дойти до монастыря Фарера, потому что за нимъ наблюдали итальянскія войска,—рота гренадеръ и эскадронъ кавалеріи. Такимъ образомъ, мы вынуждены были провести ночь въ Бакиньяно, гдѣ сами жители ночью иначе не ходятъ, какъ съ фонарями, чтобы не сломать себѣ шеи въ горныхъ пропастяхъ и ущельяхъ. Слѣдовательно, для регулярной инфантеріи и кавалеріи, наблюдавшихъ за нами, располагаться въ такомъ филиновомъ гнѣздѣ было несовсѣмъ удобно. Въ Пассо-Коррезе прибылъ самъ Гарибальди съ своимъ сыномъ Менотти. Это обстоятельство оживило насъ всѣхъ. Голодные, промокшіе до костей, легіонеры упали было духомъ, но присутствіе доблестнаго вождя-патріота придало имъ энергію. Здѣсь мы узнали прискорбную новость, что попытка къ возстанію въ Римѣ 22-го не удалась, хотя подробности этихъ печальныхъ вѣстей намъ еще не были извѣстны. Станція желѣзной дороги была уже въ нашихъ рукахъ. Въ эту ночь, къ намъ привели 9 плѣнныхъ папскихъ солдатъ. 24-го, колонны, слѣдуя къ Монте-Маджіоре, прошли мимо Гарибальди, при общихъ кликахъ восторга. Герой тысячи [1]) благодарилъ насъ всѣхъ, а мнѣ и Кальдези горячо пожалъ руки, что̀ намъ было дороже и лестнѣе всякихъ чиновъ и орденовъ. Въ 10 часовъ вечера, соблюдая величайшую тишину, мы переходили Монте-Маджіоре, слѣдуя указаніямъ проводника, но, къ несчастію, ночь была очень темна; нашъ проводникъ куда-то исчезъ и мы, проблуждавъ нѣсколько часовъ, принуждены были вернуться на римскую дорогу и идти прямо къ Монте-Ротонде. Въ пятомъ часу утра, мы, наконецъ, достигли цѣли нашего путешествія. Всѣ люди были страшно утомлены. Двѣ ночи мы не спали и цѣлый день ничего не ѣли; отдыхъ былъ необходимъ, но мы забыли о немъ. По правой сторонѣ Порто-Санъ-Рокко расположился мой отрядъ, раздѣленный на двѣ части, а близъ монастыря св. Маріи открылъ огонь; съ лѣвой стороны повели аттаку берсальеры и вскорѣ подошла колонна Фригезе. Монте-Ротонде защищали папскіе карабинеры и драгуны, въ количествѣ 600 человѣкъ, съ двумя пушками, занимая крѣпкую позицію. Насъ, хоть было и болѣе числомъ, но большинство легіонеровъ имѣло ружья старой системы, значительно уступавшія ружьямъ нашихъ противниковъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что у насъ было весьма мало патроновъ, а—главное—мы занимали самую невыгодную позицію, совершенно открытую для выстрѣловъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что сраженіе длилось 27 часовъ. Мой отрядъ въ особенности много пострадалъ, такъ какъ главная борьба была сосредоточена у порта Санъ-Рокко. Къ вечеру мы не подвинулись ни на шагъ впередъ и были въ такомъ же положеніи, какъ и утромъ. Я не скажу, чтобы легіонеры упали духомъ, но они были крайне недовольны, не имѣя возможности отмстить врагамъ за павшихъ товарищей. Гарибальди, замѣтивъ это недовольство, сказалъ свое знаменитое: «bisogna vincere»!—надо побѣдить—и отдалъ мнѣ при-

[1]) Гарибальди, какъ извѣстно, съ тысячью волонтеровъ взялъ Палермо и принудилъ положить оружіе 40,000 бурбонскихъ солдатъ. Съ этихъ поръ его въ Италіи называли «героемъ тысячи».

Digitized by Google

казаніе приготовить деревья для приступа (barricate volanti). Въ эту же ночь предполагалось зажечь дрова и, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, идти на приступъ. Все такъ и было исполнено. Въ 8 часовъ вечера, Порто Санъ-Рокко запылалъ со всѣхъ сторонъ, не смотря на страшную пальбу въ тѣхъ, кто зажигалъ костры; затѣмъ ядра изъ нашихъ пушекъ сдѣлали свое дѣло:—ворота рухнули и мы вошли въ городъ. Между тѣмъ, непріятель, отступивъ, заперся въ сильно укрѣпленномъ замкѣ (castello) и оттуда наносилъ намъ большой вредъ. Тогда Гарибальди отдалъ приказаніе сдѣлать и съ замкомъ то же самое, что мы сдѣлали съ Порто Санъ-Рокко. Но лишь только начали таскать дрова, какъ на стѣнахъ замка выставили бѣлый флагъ. Побѣда эта намъ стоила дорого,—мы лишились многихъ изъ нашихъ товарищей, въ числѣ ихъ былъ знаменитый храбрецъ и патріотъ Симильяно; раненый въ шею, онъ черезъ два дня умеръ. Гарибальди отдалъ мнѣ приказаніе принять плѣнниковъ, оружіе и все, что находилось въ замкѣ. На дворѣ я уже засталъ выстроившихся папскихъ солдатъ съ офицерами. Большаго труда стоило мнѣ удержать ярость гарибальдійцевъ, порывавшихся перебить всѣхъ плѣнныхъ. Я принялъ много оружія, патроновъ, двѣ пушки, продовольствіе и 80 лошадей. На другой день, часовъ около 12, папскій отрядъ, въ тысячу человѣкъ съ двумя батареями, явился на помощь Монто-Ротонде. Непріятель не ожидалъ, что вся эта мѣстность уже была занята гарибальдійцами. Встрѣтивъ неожиданный отпоръ на станціи, отрядъ ретировался къ Риму. Такъ кончилась знаменитая побѣда подъ Монте-Ротонде, показавшая всему міру, что можетъ сдѣлать горсть патріотовъ, вдохновленныхъ святымъ чувствомъ освобожденія своей родины отъ иноземнаго ига. Усталые, голодные, плохо вооруженные гарибальдійцы восторжествовали надъ регулярными войсками, занимавшими самыя выгодныя позиціи и вооруженными ружьями новой системы. Наградой храбрецамъ-патріотамъ была горячая дружеская благодарность ихъ вождя-героя.

XV.

На другой день, капитанъ Р. (въ настоящее время, депутатъ парламента), занимаясь распредѣленіемъ легіоновъ своего отряда, вдругъ услышалъ крики, раздавшіеся недалеко въ деревнѣ, лежащей близъ римской дороги. Капитанъ Р. поспѣшилъ въ деревню, легіонеры послѣдовали за нимъ. Вотъ что представилось ихъ взорамъ.

Гарибальдійцы держали двухъ плѣнныхъ, повидимому, крестьянъ.

— Кто вы такіе? скажите правду, — обратился Р. къ плѣнникамъ.

— Крестьяне, какъ видите,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, обладавшій большею смѣлостью, чѣмъ его товарищъ.

— Гмъ! съ такими-то бѣлыми руками? Ну, господа, немножко трудно повѣрить, чтобы вы обрабатывали землю. Впрочемъ, между нами есть много жителей Монте-Ротонде; если вы здѣшніе крестьяне, вѣроятно, кто нибудь васъ знаетъ. Подойдите, братцы, поближе!—

Digitized by Google

обратился Р. къ крестьянамъ и легіонерамъ, стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, Крестьяне и волонтеры подошли. Одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ на плѣннаго, котораго допрашивали, и, всплеснувъ руками, вскричалъ:

— Великій Боже, да это священникъ изъ Монте-Ротонде!

Вѣрный слуга папы Пія IX бросилъ злобный взглядъ на своего обличителя и, видя невозможность отрицать истину, смѣло сказалъ:

— Ну, да, я—священникъ, что же изъ этого слѣдуетъ? Я испугался нашествія гарибальдійцевъ, переодѣлся въ крестьянское платье и бѣжалъ; развѣ это преступленіе?

— Ты врешь, милый человѣкъ!—возразилъ гарибальдіецъ, арестовавшій его,—ты не убѣгалъ, а шагъ за шагомъ слѣдилъ за нашимъ отрядомъ, употребляя всевозможныя средства быть незамѣченнымъ. Да, наконецъ, если ты убѣгалъ, какъ утверждаешь, зачѣмъ же тебѣ понадобилась вотъ эта записка,—добавилъ гарибальдіецъ, подавая капитану листокъ бумаги, на которомъ было написано карандашемъ:—«количество 800; командиръ Вольцанія; идутъ къ Ментанѣ. Голодные». Прочтя эту записку, капитанъ Р., обращаясь къ гарибальдійцамъ, сказалъ:

— Обыскать его!

Въ карманѣ священника были найдены тысяча скуди и бланкъ монсиньора де-Мироде.

— Товарищи,—обратился капитанъ Р. къ гарибальдійцамъ, послѣ нѣкотораго торжественнаго молчанія, — какому наказанію желаете вы подвергнуть священника? Для меня ясно, что онъ шпіонъ папскаго правительства.

— Смерти!—вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Ваше преподобіе, вы слышали? Благоволите приготовиться умереть,—рѣшилъ Р.

Священникъ поблѣднѣлъ и сталъ бросать сверкающіе взгляды на окружающихъ. Замѣтивъ гарибальдійца, узнавшаго его, онъ скривилъ губы въ форму дьявольской улыбки и спросилъ:

— Объясните мнѣ, господа: этотъ человѣкъ, признавшій меня, также гарибальдіецъ? Значитъ и онъ раздѣляетъ ваши убѣжденія?

— Что за вопросъ,—конечно! Карло Помпео всегда ненавидѣлъ тирановъ и любилъ отечество.

— Прекрасно, граждане или господа, — какъ вамъ лучше понравится,—я вамъ хочу разсказать маленькую исторію; пожертвуйте мнѣ десять минутъ. Для умирающаго это немного, не правда ли?

Гарибальдійцы посмотрѣли на капитана; тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Господа,—продолжалъ священникъ,—я не первый разъ занимаюсь вашимъ дѣломъ. Извѣстно ли вамъ, что произошло подъ Villagloria? Если маленькій отрядъ подъ командой Генриха Кайроли уничтоженъ, вмѣсто того чтобы сойтись съ римскими заговорщиками,—этому вы обязаны мнѣ. Не забудьте, что подъ Villagloria Генрихъ Кайроли убитъ, братъ его Иванъ тяжело раненъ и планъ произвести возстаніе въ Римѣ не удался.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди каждаго при этомъ страшномъ извѣстіи, разсказанномъ съ такимъ холоднымъ цинизмомъ.

Digitized by Google

— Хотите ли вы знать,—опять началъ священникъ,—кто мнѣ сообщилъ всѣ эти секретные планы вашего предпріятія? Если васъ это интересуетъ, то спросите господина Карло Помпео.

— Ты нагло врешь, и выбралъ плохое средство продлить свою жизнь,—вскричалъ капитанъ.

— Нѣтъ, не лгу,—возразилъ священникъ.—Господинъ Помпео,—обратился онъ къ гарибальдійцу, узнавшему его,—не правда ли, что ваша супруга Юлія—очень красивая женщина, и что вы разсказываете ей всѣ свои секреты?

Карло, вмѣсто отвѣта, порывался броситься на священника, но былъ удержанъ товарищами.

— Эта прелестная женщина,—продолжалъ священникъ,—на исповѣди передавала всѣ ваши секреты мнѣ, своему духовному отцу. Что вы на это скажете, почтеннѣйшій синьоръ Помпео? Я полагаю, что эти господа, ваши товарищи, найдутъ такое поведеніе несовсѣмъ достойнымъ гарибальдійца-заговорщика, хотя бы его супруга и была такая красавица, какъ ваша синьора Юлія?

При этихъ словахъ священника, гарибальдійцы отошли отъ Карло Помпео, какъ отъ зачумленнаго. Несчастный супругъ красивой фанатички покраснѣлъ до бѣлка глазъ и, бросивъ ружье на землю, убѣжалъ.

— Жаль,—сказалъ капитанъ,—Карло Помпео былъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ товарищей.

— Ну, исполняйте приговоръ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ гарибальдійцамъ.

Шпіона тотчасъ же привязали къ дереву, закрыли ему повязкой глаза и, на разстояніи десяти шаговъ, сдѣлали въ него залпъ изъ нѣсколькихъ ружей,—смерть послѣдовала моментально. Приказавъ бросить окровавленный трупъ среди дороги, капитанъ Р., обратясь къ товарищу разстрѣляннаго, сказалъ:

— Ступай въ Римъ и сообщи благочестивымъ отцамъ, какъ гарибальдійцы расправляются съ ихъ шпіонами. Маршъ!

Оробѣвшій шпіонъ не заставилъ повторять приказанія и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать.

XVI.

На другой день, съ утренней зарей, мы выступили подъ Ментану. Во время похода, передъ капитаномъ Р., точно изъ-подъ земли, выросъ человѣкъ, до такой степени запыленный, что сразу не было никакой возможности разглядѣть черты его лица. Р. нѣсколько минутъ съ удивленіемъ разсматривалъ его, потомъ вскричалъ:

— Карло Помпео!

— Да, капитанъ, это я! Пришелъ сообщить вамъ, что моя жена, красавица Юлія, уже не будетъ въ состояніи открывать іезуитамъ секреты гарибальдійцевъ: она лежитъ въ своей кровати съ кинжаломъ, воткнутымъ въ сердце.

— Несчастный,—сказалъ съ ужасомъ Р.,—неужели ты думалъ преступленіемъ искупить твою низкую слабость?

Digitized by Google

— Нѣтъ, но я пришелъ васъ просить объ одной милости,— позвольте мнѣ умереть лучшей смертью, чѣмъ я заслуживаю. Капитанъ, позвольте мнѣ еще имѣть счастье пролить кровь за отечество!

Р. сдѣлалъ отрицательное движеніе головой.

— О, не лишайте меня этой послѣдней милости, умоляю васъ! Я хочу умереть за мою дорогую Италію.

— Хорошо, сражайся. Но помни, если я сегодня вечеромъ увижу тебя живымъ и здоровымъ...

— Вы меня прикажете разстрѣлять?—съ горечью прервалъ его Карло.

— Нѣтъ, я сдѣлаю хуже: я плюну тебѣ въ лицо.

Вскорѣ началась битва. Мужъ зарѣзанной красавицы Юліи бросился въ первые ряды и, дѣйствительно, изумилъ всѣхъ своей необыкновенной храбростью. Подъ конецъ дня, молодой капитанъ Р. былъ сильно раненъ на одномъ изъ пригорковъ, гдѣ была страшная рѣзня; гора труповъ лежала кругомъ. Свалившагося Р. положили на носилки и понесли на перевязочный пунктъ.

— Капитанъ!—вскричалъ, вслѣдъ за носилками, одинъ изъ лежавшихъ на пригоркѣ страдальцевъ, которому бомбой оторвало ногу выше колѣна,—сдержалъ ли я свое слово?

— Прощай, храбрый Помпео! Тебя вѣчно будетъ помнить Италія,—отвѣчалъ капитанъ и обильныя слезы закапали изъ его глазъ.

Раненый улыбнулся, будто онъ только и ждалъ этого момента. Приподнявшись, сколько былъ въ состояніи, на локоть, онъ взглянулъ по направленію удалившихся носилокъ и прошепталъ: «Боже, спаси Италію отъ ига патеровъ»!!. Это были послѣднія слова гарибальдійца Карло Помпео.

Тяжело описывать битву подъ Ментаной, хотя на историкѣ лежитъ нравственная обязанность возстановить истину, искаженную итальянскими, французскими, австрійскими и нѣмецкими клерикальными газетами; но все же страшно прикасаться къ этой ранѣ, на которую время хотя и наложило рубецъ, но она еще болитъ и до сихъ поръ. Рану эту безпрестанно бередятъ проклятія и вопли, раздающіеся изъ Ватикана, не измѣнившаго ни на одну іоту варварскимъ традиціямъ прошлаго. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, старцы св. коллегіи все еще «протестуютъ» предъ лицомъ всего католическаго міра,—и, къ несчастію образованнаго человѣчества, свѣтская власть папы и въ наше время составляетъ вопросъ... Іезуиты пролагаютъ къ ней дорогу путемъ соціализма. Слишкомъ четверть столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ итальянскіе патріоты потерпѣли пораженіе подъ Ментаной и самъ виновникъ этой неудачной экспедиціи, великій Гарибальди, уже сошелъ въ могилу; слѣдовательно, фактъ всецѣло принадлежитъ исторіи. Возстановимъ же въ нѣсколькихъ словахъ истину, въ память великаго борца за свободу, котораго весь образованный міръ назвалъ спасителемъ Италіи. Подъ Ментаной гарибальдійцевъ было *четыре тысячи* человѣкъ, а франко-папскихъ солдатъ *десять тысячъ*. Первые были не одѣты, сильно страдали отъ ноябрьскаго холода, весьма плохо вооружены и голодали въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ.

Digitized by Google

Вторые имѣли сильную артиллерію, были тепло одѣты, сыты и прекрасно вооружены нарѣзными ружьями новѣйшей системы. Но, не смотря на всѣ эти преимущества, папско-французскимъ войскамъ удалось побѣдить гарибальдійцевъ лишь на *четвертыя* сутки и не силою оружія, а голодомъ. Вотъ истина, противъ которой, надѣюсь, ничего не могутъ возразить даже честные враги. Этого факта, я полагаю, черезчуръ достаточно:—онъ не требуютъ коментаріевъ. Послѣ битвы подъ Ментаной, Гарибальди три года томился въ бездѣйствіи на своей пустынной Капрерѣ. Предпринять что либо противъ папы-короля не было уже никакой возможности. Пропасть денегъ и потоки крови патріотовъ были потрачены непроизводительно. Притомъ же и правительство короля Виктора-Эммануила черезчуръ зорко стало караулить Гарибальди; даже на самой Капрерѣ были разставлены шпіоны. Тѣмъ не менѣе, побѣда пруссаковъ, плѣненіе Наполеона III-го и бѣгство его супруги Евгеніи изъ Парижа повели къ тому, что, наконецъ, итальянцы получили Римъ. Зуавы, охранявшіе неприкосновенность св. престола Пія IX, должны были возвратиться въ Парижъ и король Викторъ-Эммануилъ, къ ужасу окружавшихъ его i moderati, долженъ былъ volens-nolens занять вѣчный городъ.

XVII.

Страшную картину представляли улицы Рима въ ноябрѣ 1867 года. Ряды воловьихъ подводъ, нагруженныхъ ранеными гарибальдійцами, тянулись по длиннымъ улицамъ и переулкамъ. Вездѣ, гдѣ проѣзжали эти страшные транспорты, остались слѣды крови струившейся изъ неперевязанныхъ ранъ героевъ; красная полоса среди улицы наводила ужасъ на всѣхъ, и краснорѣчиво заявляла о побѣдѣ папскаго деспотизма надъ свободой. Тюрьмы, больницы, частныя квартиры, погреба были завалены ранеными. Папское правительство обращалось съ ними хуже, чѣмъ съ самыми отъявленными бандитами. Раненыхъ валили въ подвалы и погреба безъ свѣта и воздуха, прямо на сырую землю, лишая даже глотка свѣжей воды. Бывали картины по истинѣ ужасныя, при воспоминаніи о которыхъ до сихъ поръ содрогается душа. Вотъ одна изъ нихъ. Въ подземномъ казематѣ тюрьмы, на гнилой соломѣ, съ воздухомъ, пропитанномъ міазмами, гдѣ даже свѣтъ фонаря гаснетъ, лежатъ другъ на другѣ умирающіе и умершіе гарабальдійцы. Изъ всѣхъ угловъ слышатся стоны, крики, вопли страданія и бредъ. Патеры въ черныхъ сутанахъ, наклонившись надъ страдальцами, уговариваютъ ихъ раскаяться въ совершонномъ ими злодѣяніи, отречься отъ окаяннаго Гарибальди и принести повинную «викарію Христа Спасителя», святѣйшему отцу, папѣ Пію IX-му, коего милосердіе, — гнусавятъ патеры—безгранично. «Воды, воды»,—молятъ страдальцы.

Но воды умирающимъ не даютъ и не перевязываютъ ихъ ранъ, вообще не оказываютъ имъ никакой медицинской помощи. Прежде всего *заблудшіе* должны обратиться на *путь истинный*. Вотъ среди подземелья, на старомъ складномъ креслѣ, сидитъ молодой, красивый раненый гарибальдіецъ, — это знаменитый патріотъ У—ти. Его

Digitized by Google

красная рубашка спереди разорвана, посреди груди зіяетъ рана, изъ которой сочится черная кровь; его густые кудрявые волосы, влажные отъ холоднаго пота, прилипли ко лбу, красивые черные глаза лихорадочно блещутъ, страдалецъ мечется въ предсмертной агоніи и тихо умоляетъ дать ему хоть каплю воды. Около него стоятъ два патера, позади ихъ красивая молодая женщина. Странно видѣть эту юную красавицу среди мрака подземелья, полнаго воплей умирающихъ. Она, точно ангелъ-хранитель, слетѣла съ неба, для того чтобы своей святою теплотою осушить слезу умирающаго страдальца. Въ рукахъ она держитъ кружку свѣжей воды, но патеры не пускаютъ ея къ умирающему, желая, чтобы онъ сначала *обратился* и далъ имъ возможность заявить св. коллегіи, что они, ad majorem Dei gloriam, обратили на путь истинный знаменитаго гарибальдійца У—ти. Но вотъ показалась кровь, смѣшанная съ пѣной, на губахъ страдальца; глаза его на мгновеніе блеснули, неподвижно остановились на патерахъ и мало-по-малу стали меркнуть...

XVIII.

Сестра милосердія, которую такъ поразили страданія и смерть гарибальдійца, была наша старая знакомая Ольга Михайловна Саршина. Послѣ бесѣды съ отцомъ, она отправилась въ Цюрихъ и записалась на медицинскіе курсы, желая посвятить себя наукѣ. Но—увы!—предсказанія умнаго отца сбылись: нервы Ольги Михайловны не выдержали. Профессоръ описательной анатоміи имѣлъ привычку читать на трупахъ, почти разложившихся, по которымъ ползали черви. Обстоятельство это зависѣло оттого, что въ Цюрихѣ, вообще, очень трудно достать трупъ, но, кромѣ того, почтенный профессоръ хотѣлъ сразу пріучить своихъ слушателей къ ихъ будущей профессіи. Многіе студенты и студентки не выдержали этой пытки и цѣлыми десятками бѣжали отъ медицинскаго факультета. Ольга Михайловна Саршина хотя и стремилась къ великимъ дѣламъ, но воспитана была черезчуръ по барски, какъ говорится, въ хлопкахъ. Ее подавляли страшный запахъ, заражавшій воздухъ, и видъ гнилыхъ труповъ: на первой же лекціи она упала въ обморокъ и была вынесена изъ аудиторіи. Этотъ обморокъ убѣдилъ ее, что Михаилъ Андреевичъ былъ правъ: она, дѣйствительно, не годилась быть медикомъ. Изучать другія отрасли наукъ Саршина не хотѣла, прежде всего потому, что всѣ остальные факультеты не давали правъ женщинѣ, а—главное—она не могла помогать страждущему человѣчеству, къ чему такъ страстно стремилась ея честная душа. Къ политической партіи Ольга Михайловна также не хотѣла пристать. Въ то время, въ Швейцаріи, русскіе эмигранты и эмигрантки вели себя черезчуръ не красиво; Саршина не видѣла въ нихъ искренняго серьезнаго желанія осуществить тѣ идеалы, пользу которыхъ они такъ горячо пропагандировали. «Политическіе» кружки ихъ большею частью довольствовались громкими фразами, небрежностью туалета и самыми неблаговидными поступками даже другъ съ другомъ. Честная душа Ольги Михайловны отвернулась отъ нихъ,

Digitized by Google

также какъ и отъ разлагающихся труповъ. Въ ту эпоху и въ Швейцарію проникъ слухъ о побѣдахъ великаго Гарибальди и о римской экспедиціи. Саршина рѣшилась сдѣлаться сестрой милосердія и посвятить себя страждущимъ гарибальдійцамъ. Она прибыла въ Римъ именно въ то время, когда разразилась катастрофа подъ Ментаной и когда всѣ тюрьмы, больницы и подвалы были завалены ранеными. Ольга Михайловна стала посѣщать эти ужасныя мѣста пытки и смерти. На этотъ разъ она справилась и со своими нервами: идея, что можно помогать страждущимъ, поддерживала ее. Съ полнымъ самоотверженіемъ молодой честной души, не боясь заразы, она перевязывала раны гарибальдійцамъ, носила имъ чистое бѣлье, одѣяла, пледы, лакомства, кушанья, вино—и вообще была для нихъ ангеломъ-утѣшителемъ. Смерть гарибальдійца У. не могла не поразить чувствительную Ольгу Михайловну: видя воочію ужасающее коварство патеровъ, невыразимыя страданія умирающаго, она возмутилась душою до послѣдней степени, нервы не выдержали и она упала въ обморокъ. Фактъ этотъ, конечно, не могъ остаться незамѣченнымъ. Клевреты Пія IX-го тотчасъ же сообщили о немъ кардиналу Антонелли, который приказалъ развѣдать все, относящееся до русской синьоры, исполнявшей обязанность сестры милосердія при раненыхъ гарибальдійцахъ. Агенты старцевъ св. коллегіи, во всѣ времена и вѣка, были великими мастерами по части шпіонства. Система подсматриванья, выслѣживанья, подслушиванья и тайныхъ доносовъ была доведена въ Римѣ до совершенства. Исторически доказано, что отъ шпіона-іезуита нигдѣ нельзя было укрыться. Ему были всегда извѣстны не только дѣйствія, но даже и помышленія того, за кѣмъ онъ слѣдитъ. Прежде чѣмъ были убиты Генрихи III и IV, іезуиты знали, что это убійство совершится. За нѣсколько лѣтъ они предсказали отмѣну нантскаго эдикта Людовикомъ XIV. Въ новѣйшее время, они устроили паденіе либеральнаго министерства Жюля Симона во Франціи, президентство бонапартиста Макъ-Магона и терроръ герцога Брольи и Фурту. Въ Италіи они нашли фанатика и идіота Пассонанте, покусившагося на жизнь короля Гумберта I. Бывшій гарибальдіецъ Бенедиктъ Кайроли (родной братъ убитаго Генриха Кайроли), стоявшій во главѣ министерства, сильно безпокоилъ старцевъ святой коллегіи, ибо въ Италіи готовился цѣлый рядъ реформъ по народному образованію, что, конечно, не могло быть пріятно клерикальной партіи. Надо было свергнуть ненавистное министерство «гарибальдійца» и они его свергли. А текущіе факты современной жизни:—союзъ Ватикана съ соціализмомъ, рабочіе, отданные буквально въ руки священниковъ, рекомендующихъ ихъ со стороны благонадежности, безъ чего ни одинъ рабочій не можетъ получить мѣста. Развѣ это не знаменательныя явленія? Еслибы мы подробно стали говорить о *ловкости* старцевъ св. коллегіи, мы бы черезчуръ отвлеклись отъ нашего разсказа. Въ нашъ XIX вѣкъ, іезуиты несомнѣнно представляютъ силу, хотя проявленіе ея совершенно иное, чѣмъ это было когда-то. Ольга Михайловна Саршина, обратившая на себя вниманіе благочестивыхъ отцовъ католической церкви, не могла оставаться въ тѣни—ея дѣятельность была че-

Digitized by Google

резчуръ популярна. Вскорѣ въ Ватиканѣ стало извѣстно все, что̀ касалось русской синьоры. Кардиналъ Антонелли узналъ, что въ поступкахъ ея не было ничего романическаго, что Саршина помогаетъ всѣмъ страждущимъ гарибальдійцамъ безъ исключенія, и что единственное чувство, которое заставляетъ ее такъ поступать, есть чувство христіанской любви къ ближнему; что умершій гарибальдіецъ У—ти даже не былъ знакомъ Саршиной. Вообще іезуиты-шпіоны сдѣлали самый обстоятельный доносъ кардиналу Антонелли. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, государственный секретарь св. престола не на шутку призадумался. Идея безкорыстной помощи ближнему, сопряженная съ рискомъ заразиться тифомъ, не укладывалась въ головѣ кардинала. Его духовная и политическая жизнь сложилась при другихъ условіяхъ. Онъ допускалъ, что человѣкъ, пожалуй, иногда можетъ и рискнуть собой, но рискъ этотъ непремѣнно долженъ принести ему пользу, а въ данномъ случаѣ ничего, кромѣ вреда и опасности, быть не могло. «Странная эта русская синьора»!—подумалъ кардиналъ и отдалъ приказаніе пригласить къ себѣ Ольгу Михайловну.

Н. Поповъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

Года два назадъ, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» появилось «новое произведеніе» графа Л. Н. Толстаго: «Суратская кофейня». Хотя въ заголовкѣ произведенія и значилось въ скобкахъ: «по Бернардену де-С. Пьеру», тѣмъ не менѣе, и публика, и критика отнеслись къ этой вещи, какъ къ новому разсказу Толстаго на заимствованную тему. Я не очень интересуюсь *теперешней* литературной дѣятельностью графа Толстаго и «Суратскую кофейню» прочелъ случайно, уже въ отдѣльномъ изданіи какого-то Клюкина. Тутъ уже, въ заголовкѣ «Суратской кофейни» не значится даже той помѣтки, которая была сдѣлана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Между тѣмъ, съ первыхъ же строкъ обнаружилось, что «Суратская кофейня» не только не оригинальное произведеніе, но даже не переработка чужаго сюжета, а мѣстами весьма близкій къ подлиннику переводъ изъ «Mélanges» Бернардена де-С.Пьера. Разсказъ С. Пьера такъ и называется «Le Café de Surate». Вотъ начало французскаго текста [1]): «Il y avait à Surate un café, ou beaucoup d'étrangers s'assemblaient l'après midi. Un jour il y vint seidre persan, ou docteur de la loi, qui avait écrit toute sa vie sur la théologie, et qui ne croyait plus en Dieu». Вотъ начало перевода: «Была въ индійскомъ городѣ Суратѣ кофейня. И сходились туда изъ разныхъ земель проѣзжіе и иностранцы, и часто бесѣдовали. Зашелъ туда разъ персидскій ученый богословъ. Онъ всю жизнь изучалъ сущность божества и читалъ и писалъ о томъ книги. Долго думалъ, читалъ и писалъ онъ о Богѣ; зашелъ у него умъ за разумъ, спуталось у него все въ головѣ, и дошелъ онъ до того, что пересталъ вѣрить въ Бога». Нѣсколько строкъ разсужденій персидскаго богослова пропущено. Затѣмъ, опять идетъ буквальный переводъ [2]). «Ainsi le docteur, égaré par son ambition, à force de raisonner sur la première raison de toutes choses, était venu á perdre la sienne et à croire, que c'était non sa propre intelligence qui n'existait plus, mais celle qui gouverne l'univers». «Такъ-то всю жизнь разсуждая

[1]) «Oeuvres de Jacques Henri Bernardin de-Saint-Pierre», Paris, 1836, p. 587.

[2]) ibid.

Digitized by Google

о первой причинѣ, запутался несчастный богословъ и, вмѣсто того чтобы понять, что у него уже не стало разума, сталъ думать, что не стало больше высшаго разума, управляющаго міромъ». Далѣе встрѣчается измѣненіе такого, напримѣръ, рода. Въ подлинникѣ сказано: «прошло уже сто двадцать тысячъ лѣтъ...»; въ переводѣ же: «прошло уже двадцать тысячъ лѣтъ». Можетъ быть, это типографскій пропускъ. Нѣкоторыя фразы изложены болѣе простымъ языкомъ, нѣкоторыя выпущены вовсе. Но вообще переводчикъ настолько близко придерживается подлинника, что переводъ его вполнѣ заслуживаетъ названіе точнаго. Даже послѣдній абзацъ переданъ слово въ слово [1]): «Ainsi parla le disciple de Confucius; et tous les gens du café, qui disputaient sur l'excellence de leurs religions, gardèrent un profond silence».

«Такъ сказалъ китаецъ, ученикъ Конфуція, и всѣ бывшіе въ кофейной замолчали и не спорили больше о томъ, чья вѣра лучше».

Ничего не можетъ быть курьезнѣе обвиненій автора «Войны и мира» въ плагіатѣ. Толстой, разумѣется, и въ мысляхъ не имѣлъ выдать разсказъ С. Пьера за собственный. Онъ показался ему значительнымъ, заслуживающимъ вниманіе и, въ качествѣ таковаго, удостоился перевода. Въ качествѣ таковаго онъ былъ переданъ и въ «Сѣверный Вѣстникъ». Не можетъ быть, чтобы Толстой не предупредилъ редакцію относительно происхожденія своего «новаго произведенія». Редакція должна была напечатать разсказъ, какъ переводный, т. е. обозначить въ оглавленіи: «переводъ Л. Н. Толстаго». Но «Сѣверному Вѣстнику» оказалось удобнѣе выдать переводъ если не за вполнѣ оригинальное произведеніе, то за передѣлку. Я помню разсужденія нѣкоторыхъ литературныхъ рецензентовъ объ «идеѣ», вложенной Толстымъ въ этотъ разсказъ. Всѣ такъ и писали: —«Толстой, разсказъ Толстаго, Толстой говоритъ» и т. д. Въ сущности тутъ нѣтъ еще ничего важнаго, и поучителенъ только торгашескій пріемъ, допущенный редакціей журнала, можетъ быть, не безъ вѣдома автора. Толстой очень сердоболенъ и всегда готовъ помочь, чѣмъ въ состояніи. Ему ничего не стоило разрѣшить замѣну слова: «переводъ» словами: «по Бернардену де-С. Пьеру». Редакціи же «Сѣвернаго Вѣстника» совсѣмъ уже ничего не стоило обморочить публику. Критикѣ стоило еще меньше обсуждать мысли С. Пьера въ качествѣ новѣйшихъ «идей Толстаго».

Курьезная исторія! Но дѣло ею не ограничилось. Ознакомившись съ новымъ остроумнымъ пріемомъ рекламы, честь изобрѣтенія котораго принадлежитъ «Сѣверному Вѣстнику», мы ждали продолженія. Въ дни азартной игры и всякихъ бѣшеныхъ «повыше-

[1]) ibid. p. 590.

Digitized by Google

ній» на биржѣ, естественно было предполагать, что и «Сѣверный Вѣстникъ» сыграетъ à la hausse и постарается, какъ можно энергичнѣе, поднять фонды Толстаго, конечно, не въ его, а въ собственныхъ своихъ выгодахъ. Намъ не долго пришлось ждать. Въ «Новомъ Времени» появилось «сенсаціонное извѣстіе». Оно гласило, что какой-то американскій предприниматель предлагаетъ Толстому за вновь написанную имъ повѣсть, ни больше, ни меньше, какъ семьдесятъ пять тысячъ долларовъ за печатный листъ. На другой день или черезъ день, появилось новое извѣстіе: за ту же повѣсть издатель «Нивы» предлагаетъ графу Льву Николаевичу тысячу рублей за листъ. Наконецъ, все на тѣхъ же дняхъ, въ хроникѣ «Новаго Времени», было сообщено, что новая повѣсть Толстаго, за которую американскій предприниматель предлагалъ семьдесятъ пять тысячъ долларовъ, а русско-нѣмецко-жидовскій издатель тысячу рублей «съ листа»,—начнется печатаніемъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» съ мартовской книги. Какъ умудрился «Сѣверный Вѣстникъ» сдѣлать себѣ рекламу черезъ посредство «Новаго Времени»? это ужъ секретъ журнала. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» очень плохо пишутъ, но, кажется, недурно устраиваютъ дѣлишки. Во всякомъ случаѣ, всѣ три извѣстія «проскочили» въ газетахъ, реклама пущена въ ходъ и предметъ этой рекламы—Л. Н. Толстой. Согласитесь, исторія съ Суратской кофейней—ребяческая выдумка по сравненію съ позднѣйшимъ фокусомъ «Сѣвернаго Вѣстника». Иллюстрированные «издаватели», съѣвшіе на раздуваніи своего «товара» не одну дюжину породистыхъ собакъ, должны только ротъ разинуть отъ изумленія и зависти. Пусть себѣ они завидуютъ, но кому завидовать нѣтъ причинъ, тѣ должны задаться другимъ вопросомъ. Онъ имѣетъ несравненно больше отношенія къ самому Толстому, нежели къ «Сѣверному Вѣстнику».

Съ тѣхъ поръ какъ Толстой сдѣлался «апостоломъ», онъ началъ отрицать литературу. Но пользоваться ея услугами онъ не переставалъ по разнымъ причинамъ. Льву Николаевичу трудно было найти изданіе, которое оказало бы широкое гостепріимство его апокрифическимъ и философскимъ произведеніямъ. Толстаго можно было взять, какъ говорится, голыми руками, и эту операцію произвелъ еще покойный издатель «Недѣли», предпріимчивый П. Гайдебуровъ. «Недѣля» стала печатать статьи, излагающія сущность новаго ученія, и мелкіе разсказы Толстаго (впрочемъ, всего, кажется, два), появившіеся затѣмъ въ изданіи «Посредника». Г. Гайдебуровъ былъ очень ловкимъ издателемъ и умѣлъ отлично держать носъ по вѣтру. Онъ эксплуатировалъ Толстаго до тѣхъ поръ, пока было можно и выгодно. Затѣмъ Толстой исчезъ изъ «Недѣли», и вотъ

Digitized by Google

теперь пріютился въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Мы бы желали знать, что̀ общаго между Толстымъ и «Сѣвернымъ Вѣстникомъ»? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о бездарности заправилъ этого журнала, нельзя забыть и его общаго направленія, которое съ христіанствомъ, даже искаженнымъ, не имѣетъ никакихъ соединительныхъ звеньевъ. Сколько бы Л. Н. Толстой ни поучалъ читателей «Сѣвернаго Вѣстника», его поученія терялись бы среди статей инаго характера, среди поученій, имѣющихъ своимъ источникомъ не любвеобильные завѣты Христа, а человѣконенавистническія традиціи талмуда. Къ чему Толстой пошелъ въ «Сѣверный Вѣстникъ», и не только пошелъ, но отдалъ себя въ полное распоряженіе господъ Волынскихъ и госпожъ Гуревичъ. Что̀ за несчастная судьба у нашихъ «проповѣдниковъ». Въ концѣ концовъ, они непремѣнно очутятся въ обществѣ странномъ и подозрительномъ. Разглагольствуя о самыхъ возвышенныхъ матеріяхъ, о самыхъ строгихъ этическихъ правилахъ, они не видятъ, что̀ у нихъ творится подъ носомъ, а если и видятъ, то, конечно, плохо понимаютъ. «Сѣверный Вѣстникъ» эксплуатируетъ Толстаго весьма цинично. Для репутаціи журнала этотъ новый подвигъ немного значитъ. Но Толстаго онъ рисуетъ, во всякомъ случаѣ, въ непривлекательномъ свѣтѣ, показывая въ нашемъ проповѣдникѣ отсутствіе необходимой щепетильности, умѣнія различать литературные органы отъ литературныхъ лавочекъ. Мы не боимся высказать предположеніе, что Л. Н. Толстому было бы очень трудно сойтись съ какимъ нибудь порядочнымъ нынѣшнимъ журналомъ. Каждый порядочный журналъ,—худо ли, хорошо ли, право ли, неправо ли,—отстаиваетъ извѣстныя убѣжденія, и печатать завѣдомаго вздора не станетъ, хотя бы онъ былъ подписанъ громчайшимъ именемъ. Журналы же непорядочные, живущіе «новинкою», модою, мелкимъ угодничествомъ, не задумываются открывать,—если это выгодно,—свои страницы авторамъ совершенно несочувственнаго имъ направленія. Сомнѣваемся, чтобы эти журналы имѣли, въ концѣ концовъ, большую выгоду, но что авторы никакой выгоды не имѣютъ, это несомнѣнно. Отдѣльно изданный богословско-философскій трактатъ или идейный разсказъ Толстаго представляютъ смыслъ. Въ журналѣ «толстовскаго» направленія такой трактатъ или разсказъ тоже будетъ имѣть опредѣленное значеніе. Но, напечатанные рядомъ съ мараньемъ псевдо-критической кликуши или съ еврейско-либеральными разглагольствованіями заштатнаго экономиста, подобные трактаты или разсказы уже теряютъ всякій смыслъ и поселяютъ въ понимающемъ читателѣ полное недоумѣніе.

На этомъ мы покончиваемъ съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», но,

Digitized by Google

собственно, о Толстомъ намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ. Г-нъ Буренинъ какъ-то выразилъ мысль, что Толстой, съ его громаднымъ талантомъ, своеобразной техникою и удивительной художественной наблюдательностью, самымъ фактомъ своего существованія въ современной литературѣ, повысилъ требованія читающей публики къ новѣйшимъ беллетристамъ. Я думаю, что эта мысль была бы вѣрна, еслибы рѣчь шла не о Толстомъ, а, напримѣръ, о Тургеневѣ. Толстовскую технику мы хорошо знаемъ. Она, никоимъ образомъ, не можетъ служить предметомъ подражанія; въ ней даже изучать нечего. Изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей, толстовской техникою особенно владѣетъ г. Боборыкинъ, но онъ довелъ ее до крайняго злоупотребленія. Толстой, не заботясь объ архитектоникѣ произведенія и нагромождая одну подробность на другую, силою своего громаднаго таланта, заставляетъ насъ забывать о несовершенствѣ и аляповатости внѣшнихъ пріемовъ. Господинъ же Боборыкинъ, вываливая одну подробность за другою, загромождаетъ хламомъ, прерываетъ и безъ того ничтожное дѣйствіе въ своихъ романахъ. Какъ бы тамъ ни было, примѣръ г. Боборыкина краснорѣчиво доказываетъ, что толстовская техника не годится для подражанія и что это есть нѣчто, принадлежащее исключительно геніальному писателю. Стало быть, требовательность читателей, по отношенію къ формѣ, повышена не Толстымъ, и не Толстой дѣлаетъ ихъ строже день ото дня. Что касается огромнаго запаса его наблюденій и передачи ихъ, то тутъ, конечно, не могло бы быть спора, еслибы не послѣдняя дѣятельность Толстаго. Толстой пріобрѣлъ популярность, которой не пріобрѣталъ до него ни одинъ русскій писатель; но свойства этой популярности какъ-то обезцѣнили и обезличили его для насъ. Еслибы изъ конца въ конецъ подлунной имя Толстаго гремѣло, какъ имя автора «Войны и мира», «Анны Карениной», «Севастопольскихъ разсказовъ» или «Казаковъ», мы имѣли бы полное право гордиться и, въ нашихъ глазахъ, блескъ славы Толстаго пріобрѣлъ бы еще бо́льшую яркость. Но не «Анна Каренина», не «Война и миръ», не «Севастопольскіе разсказы» такъ чудовищно расширили популярность ихъ автора. Толстой пріобрѣлъ всемірную извѣстность, главнымъ образомъ, благодаря своимъ апокрифическимъ произведеніямъ, благодаря такимъ разсказамъ, какъ напримѣръ, «Крейцерова соната». Въ самой Россіи, множество просвѣщенныхъ и свободомыслящихъ людей не придаютъ никакой цѣны учительской дѣятельности Толстаго, и имъ горько, что нашъ великій писатель именно съ этой стороны привлекъ вниманіе иностранцевъ. Максъ Нордау,—въ своей книгѣ: «О вырожденіи»,—говоритъ о Толстомъ, какъ о не-

Digitized by Google

нормальномъ человѣкѣ и «толстоизмъ» считаетъ явленіемъ вреднымъ, нездоровымъ. Нордау не обнаруживаетъ знакомства съ Толстымъ, какъ съ авторомъ «Анны Карениной» и т. д. Онъ, повидимому, знаетъ Толстаго исключительно по его quasi-богословскимъ и философскимъ трактатамъ. Если же онъ знаетъ его и какъ писателя-художника, то не считаетъ нужнымъ обнаруживать такого знакомства, ибо европейская публика интересуется «учительной» дѣятельностью Толстаго.

Кому попадались статьи иностранныхъ критиковъ, особенно французовъ и американцевъ, тотъ понимаетъ, какъ странно смотритъ культурный міръ на проповѣдника-Толстаго. Въ глазахъ большинства, онъ—религіозный реформаторъ, «ересіархъ», какъ говорили у насъ прежде. Но, еслибы и дѣйствительно миссія Толстаго была религіозно-реформаторскою, гордиться тутъ ему нечѣмъ, потому что въ русскомъ народѣ нѣтъ ни малѣйшей потребности, такъ или иначе, видоизмѣнить, перефасонить православіе, а тѣмъ болѣе—перейти въ католицизмъ или протестантство. Толстой несомнѣнно—не панегиристъ православія. Въ этомъ отношеніи онъ занимается тѣмъ же самымъ, чѣмъ занимаются различные космополиты и инородцы, примазавшіеся къ русской литературѣ. Между тѣмъ, Толстой исходитъ въ своихъ богословско-философскихъ взглядахъ, яко бы, отъ народнаго міросозерцанія, отъ народныхъ идеаловъ. Онъ утверждаетъ, что понялъ простую, искреннюю, безхитростную народную вѣру. Но это утвержденіе, я думаю, составляетъ только плодъ его художественной фантазіи. Во всякомъ случаѣ, Толстому было бы очень трудно сказать, въ чемъ именно заключается прямая связь его міросозерцанія съ міросозерцаніемъ народнымъ. Такимъ образомъ, идейное значеніе позднѣйшей дѣятельности Толстаго въ высшей степени сомнительно. Людей, преклоняющихся передъ западно-европейскою культурою, онъ отталкиваетъ отъ себя проповѣдью невѣжества, презрѣніемъ ко всѣмъ завоеваніямъ человѣческой мысли. Людей, уважающихъ европейскую культуру и науку, но заботящихся о самобытности, онъ опять таки отталкиваетъ грубымъ искаженіемъ различныхъ существенно-важныхъ національныхъ понятій. Въ Россіи охотно слушаютъ Толстаго люди, не приставшіе ни къ тому, ни къ другому берегу, люди пустые, легкомысленные, любящіе поболтать, но не обладающіе никакою опредѣленною идеею, никакимъ опредѣленнымъ духовнымъ стремленіемъ. По той же причинѣ, по какой Толстаго не хотятъ печатать журналы съ опредѣленнымъ направленіемъ, люди съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ не интересуются его «учительной» дѣятельностью.

Digitized by Google

Отсюда, я думаю, можно сдѣлать тотъ выводъ, что на нынѣшнюю читающую публику Толстой не вліяетъ въ томъ смыслѣ, о какомъ говоритъ г. Буренинъ; но что требованія читающей публики, дѣйствительно, повысились,—въ этомъ мы безусловно согласны съ критикомъ «Новаго Времени».

К—скій.

Digitized by Google

ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМЪ МІРѢ.

(Очерки и картинки.)

V.

Я говорилъ, что истинно-честные люди—не многочисленны въ желѣзнодорожномъ морѣ. Дѣятельность ихъ донкихотская. А люди пассивной честности, составляя значительное число, молча дѣлаютъ свое полезное дѣло. Это безотвѣтные труженики, это основа всякаго учрежденія. Они имѣютъ семью, для которой живутъ, служатъ и ежедневно претерпѣваютъ нравственныя мученія... Страхъ за существованіе, страхъ быть выброшеннымъ по капризу Бугаева съ дѣтьми и женой на улицу, смотрѣть на страданія любимыхъ существъ, чувствовать безсильную злобу, вотъ что заставляетъ этихъ въ сущности честныхъ, но слабыхъ людей, нравственно падая, нести тяжелую лямку и терпѣть униженіе своего человѣческаго достоинства. У кого поднимется рука бросить въ нихъ камень?

Что же касается людей честныхъ, энергичныхъ, то Бугаевъ не потерпитъ такихъ ни на минуту и съумѣетъ грубо отъ нихъ отдѣлаться. Управляющій, глава администраціи, по своему положенію—сила и власть несокрушимая; это капитанъ на пароходѣ во время плаванія... Хорошъ, благороденъ капитанъ—хорошо тогда и окружающимъ, а если онъ самодуръ и грубое животное — тогда бойся и трепещи этой власти!

А власть большая, даже черезчуръ. «Въ мѣстечкѣ Смѣла—разсказывалось не такъ давно въ одной газетѣ — существуетъ учрежденіе, и это учрежденіе называется: «управленіемъ фастовской желѣзной дороги». Это учрежденіе—единственное въ своемъ родѣ не только въ имперіи, но, пожалуй, во всемъ мірѣ (корреспондентъ очевидно знакомъ только *съ однимъ* управленіемъ), такъ какъ грамотность въ немъ не обязательна не только для низшихъ служащихъ, но и для начальниковъ службъ. При нашихъ желѣзнодорожныхъ порядкахъ, такое явленіе нисколько не удивительно: единственный законъ, руководящій личными отношеніями въ желѣзнодорожномъ управленіи—*это воля начальника дороги*, которая кого угодно можетъ сегодня сдѣлать начальникомъ какой либо службы (только не технической) или отдѣла. Всѣ эти мѣста свободно могли бы быть замѣщены людьми съ высшимъ образованіемъ; но наши желѣзнодорожные заправилы упрямы и всякій прогрессъ въ этомъ направленіи считаютъ умаленіемъ собственной власти».

Digitized by Google

Все это, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно и относится не къ одной только фастовской дорогѣ. Я могу указать на начальниковъ службъ, едва умѣющихъ подписать свою фамилію, начальниковъ службъ безграмотныхъ, начальниковъ службъ—бывшихъ консисторскихъ чиновниковъ, портныхъ и пр., и это не въ мѣстечкѣ Смѣла, а въ центральномъ и большомъ городѣ. Попробуйте при такихъ условіяхъ философствовать въ качествѣ желѣзнодорожнаго агента. Вотъ почему я говорю: «прать противъ такого рожна» — значитъ донкихотствовать.

Да, теменъ этотъ міръ и настоятельно требуетъ, по возможности, полнаго освѣщенія... Свѣта, свѣта больше въ этотъ темный желѣзнодорожный мракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на низшихъ служащихъ; ихъ тяжелое, какъ всякаго рабочаго, положеніе увеличивается огромною зависимостью отъ начальства, котораго, что называется, «видимо-невидимо». Начальники службъ, станцій, ревизоры, контролеры, инженеры, всѣ ихъ помощники и разные подначальники—всѣ они и каждый порознь могутъ во всякое время уничтожить всякаго маленькаго служащаго, который долженъ всѣмъ имъ угождать. Не у одного солдата, съ сотворенія міра, не было столько начальства!..

Одинъ офицеръ, умный человѣкъ, сказалъ какъ-то: «на желѣзной дорогѣ всѣ начальники надъ кѣмъ нибудь или, въ крайнемъ случаѣ, надъ чѣмъ нибудь да начальствуетъ каждый»!..

И это правда. Тѣмъ труднѣе агенту, чѣмъ ниже его должность. Надъ нимъ цѣлая туча начальства.

Гдѣ тутъ постороннему, пассажиру, требовать услугъ, когда, напр., кондукторъ буквально не успѣваетъ угождать «своимъ», ихъ женамъ и родственникамъ. А нештатные, ремонтные и мастеровые? Это еще болѣе жалкіе люди, если они не принадлежатъ къ крестьянству и не имѣютъ въ деревнѣ избы и хоть какого нибудь хозяйства! Но если это бездомовые, да безземельные, или мѣщане и отставные солдаты, тогда, послѣ долгихъ годовъ работы, они—нищіе въ полномъ смыслѣ этого слова.

Больной, безъ силъ, куда онъ дѣнется, если нѣтъ деревни? куда? развѣ добрые люди найдутся... Развѣ?.. Бываютъ и такіе случаи, бываютъ, но рѣдко. Одинъ уважаемый въ Москвѣ профессоръ, профессоръ-чудакъ, учредившій множество стипендій для студентовъ,—профессоръ, о которомъ ходило и теперь ходитъ множество разсказовъ,—подобралъ на улицѣ ремонтнаго рабочаго, человѣка, 21 годъ прослужившаго на желѣзной дорогѣ и выброшеннаго на улицу.

Я видѣлъ его на квартирѣ профессора, видѣлъ больнаго, доживающаго свой вѣкъ, человѣка. Нечего сказать, судьба!..

— Самоваришка у него, да одежёнка на плечахъ—вотъ и все имущество. Работать не можетъ... развѣ принесетъ ведро воды... Настоящій, батенька, пролетарій,—говорилъ профессоръ,—годъ цѣлый живетъ у меня, не на улицу же его выгнать. Не собака, а человѣкъ!.. Писалъ ему прошеніе, да нѣтъ отвѣта,—можетъ, не такъ или не туда писалъ.

— Это точно, значитъ, написали начальнику малаго ремонта... Оно, значитъ, пошло, да и лежитъ. Погоди, значитъ,—проговорилъ рабочій.

Digitized by Google

Профессоръ засмѣялся.

— Видите... я написалъ, по его же словамъ, начальнику малаго ремонта, а не добавилъ: ремонта вагоновъ. Да, вѣдь, я не знаю ихъ должностей! Откуда мнѣ знать, что есть начальники и другихъ ремонтовъ?..

— Это вѣрно; другіе, прочіе, значитъ начальники, тьма ихъ... не упомнишь. Гдѣ упомнить! Надо бы къ самому управляющему бумагу-то!..

— Что жь, напишу и управляющему, да выдетъ ли что изъ этого?—задумался профессоръ.

— Надо быть, рѣшеніе выдетъ — проговорилъ рабочій и ушелъ къ себѣ въ уголъ.

Я посовѣтовалъ обратиться къ управляющему. Можетъ, что нибудь выдетъ. Все зависитъ отъ его воли.

Другой случай. При подачѣ торфа на паровозъ, былъ убитъ рабочій. У него остался маленькій сынъ. Убитаго похоронили, за мальчика похлопотали, но ничего не вышло: сирота очутился на улицѣ, гдѣ его подобралъ старикъ-лавочникъ, добрый и хорошій человѣкъ. Мальчикъ жилъ, пока случайно объ этомъ не узналъ одинъ желѣзнодорожникъ и не доложилъ управляющему, заступившему мѣсто Бугаева. Управляющій, услыхавъ объ этомъ, приказалъ опредѣлить сироту въ желѣзнодорожное училище. Случайность спасла ребенка.

Какъ видитъ читатель, все зависитъ отъ власти управляющаго дорогой. Хорошій человѣкъ—значитъ, можно надѣяться; самодуръ—тогда ничего не выдетъ. До чего доходитъ иногда ослѣпленіе начальства властью, я приведу нѣсколько примѣровъ, за которые ручаюсь. Прогнали за что-то машиниста со службы. Машинистъ началъ ходить по начальству и просить снова принять его; просилъ, наконецъ, разъяснить ему, за что именно онъ уволенъ.

Правъ ли, не правъ ли этотъ машинистъ, я не знаю, да и не въ этомъ дѣло. Назойливыя хожденія и требованія машиниста доводятъ начальство до остроумной мысли: попросить администрацію выслать этого машиниста изъ города, чтобы онъ больше не надоѣдалъ. Машинистъ держалъ себя скромно, хотя, можетъ быть, и настойчиво, и администрація просьбу начальника не уважила, запретивъ, впрочемъ, машинисту ходить въ контору и даже на вокзалъ станціи. Машинистъ покорился.

Но вотъ происходитъ настоящій курьезъ, курьезъ, возможный только на желѣзныхъ дорогахъ, въ царствѣ самодурства!..

Однажды «начальство» вышло на улицу и оглянулось по сторонамъ. И что же? съ сѣверо-запада приближалась не грозная туча, нѣтъ, но жалкая фигура машиниста... О, Боже! Какая дерзость!.. Начальство быстро направилось на югъ, машинистъ за нимъ... Удваиваетъ шаги начальство, машинистъ не отстаетъ. Что прикажете дѣлать? И это среди бѣла дня!.. Идетъ и идетъ сзади, и знать ничего не хочетъ. Но сжалился Господь! Ѣдетъ со звономъ конка, начальство прыгаетъ въ вагонъ, машинистъ тоже, и видимо теперь намѣревается что-то сказать... Однако, геніальный маневръ лишаетъ его этой возмутительной возможности. Начальство съ

Digitized by Google

конки прыгъ на извощика, а кондукторъ съ ошеломленнаго машиниста потребовалъ пятакъ. Послѣ такого случая, начальство приняло рѣшительныя мѣры. Оно приказало написать «бумагу», въ которой настоятельно просило у высшей администраціи дать ему, начальству, право купить револьверъ и стрѣлять въ машиниста.

Написали, послали—и получили отказъ. Я сохранилъ съ удительной бумаги копію.

А вотъ еще: случаи увѣчья, паденія пассажировъ изъ вагоновъ, хожденія по путямъ постороннихъ людей и происходящіе съ ними несчастные случаи,—на дорогахъ встрѣчаются весьма нерѣдко... О каждомъ таковомъ случаѣ управленіе должно доносить въ инспекцію на особыхъ бланкахъ, по которымъ значится, что причиной служитъ «неосторожность пострадавшаго».

Отдаются, конечно, приказы: «ходить по путямъ воспрещается», выходить изъ вагоновъ во время хода поѣздовъ—тоже. Но, тѣмъ не менѣе, неосторожные люди ходятъ, выходятъ—и несчастные случаи продолжаются... Начальство начало штрафовать по 5 р. каждаго путеваго сторожа, въ районѣ котораго произошелъ случай. Сторожа платятъ по 5 р. (это изъ 12 р. мѣсячнаго жалованья!) но все тоже: ходятъ и выходятъ... Тогда! О, это была геніальная мысль!.. Родилась она у втораго, послѣ Бугаева, управляющаго, при которомъ я и покинулъ службу. Призываетъ «онъ» меня.

— Когда же кончится? Ходятъ и выходятъ...

— Такъ точно—говорю—ходятъ и выходятъ...

— Правилъ, приказовъ, не исполняютъ?

Я наклонилъ голову.

— Наконецъ, я положу этому предѣлъ!.. Я...—и «онъ» сверкнулъ глазами.—Я васъ прошу написать «бумагу» въ департаментъ—и голосъ его звучалъ «пророчески»:—«бумагу», въ которой я покорнѣйше прошу разрѣшить мнѣ построить по линіи маленькія тюрьмы, съ окнами за желѣзными рѣшетками, обращенными на полотно дороги... Я думаю, такихъ десять тюремъ достаточно.

Я былъ ошеломленъ и съ трудомъ сознавалъ, въ чемъ дѣло.

— Вы понимаете меня? Я хочу построить тюрьмы, куда буду сажать на хлѣбъ и воду, ну, по два, по три дня, всѣхъ, во-1-хъ, ходящихъ по путямъ и, во-2-хъ, не подчиняющихся желѣзнодорожной дисциплинѣ пассажировъ. Вотъ что я хочу!..

Онъ гордо поднялъ голову, свою геніальную голову. Я молчалъ. Да и что я могъ сказать? что?... Развѣ въ родѣ того, что «у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка»... «Бумагу» не послали, потому что «другіе» осмѣлились возражать. Я не возражалъ, я былъ загипнотизированъ и, вѣроятно, сочинилъ бы такую «бумагу»... Это было бы прелестное сочиненіе, такъ сказать, юридически-философское...

Я уже упоминалъ, что Бугаевъ былъ назначенъ главнымъ инженеромъ и строителемъ дороги... Наконецъ, человѣкъ достигъ того, къ чему такъ страстно стремилась его душа.

Теперь передъ нимъ открывались широкія перспективы... На мѣсто Бугаева назначенъ былъ другой, еще сравнительно молодой, инженеръ. Человѣкъ неглупый, нѣсколько суховатый, хотя и добрый.

Digitized by Google

Назовемъ его Петровымъ и остановимся на его владычествѣ. При немъ ежевыя лапы дисциплины нѣсколько ослабли, и служащіе вздохнули свободно... Страхъ, который постоянно висѣлъ надъ ними во время управленія Бугаева, мало по малу разсѣялся, какъ туманъ отъ свѣтлаго дня. Повѣяло справедливостью и гуманностью.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало нужно для людскаго благополучія и въ томъ числѣ для благополучія желѣзнодорожниковъ, а именно: спокойствіе и увѣренность въ томъ, что, если исполняешь честно и акуратно свою работу, то тебя не выгонятъ со службы и не оскорбятъ...

Какъ это просто!.. а между тѣмъ, этой-то простоты и нѣтъ тамъ, гдѣ интрига и своеобразная дисциплина свили себѣ гнѣздо и обезличили людей...

Когда повѣяло человѣчностью,—не стало нелѣпой, вѣчной спѣшки, безтолковой переписки и ненужнаго формализма, разъѣдающаго всякое живое дѣло, всякое хорошее начинаніе. Работа была такая же, но она казалась легче, потому что пріобрѣтала осмысленность... При душевномъ спокойствіи, каждый понималъ, что онъ дѣлаетъ и что ему надо дѣлать...

Завтрашній день представлялся яснымъ, опредѣленнымъ; за нимъ шли другіе дни, такіе же ясные.

Такой человѣческій порядокъ отражается самымъ благопріятнымъ образомъ на семьяхъ желѣзнодорожниковъ... и спокойствіе воцаряется въ нихъ: забыта водка, ни одинъ труженикъ не бѣжитъ вонъ изъ дома искать забвенія въ трактирѣ, а устраиваетъ свой уголъ, занимается въ садикѣ, въ огородѣ, если они есть подъ рукою.

Вообще нервы успокаиваются; въ будущемъ мелькаютъ перспективы повышенія, увеличенія награды и, слѣдовательно, матеріальныхъ улучшеній въ семейномъ быту. Такое свѣтлое, покойное настроеніе, дѣйствуя благотворно, развиваетъ энергію и желаніе работать хорошо и производительно.

Русскій человѣкъ вообще мало видалъ хорошаго; ежевыя рукавицы, нужда, неопредѣленность положенія—его вѣчные спутники... Теплое отношеніе, доброе слово онъ цѣнитъ высоко. Не потому ли типы нѣкоторыхъ кулаковъ съ виду такъ добродушны и просты?! Съ рабочими они за панибрата, рабочаго эксплуатируютъ, а онъ нейдетъ отъ нихъ и сторонится отъ барина, честнаго, желающаго ему добра... Можетъ, потому и сторонится, что баринъ не можетъ, не съумѣетъ сказать такого слова, простаго, обыкновеннаго, которое такъ мило рабочему и за которое онъ платитъ дорогой цѣной. Какія работы производились артелями въ короткій срокъ, благодаря «хорошимъ словамъ» и водкѣ. Въ день сработаетъ артель то, что при другихъ условіяхъ потребуетъ цѣлой недѣли. Кто не наблюдалъ этого среди народа?

Въ такое тихое, разумное управленіе, многіе, уже подыскивавшіе мѣста въ другихъ учрежденіяхъ, рѣшились оставаться; другіе, подхалимы и «Молчалины» поджали хвосты и стали приспособляться къ новому вѣянію... Нѣкоторые уже потихоньку поругивали Бугаева и всю его систему.

Digitized by Google

Правда, имъ никто не вѣрилъ, но, чувствуя силу своего положенія и вѣруя въ честные принципы Петрова, относились къ нимъ съ добродушнымъ пренебреженіемъ.

Здѣсь я долженъ остановиться еще на одномъ, впрочемъ, далеко не распространенномъ, типѣ... Возьму Хамелеонова... Этотъ человѣкъ пришелъ на желѣзную дорогу извнѣ, пришелъ веселый, жизнерадостный, простой и откровенный, словомъ—«человѣкъ-рубаха». За большимъ онъ не гнался; денегъ, повидимому, не любилъ; былъ остроуменъ, умѣлъ себя держать, вò-время сказать серьезно, вò-время пошутить... Своихъ убѣжденій, принциповъ, онъ не имѣлъ и во всемъ ссылался на авторитеты.

Нравился онъ сначала всѣмъ, нравился потому, что съ нимъ было пріятно, интересно. Онъ пришелъ изъ другой сферы, чуждой желѣзнодорожникамъ. отъ него вѣяло инымъ воздухомъ... Хамелеоновъ понималъ впечатлѣніе, которое онъ производилъ, и приглядывался, приспособлялся. Онъ былъ въ сущности софистъ и часто защищалъ такія явленія, которыя казались несправедливыми и вредными. Онъ доказывалъ ихъ законность въ виду будущаго. Короче сказать, въ своемъ приспособленіи, Хамелеоновъ просто и коротко оправдывалъ начальство и винилъ во всемъ подчиненныхъ. Оправдывалъ философски, становился на юридическую, техническую почву, парилъ «сизымъ орломъ по поднебесью и сѣрымъ волкомъ по лѣсамъ». Хамелеоновъ былъ на хорошемъ счету, былъ принятъ у начальства, водилъ дружбу со служащими и мало по малу терялъ свой специфическій запахъ, погружаясь все глубже и глубже въ желѣзнодорожное болото. Служащіе мало по малу стали на него коситься, какъ на человѣка, принятаго у начальства, и сторонились отъ него... Въ свою очередь, начальство, слушая его постоянныя адвокатскія рѣчи и не нуждаясь въ нихъ, съ улыбкой думало о немъ, какъ о болтунѣ. Хамелеоновъ не хотѣлъ упустить ни того, ни другаго... не хотѣлъ порвать съ начальствомъ и упустить свое прежнее преимущество надъ обыкновенными служащими. Онъ не повышался и дѣлался все болѣе и болѣе желчнымъ. Бугаевъ съ нимъ благосклонно шутилъ, но относился не какъ къ дѣловому человѣку... Бугаевъ не любилъ, кто много говоритъ... Хамелеоновъ сталъ хирѣть, понимая свою ошибку.

Но вотъ въ управленіи произошла перемѣна. Петровъ замѣнилъ Бугаева. Хамелеоновъ снова ожилъ, собралъ всѣ свои силы и всю желчь направилъ на бугаевскую систему. Хамелеонову повезло; его опять стали слушать; онъ напомнилъ прежняго, стараго Хамелеонова. Онъ признавалъ авторитетъ только одного молодаго управляющаго, вмѣстивъ въ него всѣ свои авторитеты, и сталъ бороться во имя принциповъ управляющаго. Хамелеонову простили его измѣну и онъ сталъ пріятнымъ товарищемъ.

Управляющій приблизилъ его, хотя впослѣдствіи и раскаялся: онъ ошибся въ немъ въ самую трудную минуту, во время борьбы съ Бугаевымъ, который, какъ духъ зла, появился снова, чтобы уничтожить все, что принесъ съ собой Петровъ, и спасти свою «дисциплину».

Но объ этой борьбѣ и постройкѣ новой дороги мнѣ уже приходилось говорить въ отдѣльномъ очеркѣ.

Digitized by Google

IX.

Въ общемъ, перемѣна при Петровѣ произошла большая. Управляющій открылъ къ себѣ свободный доступъ для всѣхъ, сталъ очень часто ѣздить по линіи и объявилъ войну подрядчикамъ. Кажется, правленіе и акціонеры должны бы быть довольны такой дѣятельностью, но... Конечно, не всѣ, а нѣкоторые подрядчики, по тѣмъ или другимъ причинамъ, нравились членамъ правленія, и они стали косо поглядывать на энергію новаго управляющаго.

Частная дорога—прежде всего комерческое учрежденіе. Акціи, дивиденды, нажива—вотъ что стоитъ на первомъ планѣ. Хозяева дороги—капиталисты-акціонеры, вокругъ которыхъ всегда, какъ тѣни, снуютъ мелкіе капиталисты, подрядчики и проч.,—народъ все очень нужный.

Поставка матеріаловъ на желѣзную дорогу—дѣло серьезной важности, дѣло, во главѣ котораго должны находиться люди испытанной честности. Петровъ обратилъ на это особенное вниманіе. Улучшенія и реформы по медицинской части также составили его заботу.

Медицина странно поставлена на желѣзныхъ дорогахъ. Главнымъ начальникомъ по медицинской части состоитъ все тотъ же всесильный управляющій. Такъ называемый старшій врачъ дороги пикнуть не смѣетъ передъ «самимъ». Въ случаѣ надобности, заключенія о больныхъ, о поврежденіяхъ, объ отвѣтственности дороги врачъ долженъ давать согласно желанію высшей администраціи. Врачъ не самостоятеленъ: онъ такой же «агентъ», какъ и всѣ, и вполнѣ зависитъ отъ воли управляющаго.

Спеціалистъ-медикъ зависитъ отъ инженера. Гдѣ же здѣсь логика?..

Не понравился врачъ—слишкомъ онъ самостоятеленъ—сейчасъ же вонъ и на его мѣсто другой. Назойливо потребовалъ врачъ необходимыхъ медикаментовъ—неуваженіе къ власти... и дѣятельный молодой врачъ оставляетъ службу! Правленіе косо посматриваетъ на большую сумму пособій, выданныхъ больнымъ, говоритъ объ этомъ управляющему, а тотъ врачу—и врачъ поставленъ въ необходимость признавать людей больными, соотвѣтственно указаніямъ жирныхъ акціонеровъ. При такихъ условіяхъ, порядочный врачъ нейдетъ на эту службу; у него связаны руки: нужно и лѣчить, и подчиняться «желѣзнодорожной политикѣ», нужно быть въ ея курсѣ. А посѣщеніе больныхъ, пріемъ ихъ ежедневно?! Работы много, а врачей мало. На три тысячи служащихъ—три или четыре врача. Администрація и сама сознаётъ этотъ недостатокъ и потому снабжаетъ врачей, живущихъ близъ линіи, безплатными билетами. По недостатку медицинскаго персонала, приходящихъ въ пріемный покой рабочихъ лѣчатъ обыкновенно фельдшера. Желѣзнодорожный фельдшеръ—особенно несимпатичный типъ. Онъ тоже начальство своего рода, начальство грубое, капризное.

— У тебя что?—спрашиваетъ онъ строго больнаго, которому

Digitized by Google

такъ и кажется, что за этимъ послѣдуетъ грозное:—«какъ ты смѣлъ заболѣть, каналья»?—Рабочій смиренно отвѣчаетъ:

— Какъ будто, Иванъ Ивановичъ, спину обожгло...

— Покажи!—кричитъ фельдшеръ,

Рабочій снимаетъ рубаху и показываетъ страшную рану.

— Это какъ тебя угораздило?!. Не бережетесь, канальи!

— Это точно... какъ уберечься, когда тебя паромъ, значитъ, сразу...

Фельдшеръ идетъ въ другую комнату и выноситъ мазь.

— На, мажь спину. А ты зачѣмъ пришелъ?—обращается онъ къ другому больному.

Ни тѣни состраданія, участія.

Больные по цѣлымъ днямъ, часто на дождѣ, лежатъ, сидятъ на лѣстницѣ и во дворѣ пріемнаго покоя. Когда-то покажутся врачъ или фельдшеръ. Первый бѣгаетъ по управленію и конторамъ, справляется: какъ и что? куда вѣтеръ дуетъ?.. а фельдшеръ приготовляетъ лѣкарство или пьетъ чай... Больные ждутъ, ждутъ и приходятъ на другой день. Вотъ, если заболѣетъ начальство, тогда спѣшатъ, бросаютъ все—закуску и политику, и бѣгутъ.

Впрочемъ, я знаю такой случай... Высшій агентъ, во время служебныхъ занятій, пошелъ сдѣлать себѣ перевязку. Въ пріемномъ покоѣ онъ спросилъ фельдшера; сторожъ доложилъ и просилъ обождать.

«Жду,—разсказываетъ агентъ, — проходитъ полчаса, зову сторожа и спрашиваю, что дѣлаетъ господинъ фельдшеръ. «Они закусываютъ»,—отвѣчаетъ сторожъ. Время идетъ, беру старую газету, читаю; еще полчаса прошло. Скука. Начинаетъ разбирать злость. Въ самомъ дѣлѣ, пріемные часы!.. Зову сторожа, посылаю опять. «Откушиваютъ, скоро будутъ»... Я вышелъ изъ себя и проговорилъ: «пусть онъ подавится, обжора»... «Какъ вамъ угодно»!—отвѣчаетъ сторожъ, отворяя мнѣ двери. Ну, скажите, пожалуйста, вѣдь, это чортъ знаетъ, что такое... Что же онъ съ простыми служащими, съ рабочими дѣлаетъ? Воображаю, если меня часъ заставилъ ждать да такъ и не вышелъ»!

Слушатели соглашались и совѣтовали пожаловаться управляющему. Замѣтьте, управляющему, но не врачу дороги.

Честный молодой врачъ, разумѣется, возмущается такими порядками, протестуетъ и быстро разстается съ дорогой; другіе, остающіеся, тянутъ лямку, махнувъ на все рукой...

— Помилуйте, что я могу сдѣлать?—горячится порою старшій врачъ:—о каждомъ пустякѣ я долженъ спросить управляющаго... Мнѣ надо и то, и другое, а онъ говоритъ: обойдетесь и такъ, докторъ!.. Да я-то обойдусь, а больные какъ?!. Нѣтъ, пока медицина не будетъ самостоятельно поставлена на дорогахъ, не будетъ толку, не будетъ... Я голову потерялъ, батюшка, чортъ съ ней и со службой!..

«Политика» состоитъ въ томъ, чтобы старшій врачъ съумѣлъ заслужить симпатію управляющаго, былъ въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ, ходилъ на домъ, игралъ съ его женой въ винтъ. Вотъ тогда просьбы его исполняются, и исполняются быстро, безъ задерж-

Digitized by Google

ки; даже главный бухгалтеръ, зная, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою его начальникъ и врачъ, отпуститъ требуемую послѣднимъ сумму, а послѣ доложитъ управляющему:

— Я Ивану Николаевичу отпустилъ на бинты...

— Ивану Николаевичу? Хорошо, хорошо!—отвѣтитъ «самъ», и отвѣтитъ благосклонно.

Управляющіе любятъ, чтобы предугадывали ихъ желанія и знали ихъ расположеніе къ тому или другому служащему. Такихъ подчиненныхъ они любятъ и цѣнятъ.

— Можетъ быть,—книгу обмѣна вагоновъ принести?—смотритъ въ глаза «самому» секретарь.

— Да, да, принесите; я давно не видалъ,—благосклонно соглашается начальство.

— Цыпочкинъ проситъ впередъ жалованье, говоритъ: жена больна... я ему отказалъ отъ вашего имени, — докладываетъ бухгалтеръ.

— Отлично, отлично,—злобно улыбается самъ,—не давать ему, не давать ничего.

Подобныхъ сценъ, полныхъ молчалинскаго умиленія и холопскаго сладострастія, при Петровѣ не было. Такіе тихіе часы блаженства отошли въ область преданія.

Петровъ обратилъ вниманіе на медицинскую часть. За небольшое жалованье онъ пригласилъ нѣсколькихъ молодыхъ врачей, причемъ выбиралъ преимущественно неженатыхъ. Онъ входилъ во все, входилъ не съ предвзятыми намѣреніями, напротивъ, старался изучить, ознакомиться на мѣстѣ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ службы. Управляющій держалъ себя такъ просто, что служащіе, привыкшіе къ бугаевскому режиму, вначалѣ нѣсколько подозрительно относились къ простотѣ Петрова, думая, что это своего рода подвохъ, и только. По крайней мѣрѣ, такъ говорили на линіи... Но прошелъ мѣсяцъ, другой, и всѣ сознавали, что Петровъ—умный и хорошій человѣкъ. Между ближайшими помощниками управляющаго выдѣлялись: главный инженеръ, знающій и честный молодой человѣкъ, и—тоже молодой—новый главный бухгалтеръ. Послѣдній былъ дѣлецъ и счетоводъ, прошедшій всю желѣзнодорожную мудрость и отлично усвоившій принципъ: «гдѣ раки зимуютъ». Этотъ бухгалтеръ напоминалъ молодаго щенка, которому никогда не суждено быть взрослой настоящей собакой. Бываютъ такіе люди, которымъ не знаешь, сколько дать лѣтъ—25 или 45... Юркіе, умные, съ ничтожной растительностью на лицѣ, съ неопредѣленнымъ, какъ ихъ возрастъ, характеромъ и взглядами,—они, эти люди, то кажутся вамъ симпатичными, то «себѣ на умѣ», или просто жесткими и осторожными эгоистами. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣрнымъ, и если кто смотритъ на нихъ иначе, тотъ ошибается.

Ловкій, расторопный бухгалтеръ нуженъ управляющему, — это его правая рука. Бухгалтеръ долженъ быть такой, которому можно довѣрять—иначе придется слѣдить за всякой мелочью, за каждой квитанціей и каждой бумажонкой, въ которой имѣются цифры рублей и копѣекъ. Петровъ довѣрялъ Щенкову, довѣрялъ совершенно искренно, считая его честнымъ человѣкомъ; Щенковъ же, какъ

Digitized by Google

кровный проходимецъ, всѣми силами старался поддерживать такое о себѣ мнѣніе, но былъ не прочь, въ случаѣ надобности, предоставить себя къ услугамъ другаго, хотя бы Бугаева, если послѣдній заплатитъ больше (такъ и случилось потомъ).

Этотъ Щенковъ, между прочимъ, всѣми силами старался и достигъ того, чтобы отвлечь Петрова отъ хозяйственной лавочки. Управляющій сначала очень интересовался этимъ дѣйствительно интереснымъ учрежденіемъ.

Хозяйственная лавочка, или магазинъ—мѣсто, гдѣ служащіе могутъ брать «на книжку» продукты первой необходимости: муку, крупу, мясо, дрова, соль, свѣчи и пр. Впрочемъ, не одними этими товарами торговала лавочка: сыръ, колбаса, чай, сахаръ, табакъ тоже составляли предметъ ея торговли. Торговля шла бойко. Покупатель былъ свой,—«свой» въ буквальномъ смыслѣ, такой, который не убѣжитъ, не купитъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нужно платить наличныя деньги; такой, на котораго можно и прикрикнуть, если онъ чѣмъ недоволенъ, и пригрозить пожаловаться начальству, которое лавочкой всегда довольно... Да и какже иначе?

Утро. Продажа въ лавочкѣ производится въ опредѣленное время, а потому народу бываетъ всегда много. Толпится народъ и ждетъ, когда отпустятъ провизію. Рабочіе ждутъ долго. Артельщики и конторщики магазина стараются отпустить сначала «культурныхъ» агентовъ, т. е. начальство... Входитъ прислуга начальника службы.

— Поскорѣича!.. Иванъ Егоровичъ филею приказали, лучшаго... безъ задержки... самъ дома и ждетъ!—Прикащики бросаютъ покупателей и бѣгутъ за говядиной.

Черезъ двѣ минуты, посланный Ивана Егоровича возвращается съ лучшимъ кускомъ мяса. А рабочіе ждутъ. Прибѣгаетъ и суетъ книжку кухарка начальника матеріальной службы. Та же спѣшка. Кухарку отпускаютъ. Рабочіе все ждутъ и не дождутся.

Хитрая политика лавочки такова: лучшіе куски и лучшіе продукты идутъ по начальству, а все худшее—рабочимъ и мастеровымъ... Лавочниками практикуется нерѣдко всякая фальшь: недовѣсъ, обмѣръ и подмѣсь... Къ сахару, напримѣръ, примѣшивается даже соль, къ мукѣ—песокъ. Берутъ рабочіе эту пакость, берутъ и, въ буквальномъ смыслѣ, скрипя зубами, жуютъ хлѣбъ съ пескомъ.

Жаловаться?!. Жалобы рѣдко имѣютъ послѣдствія. Да и въ самомъ дѣлѣ, начальство, которому доставляется жалоба и негодный товаръ, забираетъ само изъ той же лавочки и у него продуктъ превосходный. Не мудрено, что завѣдующіе лавочкой легко оправдываются тѣмъ, что это попало случайно, не доглядѣли... грѣхъ, да бѣда на кого не живетъ? и проч. Кончается жалоба тѣмъ, что начальство, безъ гнѣва и довольно добродушно, скажетъ: «все таки надо посматривать, въ самомъ дѣлѣ мука (или сахаръ) того»... А затѣмъ: «поклонъ, да и былъ таковъ», т. е. все таки останутся и соль, и песокъ, и проч. Лавочка въ особомъ вагонѣ разъѣзжаетъ съ продуктами по линіи, гдѣ, говорятъ, еще безсовѣстнѣе идетъ торговля. При получкѣ мѣсячнаго жалованья, вычитается сумма, на которую забранъ продуктъ.

Digitized by Google

Эти лавочки—больное мѣсто желѣзныхъ дорогъ и реорганизація ихъ необходима. Цѣны на товары такія же, какъ и въ обыкновенныхъ лавкахъ, только за кредитъ рабочіе платятъ ужь слишкомъ высокіе проценты.

Благодаря Щенкову, Петровъ не обратилъ вниманія на лавочные порядки, не обратилъ потому, что довѣрялъ Щенкову, который стоялъ во главѣ этого дѣла. Вообще Петровъ дѣйствовалъ все таки не особенно энергично. При немъ, правда, не творилось того, что при Бугаевѣ, но заведенные порядки въ нѣкоторыхъ службахъ продолжали существовать, будто освященные преданіемъ. Петровъ приглядывался, изучалъ ихъ и приноровлялся, какъ бы лучше и безъ скандала вырвать съ корнемъ зло, которое наросло цѣлыми десятками лѣтъ и какъ паутиной связало живое и кипучее желѣзнодорожное дѣло. Прежде всего, онъ рѣшилъ бороться съ канцелярщиной, этимъ мертвымъ тормозомъ живаго обмѣна и постояннаго движенія, составляющихъ душу желѣзнодорожнаго дѣла.

Петровъ рѣшилъ... но неожиданно наступили необыкновенныя событія»...

Здѣсь рукопись, и безъ того написанная скачкàми, прерывается и слѣдуетъ цѣлая статья о пенсіонной кассѣ, перемѣшанная то длиннымъ рядомъ цифровыхъ вычисленій, то картинками засѣданій пенсіоннаго комитета.

Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльные очерки, изъ которыхъ одни написаны въ формѣ фантастическихъ сновъ, напр.: «Сны и грезы Бугаева», другіе имѣютъ повѣствовательную, довольно выдержанную, форму.

«Постройка мыловаренной вѣтви»—весьма любопытный и характерный разсказъ.

Послѣднія вещи, послѣ нѣкоторой литературной обработки, я предложу вниманію читателя, который, вѣроятно, и теперь немало изумленъ удивительными типами и приключеніями въ дѣловомъ желѣзнодорожномъ мірѣ.

С. Васюковъ.

Digitized by Google

Отчаяніе.

(Изъ Р. Пруца).

Тщетно я зову для новыхъ пѣснопѣній
Дорогую музу незабвенныхъ лѣтъ:
Отлетѣлъ навѣки вдохновлявшій геній,—
И угрюмой ночи роковыя тѣни
Заслонили солнце, побѣдили свѣтъ!..
Это—ночь безплодной и унылой жизни,
Это—злая гибель молодыхъ надеждъ...
О, какъ я страдалъ на ихъ печальной тризнѣ,
Видя лишь, въ германской страждущей отчизнѣ,
Праздникъ злыхъ, продажныхъ и тупыхъ невѣждъ...
Между тѣмъ какъ съ ними въ бой вступали братья—
Сверстники иной плѣнительной поры—
Я попалъ къ врагамъ ликующимъ въ объятья,
Затаивши робко гнѣвныя проклятья,
Расточая втунѣ божіе дары...
Одолѣть съумѣли правду и свободу
Всюду слуги тьмы, насилія и зла:
Тяжело дышать подъ властью ихъ народу...
Вынести не въ силахъ лютую невзгоду,—
Муза отъ меня въ отчаяньѣ ушла!

С. Б.

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ МИНИСТРЪ.

Романъ Кларети.

VI.

Въ хорошенькой голубой уборной въ японскомъ вкусѣ, съ мебелью изъ вызолоченнаго бамбука, сидѣла на диванѣ Маріанна, бокомъ къ герцогу, и глядѣла на него такъ, какъ будто хотѣла прочесть самую затаенную мысль на его лицѣ. Кастильцу она казалась такой же обворожительной, какъ и Водрею, въ особенности въ этой голубой рамкѣ, точно нарочно придуманной для красоты блондинки.

Съ де-Розасомъ она держала себя совсѣмъ иначе, чѣмъ съ Сюльписомъ, обдавая молодаго человѣка пылкимъ, нетерпѣливымъ взглядомъ. Хотя чувствовалъ себя страстно истомленнымъ своеобразнымъ кокетствомъ этого обворожительнаго созданія, образъ котораго онъ постоянно носилъ повсюду въ глубинѣ своего сердца. Онъ вглядывался въ нее, какъ вглядываются въ женщину, давно желанную, съ которой судьба постоянно разъединяла, воспоминаніе о которой носятъ, какъ очаровательную мечту, могущую вдругъ осуществиться.

Въ этотъ вечеръ Маріанна была хороша, какъ никогда; теперь она вся расцвѣла и казалась спѣлымъ плодомъ, цвѣтъ котораго соблазняетъ своимъ яркимъ видомъ. Сейчасъ же Сабина очень ловко соединила эти оба существа, и они, желая полнѣе насладиться интимной бесѣдой, поспѣшили уединиться въ этомъ будуарѣ, куда ревнивое чутье заманило и Водрея, отыскивавшаго Маріанну. Да, ей есть о чемъ переговорить наединѣ съ этимъ человѣкомъ, разъ уже промелькнувшимъ въ ея жизни и затѣмъ скрывшимся отъ нея на многіе годы. Ей казалось, что она молодѣетъ, находясь лицомъ къ лицу съ этимъ де-Розасомъ, страсть котораго она уже давно замѣтила,

Digitized by Google

не смотря на его сдержанность. Женщины, которыхъ любятъ, часто угадываютъ это, хотя бы мужчина скрывалъ или даже не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ чувствѣ. Она испытывала безконечную радость, припоминая, какъ когда-то они также болтали съ Хозе въ его мастерской, въ улицѣ Лаваль. Японская обивка мебели довершала иллюзію.

— Знаете ли, — сказала она, — мнѣ кажется... я брежу, что я совсѣмъ не состарилась.

— Вы и на самомъ дѣлѣ не измѣнились,—отвѣчалъ Розасъ.—Я скажу даже, что...

— Да, я знаю. Вы хотите сказать, что я похорошѣла. О, эти комплименты я давно слышу. Лиссакъ уже привѣтствовалъ меня вчера такимъ образомъ...

Она невольно закусила губу, упрекнувъ себя въ неосторожности. Но еслибы она произнесла съ намѣреніемъ имя Гюи, то едва ли была бы болѣе довольна тѣмъ впечатлѣніемъ, которые произвели ея слова на Хозе. Блѣдное и безъ того лицо г. де-Розаса покрылось на этотъ разъ смертельной блѣдностью и у него даже широко раскрылся ротъ, и приподнялись золотистые усы.

— А!—сказалъ онъ,—вы по прежнему бываете у Гюи?

— Я? Вотъ уже прошло пять лѣтъ, какъ я съ нимъ не сказала ни слова, исключая вчерашняго вечера, когда я пришла къ нему просто-на-просто потому, что узнала... ну, что вы здѣсь будете.

— А!—повторилъ опять Жозефъ, ничего больше не прибавляя къ своему восклицанію.

Маріанна была удовлетворена. Теперь она знала, что герцогъ всегда ее любилъ, потому что самое имя Лиссака привело его въ дрожь. Ну, конечно, теперь она вполнѣ поняла своего Розаса.

— Но что съ вами было, герцогъ,—спросила она,—за все это долгое время?

И она посмотрѣла на него точно также, какъ глядѣла сейчасъ на Водрея, улыбаясь своей нѣжной, ласковой улыбкой, проникающей въ сокровеннѣйшіе уголки мужскаго сердца.

— Вы знаете старое, вѣчное слово: «я жилъ». Итакъ, я жилъ, что, можетъ быть, было большой глупостью съ моей стороны, но это такъ.

Digitized by Google

— И пари держу,—смѣло заявила Маріанна,—что вы ни разу не вспомнили обо мнѣ.

— Объ васъ?

— Да, обо мнѣ. Объ этой сумасбродной Маріаннѣ, съ самой сумашедшей головой, подобную которой вы, вѣроятно, не встрѣчали въ своихъ путешествіяхъ, начиная съ сѣвернаго полюса Камбоджо. Но сердце этой сумасбродки не слишкомъ злое, хотя немножко несчастное, потому что не переставало... чуть-чуть страдать и биться при нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ, о которыхъ вы, пожалуй, и позабыли... кто знаетъ?

— Я все помню,—отвѣчалъ герцогъ своимъ проникновеннымъ голосомъ.

Маріанна взглянула на него и принялась хохотать.

— О, какъ вы это сказали! Итакъ вы все помните? Вѣдь это я прозвала васъ когда-то Донъ-Карлосомъ; но сейчасъ вы напоминаете мнѣ Филиппа II. «Я все помню», бррр!.. Какой похоронный тонъ. И, однако, они ужь вовсе не такъ драматичны, наши воспоминанія!

— Это зависитъ отъ добра, которое они сдѣлали, и отъ зла, которое причинили,—замѣтилъ де-Розасъ очень серьезно.

— Ахъ, да проститъ мнѣ Богъ, если хоть когда нибудь я причинила вамъ малѣйшее зло, мой дорогой Розасъ! Вашу руку. Я васъ всегда очень любила, мой милый другъ.

И она притянула его къ себѣ, склонивъ слегка голову подъ пристальнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ испанца.

— Посмотрите на меня хорошенько и скажите, могу ли я солгать?

Герцогъ попробовалъ, на самомъ дѣлѣ, заглянуть вглубь сѣро-голубыхъ глазъ Маріанны, и на него сверкнуло изъ нихъ такое пламя, что-то до такой степени странное, что онъ отшатнулся и вырвалъ свою руку изъ ея пальцевъ, впившихся въ нее, какъ клещи.

— Ну, ну, полно, — сказала она. — Я вижу, что вы по прежнему боитесь моего взгляда. Развѣ ужь онъ такъ страшенъ?

И она сдѣлала его кроткимъ, ласковымъ, чарующе-нѣжнымъ.

— Въ концѣ концовъ, мой милый другъ, это большая заслуга заставить дрожать своимъ взглядомъ человѣка, убиваю-

Digitized by Google

щаго тигровъ также легко, какъ охотники убиваютъ рябчиковъ.

— Вы отлично знаете, Маріанна, почему я дрожу передъ вами, какъ ребенокъ. Въ мои года это смѣшно, не правда ли? Но я суевѣренъ, какъ всѣ игроки или какъ матросы, которые тоже въ нѣкоторомъ родѣ игроки въ своей жизни, постоянно рискуя ею. А мнѣ ни разу не удалось взглянуть на васъ безъ того, чтобы не подумать, что когда нибудь вы заставите меня глубоко страдать.

— Страдать? Изъ-за кого?

— Изъ-за васъ,—отвѣчалъ герцогъ.—Знаете ли, что еслибъ вы не встрѣтились мнѣ когда-то на моемъ жизненномъ пути, то я никогда не побывалъ бы въ тѣхъ странахъ, о которыхъ только что разсказывалъ, и давнымъ давно женился бы въ Мадридѣ или въ Толедо.

— Стало быть, я помѣшала...

Розасъ не далъ ей договорить, перебивъ ее рѣзкимъ тономъ, сопровождавшимся сухимъ, почти болѣзненнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, милая моя, еслибъ вы знали! Да, вы помѣшали многимъ вещамъ.

— Если я помѣшала вамъ сдѣлаться несчастнымъ, то я въ восторгѣ. И къ тому же, сколько мнѣ помнится, вы никогда не изъявляли рѣшительнаго намѣренія жениться, потому что всегда хотѣли избрать какой-то великій путь.

— Какъ Донъ-Кихотъ, не такъ ли? И разъ мы объ этомъ заговорили, то я вамъ признаюсь еще и въ томъ, что вы помѣшали мнѣ умереть гдѣ нибудь въ углу, какъ заброшенной собакѣ!

— Я?—удивленно спросила Маріанна.

— Вы или ваши пѣсни, поймите, какъ хотите. Да. Это происходило въ Египтѣ. У меня была не то лихорадка, не то тифъ, что-то въ подобномъ родѣ. Меня оставили валяться полумертвымъ, точно послѣ сраженія, въ какой-то убогой, гнусной феллахской деревушкѣ. О какихъ либо докторахъ не было и помину, что̀, можетъ быть, и спасло меня. Представьте, ни кровати, ни матраца! Слуги мои, думая, что я совсѣмъ погибъ, оставили меня, или попросту бросили на произволъ судьбы. И вотъ я очутился на кучѣ гнилой соломы, мокрой, скверной, словомъ въ навозѣ!..

Digitized by Google

— Вы? Розасъ?

— И я, говоря по чистой совѣсти, вполнѣ уподоблялся въ то время Іову... худой, съ отросшей за три мѣсяца бородой, совсѣмъ при послѣднемъ издыханіи. Ночи были теплыя. Вечеромъ феллахскія женщины собирались вокругъ меня и, въ то время какъ я смотрѣлъ на ихъ бронзовыя щоки, позлащенныя лучами знойнаго солнца,—а между ними были прехорошенькія: я даже снялъ съ нѣкоторыхъ акварель на память,—онѣ своимъ гортаннымъ голосомъ принимались осыпать меня всевозможными ругательствами, которыя я, къ несчастію, отлично понималъ, потому что самъ уроженецъ востока.—Тутъ онъ улыбнулся.—И ругань была самая грязная, площадная. Прелестны онѣ, когда бранятся, нечего сказать. Эти женщины терпѣть не могли *руми*,—дрожащаго отъ лихорадки, христіанина. Да и вообще женщины не любятъ свалившагося съ ногъ мужчину. Женщины не любятъ слабыхъ...

— А какъ же сестры милосердія?

— Увѣрены ли вы, дорогая моя, что изъ такихъ могли бы выйти сестры милосердія? Короче сказать, я просилъ у Бога только одного, валяясь въ этомъ дьявольскомъ навозѣ: чтобы онъ меня поскорѣе прибралъ, какъ вдругъ, во время лихорадочнаго припадка, мнѣ ясно послышался знакомый напѣвъ, тотъ самый—клянусь вамъ всѣми святыми!—который мы вмѣстѣ съ вами слушали въ Варьетэ, въ послѣдній годъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа. И вотъ это-то бульварное рондо, посѣтившее меня въ пустынѣ, въ одинъ мигъ перенесло меня въ Парижъ,—и вы предстали передо мной, какъ живая, съ вашими золотистыми волосами, слегка оттѣняющими вашъ лобъ волнистыми прядками. Я какъ будто даже ощущалъ васъ возлѣ себя и все продолжалъ слышать тотъ напѣвъ, такъ позабавившій когда-то васъ, Гюи и меня.

Маріаннѣ показалось, что герцогъ опять какъ-то смутился, произнося имя Гюи. Смущеніе это было теперь почти незамѣтно, но Маріаннѣ оно почувствовалось. Розасъ быстро оправился.

— И вотъ теперь вы поймете, что въ этомъ похоронномъ кастильцѣ спитъ парижскій бульвардье. Эта шансонетка такъ глубоко засѣла въ моемъ бѣдномъ мозгу, съ такою настойчи-

Digitized by Google

востью возвращалась ко мнѣ, что я, не смотря на свирѣпствовавшую во мнѣ лихорадку, вцѣпился въ нее послѣдними остатками силъ. Я распѣвалъ ее до тѣхъ поръ, пока она не положила конецъ моей лихорадкѣ. Этотъ напѣвъ послужилъ мнѣ, какъ гомеопатическое средство, потому что въ концѣ концовъ дьявольская шансонетка все таки меня вылѣчила.

— Почему дьявольская? Развѣ потому, что я ее когда-то пѣла?

— Ну, да!—сказалъ Розасъ, понижая голосъ,—именно поэтому.

И онъ подвинулся къ ней на диванѣ; она же, засмѣявшись, сказала ему:

— Къ счастію, теперь тамъ поетъ Форъ. Онъ завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ и насъ съ вами оставили совершенно однихъ въ этой гостинной. Это очень удобно. Не хотите ли, однако, пойти поаплодировать этому Фору? Вѣдь прошли цѣлые годы, какъ я его не слыхала.

— Вы очень злы, Маріанна, — возразилъ герцогъ. — Но, позвольте, мнѣ сегодня, хоть украдкой, мимоходомъ, наслаждаться своимъ счастьемъ еще нѣсколько минутъ. Я теперь такъ счастливъ.

— Вы счастливы?

— Глубоко счастливъ, и очень просто, потому что сижу въ настоящую минуту возлѣ васъ, слышу вашъ голосъ и гляжу на васъ.

— Мой бѣдный Іовъ,—отвѣчала она со смѣхомъ,—ужь не хотите ли вы, чтобъ я вамъ спѣла сейчасъ эту пѣсенку изъ Варьетэ?

Розасъ, ничего не отвѣчая, продолжалъ смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ вернувшійся къ нему ароматъ молодости. Возлѣ Маріанны, на консолѣ, стояла эмалевая узорчатая ваза съ бѣлыми лиліями, и когда Маріанна нѣсколько наклонилась въ сторону цвѣтовъ, то нѣсколько бѣлыхъ душистыхъ лепестковъ отъ сотрясенія осыпались и падали на золотистыя кудри красавицы, производя впечатлѣніе капель молока, разбрызгавшихся по грудѣ красноватаго золота. Ахъ, какія мечты роились теперь въ поэтической головѣ Хозе де-Розаса! Съ какой ясностью предстали опять передъ нимъ картины прошлаго и сколько силы воли надо было ему имѣть, чтобы сдержать при-

Digitized by Google

знаніе, готовое сорваться съ его воспламененныхъ губъ! Въ этой обстановкѣ полуосвѣщеннаго люстрой будуарчика, съ его голубовато-синими переливами тоновъ обивки, служившихъ какъ бы ореоломъ для этой тиціановской головки, всѣ мечты и помыслы молодаго человѣка кружились вокругъ этой женщины, прелестной до помраченія разсудка. Она подняла въ груди герцога цѣлую бурю желаній и думъ.

Отдаленные нѣжащіе звуки музыки какого-то morceau изъ Гуно, проникали какъ легкій вѣтерокъ, къ нимъ въ будуаръ. Хозе думалъ, что онъ грезитъ наяву.

— Ахъ, еслибъ вы знали, Маріанна... — сказалъ онъ, съ каждымъ словомъ все больше одушевляясь и точно захлебываясь.—Можно было думать со стороны, что онъ большими глотками пьетъ ликеръ, торопится и захлебывается.

— Еслибъ вы знали,—продолжалъ онъ, — какъ вы всюду путешествовали вмѣстѣ со мной, точно перевязка на ранѣ.

— Ахъ! вы говорите про мой портретъ. Я его припоминаю. Тогда я была совсѣмъ худенькая, болѣе хорошенькая, но почти совсѣмъ дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ о вашемъ портретѣ. Я его однажды разорвалъ со злости.

— Какъ, разорвали?

— Ну, да. Потому что я сказалъ себѣ, что эти губы, эти глаза, этотъ лобъ, принадлежали другому.

При этихъ словахъ, Маріанна страшно поблѣднѣла.

— Но затѣмъ, я несъ повсюду съ собою нѣчто лучшее этого портрета. Передо мной постоянно стояли вы, Маріанна, совсѣмъ живая и хорошенькая, прелестная до умопомраченія, такая вотъ, какъ сейчасъ. Маріанна! взгляните на себя; нельзя быть очаровательнѣе.

— И почему же,—спросила она низкимъ грудным голосомъ съ ласкающей вибраціей,—почему же вы прежде никогда такъ со мной не говорили?

— Ахъ, прежде...—сердито замѣтилъ герцогъ.

Она уронила головку на спинку дивана и посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, проникавшимъ все его существо,— какъ только она одна умѣла смотрѣть,—прошептавъ при этомъ де-Розасу слова, отъ которыхъ у него загорѣлась кровь.

Digitized by Google

— Прежде возлѣ меня стоялъ человѣкъ, приходившійся вамъ другомъ, не такъ ли?

— Не говорите мнѣ о немъ, — свирѣпо вскричалъ де-Розасъ.

— Напротивъ, я непремѣнно хочу сказать вамъ, что еслибы я его любила, то ни на минуту не задумалась бы бросить его и послѣдовать за вами, убѣгая отъ этой любви, какъ вы когда-то убѣжали отъ нея. Но я его никогда не любила.

— Маріанна!

— Вы мнѣ не вѣрите? Повторяю вамъ, я его никогда не любила и никогда не была его любовницей.

— Я не прошу у васъ повѣрять мнѣ подобнаго рода тайны и просто не желаю говорить о немъ,—сказалъ герцогъ страшно блѣдный.

— А я хочу съ вами говорить объ немъ. Никогда, слышите ли, никогда Гюи де-Лиссакъ не былъ моимъ любовникомъ. Не смотря на видимость, онъ даже ни разу меня не поцѣловалъ. Я только воображала, что любила его, но вскорѣ же увидала, что ни капли его не люблю. И все ждала—клянусь вотъ въ томъ!—все ждала, когда вы, наконецъ, мнѣ скажете, что вы...

— Я васъ люблю!

— Ты?—прошептала Маріанна замирающимъ голосомъ. — Такъ ты ни о чемъ не догадывался?

И она въ страстномъ волненіи склонилась къ Розасу, который, съ пылающимъ влажнымъ лбомъ, прижался къ лицу этой женщины со сладострастно помутившимися глазами и полуоткрытымъ ротикомъ. Она томно вздыхала и дыханіе ея замирало въ волосахъ герцога. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и медленно цѣловалъ эту прелестную головку съ розовыми ноздрями, трепетно раздувавшимися, точно она, забывъ все на свѣтѣ, хотѣла вдохнуть въ себя весь этотъ любовный ароматъ. Герцогъ крѣпко прижался губами къ этому ротику, свѣжесть котораго напоминала ему цвѣтокъ, сорванный рано утромъ и покрытый еще росой.

— Я люблю тебя и всегда тебя любила, — сказала ему опять Маріанна, поцѣловавъ его.

Розасъ всталъ. Громъ рукоплесканій раздался изъ той залы, гдѣ пѣли, и Маріанна увидала вдали дядюшку Кейзера, раз-

Digitized by Google

говаривавшаго съ Рамелемъ, худощавое лицо котораго выражало сильную скуку. Она вскочила съ дивана и, нервно сжавъ руку герцога, сказала ему, не отрывая отъ него своего взгляда.

— Вотъ и мой дядя! Но вѣдь мы еще увидимся, не такъ ли?

Она пошла впередъ, на встрѣчу Кейзеру и, взявъ его подъ руку, облокотилась на нее, точно желая показать герцогу, что она не одна, а со своимъ естественнымъ покровителемъ и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ числу отщепенцевъ общества, какъ онъ могъ раньше подумать. Кейзеръ, повидимому, былъ немало удивленъ нѣжностью и необычной скромностью племянницы.

— Мы теперь уѣдемъ?—сказала она.

— Какъ такъ уѣдемъ? Но вѣдь еще будетъ ужинъ!

— Ну, и отлично, а мы поужинаемъ у себя, въ мастерской,—отвѣчала она, нѣсколько волнуясь.—И поговоримъ вволю о достоинствѣ и чести искусства.

Теперь она добилась своего. Она чувствовала, что всякое лишнее слово съ ея стороны могло бы расхолодить то впечатлѣніе, которое она произвела на герцога.

— Да ну, ужь поѣдемъ!—сердито проговорилъ Кейзеръ, если тебѣ такъ загорѣлось. Но, признаюсь, довольно странное желаніе...

— Рамель,—прибавилъ онъ, протягивая руку старому журналисту,—если сердце вамъ подскажетъ, то вспомните обо мнѣ и зайдите взглянуть на мои полотна.

— Но я такъ мало выхожу,—отвѣчалъ Рамель.

— О, домосѣдъ,—замѣтилъ живописецъ.

— И пуританинъ!—прибавила Маріанна, протягивая руку Денису Рамелю.

Розасъ слѣдилъ за ней глазами, пока она удалялась и скрылась въ толпѣ гостей, залитая свѣтлыми волнами свѣта отъ люстры. Когда она была уже далеко, онъ чисто физически ощутилъ пустоту японскаго зальца, точно тамъ все вдругъ погрузилось въ темноту. Неподдѣльная, глубокая грусть овладѣла имъ, между тѣмъ какъ Маріанна уходила отсюда въ мастерскую Симона Кейзера, веселая и довольная всѣмъ случившимся въ этотъ вечеръ. Она какъ сейчасъ видѣла возбужденную улыбку Водрея, а въ ушахъ ея еще раздавались страстныя признанія де-Розаса. Она говорила себѣ: «Онъ мнѣ на-

Digitized by Google

поминалъ о прошломъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, ка
и Лиссакъ. Неужели банальность присуща до такой степе
человѣчеству, что два человѣка совершенно разныхъ харак
ровъ, такъ схожи въ своихъ признаніяхъ»?

Въ то же время какъ она переживала этотъ часъ, пр
мелькнувшій съ какой-то лихорадочной быстротой, герцо
оставался недоволенъ прерванной бесѣдой, и упрекалъ себя
томъ, что не послѣдовалъ за Маріанной и позволилъ усколь
нуть, не сказавъ ей... Но что же еще могъ онъ ей сказат
Вѣдь онъ и такъ все сказалъ. Онъ далъ ей заглянуть въ пр
зрачную, какъ хрусталь, глубину своей души. Когда-то о
очень сожалѣлъ о томъ, что не открылъ ей раньше свое
сердца. Тогда онъ потушилъ свою любовь со свойственно
кастильцу твердостью. И вдругъ, при первой же встрѣчѣ
этой женщиной, онъ, какъ ребенокъ, разлился передъ ней
изліяніяхъ и увѣреніяхъ. Ахъ, но это потому, что онъ
всегда, всегда любилъ! Во всемъ мірѣ для него не существ
вало другой женщины, кромѣ этой. И онъ не лгалъ. Улыб
Маріанны повсюду его преслѣдовала. Въ ея взглядѣ онъ в
пилъ ядъ, сжигавшій ему всю кровь. Она теперь будетъ ем
принадлежать. Еслибъ онъ не думалъ о Лиссакѣ, то, к
нечно, уже давно бы возвратился въ Парижъ, чтобы найт
m-lle Кейзеръ. Но тутъ замѣшался Лиссакъ. Онъ помнил
какъ Гюи любилъ ее и часто былъ третьимъ лицомъ сре
нихъ. Часто онъ провожалъ Лиссака до дверей Маріанны.
какъ она смѣла послѣ этого сказать сейчасъ, что никогда
была его любовницей? Развѣ можно этому вѣрить? И къ чем
бы ей, кажется, лгать? Какой интересъ?

По мѣрѣ размышленія, Розасъ становился все болѣе и бо
лѣе недовольнымъ собой, и вдругъ, среди этой оживленно
толпы, имъ овладѣла такая дикость, что онъ готовъ былъ за
прятаться въ самый дальній уголъ, чтобы очутиться въ абсо
лютномъ уединеніи. Ему очень захотѣлось поскорѣе уйти. Чтоб
не наткнуться на хозяйку салона, г-жу Марси, которая, мо
жетъ быть, искала его, онъ старался незамѣтно проскользнут
въ толпѣ, чтобы пройти къ выходной двери и уйти по ан
глійски, не простившись. Онъ былъ уже въ передней и надѣ
валъ шубу съ мѣховымъ воротникомъ, которую подавалъ ем
лакей, когда его окликнулъ голосъ Гюи.

Digitized by Google

— Вы уѣзжаете, дорогой герцогъ? Не хотите ли вмѣстѣ со мной?

Эта идея несовсѣмъ не понравилась де-Розасу. Можетъ быть, онъ невольно чувствовалъ, что бесѣда съ Лиссакомъ будетъ какъ бы продолженіемъ разговора съ Маріанной. Эти два существа какъ-то сливались всегда въ его воображеніи. Къ тому же онъ искренно любилъ Гюи. Этотъ парижанинъ какъ бы дополнялъ собою кастильца. У нихъ у обоихъ было столько общихъ воспоминаній; вмѣстѣ пировали они и вмѣстѣ горевали той меланхолической парижской грустью, которая, кажется, плачетъ даже въ бальной залѣ во время вальса! И, послѣ этого, столько лѣтъ они не видались. Розасъ испытывалъ странное удовольствіе, очутившись вмѣстѣ съ Гюи на бульварѣ. Это придало ему юности. Казалось, передъ ними, въ свѣжемъ парижскомъ воздухѣ, промелькнула молодость вмѣстѣ съ голубоватымъ дымкомъ сигары. Какими парадоксами они сыпали когда-то, расхаживая подъ руку, въ парижскіе холодные вечера, по бульварамъ! Теперь очень скоро, обмѣнявшись нѣсколькими словами, они подвели итогъ прошедшимъ годамъ разлуки и путешествія. Въ немногихъ словахъ говорится иногда такъ много. Розасъ первый произнесъ имя Маріанны, которое Гюи де-Лиссакъ выслушалъ, повидимому, совершенно равнодушно, ожидая, что̀ скажетъ объ ней герцогъ дальше. Но герцогъ нѣкоторое время молчалъ, и такимъ образомъ они прошли весь бульваръ, освѣщенный газовыми фонарями подъ рядъ, точно во время иллюминаціи.

— Ахъ, этотъ Парижъ,—проговорилъ де-Розасъ. У него есть неотъемлемая особенность. Стоитъ въ него попасть, какъ онъ васъ обхватываетъ такъ плотно, точно вы его никогда не покидали. Не успѣешь разложить своихъ чемодановъ, какъ уже становишься парижаниномъ.

— Парижъ, это точно абсентъ, замѣтилъ Гюи.—Стоитъ только откупорить бутылку, какъ принимаешься пить.

— Ну, ужь и абсентъ! Вотъ вы, французы, вѣчно клевещете на свою страну. Что̀ за странная идея сравнивать Парижъ съ абсентомъ?

— Идея парижанина, чортъ возьми! Вы здѣсь только два дня, а уже опьянены парижа̀нствомъ (parisine) какъ вы сами выразились. Это бульварный гашишъ!

Digitized by Google

— Ну, положимъ, на мой мозгъ повліяло тутъ нѣчто дру
гое, кромѣ этой парижской эссенціи, сказалъ Розасъ.

— Безъ сомнѣнія. Кромѣ нея, тутъ замѣшана парижанк
Не правда ли она хорошенькая,—эта г-жа Марси?

— Хорошенькая,—сказалъ холодно Розасъ.

— Но менѣе хорошенькая, чѣмъ m-lle Кейзеръ?

Въ ожиданіи отвѣта герцога, Гюи затянулся сигарой, вы
пустивъ облако дыма, скрывшаго на мигъ его лицо отъ собе
сѣдника, но Хозе шагалъ возлѣ своего пріятеля, не отвѣча
ему ни слова, точно внезапно поглощенный какой-то особен
ной мыслью, и Лиссакъ, противъ воли прервавшій разговор
постарался перевести его изъ приличія на другую почву.

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—надолго вы въ Парижѣ?

— Право, не знаю.

— Надѣюсь, вы не уѣдете опять въ Индію?

— О, вы знаете, какой я оригиналъ. Не надо мнѣ этим
угрожать.

Лиссакъ расхохотался.

— Я вамъ вовсе этимъ не угрожаю и, право, готовъ за
крѣпостить васъ здѣсь. Отъ этого мы всѣ только выиграемъ
Вы мало похожи на испанца: по виду и по всему вы настоя
щій парижанинъ, это я вамъ говорилъ сто разъ. На вашем
мѣстѣ, я совсѣмъ основался бы тутъ, въ Парижѣ. Къ тому же
это лучшій городъ въ мірѣ, зачѣмъ же искать другаго?

— Дорогой Гюи!—вдругъ заговорилъ герцогъ, который вт
эту минуту его не слушалъ.—Обѣщаете ли вы мнѣ отвѣтить
съ полной откровенностью на одинъ важный вопросъ очен
деликатнаго свойства,—вопросъ, если хотите довольно нелѣпый
на который трудно искренно отвѣтить и который не принято
предлагать, но я вамъ все таки, не смотря ни на что, пред
ложу его. Можетъ быть, это вамъ покажется рѣзко, такъ ска
зать, съ маху?..

— На всякій вопросъ, предложенный вами, дорогой гер
цогъ, я отвѣчу, какъ честный человѣкъ и какъ вашъ истинный
другъ.

— Такъ скажите: вы очень любили m-lle Кейзеръ?

— Очень.

— И она васъ любила... немножко?

— Нисколько.

Digitized by Google

— Однако, сейчасъ она мнѣ говорила не то!

— А,—сказалъ Лиссакъ, бросивъ свою сигару,—такъ вы говорили обо мнѣ?

— Она мнѣ сказала, что одно время опасалась полюбить васъ искренно.

— О чемъ я уже и имѣлъ удовольствіе вамъ доложить.

— И Маріанна?..

— Маріанна?—повторилъ Лиссакъ, отлично угадывавшій по смущенію де-Розаса, о чемъ онъ хочетъ спросить.

— Мой милый другъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя слишкомъ потрясеннымъ, слишкомъ слабымъ и, такъ сказать, внезапно схваченнымъ, когда онъ ставитъ на карту свою жизнь, то ему вполнѣ позволительно предлагать вопросы, о которыхъ я только что говорилъ. Итакъ, отвѣтьте мнѣ на вопросъ, котораго вамъ никто, кромѣ меня, не осмѣлился бы предложить. Скажите: были вы любовникомъ Маріанны?

Прежде чѣмъ отвѣтить, Гюи дружески взялъ де-Розаса подъ руку, и почувствовалъ, какъ рука Хозе нервно, лихорадочно вздрагивала.

— Мой дорогой, вы мнѣ предлагаете такой вопросъ, который составляетъ вѣчный вопросъ чести между всякимъ порядочнымъ человѣкомъ, по отношенію къ женщинѣ. Еслибъ я даже былъ любовникомъ Маріанны, то на вашъ вопросъ обязанъ былъ бы отвѣтить, что Маріанна никогда не была моей любовницей. Эта ложь—необходима. Нѣтъ, я никогда не былъ ея любовникомъ; совѣтую и вамъ,—если вы не хотите быть очень несчастнымъ,—тоже не стараться имъ сдѣлаться. Вы изъ тѣхъ, которые раскрываютъ свое сердце во всю ширь—ворота настежъ. Она же изъ тѣхъ, увѣряю васъ, которыя напроломъ идутъ къ намѣченной цѣли. Ей было бы очень лестно, еслибъ и вы по ней также вздыхали, какъ я и многіе другіе... якобы ея любовники,—не смѣю утверждать навѣрное. Подумайте хорошенько объ этомъ, и будьте увѣрены, что никогда она не отзовется искренно на ваши чувства. Это чистѣйшая парижанка, которая не въ состояніи васъ полюбить такъ, какъ вы того заслуживаете, и которую вы никогда не рѣшитесь обманывать такъ, какъ ее уже не разъ обманывали, по крайней мѣрѣ, если вѣрить слухамъ.

— Обманывали?—переспросилъ Розасъ съ оттѣнкомъ жалости, очень изумившей де-Лиссака.

Digitized by Google

— Ну, да, обманывали. Ложь—это школа взаимнаго обученія въ любви.

— Тогда... ну, а еслибы я полюбилъ Маріанну?—спросилъ Розасъ.

— Я вамъ совѣтую прежде всего поговорить съ ней самой объ этомъ, доказать ей это и, въ концѣ концовъ запрятать эту любовь на дно брачной корзинки.

— Вы говорите о m-lle Кейзеръ точно о какой нибудь дѣвчонкѣ,—сказалъ герцогъ сдавленнымъ голосомъ.

— Ахъ, даю вамъ честное слово,—сказалъ Лиссакъ,—что я вамъ говорилъ бы совсѣмъ иначе объ m-lle Антоніи, или о m-lle Сесиліи! Я вамъ сказалъ бы просто на просто: вотъ хорошенькія дѣвочки и при этомъ никакой опасности...

— Слѣдовательно, наоборотъ, Маріанна представляетъ опасность?

— О, непремѣнно! Маріанна... и въ особенности для васъ.

— Но почему же она не была опасна для васъ?

— Просто потому, герцогъ, что я пылалъ къ ней такою же любовью, какою пылаете къ ней вы, и,—какъ уже говорилъ вамъ не имѣлъ счастія быть ея любовникомъ.

— Это вы привезли ее сегодня на вечеръ г-жи Марси?

— Да, я!

— Зачѣмъ же вы ввели сюда эту женщину, разъ вы считаете ее опасной?

— Но не для Сабины же! И потомъ эта капля абсенту, немножко этого гашишу... ничего себѣ, на вечерѣ сойдетъ. Конечно, когда такой человѣкъ, какъ вы, великодушный и благородный, обращается съ подобнымъ вопросомъ (и шутливый тонъ Лиссака перешелъ въ серьезный) то ему кричатъ: «Если тебѣ такъ ужь загорѣлось, то сломай себѣ шею!»

— Благодарю васъ, — сказалъ Розасъ, вдругъ останавливаясь на тротуарѣ. — Вы со мной поступили, какъ истинный другъ!

— Но если я вамъ кажусь слишкомъ строгимъ, — прибавилъ Лиссакъ, засмѣявшись,—то припишите это моей личной злопамятности. Человѣкъ, который когда-то любилъ женщину, никогда не можетъ быть къ ней вполнѣ справедливымъ. Если онъ ее не любитъ, то онъ ее знать не хочетъ, если же онъ

Digitized by Google

еще продолжаетъ ее любить, то клевещетъ на нее. Можетъ быть, и я клеветалъ на Маріанну, но въ концѣ концовъ, говоря о ней, я все время думалъ о васъ и, насколько могъ, предупредилъ. А теперь постарайтесь извлечь пользу изъ этой болтовни. До свиданія. Теперь, когда же мы увидимся?

— Ужь не знаю,—отвѣчалъ герцогъ.—Я вамъ напишу. А только я, можетъ быть, покину Парижъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Лиссакъ.—Но, знаете ли еслибы я былъ увѣренъ, что это—бѣгство отъ опасности, то я серьезно встревожился бы. Это пахнетъ уже чѣмъ-то очень серьезнымъ!

— Это не было бы бѣгствомъ, а просто капризомъ и ничѣмъ инымъ,—отвѣчалъ герцогъ.

Они разстались менѣе довольные другъ другомъ, чѣмъ въ началѣ своего свиданія. Лиссакъ уносилъ въ себѣ убѣжденіе, что онъ, такъ ли, сякъ ли, а укололъ де-Розаса; испанецъ же, при своей нѣсколько суровой, замкнутой и мрачной натурѣ, въ первый разъ упрекнулъ Гюи за его насмѣшливый, легкомысленный тонъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Онъ вернулся не въ духѣ къ себѣ въ отель. Слуга уже ожидалъ его. Онъ подалъ ему на подносѣ голубой конвертъ.

— Депеша къ господину герцогу!—проговорилъ онъ.

Де-Розасъ взялъ конвертъ и машинально разорвалъ его. Одинъ изъ его лондонскихъ друзей, нѣкто лордъ Линдсей, узнавъ объ его возвращеніи въ Парижъ, умолялъ его принять приглашеніе. Если онъ самъ не ѣдетъ сейчасъ же къ нему, Розасу въ Парижъ, то только потому, что важныя политическія дѣла требуютъ его присутствія въ Лондонѣ.

Герцогъ, снимая перчатки, разсматривалъ смятую депешу, поднеся ее подъ абажуръ лампы. Какъ всѣ скитальцы, онъ былъ нѣсколько суевѣренъ. Быть можетъ, эта депеша пришла какъ разъ во-время, чтобы помѣшать совершиться глупости?

Но какой же это глупости? Онъ чувствовалъ еще на губахъ поцѣлуй Маріанны, поцѣлуй, обжегшій его, точно ледъ. Завтра, черезъ нѣсколько часовъ, первой и единственной его мыслью будетъ—пойти къ этой женщинѣ и поскорѣе осуществить свои сладострастныя вожделѣнія, пронзившія ему грудь!

Digitized by Google

«Опасность», — сказалъ Лиссакъ. Дѣйствительно, кошачьи глаза Маріанны имѣли опасный, горячій блескъ, но въ этомъ-то ихъ и прелесть, и сила, и обаяніе! Какъ чарующее пламя, сверкали они изъ-подъ длинныхъ золотистыхъ рѣсницъ. Онъ закрылъ глаза, чтобы живѣе представить себѣ m-lle Кейзеръ и глубоко вдыхалъ въ себя воздухъ, какъ бы ища въ немъ частичку знакомыхъ духовъ Маріанны. «Опасность»! Но, можетъ быть, Гюи былъ правъ. Самая лучшая любовь та, которая никогда не дозрѣваетъ точно первый весенній цвѣтокъ, никогда не достигающій до полной зрѣлости. Депеша лорда Линдсея какъ нарочно пришла въ самый рѣшительный моментъ жизни герцога. Что это—случай или предостереженіе? Со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы рисковать де-Розасъ, пробывъ нѣсколько дней въ Лондонѣ и унося на своихъ губахъ горячій слѣдъ ея поцѣлуя? Морской вѣтеръ, можетъ быть, сотретъ его?

— У меня, дѣйствительно, лихорадочное состояніе,—говорилъ себѣ герцогъ.—Нужно же мнѣ было спрашивать объ ней у Лиссака! А всего болѣе меня тянуло къ ней самой; еще больше мнѣ хотѣлось говорить именно съ ней,—прибавилъ онъ, взволнованный, недовольный, почти разсерженный. «Опасность!»

Лиссакъ поступилъ несовсѣмъ благоразумно, произнося это слово при Розасѣ, который нашелъ въ немъ нѣчто чарующее. Но что особенно взволновало герцога, такъ это—заявленіе Гюи, что онъ самъ никогда не былъ ея любовникомъ, но зато у нея было много другихъ. Другихъ! что же именно было извѣстно Лиссаку? Какое-то ревнивое бѣшенство примѣшивалось къ страстному желанію герцога; вся кровь въ немъ загорѣлась отъ поцѣлуя Маріанны. Ему хотѣлось поскорѣе узнать истину, опять увидать Маріанну и вызвать Лиссака на большую откровенность.

Онъ начиналъ сожалѣть, что поѣхалъ на этотъ вечеръ къ Сабинѣ.

— Ну, такъ будь что будетъ! Лордъ Линдсей правъ и я паду.

На другой день, Гюи де Лиссакъ нашелъ между своими письмами маленькій запечатанный пакетикъ съ герцогскимъ гербомъ и его девизомъ: Hasta la muerte. Хозе писалъ ему, что оставляетъ Парижъ. «Вы, можетъ быть, и правы: я немножко опьянѣлъ въ Парижѣ, и потому уѣзжаю изъ него въ

Digitized by Google

Лондонъ, къ одному моему пріятелю. Если я тамъ и буду разсказывать о своихъ путешествіяхъ, то посреди суровыхъ ученыхъ и членовъ географическаго общества. Зато я тамъ гарантированъ отъ всякой «опасности»; благодарю васъ и до свиданія. Вашъ другъ, Х. де Р...»

— Что за дьяволъ?—проворчалъ Лиссакъ, прочтя эту записку.—Однако, онъ уязвленъ, нашъ милый герцогъ. Эхма! Ну, на этотъ разъ зубы Маріанны Кейзеръ были особенно остры и энергичны. Посмотримъ еще!—прибавилъ онъ, распечатывая другое письмо, въ которомъ нѣкто, гораздо богаче его, просилъ у него взаймы денегъ.

VII.

Съ этого вечера у Сабины Марси и Водрей увезъ съ собой какое-то удручающее, тяжелое впечатлѣніе. На другой день онъ всталъ съ тяжелой головой, потому что всю ночь ему снилась эта хорошенькая бѣлокурая дѣвушка, являясь ему въ томъ самомъ ореолѣ очарованія и чего-то опьяняющаго, какъ въ тотъ вечеръ, когда она, стоя передъ нимъ, смѣялась и соскребывала зубами съ ложечки кусочки шербета.

Каждое утро, входя въ министерство, Сюльписъ ощущалъ какое-то особенное, жизнерадостное, бодрящее чувство. Онъ съ чисто физическимъ наслажденіемъ измѣрялъ взглядомъ свои апартаменты, открывалъ окно, смотрѣлъ на этотъ общій садъ, въ которомъ прогуливалось столько министровъ, и который онъ теперь звалъ, по примѣру прежнихъ министровъ: «мой садъ». Тогда мысль его невольно переносилась въ маленькій монастырскій садикъ въ Гренобльѣ. О, сколько воды утекло съ тѣхъ поръ! И какъ хороша жизнь!

Такъ проводилъ онъ свои министерскія утра до нынѣшняго дня. Въ это же утро, напротивъ, оголенныя, почернѣвшія деревья въ саду производили на него удручающее впечатлѣніе. Онъ былъ страшно не въ духѣ. Сегодня его разбудили очень рано, чтобы передать какія-то депеши изъ провинціи, что-то совсѣмъ незначительное. Къ тому же мысли его были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Онъ видѣлъ себя опять на вечерѣ у Сабины Марси, рядомъ съ Маріанной, такой прелестной въ своемъ голубомъ, небеснаго цвѣта, платьѣ,

Digitized by Google

со своей бѣлокурой головкой, окруженной легкимъ, какъ дымъ, вѣнчикомъ золотистыхъ кудрей. Будь онъ свободенъ, онъ бы сейчасъ, съ этого самаго утра, пустился на поиски за этой хорошенькой женщиной. Онъ точно помолодѣлъ и какъ-то воспрянулъ духомъ отъ всего этого возбужденія. Когда-то, въ дни ранней юности, онъ просыпался съ такими же опьяняющими грезами. Да, это было давно; но тогда онъ былъ недоконченнымъ человѣкомъ, а не такой знатной персоной, какою сдѣлался теперь. Но онъ не могъ такъ свободно отдаваться разнымъ праднымъ мечтамъ и мыслямъ, какъ остальные простые смертные. У министровъ есть нѣчто посерьезнѣе разныхъ сердечныхъ шалостей. Сюльписъ, быстро одѣвшись, сошелъ внизъ въ свой кабинетъ, гдѣ за большой рѣшеткой, въ огромномъ старинномъ каминѣ, горѣли яркимъ пламенемъ толстыя полѣнья дровъ; онъ усѣлся передъ своимъ широкимъ бюро изъ краснаго дерева, покрытымъ бумагами, съ большимъ чернымъ портфелемъ, туго набитымъ разными дѣлами, съ тисненными золотомъ буквами: «Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ». Въ сторонѣ, грудой возвышались рапорты, на заголовкѣ которыхъ стояло: «кабинетъ префекта полиціи» и «главная дирекція прессы».

Водрей усѣлся въ кресло съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, которымъ немногіе избалованы. Эта огромная зала съ почернѣвшими картинами, съ холоднымъ мраморомъ, съ обширными библіотечными шкафами, разставленными въ строгій буржуазный порядокъ,—все это ему очень нравилось. Министръ съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя еще разъ атмосферу своего кабинета-салона, пока не принялся за работу. Всякое утро онъ прежде всего прочитывалъ докладъ директора прессы и префекта полиціи. Въ нихъ не было ничего особеннаго. Развѣ маленькій случай по Венсенской линіи, около парижскихъ укрѣпленій. Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ; было нѣсколько поврежденій. Въ пассажѣ оперы уже дисконтировали на повышеніе будущую рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, о направленіи политики, и рѣчь министра финансовъ, отвѣчавшаго на шумъ, поднятый ложно или преждевременно по поводу конверсіи государственныхъ 5% бумагъ. Все было хорошо, все было спокойно. Новый министръ былъ очень польщенъ довѣріемъ публики.

Digitized by Google

Сюльписъ съ улыбкой перешелъ къ докладу директора прессы. За исключеніемъ небольшаго количества дрянныхъ газетёнокъ, уже заранѣе настроенныхъ въ непримиримомъ тонѣ, всѣ французскія и иностранныя газеты горячо поздравляли и хвалили новорожденнаго министра. «Times» увѣрялъ, что это назначеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ положенія. Берлинскія газеты не изъявляли подозрѣнія, хотя г. Водрей не однажды заявлялъ съ трибуны о своемъ воинственномъ патріотизмѣ. Короче сказать, это былъ всеобщій концертъ похвалъ и признаній, что общественное мнѣніе въ восторгѣ отъ выбора министра, всѣми почитаемаго, всѣми желаемаго.

— О, какъ смѣшна эта печать, — почти громко проговорилъ Сюльписъ, бросивъ рапортъ среди другихъ бумагъ. Онъ вспомнилъ, что редакторъ этого ежедневнаго бюллетеня журналовъ, холодно, автоматически, чисто по привычкѣ, положилъ на министерскій столъ,—наканунѣ того дня, когда министръ Пишеро былъ прогнанъ съ мѣста,—докладъ, въ которомъ Сюльписъ, въ первый же день своихъ министерскихъ обязанностей, прочелъ слѣдующія строки: «Общественное мнѣніе во всѣхъ органахъ печати, заслуживающихъ вниманія, съ давнихъ поръ изъявляетъ полное довѣріе къ министерству г. Пишеро, и пусть министръ не смущается предстоящими въ будущемъ запросами въ палатѣ, затѣянными нѣсколько дней тому назадъ г. Водреемъ». И вотъ Водрею, ставшему министромъ на развалинахъ министерства Пишеро, пришлось прочесть этотъ рапортъ, совершено естественно положенный на министерскій столъ, гдѣ ему и слѣдовало быть. «Какіе они оптимисты, эти редакторы маленькихъ газетёнокъ!—подумалъ Сюльписъ.—Но, можетъ быть, они, по своей обязанности, придерживаются этого оптимизма, такъ какъ министры вообще не любятъ правды. Я же поведу себя такъ, что мнѣ будутъ говорить ее». Это утро было у него очень занято. Префекты входили черезъ главную дверь подъѣзда въ большія пріемныя слѣва, а друзья и посѣтители болѣе интимные ждали съ правой стороны, заискивая у сторожей, чтобы поскорѣе передать свою карточку или главному секретарю, или самому министру. Какіе-то мизерные людишки, важно и съ чувствомъ собственнаго достоинства, трактовали о «господинѣ Водреѣ», принимая при этомъ фамильярный видъ. Сюльписъ чувствовалъ себя припертымъ

Digitized by Google

сразу съ двухъ сторонъ и точно пригвожденнымъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ торопился оканчивать совѣщанія съ посѣтителями, улыбался имъ, ласково пожималъ руку, охотно обѣщая исполнить всѣ ихъ просьбы, счастливый возможностью обѣщать, и былъ въ отчаяніи, если замѣчалъ на чьемъ нибудь лицѣ гримасу неудовольствія. Но, среди самыхъ серьезныхъ разговоровъ, передъ нимъ нѣтъ-нѣтъ да вдругъ и мелькнетъ нервная, возбужденная улыбка Маріанны; и въ такіе моменты онъ наклонялъ голову, дѣлая видъ, что внимательно слушаетъ и все понимаетъ, а между тѣмъ мысленно перелеталъ туда, къ залитому огнями буфету, и опять передъ его глазами маленькая ложечка съ шербетомъ скользила по розовымъ губкамъ. Въ этихъ ежедневныхъ разговорныхъ упражненіяхъ съ разными посѣтителями и депутатами, выпрашивающими должностей для своихъ избирателей, требующими отрѣшенія отъ должности мэровъ и знаковъ отличія для избирательныхъ агентовъ, мучащими министра разными рекомендаціями и просьбами тѣмъ умильнымъ тономъ, въ которомъ скрывалась угроза,— Водрею некогда было поговорить съ настоящими друзьями. Это былъ цѣлый рядъ завѣдомо равнодушныхъ или совершенно озлобленныхъ, недружелюбно настроенныхъ людей, гнавшихся за карьерой. Министръ, еще такъ недавно занявшій свой постъ, уже начиналъ ощущать смутное опасеніе, что въ его министерствѣ хозяйничаетъ извѣстное число кліентовъ, все тѣхъ же самыхъ, привыкшихъ къ министерскимъ коридорамъ. Между просителями были постоянные гости пріемныхъ; ихъ знали всѣ служащіе въ министерствѣ, и они, каковъ бы ни былъ министръ, имѣли въ министерствѣ свой собственный голосъ и могущество. Нѣкоторымъ изъ нихъ служащіе въ разныхъ бюро дружески кивали головой, какъ давнишнимъ знакомымъ; разные безсмѣнные попрошайки неустрашимо вмѣшивались во всѣ министерскія комбинаціи; они входили въ кабинетъ къ Водрею совершенно свободно, хорошо зная сюда дорогу и чувствуя себя здѣсь совсѣмъ какъ дома. Однажды Водрей слышалъ, какъ одинъ изъ этихъ обывателей дружески поздоровался съ однимъ изъ служащихъ, назвавъ его по имени: «Здравствуйте, Густавъ»! И когда министръ спросилъ Густава: «Кто этотъ господинъ»? то тотъ, съ оттѣнкомъ боязни и уваженія, отвѣчалъ: «Это одинъ изъ нашихъ посѣтителей, г. министръ, — г.

Digitized by Google

Евгеній Реноденъ. Мы всѣ зовемъ его господиномъ Евгеніемъ; вѣдь мы его такъ давно знаемъ».

Этотъ «господинъ Евгеній» уже просилъ у него мѣсто префекта или подпрефекта, которое г. министръ и обѣщалъ ему дать. Его званіе?—Да никакого: проситель и только.—Министръ уже чувствовалъ усталость отъ этого наплыва разныхъ прошеній и просьбъ, когда сторожъ подалъ ему карточку, гласившую: «Люсьенъ Гранэ». Этотъ Люсьенъ Гранэ прошелъ въ палату безъ особенной симпатіи къ Водрею, и Сюльписъ смутно чувствовалъ въ немъ кандидата на свою должность; стало быть, у него было причиной больше—быть къ нему особенно любезнымъ. «Что ему отъ меня нужно»?—сказалъ про себя министръ.

Ну, ужь и типъ, этотъ Гранэ! Рядомъ съ сегодняшнимъ министромъ, въ немъ невольно предчувствовался министръ завтрашній. Этотъ юркій человѣкъ былъ ярымъ реформаторомъ, вѣрнымъ очистителемъ авгіевыхъ конюшень; это былъ тотъ самый, восшествіе котораго на министерскій пьедесталъ, какъ многіе утверждали, положило бы конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ, и большимъ, и маленькимъ.

— Ахъ, когда-то Гранэ будетъ министромъ!—Живописецъ безъ заказовъ утѣшалъ себя перспективой министерскаго поста для Гранэ. Онъ декорировалъ бы монументы, еслибъ Гранэ былъ министромъ! Артистка, бросавшая жадные взгляды на французскую комедію и мечтавшая о «домѣ Мольера», надѣялась на одного только Гранэ: вѣдь онъ обѣщалъ всѣмъ актрисамъ ангажементъ въ улицѣ Ришельё.

— Я жду министерства Гранэ!—это была обычная утѣшительная фраза этихъ новобранныхъ соучастницъ, полныхъ надеждъ. А пока, въ ожиданіи, онѣ часто наполняли пріемныя Гранэ, и ихъ улыбки были для будущаго превосходительства дороже всѣхъ портфелей. Такимъ образомъ, у Гранэ было безчисленное множество кліентовъ и кліентокъ, ратовавшихъ всѣми путями за его министерство и заранѣе уже пропагандировавшихъ его восшествіе.

— Ахъ, еслибъ Гранэ стоялъ у власти!

— О, такихъ злоупотребленій не существовало бы, будь министромъ Гранэ...

— Все перемѣнится, какъ только Гранэ сдѣлается министромъ!

Digitized by Google

Водрей зналъ, что Гранэ уже давно мѣтитъ на какой ни будь портфель, и немного ему было нужно, чтобы выдвинут свою кандидатуру въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій па латы. Онъ могъ бы быть коллегой Водрея, не будучи его со перникомъ. Сюльпису одинаково нравилось имѣть его своим противникомъ по трибунѣ и своимъ сотоварищемъ по мини стерству.

— Итакъ,—сказалъ министръ г-ну Гранэ, входившему в кабинетъ съ привѣтливой улыбкой и поклономъ,—вы пришли взглянуть на ваше будущее министерство? Уже?

— Я?—спросилъ Гранэ, стараясь быть очаровательнымъ.— Да сохранитъ меня Богъ отъ этого министерства! Оно и так слишкомъ хорошо и прочно замѣщено.

— Это очень любезно съ вашей стороны, дорогой Гранэ

— Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы оспаривать у вас мѣсто, и даже, напротивъ, пришелъ къ вамъ за тѣмъ, чтобы упрочить ваше превосходное положеніе маленькимъ дружескимъ совѣтомъ.

— Вашъ совѣтъ долженъ быть хорошъ, дорогой коллега; послушаемъ.

— Мой милый министръ, вопросъ идетъ о назначеніи новаго помощника статсъ-секретаря въ ваше министерство. Такъ вотъ я и хочу попросить у васъ этого мѣста для одного моего хорошаго пріятеля и нашего общаго коллеги—Варколье!

Говоря съ Водреемъ, Гранэ пристально вглядывался въ него черезъ лорнетъ, поглаживая свою шляпу, лежавшую у него на колѣнѣ; онъ замѣтилъ, что министръ слегка закусилъ губу и медлилъ отвѣтомъ.

— Но я уже хотѣлъ дать это мѣсто Жакье изъ Уаза,— сказалъ Водрей нѣсколько рѣзко. Гранэ улыбнулся. Конечно, выборъ произведенъ отлично, упавъ на Жакье. Это замѣчательно разсудительный, сдержанный и дѣятельный человѣкъ, тогда какъ Варколье—это милый, любезный и славный болтунъ. Но зато у него огромный даръ слова. Вся группа почитателей Гранэ была отличнаго объ немъ мнѣнія.

— Это мой личный другъ, дорогой министръ; и вы поступили бы со мной не очень хорошо, клянусь вамъ, еслибы не настояли въ совѣтѣ министровъ на назначеніи Варколье. Въ

Digitized by Google

это самое утро, у васъ въ совѣтѣ состоится совѣщаніе объ избраніи помощниковъ статсъ-секретарей. Кажется, въ это самое утро?

— Да, дѣйствительно, въ часъ пополудни.

Гранэ оставилъ наконецъ министра, повторяя съ особенною настойчивостью, что ему слѣдуетъ принять участіе въ дѣлѣ поданія голосовъ за Варколье, большинство которыхъ, вѣроятно, будетъ за него. Онъ, конечно, во сто разъ лучше этого Жакье изъ Уаза!—Этотъ Жакье медвѣдь, а медвѣдей не любятъ,—говорилъ Гранэ, слегка поколачивая себя по большому пальцу лорнетомъ.

Водрей остался очень недоволенъ тѣмъ, что Варколье уже началъ, повидимому, свою подпольную работу противъ него: этотъ господинъ также мало ему нравился, какъ и ратовавшій за него Гранэ. Варколье широко наслаждался жизнью въ настоящее время. Кажется, со дня своего рожденія, онъ встрѣчалъ только розы на своемъ жизненномъ пути. Этотъ человѣкъ родился въ сорочкѣ. Имперіалистъ во время имперіи, онъ сдѣлался республиканцемъ при республикѣ. Это былъ эпикуреецъ, милый, умный, жизнерадостный; онъ всегда находилъ, что все идетъ хорошо, когда все шло по его желанію. Онъ искусно управлялъ вѣтромъ, предоставляя ему поднимать паруса его честолюбія. Ему очень не нравились пасмурные, недовольные люди. Переваривая отлично свою пищу, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы другіе страдали несваренiемъ желудка. Бонвиванъ этотъ сочувствовалъ только тѣмъ голоднымъ, которые хотѣли ѣсть. Пусть все будетъ хорошо, прекрасно, благополучно! Онъ былъ очень ровнаго характера и почти никогда не предавался гнѣву; не страдалъ чувствомъ зависти; сознавая свое превосходство надъ другими, онъ просто обожалъ себя. По его мнѣнію, весь міръ ему принадлежалъ. Онъ ходилъ твердо и солидно, широко размахивая руками, приподнявъ брюшко, держа голову высоко, всѣмъ туловищемъ впередъ. Казалось, на каждомъ шагу онъ вдыхалъ въ себя ароматъ торжества. Онъ не компрометировалъ себя и избѣгалъ становиться на одну доску съ побѣжденными.

Варколье прославился своей «Исторіей труда и рабочаго класса», которую онъ посвятилъ когда-то Наполеону III, съ льстивымъ къ нему обращеніемъ: «Вашему величеству, вамъ,

Digitized by Google

который возвысилъ благородство трудолюбія надъ благородствомъ происхожденія и отдалъ предпочтеніе крови, пролитой за честь отечества, — крови, переданной по наслѣдству отъ предковъ». Въ 1875 году, публика вновь услыхала объ этой «Исторіи труда и рабочаго класса», которую Варколье нимало не постѣснился приподнести другому властелину:

«Тебѣ, народу, который возвысилъ благородство работы надъ благородствомъ происхожденія и кровь, пролитую за честь отечества, предпочелъ крови, переданной по наслѣдству отъ высокихъ предковъ». Имя этого самаго Варколье читалось когда-то внизу слѣдующей прокламаціи:

«Воззваніе къ честнымъ людямъ. *Революція насъ одолѣваетъ*»! И тотъ же дьявольски-изворотливый Варколье подписывалъ теперь свое имя на другой прокламаціи:

«Воззваніе къ честнымъ гражданамъ! *Реакція намъ угрожаетъ*». Вотъ что за человѣкъ былъ этотъ Гранэ, котораго друзья хотѣли выдвинуть на должность помощника статсъ-секретаря.

Водрей рѣшился сказать по этому поводу нѣсколько словъ президенту. Часъ собранія совѣта приближался и Сюльписъ увидалъ изъ окна кабинета свое купэ и лошадь, нетерпѣливо перебиравшую копытами, хотя отсюда совсѣмъ не было далеко до площади Бово, въ Елисейскихъ поляхъ. Онъ сунулъ въ свой портфель доклады префекта полиціи и директора прессы, и готовился уже выйти изъ дому, когда сторожъ подалъ ему новую карточку:

— Напрасно, я больше никого не принимаю.

— Но этотъ господинъ сказалъ, что если г. министръ прочтетъ его имя на карточкѣ, то навѣрно приметъ.

Водрей взялъ карточку съ подноса.

— Желіоттъ! Онъ правъ. Просите!

Сюльписъ снялъ уже надѣтую шляпу и пошелъ навстрѣчу посѣтителю. Въ распахнувшейся двери показался худощавый блѣдный господинъ съ черными баками, похожими на конскій волосъ. Старый товарищъ по школѣ правовѣдѣнія, адвокатъ кассаціонной палаты, этотъ Желіоттъ вошелъ, церемонно кланяясь Сюльпису, который съ распростертыми объятіями шелъ къ старому другу юности. Желіоттъ еще разъ съ особенной почтительностью поклонился ему, церемонно сжавъ губы.

Digitized by Google

— Ахъ, какъ я радъ тебя видѣть!—сказалъ Водрей.

— Ты еще со мной на ты?—замѣтилъ Желіоттъ, показывая слегка попорченные, пожелтѣвшіе зубы.

— Что за идея! Развѣ я чѣмъ нибудь заслужилъ твой гнѣвъ, что не могу быть съ тобой по прежнему на ты?

— Ну, ты по прежнему великодушенъ. Почести тебя не измѣнили; тѣмъ лучше,—сказалъ Желіоттъ.—Ты спрашиваешь меня, какъ я поживаю? Я все тотъ же; много работаю и издали слѣжу за тобой, аплодируя отъ души твоимъ успѣхамъ.

Говоря объ успѣхахъ Водрея, Желіоттъ присѣлъ на кончикъ стула, опустивъ глаза въ шляпу. Онъ пошевеливалъ своей бородкой, точно разгрызалъ какое-то зернышко своими острыми зубами.

— Я былъ восхищенъ тѣмъ, что тебя выбрали въ министры,—восхищенъ за тебя...

— И ты могъ также восхищаться и за себя самого, мой добрый Желіоттъ! Все, что я только въ состояніи сдѣлать...

Но Желіоттъ сухо и коротко остановилъ министра, точно чиркнулъ спичкой.

— О!—сказалъ онъ,—будь увѣренъ, мой милый Сюльписъ, только въ одной вещи: это въ томъ, что я никогда ничего у тебя не попрошу.

— Почему?

— Потому... но нѣтъ, ничего, такъ себѣ...

— И ты будешь не правъ, въ особенности еслибъ я могъ, дѣйствительно, быть тебѣ въ чемъ нибудь полезнымъ.

— Я говорю: нѣтъ—и, слѣдовательно, нѣтъ. У тебя и такъ будетъ много просителей на твоемъ пути...

— Очевидно!

— И попрошаекъ.

— Конечно!

— Я же ни попрошайка, ни проситель, ни льстецъ. Я твой другъ!

— И ты имѣешь право имъ быть, потому что я тебя очень люблю.

— Я говорю: твой другъ, и прибавлю: преданный другъ; поэтому я считаю за подлость чего нибудь у тебя просить. Повторяю, что считаю это низостью. Ты теперь занимаешь такое высокое положеніе; ты министръ, тѣмъ лучше! О, тѣмъ

Digitized by Google

лучше! Только бы друзья не осадили тебя и не надоѣли бы тебѣ, какъ клопы. Что же касается до меня, то я не хочу быть подобнымъ насѣкомымъ. Я не стану передъ тобой ползать, заранѣе предупреждаю. Я останусь такимъ же, какимъ и былъ. Бери меня, каковъ я есть, или не бери вовсе. Конечно, это будетъ зависѣть отъ перемѣны настроенія и отъ тѣхъ почестей...

— Желіоттъ, перестань.

— О, такъ ли, иначе ли! Но я не хочу ползать въ твоихъ пріемныхъ вмѣстѣ съ лакеями, тебя осаждающими...

— Ты, конечно, не будешь толкаться въ передникъ. Да развѣ я заставилъ тебя стоять и ждать въ моей пріемной?

— Нѣтъ, пока еще нѣтъ! Я просто хотѣлъ попытать, примутъ ли меня... Теперь любопытство мое удовлетворено. Надо отдать тебѣ справедливость: ты не измѣнился. Но съ меня довольно. Теперь я ухожу. Прощай! Да я пришелъ еще объявить тебѣ, что больше ты меня не увидишь, до тѣхъ поръ, пока ты будешь министромъ.

— Ахъ, Желіоттъ, Желіоттъ!

— Никогда... Пока ты не падешь, потому что въ концѣ концовъ всѣ министры падаютъ...

— Къ счастію!—замѣтилъ, смѣясь, Сюльписъ.

— Къ счастію, или къ несчастію, смотря по тому... Я повторяю: когда ты падешь, то, конечно, не я поверну къ тебѣ спину.

— Ты очень добръ!

— Ну, что бы ты тамъ ни говорилъ, а пока ты будешь имѣть власть,—а власть очень опьяняетъ людей,—ты меня не увидишь. Но, въ случаѣ нужды, несчастія, эта рука всегда будетъ тебѣ протянута. Конечно, ты много встрѣтишь людей, которые повернутъ тебѣ спину какъ разъ въ моментъ твоего паденія. Я же никогда! Я изъ числа тѣхъ друзей, которые приходятъ въ черные дни.

— Стало быть, ты рѣшилъ...

— Да, Водрей. Я оставляю тебя, окруженнаго тріумфомъ, и прошу прощенія въ томъ, что не назвалъ тебя господиномъ министромъ. Но я не могу, не привыкъ. Это сильнѣе самого меня. Я не льстецъ во время успѣха, но зато утѣшитель въ несчастіи.

Digitized by Google

— И ты придешь?..

— Когда тебя ниврinутъ.

— Спасибо!

— Таковъ ужь я, когда искренно расположенъ къ своимъ друзьямъ.

— Еще бы, когда они падаютъ на землю,—замѣтилъ иронически Сюльписъ.

— Вотъ именно!—воскликнулъ Желіоттъ.

— И это все, что ты мнѣ хотѣлъ сказать?—спросилъ министръ.

— А развѣ этого мало?

— Такъ, такъ. До свиданія, Желіоттъ!

— До свиданія. Ты знаешь, когда.

— Да, когда я почувствую, что мнѣ угрожаетъ опасность, то я тебя позову. Не бойся, Желіоттъ, вѣроятно, все будетъ по твоему.

— Дуракъ! — съ досадой проговорилъ Сюльписъ, когда адвокатъ ушелъ. Онъ сердито взялъ свою шляпу и быстро вышелъ, пройдя прямо къ своему экипажу, между тѣмъ какъ лакеи и всѣ служащіе поднялись со своихъ мѣстъ съ поклонами, пока онъ проходилъ мимо нихъ. Ему не нужно было приказывать кучеру:—въ Елисейскія. Распредѣленіе дня было уже всѣмъ извѣстно заранѣе, и затѣмъ министерскіе люди отлично знали, не хуже самого министра, когда состоится совѣтъ въ Елисейскихъ поляхъ. Сюльписъ немножко разнервничался. Этотъ визитъ Желіотта, вслѣдъ за визитомъ Гранэ, показалъ ему сегодня людей уже не съ такой радужной стороны. Онъ самъ никогда никому не завидовалъ, и ему казалось, что весь свѣтъ долженъ быть ему благодаренъ за то, что онъ такъ просто относится къ своему высокому положенію и успѣху.

— Все таки я надо всѣмъ восторжествовалъ. Это вѣрно! И, право, это животное Желіоттъ вовсе ужь не такъ наивенъ. На моемъ мѣстѣ многіе другіе важничали бы гораздо больше.— Конечно, говоря такъ, онъ самъ себѣ выдалъ патентъ на скромность.

Карета остановилась у ступенекъ Елисейскаго дворца. Сюльписъ всегда испытывалъ пріятное ощущеніе, когда выходилъ изъ своей коляски, съ крѣпко прижатымъ къ груди портфелемъ, и по каменнымъ ступенькамъ, устланнымъ трипомъ,

Digitized by Google

поднимался въ залу совѣта. Тамъ, какъ и вездѣ, ему прихо
дилось проходить мимо цѣлаго ряда служащихъ. Головы низк
передъ нимъ наклонялись, а услужливыя руки рабски протя
гивались къ его верхнему платью. Ему трудно было узнават
людей по лицу, потому что онъ видѣлъ только ихъ затылки
шевелюры, однообразно склонявшіеся передъ нимъ. Его кол
леги были уже въ сборѣ, въ большой, бѣлой позолоченной за
лѣ, офиціальной и солидной, какъ и всѣ подобные ей аппар
таменты, со своими неизмѣнными севрскими вазами, голубыми
свѣтло-зелеными или свѣтло-желтыми, разставленными на кон
соляхъ или на тумбахъ. Министерскіе портфели, и растрескав
шіеся, и щегольскіе, всѣ туго набитые, лѣниво болтались в
рукахъ и подъ локтями ихъ превосходительствъ. Но вдруг
двери распахнулись и служители отодвинулись въ сторону
чтобы пропустить впередъ президента республики, очень серь
езнаго господина, который твердой, рѣшительной походкой
прошелъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто, напротивъ пре-
зидента совѣта, между тѣмъ какъ министры разсѣлись по
опредѣленнымъ мѣстамъ, въ разъ навсегда установленномъ
порядкѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сѣлъ налѣво отъ прези-
дента республики, а министръ иностранныхъ дѣлъ — направо.
Затѣмъ каждый министръ поочередно держалъ рѣчь о дѣлахъ
своего министерства, предварительно обсужденную въ частномъ
совѣщаніи. Каждый изъ нихъ, окончивъ изложеніе своего во-
проса, дѣлалъ поклонъ своему сосѣду съ правой стороны и
говорилъ:—Я окончилъ. Теперь слово за вами, мой дорогой
коллега!—Президентъ слушалъ. Сюльписъ, сидя передъ зеле-
нымъ сукномъ этого стола, думалъ по временамъ о вещахъ,
совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя тутъ обсужда-
лись. Глядя на эти зеленые столы, онъ невольно припоминалъ
префектуру въ Гренобльѣ, и находилъ, что этотъ совѣтъ мини-
стровъ отчасти напоминаетъ ему провинцію; когда же слухъ
его улавливалъ какое нибудь краснорѣчивое слово, то въ го-
ловѣ его появлялось невольное поэтическое сравненіе и въ
концѣ концовъ онъ говорилъ себѣ, что все таки тутъ, въ этой
залѣ, въ Елисейскихъ поляхъ, передъ этими раскрытыми порт-
фелями, переполненными бумагами, сидятъ представители всей
Франціи и держатъ въ своихъ рукахъ всю жизнь, всю судьбу
отечества. Сюльписъ, чрезвычайно счастливый своей властью,

Digitized by Google

сидя съ чисто физическимъ наслажденіемъ въ своемъ креслѣ, вдыхалъ въ себя ароматъ власти точно ароматъ кальяна, и какъ будто приходилъ въ нѣкоторое опьяненіе, какъ вдругъ былъ возвращенъ къ реальной дѣйствительности короткой, но значительной рѣчью своего коллеги, военнаго министра, сухощаваго человѣка съ сѣдыми усами. Подъ чисто солдатскимъ грубымъ лаконизмомъ его рѣчи, угадывались не то надежда, не то какое-то волненіе. Тогда Сюльписъ прислушался, взволнованный больше, чѣмъ хотѣлъ показать, но пробуя скрыть всѣ свои побужденія подъ такой же холодной маской равнодушія, какую надѣлъ на себя его коллега, министръ иностранныхъ дѣлъ, съ потухшимъ взглядомъ, неподвижнымъ лицомъ и щеками, твердыми, какъ картонъ.

Однако, въ это утро, въ совѣтѣ слушались все дѣла незначительныя. Хранитель печати, г. Колляръ (изъ Нанта), толстый, апоплексическаго сложенія человѣкъ, съ круглыми, нѣсколько стекловидными глазами, предлагалъ президенту республики, слушавшему его молча, проэктъ реформы, къ которой Водрей отнесся совершенно равнодушно. Онъ даже не слыхалъ нѣсколько тяжеловѣсной рѣчи своего коллеги, распространявшагося въ безполезныхъ соображеніяхъ, тогда какъ военный министръ, глядя на него своими твердыми, какъ сталь, глазами, казалось, приказывалъ ему по военному: «Кончай же, наконецъ, чортъ тебя побери»! Водрей, устремивъ глаза на темное зимнее небо, и на грязновато-сѣрыя, безлиственныя деревья, виднѣвшіяся изъ окна, смотрѣлъ на птичекъ, неустанно гонявшихся одна за другой по вѣткамъ.

Въ это время мысли его были далеко отъ этого стола, гдѣ раздавались въ строгой тишинѣ нескончаемыя рѣчи министра юстиціи, точно удары молота. И ему почудилась въ глубинѣ этого сада женская фигура, одѣтая, не смотря на холодъ, въ голубое платье, въ которомъ вчера была Маріанна, на вечерѣ у Сабины. Ему опять представилась ея чарующе-уклончивая улыбка, въ которой онъ старался уловить болѣе рѣшительное выраженіе; онъ видѣлъ, какъ наяву, этотъ странный взглядъ, насмѣшливый и манящій, и этотъ изящный законченный силуэтъ истой парижанки.

«Ахъ,—думалъ Сюльписъ,—какъ она была прелестна! И какое у нея хорошенькое имя: Маріанна. Посмотримъ, какова-то

Digitized by Google

окажется на самомъ дѣлѣ эта женщина? Можетъ быть, она коварна, ужасна, но безспорно и неодолимо-очаровательна»! Прошли многіе годы, какъ Водрей не испытывалъ ничего подобнаго. При пробужденіи, первой его мыслью была мысль о Маріаннѣ, точно также какъ и во снѣ: «До чего, до чего соблазнительна»!

— Теперь слово за г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Водрей не замѣтилъ, какъ г. Колларъ окончилъ свою рѣчь, и какъ, послѣ рѣчи министра юстиціи, закончилъ свое сообщеніе и министръ иностранныхъ дѣлъ. Ему понадобилась минута, чтобы опомниться, прійти въ себя. Громко произнесенный титулъ призывалъ его къ размышленію, и довольно быстрому, пробудивъ въ немъ даже нѣчто въ родѣ испуга. Коллеги Водрея не замѣтили, что этотъ человѣкъ, сидящій рядомъ съ ними, погрузился съ ногъ до головы въ какія-то грёзы. Скольпису предстояло произнести совсѣмъ небольшую рѣчь, ничего, кромѣ сообщенія о докладахъ, ему уже заранѣе доставленныхъ. Еще недѣлю тому назадъ, онъ окончилъ это дѣло въ префектурѣ. Онъ требовалъ только отъ совѣта министровъ, чтобы онъ сейчасъ же занялся назначеніемъ помощниковъ статсъ-секретарей. Вотъ въ это-то самое время Водрею и кинулось въ глаза вліяніе г-на Гранэ. Съ первыхъ же словъ совѣщанія, министръ увидалъ, что его кандидатъ, Жакье (изъ Уаза), совершенно побитъ этимъ Варколье. Должно быть, Гранэ перебывалъ уже у всѣхъ министровъ. Президентъ былъ весь на сторонѣ Варколье. Любезность Варколье, его сметливость, его свободное отношеніе къ своимъ «убѣжденіямъ», которыя онъ легко вышвыривалъ за бортъ, получили всеобщую извѣстность. Надо было отдать должное новообращеннымъ, и показать въ то же время, что правительство допускаетъ раскаяніе.

— Это ужъ черезчуръ христіанская теорія,—сказалъ Водрей: — хоть по правдѣ я не стою ни за якобинизмъ, ни за подозрительноеть, но въ этомъ отпущеніи грѣховъ, примѣняемомъ къ перебѣжчикамъ, есть нѣчто ироническое.

— Но вмѣстѣ и политичное,—замѣтилъ г. Колларъ.—Это первая премія, данная новообращеннымъ.

— Э, э! это ужъ совсѣмъ не такъ неловко!

Водрей почувствовалъ, что было совершенно безполезно настаивать. Ему слѣдовало примириться съ этимъ Варколье. А

Digitized by Google

ужь отъ него будетъ зависѣть—не допустить этого господина возъимѣть особенное вліяніе въ министерствѣ.

Итакъ, Варколье былъ назначенъ. Президентъ республики подпишетъ декретъ какъ можно скорѣе.

«Назначеніе, заранѣе дисконтированное», — подумалъ Водрей, хорошо вспомнивъ при этомъ вѣжливую, но угрожающую улыбку Гранэ. Онъ чувствовалъ себя нервно настроеннымъ и раздосадованнымъ подобнымъ оборотомъ дѣла. Но что же дѣлать? Онъ вслушивался въ разговоры коллегъ. Военный министръ тоже принялъ въ нихъ участіе, но, къ удивленію Водрея, ожидавшаго отъ него разныхъ патріотическихъ сужденій, услыхалъ, какъ онъ толковалъ себѣ въ бороду о киверахъ, о новыхъ штиблетахъ, о пороховницахъ, о сукнѣ, о шинеляхъ. И больше ничего. Это былъ банальный докладъ не то сапожника, не то портнаго,—словомъ, счетъ какого-то поставщика. Сюльписъ отъ всей души желалъ скорѣйшаго окончанія совѣта. Президентъ, прежде чѣмъ прекратить засѣданіе, повторялъ съ жосткостью совѣтника кассаціонной палаты.

— Только, пожалуйста, господа, поменьше нововведеній; не старайтесь ужь слишкомъ, предоставьте идти всему по теченію. Не будемъ непосильно работать. Засѣданіе на сей разъ окончено.

«Стало быть, никакого дѣла», — замѣтилъ про себя Водрей.

Раньше онъ представлялъ себѣ иначе свои обязанности. Онъ вовсе не желалъ плыть по теченію, подчиняясь обстоятельствамъ, а, наоборотъ, хотѣлъ проводить свои идеи, оживлять все министерство. Иначе не слѣдовало ему и дѣлаться министромъ, если онъ долженъ тянуть все ту же самую политику. Въ такомъ случаѣ, любой начальникъ бюро могъ бы быть министромъ не хуже его! Когда онъ выходилъ изъ залы совѣта, военный министръ шутя сказалъ ему своимъ грубоватымъ голосомъ:—Повидимому, дорогой коллега, вамъ не особенно понравилось назначеніе Варколье? Ба! если онъ переметнулъ свое ружье съ одного плеча на другое, то это доказываетъ только, что онъ любитъ дѣлать гимнастику, — вотъ и все!

Digitized by Google

И солдатъ, застегнутый на всѣ пуговицы, громко захох
талъ своимъ грубымъ смѣхомъ. Водрей сѣлъ въ свою каре
и вернулся въ министерство, чтобы позавтракать.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Шаткое положеніе французскаго правительства. — Властолюбіе и непогрѣшимость министровъ.—Что сдѣлали они для народа въ четверть вѣка республики?— Побоища въ парламентѣ.—Возвращеніе Рошфора. — Плутни евреевъ.—Дѣло Левальяна. — Статистика браковъ и иностранцевъ во Франціи.—Процессъ газетныхъ шантажистовъ.—Германскій рейхстагъ и соціалисты.—Союзъ аграріевъ.—Мнѣнія нѣмцевъ о русскомъ хлѣбѣ.—Норвежско-шведская распря.—Кабинетъ Розбери.—Побѣды японцевъ и богдыханъ.

Спокойствіе Европы зависитъ преимущественно отъ политическаго положенія Франціи, а теперь нельзя ручаться и за одинъ день существованія въ ней новаго кабинета. Радикальная партія, низвергнувшая министерство умѣренныхъ республиканцевъ, можетъ каждую минуту опрокинуть шаткое министерство Рибо, которому не довѣряетъ большинство палаты, какъ человѣку, служившему второй имперіи и заподозрѣнному въ панамскихъ продѣлкахъ. Посланіе президента, обнародованное въ 36-ти тысячахъ экземпляровъ во французскихъ общинахъ, приглашаетъ всѣхъ къ примиренію и спокойствію, но съ первыхъ же засѣданій новаго министерства, составленнаго съ большимъ трудомъ изъ совершенныхъ ничтожностей, начались сцены, доказывающія существованіе въ палатѣ двухъ прежнихъ политическихъ партій: тѣхъ, кто хочетъ сохранить устарѣвшее соціальное зданіе съ его злоупотребленіями, несправедливостями и привилегіями, и партіи демократической, желающей идти мирно, но твердо къ прогрессу и правосудію. Дѣло только въ томъ, что каждый понимаетъ эти цѣли по своему. Надо доказать фактами, а не словами, что умѣренность не значитъ реакція.

25 лѣтъ существуетъ французская республика и что же она сдѣлала въ эту четверть вѣка для народа?—почти ничего. Она заботилась только о сохраненіи власти, за которую держались всякія посредственности изъ страсти къ наживѣ и деспотизму, и эти двѣ страсти являются во Франціи въ самыхъ рѣзкихъ очертаніяхъ. Странное свойство многихъ правительствъ — считать себя непогрѣшимымъ папою — проявлялось тутъ въ

Digitized by Google

самой яркой формѣ: каждый министръ, пока его не низвергли, считалъ свою волю закономъ для страны; онъ положительно забывалъ, что, какъ всякій человѣкъ, можетъ ошибаться; всякаго, не признававшаго его мѣръ непогрѣшимыми, онъ считалъ своимъ врагомъ и, если можно, уничтожалъ. Подчиненныхъ, исполнявшихъ ихъ приказанія, министры отстаивали всѣми силами и не сознавались въ ихъ злоупотребленіяхъ. Президенты прикрывали всякій скандалъ въ администраціи и кабинеты падали одинъ за другимъ отъ этого страннаго свойства не сознавать своихъ ошибокъ и считать себя выше и умнѣе другихъ. Премьеръ Дюпюи не разъ спасалъ въ палатѣ министерство, сознаваясь, что его товарищи дѣлали промахи. Когда военному министру доказывали, что онъ обязанъ былъ переговорить съ изобрѣтателемъ мелинита, а Мерсье утверждалъ, что не могъ принять Тюрпена, какъ человѣка, пользующагося дурной репутаціей, Дюпюи убѣдилъ палату, что Мерсье, «какъ военный человѣкъ», могъ заблуждаться, и спасъ этимъ кабинетъ, но тотъ же премьеръ, когда директоры южныхъ и орлеанскихъ желѣзныхъ дорогъ нашли лазейку, чтобы отчетность ихъ контролировалась не въ палатѣ, а въ государственномъ совѣтѣ, началъ доказывать, не смотря на всю незаконность этой мѣры, что ее нельзя отмѣнить, т. е. обнаруженную мошенническую сдѣлку нельзя трогать. Но какъ ни снисходительна была палата къ кабинету, она не могла допустить такой явной несправедливости и низвергла его, а за нимъ ушелъ и Казиміръ Перье, противъ котораго подкапывались Дюпюи, Мерсье и Ганото, т. е. его же правительство. Новый президентъ въ своемъ посланіи намѣтилъ главныя работы, которыми слѣдуетъ заняться палатѣ и которыя уже давно изучались въ комисіяхъ: уменьшеніе судебныхъ издержекъ, пересмотръ уголовнаго законодательства, рѣшеніе соціальнаго вопроса, учрежденіе пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ. Еслибы палата, въ послѣднюю четверть вѣка, рѣшила хоть одинъ изъ этихъ вопросовъ, Франція не была бы въ такомъ шаткомъ, неопредѣленномъ положеніи.

Кромѣ того, предстоитъ принять много важныхъ мѣръ: уменьшеніе податей, предоставленіе замужнимъ женщинамъ права пользоваться плодами ихъ трудовъ, децентрализація, свобода сходокъ; наконецъ, монополія спиртныхъ напитковъ, которая гораздо важнѣе всякихъ пересмотровъ конституцій, потому что дѣло идетъ о будущности человѣческой расы. Выдающійся англійскій дѣятель, Рандольфъ Черчиль, такъ рано умершій, говорилъ: «если вы хотите, чтобы демократія сдѣлалась охранительною, дайте ей возможность что нибудь скопить и охранять». Этому можетъ содѣйствовать не только парламентъ, но и каждый благонамѣренный, интеллигентный человѣкъ въ окружающей его экономической сферѣ. Гамбетта говорилъ, что не надобно слишкомъ торопиться и всякому дню предстоитъ злоба его, но Франція уже слишкомъ «медленно спѣшитъ» въ стремленіи къ самымъ ничтожнымъ улучшеніямъ. Надо, конечно, больше требовать

Digitized by Google

отъ нравовъ, чѣмъ отъ законовъ, дать каждому свободно развивать свои силы, бороться съ соціализмомъ не презрительнымъ отрицаніемъ, а практическими реформами, не забывать, что свобода—средство, а не цѣль.

У кабинета есть теперь большинство въ палатѣ, но какою цѣною онъ пріобрѣлъ его? Прежде всего, онъ долженъ былъ внести законъ о всеобщей амнистіи, противъ котораго въ палатѣ было только 7 голосовъ—доказательство, какъ сильна въ странѣ потребность справедливости; воспользовавшихся амнистіею немного, но между ними выдается энергичная фигура Рошфора, этого короля парижскихъ журналистовъ, четверть вѣка не видавшаго родины, вслѣдствіе преслѣдованія правительства, мстившаго ему за раскрытіе злоупотребленій. Рошфоръ, конечно, человѣкъ увлекающійся, непослѣдовательный, бросающійся въ крайности, но это человѣкъ неподкупный, журналистъ честный, не замаранный ни въ какой панамщинѣ, отъ которой разжилось столько министровъ; заставить его замолчать они не могли, и онъ всякій день изъ-за границы осыпалъ парижское правительство рѣзкими упреками за бездарность и злоупотребленія. За это ему 25 лѣтъ не позволяли вернуться во Францію. Зато съ какимъ тріумфомъ встрѣтили его, по возвращеніи, въ Кале и Парижѣ, гдѣ вліяніе его, конечно, еще болѣе усилилось и пошатнуло кабинетъ, едва не низвергнутый въ одно изъ первыхъ же засѣданій. Сдѣланъ былъ запросъ о расторженіи контракта, заключеннаго министерствомъ съ англійскими подрядчиками для перевозки на Мадагаскаръ судовъ со снарядами и запасами для готовящейся экспедиціи. И вѣдь пришло же въ голову Дюпюи поручить это щекотливое дѣло націи, явно не сочувствующей экспедиціи и старающейся всѣми средствами помѣшать ей! Спросили военнаго министра: почему же онъ самъ не взялся за это? тотъ отвѣчалъ, что на это не согласился морской министръ, ссылаясь на необходимость какихъ-то передѣлокъ въ судахъ. Обратиться къ морскому министру, Феликсу Фору, сочли неловкимъ, потому что онъ былъ уже президентомъ республики, и дѣло замяли, какъ въ сотнѣ подобныхъ случаевъ.

Но позорнѣе всего были парламентскія сцены по поводу похоронъ маршала Канробера. Правительство постановило похоронить его на казенный счетъ и ассигновало на это 20 тысячъ франковъ. Военный министръ назвалъ Канробера знаменитѣйшимъ сыномъ Франціи, покрывшимъ себя славою. «Да, втораго декабря!» кричали соціалисты. Въ отвѣтъ на восхваленія его храбрости въ Крыму и при Сенъ-Привà, говорили, что въ Крыму онъ только упрямо посылалъ на Малаховъ курганъ все свѣжія войска, пока превосходство силъ не одолѣло послѣднихъ защитниковъ укрѣпленія, а при Сенъ-Привà, гдѣ нѣмцевъ было гораздо больше, онъ благоразумно отступилъ, не желая подвергать разбитые французскіе полки окончательному истребленію. Соціалистъ Гюбаръ находилъ неумѣстнымъ воздавать почесть человѣку, помогавшему президенту-заговорщику уничто-

Digitized by Google

жить конституцію и совѣтовавшему Базену въ Мецѣ сдать армію и кр
пость нѣмцамъ. Поднялся страшный шумъ. Депутаты начали перерy
ваться между собою, обзывать другъ друга убійцами и мерзавцами. Г
баръ, грубо оскорбленный соціалистомъ Гюго, вызвалъ его на дуэль и пр
велъ слова Наполеона, писавшаго, что офицеры имѣютъ право не пов
новаться начальникамъ, если тѣ заставляютъ ихъ измѣнить отечеств
До какой степени этотъ вопросъ и съ тѣхъ поръ остался спорнымъ, сл
жить вмѣшательство въ него президента палаты. Бриссонъ сказалъ:
не позволю утверждать, что солдаты не правы, если отказываются дѣ
ствовать противъ закона и конституціи, и не допущу никакой попыт
къ прославленію государственнаго переворота». Въ сенатѣ пренія по этo
вопросу были не менѣе бурны. Убѣленные сѣдинами старики ругали
не хуже своихъ товарищей Бурбонскаго дворца.

Вслѣдствіе амнистіи, вернулся въ Парижъ, вмѣстѣ съ другими изгна
никами, и редакторъ газеты «Libre Parole» Дрюмонъ. Его никто не в
сылалъ изъ Франціи, но онъ самъ сбѣжалъ въ Бельгію, боясь, чтобы К
зиміръ Перье, за нападки на него, не засадилъ его въ Мазасъ. Въ первы
же нумерахъ своего журнала, Дрюмонъ возобновилъ свои доказательств
что червь, подтачивающій нравственныя силы Франціи—жиды. Дрюмо
гордится тѣмъ, что онъ разоблачилъ даже Ротшильдовъ, и увѣренъ, ч
на нихъ обратятъ вниманіе въ будущей революціи. Во всѣхъ совреме
ныхъ мерзостяхъ жидъ играетъ главную роль. Кремьё предалъ Алжир
жидовскимъ ростовщикамъ; Сиссэ, бывши военнымъ министромъ, покр
вительствовалъ жидовкѣ Кауля—нѣмецкой шпіонкѣ; редакторъ газе
«Gaulois» осмѣиваетъ французскую армію; Гиршъ обдѣлываетъ гешефт
съ турецкими фондами; Бишофсгеймъ совершаетъ колоссальное мошенн
чество съ гондурасскими акціями; Эрлангеръ производитъ такія же оп
разіи со «Всеобщимъ кредитомъ»; Накъ продалъ Италіи секретъ изгот
товленія бездымнаго пороха; Гемердингеръ и офицеръ Мейеръ фабрикую
фальшивые штемпеля; Дрейфусъ пользуется голодомъ въ Россіи, чтоб
продавать русскимъ друзьямъ отравленный хлѣбъ. Изъ двухъ братцевъ ев
одинъ—шантажистъ, другой—продавалъ нѣмцамъ государственныя тайн
фурмійскій префектъ Исаакъ приказываетъ стрѣлять въ безоружныхъ р
бочихъ, и мозгъ шестнадцатилѣтней Маріи Блондо собираютъ потомъ
мостовой; Корнелій Герцъ, Рейнахи, Гуго, Обердорферы, Леви Кремьё об
брали акціонеровъ Панамы, а министръ Рейналь заключилъ «злодѣйск
конвенціи», стоившія Франціи $1^1/_2$ милліарда. Это перечисленіе францу
скихъ жидовъ не лишено своего рода практичности. Вездѣ, гдѣ публичны
скандалъ,—тамъ непремѣнно еврей. Въ палатѣ былъ сдѣланъ запросъ о нео
ходимости ограничить еврейскій элементъ въ администраціи. Сборщи
податей, бывшій директоръ тайной полиціи, Исаія Левальянъ уволенъ бе
прошенія. Въ судѣ разбиралось дѣло братьевъ Швобовъ, конечно, тоже ж

Digitized by Google

довъ, обвиняемыхъ въ мошенничествахъ по продажѣ драгоцѣнныхъ камней на нѣсколько милліоновъ. Бывшій префектъ полиціи, депутатъ Андріё, представитель интересовъ пострадавшихъ, хотѣлъ привести доказательства плутней Швобовъ, но предсѣдатель суда, по вѣчной страсти правительства защищать всякаго мошенника-чиновника, не позволилъ ему говорить. Тогда Андріё напечаталъ свои обвиненія въ газетѣ, и они оказались такого подавляющаго свойства, что Рибо прогналъ жида, получавшаго 8 тысячъ франковъ жалованья. Напали на слѣдъ новой государственной измѣны, совершонной опять офицеромъ изъ жидовъ, капитаномъ артиллеріи, женатымъ на сестрѣ Дрейфуса. Даже редакторъ газеты «Gaulois» Артуръ Мейеръ, этотъ бывшій секретарь кокотки Бланшъ Дантиньи, сознаётся, что евреи отчасти сами виноваты въ усиленіи вражды къ нимъ. Но что же подѣлаешь съ этимъ нахальнымъ племенемъ, вездѣ проявляющимъ черты своего національнаго характера? Въ Черновицахъ выстроили великолѣпную синагогу и, при открытіи въ ней богослуженія, оно было прервано появленіемъ таможенныхъ чиновниковъ, отыскавшихъ въ ней, и даже у главнаго раввина, огромное количество табаку, провезеннаго контрабандой. Да и у насъ развѣ не проявляются рѣзкія черты жидовской наглости? Въ Брянскѣ, на публичной лекціи читали «Тараса Бульбу» и слова повѣсти: «перевѣшать всю жидову» были встрѣчены сочувственно. Члены комитета, евреи, усмотрѣвъ въ этомъ серьезное оскорбленіе, рѣшили исключить «Тараса Бульбу» изъ числа произведеній, дозволенныхъ для публичныхъ чтеній. Христіане протестовали и всѣ евреи вышли изъ комитета. Что же удивляться, если во Франціи и въ Австріи они требуютъ, чтобы въ школахъ, гдѣ воспитываются и евреи, не преподавали христіанскіе священники, чтобы не нарушать спокойствія совѣсти еврейскихъ дѣтей?!

Палата рѣшила засѣдать по два раза въ день, чтобы успѣть утвердить бюджетъ до конца марта, на который уже выдана авансомъ извѣстная сумма, такъ называемая, одна двѣнадцатая часть; но въ такой короткій срокъ бюджета, конечно, не разсмотрятъ, особенно при системѣ, принятой соціалистами—вносить свои предложенія къ каждому вопросу. Такъ потребовали уничтоженія бюджета вѣроисповѣданій и подняли опять избитую тему: отдѣленіе церкви отъ государства. Палата отвергла оба предложенія, но они все таки затянули пренія.

Внѣпарламентская Франція сильно озабочена не разъ поднимавшимся въ послѣднее время вопросомъ объ уменьшеніи ея населенія. Главною причиною этого считаютъ нерасположеніе французовъ къ брачной жизни, происходящее, по мнѣнію однихъ, отъ страстности француженокъ; по мнѣнію другихъ, отъ ихъ апатіи, а вѣрнѣе всего—отъ національнаго духа всего населенія, отличающагося скаредностью и скопидомствомъ. Французъ трудится съ молодыхъ лѣтъ, не тратитъ на себя лишней копѣйки, чтобы подъ старость сдѣлаться рантье, и не хочетъ имѣть дѣтей, уменьшающихъ

Digitized by Google

благосостояніе семьи. На сто браковъ приходится у нихъ, среднимъ чи
ломъ, 16 рожденій; плодовитѣе всего женщины въ 18—20 лѣтъ, муж
чины въ 25 лѣтъ. Таблицы рождаемости, впрочемъ, не полны и запутани
Такъ, статистика доказываетъ, что пожилыя женщины, выходящія за мо
лодыхъ людей, и пожилые мужчины, женившіеся на молоденькихъ женщи
нахъ, поступаютъ прекрасно. Уменьшеніе населенія во Франціи, особенн
въ городахъ, не такъ замѣтно по причинѣ огромнаго прилива во Франці
иностранцевъ. Въ пятидесятомъ году, при населеніи въ 36 милліоновъ
иностранцевъ въ ней было до 400 тысячъ. Въ 1891 году число это достигл
милліона 130 тысячъ, и изъ нихъ 150 приняли французское подданство
А такъ какъ въ эти послѣднія 40 лѣтъ населеніе всей Франціи увеличи
лось на 2 милліона 230 тысячъ, то иностранцы составили въ этой сумм
40%. Болѣе всего переселилось бельгійцевъ: до 466 тысячъ; итальянцев
287 тысячъ, нѣмцевъ 83 тысячи, англичанъ 40 т., русскихъ 14,357
Распредѣлены они по департаментамъ, конечно, неравномѣрно. Изъ всѣх
европейскихъ государствъ только во Франціи иммиграція превосходит
эмиграцію, тогда какъ въ другихъ странахъ свѣта дѣло происходитъ на
оборотъ. Такъ, въ Америкѣ французовъ въ 20 разъ больше, чѣмъ аме
риканцевъ во Франціи.

Процессъ газетныхъ шантажистовъ не удовлетворилъ ни печать, н
публику. Онѣ недовольны тѣмъ, что двое изъ нихъ, явные плуты, Ка
нивэ и Трокаръ, оправданы. Да и другіе «разбойники печати» наказаны до
вольно легко. Главный шантажистъ Портализъ, редакторъ газеты «XIX вѣкъ»
20 лѣтъ бравшій взятки со всѣхъ, съ кого можно, и бѣжавшій въ Аме
рику, приговоренъ только на пять лѣтъ къ тюремному заключенію и к
тремъ тысячамъ штрафа, хотя онъ награбилъ милліоны. Жираръ и Гефтлеръ—
къ тюрьмѣ на два года и тысячѣ франковъ штрафу каждый; Деклеркъ—
къ 15-ти мѣсячному заключенію и 200 франковъ, Дрейфусъ—на годъ
къ 500 франк. Эти мошенники пера хорошо очерчены въ рѣчи проку
рора, требовавшаго, чтобы судъ примѣнилъ высшую мѣру наказанія к
журналистамъ, превратившимъ печать въ орудіе клеветы и шантажа. Он
эксплуатировали клевету, которую даже не печатали, живя больше своим
молчаніемъ, чѣмъ своими статьями. Въ печати, конечно, гораздо больш
семи судимыхъ шантажистовъ. Жираръ превратилъ газету «XIX вѣкъ» в
формальную мастерскую шантажа. Портализъ былъ чистымъ разбойникомъ
публицистики. Гефтлеръ выдаетъ себя за барона, а онъ простой негодяй
всегда жившій на чужой счетъ. Деклеркъ еще молодъ и плутовалъ, н
имѣя никогда гроша въ карманѣ. Жираръ не заслуживаетъ никакого сни
схожденія. Канивэ довели до шантажа честолюбіе, игра и другія страсти
будь у него нѣсколько луидоровъ въ карманѣ, онъ, можетъ быть, остался
бы честнымъ человѣкомъ. Нельзя не возмущаться лицемѣріемъ и под
лостью всѣхъ этихъ шантажистовъ, строго относившихся къ ближнимъ

Digitized by Google

выставлявшихъ себя столпами добродѣтели и бдительными стражами общественной нравственности. Они пользовались свободой печати, чтобы унижать ее и продавать съ торгу свои «убѣжденія». Они довели шантажъ до того, что онъ дѣйствовалъ открыто и правильно, какъ общественное учрежденіе. Они не могутъ привести въ свое оправданіе невѣжество и нищету, а между тѣмъ они гораздо хуже обыкновенныхъ воровъ и мошенниковъ. Надо освободить настоящихъ журналистовъ отъ этихъ паразитовъ безъ чести и совѣсти. Испорченная духомъ администраціи, журналистика заразилась страстью къ наживѣ и взяточничеству. Это необходимо уничтожить. Если министры, чиновники, депутаты, сенаторы занимаются плутнями и шантажемъ, печать должна быть чиста отъ всякаго шантажа, потому что она представляетъ интеллигентную Францію. А что представляетъ правительство и парламентъ? Первое — страсть къ власти, сознаніе себя непогрѣшимымъ, не допускающимъ, чтобы оно могло дѣлать промахи и даже исправлять свои ошибки. А парламентъ, избираемый всеобщею подачею голосовъ, давно уже не составляетъ большинства выборныхъ націи. Многіе департаменты посылаютъ къ урнамъ только четверть избирателей, стало быть, страна управляется только четвертою частью населенія, а три четверти его и знать не хотятъ, какъ она управляется. И это называется представительною системою! Что конституцію, составленную монархистами, какъ Броліо, Бюффе и др., необходимо измѣнить, сдѣлавъ ее контрольною, а не законодательною, министровъ независимыми отъ нея—это несомнѣнно. Власть президента также необходимо расширить, конечно, не для того, чтобы онъ устраивалъ у себя продажу орденовъ и теплыхъ мѣстечекъ или разъѣзжалъ акуратно по всѣмъ выставкамъ, открытіямъ монументовъ, базарамъ и т. п., прикрывая въ то же время плутни своихъ министровъ, стараясь замять всякое скандальное дѣло. Выбранный президентомъ, биржевой дѣлецъ, милліонеръ, свѣтскій хлыщъ, самъ учинилъ скандалъ неслыханный, сбѣжавъ со своего поста. Теперь страна выбрала своего представителя будто бы изъ рабочаго сословія. Онъ перетащилъ въ Люксембургъ своихъ охотничьихъ собакъ, свои чубуки, трубки, билліардъ. Не знаемъ, убрали ли вывѣску, красовавшуюся на главной улицѣ Гавра еще долгое время послѣ президентскихъ выборовъ: «Феликсъ Форъ. Кожа и шкуры». Выдетъ ли изъ этого что нибудь полезное и прочное? Сомнительно.

Не менѣе шатко парламентское дѣло и въ Германіи. Въ то время, когда императоръ озабоченъ реформою флота, рейхстагъ представляетъ странную картину протестантской націи, политика которой зависитъ отъ католиковъ и соціалистовъ. Послѣдніе всегда составляли оппозицію правительству, но католики недовольны имъ за внесеніе закона противъ соціалистовъ и за увеличеніе налоговъ, и если не станутъ на сторону кабинета, законы эти не пройдутъ въ парламентѣ. А тутъ еще партику-

Digitized by Google

ляризмъ южной Германіи ставитъ на каждомъ шагу препятствія прусскому объединенію. Вюртембергская печать говоритъ открыто: мы еще не сдѣ лались пруссаками и не позволимъ имъ идти дальше. А тутъ еще Эль засъ-Лотарингія заговорила такъ громко, какъ никогда, и даже нѣмцы должны были сознаться, что страна совершенно права въ своихъ жало бахъ и требованіяхъ. Вотъ что говорилъ на послѣднихъ выборахъ въ Кольмарѣ депутатъ Прейсъ: «вы требуете, чтобы мы сознались въ нашем совершенномъ онѣмеченіи. Это значитъ требовать отъ насъ лжи и лице мѣрія, до которыхъ насъ не допуститъ наша честность. Еслибы мы даж получили за такую ложь уничтоженіе диктатуры и исключительныхъ за коновъ—мы бы не согласились на это, потому что не хотимъ просить какъ милости, того, что́ считаемъ нашимъ неотъемлемымъ правомъ, и н хотимъ посредствомъ обмана терять уваженіе и свое собственное, и циви лизованнаго міра». Что же касается до соціалистовъ, Бебель сдѣлалъ въ парламентѣ слѣдующее заявленіе: «напрасно думаютъ, что въ случаѣ войны мы желаемъ пораженія Германіи. Это было бы величайшимъ бѣд ствіемъ и для соціализма. Мы не разъ заявляли, что будемъ стоять тверд противъ Россіи, какъ всѣ наши сограждане. Въ поддержкѣ французскаго радикализма, далеко не чуждаго шовинизма, мы вовсе не нуждаемся и не желаемъ имѣть съ нимъ ничего общаго. Канцлеръ Каприви свидѣтель ствовалъ, что въ арміи много соціалистовъ, но что они вообще благона дежные солдаты и повинуются дисциплинѣ. А между тѣмъ, за ея нару шеніе, въ какой бы то ни было формѣ, по послѣднему закону опредѣ ляются суровыя наказанія и трехлѣтнее тюремное заключеніе».

Кромѣ соціалистовъ и католиковъ, сильно недовольна правительствомъ а еще болѣе самимъ императоромъ, партія аграріевъ. Недавно ему пред ставлялась депутація аграрнаго союза и императоръ поставилъ ей на видъ необходимость терпѣнія и довѣренности къ правительству. На это очень обыкновенное напоминаніе, глава депутаціи Плетцъ отвѣчалъ въ тотъ же день, въ засѣданіи аграрнаго союза, заявленіемъ, что его партія не нуж дается ни въ какихъ предостереженіяхъ и сама очень хорошо знаетъ, въ чемъ состоятъ ея обязанности къ престолу. Чтобы еще больше подчеркнуть рѣзкость этой наглой выходки, союзъ аграріевъ принялъ немедленно ре золюцію, высказавшуюся противъ торговыхъ союзовъ и отвергнутаго правительствомъ предложенія Каница: о государственной монополіи на торговлю хлѣбомъ. Смѣлость аграріевъ происходитъ болѣе оттого, что безъ нихъ не составится въ рейхстагѣ большинства въ пользу законовъ про тивъ соціалистовъ. Они уже настояли на томъ, что отмѣна бисмарков скаго закона объ изгнаніи іезуитовъ изъ Германіи принята въ третьемъ чтеніи, и возстали противъ Рихтера, осуждавшаго государственное устрой ство Мекленбурга, гдѣ господствуетъ тупая реакція, а населеніе умень шается въ такой степени, что все давно вымерло бы, еслибы тамъ не

Digitized by Google

было такъ много незаконнорожденныхъ. Даже неофиціальныя нѣмецкія газеты называютъ образъ дѣйствій аграріевъ неслыханной наглостью противъ государства и непростительной дерзостью по отношенію къ императору. И это въ такое время, когда министерство явно склоняется къ смягченію закона противъ соціалистовъ.

Берлинская печать съ живымъ интересомъ разсматриваетъ возникшій у насъ вопросъ о закупкѣ правительствомъ изъ первыхъ рукъ хлѣбныхъ запасовъ для продовольственныхъ цѣлей и снабженія арміи провіантомъ. Нѣмцы находятъ однако, что Россія не можетъ въ будущемъ являться въ качествѣ экспортной страны на хлѣбномъ рынкѣ Европы. Россія производитъ хлѣба лишь столько, сколько требуется для собственнаго потребленія ея 120 милліоннаго населенія. Если теперь Россія вывозитъ значительные излишки хлѣба, то вслѣдствіе недостаточнаго потребленія его собственными жителями. Еще далеко до того времени, когда производство хлѣба сравняется въ ней съ его потребленіемъ. Послѣдніе полгода вывезено огромное количество хлѣба по причинѣ недостаточной покупной способности населенія, тѣмъ болѣе, что техника сельскаго хозяйства—въ примитивномъ состояніи и послѣдній неурожай значительно ослабилъ хозяйственныя силы страны. Поэтому, даже запасы хлѣба направляются къ экспорту, который, конечно, еще долго не уменьшится.

Отношенія между Швеціей и Норвегіей съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе натянутыми и распря между ними обостряется. Норвежскія газеты пишутъ: «если Швеція желаетъ войны, она накличетъ ее безъ труда. Мы вовсе не боимся ея и не имѣемъ никакихъ сомнѣній въ ея исходѣ». Бьёрнстернъ требуетъ обращенія къ третейскому суду. Предметомъ спора между державами является не только вопросъ: имѣетъ ли право Норвегія держать своихъ отдѣльныхъ консуловъ въ другихъ странахъ: Швеція въ этомъ случаѣ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла своей сосѣдки, хотя бы Норвегія и потеряла отъ этого. Верховныхъ правъ надъ нею Швеція не имѣетъ, такъ какъ Норвегія вступила съ нею въ союзъ на правахъ державнаго государства. А между тѣмъ, въ шведскій рейхстагъ внесенъ уже проэктъ займа въ 60 милліоновъ кронъ на чрезвычайныя вооруженія, на новыя военныя суда, укрѣпленія, ружья. Король и шведы—на сторонѣ строгихъ мѣръ и, въ случаѣ неуступчивости сосѣдей, въ Норвегію готовятся вступить шведскія войска. Болѣе всего подвергается нападкамъ король. Въ офиціальной норвежской газетѣ министра Стена, помѣщено стихотвореніе къ королю, гдѣ говорится: «у насъ найдется еще смѣлый патріотъ, который можетъ, о шведскій король, данный тобою отвѣтъ на норвежскія требованія вырѣзать изъ твоего языка, если ты захочешь остаться королемъ». Это уже и не политическая, а какая-то дикая поэзія, тѣмъ болѣе, что далѣе поэтъ увѣряетъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Являются каждый день статьи о крови и же-

Digitized by Google

лѣзѣ, о неизбѣжности войны. Обѣщаютъ взорвать на границѣ шведскі войска съ поѣздами, бомбардировать прибрежные города и т. д., тре буется расторженіе таможеннаго союза, отчего Швеція пострадаетъ больш Норвегіи.

Положеніе англійскаго кабинета едва ли не болѣе шатко, чѣмъ фран цузскаго. Тронная рѣчь при открытіи парламента была до того безцвѣтна умалчивая о главныхъ вопросахъ политики, что составленіе отвѣтнаг адреса, представляющаго обыкновенно однѣ перифразы рѣчи, затянулос на нѣсколько недѣль и, при первой же баллотировкѣ одной неважно мѣры, либеральное большинство, дававшее Гладстону 40 голосовъ, умени шилось до 12-ти, потомъ даже до 7-ми. Страна недовольна внутренней особенно внѣшней политикой лорда Розберри, хотя и не сочувствует ирландской автономіи. Кабинетъ поспѣшилъ закончить пренія объ адрес опасаясь потерпѣть пораженіе.

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ объявленія войны, японцы одержали наконецъ, надъ своимъ непріятелемъ серьезную побѣду. Съ сухаго пут они заняли важный укрѣпленный портъ Вей-Ха-Вей, бомбардируя его в то же время съ моря своими судами. Китайцы на этотъ разъ защищали храбро, но это ни къ чему не послужило, городъ былъ взятъ и, что̀ всег важнѣе, истребленъ почти весь китайскій флотъ. Немногіе не потоплен ные и не сожженные корабли принуждены были сдаться. Адмиралъ Тинг и два капитана фрегатовъ убили себя, чтобы не отдаться непріятелю, к потребовали, чтобы жизнь сдавшихся китайскихъ солдатъ была пощ жена, что̀, очевидно, не въ обычаяхъ у желтой расы. Китай лишился гро мадныхъ военныхъ запасовъ, и дальнѣйшее веденіе войны почти немы слимо. А, между тѣмъ, ничто не можетъ побѣдить упрямство богдыхана упорно стоящаго за войну, не смотря на совѣты своей шестидесятилѣтне матери, Кунга, другихъ принцевъ и Лихунчанга. Послѣдній — опят въ милости. Ему возвратили не только шарикъ на шапку, но желту куртку и даже павлинье перо. А, между тѣмъ, богдыханъ разжаловал двухъ своихъ женъ въ наложницы за то, что онѣ приставали къ нем съ просьбами помириться. И въ то же время онъ сочиняетъ такія прокла маціи, хотя и не публикуетъ ихъ внѣ своего дворца: «Когда мы принял бразды правленія, нашимъ завѣтнымъ желаніемъ было приступить к внутреннимъ преобразованіямъ, но японцы неожиданно нарушили миръ отняли вассальную намъ Корею. Мы послали противъ нихъ нашихъ гене раловъ, не ожидая, что они окажутся невѣждами, а войска не дисци плинированными, и японцы одерживали побѣду за побѣдой, все прибли жаясь къ намъ, пока предки наши не встревожились въ своихъ могилахъ Это произошло отъ того, что мы сами недостойны и окружены непригод ными людьми. Если японцы приступятъ къ нашимъ священнымъ алта рямъ, намъ не останется ничего другаго сдѣлать, какъ погибнуть вмѣст

Digitized by Google

съ ними. Тогда вамъ предстоитъ почтительно перевезти вдовствующую императрицу въ Монголію и избрать достойнаго человѣка въ императоры, который сохранилъ бы могилы предковъ и смылъ безчестье». Во всѣхъ словахъ и поступкахъ богдыхана видно ненормальное, не уравновѣшенное состояніе. Отправивъ пословъ въ Японію трактовать о мирѣ, онъ не даетъ имъ никакихъ инструкцій.

Нельзя сказать, чтобы онъ строго держался вѣковаго китайскаго этикета. Иностраннымъ посламъ онъ разрѣшилъ аудіенціи въ его дворцѣ. Ихъ принесли въ носилкахъ, но они должны были идти пѣшкомъ отъ воротъ дворца до залы, гдѣ ихъ ждалъ императоръ съ открытымъ ртомъ, растерянными и блуждающими взглядами. За ширмами, позади трона, сидѣла императрица, не имѣющая права смотрѣть на иностранцевъ. Аудіенція ограничилась нѣсколькими незначительными фразами, но какимъ образомъ послы соглашаются подчиняться такому дикому этикету? Да и вообще возможно ли существованіе государства, гдѣ солдаты отказываются драться, потому что ихъ не кормятъ, не платятъ имъ жалованья, вооружаютъ лукомъ со стрѣлами, ржавыми ружьями безъ патроновъ, фитильными временъ Тамерлана, или пистонными съ маркою: «Потсдамъ, 1801 года»? До 100 тысячъ солдатъ, сосредоточенныхъ въ Пекинѣ и окрестностяхъ, ходятъ въ лѣтнихъ курткахъ при 10° морозѣ. Немногіе изъ нихъ вооружены дубинами и пиками XIII столѣтія. А, между тѣмъ, японцы съ каждою новою побѣдою становятся, понятно, все требовательнѣе. Теперь они уже не довольствуются Кореею, Формозою, китайскими островами, и домогаются узнать, какую контрибуцію въ состояніи заплатить Китай и какія территоріальныя уступки располагаетъ сдѣлать. Европейскимъ державамъ они не сообщаютъ, на какихъ условіяхъ желаютъ заключить миръ. Вообще самомнѣніе японцевъ сильно развилось, что̀, впрочемъ, и понятно въ виду почти совершеннаго разложенія организма китайской имперіи. Поэтому вмѣшательство Европы въ китайско-японскую распрю необходимо: чѣмъ дольше будетъ тянуться война, тѣмъ претензіи Японіи будутъ становиться непомѣрнѣе, и напрасно разсчитывать на то, что она откажется отъ занятія Кореи, взятія Пекина, захвата части Манджуріи. Не воевать же съ побѣдителемъ, чтобы принудить его къ уступкамъ! Японія принесла большія жертвы, сдѣлала огромные займы, потеряла много храбраго и дисциплинированнаго войска; она была проводникомъ дѣйствительной культуры въ дебри неподвижнаго востока, доказала на опытѣ невозможность существованія въ наше время хотя бы и вѣковыхъ державъ, основанныхъ на гніющихъ устояхъ. Она должна быть за это вознаграждена.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томы 88, 89, 90, 91, 92, 93—1894 г.

Прошлый годъ наше историческое общество закончило изданіемъ шести томовъ своего сборника. Такое быстрое появленіе въ свѣтѣ огромныхъ, полныхъ интереса, томовъ представляетъ рѣзкій, исключительный фактъ въ нашей исторической библіографіи. Говорить о громадномъ значеніи этого фундаментальнаго труда, безъ котораго невозможны никакія изслѣдованія въ области русской науки и международныхъ сношеній—было бы излишне. Сборникъ завоевалъ себѣ уже давно почетное мѣсто среди подобныхъ западныхъ изданій. 88-ой томъ посвященъ дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона и обнимаетъ собою 1806 и 1807 годы. Редакція сборника принадлежитъ все тому же неутомимому и даровитому профессору А. С. Трачевскому, замѣчающему совершенно основательно, что время, описываемое въ обнародованныхъ документахъ, единовременно обратило на себя вниманіе русскихъ и французскихъ ученыхъ и появились новыя изслѣдованія матеріаловъ, объясняющихъ или дополняющихъ свѣдѣнія о той эпохѣ. Въ нашемъ сборникѣ являются главные и почти исключительно обнародованные документы официальнаго происхожденія изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ; не вошли только въ исторію этой эпохи бумаги важнаго посольства графа Петра Александровича Толстаго; онѣ изданы въ слѣдующемъ отдѣльномъ томѣ. Зато въ 88-й томъ вошло нѣсколько бумагъ изъ переписки между Наполеономъ, Шампаньи и Савари—много цѣнныхъ матеріаловъ представляютъ всѣ эти документы: планъ (Будберга) войны съ Турціей, торговый договоръ съ Англіей, планъ завоеванія славянскихъ и сербскихъ провинцій: Босніи, Герцеговины, Далмаціи; проэктъ мирнаго договора, посланный Наполеономъ Александру, и переписка ихъ по этому поводу; принятіе Штейна на русскую службу, тильзитскій договоръ. Подробностей о частныхъ отношеніяхъ обѣихъ націй тутъ немного, а всего больше—официальныхъ договоровъ. Очень мало встрѣчается у французовъ сужденій о русскомъ обществѣ. Есть нѣсколько интересныхъ подробностей въ донесеніяхъ Коленкура о Россіи; но безъ важныхъ донесеній нашего парижскаго посла объ этихъ двухъ годахъ многое еще остается въ нихъ неразъясненнымъ. Подробные коментаріи къ эпохѣ представляетъ слѣдующій 89-й томъ, озаглавленный: «Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижъ, отъ Тильзита до Эрфурта». Но тутъ уже является другой редакторъ, Н. Шильдеръ, и собранные имъ матеріалы почерпнуты въ нашихъ архивахъ. Очень немного дополнительныхъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, напечатано въ примѣчаніи, но матеріаламъ предпослано

Digitized by Google

обширное введеніе въ 80 страницъ, разъясняющее политическое положеніе этихъ двухъ лѣтъ; кромѣ того, помѣщена большая статья изъ дипломатической и военной переписки, относящейся къ событіямъ предшествовавшимъ и къ тильзитскому миру. Это собственно документы не офиціальные, а офиціозные, но всѣ они занимаютъ въ общей сложности (со множествомъ приложеній) до 900 страницъ. Всѣ они, конечно, на французскомъ языкѣ и напечатаны безъ перевода. Между ними встрѣчаются и источники, имѣющіе личный интересъ, какъ напримѣръ, письмо короля испанскаго Карла IV къ принцу астурійскому, его отвѣтъ и проч. Странно, что при томъ образцовомъ порядкѣ, въ которомъ находятся вообще иностранные архивы, изъ нихъ исчезаютъ безслѣдно многія бумаги; такъ, издателю не удалось найти никакихъ донесеній князя Волконскаго о поѣздкѣ его съ письмомъ Александра къ Наполеону; только въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 года напечатана замѣтка князя о его поѣздкѣ въ Байону. Число помѣщенныхъ въ томѣ документовъ простирается до 102.

Въ 90-мъ томѣ напечатаны бумаги комитета, учрежденнаго рескриптомъ 6-го декабря 1826 года; здѣсь помѣщены одни важнѣйшіе документы, журналы котораго были напечатаны въ 74-мъ томѣ сборника. По характеру, матеріалы сгруппированы въ три отдѣла: проэкты преобразованія высшаго государственнаго учрежденія, хранившіеся въ кабинетѣ Александра, и всѣ проэкты комитета по этой части, кромѣ неоконченныхъ. Тутъ имѣется также нѣсколько записокъ, извлеченныхъ изъ архивовъ государственнаго совѣта и бывшаго Втораго отдѣленія собственной канцеляріи. Второй отдѣлъ состоитъ изъ бумагъ комитета, касающихся преобразованія губернскаго управленія; третій отдѣлъ посвященъ болѣе обширной работѣ комитета—проэкту дополнительныхъ законовъ о состояніяхъ. Тутъ же хранятся и журналы (1830 года) чрезвычайныхъ собраній государственнаго совѣта, въ которыхъ подвергался обсужденію этотъ проэктъ; къ нему приложены сужденія и особыя мнѣнія членовъ совѣта и лицъ, разсматривавшихъ проэктъ. Конечно, теперь, черезъ 70 лѣтъ, это — уже устарѣвшій матеріалъ, но онъ не лишенъ, однако, своего рода интереса, хотя чтеніе его въ высшей степени утомительно. Есть тутъ и любопытная записка Павла I объ устройствѣ государственнаго управленія, записка Кочубея «о положеніи имперіи», гдѣ упоминается и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ; разсужденія Болугьянскаго «о средствахъ исправленія учрежденій и законовъ», записка Гурьева «объ устройствѣ верховныхъ правительствъ въ Россіи», проэкты объ улучшеніи государственнаго совѣта, о комитетѣ министровъ (одна Аракчеева), судебнаго сената съ замѣткой Павла I, записки Сперанскаго «о сенатѣ», «о комисіи прошеній» и пр. Во второмъ отдѣлѣ интересны разсужденія Балугьянскаго объ учрежденіи губерній. Слабѣе всего въ третьемъ отдѣлѣ—законы о состояніяхъ, а также мало къ чему пригодныя, неполныя и разбросанныя замѣтки

Digitized by Google

о чинахъ гражданской службы, о дворянствѣ, духовенствѣ, о граждан
ствѣ и о крестьянствѣ. Есть записки цесаревича Константина и про
въ приложеніи много особыхъ мнѣній, примѣчанія Канкрина, графа Тол
Вилламова, Ланскаго и друг.

Въ 91-мъ томѣ помѣщены донесенія и другія бумаги англійскихъ по
ловъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ, съ марта 1741 года до половин
1742 года а въ слѣдующемъ, 92-мъ томѣ, депеши маркиза де-ла-Шетарди
отвѣты на нихъ французскаго короля и министра, почти за тоже врем
по іюнь 1741 года, относящіеся къ довольно безпокойной эпохѣ наш
исторіи конца царствованія Анны Іоанновны, правленія Анны Леопол
довны и начала царствованія Елизаветы. Часть этихъ бумагъ была н
печатана академикомъ Пекарскимъ въ его обширной монографіи объ этом
посланникѣ въ Россіи, но Пекарскій не помѣстилъ многихъ важныхъ б
магъ 1740 и 1741 года, а многія сократилъ, тогда какъ для полнот
исторіи необходимы всѣ депеши того времени, чтобы видѣть, какъ относ
лась Франція къ возведенію на престолъ Елизаветы. Въ заговорѣ участв
вала и Швеція. Изъ донесенія Лестока, черезъ котораго велись переговор
видно, что въ нихъ сама Елизавета не играла пассивной роли; она вы
сказывается о возможности вліять и на правительственныхъ лицъ: кня
Черкасскаго, Остермана, даже безхарактернаго Головкина. Миниха о
осуждаетъ за его поступокъ съ Бирономъ. Объ иностранцахъ зам
чаетъ: что благоразумно привлекать ихъ на службу, но не должно пр
доставлять имъ отправленіе высшихъ должностей, которыя нужно зам
щать русскими людьми. Это любопытныя черты Елизаветы. Шетард
горько жаловавшемуся на правительницу и Миниха, она говорила, ч
можетъ разсчитывать на гвардейскихъ офицеровъ русскаго происхождені
Почва для произведенія переворота подготовлялась основательно, но Шв
ція требовала значительныхъ уступокъ въ свою пользу, хотя обстоятел
ства устроились такъ, что жертвы въ этомъ отношеніи не потребовалос
Въ дѣлѣ низверженія брауншвейгской династіи съ русскаго престол
англійскій посланникъ Финчъ былъ противъ Елизаветы и въ своихъ д
пешахъ стоитъ за Анну Леопольдовну. Представляя очень рѣзкую картин
русскаго общества, англійскій посолъ отзывается о Елизаветѣ съ прен
бреженіемъ и даже очень грубо. Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ плати
ея долги, такъ какъ она слишкомъ предана развлеченіямъ и всегда тр
тратитъ всѣ деньги, какія ей удастся получить. Жизнь въ праздном
весельѣ уменьшаетъ ея популярность. Финчъ примѣняетъ къ ней дал
слова шекспировскаго Юлія Цезаря: «она слишкомъ ожирѣла для загов
ровъ». Вообще въ депешахъ Финча и его преемника много любопытны
данныхъ о лицахъ и фактахъ того времени.

93-й томъ содержитъ въ себѣ продолженіе матеріаловъ екатерининско
законодательной комисіи; здѣсь закончено печатаніе дворянскихъ указов

Digitized by Google

депутатамъ, и начинается печатаніе указовъ отъ городскихъ жителей. Давно уже замѣчено,—на что указываетъ и редакторъ этого тома Сборника, профессоръ В. И. Сергѣевичъ, что, не смотря на полную свободу, предоставленную Екатериною жителямъ,—говорить о своихъ нуждахъ и недостаткахъ,—тогдашняя Россія не доросла еще до сознательнаго пониманія этихъ нуждъ. Всѣ граждане твердо держатся за дѣйствующее законодательство и просятъ только объ его упроченіи; за очень узкіе предѣлы стараго міровоззрѣнія мысль ихъ и не заходитъ, даже; о смягченіи чудовищныхъ сторонъ невозможнаго крѣпостничества раздаются очень рѣдкіе и очень слабые намеки. Городъ Дмитровъ такъ-таки единогласно отъ имени всѣхъ своихъ жителей заявляетъ, что, «по обстоятельству здѣшняго города, никакихъ общихъ нуждъ не имѣетъ представить». Другіе города считаютъ недостаткомъ несоблюденіе существующихъ законодательныхъ мѣръ. Горожане стараются только обособиться отъ другихъ сословій и монополизировать въ своихъ рукахъ мануфактурную промышленность и торговлю. Не о расширеніи своихъ правъ просятъ они, а только о личной безопасности и о возможности пользоваться уже имѣющимися привилегіями. А, между тѣмъ, до какой степени было безправно ихъ положеніе, видно изъ статей объ отбываніи ими постойной повинности. Разные офицеры занимали квартиры не по отводу, а по своей прихоти, брали столько комнатъ, кладовыхъ, сараевъ, сколько угодно, держали въ нихъ цѣлыя своры охотничьихъ собакъ; производили въ комнатахъ обученіе солдатъ военному строю, прорубали окна и воздвигали стѣны въ своихъ квартирахъ, гдѣ вздумается. Къ этому тому Сборника, кромѣ обыкновеннаго алфавитнаго указателя, присоединены еще указатели неразобранныхъ именъ и опечатокъ.

Михаилъ Юрьевъ. **Спорные вопросы** западно-европейской исторической науки. Москва. 1894.

Въ прошломъ году, въ Москвѣ объявился новый историкъ г. Михаилъ Юрьевъ, сочиненіе котораго о Карлѣ V было разобрано въ «Наблюдателѣ». Оно не окончено, какъ и бо́льшая часть подобныхъ недозрѣлыхъ и наскоро испеченныхъ произведеній, но авторъ не удовлетворился первымъ плодомъ своей исторической музы и выпустилъ въ свѣтъ новое твореніе, полагая, вѣроятно, своимъ призваніемъ—сообщать публикѣ всѣ свои изслѣдованія. Мы принуждены были высказать тогда же рѣзкое осужденіе его слабымъ опытамъ; не можемъ сказать ничего хорошаго и о его новомъ произведеніи. Изданные имъ спорные вопросы не имѣютъ никакого особеннаго значенія въ области положительныхъ историческихъ фактовъ, хотя авторъ думаетъ освѣтить ихъ своими собственными оригинальными измышленіями. Такъ, по поводу вопроса: былъ ли Валленштейнъ измѣнникомъ, ни въ какомъ архивѣ не сохранилось никакихъ официальныхъ документовъ, доказывающихъ сношенія фельдмаршала съ

Digitized by Google

врагами австрійской имперіи. Самые секретные документы съ тѣхъ поръ могли бы обнаружиться, а у насъ не сохранилось ничего, кромѣ нѣмецкихъ пасквилей, напечатанныхъ по приказанію императора, убившаго фридландскаго герцога. Валлейштейнъ никогда не былъ борцомъ за вѣротерпимость, но его нельзя было называть и жестокимъ до звѣрства, какъ это дѣлаетъ г. Юрьевъ, вообще высказывающій объ историческихъ дѣятеляхъ весьма своеобразныя сужденія, съ которыми никакъ нельзя согласиться; такъ, Жанна Даркъ является у него не дѣвственницею, хрупкою и нѣжною, съ тонкимъ профилемъ и маленькими ногами, а ширококостною, суевѣрною мужичкою, которая съ толпою крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, помогла разбить два небольшихъ отряда англичанъ. Называть Катилину только любителемъ скандаловъ, а Лжедимитрія ловкимъ жуликомъ—уже черезчуръ нецеремонно. Въ главномъ спорномъ вопросѣ авторъ явно становится на сторону Маріи Стюартъ и, не обвиняя ее прямо въ убійствѣ мужа, не прибавляетъ, однако, ничего въ ея оправданіе. Г. Юрьеву хотѣлось доказать, что не всѣ западные ученые безгрѣшны и не всѣ нѣмецкіе профессора безпристрастны, но кому же это неизвѣстно? Свои «спорные вопросы» авторъ и самъ признаётъ не особенно важными и значительными, но отношеніе къ нимъ многихъ западныхъ ученыхъ можетъ навести на мысли отнюдь не мелкія, и потому авторъ убѣжденъ, что для русскихъ читателей необходимо разобраться въ мнѣніяхъ европейской науки. Да какая же намъ въ этомъ надобность? и почему г. Юрьевъ желаетъ содѣйствовать своею книгою такой необходимости, этого онъ не объясняетъ.

Стихотворенія *А. М. Ѳедорова*. Москва, 1894 г.

Публика наша чрезвычайно недружелюбно относится къ молодымъ поэтамъ: страницы журналовъ, на которыхъ помѣщаются стихотворенія, въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣзываются, отдѣльные сборники расходятся медленно. А, между тѣмъ, едва ли можно сказать, что интересъ къ поэзіи вообще ослабѣлъ въ читающей публикѣ. Не будемъ ссылаться на всѣмъ извѣстный примѣръ, что стихотворенія Надсона потребовали одиннадцати изданій. Противники «тенденціозной» поэзіи и «пессимистическаго нытья» могутъ возразить, что Надсонъ пришелся по плечу современной публикѣ, и она, выдѣливъ его изъ ряда другихъ, тѣмъ самымъ оказала ему плохую услугу. Но относительно Шелли никто не можетъ сказать, что онъ пришелся по плечу современной публикѣ... Однако, первое изданіе разошлось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—фактъ для нашего времени знаменательный. Онъ является лучшимъ доказательствомъ того, что стремленіе къ поэзіи въ интеллигентной части нашего общества не менѣе интенсивно, и если оно, оставляя въ тѣни молодыхъ поэтовъ, стремится къ болѣе глубокимъ и чистымъ родникамъ поэзіи, то вина этого отчасти лежитъ на совѣсти самихъ же поэтовъ, презирающихъ интересы толпы и воспѣвающихъ

Digitized by Google

«разлуку и печаль, и нѣчто, и туманну даль» въ неискреннихъ стихахъ и надуманныхъ мелодіяхъ. Эта неискренность и надуманность, ничего общаго не имѣющая съ поэзіей, которая, по выраженію Гоголя, «есть чистая исповѣдь души», отталкиваетъ читателей отъ произведеній ходульнаго творчества. Фальшь—настолько общая черта современной поэзіи, что всякое проявленіе искренности въ ея молодомъ представителѣ кажется необыкновенно цѣннымъ и заставляетъ закрывать глаза на многіе недочеты стиля, однообразіе и бѣдность содержанія.

Этой чертою, рѣдкой въ настоящее время, подкупаетъ недавно выпущенный сборникъ стихотвореній молодаго поэта г. Ѳедорова, и мы съ удовольствіемъ обращаемъ на него вниманіе читателей. Отъ этихъ стихотвореній вѣетъ неподдѣльной задушевностью, молодымъ задоромъ и свѣжестью настроеній, хотя и мелковатыхъ по существу. Любовь и ея аксесуары: соловей, луна и звѣзды—вотъ исключительные мотивы жизнерадостныхъ стихотвореній г. Ѳедорова. Жизнерадостность, пылкая восторженность и жажда любви, которая въ избыткѣ переполняетъ молодую грудь, ища исхода, не омрачается ни единымъ тяжелымъ вздохомъ, ни одной мучительной думой. Грустныя настроенія проходятъ, какъ бѣлыя облачка по ясному небу; если поэтъ изрѣдка плачетъ, то онъ плачетъ, по собственному признанію, «сладко»: его слезы—не горькія слезы, которыя вызвало, глубокое страданіе.

Кромѣ граціозныхъ и мелодичныхъ стихотвореній, посвященныхъ любви, въ сборникѣ имѣется нѣсколько произведеній эпическаго характера. Они значительно слабѣе лирическихъ. Ни звучность стиха, ни искренній пафосъ не выкупаютъ бѣдности психическаго анализа и неумѣнья описывать происходящее. Поэту приходится очень часто прибѣгать къ ненужнымъ восклицаніямъ, доходящимъ подчасъ до смѣшнаго: «ночною порою по льду ужь какая теперь переправа! Ледоходъ—не пустая забава»! Отдѣльныя событья, въ интересахъ послѣдовательности, сцѣпляются искусственно посредствомъ «вдругъ» и «вотъ», которые попадаются почти на каждомъ шагу и всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одно событіе должно смѣниться другимъ...

Остается сказать о самомъ стихѣ: большей частью онъ достаточно музыкаленъ. Поэтъ не гоняется за риѳмами, не гоняется за красотой фразы; послѣднее дается ему, видимо, безъ особенной борьбы, да и риѳмы, кажется, живутъ съ нимъ запросто. Нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать относительно образности стиха. Усиленная погоня за образами и сравненіями часто ставитъ поэта въ неловкое положеніе, заставляя его жертвовать смысломъ въ угоду призрачной красотѣ... «Стою я одинокъ надъ сумрачной рѣкой, въ гранитныхъ берегахъ почившей, *какъ могила*»... «Онъ (молодой профессоръ) былъ грустенъ, какъ лучъ за безмолвною меркнущей далью, одинокъ, какъ въ пустынѣ страдальческій крикъ (??)»...

Digitized by Google

Г. Ѳедоровъ только начинаетъ свое литературное поприще. Желая ему всяческаго развитія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ ему также болѣе строгаго отношенія къ себѣ, которое ничего, кромѣ пользы, принести не можетъ.

Волны жизни (*очерки и разсказы*) *А. А. Навроцкаго* (*Н. А. Вроцкаго*) С.-Пб. 1894.

Съ легкой руки талантливаго Ан. Чехова, у насъ вошли въ моду коротенькіе разсказы, выхваченные прямо изъ жизни, съ драматическимъ или юмористическимъ содержаніемъ. При выдающемся талантѣ г. Чехова, такіе разсказы имѣли большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ: въ нихъ было много содержанія; сюжетъ, иногда весьма сложный, и, съ точки зрѣнія лихача-беллетриста, годный на цѣлый двухтомный романъ, былъ концентрированъ на нѣсколькихъ страничкахъ и производилъ сильное впечатлѣніе при всей сжатости изложенія. У многочисленныхъ послѣдователей г. Чехова это рѣдко удавалось; они не умѣли находить захватывающихъ или комическихъ сюжетовъ, а то, что имъ удавалось найти, разводили обильной беллетристической водицей.

Г. Навроцкій,—очевидно, одинъ изъ послѣдователей г. Чехова. Онъ издалъ сборникъ «Волны жизни», въ которомъ помѣстилъ двѣнадцать небольшихъ разсказовъ. Конечно, ему далеко до г. Чехова: у него нѣтъ ни его таланта, ни наблюдательности, ни его литературной опытности, ни художественнаго чутья. За всѣмъ тѣмъ, это еще не значитъ, что его разсказы плохи. Не очень большіе, но вполнѣ законченные, они не похожи на большинство подобныхъ имъ очерковъ, схваченныхъ налету, безъ сюжетовъ, безъ типовъ, безъ начала и конца. Очерки г. Навроцкаго—недурныя вещицы, написанныя довольно яркими штрихами; въ каждомъ разсказѣ имѣется нѣчто трогательное, долженствующее вызвать у читателя сочувственный вздохъ, что, впрочемъ, не всегда удается автору, благодаря нѣкоторой литературной неопытности и наивности въ употребленіи того или инаго художественнаго эффекта.

Лучшимъ изъ двѣнадцати очерковъ намъ показался «Самоубійца», написанный на религіозно-философскую тему и разсказанный просто и правдиво. Разочарованный во всемъ человѣкъ доходитъ до желанія лишить себя этой постылой и скучной жизни; случайно онъ попадаетъ въ монастырь и тутъ одинъ изъ монаховъ сильными рѣчами убѣждаетъ его въ высшемъ смыслѣ человѣческой жизни, въ той христіанской любви, о которой проповѣдывалъ Спаситель. «Нужно полюбить жизнь», убѣждалъ монахъ рѣшившагося на самоубійство человѣка, «полюбить не только въ себѣ, но во всемъ и во всѣхъ». «Самоубійца» смиряется, перестаетъ мудрствовать лукаво и отказывается требовать отъ жизни чего-то яркаго, сильнаго, необыкновеннаго. Онъ остается жить.

Во всѣхъ почти разсказахъ бросается въ глаза трагическая развязка,

Digitized by Google

къ которой любитъ прибѣгать, какъ къ нѣкоему deus ex machina, нашъ авторъ, очевидно затрудняясь инымъ способомъ возбудить интересъ и вниманіе читателя. Очень недурны разсказы—«Дуэль», «Аспидъ», «Грѣхъ» и «Обжогъ», хотя заглавіе послѣдняго совершенно непонятно. Вообще авторъ «Волнъ жизни» (бывшій редакторъ добропорядочнаго ежемѣсячнаго журнала: «Русская Рѣчь») не лишенъ дарованія и небольшая книжка его можетъ быть прочтена не безъ удовольствія.

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе, сост. *Э. Э. Керномъ*, управляющій государственными имуществами тульской и калужской губ., съ 35 рис. въ текстѣ и двумя таблицами. Изд. 2-ое, вновь обработанное и дополненное.

Неурожайные годы поставили на очередь вопросъ «овражный». До этихъ годовъ, о вредѣ овраговъ говорили какъ-то втихомолку, а немногіе голоса и даже примѣры благоразумныхъ хозяевъ не обращали на себя достаточнаго вниманія, при общемъ увлеченіи преступнымъ занятіемъ, все еще продолжающимся,—истребленіемъ лѣсовъ, которое прямо содѣйствуетъ образованію овраговъ. За послѣднее же время, «борьба съ оврагами» стали своего рода общимъ мѣстомъ при разсужденіяхъ о мѣрахъ для устраненія засухъ и порождаемыхъ ими неурожаевъ. О вредѣ овраговъ заговаривали и въ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ, но авторы по большей части касались вопроса лишь вскользь, а немногія сдѣланныя ими указанія практическаго характера были слишкомъ недостаточны, чтобы, основываясь на нихъ, перейти отъ словъ къ дѣлу. Требовалось «руководство» къ борьбѣ съ оврагами. Такимъ руководствомъ и явилась книжка г. Керна, первое изданіе которой вышло въ 1892 году. Быстрая распродажа этого изданія обусловлена, какъ можно думать, не только тѣмъ, что «овражный вопросъ» сдѣлался модньмъ, но и дѣйствительными достоинствами книжки г. Керна, которыхъ во второмъ изданіи еще больше, чѣмъ въ первомъ. Книжка теперь значительно увеличена въ объемѣ, благодаря прибавленію цѣлой большой главы, представляющей обстоятельный сводъ того, что̀ и кѣмъ сдѣлано и что̀ предстоитъ еще сдѣлать въ борьбѣ съ оврагами. Иностранная литература вопроса, указанная авторомъ, сопровождается краткой характеристикой каждаго сочиненія, позволяющей обратиться къ тому, что̀ можетъ оказаться въ данномъ случаѣ наиболѣе полезнымъ. Въ то же время, многочисленныя ссылки на русскія работы, свидѣтельствуя о большой начитанности автора, ставятъ читателя лицомъ къ лицу съ авторитетами въ тѣхъ областяхъ знанія, съ которыми приходится имѣть дѣло при обсужденіи вопроса объ оврагахъ.

Во введеніи къ книжкѣ г. Керна мы знакомимся, прежде всего, съ разновидностями быстро увеличивающихся въ числѣ овраговъ и съ причинами образованія овраговъ «дѣятельныхъ», т. е. обладающихъ обнаженною почвою, легко размываемою, не скрѣпленною корневою системою рас-

Digitized by Google

тительности, и потому продолжающихъ увеличиваться въ своихъ раз
рахъ. Во главѣ этихъ причинъ стоитъ сведеніе растущаго по оврагу л
или кустарника, корчевка пней и распашка скатовъ. Плодомъ этого являет
быстрое сбѣганіе съ полей снѣговой и дождевой воды, которая сноситъ
полей удобреніе и пахатный плодородный слой. Поля такимъ образомъ
сушаются и истощаются. Рядомъ съ этимъ происходитъ отдѣленіе разм
той почвы въ рѣкахъ и обмеленіе ихъ, а также пониженіе грунтовы
водъ, а, вслѣдствіе того, изсяканіе ключей, уменьшеніе воды въ кол
цахъ и пр.

Изъ самаго заголовка книжки г. Керна ясны тѣ главныя мѣры, ко
рыя онъ рекомендуетъ для борьбы съ оврагами. Останавливаться
частностяхъ—не дѣло краткой библіографической замѣтки. Отмѣчая эти
немногими строками выходъ втораго изданія въ высшей степени полезн
книжки г. Керна, мы укажемъ кстати, что «овражный вопросъ» жи
интересуетъ и наши высшія сферы, призванныя заботиться о нуждах
земледѣльческой Россіи. Первый русскій «министръ земледѣлія», во вре
одной изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, еще въ качествѣ только минист
государственныхъ имуществъ, категорически высказалъ въ своей рѣчи
VIII всероссійскомъ съѣздѣ лѣсоводовъ, что овраги представляютъ «стра
ное зло» и что для противодѣйствія имъ «необходимо принятіе скоры
и энергичныхъ мѣръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ А. С. Ермоловъ заявилъ,
«министерство государственныхъ имуществъ, съ своей стороны, впол
сознаётъ важность вопроса объ оврагахъ и готово будетъ *не остановит*
передъ самыми энергичными мѣрами, чтобы въ ближайшемъ будуще
положить предѣлъ этому злу». Руководство къ борьбѣ съ оврагами, таки
образомъ, является какъ нельзя болѣе кстати.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Указъ 13-го января о выдачѣ пенсій изъ государственнаго казначейства ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.—Высокое значеніе этого указа.—Права и обязанности *русской* прессы.—Обращеніе министерства земледѣлія къ губернскимъ земствамъ по вопросамъ, касающимся назрѣвшихъ нуждъ отдѣльныхъ мѣстностей.—Открытіе первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта.—Рѣчь А. С. Ермолова въ совѣтѣ.—Недовольство нѣкоторыхъ лицъ рѣчью г. министра.—Докладъ департамента земледѣлія о сельско-хозяйственномъ образованіи.—Что нужнѣе Россіи: простая ли грамотность или сельско-хозяйственное образованіе?—Пренія въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ по вопросамъ: о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній.—Реформа земскихъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ.—Работа М. А. Зиновьева, заключающая въ себѣ проэктъ земскаго устройства лифляндской губерніи.—Достоинство этого проэкта.—Замѣтка г. Витвицкаго на книгу М. А. Зиновьева.—Всероссійскій съѣздъ мукомоловъ.

Прошлое обозрѣніе наше, спеціально посвященное экономическимъ вопросамъ, мы закончили обѣщаніемъ потолковать и о «духовномъ хлѣбѣ»... Невольно вспоминаются при этомъ стихи Майкова:

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, *духовнаго дай хлѣба*!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И, *непогодами несгубленныя,* зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! Пошли ты ведра намъ,
Чтобъ *вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ.*

Русская литература дала обществу и народу много духовнаго хлѣба, не смотря на то, что ей постоянно приходилось считаться съ врагами, настойчиво утверждавшими, будто это не хлѣбъ, а камень, и будто дѣятельность русской литературы находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ остальными отраслями государственной дѣятельности. Такой взглядъ существовалъ, а отчасти существуетъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сферахъ, любящихъ оставаться въ тѣни. Свѣтъ гласности до такой степени имъ непріятенъ, что онѣ были бы не прочь наложить печать молчанія даже на уста поэтовъ, служителей чистаго искусства. Но бюрокра-

Digitized by Google

тическія гоненія на литературу не всегда увѣнчивались успѣхом
Достаточно вспомнить такіе факты, какъ постановка на сцену «Р
визора» по приказанію императора Николая I, его же рескрип
знаменитому Карамзину, сочувственныя телеграммы императора А
ксандра III вдовѣ Каткова и вдовѣ Аксакова; наконецъ, назнач
ніе пенсіи и пожалованіе почетныхъ наградъ различнымъ ученым
и литераторамъ,—достаточно вспомнить все это, чтобы правиль
понять отношеніе къ литературѣ со стороны Верховной власти.
наука, и литература давно уже пользовались у насъ признаніе
съ ея стороны. Отдѣльными актами была признана и публицистик
Недоставало лишь, такъ сказать, *общаго признанія*,—признан
всѣхъ правъ гражданства за наукой, литературой и *публицист*
кой въ одномъ документѣ. Подобнымъ документомъ и явился в
сочайшій указъ министру финансовъ, отъ 13-го января текущ
года. Нашему молодому государю угодно было, въ заботахъ
тѣхъ вѣрноподданныхъ, которые свои дарованія и усиленные тру
посвятили поприщу науки, литературы и публицистики» [1]), пр
знать справедливымъ: прійти на помощь нуждающимся ученым
литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротам
Указъ заканчивается слѣдующими знаменательными, глубоко отра
ными словами: «Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказ
ваемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ, нынѣ суш
ствующихъ съ тою же цѣлью, старыхъ учрежденій,—дастъ назва
нымъ лицамъ возможность, съ еще бо́льшимъ рвеніемъ, посвяща
свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ,
вящшей славѣ и величію нашей горячо любимой Россіи». Дал
изложены основанія, на которыхъ должна организоваться правител
ственная помощь дѣятелямъ науки, литературы и публицистики.

Единодушно привѣтствуя эту новую монаршую милость, русск
печать особенно подробно остановилась на тяжеломъ матеріальном
положеніи газетныхъ и журнальныхъ тружениковъ. Работая съ по
нымъ самоотверженіемъ, они, въ большинствѣ случаевъ, заканч
ваютъ свою дѣятельность очень печально. Когда здоровье, расш
танное «литературной службою», измѣняетъ имъ—инвалиды ост
ются безъ всякой помощи, и участь ихъ, какъ и участь ихъ
мействъ, всецѣло зависитъ отъ случайностей и «вихря судьбы
Большинство такихъ газетныхъ и журнальныхъ работниковъ
вершенно неизвѣстно публикѣ по именамъ, такъ что не остает
ничего и для удовлетворенія ихъ самолюбія. Пенсіи и пособія, к
торыя отнынѣ будутъ раздаваться литературнымъ труженикамъ,
изъ однихъ частныхъ учрежденій, но изъ особаго правительстве
наго фонда, должны, по мнѣнію печати, положить конецъ инн
лидной необезпеченности работниковъ пера.

Нельзя не согласиться, что въ этихъ соображеніяхъ много спр
ведливаго, но высшій смыслъ указа 13-го января далеко не исче
пывается ими. Безвѣстные журнальные работники, о которы
вспомнила печать — ремесленники литературы, въ качествѣ так

[1]) Самый терминъ: «публицистика», давно уже употребляемый въ литер
турномъ языкѣ, впервые встрѣчается у насъ въ этомъ офиціальномъ докумен
и какъ бы санкціонируется въ законодательномъ смыслѣ.

Digitized by Google

выхъ, разумѣется, не могутъ претендовать ни на славу въ вѣкахъ, ни на извлеченіе изъ своихъ занятій крупныхъ матеріальныхъ выгодъ. Однако, при болѣе раціональной организаціи издательскаго дѣла въ Россіи, при лучшей постановкѣ права литературной собственности, и эти труженики не оставались бы на старости лѣтъ безъ куска хлѣба, являясь жертвами самой откровенной антрепренерской эксплуатаціи. Тутъ, какъ видите, вопросъ особаго свойства. Мы не будемъ его касаться теперь и возвратимся къ главному предмету нашей бесѣды. Дѣло въ томъ, что указъ 13-го января признаетъ уже государственное значеніе не только за наукою и литературою, но и за *публицистикою*. Публицистика включается отнынѣ въ число тѣхъ отраслей дѣятельности, служеніе которымъ клонится «къ вящшей славѣ и величію Россіи». Этимъ сказано такъ много, что прибавлять почти нечего. Въ февральской книгѣ «Наблюдателя», въ отдѣлѣ «Наша журналистика», мы выразили увѣренность, что дарованіе верховной властью бо́льшихъ обезпеченій русской печати, урегулированіе ея юридическаго положенія въ государствѣ, со стороны имущественной и моральной, составляетъ только вопросъ времени. Нынѣшній уставъ о печати дѣйствуетъ,— какъ видно изъ самаго его названія, — *временно*. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что верховная власть не думала ограничиться, по отношенію къ печати, этимъ законодательнымъ актомъ; что она всегда считала возможнымъ измѣнить къ лучшему внѣшнія условія печати, соотвѣтственно ея государственному значенію и ея заслугамъ передъ Россіей и Державнымъ Вождемъ русскаго народа. Но было бы несправедливо полагать, что печати не остается ничего, какъ только ждать дальнѣйшихъ улучшеній въ своемъ положеніи. Каждое новое право налагаетъ на нее и новыя обязанности. Можно различно смотрѣть на вещи, но необходимо, чтобы основой дѣятельности каждаго литератора, каждаго публициста, всегда и неизмѣнно оставалось *благо Россіи,—интересы ея кореннаго населенія*. Только за національною, патріотическою печатью надлежитъ признать государственное значеніе. Тѣ журналы и газеты, которые безпрерывно толкуютъ о всеобщемъ братствѣ и проповѣдуютъ космополитическія идеи,—служатъ вовсе не благу Россіи, а какому-то отвлеченному, неосязаемому благу. И это въ лучшемъ случаѣ. Обыкновенно же, космополитствующіе органы печати примѣняютъ космополитическія теоріи лишь къ Россіи и ея коренному населенію, выдвигая затѣмъ на первый планъ интересы инородцевъ, особенно же евреевъ, финновъ, поляковъ. Пусть органы эти продолжаютъ свою дѣятельность въ прежнемъ предосудительномъ направленіи, но пусть всѣ знаютъ, чему они служатъ, и пусть всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на польскихъ и еврейскихъ офиціозовъ. Тутъ, стало быть, имѣются если не прямо, то подъ сурдинкой, свои національныя задачи, *свой патріотизмъ*, ничѣмъ не связанный съ *русскимъ патріотизмомъ*. Въ то время какъ любовь къ родинѣ и забота объ ея благѣ объединяетъ во Франціи писателей самыхъ противоположныхъ направленій, у насъ эпитетъ: «патріотическій» сдѣлался уже чуть не браннымъ. Русской печати настоятельно слѣдуетъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Консерваторы, либералы, стро-

Digitized by Google

гіе экономисты манчестерской школы, государственные соціалисты и даже радикалы должны договориться относительно *той почвы*, на которой они зиждутъ свои теоріи. Мы можемъ бесѣдовать съ людьми несочувственнаго намъ направленія и надѣяться на извѣстный успѣхъ подобной бесѣды лишь въ томъ случаѣ, если мы стремимся къ одному и тому же,—ко благу Россіи, къ преуспѣянію и дальнѣйшему развитію русскаго народа. Но, когда наши противники именно благомъ Россіи и не озабочены,—всякіе разговоры и споры напрасны. Безплодность ихъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ неискреннѣе противникъ, чѣмъ старательнѣе пытается онъ подмѣнить частными интересами—общегосударственные.

Вѣря въ дальнѣйшій широкій прогрессъ и въ свѣтлую будущность Россіи, мы понимаемъ ихъ лишь на національной почвѣ. Прогресса русской литературы и публицистики на иной почвѣ мы даже не можемъ себѣ представить. Все, что̀ будетъ сдѣлано впослѣдствіи верховной властью для литературы, будетъ, конечно, сдѣлано для *русской*, а *не инородческой* литературы. Въ сознаніи людей, посвящающихъ себя данной отрасли общественно-государственной дѣятельности, понятія о *писателѣ* и *русскомъ человѣкѣ* должны слиться воедино. Общая наша работа—работа ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ всѣхъ направленій—должна неизмѣнно клониться къ одному—*«къ вящшей славѣ и величію горячо любимой Россіи»*.

Наше министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, не ограничиваясь запросами, съ которыми оно обращалось къ губернаторамъ, предложило на обсужденіе всѣхъ губернскихъ земствъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся назрѣвшихъ нуждъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Намъ пріятно отмѣтить, что молодое министерство, считая земство своимъ естественнымъ и полезнымъ сотрудникомъ въ дѣлѣ поднятія сельскаго хозяйства, признало возможнымъ и необходимымъ призвать земскія учрежденія къ выясненію существеннѣйшихъ нуждъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, высказанному г. Ромеромъ, что «для А. С. Ермолова и для дѣятельности министерства земледѣлія не опасны правда и свобода мнѣній, такъ какъ авторитетъ перваго министра земледѣлія зиждется *не на служебномъ только положеніи, а прежде всего на его личныхъ правахъ и заслугахъ*». Въ циркулярѣ г. министра земледѣлія прямо указывается, что «дѣятельность новаго министерства будетъ тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ бо́льшую оно получитъ возможность опираться на иниціативу и содѣйствіе мѣстныхъ силъ и идти навстрѣчу мѣстнымъ потребностямъ и запросамъ». Оно и понятно. Мѣстныя условія каждой губерніи и уѣзда нашего обширнаго отечества слишкомъ различны, а потому и правительственныя мѣропріятія въ области сельскаго хозяйства могутъ имѣть, конечно, весьма различную степень полезности и различное значеніе въ той или другой мѣстности. Вслѣдствіе этого, для выработки и послѣдовательнаго проведенія правильной системы сельско-хозяйственнаго управленія и для разрѣшенія всѣхъ задачъ, которыя составляютъ глав-

Digitized by Google

ное назначеніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, высшему правительству необходимо хотя бы знать, какія именно нужды въ различныхъ мѣстностяхъ являются наиболѣе назрѣвшими и неотложными. Признавая затѣмъ, что «непосредственное попеченіе о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ принадлежитъ по закону земскимъ учрежденіямъ и *въ дѣйствительности по преимуществу ими осуществляется*», министерство земледѣлія выражаетъ надежду, что земская дѣятельность въ области воспособленія сельскому хозяйству должна усилиться, — «при поддержкѣ, которую, по степени участія, вносимаго въ дѣло каждымъ отдѣльнымъ земствомъ, оно всегда найдетъ въ центральномъ органѣ правительственной власти».

Съ высочайшаго соизволенія, министромъ земледѣлія предложены на обсужденіе губернскихъ земствъ слѣдующіе вопросы: 1) Какія нужды земледѣлія представляются въ губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго ихъ удовлетворенія? 2) Какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными для удовлетворенія указанныхъ нуждъ? 3) Удовлетвореніе какихъ именно сельско-хозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ условіямъ, нынѣ наиболѣе удобоосуществимымъ? 4) Какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности или же встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составить задачу будущаго? 5) Какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть приведены въ исполненіе самимъ земствомъ и какія изъ нихъ потребуютъ участія или содѣйствія со стороны министерства земледѣлія?

7-го января, при министерствѣ земледѣлія, открылась первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта, въ составъ котораго вошли 15 лицъ, какъ представители административныхъ учрежденій, и приблизительно столько же лицъ отъ ученыхъ обществъ, отъ земствъ, дворянства и мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Говоря о личномъ составѣ, мы должны выразить сожалѣніе, что преобладающимъ элементомъ въ составѣ явилась администрація, этотъ обычный органъ министерства, и что въ совѣтѣ не оказалось представителей мелкаго и крестьянскаго землевладѣнія. Сессія была открыта рѣчью министра земледѣлія А. С. Ермолова. Въ рѣчи своей г. министръ призналъ за земледѣліемъ всеобщее и преобладающее значеніе среди другихъ отраслей промышленной дѣятельности населенія. Затѣмъ, министерство земледѣлія, какъ органъ, призванный пещись объ интересахъ сельскаго хозяйства, должно проявить одинаковую заботливость о всѣхъ видахъ сельско-хозяйственной промышленности,— крупной и мелкой, собственной и арендной, дворянской и крестьянской, «ибо сельское хозяйство отнюдь не сословное дѣло, предметъ того или другаго направленія политики, а всенародное дѣло, основной фундаментъ нашего національнаго богатства».

Опредѣливъ такимъ образомъ общія задачи министерства, А. С. Ермоловъ въ рѣчи своей перешелъ затѣмъ къ выясненію роли сельско-хозяйственнаго совѣта, «гдѣ представители правительства призваны встрѣтиться лицомъ къ лицу съ представителями самого

Digitized by Google

живаго сельскаго хозяйства». Въ отличіе отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, занятыхъ по преимуществу техническими вопросами культуры и формъ хозяйства, сельско-хозяйственный совѣтъ призванъ обсуждать тѣ вопросы, гдѣ правительству приходится выступать активно; таковы *вопросы сельско-хозяйственнаго управленія, разработка различныхъ необходимыхъ законопроэктовъ и поддержка правительства сельскому хозяйству*. Но для того, чтобы всѣ эти вопросы получили надлежащее разрѣшеніе, совѣту необходимо выяснить себѣ прежде всего коренную причину неустойчиваго положенія нашего земледѣлія. И въ этомъ отношеніи работа министерства земледѣлія отличается отъ дѣятельности другихъ вѣдомствъ», *работающихъ также надъ устраненіемъ или облегченіемъ кризиса:* эти вѣдомства, занимаясь лишь вопросами дня, выражаютъ, по словамъ министра земледѣлія, свою дѣятельность въ мѣропріятіяхъ палліативныхъ, тогда какъ *причины кризиса лежатъ глубоко*». Въ такихъ мѣропріятіяхъ А. С. Ермоловъ не видитъ никакой пользы, и такъ какъ ими не устраняется переживаемый нами кризисъ, то «позаботиться о постановкѣ на твердыхъ началахъ нашего сельскаго хозяйства, отвѣтить *не на его временные, а на постоянные вопросы*—вотъ прямая задача сельско-хозяйственнаго совѣта». Какъ и слѣдовало ожидать, собравшіеся сельскіе хозяева, съ удовольствіемъ выслушавъ рѣчь министра, благодарили за его довѣріе къ общественнымъ силамъ и въ учрежденіи совѣта съ живою радостью увидѣли первый шагъ къ привлеченію содѣйствія людей дѣла и жизни. На первомъ планѣ министерство земледѣлія поставило разрѣшеніе двухъ вопросовъ: 1) какія мѣры необходимо предпринять по сельско-хозяйственному образованію, независимо отъ увеличенія числа существующихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній трехъ типовъ: высшаго, средняго и низшаго, и 2) о включеніи въ составъ совѣтовъ сельско-хезяйственныхъ учебныхъ заведеній представителей мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Рѣчь министра земледѣлія, сказанная имъ при открытіи первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта, вызвала возраженія со стороны г. Ромера, который посвятилъ ей двѣ статьи въ «Новомъ Времени». Говоря откровенно, мы затрудняемся даже понять исходную точку г. Ромера и находимъ немало противорѣчій въ его страницахъ, чтобы не сказать больше, возраженіяхъ А. С. Ермолову. Г. Ромеру, изволите ли видѣть, не понравилась та безусловно вѣрная мысль г. министра, что главнымъ предметомъ обсужденія совѣта должна явиться выработка мѣръ, направленныхъ не противъ временныхъ явленій нашей сельско-хозяйственной жизни, а тѣхъ *коренныхъ ея условій*, которымъ обязано наше земледѣліе своей неустойчивостью. Возражая противъ этой безспорной мысли, г. Ромеръ самъ же приводитъ и примѣръ, какъ нельзя лучше подтверждающій это положеніе г. министра. Именно, г. Ромеръ говоритъ: «если въ послѣднія тридцать пять лѣтъ наша земледѣльческая промышленность развилась дѣйствительно слабо и медленно въ сравненіи съ другими культурными странами, то виною тому оказывается просто цѣлый рядъ самыхъ неблагопріятныхъ условій, большей частью искусственно созданныхъ неудачною экономической политикой. И пока эти усло-

Digitized by Google

вія будутъ существовать, повѣрьте, никакія самыя благожелательныя усилія новаго министерства не будутъ увѣнчаны соотвѣтствующимъ успѣхомъ. Напротивъ, какъ только экономическая политика страны вступитъ на свой естественный и благопріятный для земледѣлія путь, оно неудержимо пойдетъ впередъ, даже помимо какихъ-либо особыхъ государственныхъ воспособленій».

Изъ этихъ словъ самого же г. Ромера слѣдуетъ, что однимъ изъ главныхъ неблагопріятныхъ условій нашей земледѣльческой промышленности онъ признаётъ невѣрность русской экономической политики, при господствѣ которой всѣ мѣры министерства земледѣлія оказываются недѣйствительными. Это, конечно, значитъ, что безъ разсмотрѣнія коренныхъ условій нашего земледѣлія,—въ данномъ случаѣ, общей экономической политики,—обсужденіе отдѣльныхъ частныхъ мѣръ не приведетъ ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ.

А вѣдь это именно и есть то самое положеніе г. министра, противъ котораго возражаетъ г. Ромеръ. Ознакомившись съ двумя статьями г. Ромера, обсуждавшаго рѣчь А. С. Ермолова, мы были очень изумлены ихъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что г. Ромеръ считаетъ себя весьма компетентнымъ судьею въ вопросахъ русскаго сельскаго хозяйства, и отчасти имѣетъ право на это.

Перейдемъ, однако, къ преніямъ, происходившимъ въ первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта,—этой первой по истинѣ ласточки нашей земледѣльческой весны, перваго вѣстника надежды и ободренія для нашихъ земледѣльцевъ.

Чтобы приготовить членовъ совѣта къ преніямъ по этимъ двумъ вопросамъ, министерство предварительно разослало докладъ департамента земледѣлія; въ докладѣ сдѣлана историческая справка о возникновеніи и развитіи у насъ сельско-хозяйственнаго образованія и сравнено положеніе этого дѣла съ положеніемъ его въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Австріи и Франціи. Затрудняясь взять исключительно на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, министерство пригласило высказаться совѣтъ по поставленнымъ выше двумъ вопросамъ. Исходная же точка самого министерства такова: 1) необходима подготовка возможно бо̀льшаго числа руководителей и техниковъ сельскаго хозяйства для службы правительству, земству и частнымъ лицамъ, 2) необходимо распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній среди хозяевъ и земледѣльческаго населенія вообще. Для достиженія первой цѣли, департаментъ признаётъ необходимымъ улучшеніе во всѣхъ трехъ типахъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Въ настоящее время, у насъ всего лишь три высшихъ учебныхъ заведеній (Московскій сельскохозяйственный институтъ, Ново-Александровскій институтъ и Рижское политехническое училище). Для усиленія высшаго сельско-хозяйственнаго образованія, департаментъ предлагаетъ открыть при нашихъ университетахъ, на естественныхъ факультетахъ, новыя каѳедры по нѣкоторымъ предметамъ, напримѣръ, почвовѣдѣнію, бактеріологіи, и усилить преподаваніе агрономіи. Среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній у насъ девять; изъ нихъ пять казенныхъ и 4 частныхъ. По среднему образованію, департаментъ предлагаетъ усилить штатъ училищъ спеціалистомъ по преподаванію

Digitized by Google

и завѣдыванію опытнымъ полемъ, усилить преподаваніе отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства и, уничтоживъ шестой теоретическій классъ, возвысить экзаменаціонныя требованія отъ вступающихъ. Низшія школы, число которыхъ въ настоящее время доходитъ до 60-ти, представляютъ изъ себя три типа: казенныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ, и частныя 1-го и 2-го разряда, съ 3-лѣтнимъ курсомъ и обязательнымъ годомъ практики на одномъ изъ частныхъ хозяйствъ. Школы перваго разряда и казенныя нуждаются въ поднятіи теоретическаго преподаванія, ибо изъ нихъ могутъ выходить учителя начальныхъ школъ и «низшіе исполнители въ общественной агрономической службѣ». Наоборотъ, срокъ ученія въ школахъ 2-го разряда могъ бы быть сокращенъ съ усиленіемъ практики.

Что касается до проэктируемыхъ новыхъ установленій, то департаментъ предлагаетъ слѣдующее: открыть для желающихъ систематическіе курсы по отдѣльнымъ отраслямъ и даже вопросамъ сельскаго хозяйства, публичныя лекціи, популярныя чтенія и демонстраціи по городамъ и селамъ, примѣнительно къ мелкому хозяйству; устроить народныя училища съ преподаваніемъ сельскохозяйственныхъ предметовъ и учредить сельско-хозяйственныя отдѣленія при народныхъ училищахъ.

Ознакомившись съ докладомъ департамента земледѣлія, представитель министерства народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій, высказалъ, что никакое сельско-хозяйственное образованіе не можетъ идти тамъ, гдѣ, какъ у насъ, нѣтъ простой грамотности, а потому онъ полагалъ, что совѣту слѣдуетъ выразить пожеланіе объ увеличеніи средствъ министерства народнаго просвѣщенія на первоначальное народное образованіе. Е. П. Ковалевскій стоялъ за народную школу со школьнымъ хозяйствомъ, такъ чтобы школа не только распространяла грамотность среди населенія, но и сельско-хозяйственныя знанія. Народная школа со школьнымъ хозяйствомъ, по словамъ Е. П. Ковалевскаго, имѣетъ троякое значеніе: для учениковъ, которые все же многое себѣ усвоятъ; для учителя, который извлечетъ изъ сада и огорода нѣкоторое подспорье къ своему содержанію, и, наконецъ, для населенія. Другіе члены совѣта, съ Н. А. Хомяковымъ во главѣ, стояли за сохраненіе обычной программы народной школы и, указывая на крайній недостатокъ денежныхъ средствъ, находили даже преступленіемъ затрату денегъ на устройство школьныхъ хозяйствъ и садовъ. Д. А. Тимирязевъ далъ слѣдующую справку изъ американской практики. При огромномъ, свыше 8 милліоновъ рублей, расходѣ на сельско-хозяйственное образованіе въ Америкѣ, Соединенные Штаты не тратятъ ни копѣйки на сельско-хозяйственное преподаваніе въ низшихъ народныхъ школахъ. А такъ какъ едва ли гдѣ сельско-хозяйственное образованіе поставлено на бо́льшую высоту, чѣмъ въ Америкѣ, то Д. А. Тимирязевъ полагалъ, что сельско-хозяйственныя знанія должны быть получены помимо народной школы. Предсѣдатель совѣта поставилъ вопросъ не такъ, какъ онъ ставился большинствомъ членовъ совѣта: А. С. Ермоловъ, не видя въ народной школѣ основы для сельскохозяйственнаго образованія, хотѣлъ узнать мнѣніе совѣта: какимъ

Digitized by Google

образомъ народную школу, этотъ разсадникъ грамотности, можно обратить и въ орудіе для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, и какимъ образомъ было бы удобнѣе провести эти знанія въ народную массу, опираясь на народную школу? Такимъ образомъ, г. предсѣдатель предложилъ слѣдующую формулу, которую совѣтъ принялъ единогласно: «Совѣтъ полагаетъ, что начальная народная школа можетъ оказать большія услуги распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній, но не измѣненіемъ постановки въ ней учебнаго дѣла и программъ преподаванія, а посредствомъ организаціи учительскихъ хозяйствъ».

Этимъ своимъ постановленіемъ, намъ думается, сельско-хозяйственный совѣтъ сталъ на совершенно правильную точку зрѣнія: прежде всего совѣтъ высказался за необходимость—обезпечить въ Россіи простую грамотность, безъ которой народу нельзя привить никакихъ знаній и никакой культуры. Затѣмъ совѣтъ, признавая необходимость низшихъ, спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, выразилъ желаніе, чтобы сельско-хозяйственныя знанія проникали въ населеніе черезъ народную школу и чтобы обученіе сельскому хозяйству было основано не на школьныхъ программахъ, а на живомъ хозяйствѣ самого учителя. Это хозяйство,—справедливо замѣчаетъ одна газета,—не только дастъ учителю кусокъ хлѣба, а иногда даже кусокъ хлѣба съ мясомъ, но подниметъ среди населенія его нравственный авторитетъ, безъ котораго и школа, и учитель осуждены висѣть въ воздухѣ. Нашъ народъ недовѣрчиво относится къ книжной интеллигенціи и, наоборотъ, чрезвычайно уважаетъ настоящаго хозяина. Школьный учитель долженъ стать первымъ хозяиномъ своего села, и тогда его школа будетъ избраннымъ культурнымъ центромъ. Достигнуть этого не трудно. Нужна лишь разумная помощь со стороны государства: небольшія средства на обзаведеніе, небольшое вниманіе, да дѣльныя руководства. Вотъ прямая задача министерства земледѣлія.

Затѣмъ совѣтъ перешелъ къ вопросу о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ 1-го и 2-го разрядовъ. При этомъ г. Бехтѣевымъ былъ проведенъ тотъ взглядъ, что всѣ попытки дать низшую сельско-хозяйственную школу для народа, еще съ прошлаго столѣтія, всегда оканчивались неудачею. Народъ нашъ нуждается прежде всего въ грамотности. Правительство, кромѣ своихъ заботъ о доставленіи служебнаго персонала для крупнаго землевладѣнія, должно стремиться къ подготовкѣ самостоятельныхъ сельскихъ рабочихъ. Существующіе же у насъ типы школъ не могутъ непосредственно удовлетворять потребностямъ массы сельскаго населенія, а потому слѣдуетъ выработать особые типы болѣе дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ школъ, приноровленныхъ къ потребностямъ мелкаго, преимущественно крестьянскаго, земледѣлія. Ученики низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ должны твердо знать, по мнѣнію И. І. Шатилова, всѣ необходимые пріемы полевыхъ работъ, чтобы при той же мускульной силѣ достигалась высшая производительность. Теоретическое преподаваніе въ школахъ не нуждается въ увеличеніи, но необходимо улучшить практику. Къ этому мнѣнію И. І. Шатилова присоединился и Н. П. Балашовъ, который, ссылаясь

Digitized by Google

на опытъ своей школы, гдѣ отъ учениковъ требуется умѣнье учесть работу, точно также полагалъ весьма важнымъ увеличить и усовершенствовать именно практическія знанія. Совѣтъ, выслушавъ мнѣнія и другихъ своихъ членовъ, постановилъ: «не устанавливая новаго типа низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, признать желательнымъ обученіе, какъ въ частныхъ хозяйствахъ, такъ и на образцовыхъ фермахъ, предоставивъ департаменту земледѣлія установить подробности дѣла». Затѣмъ, по мнѣнію совѣта, сельско-хозяйственныя школы должны имѣть нормальный уставъ, который долженъ быть достаточно эластиченъ, чтобы не стѣснять учредителей неудобными рамками.

Переходя, затѣмъ, къ вопросу о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, совѣтъ призналъ полезнымъ устраивать чтенія по сельскому хозяйству для различныхъ классовъ сельскаго населенія, причемъ желательно, чтобы эти чтенія были приспособлены къ пониманію слушателей и сопровождались наглядными опытами.

Н. А. Хомяковъ высказывался, однако, категорически противъ всякихъ затратъ на чтенія и бесѣды, утверждая, что населеніе ихъ не пойметъ и что читать будетъ некому. «Не возбранять—другое дѣло,—говорилъ онъ,—но слѣдуетъ воздержаться отъ рекомендаціи всякихъ бесѣдъ и чтеній». Напротивъ того, большинство членовъ совѣта признавало серьезную пользу отъ чтеній, особенно демонстративныхъ, и приводило подтверждающіе факты. Указывалось затѣмъ: на передвижныя маслобойни, на музей пчеловодства, организованный московскимъ обществомъ акклиматизаціи, на лекціи Шаврова по Волгѣ и т. д. Наконецъ, Д. І. Квитка указалъ на то, что устройство чтеній у насъ весьма затруднительно, въ виду существующихъ препятствій къ ихъ разрѣшенію. На это замѣчаніе г. предсѣдатель высказалъ, что, при сочувствіи, выраженномъ съѣздомъ къ чтеніямъ, ему будетъ легко, по сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, устранить препятствія и выработать надлежащую обстановку для разрѣшенія чтеній.

По вопросу о включеніи въ составъ совѣтовъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній представителей мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, мнѣнія членовъ совѣта раздѣлились. Одни полагали, что, во-первыхъ, этотъ вопросъ совершенно неразрѣшимъ до организаціи мѣстныхъ учрежденій министерства земледѣлія и что, во-вторыхъ, въ этихъ совѣтахъ нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе, что содержаніе особыхъ училищныхъ совѣтовъ по сельско-хозяйственному образованію могутъ стоить дороже, чѣмъ самыя школы; другіе, напротивъ того, признавали надзоръ и попечительство надъ сельско-хозяйственными школами прямо необходимымъ, такъ какъ, кромѣ вопросовъ сельско-хозяйственнаго образованія, совѣтъ долженъ наблюдать еще за школьными хозяйствами, садами, за практическими занятіями и т. д. Въ концѣ концовъ, совѣтъ высказался за желательность введенія въ составъ школьныхъ совѣтовъ выборныхъ отъ земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ лицъ, которыя могутъ помогать совѣтами въ вопросахъ педагогическихъ и практическихъ, не касаясь учебной части дѣла.

Пятое засѣданіе сельско-хозяйственнаго совѣта, происходившее

Digitized by Google

10-го января, было посвящено вопросу о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи. До начала преній, А. С. Ермоловъ въ рѣчи своей выяснилъ, что о важности высшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ совѣтѣ не можетъ быть и спора; весь же вопросъ заключается въ формѣ. Большинство членовъ совѣта заявило, что высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній у насъ совершенно недостаточно, что они нужны и для юго-запада, и для средней черноземной полосы, и для центральной Россіи, и для Поволжья. Переходя къ выясненію вопроса о томъ, въ какихъ дѣятеляхъ нуждается современная Россія, князь Васильчиковъ указалъ, что мы заходимъ слишкомъ далеко въ направленіи чистой абстрактной науки и забываемъ о требованіяхъ практики. Ученые нужны, конечно, чтобы развивать и двигать сельско-хозяйственную науку, но нужны и практики, которые могли бы вести дѣло на мѣстѣ, управлять имѣніями и пр. Если такіе практики еще и выпускаются средними учебными заведеніями, то, по мнѣнію князя Васильчикова, высшія ихъ не даютъ; примѣромъ этому можетъ служить бывшая Петровская академія. Для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ должно быть поставлено высшее сельско-хозяйственное образованіе, было представлено двѣ записки профессоровъ: Докучаева и Зайкевича. Профессоръ Докучаевъ требуетъ установленія при университетахъ каѳедръ бактеріологіи и почвовѣдѣнія и, развивая подробно значеніе ихъ для сельскаго хозяйства, настаиваетъ на необходимости научной школы. Предсѣдатель, выражая свою симпатію проэкту профессора Докучаева, высказываетъ ту мысль, что почвовѣдѣніе и бактеріологія имѣютъ большую будущность. Университеты, по мнѣнію А. С. Ермолова, предназначены быть разсадниками чистой науки, въ спеціальныхъ же институтахъ преподаваніе имѣетъ въ виду скорѣе цѣли практики, а потому они и не могутъ двигать науку. Сущность проэкта профессора Зайкевича заключается въ упорядоченіи и облегченіи сельско-хозяйственнаго преподаванія на естественныхъ факультетахъ. Съ этой цѣлью г. Зайкевичъ предлагаетъ основать двѣ каѳедры: зоотехніи и земледѣлія; при нихъ лабораторію, опытное поле и пр. Что касается записки профессора Зайкевича, то предсѣдатель вмѣстѣ съ Н. А. Хомяковымъ, высказались въ томъ смыслѣ, что если приходится выбирать между болѣе дешевымъ устройствомъ дополнительныхъ каѳедръ при университетахъ и болѣе дорогими особыми сельско-хозяйственными институтами, то они стоятъ за институты, тѣмъ болѣе, что и нѣкоторыя земства уже выразили готовность помочь въ этомъ дѣлѣ казнѣ своими средствами. Каѳедры при университетахъ никакихъ добрыхъ результатовъ не дадутъ. Если это будутъ предметы обязательные, то проявится легкое къ нимъ отношеніе учащихся, только ради экзаменовъ. Если же зоотехнія и земледѣліе будутъ необязательными предметами, то профессора не найдутъ слушателей, такъ какъ, очевидно, самые курсы будутъ недостаточны. Агрономовъ университеты не дадутъ, такъ какъ на факультетахъ все таки не будетъ многихъ сельско-хозяйственныхъ каѳедръ, напримѣръ: лѣсоводства, и затѣмъ полный недостатокъ практики. Сенаторъ Калачевъ высказался за устройство каѳедръ агрономіи, но указалъ на недостаточную ком-

Digitized by Google

петентность совѣта въ разрѣшеніи вопроса о формахъ высшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Въ виду всего этого, сельско-хозяйственный совѣтъ, единогласно высказавшись за необходимость учрежденія самостоятельныхъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, призналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользу устройства особыхъ каѳедръ въ университетахъ по предметамъ сельскаго хозяйства и соприкасающимся съ нимъ наукамъ, для распространенія сельско-хозяйственнаго образованія вообще и подготовки научныхъ дѣятелей.

Покончивъ съ вопросомъ о сельско-хозяйственномъ образованіи, совѣтъ занялся обсужденіемъ мѣръ, необходимыхъ для укрѣпленія сыпучихъ песковъ и дѣйствующихъ враговъ, а также для предупрежденія образованія такихъ неудобныхъ площадей, и въ принципѣ одобрилъ законопроэктъ лѣснаго департамента. Вопросъ о борьбѣ съ песками—одинъ изъ очень крупныхъ вопросовъ для нѣкоторыхъ мѣстностей нашего отечества. По свѣдѣніямъ, только что собраннымъ министерствомъ земледѣлія, площадь сыпучихъ песковъ въ европейской Россіи составляетъ около 4.672,000 десятинъ, раскинутыхъ по 30-ти губерніямъ. Изъ размѣра площади сыпучихъ песковъ прекрасно видно, что вопросъ о пескахъ, имѣя для насъ большое государственное значеніе, не можетъ быть разрѣшенъ усиліями не только отдѣльныхъ лицъ, но и крестьянскихъ обществъ: роль хозяина въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать государству. Сущность проэкта лѣснаго департамента заключается въ выясненіи главныхъ задачъ министерства земледѣлія въ борьбѣ съ сыпучими песками. Эта задача заключается прежде всего въ содѣйствіи министерства частнымъ владѣльцамъ песковъ и враговъ; въ содѣйствіи, выражающемся командированіемъ на казенный счетъ опытныхъ лицъ для подачи совѣтовъ; составленія смѣтъ и плановъ работъ; руководствѣ этими работами, безплатнымъ отпускомъ и доставкою изъ казенныхъ дачъ питомниковъ и складовъ посадочнаго матеріала, сѣмянъ, растеній и проч., принятіемъ части денежныхъ расходовъ, идущихъ на наемъ рабочихъ и на доставку матеріаловъ. Затѣмъ лѣсной департаментъ предполагаетъ предоставить министерству земледѣлія право въ тѣхъ случаяхъ, когда укрѣпленіе песковъ или враговъ будетъ признано подлежащими губернскими земскими собраніями необходимымъ, пріобрѣтать площади, занятыя песками и оврагами, въ казну,—по оцѣнкѣ, производимой на основаніи правилъ о вознагражденіи за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства. Проэктъ лѣснаго департамента, принятый совѣтомъ въ принципѣ, вызвалъ, однако, горячія пренія въ совѣтѣ. Большинство членовъ совѣта признало, что пески и овраги представляютъ совершенно различные вопросы, не допускающіе общихъ мѣръ. Въ виду этого, изъ всѣхъ статей проэкта было исключено слово: «овраги», и однимъ изъ членовъ была дана характеристика физическихъ причинъ и исторіи образованія враговъ.

Слѣдующее затѣмъ засѣданіе совѣта было посвящено вопросу о формахъ содѣйствія со стороны министерства земледѣлія сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ. Исторія этой дѣятельности

Digitized by Google

указываетъ намъ на полную почти изолированность отдѣльныхъ земствъ. При такомъ положеніи, министерство считаетъ весьма полезнымъ, во-1-хъ, изданіе полныхъ періодическихъ обзоровъ сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ. Во-2-хъ, департаментъ земледѣлія рекомендуетъ устройство съѣздовъ представителей, какъ самыхъ земствъ, такъ и ихъ исполнительныхъ по сельско-хозяйственной части органовъ. Съѣзды эти должны устраиваться по опредѣленнымъ районамъ, обнимающимъ губерніи съ болѣе или менѣе близкими между собою сельско-хозяйственными условіями. Наконецъ, содѣйствіе министерства земледѣлія земствамъ должно выражаться въ снабженіи хозяевъ улучшенными сѣменами, орудіями и машинами, племенными производителями и т. п.

Въ дѣлѣ проведенія земствами общихъ мѣръ по улучшенію сельскаго хозяйства, содѣйствіе министерства земледѣлія можетъ выразиться въ открытіи земскимъ учрежденіямъ меліоративнаго кредита и въ предоставленіи земствамъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, возможности располагать его спеціальными техническими силами.

Десятое и слѣдующія затѣмъ засѣданія сельско-хозяйственнаго совѣта были посвящены вопросу о мѣрахъ къ распространенію въ крестьянскихъ хозяйствахъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, спеціальныхъ культуръ, и вопросу о развитіи скотоводства и др.

Въ прибалтійскомъ краѣ ожидается реформа земскихъ учрежденій. Готовящаяся реформа представляетъ безспорно болѣе затрудненій для своего проведенія, чѣмъ произведенныя уже реформы—полицейская, судебная и крестьянская. Дѣло въ томъ, что земскія учрежденія весьма близко стоятъ къ жизни народа и касаются его ежедневныхъ, будничныхъ интересовъ, не охраняя, но именно создавая порядокъ и благоустройство въ краѣ. Приступая къ организаціи земскихъ учрежденій, нужно всегда имѣть въ виду, что земская жизнь прибалтійскаго края не укладывается въ извѣстныя намъ русскія формы; вотъ почему попытка пересадить туда порядки, господствующіе у насъ, едва ли обѣщаетъ успѣхъ. Насильственное отношеніе къ исторически сложившейся жизни обширной провинціи можетъ невыгодно отразиться на ея экономическомъ благосостояніи, а, слѣдовательно, и на интересахъ всего государства, тѣмъ болѣе, что связь государства со своими окраинами устанавливается не мертвымъ единообразіемъ въ наружныхъ формахъ устройства, но живымъ и прочнымъ единствомъ, общностью ихъ интересовъ. Послѣднія 5—6 лѣтъ имѣютъ величайшее значеніе въ исторіи прибалтійскаго края; въ теченіе этого времени, тамъ произведены реформы, глубоко измѣнившія весь строй края. Въ лицѣ правительственныхъ органовъ, повсюду замѣстившихъ прежніе мѣстные органы, завѣдывавшіе важнѣйшими функціями этой жизни, явились новые могущественные факторы. Касаясь земской реформы въ прибалтійскомъ краѣ, мы считаемъ необходимымъ указать на только что вышедшую прекрасную работу М. А. Зиновьева: «Опытъ изслѣдованія земскаго устройства лифляндской губерніи». Съ содержаніемъ работы г. Зиновьева мы и постараемся познакомить вкратцѣ читателя.

Digitized by Google

Находящійся теперь на очереди вопросъ о реорганизаціи зем
скаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ возбужденъ былъ еще въ 188
году. Для его разрѣшенія были приняты различныя мѣры: образо
вались многочисленныя совѣщательныя комисіи, вызывались при
балтійскіе губернаторы, составлялись различныя записки и пр. и пр
Оно и понятно. Приступая къ земской реформѣ, русское нрави
тельство должно было усвоить себѣ существующее устройство, в
томъ его видѣ, въ какомъ оно создано всей исторіей края, и оцѣ
нить его достоинства и недостатки.

Трудъ г. Зиновьева представляетъ попытку разрѣшить этот
важный вопросъ. Въ Лифляндіи, низшей и притомъ характерно
территоріальной и земской единицей является *приходъ*, образованіе
котораго относится къ самымъ отдаленнѣйшимъ временамъ, когда
еще страна, въ сущности, не имѣла почти никакого гражданскаго
устройства. Удовлетвореніе религіозной потребности было первой
побудительной причиной, заставившей феодальныхъ владѣльцевъ
отдѣльныхъ имѣній соединиться вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы на общія
средства устроить и содержать церковь. Церковный приходъ, та
кимъ образомъ, явился первой, естественно создавшейся, ячейкой
гражданственности, которая и дала импульсъ дальнѣйшему разви
тію земскихъ учрежденій. Разъ построена была церковь,—по свой
ству лютеранской религіи, оказалось необходимымъ имѣть при ней
школу, которую слѣдовало также содержать на общія средства при
хожанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовались сообщенія между церковью
и отдѣльными имѣніями. Это заставило прихожанъ устраивать и
содержать *дороги*, отчего и дороги назывались церковными. По
мѣрѣ развитія гражданственности, появлялись и новыя задачи, ко
торыя должны были разрѣшаться совмѣстными усиліями членовъ
прихода, таковы: призрѣніе бѣдныхъ, устройство приходской почты
организація врачебной помощи и пр. Такимъ образомъ, съ самыхъ
дальнихъ временъ въ Лифляндіи мало по малу и само собою обра
зовался первый земскій организмъ. Вызванный къ жизни дѣйстви
тельными потребностями страны, а не какими либо извнѣ навѣян
ными доктринами, организмъ этотъ естественно получилъ особую
силу и жизненность. Въ основѣ земской жизни Лифляндіи лежитъ
приходъ, ставшій фундаментомъ гражданскаго устройства всей про
винціи, на которомъ основалось все дальнѣйшее гражданское раз
витіе Лифляндіи. Главная причина живучести и стойкости зем
скихъ учрежденій заключается въ томъ, что зданіе земскихъ учреж
деній въ Лифляндіи строилось не сверху, а снизу. Съ древнѣй
шихъ временъ организація управленія приходомъ заключалась въ
томъ, что всѣ прихожане составляли церковные или приходскіе
конвенты, на которые выбирался попечитель, въ качествѣ исполни
тельнаго органа конвента. Удовлетвореніе приходскихъ земскихъ
потребностей основано было искони на самообложеніи. Высшимъ
земскимъ учрежденіемъ являются ландтагъ и дворянскій конвентъ
первый собирается разъ въ 3 года, а второй—2 раза въ годъ. По
средствующихъ инстанцій между губернскимъ и приходскимъ зем
скими учрежденіями почти не существуетъ, хотя въ законѣ и го
ворится объ уѣздныхъ учрежденіяхъ: главныхъ церковныхъ поме

Digitized by Google

чительствахъ и уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Ближайшее знакомство съ земскою жизнью лифляндской губерніи убѣждаетъ, что въ какихъ либо посредствующихъ органахъ между губернскими и приходскими земскими учрежденіями страна и не нуждается, такъ какъ приходскія управленія облечены полной независимостью въ дѣйствіяхъ своихъ, а засѣдающіе въ приходскихъ конвентахъ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, всѣ безъ исключенія, участвуютъ въ ландтагѣ и, слѣдовательно, ландтаги и приходскія собранія неминуемо дѣлаются вполнѣ между собою солидарными. Характерной особенностью лифляндской губерніи является исключеніе отъ участія въ земскомъ управленіи городовъ, такъ какъ въ земскомъ управленіи могутъ принимать участіе лишь владѣльцы культурной земли.

Исходя изъ того положенія, что законъ долженъ воздерживаться отъ импровизацій, что нельзя мѣнять складъ земской жизни, установившійся въ теченіе вѣковъ, реформа земскаго устройства должна заключаться лишь въ устраненіи изъ существующей системы земскаго управленія всего того, что не пригодно. Новый законъ, такимъ образомъ, призывается не ломать существующее земское устройство, а только внести въ него необходимыя поправки. Чтобы намѣтить тотъ путь, по которому должно пойти законодательство, нашъ авторъ указываетъ на рядъ достоинствъ и недостатковъ, замѣчаемыхъ имъ въ системѣ существующей организаціи земскаго управленія. Къ достоинствамъ существующаго устройства земскихъ учрежденій Лифляндіи г. Зиновьевъ относитъ: установленіе надлежащей связи между приходскими и высшими губернскими земскими учрежденіями, контроль надъ этими учрежденіями со стороны губернскаго начальства, отсутствіе сословнаго начала въ организаціи земскихъ учрежденій, весьма ограниченное примѣненіе выборнаго начала и денежныхъ вознагражденій въ службѣ земской и, наконецъ, удачный выборъ земской территоріальной единицы (прихода). Недостатками же въ современномъ устройствѣ земскаго управленія г. Зиновьевъ считаетъ: неправильность обложенія земли, двойственность въ порядкахъ взиманія и расходованія земскихъ суммъ, включеніе въ число земскихъ повинностей повинности въ пользу лютеранской церкви и духовенства, неполнота законовъ, устанавливающихъ организацію существующихъ земскихъ учрежденій, личный составъ дворянскаго конвента и *отсутствіе*, наконецъ, *представительства мелкаго землевладѣнія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ*. Прекрасный трудъ лифляндскаго губернатора М. А. Зиновьева вызвалъ возраженіе со стороны г. Витвицкаго. Авторъ возраженія считаетъ невѣрнымъ главное положеніе г. Зиновьева, что правительственныя учрежденія, по природѣ своей, рѣшительно неспособны должнымъ образомъ вникать во всѣ мелочи сложнаго земскаго хозяйства и что нынѣшняя система земскихъ учрежденій лифляндской губерніи несравненно болѣе совершенна, нежели даже вновь введенное земское устройство внутреннихъ губерній. Г. Витвицкій не признаётъ ландтаговъ похожими, въ отношеніи завѣдыванія земскими дѣлами, на наши губернскія земскія собранія. «Ландтаги состоятъ,—говоритъ г. Витвицкій,—исключительно изъ владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ

*

Digitized by Google

и такъ какъ дворянскими имѣніями въ краѣ владѣютъ, за ничтож
ными исключеніями, одни дворяне, то собранія эти являются в
сущности дворянскими, хотя и называютъ себя «ландтагами дво
рянства и земства... Другіе органы земскаго дворянскаго управле
нія въ лифляндской губерніи, за исключеніемъ приходскихъ, какъ
то: ландратская коллегія, конвентъ и пр., состоятъ исключительн
изъ дворянъ. Такимъ образомъ, все мелкое землевладѣніе, не дво
рянское, не имѣетъ никакого представительства въ лифляндских
учрежденіяхъ, завѣдывающихъ земскими дѣлами. Эти указанія
Витвицкаго, намъ думается, совершенно согласны съ работой
Зиновьева, который, какъ мы видѣли выше, требуетъ именно уста
новленія представительства мелкаго землевладѣнія въ высшихъ лиф
ляндскихъ учрежденіяхъ. Затѣмъ г. Витвицкій старается опровер
гнуть и другое положеніе г. Зиновьева, что прибалтійскія дворян
ско-земскія учрежденія находятся въ полной зависимости отъ мѣ
стной правительственной власти. Г. Витвицкій, правда, признаётъ
что постановленія мѣстныхъ дворянскихъ учрежденій по земским
дѣламъ подлежатъ утвержденію губернатора, но не допускаетъ
чтобы губернское начальство имѣло возможность фактически контро
лировать правильность этихъ постановленій и соотвѣтствіе ихъ дѣй
ствительнымъ потребностямъ. Но дѣло въ томъ, что, когда губерн
скія земскія учрежденія пріобрѣтутъ представителей мелкаго земле
владѣнія, то дворянскимъ стремленіямъ будетъ положенъ извѣстный
предѣлъ, дворянское вліяніе будетъ парализовано земскими элемен
тами. Если же земскія учрежденія не измѣнятся въ своемъ со
ставѣ, то и вліяніе правительства на ходъ земскихъ дѣлъ не мо
жетъ получить надлежащаго значенія. Этими двумя возраженіями
на книгу М. А. Зиновьева исчерпывается все содержаніе замѣтки
г. Витвицкаго. Намъ думается, что проэктъ организаціи земских
учрежденій въ Лифляндіи, предложенный г. Зиновьевымъ, опирается
на прекрасное знакомство автора съ мѣстными условіями и долженъ
быть поставленъ выше двухъ другихъ проэктовъ, изъ которыхъ
одинъ предлагаетъ замѣну установившагося въ краѣ дворянскаго
завѣдыванія земскими дѣлами правительственнымъ, а второй рекомен
дуетъ ввести въ краѣ общеимперское земское положеніе. Проэкт
г. Зиновьева имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что онъ тре
буетъ не ломки, а лишь исправленія замѣченныхъ недостатковъ
дѣйствующей системы и нѣкоторыхъ дополненій къ ней, вызван
ныхъ потребностями правительства. Вѣдь не нужно забывать
что существующая система земскаго управленія въ прибалтійском
краѣ представляетъ много прекрасныхъ сторонъ, которыя, конечно
погибнутъ со введеніемъ правительственнаго завѣдыванія земскими
дѣлами, или обще-имперскаго земскаго положенія. Укажемъ хотя
бы на существованіе въ Лифляндіи «прихода»—этой низшей зем
ской единицы, которой лишено наше земство. У насъ много гово
рили и доказывали необходимость образованія всесословной волости
и если обще-русское земское положенія не имѣетъ низшей земской
единицы, хотя и признаётъ полную ея необходимость, то зачѣмъ
же уничтожать низшую всесословную единицу, гдѣ она изстари
существуетъ?

Digitized by Google

13-го января, въ С.-Петербургѣ, при департаментѣ торговли и мануфактуръ открылся всероссійскій съѣздъ мукомоловъ, созванный министерствомъ финансовъ, главнымъ образомъ, для обсужденія вопроса о желательномъ развитіи нашего мучнаго отпуска за границу. Къ участію въ съѣздѣ приглашено, кромѣ уполномоченныхъ отъ правительственныхъ учрежденій, болѣе двухсотъ представителей сельскихъ хозяевъ, хлѣботорговцевъ и мукомоловъ. Съѣздъ былъ открытъ рѣчью предсѣдателя В. И. Ковалевскаго; въ рѣчи своей г. предсѣдатель указалъ на главную задачу съѣзда—выработку мѣръ къ усиленію вывоза русской муки за границу. Для нашей страны весьма важенъ вопросъ о расширеніи рынковъ сбыта и переработкѣ того сырья, которымъ такъ богата Россія. Въ числѣ этого сырья первое мѣсто безспорно занимаетъ хлѣбное зерно; вотъ почему, переработка его въ форму болѣе цѣнную, болѣе выгодную, обѣщающую болѣе чистаго дохода сельскому хозяину, не можетъ не представляться важною въ интересахъ русскаго земледѣлія. Развитіе экспорта муки представляется существеннымъ еще и въ другомъ отношеніи. Несомнѣнно, что тотъ заработокъ, который получаютъ теперь иностранцы отъ переработки русскаго зерна въ муку, останется у насъ дома. Этотъ заработокъ получатъ не только рабочіе, но его получатъ всѣ лица, до высшаго техника включительно, которыя участвуютъ въ этомъ производствѣ. Обще-государственное значеніе этого дѣла такъ велико, что правительство со своей стороны сдѣлаетъ, конечно, все возможное, чтобы тѣ заключенія, къ которымъ придетъ настоящій съѣздъ мукомоловъ, получили свое осуществленіе и такимъ образомъ помогли бы разрѣшить этотъ давно назрѣвшій вопросъ.

Вопросъ о развитіи отпуска нашей муки ставится не въ первый разъ; такъ, не говоря уже о неудачныхъ попыткахъ отдѣльныхъ дѣятелей нашей мукомольной промышленности, вопросъ о расширеніи нашего мучнаго вывоза былъ обсуждаемъ неоднократно на харьковскомъ областномъ съѣздѣ въ 1886 году, а также на московскомъ всероссійскомъ съѣздѣ мукомоловъ въ 1888 году.

Пожелаемъ же теперешнему съѣзду успѣшно справиться съ возложенной на него задачей и оказать ожидаемую отъ него помощь правительству.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Шумный процессъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Палемъ и Довнаръ, какъ характеристическія особи конца вѣка.—Требованіе законнаго брака съ револьверомъ въ рукѣ.—Интимная жизнь современной любовной четы.—«Затравленный человѣкъ» на угонкахъ.—Милосердіе присяжныхъ.—Ликованіе еврейской прессы.—Кассаціонный протестъ прокурора.—Новая книга г. Ціона.

I.

Нѣсколько дней подъ рядъ (съ 14 до 18 февраля) петербургскій окружной судъ изображалъ собою какъ бы оперную залу, въ которой гастролируетъ изумительная дива-пѣвица. Кто-кто изъ любителей сильныхъ ощущеній и возбудительныхъ эффектовъ житейской любовной драмы не ломился въ двери судебной залы и не хлопоталъ всякими правдами и неправдами о полученіи пропускнаго билета? Можно смѣло сказать, что еслибы это «торжество правосудія» происходило не въ сравнительно тѣсномъ районѣ новыхъ судебныхъ мѣстъ, а въ Михайловскомъ манежѣ или даже подъ окрытымъ небомъ, на Царицыномъ лугу,—то и тогда негдѣ было бы упасть яблоку среди многочисленной толпы загипнотизированныхъ зрителей.

На судѣ фигурировали: реальная, даже черезчуръ реальная, госпожа Палемъ, еврейка-перекрестка, пылавшая огненными страстями и не задумавшаяся избрать револьверъ для обузданія своего строптиваго любовника, а возлѣ нея... «тѣнь Банко», призракъ устраненнаго ею съ житейской дороги, злосчастнаго студента-путейца Довнара. Реальная фигура очень энергически жестикулировала и даже вступала въ ратоборство

Digitized by Google

съ окружавшими ее жандармами; призрачная тѣнь, вызванная къ жизни совокупными усиліями свидѣтелей, обвинителя и защитника, невидимо трепетала въ воздухѣ подъ люстрой судебной камеры... Иногда эта тѣнь спускалась очень близко къ «подсудимой» и, охваченная ея замогильными объятіями, отъ которыхъ стынетъ кровь и сокращаются біенія самаго черствaго сердца, г-жа Палемъ впадала въ историческій трансъ.

Фабула преступленія рисовалась въ обвинительномъ актѣ нижеслѣдующими чертами. Около 11-ти часовъ вечера, 16 мая 1894 года, въ гостинницу «Европа», находящуюся на Фонтанкѣ у Чернышева моста, пришелъ студентъ института путей сообщенія и потребовалъ «комнату получше». Коридорный показалъ ему такую комнату. Оставивъ ее за собою, студентъ пошелъ за ожидавшею его на подъѣздѣ дамою, лицо которой было покрыто густою, черною вуалью. Они поужинали и заперлись въ нумерѣ, гдѣ вскорѣ все затихло. Утромъ, 17 мая, коридорный по звонку вошелъ въ нумеръ, подалъ чай по приказанію студента и, по уходѣ его, комната была вновь заперта изнутри. До часа пополудни, изъ нумера не было слышно никакого шума, а затѣмъ совершенно неожиданно раздались два выстрѣла; потомъ щелкнулъ замокъ двери и показавшаяся въ ней дама сказала: «Я совершила преступленіе и себя ранила. Скорѣе доктора и полицію. Спасите (кого? конечно, не убитаго), я доктору все объясню». Тотчасъ послѣ того, въ нумеръ прибѣжалъ буфетчикъ и, видя на полу трупъ студента, вышелъ обратно въ коридоръ, гдѣ раненую даму посадили на стулъ, причемъ она снова попросила послать за докторомъ, что и было немедленно исполнено. Когда буфетчикъ вернулся къ раненой, она опять заговорила о желаніи видѣть доктора (для спасенія собственной персоны, потому что валявшійся на полу студентъ не обнаруживалъ признаковъ жизни) и, между прочимъ, сказала: «тутъ *никто не виноватъ*; рано или поздно это должно было случиться». Когда явился докторъ Зельгеймъ, то принужденъ былъ дать больной свою визитную карточку, такъ какъ она не вѣрила, что онъ докторъ. По осмотрѣ ея раны (рана была на лѣвой сторонѣ груди) докторъ сказалъ ей, что она можетъ скоро умереть, почему, если у нея есть что нибудь на душѣ, то пусть скажетъ. Она объяснила, что родомъ изъ Симферополя и зовутъ ее *Ольгою Палемъ*, что ни

Digitized by Google

документовъ, ни денегъ она не имѣетъ и что родителямъ ея давать знать не нужно, а надо телеграфировать въ Москву, въ Лоскутную гостинницу или нѣкоему Василію Кандинскому (приближенному къ ней старичку, большому любителю женскихъ «атуровъ»), въ немедленномъ пріѣздѣ котораго она и выражаетъ увѣренность. На дальнѣйшіе вопросы Зельгейма Палемъ объяснила, что студентъ Довнаръ жилъ съ нею и оказался самымъ низкимъ, скернымъ человѣкомъ. Она *съ большимъ негодованіемъ и злостью бранила его* (т. е. бранилась надъ неостывшимъ трупомъ). Войдя въ нумеръ, докторъ увидѣлъ, что убитый Довнаръ лежитъ въ лужѣ крови, а на креслѣ возлѣ двери брошенъ револьверъ, въ которомъ было три заряженныхъ патрона и двѣ разряженныя гильзы.

При входѣ полицейскаго пристава Хоменко, Палемъ, принимая его за доктора (одного врача ей показалось мало для сохраненія своей драгоцѣнной жизни) сказала: «Слава богу, что пришелъ докторъ. Я *убила подлеца, котораго содержала*, помѣстила въ институтъ, *любила больше всего на свѣтѣ (?!) отдала ему свою честь* (sic), *свою* жизнь (убивъ *его* на повалъ!) а онъ—подлецъ». На вопросъ Хоменко, какъ это случилось, что она убила человѣка, Палемъ отвѣчала: «Я *хотѣла давно себя убить* (но, очевидно, не нашла времени и не собралась съ духомъ) да *боялась Бога* (однако, эта боязнь не остановила ее отъ другаго, предательскаго, убійства) и надѣялась на *исправленіе Довнара*» (т. е. надѣялась «окрутить» его вынужденнымъ бракомъ). Помощникъ пристава Пестовъ отвезъ Палемъ въ Маріинскую больницу. Ходившая за Палемъ, сестра милосердія *ни разу не слыхала, чтобы Палемъ выражала раскаяніе въ убійствѣ Довнара*. «При этомъ она выражала убѣжденіе, что *за убійство такого негодяя знакомые съ уваженіемъ пожмутъ ей руку*».

Въ своихъ дальнѣйшихъ показаніяхъ, которыя она—по замѣчанію обвинительнаго, акта—часто измѣняла, Палемъ изложила финальный актъ своей драмы въ такой, очевидно ретушеванной въ ея пользу, якобы трогательной формѣ. Утромъ, за чаемъ, въ день катастрофы, Довнаръ будто бы издѣвался надъ нею (свидѣтелей, однако, тутъ не было и это показаніе надо ужъ принимать bona fide... ради прежней безупречной жизни дѣвицы Палемъ) и требовалъ, чтобы она одна уѣхала;

Digitized by Google

она стала на колѣни и начала молиться; онъ же сказалъ (сказалъ ли, полно?) что отъ такой дряни Богъ молитвъ не принимаетъ. Собираясь уходить, она просила Довнара помочь ей надѣть кофточку, но онъ отвѣчалъ, что надо позвать кого нибудь для этого. Тогда она вынула револьверъ и сказала, что застрѣлится на его глазахъ. *Отвернувшись и отойдя къ окну* (т. е. совсѣмъ не предвидя подлости предательскаго выстрѣла) онъ отвѣтилъ: «только безъ трагедій; я не хочу смотрѣть», причемъ назвалъ ее (будто бы) такимъ словомъ, котораго она не можетъ ни произнести, ни написать... Кровь бросилась ей въ голову, она протянула руку и выстрѣлила (не въ себя, конечно) а затѣмъ (уже *затѣмъ*!) обратнымъ судорожнымъ движеніемъ руки выстрѣлила и въ себя. *Ей кажется* (но это только казалось ей), *что во время выстрѣла она была у двери, далеко отъ Довнара*, стоявшаго у окна. «*Хотя она и убила Довнара, но не считаетъ этого преступленіемъ*, такъ какъ онъ самъ довелъ ее до этого».

Послѣдняя часть показаній Палемъ опровергнута была уже при самомъ осмотрѣ трупа убитаго. Установлено, что рана нанесена сзади въ затылокъ на довольно близкомъ разстояніи, приблизительно *на одинъ вершокъ отъ головы*, а никакъ не съ противоположнаго конца комнаты. Пламенно молясь христіанскому Богу, ревностная прозелитка сообразила однако, что на вершковомъ разстояніи и «пуля-дура» вѣрнѣе найдетъ свою жертву... Думать надобно, что, не смотря на всю ея набожность, въ мозгу у Палемъ промелькнуло въ данную минуту не евангельское изреченіе о любви къ ближнимъ, а завѣты талмуда и шулханъ-аруха, обзывающихъ христіанина «*скотскимъ сѣменемъ*», котораго «*не слѣдуетъ щадить*», и помѣщающихъ его, въ зоологической лѣствицѣ, *ниже осла и собаки*...

II.

Судебное слѣдствіе весьма тщательно, даже слишкомъ тщательно произведенное,—съ загроможденіемъ его мелочами, въ ущербъ главнымъ моментамъ дѣла,—а также и свидѣтельскія показанія не оставили камня на камнѣ и въ другихъ утвержденіяхъ Ольги Палемъ. Оказалось, что всѣ ея розсказни Довнару знатномъ происхожденіи, о «царской роскоши»,

Digitized by Google

въ которой она жила въ дѣтствѣ, сводятся къ очень скромной еврейской родословной и почти нищенской обстановкѣ нуждающейся семьи. Чтобы поправить свои дѣлишки, Ольга Палемъ приняла христіанство, выискавъ себѣ богатаго крестнаго отца, затѣмъ пустилась «въ карьеръ съ мѣста», избравъ для своихъ любовныхъ ласкъ другаго, тоже богатаго старичка, который, однако, не имѣлъ терпѣнія прожить съ ней долѣе 2-хъ лѣтъ. По его словамъ, она «была очень нервна; съ ней случались галлюцинаціи», и свидѣтель пришелъ къ заключенію, что «Палемъ—психопатка, *жить съ которою вредно*»; поэтому онъ далъ ей 1800 рублей (отступнаго) и разошелся. Онъ, однако, и послѣ этого не переставалъ «помогать» ей, когда она обращалась къ нему за субсидіей: эти пособія могутъ быть опредѣлены въ 500—600 рублей въ годъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать психопатическое состояніе, въ которомъ, по мнѣнію г. Кандинскаго, пребывала Ольга Палемъ. По крайней мѣрѣ, *вызванный защитой* (г. Коробчевскимъ) экспертъ докторъ Руковичъ разъяснилъ суду весьма обстоятельно, что «Палемъ, при всей своей нервности, *психически совершенно здорова, со здоровымъ мозгомъ и сильною волею*. Свойственная ей нервность, расположеніе къ неврастеніи и истеріи *не мѣшаютъ ей быть женщиной совершено нормальной. Главный признакъ всѣхъ психически-ненормальныхъ людей—слабость воли—у Палемъ совершенно отсутствуетъ*». Защитникъ и такъ, и сякъ сворачивалъ на судѣ упрямаго эксперта съ этого вполнѣ категоричнаго объясненія не въ пользу Палемъ, но г. Руковичъ такъ и остался при своей экспертизѣ, не уступивъ изъ нея ни одного слова на руку защитѣ.

Связь съ Кандинскимъ была «первымъ полетомъ» только что оперившейся пѣвчей птички. Вслѣдъ затѣмъ, началось ея круженіе по одесскимъ бульварамъ, гдѣ—по показанію подпоручика Занфирова—*ее постоянно можно было встрѣтить въ увеселительныхъ заведеніяхъ*, шикарно одѣтою на кокотскій пошибъ. Въ ея біографіи проходитъ цѣлый рядъ поручиковъ и подпоручиковъ разнаго оружія, несомнѣнно пользовавшихся ея благосклонностью. Словомъ, лѣтъ за пять до встрѣчи съ Довнаромъ въ той же Одессѣ, дѣвица Палемъ обладала уже настолько сложившимся характеромъ и пользовалась такою со-

Digitized by Google

лидною репутаціей... въ кокотской средѣ, что не Довнаръ на нее, а она на Довнара—юношу моложе ея чуть не на десять лѣтъ—должна была производить угнетающее, роковое впечатлѣніе. Довнаръ не безъ основанія говорилъ объ ней одному изъ своихъ товарищей: «эта жидовка способна лишь на кляузы, комедіи, притворство и ложь». Она и была, дѣйствительно, femme-chien въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ типъ выработался въ людныхъ западно-европейскихъ центрахъ и, съ благословенія еврейской прессы, успѣшно распространяется въ нашихъ палестинахъ. У этихъ женщинъ «конца вѣка», прежде всего, нѣтъ сердца; а взамѣнъ его имѣется только одна разнузданная, культивированная «на потребителя», чувственность; на этой чувственности, въ соединеніи съ животнымъ лукавствомъ и безграничнымъ эгоизмомъ, femme-chien и строитъ обыкновенно свои матримоніальные разсчеты на довѣрчивую молодежь. Опытнаго, дошлаго старичка, конечно, не такъ легко провести, какъ добродушнаго юношу, на глазахъ котораго можно продолжать связь со старыми любовниками, выискивать новыхъ, прыгать къ нимъ на колѣни даже въ его присутствіи—и все таки толковать о силѣ своей преданности, о «любви по гробъ» и пр., и пр. Полуграмотная, неразвитая, испорченная до мозга костей, обладающая притомъ красивою внѣшностью, Палемъ задумала «приворожить» злосчастнаго юнца и волей-неволей женить его на себѣ, вопреки желаніямъ матери, наперекоръ совѣтамъ всѣхъ добрыхъ товарищей. У Довнара лежалъ въ одесской конторѣ государственнаго банка приличный капиталецъ около 15,000 р., дававшій ежегодно до 900 р. процентовъ; юноша слушалъ лекціи въ институтѣ путей сообщенія и въ нѣсколько лѣтъ могъ очутиться гдѣ нибудь «на постройкѣ» желѣзной дорогѣ—да развѣ же это не «блестящая» партія для безвѣстной симферопольской еврейки, прожившей свое дѣтство и отрочество въ нищетѣ и лохмотьяхъ жидовскаго гетто? Палемъ отреклась, формально и «для приличу», отъ роднаго ей жидовства, но весь нравственный складъ, весь хищническій атавизмъ, выработанный вѣками талмудической мудрости, вся лютость въ обдираніи «гоя»—остались у нея въ полной неприкосновенности. Можно ли было хитроумной рыбачкѣ упустить такого карася, наивно заплывшаго въ ея сѣти?

И вотъ, съ переѣздомъ любящей четы изъ Одессы въ Пе-

Digitized by Google

тербургъ (въ 1891 г.) пошла у Палемъ правильная охота на Довнара. Хозяинъ меблированныхъ комнатъ, Аничковъ, у котораго Довнаръ жилъ передъ смертью уже на холостомъ положеніи, разойдясь съ опостылѣвшей ему женщиной, выслушалъ тамъ цѣлую ламентацію Палемъ о томъ, что она наложитъ на себя руки, если Довнаръ не женится на ней, видѣлъ ея истерику и даже отпаивалъ ее холодной водою. Но бывалаго человѣка не обманула эта комедія. Все поведеніе Палемъ и ея слова показались ему «неестественными» и онъ «вынесъ убѣжденіе, что *Довнаръ нуженъ ей не какъ человѣкъ, а какъ имя для замужней женщины*». Въ разговорахъ съ товарищами Довнара, дѣвица Палемъ была гораздо откровеннѣе и «естественнѣе», и прямо сказала г. Милицеру, что она ненавидитъ своего любовника, что ей нужна только его фамилія, а вовсе не онъ самъ. «*Пусть женится на мнѣ*—рѣшила она въ заключеніе бесѣды—*а потомъ убирается къ чорту*»!

Преслѣдуя свою завѣтную цѣль съ чисто жидовскою наглостью, Палемъ травитъ Довнара, какъ зайца на угонкахъ; она устраиваетъ побоища въ его квартирѣ, перестрѣливаясь съ нимъ графинами, стаканами и другою домашнею утварью; скачетъ за нимъ съ одной станціи на другую; осаждаетъ его начальство (доходя даже до министра путей сообщенія) своими кляузными требованіями—побудить его къ женитьбѣ на обольщенной дѣвицѣ (это она-то обольщенная!) угрожаетъ вмѣшательствомъ въ ея личную исторію какихъ-то знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. Въ числѣ вліятельныхъ лицъ, она тревожитъ и начальника петербургской сыскной полиціи, донося ему на одного изъ товарищей Довнара, что сей человѣкъ—политически-неблагонадеженъ, что онъ ненавидитъ Россію и нашего государя... все потому, что отговариваетъ ея любовника вступить въ законный бракъ съ преданною интересамъ Россіи еврейкою Палемъ. Этотъ вредный человѣкъ сбиваетъ-де съ толку Довнара, который можетъ измѣнить разомъ... и Россіи, и своей нареченной невѣстѣ. Любопытна эта черта еврейскаго атавизма, твердо усвоившаго себѣ общій принципъ: «всѣ средства хороши для достиженія цѣли», — т. е. для истребленія ненавистнаго гоя. Если гоя можно объѣхать на патріотическомъ конькѣ, пусть идетъ въ дѣло этотъ конекъ; если можно повредить ему извѣтомъ въ космополитизмѣ или соціализмѣ, пусть вы-

Digitized by Google

двигается противъ него эта батарея; если же, наоборотъ, уронъ можетъ быть нанесенъ ему либеральнымъ намекомъ на его квасной патріотизмъ и ретроградное направленіе,—пусть расплачивается гой за свой заскорузлый обскурантизмъ. Все это дѣлается примѣнительно къ тому лицу, которое будетъ разсматривать еврейскій извѣтъ.

Но, какъ ни старалась femme-chien очернить живаго и мертваго Довнара, какія неожиданныя мины ни подводила подъ него, свидѣтельскія показанія клонятся, по большей части, въ его пользу, а вовсе не въ похвалу самой клеветницы. Одинъ изъ служащихъ по вѣдомству путей сообщенія, которому приходилось разбираться въ домашнихъ исторіяхъ этой любовной четы, прямо показалъ, что злосчастный Довнаръ имѣлъ видъ «затравленнаго человѣка», другой (правитель канцеляріи института) свидѣтельствуетъ, что при объясненіи, происходившемъ въ его присутствіи между Довнаромъ и Палемъ, онъ «*удивлялся сдержанности и покладистости характера Довнара*; *Палемъ же была дерзка*, бранила не только его, но и его мать, такъ что Довнаръ нѣсколько разъ хотѣлъ уйти, но свидѣтель удерживалъ его, а Палемъ просилъ быть скромнѣе».

Когда Довнаръ заболѣлъ тифомъ и его отправили въ Александровскую больницу, Палемъ не оставляла его въ покоѣ и тамъ, проявляя свой «строптивый, отчаянный характеръ». Съ крикомъ и гикомъ врывалась она къ больному, крича: «ты все таки будешь моимъ»! «не дамъ я тебя»! и пр., пока, наконецъ, не запретили ей входа въ больницу. Съ нѣсколькихъ квартиръ Довнаръ долженъ былъ съѣхать, благодаря скандаламъ, которые устраивала его сожительница,—и только путемъ жалобы петербургскому градоначальнику избавился онъ отъ горькой доли такого насильственнаго сожительства съ «оболщенною» имъ дѣвицей. Даже вѣрная горничная Палемъ, Даша, не рѣшилась сказать, что виновникомъ этихъ скандаловъ былъ Довнаръ, и даже она не отвергала того факта, что къ «оболщенной», еще въ то время, когда она изображала вѣрную жену, хаживали «иногда молодые люди»... едва ли для однѣхъ душеспасительныхъ бесѣдъ.

Digitized by Google

III.

Мы нисколько не хотимъ идеализировать личность Довнара ставить его на пьедесталъ, или—чего Боже сохрани!—указы вать на него современной молодежи, какъ на образецъ для подражанія. Въ такіе образцы Довнаръ, конечно, не годится ни одной стороной своего, довольно мелкаго, нравственнаго существа. Оба они—и Довнаръ, и Палемъ—до нѣкоторой сте пени стоятъ другъ друга; оба они—дѣти «конца вѣка»; оба— люди практики и, кромѣ своей «карьеры» въ томъ видѣ, как они ее понимаютъ, ни за чѣмъ другимъ и не гонятся. На этой почвѣ они и сошлись; молодость и страсть еще болѣе подго товили, удобрили эту почву—и любовная интрижка завязалась сама собою, даже затянулась дольше обыкновеннаго. Почему молодому человѣку, въ ожиданіи карьеры и болѣе приличной выгодной женитьбы, не развлечься мимоходомъ съ доступной молодой и недурной собою дѣвицей? Но эту связь было легче завязать, чѣмъ расторгнуть. Палемъ заботилась, прежде всего и больше всего, о своей собственной карьерѣ, а вовсе не о житейскихъ успѣхахъ своего случайнаго сожителя; Довнару тоже не было никакого дѣла до карьеры своей временной любовницы. Двѣ карьеры, не согласованныя между собою столкнулись въ рѣзкомъ конфликтѣ—и револьверъ грубо разрѣ шилъ «домашній старый споръ», начавшійся швыряніемъ стек лянной посуды въ лицо другъ другу.

Еслибы Довнаръ былъ юношей шестидесятыхъ годовъ, еслибы онъ увлекался тѣми идеалами, надъ которыми пòходя хихи каютъ нынѣ князья Мещерскіе, то онъ, полюбивъ серьезно и искренно, такъ называемую, «падшую» дѣвушку, съумѣлъ бы или, по крайней мѣрѣ, постарался бы пробудить въ ней че ловѣческій образъ, снять съ ея души коросту житейской грязи подготовить ее къ новой—честной и трудовой—жизни. По мните ли вы, читатель, одно изъ лучшихъ стихотвореній Не красова, въ которомъ именно воспроизводится такой моментъ— любовь честнаго человѣка къ падшей женщинѣ, сохранившей и среди порока, въ своей душѣ искру божью? Какъ отнесся этотъ человѣкъ къ предмету своей любви? А вотъ какъ:

Digitized by Google

Мнѣ лучъ божественный участья
Весь темный путь твой освѣтилъ;
Я понялъ все, *дитя несчастья*,
Я все простилъ, я все забылъ.

Искупленіе совершилось. «Ломая руки», казня воспоминаніями свою «забывчивую совѣсть», сбитая съ пути женщина искренно прокляла «опутавшій» ее порокъ—и въ отвѣтъ она слышитъ великодушное отпущеніе своихъ, оплаканныхъ горькими слезами, грѣховъ. Поэтъ говоритъ ей:

Не пригрѣвай змѣи холодной
Въ своей измученной груди—
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Но для такой метаморфозы нужны, настоятельно нужны: съ одной стороны непотухшая въ грязи искра божья, а съ другой—крѣпкій идеалъ, глубокая вѣра въ людей и въ себя самого. Тотъ же Некрасовъ, освѣщая такъ симпатично фигуру молодой кающейся грѣшницы, бичуетъ съ ѣдкимъ негодованіемъ разъѣвшуюся столичную кокотку—

Что, поднявшись съ позорнаго ложа,
Разодѣнется, щоки притретъ,
И летитъ, соблазнительно лежа,
Въ щегольскомъ экипажѣ въ народъ.

Къ какому изъ этихъ двухъ типовъ ближе подходитъ Ольга Палемъ?—кажется, и разговаривать не стоитъ. Что могъ бы подѣлать съ нею самый горячій, самый вдохновенный защитникъ женскаго достоинства и женскихъ правъ, еслибы судьба зло насмѣялась надъ ними, соединивъ ихъ въ любовную пару? А Довнаръ былъ, какъ мы сказали, самый ординарный изъ ординарнѣйшихъ юношей-карьеристовъ нашего времени. Онъ, напр., знаетъ отлично, за какую выслугу получаетъ Палемъ свою пенсію отъ Кандинскаго и, если не доходитъ самъ до роли «содержанца», то во всякомъ случаѣ принимаетъ этотъ вкладъ въ домашнюю экономію, какъ нѣчто должное, непререкаемое и естественное. До поры, до времени, онъ пользуется также и другими ея услугами (кажется, она содѣйствовала опредѣленію его въ институтъ) смотритъ сквозь пальцы на ея побочныя любовныя шашни и, только ставъ на ноги, круто порываетъ съ нею...

Digitized by Google

IV.

Спора нѣтъ: Довнаръ совсѣмъ не заслуживалъ, при жизн
празднованія пятилѣтняго юбилея своего сожительства съ П
лемъ, и не заслуживаетъ теперь, по смерти, надгробнаго м
нумента по общественной подпискѣ.

Но онъ не заслуживалъ также и *смертной казни* от
руки палача... должность котораго исполнила надъ нимъ в
лонтерка-любовница.

Мнѣ кажется, что судъ присяжныхъ, оправдавъ подсуд
мую Палемъ, просто присвоилъ себѣ не принадлежащее ем
право помилованія. Что такое, какъ не помилованіе, это отп
щеніе на всѣ четыре стороны завѣдомой злостной преступн
цы, которая даже на судебномъ слѣдствіи объявляла, что он
не преступленіе совершала, а творила, въ нѣкоторомъ род
актъ правосудія? Можно было признать въ ея тяжкой вин
нѣкоторыя смягчающія обстоятельства; можно было усомнить
въ ненормальности ея умственныхъ способностей (хотя экспер
тиза, какъ мы видѣли выше, рѣшительно отвергла это пред
положеніе); можно было, наконецъ, допустить, что въ момент
совершенія убійства она дѣйствовала не предумышленно (хот
она очень внимательно и загодя выбирала револьверъ наилуч
шей системы), а подъ напоромъ мгновенной страсти:—все эт
имѣло бы какое нибудь юридическое и нравственное обосно
ваніе. Но отвергнуть очевидный фактъ преступленія, циническ
называемаго на судѣ законнымъ возмездіемъ; *покрыть невмѣняе
мостью*, т. е. по просту сказать, помиловать злодѣйку, само
вольно расправившуюся съ молодою жизнью... до чего ж
наконецъ, дойдетъ это милосердіе судей общественной совѣсти
Неужели наша «общественная совѣсть» до такой степени из
вратилась и затуманилась, что ей нипочемъ становится чело
вѣческая жизнь и она отдаетъ ее въ распоряженіе непризва
ныхъ суперъ-арбитровъ съ борку да съ сосенки? Нетруд
представить себѣ, какъ окрылитъ это помилованіе цѣлую шай
шустрыхъ евреекъ, давно уже промышлявшихъ любовнымъ шан
тажемъ, но не дерзавшихъ и помыслить о предоставленіи им
верховнаго права надъ жизнью и смертью человѣка. Еврейск
газеты уже захлебываются отъ восторга и провозглашаютъ Па

Digitized by Google

лемъ чуть не новой Іоанной д'Аркъ, поднявшей оружіе на защиту женскихъ правъ...

Впрочемъ, ликованіе это оказалось, по малой мѣрѣ, преждевременнымъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» мы прочли уже слѣдующія охлаждающія строки: «Министръ юстиціи, обративъ вниманіе на условія, при которыхъ засѣданіе с.-петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу мѣщанки Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, закончилось въ ночь на 19-ое февраля оправдательнымъ приговоромъ, *не смотря на наличность тяжкаго преступленія*, — поручилъ прокурорскому надзору озаботиться принесеніемъ на упомянутый приговоръ кассаціоннаго протеста въ правительствующій сенатъ, на разсмотрѣніе котораго *дѣло это поступитъ въ непродолжительномъ времени*».

Итакъ, кассаціонному сенату принадлежитъ послѣднее слово въ разрѣшеніи вопроса о томъ: правильно ли примѣненъ, въ данномъ случаѣ, къ Довнару законъ о смертной казни? Ждать этого слова придется, повидимому, недолго.

Когда мы кончали нашу обычную бесѣду съ читателями, въ редакцію «Наблюдателя» прислана была, при письмѣ отъ г. секретаря министра финансовъ, новая, изданная въ Парижѣ, книга небезъизвѣстнаго г. Ціона, физіолога, финансиста, бонапартиста etc.: «M. Witte et les finances russes d'aprѣs des documents officiels et inédits». Мы не успѣли еще познакомиться, достаточно близко, съ содержаніемъ этой, очевидно бьющей на европейскій скандалъ, книги; но считаемъ нужнымъ выразить теперь же наше искреннее сочувствіе новому пріему министра финансовъ—не только не скрывать отъ глазъ публики даже рѣзкую критику своихъ офиціальныхъ дѣйствій, но подвергать ее всестороннему и безпристрастному обсужденію въ прессѣ. Изъ возникшаго, этимъ путемъ, спора образованное общество можетъ само убѣдиться: на чьей сторонѣ правда и на чьей—ложь. А это убѣжденіе, свободно сложившееся, поддержитъ авторитетъ нашей финансовой политики гораздо надежнѣе, чѣмъ умышленное замалчиваніе или подавленіе мнѣній, несогласныхъ съ офиціальнымъ «курсомъ».

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Идеалисты.

Насъ было много—въ тѣ года,
Какъ, со скамьей разставшись школьной,
Вступали въ свѣтъ мы для труда
Толпой безпечной и довольной.
Клялись на жизненномъ пути
Завѣтъ добра хранить мы свято,
Борьбу съ пороками вести
И бѣдняка считать за брата...

Летѣли дни. Прошли года.
Мы испытали жизни прозу
И въ насъ суровая среда
Произвела метаморфозу.
Законы «свѣта» изуча,
Мы стали такъ практично-пошлы,
Какъ тѣ, которыхъ мы сплеча
Ругали въ пору жизни прошлой.

Одинъ изъ насъ быть братомъ мнилъ
Для бѣдныхъ, все былъ радъ отдать имъ;—
Онъ кассу ссудъ теперь открылъ...
Его фамилію съ проклятьемъ
Твердитъ бездомный бѣдный людъ.
Другой помѣшанъ былъ на чести,
А нынѣ онъ во взяткахъ лютъ,
На хлѣбномъ утвердившись мѣстѣ...

Иной отъ юности мечталъ
Быть отъ житейской грязи чистымъ,
А нынѣ славу онъ стяжалъ,
Ставъ діалектикомъ-софистомъ.

Digitized by Google

Иной являлъ при словѣ «воръ»
Всегда брезгливости гримасу,
А самъ нежданно—о, позоръ!—
Опустошилъ патрона кассу...

Но былъ одинъ. Свой идеалъ
Высоко ставилъ онъ и смѣло
Боролся съ пошлостью. Онъ палъ
Подъ гнетомъ скорбнаго удѣла.
Онъ подарилъ бы многимъ свѣтъ,
Но были дни его коротки:
Разочарованный поэтъ
Въ больницѣ умеръ отъ чахотки...

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Встарь и нынѣ.

I.

Въ дни былые—подивитесь!—
На конѣ, вооруженный,
Своенравно бравый витязь
«Умыкалъ» дѣвицу въ жены,
Умыкалъ безъ разговоровъ,
Не боясь при этомъ даже
Ни ограды, ни запоровъ,
Ни безсонной, чуткой стражи...
Съ драгоцѣнной этой ношей
Мчался онъ домой проворно,
И она женой хорошей
Становилась и покорной...
Времена былыя, гдѣ вы?
Жениховъ, гдѣ только можно,
Нынѣ сами ловятъ дѣвы,
Аттакуя ихъ безбожно!
Дѣвы нашихъ дней отвага
Замѣчательна, безспорно,
И запуганъ «онъ», бѣдняга,
Подъ вѣнецъ идетъ покорно...

II.

Всмотрясь въ характеръ нашихъ модъ,
Получишь выводъ безотрадный;
Судьба-насмѣшница даетъ
Тому примѣръ весьма наглядный.
Съ капризомъ моды незнакомъ
Былъ слабый полъ во дни Адама:
Однимъ лишь *фиговымъ листкомъ*

Digitized by Google

Тогда была прикрыта дама.
Летѣли дни. Прошли вѣка.
Одеждѣ былъ законъ положенъ,
И, вмѣсто прежняго листка,
Костюмъ у дамъ сталъ крайне сложенъ.
Но въ наши дни, быстрѣй-быстрѣй,
Идемъ назадъ мы къ чудной дали:
Полураздѣтыми, ей-ей,
Мы видимъ дамъ на каждомъ балѣ.
Все сокращаясь каждый годъ,
Костюмъ становится небрежнѣй,
И вѣрю я, что, въ свой чередъ,
Въ «листокъ» онъ обратится прежній...

Фламеръ.

Digitized by Google

Жертва судьбы.

Въ душѣ его отъ юныхъ лѣтъ
Горѣлъ огонь стяжанья:
Давно онъ сгребъ бы цѣлый свѣтъ
Въ карманъ безъ колебанья!

Къ нулю надежды сведены,
Палъ жертвой онъ обмана:
Судьба дала ему штаны
И не дала... кармана!

Графъ Лимбургскій.

Digitized by Google

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Кіева продается книга С. Ф. ГОДЛЕВСКАГО:

„ОСНОВЫ СОВРЕМЕННАГО РАЗВИТІЯ".

Цѣна 60 коп.

Въ книжномъ магазинѣ Новаго Времени и другихъ продается

НОВАЯ КНИГА:

ЗОЛОЧЕНАЯ БОГЕМА.

В. СВѢТЛОВА.

(романъ изъ петербургской жизни)

Ц. 1 р. 25 к.

Вышла и поступила въ продажу въ главныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы новая книга:

Сочиненія Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Томъ второй. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895 г. Стр. 4 + 448. Ц. 1 р. 50 к.

Складъ книги у издателя: Москва, Мясницкая ул. Тамъ же можно получить и первый томъ сочиненій того же автора. Ц. 1 р. 50 к. (число экземпляровъ ограничено).

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Изъ разсказовъ: «Концы и начала». (Тяжелая встрѣча). А. Михайлова (А. К. Шеллера)	11
II.	Два стихотворенія. А. В. Круглова	22
III.	Православная колонія въ Новомъ свѣтѣ. (По поводу столѣтія нашей американской миссіи). А. П. Липранди	23
IV.	Недостатки нашего исполнительнаго процесса. В. В. Птицына.	37
V.	Озаренное окно. Стихотвореніе К. М. Фофанова.	48
VI.	Въ паутинѣ. Землевладѣльческая эпопея. В. А. Рышкова	49
VII.	А. Г. Рубинштейнъ (1829—1894). В. С. Баскина	96
VIII.	«Не буди воспоминаній»... Стихотвореніе К. Бальмонта	123
IX.	Птенцы «дворянскихъ гнѣздъ». К. П. Медвѣдскаго.	124
X.	Венеціанки. Романъ миссъ Брэддонъ	146
XI.	Свѣту больше! Историческій романъ Д. Л. Мордовцева	182
XII.	Два сонета. Изъ Петрарки. Стихотворенія М. М. Гербановскаго.	216
XIII.	Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи. А. Н. Котельникова.	218
XIV.	Расплата. Романъ В. Свѣтлова	235
XV.	Амурскіе лихачи. (Изъ воспоминаній туриста). С. Ф. Годлевскаго	271
XVI.	Раздумье. Стихотвореніе П. Тулуба.	285
XVII.	Эпоха увлеченій. (Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца). Н. А. Попова	286
XVIII.	Наша журналистика. К—скаго	302
XIX.	Въ желѣзнодорожномъ мірѣ. (Очерки и картинки). С. Васюкова.	309
XX.	Отчаяніе. (Изъ Р. Пруца). Стихотвореніе С. Б.	320
XXI.	Господинъ министръ. Романъ Кларети	321

Современное обозрѣніе.

XXII.	Политическая хроника.	1
XXIII.	Новыя книги	12
XXIV.	Наши внутреннія дѣла	21
XXV.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	38
	2) Стихотворенія: Хмураго Барда, Фланера и Графа Лимбургскаго	50

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за ½ стр.—13 руб., и за ¼ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1895 Г., НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XIV. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XIV.

Вступивъ въ четырнадцатый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: **за годъ** безъ доставки **12** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **13** руб.; съ пересылкою внутри Россіи **14** р.; за границу—**17** руб. **За полгода**: безъ доставки—**6** руб.; съ доставкою—**6** руб. **50** коп.; съ пересылкою въ Россіи—**7** руб.; съ пересылкою за границу—**9** руб. **За три мѣсяца**: безъ доставки—**3** руб.; съ доставкою и пересылкой въ Россіи—**3** руб. **50** коп.; за границу—**5** руб.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на три мѣсяца безъ возвышенія платы, **разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ** (по мѣсяцамъ и третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, № 11 (близъ Невскаго просп.) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 IBBIV 13 040 P 2 6574
QUALITY CONTROL MARK

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google